

История реформации в Европе во времена Кальвина. Том 2 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

HISTORY
OF
THE REFORMATION IN EUROPE
IN THE TIME OF CALVIN.

BY J. H. MERLE D'AUBIGNÉ, D.D.

AUTHOR OF THE
'HISTORY OF THE REFORMATION OF THE SIXTEENTH CENTURY' ETC.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles ont passé leur temps.'

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

CALVIN.

VOL. II.

GENEVA AND FRANCE.

LONDON:
LONGMAN, GREEN, LONGMAN, ROBERTS, & GREEN.
1863.

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 2 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина. Том 2 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Дата выхода: 23 августа 2019 [Электронная книга № 60152]

Последнее обновление: 17 октября 2024

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Уилсон, Дэвид Эдвардс, Колин Белл, Крис Пинфилд и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан из изображений, щедро предоставленных интернет-архивом).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА". ТОМ 2 (ИЗ 8) ***

Примечание переписчика:

Очевидные ошибки принтера были исправлены автоматически.

Расстановка переносов была рационализирована. Сохранено непоследовательное написание (включая ударения).

Бегущие заголовки в верхней части каждой правой страницы были перемещены перед абзацами, на которые они ссылаются, и окружены знаками =равенства=.

ЛОНДОН

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ"

НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук

АВТОР "ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА" И ДР.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles out passé leur temps.

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

Кальвин.

ТОМ II.

ЖЕНЕВА и ФРАНЦИЯ.

ЛОНДОН:

ЛОНГМАН, ГРИН, LONGMAN, ROBERTS, & GREEN.

1863.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

КНИГА II.

ФРАНЦИЯ. БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА XIII.

ДЖОН КАЛЬВИН, СТУДЕНТ ОРЛЕАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

(1527-1528 гг.)

Друг Кальвина—Студенты в Орлеане—Пьер де л'Этуаль—Мнения о еретиках—Кальвина приняли в Пикардийской нации—Кальвин назначил Проктора—Процессия на Майю Флоренции—Отмечен профессорами—Его друзья в Орлеане—Даниэль и его семья—Мельхиор Вольмар—Кальвин изучает с ним греческий—Польза Церкви Божьей

Страница [1](#)

ГЛАВА XIV.

КАЛЬВИН, КОТОРОГО В ОРЛЕАНЕ УЧИЛИ О БОГЕ И ЧЕЛОВЕКЕ, НАЧИНАЕТ ЗАЩИЩАТЬ И РАСПРОСТРАНЯТЬ ВЕРУ.

(1528.)

Вольмар рассказывает ему о Германии—Орлеане в 1022 и 1528 годах—Страданиях и смирении Кальвина—О том, что привело к триумфу реформаторов—Этапы обращения Кальвина—Он не изобретает новую доктрину—Я жертвую Тебе свое сердце—Его усердие в учебе—Он заменяет Пьера де л'Этуаль—Кальвин искал Учителя—Он ищет укромное место для Учебы- Объясняет Евангелие в частных семьях—Его первое служение.

Страница [14](#)

ГЛАВА XV.

КАЛЬВИН ПРИЗВАЛ В БУРЖЕ К ЕВАНГЕЛИЧЕСКОМУ ТРУДУ.

(1528-1529 гг.)

Кальвин у постели отца - Его первое письмо—Беза прибывает в Орлеан—Кальвин едет в Бурж—Блестящие уроки Альчиати—Вольмар и Кальвин в Бурже—Вольмар призывает его к евангелическому служению—Священник и служитель—Колебания Кальвина—Он

евангелизирует—Проповедует в Линьере—Вспомнил смерть отца—Проповеди в Бурже—Суматоха

Страница [27](#)

ГЛАВА XVI.

БЕРКЕН, УЧЕНЕЙШИЙ ИЗ ДВОРЯН, МУЧЕНИК ЗА ЕВАНГЕЛИЕ.

(1529 г.)

Сожаление Маргариты—Жалобы Эразма—Заговор Сорбонны против Беркена—Подготовлено обвинительное заключение—Королева ходатайствует за него—Беркен в Консьержери—Обнаружено письмо—Он заключен в крепкую башню—Приговор—Обращение к Богу—Попытки Будея спасти его—Его Искренние призывы к Беркену—Падение и восстание Беркена—Маргарет пишет королю—Спешка судей—Шествие к костру—Беркен радуется в присутствии Смерти—Его последние минуты—Эффект на зрителей—Ропот, уловки, и Возмущение — Последствия его смерти во Франции — Гимн мучеников—Реформатор восстает из своего Пепла

Страница [41](#)

ГЛАВА XVII.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ КАЛЬВИНА В ПАРИЖЕ.

(1529 г.)

Кальвин выбирает христианскую карьеру—Его старые покровители—Проповедь Кальвина и слушатели—Решает отправиться в Париж—Средоточие света—Приглашение Коффарта—Профессор Коп отправляется к нему—Посещение женского монастыря—Конная экскурсия—Посвящает себя теологии—Выступает на тайных собраниях—Движение в *Латинском квартале*—Труды, выпущенные в обращение—Кальвин пытается вернуть Брисонне—Наполняет сосуды дорогим вином—Попытки обратить молодого повесу—Беда нападает на королевских профессоров—Смерть Кальвина Принципы Священных Писаний — малое начало великой Работы

Страница [63](#)

ГЛАВА XVIII.

ПЕЧАЛИ МАРГАРЕТ И ПРИДВОРНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА.

(1530-1531 гг.)

Маргарет способствует единству—Прогресс Реформации—Смерть ребенка королевы—Приказывает спеть *Te Deum*—Свадьба Франциска I и Элеоноры—Толпа ученых мужей—Маргарита в пустыне—Чистый и свободный источник—Смертельная болезнь Луизы Савойской—Забота и рвение Маргариты—Великолепный, но химерический проект

Страница [82](#)

ГЛАВА XIX.

ДИПЛОМАТЫ, ОТСТУПНИКИ, МУЧЕНИКИ.

(1531 г.)

Карл V обвиняет протестантов—Немецких протестантов Франциску I.—Король отправляет к ним посланника—Неблагодарность и дипломатичность посланника—Молитвенник королевы Маргариты—Проповедь Лекока перед королем—*Sursum Corda*—Беседа Лекока с королем—Падение Лекока—Фанатизм в Тулузе—Жан де Катурс находит Христа—Ужин двенадцатой ночи—Катурс арестован—Его деградация—Он спорит с монахом—Два способа реформации

Страница [93](#)

ГЛАВА XX.

ОТДЕЛЕНИЕ КАЛЬВИНА ОТ ИЕРАРХИИ: ЕГО ПЕРВАЯ РАБОТА "ЕГО ДРУЗЬЯ".

(1532.)

Даниэль пытается привязать Кальвина к Церкви—Кальвин сопротивляется искушению—Его комментарий к *милосердию* Сенеки—Его Мотивы—Его трудности и неприятности—Усердие в популяризации своей Книги—Поиски Библий Кальвином в Париже—Неудачливый *Фрондер*—Кальвин доброжелательно принимает его—Различные нападения—Лавка Ла Форж—Дю—Тийе и его неуверенность—Свидетельство, данное Кальвину—Отношения между королевой Маргаритой и Кальвином—Он отказывается поступить на службу к королеве—Руки Господа

Страница [110](#)

ГЛАВА XXI.

СМАЛЬКАЛЬДА И КАЛЕ.

(Март-октябрь 1532 г.)

Уильям дю Белле и его проекты—Лютер против войны—Союз Шмалькальде-Ассамблеи во Франкфурте и Швайнфурте—Противодействие Лютера дипломатии—Никакого пролития крови—Речь Дю Белле—Дю Белле и ландграф—Вюртембергский вопрос—Нюрнбергский мир—Великие эпохи Возрождения—Франциск I объединяется с Генрихом VIII.—Конфиденциальные переговоры в Болонье—План освобождения своего Королевства от Папы Римского—Послание Франциска Папе Римскому—Христианский мир отделится от Рима

Страница [126](#)

ГЛАВА XXII.

ПЛЕНЕННЫЙ ПРИНЦ СБЕГАЕТ ИЗ РУК ИМПЕРАТОРА.

(Осень 1532 г.)

Тревога, вызванная этой конференцией—Кристофер Вюртембергский—Его невзгоды—Император и его Двор пересекают Альпы—Бегство Кристофера—Его ищут напрасно—Требуется восстановления Вюртемберга

Страница [142](#)

ГЛАВА XXIII.

ЕВАНГЕЛИЕ ПРОПОВЕДОВАЛОСЬ В ЛУВРЕ И В СТОЛИЧНЫХ ЦЕРКВЯХ.

(Великий пост 1533 г.)

Русселя пригласили проповедовать в Церквях—Его опасения—Отказ от Сорбонны—Проповеди в Лувре—Многочисленные собрания—Последствия этих проповедей—Маргарет снова желает

открыть Церкви—В них проповедуют Куро и Берто—Суть евангельской проповеди—Ее последствия—Волнение Сорбонны—Они не будут слушать—Пикар, Зачинщик—Мятеж Беды и монахов—Взволнованный народ—Бог держит Бури в своей Руке

Страница [150](#)

ГЛАВА XXIV.

ПОРАЖЕНИЕ РИМСКОЙ ПАРТИИ В ПАРИЖЕ И КРАТКОВРЕМЕННЫЙ ТРИУМФ ЕВАНГЕЛИЯ.
(1533 г.)

Вожди двух партий заключены в тюрьму—Беда разъезжает по Парижу на своем муле—Возмущение короля—Он оскорбляет депутатов Сорбонны—Дюпра сажает Пикара в тюрьму—Вызваны священники и врачи—Франциск решает преследовать папистов—Осуждение трех вождей—Проиграно ли дело Рима?—Горе и радость—Иллюзии друзей реформы—Студент из Страсбурга—Полиция забрала четырех врачей—Вера в то, что Реформа свершилась—Сатира студентов—Их шутки над Корню—Обращение Сорбонны—Свежие плакаты—Прогресс реформы—Если Бог за нас, кто может быть против нас?—Волнение—Сидерандер у ворот Сорбонны—Желает поговорить с Будеем—Готовятся новые атаки

Страница [165](#)

ГЛАВА XXV.

БОЛОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. СОБОР И ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ.
(Зима 1532-1533 гг.)

Стороны лицом к лицу—Император требует Собора—Доводы папы против этого—Моральная инертность папства—Уловки папы—Итальянская лига—Прибывают Турнон и Грамон—Они пытаются привлечь на свою сторону Папу—Великое, но печальное дело—Екатерина Медичи—Предложение и требование Франциска I.—Радость папы—Мысли о Генрихе VIII. о предполагаемом браке—преимущества, которые можно извлечь из него

Страница [188](#)

ГЛАВА XXVI.

ИНТРИГИ КАРЛА V., ФРАНЦИСКА I. И КЛИМЕНТА VII. ВОКРУГ ЕКАТЕРИНЫ.
(Зима 1532-1533 гг.)

Сомнения, внушенные Карлом V.—Пусть потребуют полной власти—Колебания короля—Прибытие полной власти—Новые маневры императора—Его досада—Карл V. требует Генерального совета—Франциск I. предлагает Совет мирян—Важность этого Документа—Истинные евангелические соборы—Карл осуждает, а Франциск оправдывает—Секуляризация Папства—Папа подписывает Итальянскую лигу—Кардиналы требуют шляп—Досада Карла V.—Запланированное интервью короля и Папы—Бракосочетание состоится

Страница [202](#)

ГЛАВА XXVII.

БУРЯ ПРОТИВ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ И ЕЕ ЗЕРКАЛА ДУШИ.
(Лето 1533 г.)

Беспокойство и ужас ультрамонтанов—Заговор против королевы Наварры—*Зеркало грешной души*—Беда обнаруживает в нем ересь— Сообщает о нем Сорбонне—Гарантия спасения—На королеву нападают с кафедр—Ошибки монашества—*Рассказы* королевы Наварры—Поиск и изъятие *Зеркала*—Гнев монахов против королевы—Мягкость Маргариты—Комедия, разыгранная в колледже Наварры—Ярость Мегеры—Преображение королевы— Монморанси пытается погубить ее —Христиане устроили шоу

Страница [219](#)

ГЛАВА XXVIII.

ТРИУМФ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ.

(Осень 1533 г.)

Монморанси—Настоятель Иссудена—Полиция в колледже—Арест директора и актеров—Решение Сорбонны передано ректору—Речь ректора Копы—Сорбонна дезавуирует Акт—Речь Ле Клерка—Университет приносит извинения—Движение за реформы во Франции—Известные люди—Новые нападения

Страница [236](#)

ГЛАВА XXIX.

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ, ОТДАННАЯ ФРАНЦИИ.

(Октябрь 1533 г.)

О браке объявлено кардиналам—Уловки империалистов, чтобы предотвратить это—Швейцарцы—Мавры—Папа решает уехать—Екатерина на кораблях Франции—Папа отплывает во Францию—Различные чувства—Прибытие Папы в Марсель—Ночной визит короля к Папе—Смущение первого президента—Переговоры между королем и Папой—Буллы против еретиков—Свадьба—Радость Екатерины—Что приносит Екатерина—Здоровье папы ухудшается—Современный Янус

Страница [247](#)

ГЛАВА XXX.

ОБРАЩЕНИЕ РЕКТОРА К ПАРИЖСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ.

(Ноябрь 1533 г.)

Кальвин и Коп делят работу—Инаугурационное заседание Университета в 1533 году—Обращение Кальвина—Воля Божья проявлена—Эффект Обращения—Возмущение Сорбонны—Единая Вселенская Церковь—Университет разделен—Интерес королевы—Кальвин вызван королевой—Никто не остановит обновление Церкви—Ректор направляется в парламент — Остановлен посыльным—Бегство полицейского—Приказ арестовать Кальвина—Его умоляют бежать—Бегство Кальвина—Маскировка—Вероятность истории—Скрывается—Многие Евангелисты покидают Париж — Прощание Маргарет

Страница [264](#)

ГЛАВА XXXI.

СОВЕЩАНИЕ И СОЮЗ МЕЖДУ ФРАНЦИСКОМ I. И ФИЛИППОМ Гессенским В БАР-ЛЕ-ДЮКЕ.

(Зима 1533-1534 гг.)

Кристофер обращается к Франциску — Объединится ли король с протестантами?—Дю Белле убеждает его—Дю Белле проезжает через Швейцарию—Его речь в Австрии—Друзья Кристофера—Дю Белле умоляет за него—Его угрозы—Французский посланник торжествует—Проекты ландграфа—Лютер выступает против них—Разговор между Лютером и Меланхтоном—Их усилия с ландграфом—Конференция между ландграфом и королем—Филипп и Франциск приходят к взаимопониманию— Франциск просит за Меланхтона—Подписанный договор—Противоречия у Франциска I

Страница [285](#)

ГЛАВА XXXII.

ТРИУМФ И МУЧЕНИЧЕСТВО.

(Зима 1533-1534 гг.)

Церкви Парижа закрыты из—за Евангелия—Частные собрания—Разогнаны Мореном—Новое нападение на филологический факультет—Лютеранам угрожают костром—триста евангелистов отправлены в тюрьму—Спор между Бедой и Русселем—Книга Беды выводит из себя короля—Маргарита заступает за евангелистов—Они освобождены—Александр в Женеве и Брессе—Он проповедует в Лионе—Его активность и благоразумие—Считается, что он обладает сатанинскими силами—Маргарет в Париже—Население мешает Русселю проповедовать—Александр проповедует в Лион на Пасху—Схвачен и приговорен к смерти—Путешествие из Лиона в Париж—Предстает перед парламентом—Подвергнут пыткам—Священническая деградация—Мученичество-Свидетельство, данное Александру

Страница [303](#)

ГЛАВА XXXIII.

ВЮРТЕМБЕРГ, ОТДАННЫЙ ПРОТЕСТАНТИЗМУ КОРОЛЕМ ФРАНЦИИ.

(Весна 1534 г.)

Интервью Дю Белле и Буцера—Готовится великое слияние —Франциск I. помогает ему—Его надежды—Страхи и предсказания в Германии—Австрия обращается за помощью к Папе Римскому—Интервью Санчеса Клименту VII.—Последствия светской власти—Ландграф продвигается со своей армией—Беда Меланхтона—Победа ландграфа—Ужас в Риме—Радость в Лувре—Вюртемберг возвращен своим князьям—Религиозная свобода, установленная Договором—Присоединение к Реформе

Страница [326](#)

ГЛАВА XXXIV.

ЗАСЕДАНИЕ В ЛУВРЕ ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ИСТИНЫ И КАТОЛИЦИЗМА.

(Лето 1534 г.)

Студентка Нисмеса прибывает в Виттемберг—Письмо Меланхтона Маргарите—Разговор Маргарет с Бадуэлем—Франциск I. отправляет Челиуса в Германию—Страдания Меланхтона—Челиуса приняли с радостью—Рвение Меланхтона—Разные мнения о Союзе—Одобрение и искренность Буцера—Воспоминания трех врачей—Заседание в Лувре—Буцер и Меланхтон осуждают пороки папизма—Умеренность—У Церкви должно быть правительство—Один

Понтифик—Оправдание и месса—Таинства —Протест против злоупотреблений —Молитва Меланхтона

Страница [342](#)

ГЛАВА XXXV.

ПРИЗРАК В ОРЛЕАНЕ.

(Лето 1534 г.)

Смерть ректора Орлеана—Ректор и монахи—Мечь, придуманная Кордельерами—Первое появление Призрака—Второе появление—Ректора пытаются за ее лютеранство—Расследование чиновника—Ученики в Часовне—Ректор обращается к королю—Арест монахов—Их везут в Париж—Послушница признается в Уловке—Осуждение—Конец дела

Страница [361](#)

ГЛАВА XXXVI.

ФРАНЦИСК I. ПРЕДЛАГАЕТ РЕФОРМИРОВАТЬ СОРБОННУ.

(Осень 1534 г.)

Франциск признает свои ошибки в религии—Обещает помощь немецким протестантам—Французское издание статей, направленных в Рим и Сорбонну—Тревога Сорбонны—Французский дух—Дискуссия между министрами короля и Сорбонной—Епископы и римский понтифик—Безразличные вопросы—Молитвы Святым и дни святых—Массовики—Восстановление Вечери Господней—Общение со Христом по вере—Пресуществление и монастыри—Собрание мирян и богословов—Опасность католицизма—Англия и Франция—Новые усилия Сорбонны—Стоит ли королям опасаться протестантизма?—Беспокойство друзей Кальвина —Опасности этих Примирений —Событие, которое вот-вот изменит Положение вещей

Страница [375](#)

КНИГА III.

ПАДЕНИЕ КНЯЗЯ-ЕПИСКОПА И ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЗАЧАТКИ В ЖЕНЕВЕ.

ГЛАВА I.

ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ, СРЕДНИЕ ВЕКА.

(1526 г.)

Кризис—Средства спасения—Народы, оказавшиеся за бортом—Новое положение Женевы—Замки и соседние сеньоры—Понверре против Швейцарского альянса—Джентльмены на Большой дороге—Насилие и презрение—Сарказмы и угрозы—Женевцы при оружии—Умеренность женецев по отношению к нелояльным—Миссия Фавра в Берне—Осуждение Картелье—Прощение епископом—Нерешительность и страх епископа

Страница [397](#)

ГЛАВА II.

ЕВАНГЕЛИЕ В ЖЕНЕВЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА.

(январь-июнь 1527 г.)

Миряне и духовенство —Советник Аб Хофен, друг Цвингле в Женеве —Его христианские беседы—Священники—Политики—Поддержка Цвингле—Он подбадривает Аб Хофена—Оппозиция и уныние—Отъезд, смерть и влияние Аб Хофена—Разграбление Рима—Последствия этой катастрофы—Женевцы сравнивают Папу и своего епископа—Союз веры и морали

Страница [412](#)

ГЛАВА III.

ЕПИСКОП ЦЕПЛЯЕТСЯ ЗА ЖЕНЕВУ, НО КАНОНИКИ ОТСТУПАЮТ.

(Лето 1527 года.)

Епископ желает вступить в союз со швейцарцами—Швейцарцы отказываются—Заговор герцога против епископа—План герцога—Подготовка и предупреждение—Епископ сбегает—Провал заговора—Террор епископа—Гугеноты хотят избавиться от Каноников—Епископ сажает каноников в тюрьму—Епископ желает стать гражданином—Синдики призывают к мирским трибуналам—Епископ дарует им—Радость граждан—Прерогативы епископа поставлены под сомнение—Раздражение герцога—Посланник герцога освобождает каноников—Они покидают Женеву—Различные мнения о их Уход

Страница [425](#)

ГЛАВА IV.

КНЯЗЬ-ЕПИСКОП БЕЖИТ ИЗ ЖЕНЕВЫ.

(Июль и август 1527 г.)

Епископы и простолюдины —Жалобы на священников—Молодая женщина, похищенная епископом—Люди вынуждают его восстановить ее—Право на сопротивление—Ссоры двух Сторон—Угрозы герцога—Опасения епископа—Он решает покинуть Женеву—Его ночной побег—Он прибывает в Сен—Клод—Хьюз возвращается в безопасности-Наемник покидает свою Паству

Страница [443](#)

ГЛАВА V.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ В ЖЕНЕВЕ И ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ ПАПСТВА.

(Август 1527 - февраль 1528 гг.)

Герцог пытается заполучить епископа—Образовано государство Женева—Герцогский герб падает в Женеве—Женева отлучена от церкви—Женева запрещает Папские буллы—Похоронная процессия папства—Жалобы священников—Попытка лишить Бонивара собора Святого Виктора—Бонивар об отлучении от церкви—Герцог претендует на авторитет в вопросах веры—Решительный ответ женевцев—Каноникам сделан резкий выговор герцогом—Намерения Карла

Страница [456](#)

ГЛАВА VI.

РЫЦАРИ ЛОЖНОЙ ЛИГИ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ЖЕНЕВЫ В ЗАМКЕ БУРСИНЕЛЬ.

(Март 1528 г.)

Жалобы Бонивара на Женеву—Некоторые гугеноты идут в собор Святого Виктора—Обращение Бонивара к ним—В этом можно найти недостатки—Гугеноты едят мясо в Великий пост—Встреча в Бурсинель—Понверре и Ложке—Братство Ложки—Тревога в Женеве—Права принцев и подданных—Бонивар защищает Картины—Савояры берут замок—Бонивару не удастся вернуть его—Распространение Евангелия в Женеве—Герцог и епископ помирились—Город смотрит на епископа как на врага Враг

Страница [469](#)

ГЛАВА VII.

ИНТРИГИ ГЕРЦОГА И ЕПИСКОПА.

(Весна и лето 1528 г.)

Епископ желает вывести Преступную администрацию из—под контроля Синдиков—Благородный ответ женевцев—Раздражение епископа—Его яростный прием женевского посланника—Спокойствие женевцев—Герцог созывает Синод—Речь епископа Гаццини—Холодность швейцарцев—Герцогские интриги в монастырях—Орден Ключей-Синдики в Доминиканском монастыре

Страница [484](#)

ГЛАВА VIII.

СМЕРТЬ ПОНВЕРРЕ.

(октябрь 1528 - январь 1529 гг.)

Понверре грабит Бонивара—Созывает Братство в Ньоне—Дерзость Понверре при проезде через Женеву—Конференция в замке Ньон—Принятые там резолюции—Понверре желает захватить Женеву путем предательства—Снова пытается проехать через Женеву—Его дерзость, Шутки женевцев—Борьба на мосту через Рону—Понверре бежит—Последняя схватка и смерть—Акт Божественного Правосудия—Ему воздаются Почести—Буйство знати возрастает—Смелое предприятие Луллина и Ванделя—Распятый женевец—Ночь в Страстной четверг — День Лестниц

Страница [495](#)

ГЛАВА IX.

РЕФОРМАЦИЯ НАЧИНАЕТ БРОДИТЬ В ЖЕНЕВЕ, А ОППОЗИЦИЯ - ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ.

(Апрель 1529 - январь 1530 гг.)

Беспорядки и суеверия в Женеве—Речь о телах святых в Сен—Жерве—Души из чистилища на кладбище—Протест в Сен—Жерве—Негативная реформа—Представления епископа—Женевцы верят в Бога—Кантоны охлаждаются к Женеве—Швейцарцы предлагают расторгнуть Союз—Энергичный отказ женевцев—Они склоняются к Реформе—Гаццини просит аудиенции у Папы Римского—Его речь о Женеве и Савоие—Ответ Папы Римского—Письмо Карла V. женевцам—Император и Папа объединяются против Женевы

Страница [513](#)

ГЛАВА X.

РАЗЛИЧНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЖЕНЕВЕ И ВТОРОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ БОНИВАРА.

(Март - май 1530 г.)

Прокуратор-Жалобы фискалов в Совет—Осуждение лютеран и нечистых на руку священников—Строительство стены Сен—Жерве—Беседа швейцарских евангелистов—Вандель желает видеть проповедника в церкви Святого Виктора—Бонивар требует свои Доходы—Его трудное положение—Герцог жаждет церкви Святого Виктора—Бонивар навещает свою больную мать—Враги Бонивара в Женеве—Он едет во Фрибург—Решает отказаться от своего Монастыря—Бельгард приветствует Бониварда—Бонивар и его Проводник в Джорате— Он предательски арестован —Бонивар в Шильоне-Его будущее

Страница [529](#)

ГЛАВА XI.

АТАКА 1530 ГОДА.

(Август, сентябрь, октябрь.)

Арест финансового Мандоллы—Епископ принимает его сторону—Ускоряет свои планы против Женевы—Обращение епископа к рыцарям—Он дает им инструкции относительно войны—Крестовый поход для поддержания Святой Веры—Пленники в замках—Проекты в Аугсбурге и Гексе—Де ла Сарраз во главе рыцарей—Войска идут на Женеву—Планы врага—С Фрибургским герольдом жестоко обращаются—Савойская армия занимает пригороды—Подготовка к штурму—Император получает сведения о войне—Армия отступает—В чем причина?—Милость Божья—прибывают 15 000 швейцарцев—Военные разногласия—Сожжение монастыря Бель Рив—Добрые католики расквартированы в Сент—Клер—Месса в Сент—Клер; Проповеди в Сен—Пьере- Взятые и сожженные замки-Преданность монахинь Сент-Клер-Перемирие Святого Джулиана

Страница [547](#)

ГЛАВА XII.

ЖЕНЕВА, ОТВОЕВАННАЯ ЕПИСКОПОМ И ПРОБУЖДЕННАЯ ЕВАНГЕЛИЕМ.

(Ноябрь 1530 - октябрь 1531 гг.)

Письмо императора женевам — Их ответ—Новое вооружение герцога—Решение Пайернского сейма—Помилование и паломничество в Сент—Клер—Паломники отправлены обратно —Новое помилование; Свобода вероисповедания—Трапезы паломников и сарказмы женевцев—Ангелы защищают Сент—Клер—Помилование, за которым следует пробуждение—*Де Кристо медитари*—Фарель наблюдает за Женевой—Понимает ее нужды—Желает отправить Туссена в Женеву—Он уклоняется от борьбы—Молитва Цвингля; Опасения женевцев— Проверка Подозреваемые -Фрибург и Берн - Союзники двух Партий в Каппеле

Страница [573](#)

ГЛАВА XIII.

ОПАСНОСТИ, КОТОРЫМ ПОДВЕРГАЕТ ЖЕНЕВУ ПОРАЖЕНИЕ ПРИ КАППЕЛЕ.

(Октябрь 1531 -январь 1532 гг.)

Женева атакована, потому что избрана Богом—Поражение Каппеля—Триумф романистов—Берн отворачивается от Женевы—Герцог и его армия приближаются—Ответ Женевы Берну—Семь черных рыцарей без голов—Бог готовит Женеву испытаниями—Последствия, вызванные внутренним злом извне—Швейцарские патриции желают расторгнуть Международный договор—Женева обращается к народу Берна—Великие Соборы за Женеву—Отставка и смерть Хьюза

Страница [591](#)

ГЛАВА XIV.

ИМПЕРАТОР И ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

(Весна 1532 г.)

Император желает отдать Женеву сыну герцога—Рвение герцога, твердость женевцев—Две сферы христианства—Недостаточность негативного протестантизма—Оливетан в Доме Шотемпа—Его благочестие, Рвение и мужество—Беседы и проповеди—Речь Оливетана—Судья—Плотские люди—Интеллектуальные люди—Искушение кровью—Дух Иисуса Христа—Первопроходец—Работа Оливетана

Страница [603](#)

ГЛАВА XV.

ПРОЩЕНИЕ РИМА И ПРОЩЕНИЕ НЕБЕС.

(Июнь и июль 1532 г.)

Римские юбилеи—Брожение в Женеве—Власть, пожирающая все, что ей дается—Евангельское прощение всех грехов—Суматоха вокруг плакатов—Драка в городе—Католическое вмешательство во Фрибурге—Совет стремится удовлетворить—Реакция евангелистов—Приказ проповедовать без басен—Нунций и архиепископ в Шамбери—Радость евангелистов за пределами города—Небольшая паства Пайерна—Письмо любителей Святого Евангелия—Знаменосцы Евангелия Христа—Знамя, поднятое в Женеве—Женева атакована обоими Партии—Какие одержат верх?—Борьба становится ожесточеннее с каждым днем—Сильные Мира Сего уничтожаются Слабыми

Страница [615](#)

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

КНИГА II. ФРАНЦИЯ. БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВРЕМЕНА.

ГЛАВА XIII.

ДЖОН КАЛЬВИН, СТУДЕНТ ОРЛЕАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. (1527-1528)

КАЛЬВИН, которого желания его отца и его собственные убеждения побудили отказаться от карьеры священника, к которой он готовился, покинул Париж осенью 1527 года, чтобы отправиться в Орлеан и изучать юриспруденцию под руководством Пьера де л'Этуаль, который преподавал там с большим почетом. "Рейхлин, Алеандр и даже Эразм исповедовали в этом городе, - сказали его ученики. - но Звезда (Этуаль) затмевает все эти солнца". Он считался принцем французских юристов. [1]

Когда Кальвин прибыл в этот древний город, которому император Аврелиан дал его имя, он держался особняком, будучи от природы робким, и его отталкивала шумная живость студентов. И все же его любящий характер вздыхал по другу; и такого он нашел в молодом ученом Николасе Дюшемене, который готовился к профессорской должности на филологическом факультете. [2] Кальвин устремил на него наблюдательный взгляд и нашел его скромным, умеренным, совсем не восприимчивым, не принимающим никакого мнения без проверки, [3] обладающим справедливыми суждениями, крайней осмотрительностью и большой мягкостью, но также немного медлительным в движениях. Характер Дюшемена составлял разительный контраст с живостью, пылкостью, суровостью, активностью и, добавим, восприимчивостью Кальвина. И все же он чувствовал, что его привлекает мягкая натура молодого профессора, и сама разница их темпераментов придавала невыразимое очарование всему их общению. Поскольку у Дюшемена были весьма скромные средства, он принимал студентов в своем доме, как и многие горожане. Кальвин тоже попросил принять его и, таким образом, стал одним из членов его семьи. Вскоре он полюбил Дюшемена со всей энергией двадцатилетнего сердца и обрадовался, найдя в нем Маму, Оливетана и даже больше. Ему хотелось всем делиться с Николасом, постоянно беседовать с ним; и едва они расстались, как он начал страстно желать снова быть с ним. "Дорогой Дюшен! - сказал он ему, - мой друг, ты мне дороже жизни". [4] Какой бы пылкой ни была эта дружба, она не была слепой. Кэлвин, верный своему характеру, обнаружил слабое место своего друга, которому, по его мнению, не хватало энергии, и упрекнул его за это. "Берегись, - сказал он, - чтобы твоя великая скромность не переросла в праздность". [5]

=СТУДЕНТЫ В ОРЛЕАНЕ.=

Ученый из Нойона, утешенный этой благородной дружбой, начал более внимательно изучать окружавшее его университетское население. Он был удивлен, увидев толпы студентов, заполнявших улицы, которых, насколько он мог судить, совершенно не интересовала учеба. Однажды он встретил молодого лорда в обтягивающих штанах, богато расшитом камзоле, маленьком испанском плаще, бархатной шапочке и эффектном кинжале. Этот молодой джентльмен, сопровождаемый своим слугой, становился у стены, надменно вскидывал голову, бросал дерзкие взгляды по сторонам и хотел, чтобы все уступили ему дорогу. Чуть дальше показалась шумная компания, состоявшая из сыновей богатых торговцев, у которых, казалось, было не больше склонности к учебе, чем у сыновей знати, и которые отправились петь и

"веселиться" на один из многочисленных теннисных кортов, которых в городе было не менее сорока. Университет состоял из десяти *наций*, впоследствии сокращенных до четырех. Немецкая нация сочетала "живую и чарующую красоту тела" с умом, отточенным постоянными занятиями. Его библиотека называлась "обитель муз". [6]

Кэлвин представлял собой исключительную фигуру посреди окружающего его мира. Его невысокая фигура и землистое лицо составляли сильный контраст с румяными чертами лица и внушительным телосложением соотечественников Лютера. Одна вещь, однако, привела его в восторг: "Университет, - сказал он, - настоящий республиканский оазис посреди порабощенной Франции". Демократический дух ощущали даже молодые аристократы, стоявшие во главе каждой нации, и единственным бесспорным авторитетом в Орлеане был авторитет Пьера де л'Этуаль.

=ЭТУАЛЬ О ЕРЕТИКАХ.=

Этот "утренняя звезда" [7] (как его называют в реестрах пикардийской нации) поднялся над туманами и сиял в школах подобно солнцу. Великий врач сочетал в себе в высшей степени рассудительный ум с нежным сердцем; он был непреклонен как судья и нежен как мать. Его манера преподавания обладала невыразимым очарованием. Будучи членом собора 1528 года, он выступал за подавление ереси; но едва он встретил Кальвина в Орлеане, как, привлеченный красотой его гения и обаянием его характера, нежно полюбил его. Несмотря на то, что он был против религиозных взглядов молодого человека, он гордился тем, что тот был его учеником, и был его другом до последнего: таким образом, в шестнадцатом веке он подал трогательный пример той благородной христианской справедливости, которая любит людей, не одобряя их мнения. [8]

Кальвин, сидя на одной из школьных скамеек, внимательно слушал великого доктора и усвоил определенные принципы, справедливость которых в то время никто во всем христианском мире и не думал оспаривать. "Процветание наций, - сказал Пьер де л'Этуаль, - зависит от соблюдения законов. Если они наказывают за посягательства на права человека, то тем более они должны наказывать за посягательства на права Бога. Что! должен ли закон защищать человека в его теле и имуществе, а не в его душе и его самом драгоценном и вечном наследии?... Вор не сможет отнять у нас наши кошельки, но еретик может лишить нас рая!" Юристы и студенты, дворяне и простые люди - все были убеждены, что закон должен в равной степени гарантировать мирские и духовные блага. "Те бесчувственные и разъяренные люди, - гласил кодекс, который Пьер де л'Этуаль разъяснял своим ученикам, - которые провозглашают еретические и позорные мнения и отвергают апостольское и евангельское учение об Отце, Сыне и Святом Духе в едином Божестве и единой святой Троице, должны быть сначала преданы божественному возмездию, а затем подвергнуты телесному наказанию. [9] Разве это не *публичное преступление*? - добавлял кодекс. - и хотя оно совершается против религии Бога, не наносит ли оно ущерба всему человечеству?" [10]

Юные слушатели Пьера де л'Этуаль получили от этих слов те глубокие впечатления, которые, будучи произведенными в период формирования характера, рассчитаны на всю жизнь. Разуму человека требовалось время, чтобы избавиться от этих юридических предрассудков, которые были универсальным законом разума более тысячи лет. [11] Можно ли было ожидать, что молодой ученик, восстающий против самых почтенных учителей, будет проводить различие между мирской и духовной сферами, между старой и новой экономикой и настаивать на том,

что, поскольку благодать была провозглашена в силу великой жертвы, принесенной во имя вечной справедливости, то, чтобы человек мстил за закон Божий суровыми наказаниями, противоречит Евангелию Христа? Нет: в течение шестнадцатого и даже семнадцатого веков почти все просвещенные умы оставались в этом отношении погрязшими в прискорбных заблуждениях.

Кальвин, поначалу застенчивый и робкий, постепенно пришел в себя; за ним ухаживали, и он охотно беседовал со всеми. Его приняли в народ Пикардии. "Я клянусь, - сказал он, - беречь честь университета и моей нации". [12] Тем не менее, он не позволял себе быть связанным университетским духом: у него был более широкий ум, чем у его сокурсников, и мы находим его в отношениях с людьми всех наций, к которым его влекла общая привязанность и учеба. Этуаль давал свои уроки в монастыре Бонн-Нувель. Кэлвин молча слушал слова учителя, но в перерывах между уроками он разговаривал со своими товарищами, входил и выходил или расхаживал взад-вперед по коридору, как остальные. Однажды, подойдя к одной из колонн, он достал нож и вырезал букву "С", затем "А", и, наконец, там стояло слово "Кальвин", как сообщает нам историк университета. Возможно, это было *Кавин*, имя его отца, или же *Кальвин*, потому что студенты любили латинизировать свои имена. Лишь некоторое время спустя, когда латинское слово было повторно переведено на французский, Реформатор носил более знакомое имя. Этот *Кальвин* долго оставался на колонне там, где его вырезала рука молодого Пикара, — название ссор и дискуссий, оскорбляемое набожными, но уважаемое многими. "Этот драгоценный автограф исчез, - говорит историк, - вместе с последними остатками здания". [13]

=КАЛЬВИН, ГЛАВА НАЦИИ ПИКАРДОВ.=

Пикарды, гордясь таким коллегой, возвели его на самый высокий пост в стране — проктора. Таким образом, Кальвин был в первых рядах на публичных шествиях и ассамблеях университета. Он должен был созывать собрания, проверять, отдавать приказы, принимать решения, исполнять и подписывать дипломы. Вместо того чтобы собрать своих *подданных* на веселый банкет, Кальвин, пораженный беспорядками, царившими на этих праздничных собраниях, выплатил казначею сумму, которую он бы потратил, и подарил книги университетской библиотеке. [14] Вскоре его должность вынудила его проявить ту твердость характера, которая отличала его всю жизнь. Этот доселе неизвестный инцидент достоин того, чтобы его зафиксировали.

Каждый год, в годовщину обретения тела святого Фирмена, жители маленького городка Божанси, близ Орлеана, появлялись в церкви Сен-Пьер и после прочтения послания вручали проктору пикардийской нации золотую монету, называемую *майей де Флоренс*, весом в две кроны. [15] "Происхождение этого древнего обычая, - сказали они Кальвину, - было таково. 13 января 687 года, когда тело святого Фирмина мученика было торжественно эксгумировано, в природе произошла чудесная перемена. Деревья распустили свежие листья и соцветия, и в то же время воздух наполнился сверхъестественным ароматом. Симон, лорд Божанси, страдавший проказой, подошел к окну своего замка, чтобы понаблюдать за церемонией, и сладкий аромат вернул ему здоровье. В знак своей благодарности он назначил ежегодное пожертвование в виде золотой *почты*, выплачиваемой сначала амьенскому капитулу, а затем студентам Пикарда, воплощенным в их нации в Орлеане". [16]

Кальвин, который обвиняет "старые безумства и бессмыслицу, которыми люди заменяют славу Иисуса Христа", не слишком верил в это чудо. Однако, поскольку дань не была выплачена в

1527 году, он решил пойти со своим "народом" и потребовать ее. Он собрал своих сокурсников и, поставив музыкальный оркестр и бидлов впереди, возглавил процессию; все его "подданные" последовали за ним шеренгой, и в должное время радостная толпа прибыла в Божанси, где в его руки была вложена *кольчуга*. На лицевой стороне было изображение Иоанна Крестителя, а на оборотной - лилия со словом *Флоренция*. Ученики Пикарда были удовлетворены и во главе со своим прославленным вождем продолжили путь в Орлеан, с триумфом вернув золотую *кольчугу*, как в былые времена Ясон и аргонавты вернулись из Колхиды с золотым руном. Процессия вернулась в город под крики университета. Кальвину предстояло в один день отнять у *дракона* еще более великолепное сокровище, а более многочисленным народам предстояло выразить свою радость более громкими криками радости. [17]

=УЧЕБА И ДРУЗЬЯ КЭЛВИНА.=

Хотя Кальвин не хотел расставаться со своими сокурсниками, он часто страдал среди этой шумной и распутной толпы и с отвращением отворачивался от дуэлей, интриг и излишеств, которые заполняли так много места в студенческой жизни. Он предпочитал учебу и всем сердцем посвятил себя юриспруденции. [18] Живость его ума, сила его памяти, замечательный стиль, в который он облакал уроки своих учителей, легкость, с которой он подхватывал определенные выражения, определенные предложения, слетавшие с их уст, "зарождения и вспышки яркого ума, которые он время от времени проявлял", — все это, по словам историка римско-католической церкви, вскоре сделало его известным среди профессоров. [19]

Но ему было суждено найти нечто лучшее на берегах Луары: работа, начатая в Париже, должна была быть усилена и развита в Орлеане. Кальвин, которого всегда любили те, кто его знал, приобрел множество друзей, особенно среди людей, подвергавшихся нападкам священников, чья вера была полна христианской кротости. Каждый день у него был серьезный разговор с Дюшеном. [20] Чтобы уменьшить свои расходы, он делил свою комнату с благочестивым немцем, в прошлом седым монахом, который, узнав, как сказал Лютер, что спасает не ряса святого Франциска, а кровь Иисуса Христа, сбросил свое грязное одеяние [21] и приехал во Францию. Студент Пикарда говорил с ним о Германии и Реформации; и некоторые люди думали, что именно это впервые "отвратило Кальвина от истинной веры". [22]

=ДЮШЕН, ДАНИЭЛЬ, ВОЛЬМАР.=

Рядом с домом Дюшен, где дул ветер нового учения; рядом с библиотекой, хранитель которой Филипп Лоран стал его другом: Кальвин особенно любил навещать семью адвоката, где три дружелюбные, образованные и набожные дамы позволяли ему вести приятную беседу. Это был Фрэнсис Даниэль, "человек, - говорит Беза, - который, как и Дюшен, обладал знанием истины". Он был серьезным и влиятельным человеком, обладавшим внутренним христианством и (возможно, его профессия юриста имела к этому какое-то отношение) очень консервативным складом ума, придерживавшимся как форм, так и постановлений Церкви. Кэлвин, покидая школы, библиотеку и свой кабинет, обычно искал отдыха в этом доме. Общество образованных и благочестивых женщин, возможно, оказало на его ум благоприятное влияние, которого он тщетно искал бы в обществе ученых. И соответственно, всякий раз, когда он был в отъезде, он не забывал о матери, жене и сестре своего друга Фрэнсис. [23]

В обществе этих дам он иногда встречал молодого человека, к которому не испытывал особой симпатии: он был студентом из Парижа, по фамилии Коффард, живым, деятельным, умным, но

эгоистичным. [24] Как сильно он предпочитал Даниэля, в котором нашел такой твердый ум, такую возвышенную душу и с которым вел такие полезные беседы! Два друга были согласны в одном пункте — необходимости реформирования Церкви; но вскоре они пришли к другому пункту, который позже привел к большому расхождению между ними. "Реформация, - сказал адвокат, - должна быть совершена в Церкви; мы не должны отделяться от Церкви". Общение между Кальвином и Дюшеном постепенно становилось менее частым; последний, будучи от природы довольно небрежным, не отвечал на письма своего друга. [25] Но привязанность Кальвина к Даниилу крепла до тех пор, пока реформатор оставался во Франции, и ему адресованы почти все письма, которые он написал между 1529 и 1536 годами.

Но все эти дружеские отношения не удовлетворяли Кальвина; у Даниэля, у Дюшемена, в библиотеке и везде, куда бы он ни пошел, он слышал разговоры о человеке, которого ему вскоре не терпелось узнать и который оказывал на него большее влияние, чем все остальные. Бедный молодой немец из Ротвайля по имени Мельхиор Вольмар приехал в Париж и, будучи вынужден зарабатывать на жизнь, некоторое время работал корректором в прессе. [26] Жадный до знаний юный читатель время от времени откладывал свои корректуры и проскальзывал среди студентов, столпившихся вокруг прославленных Джона Ласкариса, Будея и Лефевра. В школе последнего он стал искренним христианином; в школе первого - великим эллинистом. Когда он получил степень магистра вместе с сотней других, он занял первое место. Однажды (находясь в Германии), чтобы произнести речь на своем родном языке, Вольмар попросил разрешения говорить по-гречески, потому что, по его словам, этот язык ему более знаком. Его пригласили в Орлеан преподавать греческий; и, будучи бедным, несмотря на свою ученость, он взял в свой дом небольшое количество маленьких детей из хорошей семьи. "Он был моим верным наставником, - говорит один из них, Теодор Беза. - С каким изумительным мастерством он давал уроки не только свободных искусств, но и благочестия!" [27] Ученики называли его не Мельхиор, а Мелиор (лучший).

=ИЗУЧЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА.=

Кальвин, чью возвышенную душу привлекало все прекрасное, привязался к этому выдающемуся профессору. Отец отправил его изучать гражданское право, но Вольмар "убедил его посвятить себя изучению греческих классиков". Сначала Кальвин колебался, но в конце концов уступил. "Я буду изучать греческий, - сказал он, - но поскольку это вы меня уговариваете, вы также должны помочь мне". Мельхиор ответил, что готов полностью посвятить ему не только свое обучение, но и свою личность, свою жизнь, самого себя. [28] С этого времени Кальвин добился самых быстрых успехов в греческой литературе. Профессор любил его больше всех своих учеников. [29] Таким образом, он оказался в состоянии стать самым выдающимся комментатором Священного Писания. "Его знание греческого, - добавляет Беза, - оказало большую услугу всей Церкви Божьей". То, чем Кордье был для него в отношении латыни, Вольмар был для грека.

[1] 'Jurisconsultorum Gallorum princeps.'—Bezæ *Vita Calvini*.

[2] 'Jam dedisti nomen inter rei litterariæ professores.'—Calvinus Chemino, Berne MSS. Это письмо можно найти в "*Письмах Джона Кальвина*", опубликованных на английском языке в Филадельфии ученым доктором Жюлем Бонне, которому я обязан передачей латинских рукописей.

- [3] 'In ea natus es dexteritate, quæ nihil imprudenter præjudicare solet.'—Calvinus Chemino.
- [4] Моя любовь! amice mi! mea vita charior!'—Calvinus Chemino.
- [5] 'Vide ne desidem te faciat tuus pudor!'—Ibid.
- [6] Le Maire, *Antiquités d'Orléans*, i. p. 388.—*Theod. Beza von Baum*, i. p. 27.
- [7] 'Ille quasi stella matutina in medio nebulæ et quasi sol refulgens emicuit.'—Bimbenet, *Histoire de l'Université des Lois d'Orléans*, p. 357.
- [8] Там же. стр. 354-357.
- [9] 'Hæretici divina primum vindicta, post etiam ... ultione plectendi.'—*Justiniani Codicis* lib. i. tit. i.: *De summa Trinitate, et ut nemo de ea publice contradicere audeat*.
- [10] 'Publicum crimen, quia quod in religionem divinam committitur in omnium fertur injuriam.'—Ibid. tit. v.: *De Hæreticis*.
- [11] Кодекс Юстиниана датируется 529 годом н.э., всего за тысячу лет до того, как Кальвин изучал его; но большая часть содержащихся в нем законов была более древней.
- [12] Бимбенет, *История. de l'Univ. des Lois d'Orléans*, p. 30.
- [13] Бимбенет, *История. de l'Univ. d'Orléans*, p. 358. В настоящее время префектура занимает место Бон-Нуviel.
- [14] Там же. стр. 40, 41, 51, 52, 358.
- [15] Этот конверт, вероятно, был золотым флорином Флоренции. *Джильо фиорентино* - символ этого города, а Иоанн Креститель - его покровитель.
- 'La lega suggellata del Batista,'
- говорит Данте в "Аде", xxx. 74.
- [16] М. Бимбене, главный грэффье Орлеанского императорского двора, излагает эту традицию в своей *Истории. de l'Univ. d'Orléans*, pp. 161, 162, 179-358.
- [17] *Ист. de l'Univ. d'Orléans*, pp. 173, 176, 179.
- [18] 'Ut patris voluntati obsequer, fidelem operam impendere conatus sum.'—Calv. *in Psalm*.
- [19] 'Singularem ingenii alacritatem,' &c.—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, liv. vii. ch. ix.
- [20] 'Longa consuetudine diuturnoque usu.'—*Bezæ Vita Calvini*.
- [21] 'Läusige Kappe.'
- [22] *Remarques sur la Vie de Calvin, Hérésiarque*, by J. Desmay, vicar-general, p. 43.
- [23] 'Saluta matrem, uxorem, sororem Franciscam.'—Calvinus Danieli, Berne MSS.
- [24] 'De Coiffartio quid aliud dicam, nisi hominem esse sibi natum?'—Calvinus Danieli, Geneva MSS.

[25] *Письма Кальвина*, Филадельфия, i, стр. 32.

[26] Wolmar, *Commentaire sur l'Iliade*.

[27] Beza, *Vie de Calvin et Histoire des Eglises Réformées*, i. p. 67.

[28] 'Quam liberaliter paratus fueris te mihi officiaque tua impendere.'—Calv. in 2^{am} Ep. ad Cor.

[29] 'Præ cæteris discipulis diligere ac magnifacere eum cœpit.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, liv. vii. ch. ix.

ГЛАВА XIV.

КАЛЬВИН УЧИЛ В ОРЛЕАНЕ БОГУ И ЧЕЛОВЕКУ; НАЧИНАЕТ ЗАЩИЩАТЬ И РАСПРОСТРАНЯТЬ ВЕРУ.

(1528.)

КАЛЬВИНУ предстояло получить от Вольмара нечто большее; он собирался начать под его руководством дело всей своей жизни — учиться Христу и учить его. Знаний, которые он приобрел в Орлеанском университете, философии, юриспруденции и даже греческого языка, ему было недостаточно. Нравственная способность является первой в человеке и должна быть первой и в университете. Целью Реформации было основание не интеллектуальной, а моральной империи; это было восстановление святости Церкви. Эта империя зародилась в Кальвине; его совесть была взбудоражена; он искал спасения и нашел его; но ему были нужны знания, возрастание благодати, жизненная практика, и он собирался стремиться к этому.

=ВОЛЬМАР И КАЛЬВИН ИЗУЧАЮТ ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛОВ.=

Мельхиор, подобно Меланхтону, посвятил себя изучению Священного Писания на языках оригинала и в них нашел свет и покой. Кальвин, со своей стороны, "приобретя некоторый вкус к истинному благочестию", как он сообщает нам, "горел большим желанием продвинуться". [30] Между профессором и ученым установились самые интимные отношения доверия и самое свободное общение. Мельхиор беседовал с Кальвином о Германии и Реформации; он читал с ним Греческий Завет, изложил перед ним провозглашенные в нем богатства Христа и, изучая Послания святого Павла, объяснил ему доктрину вмененной праведности, которая составляет суть их учения. Кальвин, сидя в кабинете своего учителя, молча слушал и с уважением воспринял эту тайну, столь странную и в то же время столь глубоко гармонирующую с праведностью Божьей!... "Верую, - сказал Вольмар, - человек соединяется со Христом, а Христос с ним, так что Бог видит в грешнике больше не человека, а самого своего нежно любимого Сына; и действие, в силу которого Бог делает грешника наследником небес, не является произвольным. Доктрина оправдания, - добавил Вольмар, - по мнению Лютера, является основной доктриной, *articulus stantis vel cadentis Ecclesiæ*." [31]

Но главным учителем Кальвина был Бог. В Орлеане у него было больше тех трудностей, которые часто затягиваются у сильных натур. Некоторые принимают его просто за метафизического мыслителя, образованного и тонкого богослова; напротив, ни один другой врач не имел

большого опыта в тех бурях, которые будоражат сердце до самых его глубин. - Я чувствую, что суд Божий уколол меня за живое. Я нахожусь в постоянном сражении; на меня нападают и сотрясают, как когда сильный удар заставляет вооруженного человека отступить на несколько шагов назад". Свет, который так радовал его, когда он учился в парижском колледже, казалось, почти померк. "Я подобен несчастному человеку, запертому в глубокой темнице, который получает дневной свет косо и частично, только через высокое и узкое отверстие-петлю". Однако он упорствовал; он устремил свой взор на Иисуса и вскоре смог сказать: "Если у меня и нет полного и свободного зрения солнца, тем не менее я различаю его свет издалика и наслаждаюсь его яркостью". [32]

Люди в Орлеане вскоре обнаружили, что в этом молодом человеке есть что-то новое и странное. Именно в этом городе, в 1022 году, среди руководителей очень известной в то время теологической школы началось, если можно так выразиться, возрождение нового времени. Священники и каноники говорили людям, которые слушали их, как в Орлеане, так и в соседних городах, "что они должны быть наполнены даром Святого Духа; что этот Дух откроет им всю глубину и все достоинство Священных Писаний; [33] что они будут насыщены небесной пищей и освежены внутренней полнотой". [34]

Эти *еретики* были казнены в орлеане. Будут ли они замечены вновь, спустя более чем пять столетий, в городе и даже в университете? Многие врачи и студенты выступали против Кальвина: "Вы раскольник", - говорили они; "вы отделяетесь от Церкви!" Кальвин, встревоженный этими обвинениями, был жертвой новых страданий.

=СТРАДАНИЕ И СМирЕНИЕ КАЛЬВИНА.=

Затем, как он сообщает нам, он начал размышлять над Псалмами, и в подвигах Давида он нашел свой собственный образ: "Ах! - воскликнул он. - Святой Дух воплотил здесь в жизнь все боли, горести, страхи, сомнения, надежды, тревоги, недоумения и даже смутные эмоции, которыми обычно взволнован мой разум.... Эта книга представляет собой анатомию всех частей души.... В человеке нет такой привязанности, которая не была бы здесь представлена как в зеркале". [35]

Этот человек, которого римские и другие легенды описывают как тщеславного, гордого и бесчувственного, желал видеть себя таким, какой он есть, не скрывая ни одного из своих недостатков. "Из множества немощей, которым мы подвержены, - сказал он, - и из множества пороков, которыми мы полны, ни один не должен быть скрыт. Ах! воистину, это превосходное и исключительное приобретение, когда все тайники раскрыты, а сердце вынесено на свет и тщательно очищено от всякого лицемерия и скверной заразы". [36]

Таковы принципы, благодаря которым восторжествовала Реформация. Ее великие органы желали, чтобы сердца людей были "очищены от всякой скверны". Это странное заблуждение тех авторов, которые, видя вещи иначе, чем они есть на самом деле, приписывают это божественное произведение низменным интересам и низменным страстям. По их мнению, его причинами были зависть монахов-августинцев, честолюбие принцев, жадность знати и плотские страсти священников, которые, однако, как мы видели, имели слишком свободный простор в средние века. Проницательный взгляд в души Реформаторов обнажает перед нами причину возрождения. Если авторы, о которых я говорил, были правы, то Реформации не следовало ждать своего завершения до Лютера; ибо в христианском мире веками

существовали амбициозные принцы, жадные дворяне, ревнивые монахи и нечистые на руку священники. Но что было действительно новым, так это найти людей, которые, подобно реформаторам, открыли свои сердца свету Святого Духа, уверовали в Слово Божье, нашли Иисуса Христа, считали все по сравнению с ним потерей, жили жизнью Бога и желали, чтобы "все тайники были открыты", а сердца людей очистились от всякого лицемерия. Таковы были истинные источники Реформации.

Противники Евангелия понимали опасность, которой подвергалась Римская церковь из-за принципов, исповедуемых Кальвином; и поэтому они называли его нечестивым и нечестивым и, как он говорит, "обрушили на его голову целый мир оскорблений". Они сказали, что его следует изгнать из Церкви. Тогда ученик, "поверженный, но не уничтоженный", удаляясь в свою комнату, восклицал: "Если я воюю с такими учителями, то я, однако, не воюю с твоей Церковью, о Боже! Почему я должен колебаться, стоит ли отделяться от этих лжеучителей, которых апостолы называют твоими врагами? [37] ... Будучи прокляты неправедными священниками своего времени, разве твои пророки не оставались в истинном единстве с твоими детьми? Воодушевленный их примером, я буду сопротивляться тем, кто нас угнетает, и ни их угрозы, ни их доносы не поколеблют меня". [38]

=ЭТАПЫ ОБРАЩЕНИЯ КАЛЬВИНА.=

Обращение Кальвина, начатое в Париже, завершилось в Орлеане. Как мы уже говорили, в этой работе есть несколько этапов. Первый - это процесс совести, когда пробуждается душа; второй - процесс понимания, когда просвещается разум; затем следует последний, когда создается новый человек, когда он пускает более глубокие корни во Христе и приносит плод Богу. В Париже Кальвин услышал в своем сердце божественный голос, призывающий его к вечной жизни; в Орлеане он постоянно изучал Священное Писание, [39] и стал "сведущим в познании спасения", как говорит нам Теодор Беза. Сама Церковь прошла через аналогичные фазы: первая эпоха ее истории, эпоха апостольских отцов, [40] была эпохой простого благочестия без научного элемента; вторая, эпоха апологетов, была эпохой христианского понимания, стремящегося оправдать свою веру в глазах разума. Кальвин шел по этому пути, но он не уступил интеллектуализму, который вернул бы смерть в его сердце. Напротив, третья фаза началась немедленно, и изо дня в день христианская жизнь становилась в нем все более духовной и активной.

Обращение Кальвина и других реформаторов — мы должны настаивать на этом — было не просто изменением, вызванным изучением их мыслей и их системы. Кальвин не ставил перед собой задачу изобрести новую теологию, как утверждали его противники. Мы не находим его холодно размышляющим о Церкви, с любопытством изучающим Священное Писание и ищущим в нем средство отделить часть христианского мира от Рима. Реформация не была плодом абстрактного мышления; оно исходило от внутренней трудовой, духовной борьбе, победу на которых реформаторы победили в поте лица, или, скорее ... их сердца. Вместо того чтобы сочинять свою доктрину главу за главой, Кальвин, жаждущий праведности и мира, нашел их во Христе. "Помещенные как бы в горнило Бога (это его собственные слова), отбросы его веры были таким образом очищены". Кальвин был брошен в горнило, и новая истина вышла наружу, горящая и сияющая, как золото, в муках его расплавленной души. Чтобы постичь творения природы или искусства, мы должны внимательно изучить секреты их формирования. Ранее мы пытались обнаружить порождающий принцип Реформации в сердце Лютера; теперь

мы стремимся разглядеть его и в Кальвине. Убеждения, привязанности, интеллект, активность — все это находилось теперь в процессе формирования в этом замечательном гении под живительными лучами истины.

= "Я ПРИНОШУ ТЕБЕ В ЖЕРТВУ СВОЕ СЕРДЦЕ".=

Наступил момент, когда Кальвин, желая обладать только Богом, отрекся от мира, который с тех пор никогда не переставал ненавидеть его: "Я не подал на тебя в суд из-за моей любви, о Христос, - сказал он; - ты возлюбил меня по своей свободной воле. Ты озарил мою душу, и тогда все, что ослепляло мои глаза ложным блеском, немедленно исчезло, или, по крайней мере, я не придаю этому значения. Как те, кто путешествует по морю, когда они находят свой корабль в опасности, выбрасывают все за борт, чтобы, облегчив судно, они могли благополучно прибыть в порт; точно так же я предпочитаю быть лишенным всего, что у меня есть, нежели быть лишенным тебя. Я предпочел бы жить бедно и несчастно чем утонуть со своим богатством. Бросив свое добро в волны, я начинаю надеяться на спасение, поскольку судно облегчено.... Я прихожу к тебе нагой и пустой.... И то, что я нахожу в тебе, - это не пустяковая пошлая выгода: я нахожу в тебе все". [41]

Таким образом, воздев руки к Богу, Кальвин принес в жертву сердце, горящее любовью. Он сделал эту великую мысль хартией своего дворянства, своим гербом и, выгравировав этот рисунок на своей печати — руке, изображающей сердце в качестве жертвы, — написал вокруг нее: *Cor meum velut mactatum Domino in sacrificium offero*- "О Господь, я приношу тебе в жертву мое сердце, принесенное в жертву тебе". Таков был его девиз - такова была его жизнь.

Взгляды многих уже начали обращаться на него с восхищением. Удивительная ясность его ума, могучие убеждения его сердца, энергия его возрожденной воли, сила его рассуждений, яркие вспышки его гения и суровая красота его красноречия — все свидетельствовало о том, что он один из великих людей своего времени. "Удивительный ум! - говорит Флоримон де Ремон, один из его главных противников. - ум в высшей степени острый и утонченный, стремительный и внезапный в своем воображении! Каким бы достойным похвалы человеком он был, если бы, отбросив пороки (ересь), можно было сохранить только добродетели!" [42] Несомненно, Кальвину чего-то недоставало: возможно, у него не было того улыбчивого воображения, которое в возрасте, которого он сейчас достиг, обычно украшает жизнь самыми яркими красками; мир представлялся ему одним сплошным кораблекрушением. Но, обладая орлиным взглядом, он обнаружил избавление в будущем, и его могущественная рука, укрепленная Богом, была готова подготовить великие преобразования Церкви и мира.

Он был неутомим в труде. Когда день подошел к концу и его товарищи предались разгулу или сну, Кальвин, ограничившись легкой трапезой из опасения, что у него заболит голова, удалился в свою комнату и сел изучать Священные Писания. В полночь он погасил свою лампу, [43] а ранним утром, проснувшись, перед тем как встать с постели, он, по словам Безы, "размышлял" о том, что прочитал и чему научился прошлой ночью. [44] "Мы были его друзьями, мы делили с ним комнату", - сказали информаторы Теодора Безы. "Мы рассказываем вам только то, что видели". "Увы! — добавляет реформатор, - "эти долгие бдения, которые так чудесно развили его способности и обогатили его память, ослабили его здоровье и положили начало тем страданиям и частым болезням, которые сократили его дни". [45]

=КАЛЬВИН ИСКАЛ УЧИТЕЛЯ.=

Его пристрастие к Священному Писанию не отвлекло Кальвина от изучения права. Он не желал, чтобы труды его профессии хоть в какой-то степени страдали от трудов благочестия. Он добился таких замечательных успехов в юриспруденции, что вскоре и студенты, и профессора стали смотреть на него как на мастера, а не как на ученого. [46] Однажды Пьер де л'Этуаль попросил его дать урок вместо него; и молодой человек девятнадцати-двадцати лет исполнял свой долг с таким мастерством и ясностью, что считалось, что ему суждено стать величайшим юристом Франции. Профессора часто нанимали его вместо себя. [47]

К знанию он приобщился причастием. Все еще продолжая следовать урокам Этуаль, Кальвин, как он говорит нам, "искал общества верных слуг Божьих". Все дети Божьи (думал он) должны быть объединены узами братского союза. Он общался также со всеми, даже со скептиками, и если они нападали на великие доктрины евангельской истины, он защищал их. Но он не выдвигал себя вперед. Он мог различать, когда, насколько далеко и с кем целесообразно говорить, и никогда не подвергал учение Христа насмешкам неверующих по неосторожности или из-за страхов плоти. Когда он открыл рот, каждое его слово попало в цель. "Никто не может противостоять ему, - говорили они, - когда у него в руках Библия".

Студенты, которым было трудно поверить, горожане, которые не могли понять, шли и умоляли его научить их. [48] Он был смущен. "Я всего лишь бедный новобранец, - сказал он, - а вы обращаетесь ко мне, как к генералу". [49] Поскольку эти просьбы постоянно возобновлялись, Кальвин пытался найти какое-нибудь укромное место, где он мог бы читать, медитировать и молиться, никому не мешая. [50]

Когда-то это была комната друга, уголок в университетской библиотеке или какое-нибудь тенистое убежище на берегу реки. Но едва он был поглощен медитацией или изучением Священного Писания, как обнаружил, что окружен людьми, жаждущими услышать его и отказывающимися удалиться. "Увы! - воскликнул он, - все мои тайники превращены в государственные школы". [51]

Соответственно, он искал еще более уединенных мест, ибо хотел понять, прежде чем учить. Французы любят ясно видеть суть вещей; но их недостаток в этом отношении заключается в том, что они часто не вникают достаточно глубоко или не замечают, что, углубляясь, они приходят к истинам, в присутствии которых самые выдающиеся умы должны признать свою недостаточность и поверить в откровение от Бога. В средние века были люди, желавшие подвергнуть тайны католической веры испытанию разумом; [52] Абельяр был во главе этой фаланги. Кальвин не был новым Абельяром. Он не претендовал на постижение непостижимых тайн, но искал в Священном Писании свет и жизнь своей души.

=ОН ПРЕПОДАЕТ В ЧАСТНЫХ СЕМЬЯХ.=

Его поклонники вернулись к нему. Несколько жителей Орлеана открыли ему двери своих домов, сказав: "Приходите и открыто учите спасению человека". Кальвин отпрянул. "Пусть никто не потревожит мой покой, - сказал он, - оставьте меня в покое". Его покой, то есть занятия, были его единственной мыслью. Но эти души, жаждущие истины, не сдались так легко. "Покой тьмы!" - отвечали самые пылкие. "Постыдный мир! [53] Приходите и проповедуйте!" - вспомнил Кальвин высказывание св. Златоуст: "Хотя бы тысяча человек звала тебя, подумай о своей собственной слабости и повинуйся только по принуждению". [54] "Что ж, тогда мы ограничиваем тебя", - ответили его друзья. "О Боже! чего ты хочешь от меня?" - восклицал Кальвин в такие моменты.

"Почему ты преследуешь меня? Почему ты поворачиваешься и беспокоишь меня, и никогда не оставляешь меня в покое? Почему, несмотря на мой характер, ты ведешь меня к свету и вовлекаешь в игру?" [55] Однако Кальвин уступил и понял, что его долг - опубликовать Евангелие. Он ходил по домам своих друзей. Несколько мужчин, женщин и молодых людей собрались вокруг него, и он начал объяснять Священные Писания. Это был совершенно новый порядок преподавания: не было ни одного из тех различий и дедукций схоластической науки, которые в то время были так знакомы проповедникам. Язык молодого человека обладал восхитительной простотой, пронзительной жизненностью и святым величием, которые пленяли сердце. "Он учит истине, - говорили его слушатели, удаляясь, - не наигранным языком, но с такой глубиной, основательностью и весомостью, что каждый, кто его слушает, проникается восхищением". Это слова современника Кальвина, который жил на том самом месте и в том самом кругу, в котором тогда вращался Реформатор. "Находясь в Орлеане, - добавляет этот друг, Теодор Беза, - Кальвин, избранный с того времени орудием избрания в деле Господнем, чудесным образом продвинул Царство Божье во многих семьях". [56]

Таким образом, именно в Орлеане Кальвин начал свою евангелизационную деятельность и явил себя миру как христианин. Деятельность Кальвина в этом городе является доказательством того, что он тогда был обращен к Евангелию и что он был таким в течение некоторого времени; ибо он не был одной из тех экспансивных натур, которые немедленно проявляют внешне то, что у них внутри. Это первое служение реформатора опровергает гипотезы, согласно которым обращение Кальвина в Орлеане или в Бурже произошло несколько позже, или, еще позже, во время его второго пребывания в Париже.

Таким образом, молодой врач, возрастая в знаниях и действуя в любви, опроверг возражения скептиков и привел ко Христу смиренные души, жаждавшие спасения. Домашнее происшествие внезапно отвлекло его от этого благочестивого занятия.

[30] Calvin, *Préface aux Psaumes*.

[31] ("Пробный камень стоящей или падающей Церкви") "Virypс Wolmarus lutheranum Calvino instillabat".—Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, liv. vii. ch. ix.

[32] Кальвин, *Учреждение*, лив. iii. глава ii. 17-19.

[33] 'Sancti Spiritus dono repleberis, qui scripturarum omnium profunditatem ac veram dignitatem te docebit.'—Mansi, *Gesta Synodi Aurelianensis*, xix. p. 376.

[34] 'Deinde cœlesti cibo pastus, interna satietate recreatus.'—Ibid.

[35] Calvin, *Préface des Commentaires sur les Psaumes*.

[36] Там же.

[37] 'Quos pronuntiabant apostoli esse habendos pro hostibus, ab iis cur dubitassem me sejungere?'—*Opusc. Lat.* p. 124; *Franç.* p. 169.

[38] *Opuscules*.

[39] 'Interea tamen ille sacrarum litterarum studium simul diligenter excolere in quo tantum etiam promoverat.'—Bezæ *Vita Calvini*.

[40] С 70 по 130 год н. э.

[41] Кальвин, в *Ep. Johan.; Pauli ad Philip.* и с.

[42] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, liv. vii. ch. x.

[43] 'Ad mediam usque noctem lucubrare.'—*Bezæ Vita Calvini*.

[44] 'Mane vero, quæ legisset, in lecto veluti concoquere.'—*Ibid.*

[45] 'Et tandem etiam intempestivam mortem attulit.'—*Ibid.*

[46] "Опыт аудитора доктора потиускуама". — Там же.

[47] 'Quum sæpissime obiret ipsorum doctorum vices.'—*Bezæ Vita Calvini*.

[48] 'Omnes purioris doctrinæ cupidi ad me, discendi causa, ventitabant.'—*Præf. in Psalm.*

[49] 'Novitium adhuc et tyronem.'—*Ibid.*

[50] 'Tunc latebras captare.'—*Ibid.*

[51] 'Ut mihi secessus omnes instar publicæ scholæ essent.'—*Præf. in Psalm.*

[52] 'Catholicæ fidei mysteria ratione investiganda.'—*Abelard, Introd. ad Theol.* p. 1059.

[53] 'Ignobile otium colere.'—*Præf. in Psalm.*

[54] Chrysostomus, *De Sacerdotio*, lib. iv.

[55] Кальв. *Преф. в Псалме*. стр. 3.

[56] Théod. de Bèze, *Histoire des Eglises Réformées*, p. 6.

ГЛАВА XV.

КАЛЬВИН ПРИЗВАЛ В БУРЖЕ К ЕВАНГЕЛИЧЕСКОМУ ТРУДУ.

(1528-1529 гг.)

=КАЛЬВИН ПОКИДАЕТ ОРЛЕАН.=

ОДНАЖДЫ, вероятно, в начале апреля 1528 года, накануне пасхальных праздников, Кальвин получил письмо от Нойона. Он вскрыл его: в нем содержались печальные новости! его отец был серьезно болен. Он сразу же отправился к Дюшену в сильном волнении: "Я должен уехать", - сказал он. Этот друг и многие другие хотели бы оставить его там, где он стал таким полезным, но он не колебался. Он должен пойти к своему отцу; однако он останется здесь только до тех пор, пока это будет необходимо; как только больному станет лучше, он вернется. "Я обещаю тебе скоро вернуться", - сказал он Дюшену. [57] Поэтому Кальвин попрощался со своими любимыми занятиями, со своими любимыми друзьями и теми благочестивыми семьями, в которых он продвигал царство Божье, и вернулся в Пикардию.

У нас есть лишь несколько подробностей о его пребывании в Нойоне. Несомненно, его сыновнее благочестие проявилось у постели отца в том, что с полным основанием было названо самой сладкой формой благодарности. Тем не менее, слабое состояние епископального секретаря продолжалось, без каких-либо признаков неминуемой опасности. В сердце молодого человека начал зарождаться вопрос: уйти ему или остаться? [58] Иногда, когда он сидел у подушки больного во время ночных дежурств, его мысли переносились в Орлеан, к занятиям и обществу друзей; он чувствовал, что его, словно сильной рукой, тянет к местам, которые были ему так дороги, и он делал в уме все приготовления, необходимые для его возвращения. [59] ... Внезапно болезнь отца обострилась, и сын не отходил от постели страдальца. Старый секретарь, "человек с глубоким пониманием и хорошим советом", по словам Безы, пользовался большим уважением окружающих, и любовь к писателю того времени глубоко запечатлелась в душе молодого человека. "Титул отца принадлежит Богу, - сказал он. - когда Бог дает его человеку, он передает ему несколько искр своего собственного сияния". [60]

=ПЕРВОЕ ПИСЬМО КАЛЬВИНА.=

Вскоре, по-видимому, наступил кризис; врачи возлагали надежды: по их словам, пациент может поправить свое здоровье. [61] Мысли и желания Кальвина снова были обращены к Орлеану; он хотел бы отправиться туда немедленно, [62] но долг все еще был сильнее, и он решил дожидаться полного выздоровления своего отца. Так ускользал один день за другим. [63] Увы! врачи были обмануты. "Надежды на излечение больше нет", - вскоре сказали они ему; "Смерть вашего отца не за горами". [64] Поэтому Кальвин решил (14 мая 1528 г.) написать Дюшену, чего он еще не делал с момента своего отъезда. Это первое из дошедших до нас писем реформатора. "Вы знаете, - говорит он, - что я очень точен в своей переписке и что я довожу ее даже до назойливости. [65] Возможно, вы будете удивлены, что мне не хватало предельной пунктуальности; но когда вы узнаете причину, вы вернете мне свою дружбу, если бы я, возможно, утратил ее". Затем он рассказывает Дюшену о состоянии своего отца и добавляет: "Будь что будет, я увижу тебя снова". [66] Что произошло на самом деле, не очень ясно. Кальвин был в Нуайоне, как мы видели, 14 мая 1528 года; возможно, он оставался с больным все лето. Из этого письма Дюшену был сделан вывод, что Жерар Кальвин умер вскоре после 14 мая; в то время, по словам врачей, *приближение смерти* было несомненным; но врачи могут ошибаться. Согласно Теодору Безе, он умер, когда его сын жил в Бурже, девять или десять месяцев спустя, и отрывок из Кальвина, который мы процитируем далее, подтверждает свидетельство Безы, само по себе столь решающее.

Одно обстоятельство, представляющее определенный интерес, по-видимому, показывает, что Кальвина не было в Орлеане во второй половине этого года. 5 декабря 1528 года, [67] через восемь месяцев после его внезапного отъезда, в дом Мельхиора Вольмара в этом городе прибыл мальчик восьми или девяти лет. У него был болезненный вид, но он был хорошо сложенным ребенком, игривым и хорошо воспитанным, с острым взглядом и живым остроумием. Этот мальчик, который однажды стал лучшим другом Кальвина, принадлежал к бургундской семье. Его отец, Пьер де Беза, был байи из Везле, очень старого города, где ребенок родился 24 июня 1519 года, [68] и получил имя Теодор. Один из его дядей, по имени Николас, сеньор Сетте и Шалонна и член парламента, нанеся визит байи через несколько месяцев после рождения ребенка, усыновил его, будучи неженатым мужчиной, и увез в Париж, хотя его и не отнимали от груди. [69] Девять лет спустя (1528), по рекомендации орлеанца,

который был связан с Безами и входил в королевский совет, дядя отправил своего племянника в Вольмар, который был описан ему как очень сведущий в греческом и имеющий большой опыт в образовании. Ничто в биографии Кальвина, написанной Безой, не указывает на то, что последний познакомился с Кальвином в то время в Орлеане. Когда Маргарита Валуа, которая была герцогиней Беррийской, примерно в это время попыталась собрать вместе несколько благочестивых и образованных людей в своем университете в Бурже, она пригласила туда Вольмара; [70] и именно здесь юная Беза впервые увидела Кальвина.

=КАЛЬВИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В БУРЖ.=

Ученый, освобожденный очевидным восстановлением здоровья своего отца, снова обратил свои мысли к учебе. Он хотел воспользоваться наставлениями врача, репутация которого превосходила даже репутацию Пьера де л'Этуаля. Весь ученый мир в то время говорил об Альчиати из Милана, которого король пригласил в Бурж и на блестящие уроки которого академическая молодежь стекалась со всех сторон. У Кальвина были и другие мотивы для поездки в этот город. Под влиянием Маргарет Берри стал центром евангелизации. Поэтому, вернувшись в Орлеан, он объявил о своем намерении отправиться в Бурж, и профессора университета, где он учился и даже преподавал с отличием, единодушно предложили ему степень доктора. Похоже, что его скромность не позволяла ему принять это. [71]

В Бурже было меньше ресурсов, чем в Орлеане. "Поскольку мы не можем жить так, как хотим, - говорили студенты, - мы живем так, как можем". Все было дорого: одно только питание стоило сто франков в год. [72] "Франция - поистине золотая страна, - с горечью заметил один бедный ученый, - потому что без золота вы ничего не сможете получить". Но ученик-нойон мало заботился о жизненных удобствах; интеллектуальное и духовное богатство удовлетворяло его. Ему не терпелось послушать Алчиати, и он был удивлен, обнаружив в нем высокого тучного мужчину с не очень задумчивым видом. "Он большой любитель поесть, - сказал один из его соседей, - и очень жадный". [73] Интеллект и воображение, а не сентиментальность, были его отличительными чертами: он был великим юристом, а также великим поэтом. Смешивая литературу со своим объяснением законов и заменяя варварство языка элегантным стилем, он придал совершенно новый уровень изучению права. Кальвин слушал с восхищением. Пять лет спустя Альчиати вернулся в Италию, привлеченный большим вознаграждением и почестями.

Вскоре Кэлвин полностью отдался другим мыслям. При правительстве Маргариты Бурж стал центром новой доктрины во Франции; и, соответственно, он был поражен движением умов вокруг него. Повсюду, где слышались звуки Евангелия, происходили обсуждения, выступления и собрания. В воскресенье студенты и горожане собрались у двух церквей, где проповедовали Шапонно и Мишель. Кальвин пошел вместе с остальными и обнаружил, что христианская истина довольно точно изложена, "учитывая время". [74] В течение недели евангельскую истину преподавали в университете Гамер, ученый священник, и Бурнонвиль, приор святого Амвросия.

=ОБРАЩЕНИЕ ВОЛЬМАРА К КАЛЬВИНУ.=

Но ничто так не привлекало Кальвина, как дом Вольмара. Похоже, этот ученый прибыл в Бурж раньше него. [75] Именно там Кальвин познакомился с юной Безой, и тогда в сердце Теодора зародилось то сыновнее благочестие, которое продолжалось всю его жизнь, и то восхищение, о котором он впоследствии признался в одном из своих латинских стихотворений, где он называет Кальвина

Romæ ruentis terror ille maximus. [76]

И действительно, Кэлвин готовился к этому. Если Вольмар в Орлеане утвердил в нем христианскую веру, то Вольмар в Бурже был первым, кто недвусмысленно предложил ему вступить на путь реформатора. Немецкий врач передал молодому человеку книги, которые тот получил из—за Рейна, - труды Лютера, Меланхтона и других евангелистов. [77] Вольмар, скромный, мягкий и иностранец, не считал себя призванным делать во Франции то, что эти прославленные слуги Божьи делали в Германии: но он спрашивал себя, не был ли какой-нибудь француз, призванный Богом реформировать Францию; не мог ли молодой соотечественник Лефевра, соединивший в себе великое понимание с душой, столь полной энергии, быть тем человеком, для которого предназначалась эта работа.

Вольмар, по-видимому, был для Кальвина тем же, чем Штаупиц был для Лютера; оба этих врача чувствовали потребность в умах с сильным характером для великих событий, которые вот-вот должны были произойти в мире. Поэтому однажды профессор пригласил студента прогуляться с ним, и двое друзей, оставив позади старый город, сожженный Цезарем и Хильпериком, отстроенный Карлом Великим и расширенный Филиппом Августом, приблизились к берегам Орона, у его впадения в Евр, и побрели туда-сюда по плодородным равнинам Берри. [78] Наконец Вольмар сказал Кальвину: "Что ты предлагаешь делать, мой друг? Должны ли Институты, Романы, Пандекты поглотить вашу жизнь? Разве теология не царица всех наук, и разве Бог не призывает вас объяснять его Священные Писания?" [79] Какие новые идеи возникли тогда перед Кальвином! В Париже он отказался от священства, а в Бурже Вольмар призвал его к служению.... Что ему делать?

Это было совсем другое призвание. В теократической и правовой Церкви священник является средством, с помощью которого человек восстанавливается к общению с Богом. Особое священство, которым он облечен, является условием, от которого зависит сила таинств и всех средств благодати. Обладая магической силой, он творит величайшие из чудес у алтаря, и тот, кто не принимает участия в служении этого священства, не может иметь доли в искуплении. Реформация шестнадцатого века, отбросив формальную и теократическую Римскую церковь, которая была сформирована по образу иудейской теократии, и заменив ее Евангелической церковью, соответствующей принципам Христа и его апостолов, преобразовала и служение. Служение Слову стало его центром — средством, с помощью которого, с помощью Святого Духа, выполнялись все его функции. Это евангельское служение также должно было творить свои чудеса; но в то время как служение законное проистекает из таинственной добродетели священства и совершается на земных элементах, служение евангельское совершается свободно божественным Словом и сердечной верой в великую любовь Божью, которую провозглашает это служение, — странные духовные чудеса, совершаемые в душе, преобразующие человека, а не хлеб, и делающие его новым творением, предназначенным вечно пребывать с Богом.

=КЭЛВИН КОЛЕБЛЕТСЯ.=

Видел ли Кальвин в то время ясно разницу между римским священством и евангельским служением? Мы сомневаемся в этом. Только позже его идеи прояснились по этому важному вопросу. Однако идея отказаться не только от священства, но и от изучения закона ради Евангелия не была для него новой. Не раз за время своего уединения он спрашивал себя: "Не проповедовать ли мне Христа миру?" Но он всегда скромно и робко уклонялся от этого

служения. "Не все люди подходят для этого, - сказал он. - Необходимо особое призвание, и никто не должен брать его на себя опрометчиво". [80] Кальвин, как и св. Августин, древний врач, на которого он больше всего походил (за исключением неправильностей, характерных для молодости епископа Гиппонского), боялся браться за дело, превышающее его силы. Он также думал, что его отец никогда не согласится на то, чтобы он отказался от закона и присоединился к еретикам. И все же с каждым днем он чувствовал себя все более склонным обсуждать великие вопросы совести и христианской свободы, божественного суверенитета и самоотречения. "В то время мной овладело столь сильное желание продвинуться в познании Христа, - сказал он, - что я очень холодно относился к другим занятиям". [81] Вскоре произошло семейное событие, которое дало ему свободу вступить на новую карьеру, к которой его призывали Бог и Вольмар. [82]

И это был не единственный звонок, который он получил в Бурже. Вольмар рассказывал о нем, и несколько семей пригласили его к себе домой, чтобы наставить их. Это застало молодого человека врасплох, как и в Орлеане; он хранил молчание, погруженный во множество своих мыслей. "Я весьма поражен, - сказал он, - видя, что люди, стремящиеся к чистому учению, собираются вокруг меня, чтобы учиться, хотя я сам только начал учиться!" Однако он решил продолжить в Бурже евангелическую работу, которую робко начал на берегах Луары; и он уделил этой задаче больше времени и решительности.

=ПРОПОВЕДНИКИ В БЕРРИ.=

Соответственно Кальвин завязал отношения со студентами и горожанами, дворянами и юристами, священниками и профессорами. Семья Колладонов занимала в то время значительное положение в Берри. Два брата, Лео и Жермен, и две сестры, Мария и Анна, были первыми, кто принял Евангелие в Берри. Лео и Жермен были адвокатами, а одного из их двоюродных братьев звали Жермен II. в генеалогиях, которому сейчас восемнадцать лет, впоследствии он стал близким другом Кальвина в Женеве. Эти дружеские узы, вероятно, начались в Бурже. [83]

Евангелист вскоре распространил свою христианскую деятельность за пределы стен города. Многие уроженцы Берри, которые слышали его в Бурже, были очарованы его выступлениями. "Приходите и проповедуйте нам эти прекрасные слова", - сказали они. Кальвин постепенно отбросил свою природную робость и, будучи жизнерадостным и любящим пешие прогулки, посетил замки и деревни. [84] Он ласково представлялся всем домам, в которых останавливался. "Изящное приветствие, - сказал он спустя годы, - служит вступлением в беседу с людьми". [85] Он произнес несколько проповедей в этих деревнях и загородных уголках.

На берегах реки Арнон, в десяти лье от Буржа, стоит маленький городок под названием Линьер, в то время резиденция крупного лорда. [86] Каждый год некоторые монахи приходили проповедовать в приходскую церковь и были радушно приняты в замке, где они жаловались на свое убожество самым жалким тоном. Это оскорбило лорда Линьерского, который не отличался суеверным характером. "Если я не ошибаюсь, - сказал он, - эти монахи притворяются такими тяжелобольными ради собственной выгоды". [87] Испытывая отвращение к их лицемерию, г-н де Линьер умолял Кальвина прийти и проповедовать вместо них. Студент-юрист обращался к огромной толпе с такой ясностью, свободой, глубиной и жизнерадостностью, что все были тронуты. [88] "Честное слово, - сказал господин своей жене, - мне кажется, мастер Джон Кальвин проповедует лучше монахов, и он тоже с душой берется за работу". [89]

=РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БУРЖЕ.=

Когда священники увидели, что молодого евангелиста так хорошо приняли, они подняли шум и составили против него козни и сделали все, что было в их силах, чтобы посадить его в тюрьму. [90] Именно в Бурже Кальвин начал понимать, что "все среди людей полно раздражения". Он сказал: "Нападая на них, Христос трубит в трубу своим последователям, чтобы они с большей бодростью приготовились к битве". [91]

Таким образом, Кальвин трудился в городе, в деревнях и в замках, нежно беседуя с детьми, проповедуя взрослым и воспитывая героев и мучеников. Но то же самое обстоятельство, которое увезло его из Орлеана, внезапно произошло в Бурже. Однажды он получил письмо от Нуайона, написанное, вероятно, его братом Антонием. Увы! его отец был мертв! и он был далеко от него, не в состоянии оказать ему знаки внимания из своего сыновнего благочестия. "Пока он был в Бурже, умер его отец, - говорит Теодор Беза, - и он был вынужден вернуться в Нойон". [92] Смерть была очень внезапной. [93] Кальвин не колебался; он попрощался с Берри, с теми благочестивыми семьями, которые он наставлял, со своими занятиями и со своими друзьями. "Вы протянули мне руку, - сказал он Вольмару, - и были готовы поддержать меня на всем моем пути; но смерть моего отца отрывает меня от наших бесед и наших уроков". [94]

Бурж не погрузился снова во тьму после ухода Кэлвина. Почтенный врач по имени Мишель Симон, возможно, тот *Мишель*, о котором мы уже упоминали, проявил святое мужество, несмотря на свой возраст. Однажды у пелагианского кордельера (как и у всех врачей этого ордена) хватило наглости заявить, что человека может спасти только его природная сила. Саймон выступил против него и добился того, что в публичных диспутах каждое утверждение должно быть подтверждено текстом Священного Писания. Это дало новый импульс богословским исследованиям.

Жрецы пришли к взаимопониманию друг с другом и начали свои приготовления, не говоря ни слова. В следующее воскресенье Мишель Симон, взойдя на кафедру, собирался начать свою проповедь, когда кюре со своими викариями и певчими вошли на клирос и начали петь панихиду по усопшим. Невозможно было ни проповедовать, ни слушать. Разъяренные студенты ворвались на хор, разбросали книги, опрокинули кафедры и выгнали священников, которые убежали "в большом беспорядке". Симон, который оставался хозяином поля, произнес свою проповедь и, к удивлению слушателей, закончил ее повторением молитвы Господней *по-французски*, не добавив *Ave Maria*! После чего мужчина, сидевший в одной из верхних партерных парт (это был королевский проктор), встал и звучным голосом начал: *Аве Мария, благодарение....* Он не смог закончить фразу. Его прервал всеобщий крик; женщины, которые легко возбуждаются, схватили свои маленькие табуретки, столпились вокруг проктора и потрясли ими над его головой. Эти люди были католиками, испытывавшими отвращение к священникам, а не к ученикам Спасителя.

В то время как ученик Нойона посвятил себя проповеди Евангелия, чрезвычайная опасность угрожала тому, кто был его предшественником в этой работе.

[57] 'Quod tibi promiseram discedens me brevi adfuturum.'—Calvinus Chemino, May 14, 1528, Berne MS.

[58] 'Ea me expectatio diutius suspensum habuit.'—Calvinus Chemino.

- [59] 'Nam dum reditum ad vos meditor.'—Ibid.
- [60] Calvini *Opera*.
- [61] 'Sed cum medici spem facerent posse redire in prosperam valetudinem.'—Calvinus Chemino.
- [62] 'Nihil aliud visum est quam tui desiderium.'—Ibid.
- [63] 'Interim dies de die trahitur.'—Ibid.
- [64] 'Certum mortis periculum.'—Calvinus Chemino.
- [65] 'In litteris missitandis plus satis officiosum, ne dicam importunum.'—Ibid.
- [66] 'Utcunque res ceciderit, ad vos revisam.'—Ibid.
- [67] "Факт есть факт, и он первенствует до 1528 года, без декабря". — Письмо Теодора Безы Вольмару, Предисловие к *Confessio Fidei Christianæ*.
- [68] "Anno Domini 1519 умирает 24 июня, placuit Deo O. M. ut mundi lucem aspicerem". —Письмо Теодора Безы Вольмару, Предисловие к *Confessio Fidei Christianæ*.
- [69] 'Ut me quamvis adhuc a nutricis uberibus pendentem.'—Ibid.
- [70] 'Aureliæ primum, deinde Biturigibus, quum in eam urbem regina Navarræ te evocasset.'—Ibid.
- [71] 'Eique discedenti doctoratus insignia absque ullo pretio offeruntur.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- [72] *Conrad Gessner* von Hanhait, p. 22. *Theodor. Beza* von Baum, p. 12.
- [73] 'Vir fuit corpulentus, proceræ staturæ. Auri avidus habitus est et cibi avidior.'—Panzivole, *De claris Legum Interpret.* lib. ii.
- [74] Théod. de Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, p. 6.
- [75] Там же.
- [76] "Величайший ужас Рима в его упадке". —Bezæ *Icones*.
- [77] 'Libros quos e Germania acceperat, mittebat.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, ii. liv. vii.
- [78] 'Die quodam cum discipulo magister, animi gratia, deambulans.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*.
- [79] 'Ut posito Justiniani codice ad Theologiæ omnium scientiarum reginæ studium, animum applicaret.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, liv. vii. ch. ix. Флоримон Ремон был настолько враждебен Реформации, от которой он отрекся, что ему нельзя доверять, когда дело касается его предубеждений; но ему следует верить, когда его пристрастия не вводят его в заблуждение. Я не понимаю, какую цель он мог иметь, придумывая этот разговор. "Кальвинисты, чтобы отомстить за этого писателя, - говорит Морери, - попытались очернить его память". Самый разумный курс - придерживаться справедливой середины между римскими апологетами и протестантскими хулителями.
- [80] 'Non omnes esse Verbi ministerio idoneos . . . requiritur specialis vocatio.'—Calv. *Опера*.

[81] 'Tanto proficiendi studio exarsi, ut reliqua studia quamvis non abjicerem, frigidius tamen sectarer.'—Calv. *Препф.* в Псалме.

[82] 'Acriter exhortans ut de reformanda atque illustranda Dei ecclesia cogitationem ac curam serio inciperet.'—Flor. Rémond, *Histoire de l'Hérésie*.

[83] Лео Колладон умер в Женеве 31 августа 1552 года. Его сын Николас нашел убежище там в 1553 году, а в 1556 году сменил Кальвина на кафедре богословия. Жермен II, освобожденный из города в 1555 году, был составителем женевского кодекса. Galiffe, *Généalogie des Familles Genevoises*. Хааг, *Протестантская Франция*, артикул *Colladon*.

[84] Théod. de Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, p. 7.

[85] Calvin, *Commentaire sur Mathieu*, ch. x.

[86] В правление Людовика XIV. эта светлость принадлежала Кольберу.

[87] 'Contrefont les marmitons.'

[88] 'Nonnullas interdum conciones in agro Biturigum, in oppidulo quod *Linerias* vocant.'—Bezæ *Vita Calvini*.

[89] Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, p. 7.

[90] "Низрини меня из иписиса истинной карцерибус смерти отцов". —Кальвин Вольмарио, во 2-й эре от Рождества Христова в Коринфе.

[91] *Commentaire sur Mathieu*, ch. x.

[92] Théod. де Без, *Жизнь Кальвина* (французский текст), стр. 11. "В agro Biturigum ... mors patris nuntiata in patriam vocavit."—Ibid. в тексте на латинице.

[93] "Repentina mors patris", - говорит Беза. Эта *внезапная* смерть доказывает, что отец Кальвина умер не от продолжительной болезни, как утверждают некоторые, описанной в письме Дюшену.

[94] *Dédicace de la 2e aux Corinthiens*.

ГЛАВА XVI.

БЕРКЕН, УЧЕНЕЙШИЙ ИЗ ДВОРЯН, МУЧЕНИК ЗА ЕВАНГЕЛИЕ.

(1529)

КОГДА Кальвин проезжал через столицу по пути из Буржа в Нуайон по случаю смерти своего отца, он, возможно, заметил некоторое волнение среди своих знакомых. На самом деле Сорбонна наращивала свои усилия, чтобы уничтожить Беркена, которого, покинутого почти всеми, некому было поддержать, кроме Бога и королевы Наваррской.

=ПЕЧАЛИ МАРГАРЕТ.=

Маргарита, находившаяся в Сен-Жермен-ан-Лэ, почти не отдыхала. Блестящий двор Франциска I. наполнил благородный дворец своими развлечениями. Ранним утром все были на ногах; зазвучали рога, и король отправился в путь в сопровождении короля Наваррского, толпы знати, герцогини Этампской и многих других дам и присоединился к одному из тех больших охотничьих отрядов, которые он так любил. Маргарет, оставшись одна, вспомнила о своих горестях и стала искать *единственную необходимую вещь*. Ее муж иногда увлекался азартными играми, и королева умоляла Монморанси дать ему хороший совет. Генрих, который считал свою жену чересчур набожной, жаловался на это со всей порывистостью своего характера. Это было не единственным огорчением Маргарет. Сначала казалось, что ее мать принимает участие в Реформации. Однажды, в декабре 1522 года, Луиза Савойская сказала своей дочери, которая была рада это услышать: "По милости Святого Духа, мой сын и я начинаем узнавать этих лицемеров, белых, черных, серых и всех цветов кожи.... Пусть Бог по своей милости и бесконечной благодати защитит нас от них; ибо, если Иисус Христос не лжец, во всей человеческой природе нет такого опасного вывода". [95] Но эта принцесса, чья нравственность была более чем сомнительной, теперь примирилась и даже вступила в союз с этими "лицемерами черными, белыми и серыми", и король начал оказывать им свою поддержку. Таким образом, Маргарет увидела, как три объекта ее самой нежной привязанности отдаляются от Бога; и, оставаясь во дворце, пока Франциск со своими лордами и леди и своими гончими гонялся за дикими животными, она печально прогуливалась по парку, говоря себе:

Отца и матери у меня нет;

Брат и сестра —все ушли,

Спаси Бог, на которого я уповаю один,

Который правит землей со своего высокого трона.

Всех этих любимых я бы забыл;

Родители и друзья, мир, его радости,

Почести и богатство, какими бы великими они ни были,

У меня есть свои злейшие враги!

Отсюда и ваши восторги!

Чье тщеславие

Иисус Христос показал мне!

Но на Бога, только на Бога я надеюсь;

Я знаю, что он - все во всем,

Дороже мужа жене—

Мой отец, мать, друг, все для меня!

Он - моя надежда,
Местомоего упокоения,
Моя сила, мое существо и мое доверие,
Ибо он спас меня своей милостью.
Отца и матери у меня нет;
Брат и сестра — все ушли,
Спаси Бог, на которого я уповаю один,
Который правит землей со своего высокого трона. [96]

=СОРБОННА СТРОИТ КОЗНИ ПРОТИВ БЕРКЕНА.=

Пока Маргарет искала утешения в Боге, пришла поддержка, которой она не ожидала. Эразму становилось не по себе; письма, которые он получал, были полны тревожных новостей; он видел, что Франциск I, на которого он так сильно полагался, спотыкается и готов пасть. Это принесло бы победу Сорбонне. Предчувствуя, что ультрамонтанисты были отважными революционерами, готовыми пожертвовать не только литературой и Евангелием, но и самой королевской властью, он отбросил свое обычное благоразумие и решил сорвать с глаз короля пелену, скрывавшую извращенные замыслы римской партии, и показать ему заговорщиков в лице тех, кто называл себя сторонниками трона. "Эти люди, - писал он, - прикрываясь интересами веры, пускаются на всевозможные темные пути. Их единственная мысль - подчинить себе августейшие главы монархов и приостановить их власть. Подождите немного. Если князь сопротивляется им, они называют его сторонником ереси и говорят, что долг Церкви (то есть нескольких апокрифических монахов и лжеучителей) - свергнуть его с престола. Что?! неужели им будет позволено разбрасывать свои яды повсюду, а нам будет запрещено применять противоядие?" [97]

Это послание от великого литератора, который с такой пронизательностью ткнул пальцем в больное место, вскоре стало известно; и когда оно дошло до Сорбонны, врачи, встревоженные тем, что человек столь умеренный и уважаемый так смело раскрывает их секреты, не увидели иного способа спасти свое дело, кроме как нагнать страху на своих врагов. Они ничего не осмелились сделать против мудреца из Роттердама, который к тому же был вне их досягаемости; но они поклялись, что его друг Беркен заплатит за своего хозяина. Богословы Сорбонны потребовали, чтобы этот джентльмен предстал перед судом; Дюпра, Луиза Савойская и Монморанси поддержали их ходатайство. Уклониться от этого было невозможно, и двенадцать судей были назначены папой и королем. [98] Эти люди были сильно смущены, поскольку безупречная жизнь Беркена, его дружелюбный характер, неиссякаемая благотворительность и регулярное посещение богослужений снискали всеобщее уважение. Однако, поскольку первый президент Де Сельва, четвертый президент Пайо и некоторые другие были либо слабыми, либо фанатичными людьми, Сорбонна не теряла всякой надежды. Только один из двенадцати вызывал какой-либо страх: это был Уильям Будеус, названный Эразмом "вундеркиндом Франции"; просвещенный человек, который, выражая большое уважение к католической церкви, не раз предавал определенные евангелические тенденции своей жене и детям. Двенадцать судей продолжили свое расследование, не требуя, чтобы обвиняемый был

заключен в тюрьму. Беркен ходил и кончал, когда ему заблагорассудится; он беседовал с судьями и парламентом и убедил их в своей невинности. Но ужас начал парализовать слабые умы среди них; они боялись праведника; они не хотели иметь ничего общего с "такими людьми" и повернулись к нему спиной.

=МАРГАРЕТ ЗАСТУПАЕТСЯ ЗА БЕРКВИНА=

Теперь Беркен решил обратиться к королю и заручиться поддержкой Маргарет. "Ходили слухи, - говорит один из врагов Реформы, - что королева Наваррская приложила невероятные усилия, чтобы спасти тех, кто был в опасности, и что она одна предотвратила задушение Реформации в колыбели". [99] Беркен отправился во дворец и сообщил королеве об опасности. Он нашел в Маргарет сострадание, которого ему не хватало в других местах. Она знала, что мы не должны "стоять в стороне от тех, кто подвергается преследованиям за имя Христа, и не стыдились бы тех, в ком не было ничего постыдного". [100] Маргарет немедленно взяла перо и, сев за тот стол, за которым она так часто защищала в прозе и стихах дело Христа и христиан, она написала королю следующее письмо:—

"Монсеньор, несчастный Беркен, утверждающий, что Бог по вашей доброте дважды спас ему жизнь, предстает перед вами, чтобы доказать вам свою невинность, поскольку ему больше не к кому обратиться. Зная, монсеньор, с каким уважением вы к нему относитесь и с каким желанием он сейчас и всегда был служить вам, я не боюсь просить вас сжалиться над ним. Он убедит вас, что эти ищейки еретиков более клеветливы и непослушны по отношению к вам, чем ревностны к вере. Он знает, монсеньор, что вы желаете отстаивать права каждого и что справедливый человек не нуждается в защитнике в глазах вашего сострадания. По этой причине я больше ничего не скажу. Умоляя Того, кто даровал вам такие милости и добродетели, даровать вам долгую и счастливую жизнь, чтобы вы могли долго прославлять его в этом мире и вечно в мире грядущем,

"Ваша самая послушная и смиреннейшая подданная и сестра,

"Маргарет". [101]

Закончив, королева встала и отдала письмо Беркену, который немедленно попросил аудиенции у короля. Мы не знаем, как его приняли и какой эффект оказало заступничество Маргариты на Франциска. Однако, похоже, что король сказал ему несколько добрых слов. Мы знаем, по крайней мере, что Беда и Сорбонна были встревожены и что, опасаясь, что их жертва снова ускользнет от них, они усилили свои усилия и выдвигали против него одно обвинение за другим. Наконец власти уступили; полиция получила приказ избегать любых демонстраций, рассчитанных на то, чтобы встревожить его, чтобы он не сбежал к Эразму в Базель. Все их меры были приняты, и в тот момент, когда он меньше всего этого ожидал, примерно за три недели до Пасхи (в марте 1529 года), Беркен был арестован и доставлен в Консьержери.

= ОБНАРУЖЕНО ПИСЬМО БЕРКЕНА.=

Таким образом, "самый образованный из дворян", как его называли, был брошен в тюрьму вопреки воле королевы. Он печально ходил взад и вперед по своей камере, и одна мысль не давала ему покоя. Будучи схваченным совершенно неожиданно, он оставил в своей комнате в Париже некоторые книги, которые были осуждены в Риме и которые, следовательно, могли погубить его. "Увы! - воскликнул он, - они будут стоить мне серьезных хлопот!" [102] Беркен

решил обратиться к другу-христианину, которому он мог доверять, с просьбой предотвратить зло, которое он предвидел; и на следующий день после его заключения, когда слуга, имевший к нему свободный доступ и ходивший туда и обратно по делам, пришел за распоряжениями, заключенный с озабоченным и таинственным видом вручил ему письмо, которое, по его словам, имело величайшую важность. Слуга немедленно спрятал его под платьем. - На карту поставлена моя жизнь, - повторил Беркен. В этом письме, адресованном знакомому, заключенный умолял его без промедления изъять указанные ему книги и сжечь их.

Слуга, не обладавший мужеством героя, ушел, дрожа. Его волнение росло по мере продвижения, силы покидали его, и когда он пересекал мост Менаж и оказался перед образом Богородицы, известным как *la belle ymage*, бедняга, который был довольно суеверен, хотя и состоял на службе у Беркена, потерял присутствие духа и упал в обморок. "У него упало сердце, и он упал на землю, словно в обмороке", - говорит католический хронист. [103] Соседи и прохожие собрались вокруг него и подняли его. Один из этих добрых граждан, желая помочь ему, расстегнул его пальто, чтобы дать ему возможность дышать, и нашел письмо, которое было так тщательно спрятано. Мужчина вскрыл и прочел его; он был напуган и рассказал окружавшей его толпе о его содержании. Люди объявили это чудом: "Он еретик", - сказали они. "Если он упал как убитый, это наказание за его преступление; это сделала Пресвятая Богородица". — "Отдайте мне письмо, - сказал один из зрителей. - сегодня со мной обедает знаменитый врач-якобинец, который читает великопостные проповеди в церкви Святого Варфоломея. Я покажу это ему." Когда наступил час обеда, прибыла компания, приглашенная этим гражданином, и среди них был знаменитый проповедник с улицы Сен-Жак в своем белом одеянии, наплечнике и остроконечном капюшоне. Этот монах-якобинец не был праздным инквизитором. Он понял огромную важность письма и, выйдя из-за стола, поспешил с ним к Беде, который, совершенно обрадованный находкой, с готовностью представил его суду. Джентльмен-христианин был разорен. Судьи сочли письмо весьма компрометирующим. "Пусть упомянутый Берквин, - приказали они, - будет заключен в крепкую башню". Это было сделано. Беда, со своей стороны, проявил новую активность, ибо время поджимало, и необходимо было нанести решающий удар. С некоторыми порывистый синдик разговаривал мягко, с другими - громко; он прибежал к угрозам и обещаниям, и, казалось, ничто его не утомляло.

С этого часа положение Беркена казалось отчаянным. Большинство его друзей покинули его; они боялись, что вмешательство Маргарет, всегда такое могущественное, теперь окажется бесполезным. Только пленник не поддавался отчаянию. Хотя он был заперт в крепкой башне, он обладал свободой и радостью и, вознося свою душу к Богу, надеялся даже вопреки всякой надежде.

=ПРИГОВОР БЕРКЕНА.=

В пятницу, 16 апреля 1529 года, расследование было завершено, и в полдень Беркена доставили в суд. Лицо Будея было печальным и добрым; но на чертах других судей лежала печать суровости. Сердце заключенного было свободно от злобы, его руки чисты от мести, а на лице было спокойствие невинности. - Луи Беркен, - сказал председатель, - вы осуждены за принадлежность к секте Лютера и за то, что написали нечестивые книги, направленные против величия Бога и его славной матери. Посему мы приговариваем вас к публичному покаянию с непокрытой головой и зажженной свечой в руке на большом дворе нашего дворца, где вы будете просить прощения у Бога, короля и правосудия за совершенное вами преступление.

Затем вас отвезут пешком с непокрытой головой на Грев, где вы увидите, как сожгут ваши книги. Затем вас отведут к входу в церковь Нотр-Дам, где вы принесете покаяние Богу и Пресвятой Деве, его матери. После этого тебе проколют язык — это орудие несправедности, которым ты так тяжело согрешил. [104] Наконец, вы будете доставлены в тюрьму месье де Пари (епископа) и будете заперты там на всю вашу жизнь между четырьмя каменными стенами; и мы запрещаем снабжать вас книгами для чтения или пером и чернилами для письма".

Беркен, пораженный таким приговором, который Эразм называет "чудовищным" и которого благочестивый дворянин никак не ожидал, [105] сначала хранил молчание, но вскоре, вновь обретя свое обычное мужество и твердо посмотрев на своих судей, [106] он сказал: "Я обращаюсь к королю". — "Берегитесь, - ответили его судьи, - если вы не согласитесь с нашим приговором, мы найдем средства помешать вам когда-либо подавать апелляцию снова". Это было ясно. Беркена отправили обратно в тюрьму.

Маргарет начала опасаться, что ее брат откажется от поддержки евангелистов. Если бы Реформация была придворной религией, Франциск защитил бы ее; но независимый вид, который она, казалось, придавала, и, прежде всего, ее непреклонная святость, сделали ее неприятной для него. Королева Наваррская увидела, что на стороне несчастного узника нет никого, кроме Господа. Она молилась:

Только Ты, Бог, можешь сказать:

Не прикасайся к моему сыну, не лишай его жизни.

Ты можешь только протянуть свою державную руку

Чтобы отразить удар. [107]

Все указывало на то, что удар будет нанесен. Днем того самого дня, когда был вынесен приговор, Майяр, лейтенант уголовного розыска, с городскими лучниками и аркебузирами окружил Консьержери. Считалось, что настал последний час Беркена, и огромная толпа поспешила к месту казни. "Более двадцати тысяч человек пришли посмотреть на казнь", - говорится в рукописи. [108] "Они собираются отвезти одного из королевских офицеров в Грев", - сказали зрители. Майяр, оставив своих солдат при оружии, вошел в тюрьму, приказал открыть камеру мученика и сказал ему, что он пришел привести приговор в исполнение. "Я обратился к королю", - ответил арестованный. Заместитель преступника удалился. Все ожидали увидеть, что за ним следует Беркен, и все взгляды были прикованы к воротам; но никто не появился. Командующий войсками приказал им отступить; лучники отошли назад, и "огромная толпа людей, которая была вокруг здания суда и в городе, разделилась". Первый президент немедленно созвал суд, чтобы принять необходимые меры. "Мы не должны терять времени, - говорили некоторые, - потому что король уже дважды спасал его из наших рук". Неужели не осталось никакой надежды?

=БУДЕЙ ПЫТАЕТСЯ СПАСТИ БЕРКВИНА.=

В то время во Франции было два человека благороднейшего характера, оба друзья науки, вся жизнь которых была посвящена тому, чтобы поступать правильно: это были Будей на скамье подсудимых и Беркен в своей камере. Первого со вторым связывала чистейшая дружба, и он думал только о том, как спасти его. Но что он мог сделать в одиночку против парламента и

Сорбонны? Будей содрогнулся, услышав просьбу своего друга; он знал, какой опасности подвергает себя этот шаг, и поспешил в тюрьму. "Прошу вас, не подавайте апелляцию!" - сказал он. "Второй приговор готов, и он предписывает предать вас смертной казни. Если вы примете первый, мы сможем в конце концов спасти вас. Умоляю, не погуби себя!" Берквин, более решительный человек, чем Будей, скорее умрет, чем сделает какую-либо уступку ошибке. Его друг, однако, не ослаблял своих усилий; он желал, несмотря ни на что, спасти одного из самых выдающихся людей Франции. Целых три дня были потрачены им на самые энергичные усилия. [109] Едва он расставался со своим другом, как тот возвращался и садился рядом с ним или печально прогуливался с ним взад и вперед по тюрьме. Он умолял его о своей собственной безопасности, о благе Церкви и о благоденствии Франции. Берквин ничего не ответил; только после долгой просьбы Будея он кивнул в знак несогласия. Беркен, по словам историка Парижского университета, "выдержал столкновение с неукротимым упрямством". [110]

= ПАДЕНИЕ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ БЕРКЕНА=

Будет ли он продолжать проявлять твердость? Многие евангелисты с тревогой наблюдали за борьбой. Вспоминая падение апостола Петра, услышанного голосом служанки, они говорили друг другу, что незначительного сопротивления было достаточно, чтобы заставить оступиться самого сильного. "Ах! - сказал Кальвин. - если мы хотя бы на мгновение перестанем полагаться на руку Божию, достаточно порыва ветра или шелеста падающего листа ... и сразу же мы падаем!" - Это было не порыв ветра, а, скорее, буря, которая обрушилась на Берквина. В то время как угрожающие голоса его врагов ревели вокруг него, мягкий голос Будея, полный нежнейшей привязанности, проник в сердце узника и поколебал его самые твердые решения. "О мой дорогой друг, - сказал Будей, - грядут лучшие времена, для которых ты должен беречь себя". Затем он остановился и добавил более серьезным тоном: "Ты виновен перед Богом и людьми, если своим поступком обрекаешь себя на смерть". [111]

Наконец Беркен был тронут настойчивостью этого великого человека; он начал колебаться; его взгляд стал беспокойным. Отвернув лицо от Бога, он наклонил его к земле. Сила Святого Духа на мгновение угасла в нем (выражаясь языком реформатора), и он подумал, что мог бы быть более полезен царству Божьему, сохранив себя для будущего, чем обрекая себя на нынешнюю смерть. "Все, о чем мы просим вас, - это просить прощения. Разве мы все не нуждаемся в прощении?" Берквин согласился просить прощения у Бога и короля в большом зале дворца правосудия.

Будей с восторгом и волнением побежал сообщить своим коллегам об уступке заключенного. Но в тот самый момент, когда он подумал, что спас своего друга, он почувствовал, как его внезапно охватила печаль. Он знал, какой ценой Беркену придется выкупить свою жизнь; кроме того, разве он не видел, что пленник сдался только после почти шестидесятичасовой борьбы? Будей был встревожен. "Я знаю, что у этого человека на уме", - сказал он. "Его простодушие и уверенность в правоте своего дела погубят его". [112]

В течение этого промежутка в душе Беркена происходила жестокая борьба. Всякий покой покинул его; его совесть беспокойно заговорила. "Нет! - сказал он себе, - никакой софистики! Истина превыше всего! Мы не должны бояться ни людей, ни пыток, но полностью повиноваться Богу. Я буду упорствовать до конца; я не буду молить лидера этой доброй войны о моем увольнении. Христос не позволит своим солдатам расслабляться, пока они не победят смерть".

Вскоре после этого Будей вернулся в тюрьму. "Я ничего не отрекусь, - сказал его друг. - Я скорее умру, чем своим молчанием поддержу осуждение истины". [113] Он погиб! Будей удалился, бледный и испуганный, и сообщил ужасную новость своим коллегам. Беда и его друзья были полны радости, будучи убеждены, что вычеркнуть Беркена из числа живых - значит убрать Реформацию из Франции. Судьи, применив беспрецедентную власть, пересмотрели свой приговор и приговорили дворянина к удушению, а затем сожжению на Грее.

Маргарита, находившаяся в Сен-Жермене, была убита горем, когда услышала об этой неожиданной суровости. Увы! король был в Блуа с мадам Будет ли у нее время связаться с ним? Она попытается. Она снова написала ему, принося извинения за те очень скромные рекомендации, которые постоянно давала ему, и добавляя: "Будьте добры, сир, сжалиться над бедным Беркеном, который страдает только потому, что любит Слово Божье и повинуется вам. Вот причина, по которой те, кто поступал наоборот во время вашего пленения, так ненавидят его; и их злобное лицемерие позволило им найти в вашем окружении защитников, которые заставили вас забыть его искреннюю веру в Бога и его любовь к вам". [114] Издав этот крик боли, королева Наваррская стала ждать.

=КАЗНЬ ПРОДОЛЖАЛАСЬ В СПЕШКЕ.=

Но Фрэнсис не подавал признаков жизни. В его оправдание утверждалось, что, если бы он в то время одержал победу за границей и был почитаем дома, он бы еще раз спас Беркена; но волнения в Италии и интриги, связанные с Камбрэйским мирным договором, подписанным тремя месяцами позже, занимали все его мысли. Это странные причины. Дело в том, что если король (что вполне вероятно) хотел спасти Беркена, у него не было такой возможности; враги этого верного христианина предусмотрели это. Едва приговор был у них в руках, как они потребовали его немедленного приведения в исполнение. Им казалось, что они уже слышат топот лошади, подъезжающей из Блуа, и видят гонца, приносящего помилование. Беда раздул пламя. Ни недели задержки, ни даже дня или часа! "Но, - говорили некоторые, - это мешает королю воспользоваться правом на помилование и является посягательством на его королевскую власть". — "Это не имеет значения! предайте его смерти!" — Судьи постановили привести приговор в исполнение в тот же день, когда он был вынесен, *"чтобы король не помогал ему"*. [115]

Утром 22 апреля 1529 года [116] члены парламента вошли в мрачную камеру, где содержался Беркен. Благочестивый ученик, готовый добровольно отдать свою жизнь за имя Иисуса Христа, был поглощен молитвой; он долго искал Бога и нашел его; Господь был рядом с ним, и мир наполнил его душу. Имея Бога своим отцом, он знал, что ни в чем не будет нуждаться в тот последний час, когда все остальное должно было подвести его: он видел триумф в поношении, избавление в смерти. При виде придворных, некоторые из которых казались смущенными, Беркен понял, чего они хотят. Он был готов; он встал, спокойный и твердый, и последовал за ними. Офицеры передали его лейтенанту-преступнику и его сержантам, которые должны были привести приговор в исполнение.

Тем временем перед Консьержери выстроились несколько рот лучников. Эти вооруженные люди были не одни возле тюрьмы. Повсюду распространилась весть о том, что придворный, друг Эразма и королевы Наваррской, вот-вот будет казнен, и в связи с этим в столице поднялся большой переполох. Толпа простых людей, горожан, священников и монахов, а также несколько джентльменов и друзей осужденного дворянина ждали, одни с гневом, другие с

любопытством, трети с тоской, момента, когда он появится. Будея там не было; у него не хватило мужества присутствовать при наказании. Маргарет, находившаяся в Сен-Жермене, почти могла видеть пламя горящей груды с террасы замка.

Когда часы пробили двенадцать, эскорт тронулся с места. Во главе его был великий тюремный надзиратель Мерлин; затем следовали лучники, а за ними судебные приставы и другие вооруженные люди. В середине конвоя находился заключенный. Несчастная тележка медленно везла его на расправу. На нем был бархатный плащ, камзол из атласа и дамаста и золотые чулки, говорит парижский буржуа, который, вероятно, видел, как он проходил. [117] Царь небесный пригласил его на свадьбу, и Берквин с радостью надел свои лучшие одежды. "Увы! - говорили многие, увидев его. - Он благородного происхождения, очень великий ученый, искусный и быстрый в обучении ... и все же он сошел с ума!" Во взгляде или жестах реформатора не было ничего, что указывало бы на малейшее замешательство или гордость. Он не отваживался и не боялся смерти: он приближался к ней со спокойствием, кротостью и надеждой, как будто входил в райские врата. Люди видели неизменный мир, написанный на его лице. Монтиус, друг Эразма, который желал сопровождать этого благочестивого человека даже на костер, сказал в величайшем восхищении: "В нем не было ни капли той смелости, того ожесточенного вида, который часто напускают на себя люди, идущие на смерть; спокойствие чистой совести сквозило в каждой черте". — "Он выглядит, - говорили другие зрители, - как будто находится в доме Божьем и размышляет о небесных вещах". [118]

=МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ БЕРКЕНА.=

Наконец телега подъехала к месту казни, и конвой остановился. Подошел главный палач и попросил Беркена выйти. Он так и сделал, и толпа еще плотнее обступила зловещее место. Главный судебный исполнитель, взмахом руки призвав к тишине, развернул пергамент и прочитал приговор "хриплым голосом", - говорит хронист. Но Беркен был готов умереть за Сына Божьего, который умер за него; его сердце ни на йоту не дрогнуло; он не испытал смущения и, желая рассказать окружавшим его бедным людям о Спасителе, который поддержал его в тот час испытаний, произнес несколько христианских слов. Но доктора Сорбонны следили за всеми его передвижениями и даже разместили около определенного количества своих существ, чтобы поднять шум, если сочтут это необходимым. Встревоженные мягким голосом евангелиста и опасаясь, как бы его слова не тронули людей, эти "подхалимы" поспешно подали сигнал. Их агенты немедленно начали кричать, солдаты бряцали оружием, "и шум был так велик, что голос святого мученика не был услышан даже при смерти". Когда Беркен обнаружил, что эти крики заглушают его голос, он промолчал. Монах-францисканец, сопровождавший его из тюрьмы, желая вырвать у него хоть одно слово отречения, в этот последний момент удвоил свою настойчивость, но мученик остался непреклонен. Наконец монах замолчал, и палач приблизился. Беркен покорно вытянул голову; палач накинуд веревку ему на шею и задушил его.

=ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЗРИТЕЛЕЙ.=

Наступила пауза торжественного молчания ... но ненадолго. Это было нарушено докторами Сорбонны и монахами, которые поспешно поднялись наверх и осмотрели безжизненное тело своей жертвы. Никто не закричал: "Иисус! Господи!" — крик о пощаде, услышанный даже при казни отцеубийцы. С самым добродетельным человеком во Франции обращались хуже, чем с убийцей. Однако один человек, стоявший рядом с костром, проявил некоторые эмоции, и, как

ни странно, это был великий пенитенциарий Мерлин. "Воистину, - сказал он, - столь хороший христианин не умирал уже сто и более лет". Мертвое тело было брошено в пламя, которое поднялось и пожрало эти конечности, когда-то такие сильные, а теперь такие бледные и безжизненные. Несколько человек, увлеченных страстью, с радостью наблюдали за развитием пожара, который вскоре поглотил драгоценные останки того, кто должен был стать реформатором Франции. Они воображали, что видят выжженную ересь, и когда тело было полностью уничтожено, они думали, что Реформация была уничтожена вместе с ней, и что от нее не осталось ни кусочка. Но не все зрители были настолько жестоки. Они смотрели на горящую груды с печалью и любовью. Христиане, смотревшие на Беркена как на будущего реформатора Франции, были переполнены горем, когда увидели, что герой, на которого они надеялись, превратился в горстку праха. Настроение людей, казалось, изменилось, и по многим лицам текли слезы. Чтобы успокоить эти эмоции, были пущены в ход определенные слухи. Из толпы вышел человек и, подойдя к францисканскому исповеднику, спросил его: "Признал ли Берквин свою ошибку?" — "Да, конечно, - ответил монах, - и я не сомневаюсь, что его душа отошла с миром". Этим человеком был Монтий; он написал и рассказал анекдот Эразму. "Я не верю ни единому слову из этого", - ответил тот. "Это обычная история, которую эти люди придумывают после смерти своих жертв, чтобы успокоить гнев народа".

Некоторые подобные уловки были необходимы, поскольку общее возбуждение нарастало. Невинность Берквина, запечатленная на его лице и во всех его словах, поразила тех, кто видел, как он умирал, и они начали роптать. Монахи заметили это и заранее подготовились на случай, если вспыхнет народное возмущение. Они проникали в самую гущу толпы, делая подарки детям и простым людям; и, обработав их, они рассылали их во все стороны. Впечатлительная толпа распространилась по Грее и соседним улицам, выкрикивая, что Беркен - еретик. И все же то тут, то там люди собирались небольшими группами, беседуя о замечательном человеке, который был принесен в жертву страсти теологического факультета. "Увы! - говорили некоторые со слезами на глазах, - никогда не было более добродетельного человека". [119] Многие были поражены тем, что дворянин, занимавший высокое положение в обществе короля, был задушен как преступник. "Увы! - с негодованием возражали другие. - Причиной его гибели была воодушевлявшая его свобода, которая всегда является верным спутником чистой совести". [120] Другие, более одаренные духом, восклицали: "Осудить, четвертовать, распять, сжечь, обезглавить... это то, что могут делать пираты и тираны; но Бог - единственный справедливый судья, и благословен человек, которого он прощает". Более набожные искали утешения в будущем. "Только через крест, - говорили они, - Христос восторжествует в этом царстве". [121] Толпа разошлась.

=ГИМН МУЧЕНИКОВ.=

Весть об этой трагедии вскоре распространилась по Франции, вызвав повсюду глубочайшую скорбь. Беркен был не единственным пострадавшим; другие христиане также понесли последнее наказание. Филипп Юо был сожжен заживо после того, как ему отрезали язык, а Фрэнсису Десюсу отрубили обе руки и голову. Историю этих смертей, особенно смерти Беркена, рассказывали в лавках рабочих и в хижинах крестьян. Многие были напуганы этим; но не один евангельский христианин, услышав эту историю у собственного очага, поднял голову и обратил взгляд к небесам, выражая свою радость от того, что у него есть Искупитель и *Отчий дом* за небесами. "Мы тоже готовы, - говорили друг другу эти мужчины и женщины Реформации, - мы готовы радостно встретить смерть, устремив взор на грядущую жизнь". Одной из этих

христианских душ, которая лучше всех знала Беркена и пролила по нему больше всего слез, была королева Наваррская. Огорченная и встревоженная его смертью и смертями христиан, принесенных в жертву за Евангелие в других местах, она горячо молилась Богу, чтобы он пришел на помощь своему народу. Она вспомнила эти слова Евангелия: *Разве Бог не отомстит за своих избранных, которые взывают к нему день и ночь?* [122] Чуждая всякой ненависти, свободная от всякого злого желания мести, она призвала Господа вспомнить, как дорога ему безопасность его детей, и умоляла его защитить их:

Господи Боже наш, восстань,

Накажи своих врагов

Твои святые, которые убивают.

Смерть, которая для язычников

Полон горя и боли,

Всем , кто будет царствовать на небесах

С тобой дорого.

Они через мрачную долину

Ходи твердо и не дрожи,

Чтобы упокоиться с тобой.

Такая смерть - счастье,

Ведущий в то счастливое место

Где в вечном блаженстве

Да пребудут сыны твои.

Прости руку твою, Господи,

Помоги тем, кто верит твоему Слову,

И отдавать исключительно за вознаграждение

Эта смерть радости.

Господи Боже наш, восстань,

Накажи своих врагов

Твои святые, которые убивают. [123]

Это небольшое стихотворение королевы Наваррской, содержащее несколько других стихотворений, было гимном мучеников в шестнадцатом веке. Ничто так ясно не показывает, что она была сердцем и душой с евангелистами.

Некоторое время после мученической смерти Беркена среди реформированных христиан царил ужас. Они терпели поношения, не выдавая себя; они не хотели раздражать своих врагов, и многие из них удалились в *пустыню*, то есть в какое-то неизвестное укрытие. Именно в этот период скорби и тревоги, когда противники вообразили, что, избавившись от Беркена, они избавились и от Реформации, и когда останки благородного мученика едва не были развеяны по ветру небесному, Кальвин снова поселился в Париже, недалеко от места, где был сожжен его друг. Рим думал, что предал реформатора смерти; но он был готов восстать из своего пепла, более духовный, более ясный и более могущественный, чтобы трудиться над обновлением общества и спасением человечества.

[95] *Journal de Louise de Savoie*.

[96] *Marguerites de la Marguerite*, i. p. 502.

[97] 'Illis licere venena sua spargere, nobis non licere admovere antidota.'—Erasmi *Epp.* p. 1109.

[98] *Journal d'un Bourgeois de Paris sous François I.* p. 380.

[99] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, p. 348.

[100] Кельвин.

[101] *Lettres de la Reine de Navarre*, ii. p. 96.

[102] *Журнал парижской буржуазии*, стр. 381.

[103] Там же.

[104] 'Lingua illi ferro perfoderetur.'—Erasmi *Epp.* p. 1277. *Журнал парижской буржуазии*, стр. 382.

[105] 'Audita præter expectationem atroci sententia.'—Erasmi *Epp.*

[106] 'Constanti vultu.'—Ibid.

[107] *Marguerites de la Marguerite*, i. p. 444.

[108] *Chronique du Roi François I.* p. 76, note.

[109] 'Budæum triduo privatim egisse cum Berquino.'—Erasmi *Epp.*

[110] Кревье, В. с. 206.

[111] Креспин, *Мартиролог*, стр. 103, версо.

[112] Креспин, *Мартиролог*, стр. 103, версо.

[113] 'At ego mortem subire, quam veritatis damnationem, vel tacitus approbare velim.'—Bezæ *Icones*.

[114] *Lettres de la Reine de Navarre*, ii. p. 99.

[115] *Журнал парижской буржуазии*, стр. 383.

[116] Креспен и Теодор Беза говорят о ноябре месяце; "Буржуа де Пари" упоминает 17 апреля, но большинство авторитетных источников называют 22-е число.

[117] 'Des chausses d'or.'—*Journal d'un Bourgeois de Paris*, p. 384.

[118] 'Dixisses illum in templo de rebus cœlestibus cogitare.'—*Erasmi Epp.* p. 1277.

[119] 'Prædicant eo nihil fuisse integrius.'—*Erasmi Epp.* p. 1313.

[120] 'Libertas, bonæ conscientiæ comes, perdidit virum.'—*Ibid.* p. 113.

[121] 'Christo, nonnisi sub cruce, in Gallis triumphaturo.'—*Bezæ Icones*.

[122] От Луки xviii. 7.

[123]

'Reveille-toi, Seigneur Dieu,

Добросовестные усилия,

Et viens venger en tout lieu

Des tiens la mort.'

Les Marguerites de la Marguerite, i. p. 508.

ГЛАВА XVII.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ КАЛЬВИНА В ПАРИЖЕ.

(1529 г.)

=КАЛЬВИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ К НОЙОНУ.=

КАЛЬВИН, попрощавшись с городами и замками Берри, прибыл в самую гущу этих холмов и равнин, этих зеленых пастбищ и величественных лесов, которые простираются по обоим берегам Уазы. Он приблизился к маленькому городку Нуайон, который когда-то был столицей империи Карла Великого и где Гуго Капет, глава третьей расы, был избран королем. Но его мысли были не об этих вещах: он думал о своем отце. Как только он мельком увидел этот прекрасный готический собор, под сенью которого вырос, он сказал себе, что по его мостовой никогда больше не ступят ноги его отца. Никогда прежде он не возвращался в Нойон в таком глубоком волнении. Смерть Беркена, смерть его отца, будущее Церкви и его самого — все это угнетало его. Он находил утешение в любви своей семьи, и особенно в преданной привязанности своего брата Энтони и сестры Мэри, которым однажды предстояло разделить его изгнание. Согнутый столькими невзгодами, он согнулся бы под этим бременем, "как человек, наполовину мертвый, если бы Бог не вернул ему мужество, утешая его своим Словом".

[124]

Его отца — этого пожилого человека с таким уверенным умом, с такой твердой рукой и чьим авторитетом он преклонялся — не было рядом, чтобы направлять его: он был свободен. Джерард решил, что его сын должен посвятить себя юриспруденции, с помощью которой он мог бы занять высокое положение в мире. Кальвин действительно стремился к другому будущему, но из послушания он отказался от своих самых пылких желаний; и теперь, оказавшись на свободе, он обратился к тому христианскому поприщу, на котором ему предстояло стать, наряду с Лютером, величайшим поборником современности. "Земные отцы, - сказал он однажды, - не должны препятствовать верховному и единственному Отцу всего сущего пользоваться его правами". [125]

Однако пока Кальвин не помышлял о том, чтобы стать реформатором в том же смысле, что и Лютер. В то время он предпочел бы видеть всю Церковь преобразованной, а не отделяться и строить новую. Вера, которую он хотел проповедовать, была той старой христианской истиной, которую Павел проповедовал в Риме. Книжники заменили его ложными преданиями человека, но это было лишь еще одной причиной для провозглашения в Церкви учения, которое основало Церковь. После первой фазы христианской жизни, на которой человек думает только о Христе, обычно наступает вторая, когда христианин не совершает добровольного богослужения в собраниях, противоречащих его убеждениям. Кальвин сейчас находился на первой из этих фаз. Он думал только о проповеди Евангелия. Разве у него не было кафедры в этом самом районе, и разве его долгом не было прославлять Бога с нее? Если бы это было в его силах, он сделал бы это в соборе Святого Петра в Риме; почему же тогда он должен воздерживаться в своей собственной церкви?

=ПРОДВИЖЕНИЕ И ПРОПОВЕДЬ КАЛЬВИНА.=

У Кальвина были друзья в Пикардии, даже среди высокопоставленных представителей духовенства. Рано привязавшись к своему молодому земляку, эти люди приняли его с радостью; они нашли его более продвинутым в благочестии и учености и не заметили в нем ничего, противоречащего их мнению. Они думали, что он может стать одним из столпов Церкви. То обстоятельство, что он изучал закон, не остановило их; в их глазах это сделало его еще более способным отстаивать интересы веры ... и духовенства. Его бывшие покровители не только не отталкивали его, но пытались еще теснее сблизить его с собой. Этот благородный друг его детства, Клод де Хангест из Момора, ныне аббат Сен-Элуа, предложил отдать ему жизнь в Пон-Л'Эвеке в обмен на жизнь святого Мартина Мартевильского. Кальвин, видя в этом предложении возможность проповедовать в том самом месте, где жили его предки, согласился, а затем отказался в пользу своего брата Энтони от часовни Ла-Гезин, настоятелем которой он был в течение восьми лет. Закон датирован 30 апреля 1529 года. [126]

Те же самые люди, которые руководили этими несколькими изменениями, поощряли Кальвина проповедовать. Когда молодой человек, прошедший обучение для служения Слова, возвращается в свои родные места, всем не терпится услышать его. Случай с Кальвином вызвал еще более острое любопытство, поскольку его репутация опередила его, и какое-нибудь незначительное обвинение в ереси, выдвигавшееся время от времени, лишь усиливало всеобщее рвение. Все хотели послушать сына епископального секретаря, внука бондаря. Мужчины и женщины, знавшие его, поспешили в церковь; люди пришли даже из Нойона. Вскоре святое место было заполнено. Наконец молодой человек среднего роста, с худым бледным лицом, глаза которого выражали твердую убежденность и живое рвение, взошел на

кафедру и объяснил Священное Писание своим землякам. [127] Последствия проповеди Кальвина были различными. Многие люди радовались, услышав, наконец, живое слово под этой крышей, которая оглашалась таким количеством тщетной и бесполезной болтовни. Среди этого числа были, без сомнения, некоторые известные люди, которых видели толпящимися вокруг проповедника: Лоран Нормандский, пользовавшийся большим уважением в этом районе; Кристофер Лефевр, Ланселот Монтиньи, Жак Бернарди, Корнель де Виллет, Николас Нерет, Лаббе по фамилии Балафре, Клод Дюпре и Николас Пико, шурин Энтони Кальвина. Впоследствии все они были обвинены в том, что приняли новую доктрину, и парижский парламент приговорил их к повешению на заграждениях и сожжению на большой площади Нуайона; но они уже покинули королевство. [128]

Слова молодого оратора не просто передавали свежие знания — они преображали сердце и жизнь. Но здесь были люди, вполне готовые принять определенные евангельские идеи, которые, тем не менее, не собирались менять ни свою жизнь, ни свое сердце. Таким образом, одно и то же слово породило веру в одних и противодействие в других: оно *отделило свет от тьмы*. [129] Некоторые фанатики и священники, в частности, критиковали проповедь этого серьезного на вид молодого человека и восклицали: "Они натравливают волков охранять овец!" [130]

=РЕШАЕТ ОТПРАВИТЬСЯ В ПАРИЖ.=

Кальвин пробыл в Нойоне всего два или три месяца. Возможно, растущее сопротивление вынудило его уехать. Он также желал продолжить изучение греческого языка; но вместо возвращения в Орлеан или Бурж он решил отправиться в Париж. Момент был благоприятный. Изучение классической литературы в то время делало большие успехи в столице. Франциск I. По просьбе Будея и Дю Белле только что основал (1529) несколько профессорских должностей для преподавания латыни, греческого и иврита. Это была настоящая революция, и Париж был полон оживления, когда прибыл Кальвин. Фантастические рамки, которые схоласты, теологи, юристы и философы воздвигли в средние века, рухнули под гром насмешек и смеха, и современное образование возникло под единодушными аплодисментами подрастающего поколения. Пьер Данес, ученик Будея и Ласкариса, а впоследствии епископ, преподавал греческий; [131] Фрэнсис Ватабл познакомил молодых ученых со знанием еврейских Писаний, хотя сам он не смог найти в них совета Божьего; [132] другие выдающиеся профессора завершили этот драгоценный курс обучения. Париж был центром, откуда исходил свет; и это было причиной, побудившей Кальвина оставить Нуайон, Бурж и даже Орлеан и ускорить свои шаги туда.

Путешествие было мучительным; Кальвин (неизвестно, верхом или пешком) прибыл в Париж примерно в конце июня, совершенно измученный усталостью. "Для меня невозможно, - сказал он на следующее утро, - выйти на улицу"; [133] действительно, он не выходил из своей комнаты в течение четырех дней. Но весть о его приезде вскоре распространилась; его друзья и почитатели поспешили в его гостиницу, и в течение этих четырех дней его комната ни разу не пустовала. [134] Все волнения школ, казалось, перенеслись туда.

=ПОСЕТИТЕЛИ КАЛЬВИНА.=

Они говорили о Будее, Ватале и датчанах, о греческом и иврите и о солнце науки, сиявшем тогда над старой Лютецией.... Кальвин слушал и изучал состояние человеческих умов. Одним из

первых, кто поспешил к нему, был Коффард, его коллега по колледжу в Орлеане, который привел с собой своего отца. Люди боролись за ученика Нойона, который уже стал знаменитым. "Приезжайте и оставайтесь с нами", - сказал молодой парижанин; и когда Кальвин отказался, "Я умоляю вас, - сказал Коффар самым нежным тоном, - оказать мне эту услугу". [135] Отец также настаивал, ибо достойный гражданин знал, какого надежного друга его довольно легкомысленный сын найдет в студенте-пикардинце. "Ничего на свете я не желаю так сильно, - сказал он, - как видеть тебя в обществе моего сына". [136] — "Приезжай, обязательно приезжай, - убеждал сын, - и будь моим товарищем". Кэлвин был тронут этой привязанностью; но он боялся, что семья будет мешать ему, что она далеко от колледжа, и у него была только одна цель — учеба. "Я бы принял ваше предложение обеими руками, - сказал он, - но я намерен продолжить курс греческого у Данеса, а его школа находится слишком далеко от вашего дома". [137] Отец и сын ушли очень разочарованными.

Вскоре после этого в комнату вошла более важная персона. Это был Николас Коп, профессор Сен-Барбе, чей отец, уроженец Базеля, только что был назначен королевским врачом. И отца, и сына сильно подозревали в принадлежности к "новым взглядам", но в то время Фрэнсиса они мало заботили. Старший полицейский перевел Галена и Гиппократу, и король доверил ему заботу о своем здоровье. С давних пор Кальвина и сына связывала крепкая дружба. Последний, хотя и был профессором университета, слушал ученика Нойона так, как ученик слушает своего учителя; это один из тех признаков превосходства Кальвина, который все мгновенно распознали. Он показал своему другу, "как Христос исполняет обязанности врача, поскольку он послан Отцом оживлять мертвых".

Беседы, которые эти два молодых человека затем вели вместе, спустя годы вылились в событие, оказавшее определенное влияние на судьбу реформатора и на саму Реформу.

=ПОСЕЩЕНИЕ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ.=

Теперь их занимал менее важный предмет: это было первое дело Кальвина в Париже, и отчет, который он дает о нем, проливает новый свет на будущего законодателя. Обычай запирасть в монастырях молодых людей, имевших хоть какую-то склонность к Евангелию, уже зародился. "У нашего друга Дэниела, адвоката, - сказал Кэлвин Копу, - есть сестра в женском монастыре в Париже; она собирается принять постриг, и Дэниел желает знать, с ее ли это полного согласия". — "Я составлю вам компанию", - сказал профессор, и в следующее воскресенье, когда Кэлвин оправился от усталости, двое друзей отправились в монастырь. Будущий реформатор, который уже был против монашеских обетов, особенно когда их давали по принуждению, хитроумно разработал план, позволяющий узнать, были ли какие-либо ограничения наложены на свободу молодой леди. "Поговори с настоятельницей, - сказал он Копу, когда они направлялись в монастырь, - и сделай так, чтобы я смог поговорить наедине с сестрой нашего друга". Настоятельница в сопровождении девушки вошла в гостиную. "Мы предоставили ей, - сказал первый, - привилегию принять торжественные обеты". [138] В соответствии с его инструкциями Коп начал беседовать с настоятелем на разные темы, которые не имели отношения к рассматриваемому делу. В это время Кальвин, который считал, что видит перед собой жертву, воспользовался случаем и сказал сестре Дэниела: "Ты берешь на себя это ярмо добровольно или оно надето на твою шею силой?" [139] Не бойся доверить мне мысли, которые тебя беспокоят." Девушка посмотрела на Кальвина с бездумным видом и ответила ему с большой словоохотливостью: "Вуаль - это то, чего я желаю больше всего, и день, когда я приму обет,

никогда не наступит слишком скоро". Будущий реформатор был поражен: перед ним была легкомысленная молодая особа, которую убедили, что в монастыре она найдет большое развлечение. "Каждый раз, когда она говорила о своих клятвах, - сказал Кальвин, - вам могло показаться, что она играет со своей куклой". [140] Однако ему хотелось сказать ей одно серьезное слово: "Мадемуазель, - сказал он ей, - я прошу вас не слишком полагаться на свои собственные силы: я заклинаю вас ничего не обещать, как будто вы могли бы выполнить это сами. Полагайтесь скорее на силу Бога, в котором мы живем и существуем". [141] Возможно, Кальвин думал, что, поговорив так серьезно с молодой девушкой, она откажется от своего прометчивого предприятия; но он ошибся.

Он вернулся в свою гостиницу и через два дня (25 июня) написал Даниэлю отчет о своем посещении монастыря. Закончив, он начал другое письмо орлеанскому канонику, [142] когда прибыл один из его друзей, который приехал, чтобы взять его на прогулку. Мы могли бы умолчать об этом инциденте как о несущественном; но, возможно, это также неожиданная черта в привычках Кальвина. Обычно его изображают поглощенным своими книгами или отчитывающим нарушителей порядка. И все же ему были не чужды приличные развлечения в жизни: он умел ездить верхом и получал удовольствие от физических упражнений. Он принял предложение своего друга Вирмея. "Я закончу письмо по возвращении", - сказал он, [143] и два студента отправились на экскурсию по окрестностям Парижа. Несколько дней спустя Кэлвин снял комнату в колледже Фортрет, где он был рядом с профессорами, и возобновил изучение языков, права и философии. [144] Он хотел учиться. Получив знание о божественных вещах, он пожелал обрести истинное понимание мира.

Но вскоре призыв свыше прозвучал в его сердце громче, чем когда-либо. Когда он был в своей комнате, окруженный книгами по юриспруденции, голос его совести взывал к нему, что он должен изучать Библию. Когда он уходил, все его друзья, испытывавшие любовь к чистой религии, умоляли его посвятить себя Евангелию. [145] Кальвин был одной из тех крепостей, которые нельзя взять с первого штурма. Когда он смотрел на книги, разбросанные по его кабинету, он не мог решиться оставить их. Но всякий раз, когда в течение его жизни Бог ясно говорил с ним, он подавлял свои самые заветные желания. Побуждаемый таким образом изнутри и извне, он, наконец, уступил. "Я отрекаюсь от всех других наук, - сказал он, - и всецело отдаю себя теологии и Богу". [146] Эта весть распространилась среди тайных собраний верующих, и все были преисполнены великого удовлетворения.

В душе Кальвина произошло могучее движение; но следует понимать, что в его голове не было никакого плана. У него не было ни честолюбия, ни искусства, ни *роли*; но он с сильной волей делал все, что Бог ставил перед ним. Время, которое он сейчас проводил в Париже, было его ученичеством. Посвятив себя Богу, он принялся за работу с решимостью энергичного характера и твердостью настойчивого ума. Он с энтузиазмом изучал теологию. "Наука о Боге - это владычица науки", - сказал он; "остальные - только ее слуги". Он придавал последовательность той маленькой группе избранных, которые посреди толпы ученых с любовью обращались к Священному Писанию. Он будоражил молодые и благородные умы; он учился вместе с ними и пытался объяснить их трудности.

=ВЫСТУПАЕТ НА СЕКРЕТНЫХ СОБРАНИЯХ.=

Он сделал больше. Смерть Беркена повергла в ужас всех его друзей. "Если они сожгли этот зеленый лес, - говорили некоторые, - то не пощадят и сухой". Кальвин, не позволяя этим

сигналам тревоги остановить себя, начал исследовать город, который стал таким опасным. Он присоединялся к тайным собраниям, которые собирались под покровом ночи в отдаленных кварталах, [147] где он объяснял Священные Писания с ясностью и энергией, о которых никто никогда не слышал ничего подобного. Эти собрания проводились, в частности, на левом берегу Сены, в той части города, которую католики впоследствии называли *Маленькой Женевой*, и которая, с другой стороны, сейчас является центром парижского католицизма. Однажды евангелисты таинственным образом направлялись в дом на территории аббатства Сен-Жермен-де-Пре; на другой день они встречались на территории университета, *латинского* квартала наших дней. В комнате стояло несколько деревянных скамеек, на которых сидели бедняки, несколько студентов, а иногда и один или два ученых человека. Они любили этого простодушного молодого человека, который так эффективно внедрил в их умы и сердца истины, которые он нашел в Священных Писаниях. "Слово Христа - это всегда огонь, - говорили они, - но когда он объясняет его, этот огонь вспыхивает с необычайной яркостью".

Молодые люди формировались по его образцу; но многие бросались в споры, вместо того чтобы искать назидания, как это делал Кальвин. В университетском квартале можно было увидеть учеников Даниила и Ватабля, спорящих со всеми подряд с еврейским или греческим Заветами в руках. "Так написано в еврейском тексте, - сказали они, - а греческий текст читается так-то и так-то". Кальвин, однако, не брезговал полемикой; следуя естественной склонности своего ума, он критиковал ошибки и делал выговор виновным. Некоторые, удивленные его языком, спросили: "Не тот ли это юре из Пон-л'Эвека, друг монсеньора де Сент-Элуа?" Но, не позволяя этим словам остановить себя, он приводил в замешательство как суеверных папистов, так и недоверчивых новаторов. "Он был полностью отдан божественности и Богу, к великому восторгу всех верующих". [148]

=ОН РАСПРОСТРАНЯЕТ ИНФОРМАЦИЮ.=

В нем уже можно было различить, по крайней мере в некоторых чертах, характер руководителя Реформы. Поскольку он обладал большой способностью вести переписку, он держал себя в курсе, а также других людей, всего, что происходило в христианском мире. Примерно в это же время он составил подборку бумаг и документов, относящихся к самым последним фактам Реформации, и отправил их Дюшену, но не для того, чтобы тот сохранил. [149] "Я посылаю их вам с таким условием, - писал Кальвин, - что, в соответствии с вашей добросовестностью и долгом, они могут пройти через ваши руки нашим друзьям". [150] К этому пакету он добавил эпитуму¹, [151] некоторые комментарии и подборку заметок, сделанных, вероятно, Русселем во время его работы. резиденция в Страсбурге. Он намеревался добавить приложение: [152] "Но у меня не было времени", - сказал он. [153] Кальвин желал, чтобы все друзья Евангелия извлекли пользу из света, которым он сам обладал. Он ввел в обращение новые идеи и новые труды. Прилежный ученик, неутомимый евангелист, этот двадцатилетний молодой человек, судя по его дальновидному взгляду, был почти реформатором.

Он не ограничивал свои труды Парижем, Орлеаном, Буржем или Нуайоном: его внимание привлек город Мо. Мо, который приветствовал Лефевра и Фареля, который слышал Леклерка, первого мученика, все еще владел Брисонне. Этот бывший защитник евангелистов действительно больше не хотел их видеть и, казалось, был поглощен почестями и соблазнами прелатства. Но некоторые люди думали, что в глубине своего сердца он все еще любил Евангелие. Какой триумф, если благодать Божья снова расцветет в его душе! У Дэниела были

друзья в Мо; Кэлвин умолял его открыть для него дверь (или, по его собственному выражению, *окно*) в этот город. В числе этих друзей был некий *Меценат*. Молодой врач, пишущий из Мо, дает портрет этого человека, который в точности соответствует епископу. Он не называет имени Брисонне; но поскольку он часто скрывает имена или использует либо инициалы, либо псевдонимы, мы могли бы почти сказать, что в имени здесь не было необходимости. Даниил соответственно написал Меценату, который ответил очень холодно. [154] "Я не могу ходить с этими людьми", - сказал он; "Я не могу соответствовать своим манерам их манерам". [155] Даниил настаивал; но все это было бесполезно: робкий Меценат ни под каким видом не хотел иметь ничего общего с Кальвином. Брисонне, как мы узнаем, был окружен друзьями, которые постоянно повторяли ему: "Епископ не должен иметь дел с лицами, подозреваемыми в инновациях". [156] Кальвин, движимый благороднейшим честолюбием - вернуть Богу заблудшую душу, обнаруживая отказ каждый раз, когда он стучался в ворота этого великого человека, наконец отказался от своего великодушного предприятия и, отряхнув пыль со своих ног, сурово сказал: "Поскольку его не будет с нами, пусть наслаждается собой и с полным сердцем, или, скорее, раздутый собственной важностью, пусть потакает своим амбициям". [157]

=МИССИОНЕРСКОЕ РВЕНИЕ КАЛЬВИНА.=

Кальвин, однако, не потерпел полной неудачи в Мо: "Вы оказали мне быструю и эффективную помощь, - писал он Даниилу; - вы открыли мне окно и, таким образом, дали мне привилегию быть в будущем нескромным просителем". [158] Он воспользовался этой возможностью для распространения Евангелия. "Я сделаю это, - сказал он, - без неосторожности или поспешности". И, вспомнив, что "учение Христа подобно старому вину, которое перестало действовать, но которое, тем не менее, питает тело", [159] он занялся наполнением сосудов этим драгоценным напитком: "Я позабочусь, - писал он Даниилу, - чтобы внутри все было хорошо наполнено вином". [160] Он закончил свое письмо словами: "Мне нужна *Одиссея* Гомера, которую я одолжил Сакету: прошу, скажите ему об этом". [161] Лютер взял Плавта и Теренция с собой в монастырь; Кальвин попросил Гомера.

Вскоре он вернулся в Париж, что открыло перед ним более широкое поле деятельности. 15 января 1530 года он написал Даниэлю письмо, датированное *Акрополем*, как будто Париж был для него цитаделью католицизма или Парфеноном Франции. [162] Он всегда пытался спасти какую-нибудь заблудшую овцу, и такое желание наполнило его разум 15 января. В тот день он ожидал на ужин двух друзей. Один из них, Роберт Дэниел, брат орлеанского адвоката, восторженный молодой человек, горел желанием повидать мир. Кэлвин, который уже сделал все, что было в его силах, чтобы расположить его к себе, льстил себя надеждой, что в этот день ему это удастся; но легкомысленный молодой человек, возможно, подозревавший, что его ожидает, не пришел. Кальвин послал гонца в квартиру Роберта. "Он сбежал, - сказал трактирщик, - он уехал в Италию". В Мо Кальвин хотел расположить к себе великую личность; в Париже он надеялся расположить к себе молодого авантюриста: в обоих случаях ему это не удалось. "Увы! - сказал он. - Я всего лишь сухое и бесполезное бревно!" И снова он искал новых сил во Христе.

=БЕДА НАПАДАЕТ НА ПРОФЕССОРОВ.=

Тем временем Сорбонна, гордая победой, которую она одержала, отправив Беркена на костер, решила продолжить свои триумфы. Война вот-вот должна была начаться снова. Именно Беда возобновил битву — тот Беда, о котором Эразм сказал: "В одном этом человеке три тысячи священников!" Он не нападал на Кальвина, презирая или, скорее, игнорируя его. Он стремился к более высокой игре и, одержав победу над одним из приближенных короля, напал на врачей, которых Франциск пригласил в Париж для распространения знаний. Данес, Ватабель и другие были процитированы перед парламентом, и пылкий синдик встал и сказал: "Королевские врачи пренебрегают Аристотелем и изучают только Священное Писание.... Если люди будут продолжать заниматься греческим и ивритом, с верой будет покончено. Эти люди хотят объяснять Библию, а они даже не богословы!... Книги Священного Писания на греческом и иврите поступают в основном из Германии, где они, возможно, были изменены. Многие из лиц, печатающих книги на иврите, являются евреями.... Следовательно, это не является достаточным аргументом для того, чтобы сказать: это то-то и то-то на иврите. [163] Этим докторам следует запретить вмешиваться в Священное Писание в своих курсах; или, по крайней мере, им следует приказывать сначала сдать экзамен в университете". Королевские профессора не сдерживались в деле познания. Они смело перешли в наступление. "Если Парижский университет сейчас не пользуется большим уважением среди иностранных государств, - заявили они парламенту, - то это потому, что вместо того, чтобы заниматься изучением Святых Евангелий и древних отцов церкви — Киприана, Златоуста, Иеронима и Августина, — его богословы подменяют это истинное знание наукой, не обучающей ничему, кроме ремесла и софистики. Это не то, что Бог желает просветлять свой народ таким образом. Мы должны изучать священную литературу и свободно пить из всех сокровищ человеческого разума". [164] Беда зашел слишком далеко. При дворе и даже в парламенте раздавались многочисленные голоса в защиту образования и образованных людей. Парламент отклонил обвинения синдика Сорбонны.

Разгневанный Беда пустил в ход все свое красноречие, чтобы добиться осуждения профессоров Сорбонны. "Новые доктора, - воскликнул он, - ужасно говорить! притворись, что Священное Писание невозможно понять без греческого, иврита и других подобных языков". 30 апреля 1530 года Сорбонна действительно осудила как опрометчивое и скандальное предложение профессоров, которое осудил Беда. [165]

=МАЛЕНЬКИЕ НАЧИНАНИЯ ВЕЛИКОЙ РАБОТЫ.=

Кальвин с тревогой наблюдал за всеми фазами этой борьбы между своими учителями и докторами Сорбонны. Все студенты были начеку, как и Кальвин в своем колледже; и когда там стало известно о решении парламента, оно было встречено громкими возгласами одобрения. В то время как Сорбонна встала на сторону традиции, Кальвин еще более решительно встал на сторону Священного Писания. Он думал, что по мере того, как устное учение апостолов прекратилось, их письменное учение стало его незаменимой заменой. Писания Матфея и Иоанна, Петра и Павла были, по его мнению, живым словом этих великих учителей, их учением для тех веков, которые не могли ни видеть, ни слышать их. Кальвину казалось столь же невозможным реформировать Церковь без писаний апостолов, как и сформировать ее в первом веке без их проповеди. Он ясно видел, что если Церковь хочет обновиться, то это должно быть

сделано верой и Священным Писанием — двояким принципом, который, по сути, всего лишь один.

Но еще не настал час, когда Кальвину предстояло провозгласить эти великие истины с авторитетом реформатора. Скромный и набожный человек, он теперь выполнял более скромную работу на самых отдаленных улицах и в самых уединенных домах столицы. Его можно было бы принять за самого ничтожного из людей, и все же он уже был завоевателем. Свет Священного Писания, которым был пропитан его разум, однажды воссиял подобно молнии с востока на запад; и ни один человек со времен святого Павла не держал факел Евангелия так высоко и твердой рукой. Когда этот студент, такой худой, бледный и незаметный, с такой подлой внешностью, с такими робкими манерами, проходил по улице Сен-Жак или Сорбонны; когда он бесшумно крался мимо домов и незаметно проскальзывал в один из них, неся с собой Слово жизни, его не замечала даже пожилая женщина. И все же должно было наступить время, когда Франциск I с его политикой, завоеваниями, священниками, двором и празднествами вызовет лишь легкомысленные или отвратительные воспоминания; в то время как работа, которую этот бедный ученый по милости Божьей тогда начал, будет возрастать день ото дня во имя спасения душ и процветания наций и будет спокойно, но уверенно продвигаться к завоеванию мира.

[124] *Calvini Opusc.*

[125] 'Unico omnium patri suum jus integrum maneat.'—*Calvin in Matthæum.*

[126] Десме, *Жизнь Кальвина*, стр. 40-42. Drelincourt, *Défense de Calvin*, pp. 167, 168.

[127] 'Quo loco constat Calvinum ... ad populum conciones habuisse.'—*Bezæ Vita Calvini.*

[128] Archives Générales, x. 8946. *France Protestante*, article *Normandie*.

[129] Бытие i. 5.

[130] Desmay, *Vie de Calvin*, p. 41. Drelincourt, *Défense de Calvin*, p. 168.

[131] Crévier, *Hist. de l'Université de Paris*, v. p. 245.

[132] 'Quo alios introduxisti, nusquam ipse ingressus.'—*Bezæ Icones.*

[133] 'Lassus de itinere pedem extrahere domo non potui.'—*Calvinus Danieli, Berne MSS.*

[134] 'Proximos quatuor dies, cum me ægre adhuc sustinerem.'—*Ibid.*

[135] 'Multis precibus, iisque non frigidis, sæpe institit.'—*Ibid.*

[136] 'Nihil magis appetere quam me adjungi filio.'—*Calvinus Danieli, Berne MSS.*

[137] 'Nihil unquam magis ambabus ulnis complexus sum, quam hanc amici voluntatem.'—*Ibid.*

[138] 'Eam obtinuisse ex solenni more voti nuncupandi potestatem.'—*Calvinus Danieli, Berne MSS.*

[139] 'Num jugum illud molliter exciperet? num fracta potius quam inflexa cervix?'—*Ibid.*

[140] 'Diceres eam ludere cum puppis, quoties audivit voti nomen.'—*Calvinus Danieli, Berne MSS.*

[141] 'Omnia reponeret in Dei virtute in quo sumus et vivimus.'—*Ibid.*

- [142] 'Habeo litteras inchoatas ad canonicum.'—Ibid.
- [143] 'Viermæus cum quo equum ascendo.'—Calvinus Danieli, Berne MSS.
- [144] 'In collegio Forterestano domicilium habuit.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, ii. p. 246.
- [145] Теодор Беза, *Жизнь Кальвина*, по французскому тексту, стр. 12. "Всеобъемлющий религиозный студиозис". — Там же. Текст на латинице.
- [146] 'Ab eo tempore sese Calvinus, abjectis reliquis studiis, Deo totum consecravit.'—Ibid.
- [147] 'Qui tunc Lutetiæ occultos coetus habebant.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- [148] Беза, *Жизнь Кальвина*, французский текст, стр. 12. "Сумма благости, омниум сладострастия". — Там же. Текст на латинице.
- [149] 'Mitto ad te rerum novarum collectanea.'—Calvinus Chemino, Berne MSS.
- [150] 'Hac tamen lege, ut pro tua fide officioque per manus tuas ad amicos transeant.'—Ibid.
- [151] 'Mitto Epitomem alteram G. nostri.'—Ibid.
- [152] 'Cui velut appendicem assuere decreveram.'—Ibid.
- [153] 'Nisi me tempus defecisset.'—Ibid.
- [154] 'Supinum illum Mæcenatem.'—Calvinus Danieli Aureliano, Idibus Septembris 1529. Женевская рукопись. Кальвин заимствует это выражение у Ювенала, i. 65: "Множество ссылок на Божественное начало".
- [155] 'Non potest mores suos nobis accommodare.'—Ibid.
- [156] Maimbourg, *Histoire du Calvinisme*, liv. ii.
- [157] 'Sit assentator suus, et pleno, seu verius turgido pectore, foveat ambitionem.'—Calvinus Danieli, Geneva MSS.
- [158] 'Apertam esse fenestram, ne post hæc simus verecundi petitores.'—Calvinus Danieli, Geneva MSS. Выражение, заимствованное у Светония, lib. xxviii.
- [159] Кальвин, в "*Лукаме*", гл. v. 39.
- [160] "Временная инструкция по хранению полуденного вина курабо". — Кальвин Даниэли, Женевская рукопись. Этот отрывок представляет некоторую трудность. "Пенус" у Персия означает сейф где хранится мясо; у Феста и Лампридия - *святителище* храма.
- [161] 'Odysseam Homeri quam Sucqueto commodaveram, finges a me desiderari.'—Ibid.
- [162] *Письма Кальвина*, i. стр. 30. Филадельфия, ред. Дж. Бонне.
- [163] 'Ita habent Hebræa.'—*Actes du Parlement*.
- [164] Crévier, *Hist. de l'Université de Paris*, v. p. 249.

[165] 'Hæc propositio temeraria est et scandalosa.'—D'Argentré, *Collectio Judiciorum de novis Erroribus*, ii. p. 78.

ГЛАВА XVIII.

ПЕЧАЛИ МАРГАРЕТ И ПРИДВОРНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА

(1530-1531 гг.)

КОГДА Франция должна была обратиться к Слову Божьему? Во время возвращения ее брата из испанского плена Маргарет просила его предоставить свободу проповедовать Евангелие, и король, как вы помните, отложил этот вопрос до тех пор, пока его сыновья не будут возвращены на свободу. Казалось, этот момент настал. Чтобы вернуть своих детей, Франциск пожертвовал в Камбре (июнь 1529 г.), в *Женском мире*, завоеванными городами, верными ему союзниками и, кроме того, двумя миллионами крон.

Однако дети Франции вернулись только десять месяцев спустя. Вся королевская семья поспешила к испанской границе, чтобы встретить их; все, кроме Маргарет. "Поскольку было бы трудно увезти тебя дальше, не подвергаясь опасности, - сказала ее мать, - мы с королем решили оставить тебя на время твоего заточения". [166] Маргарита, обеспокоенная и, возможно, немного ревнивая, написала Монморанси: "Когда король Наварры будет с тобой, я прошу тебя посоветовать ему; но я очень боюсь, что ты не сможешь помешать ему влюбиться в испанских дам". [167] В начале июля дети короля были возвращены своему отцу; Маргарет была вне себя от радости и показала это в своих восторженных письмах Франциску I. [168] Она любила этих принцев как мать. Вскоре более серьезные мысли заполнили ее разум: наступила эпоха, назначенная ее братом, но сдержит ли он свое обещание?

=МАРГАРЕТ СПОСОБСТВУЕТ ЕДИНСТВУ.=

Маргарита не теряла времени даром. Оставшись одна в Блуа, она попыталась укрепить правое дело и вела активную переписку с лидерами Реформы. "Увы! - сказали священники. - В то время как король Франциск трудится над защитой своего королевства от разлива Рейна (то есть Реформации), его сестра, королева Наваррская, пытается разрушить дамбы и обрушить насыпи". [169] Была одна работа превыше всего, которая была у Маргарет на сердце; она хотела положить конец разногласиям между евангелистами. Она умоляла французов, находившихся в Страсбурге, "ожидая утешения Израиля", сделать все, что в их силах, чтобы положить конец разобщению; она даже приказала Буцеру сделать это. [170] Прекрасные таланты Буцера, доброжелательный характер и развитое понимание, красноречие его речи, достоинство его осанки, чарующий звук его голоса, умение распознавать настроение, его горячее рвение — все, казалось, подходило ему как миротворцу. Он без промедления приступил к работе и сообщил Лютеру о предписаниях принцессы. "Если сравнить наши мнения с вашими, - сказал он, - то легко будет увидеть, что они в корне совпадают, хотя и выражены в разных терминах. Давайте не будем снабжать наших врагов оружием, с помощью которого они нападают на истину". [171]

Если Маргарет доверяла Буцеру, то и он доверял ей. Он восхищался искренностью ее веры, живостью ее благочестия, чистотой ее манер, красотой ее понимания, очарованием ее беседы

и обилием ее добрых дел. "Никогда эта христианская героиня не испытывала недостатка в исполнении своего долга", - писал он Лютеру. [172] Страсбургцы думали, что если Лютер и немцы с одной стороны, а Маргарита и французы с другой, объединятся, дело Реформации восторжествует в Европе. Всякий раз, когда из Франции приходили какие-нибудь хорошие новости, Буцер трепетал от радости; он бежал сообщить об этом Капито, Гедиону, Целлю и Гогенлоэ; а затем написал Лютеру: "Братья пишут нам из Франции, дорогой доктор, что Евангелие распространяется среди них чудесным образом. Огромное количество знати уже познало истину. [173] В Нормандии есть определенный район, где Евангелие распространено так широко, что враги называют его *Маленькой Германией*. [174] Королю не чуждо благое учение; [175] и поскольку его дети теперь на свободе, он больше не будет уделять такого внимания тому, чего требуют папа и император. Христос скоро будет публично исповедан по всему королевству". [176]

=СМЕРТЬ РЕБЕНКА МАРГАРЕТ.=

Королева Наваррская была вынуждена прекратить переписку с немецкими реформаторами; великая радость и великая тоска придали иное направление ее мыслям. Примерно через две недели после возвращения детей Франции Маргарет стала матерью прекрасного мальчика в замке Блуа. Когда король проезжал через это место по возвращении с Пиренеев, он взял с собой свою сестру, после того как она воцерковилась, в Фонтенбло. Но вскоре плохие вести о ее ребенке вызвали Маргарет в Алансон, где он жил со своей няней; он умер на Рождество 1530 года в возрасте пяти с половиной месяцев. Мать, которая наблюдала за ним рядом, которая чувствовала его сладкое дыхание на своей щеке, теперь видела его мертвым в своей маленькой колыбели и не могла отвести от него глаз. Одно время она думала, что он оживет, но увы! он действительно был мертв. Королева чувствовала себя так, словно из нее вырвали жизнь; ее силы были истощены; сердце обливалось кровью, но Бог утешил ее. "Я отдаю его, - сказала она, - в объятия его Отца"; и поскольку она чувствовала необходимость публично воздать славу Богу, она послала за одним из своих главных должностных лиц и голосом, сдавленным от слез и вздохов, приказала, чтобы сообщение о смерти ребенка было вывешено в главных кварталах города, и чтобы внизу объявления были такие слова:

Господь дал, и Господь же отнял.

Однако к ее невыразимой печали примешивалось чувство радости, и, уверенная, что маленькое дитя находится в присутствии Бога, благочестивая мать приказала спеть "*Te Deum*". [177] "Я умоляю вас обоих, - писала она своему брату и матери, - радоваться его славе и не поддаваться никакой печали". [178] Фрэнсис, незадолго до этого потерявший двух дочерей, был тронут этим торжественным обстоятельством и ответил своей сестре: "Ты перенесла мое горе, как будто это были твои собственные потерянные дети; теперь я должна перенести твое, как будто это была моя собственная потеря. Это третий из ваших и последний из моих, кого Бог призвал к своему благословенному общению, приобретенный ими с небольшим трудом и желанный нами с таким великим трудом". [179] Есть бедствия от Бога, которые пробуждают глубокие чувства даже в самых легкомысленных сердцах, и губы, которые обычно немые, иногда произносят гармоничные звуки в присутствии смерти. В других утешениях королева не нуждалась. Дю Белле, в то время епископ Байонны, а затем Парижа, поспешил в Алансон: "Ах! - сказала Маргарита, - если бы не помощь Господа нашего, это бремя было бы непосильным для меня". [180] Епископ убедил ее от имени короля отправиться в Сен-Жермен, где шли приготовления к коронации королевы

Элеоноры, сестры императора. Маргарет, которая всегда подчинялась приказам своего брата, покинула Алансон, хотя и с горечью, чтобы присутствовать на его свадьбе.

=СВАДЬБА ФРАНЦИСКА И ЭЛЕОНОРЫ.=

Двор никогда еще не был таким блестящим. Чем меньше счастья было в этом браке, тем больше пышности король желал продемонстрировать; радость сердца сменилась звуками флейты, барабана и готбоя. Платья сверкали, празднества были великолепны.

Там были тайны и игры, а на улицах царил веселый сумрак,

И дороги были усыпаны самыми сладкими и лучшими цветами;

Со всех сторон были галереи, и, если это доставляло удовольствие,

Мы бы снова сотворили для тебя новое Елисейское поле. [181]

Принцы, архиепископы, епископы, бароны, рыцари, члены парламента и магистраты города собрались на это знаменитое бракосочетание; недостатка в ученых и поэтах не было. Франциск I. часто повторял пословицу, обращенную Фуке, графом Анжуйским, к Людовику IV:

Un roi non lettré

Est un âne couronné. [182]

Филологи, художники и архитекторы стекались во Францию из других стран. В Париже они встретили людей, достойных их приема. Уильям Будеус, "Три брата дю Белле", Уильям Пети, королевский духовник; Уильям Коп, друг Ласкариса и Эразма; Пьер дю Шатель, который так изящно описал свои путешествия по Востоку; Пеллисье, ученый комментатор Плиния, чьи работы, однако, не были напечатаны; [183] Питер Данес, чьи таланты и знания Кальвин так высоко ценил: все эти ученые, более или менее тайно симпатизировавшие Реформе, были тогда при дворе. Эти литераторы считались среди римской партии принадлежащими к пастве Лютера. [184] Действительно, несколько позже, когда один из них, Данес, был на Тридентском соборе, французский оратор резко выступил против распущенной морали Рима. Епископ Орвието сказал с презрением: "*Gallus cantat!*" — "*Утинам*", - резко возразил Данес, тогдашний посол Франции, - "*утинам в галльской песне Петруса рецписцере!*" [185] Но петух часто пел, а Петр не проливал слез.

Среди всех этих литераторов был

Маргарет, прекраснейший цветок

Которые когда-либо росли на земле,

как называл ее Ронсар. Но хотя ее тонкому разуму нравилось это избранное общество, более серьезные мысли занимали ее разум. Она не могла забыть, даже находясь при дворе, маленького ангела, который улетел от нее; она беспокоилась о друзьях Евангелия; мирские празднества вокруг нее оставляли ее сердце подавленным и неудовлетворенным. Она попыталась пронзить густые тучи, нависшие над ней, и, воспарив духом к "царству небесному", ухватилась за руку, которую Христос протянул ей с небес. Она вернулась к колодцу Иакова, где напилась, когда так устала от своего путешествия. Она была подобна иссушенной земле, не

имеющей ни росы, ни влаги, и Господь освежил ее чистыми источниками Своего Святого Духа. "Постоянное окропление (по ее собственным словам) поддерживало в ней небесную вечность"; и она пожелала бы, чтобы все, кто собрался вокруг нее, пришли к тому колодцу, где она так успешно утолила свою жажду. Соответственно, посреди мирской суеты двора и всех почестей, расточаемых ее положению и ее уму, бедная мать, чье сердце было изранено, но утешено, молча высмотрела какого-нибудь ягненка, которого она могла вспомнить из странствий, и сказала:

=ИСТОЧНИК ЧИСТ И СВОБОДЕН.=

"Приди к моему источнику чистым и свободным,

Обильно пейте из его ручья".

Поспешите, грешники, на зов

О твоём Боге, который говорит со всеми:

— Подойди и выпей -это приносит облегчение

Ко всем формам смертного горя;

Приди и выпей божественный напиток,

Из этого моего нового источника.

Смойте каждое смертное пятно

В крови убитого Иисуса.

Я не ищу от тебя возврата

Но дела любви и милосердия".

Поспешите, грешники, к краю пропасти

Из этого такого чистого ручья и пей!

Наполните свои сердца, чтобы вы могли

С каждым днем служите Богу все лучше.

Затем хорошо отстирайте все пятна

То, что осталось от земли, еще могло бы остаться,

Любовью Иисуса, наконец-то освобожденной,

Живи вечно на небесах.

"Приди к моему источнику чистым и свободным,

Обильно пейте из его ручья!"

Прислушайтесь, грешники, к зову

О твоём Боге, который говорит со всеми. [186]

Эти призывы не остались безрезультатными. Реформация продвигалась во Франции двумя разными путями: один шел по горам, другой - по равнине. Евангелие завоевало сердца сынов труда и испытаний; но оно завоевало и других среди ученых и высокородных, в которых пробудилась способность к исследованию и которые пожелали заменить истину монашескими суевериями. Маргарет была проповедницей двора и короля. Ее мать вместе с Дюпра и Монморанси правила в зале заседаний совета, герцогиня Этамп - на придворных празднествах, но нежный голос королевы Наваррской поддерживал Франциска в его частые периоды беспокойства и уныния. И все же не только королю Маргарет уделяла в то время внимание из своего горячего милосердия. Все чувства ее сердца были сейчас сосредоточены на одном объекте.

=УМИРАЕТ ЛУИЗА САВОЙСКАЯ.=

Она еще не оправилась от смерти своего ребенка, когда на королеву Наваррскую обрушился еще один удар. Блестящие и веселые придворные празднества сменились угрюмым молчанием могилы, а ледяная холодность, царившая при бракосочетании Франциска с сестрой его врага, сменилась острой тоской и горьким горем нежнейшей из дочерей. Примерно в конце 1531 года остров Франция поразила эпидемия. Луиза Савойская серьезно заболела в Фонтенбло, где находились дети короля. Маргарет немедленно поспешила туда. Луиза, этот злейший враг Реформации, ослабленная своей беспутной жизнью, страдала от сильной лихорадки, и все же, воображая, что не умрет, она продолжала заниматься важными делами и в перерывах между приступами убивавшей ее болезни диктовала свои депеши королю. Никогда еще мать, столь развращенная, и дочь, столь добродетельная, не испытывали такой любви друг к другу. Как только королева Наварры увидела герцогиню Ангулемскую, она предвидела "величайшее из несчастий" и не отходила от нее ни на шаг. Дети короля позволили своей бабушке немного развлечься. Карл, герцог Ангулемский, которому тогда было девять лет, думал только о своем отце. "Если я только встречу его, - сказал однажды мальчик, - я никогда не отпущу его руку". — "А если король отправится охотиться на кабана?" - спросила его тетя. — Ну! Я не буду бояться; папа сможет позаботиться обо мне". "Когда мадам услышала эти слова, — писала Маргарет своему брату, - она разрыдалась, и это пошло ей на пользу".

Посреди всех этих скорбных занятий Маргарет присматривала за друзьями Евангелия. "Дорогой племянник, - писала она гроссмейстеру Монморанси, - этот добрый человек Лефевр пишет мне, что ему неуютно в Блуа, потому что тамошние жители пытаются досаждать ему. Чтобы сменить обстановку, он охотно навел бы своего друга, если бы таково было благоволение короля. "Маргарет, обнаружив, что враги Реформы мучают старика, предоставила ему убежище в Нераке в своих собственных штатах. Мы встретимся с ним там позже.

20 сентября Луиза, почувствовав себя немного лучше, уехала из Фонтенбло в Роморантен; но едва она добралась до Греза, близ Немура, как ее слабеющий голос, затрудненное дыхание и слова, такие печальные, "что никто не мог их слышать, вызвали у ее дочери неопишемую печаль и досаду". [187] "Вполне вероятно, что она умрет", - писала Маргарита королю. Луиза, несмотря на свою слабость, все еще занималась государственными делами; она хотела умереть, правя страной. Глубокая печаль наполнила сердце ее дочери. Это было слишком для нее - видеть мать, которую она любила с глубокой привязанностью, стоящую на краю могилы, укрепляющую себя перед смертью своей властью и величием, "как если бы они служили ей

бастионом и прочной башней", забыв, что кроме нее была другая, которая распоряжалась той жизнью, хозяйкой которой она воображала себя. Маргарет не удовлетворилась только молитвой за свою мать; она сидела рядом с ней и говорила с ней о Спасителе. "Мадам, - сказала она, - я умоляю вас возложить свои надежды на что-нибудь другое. Стремитесь сделать Бога благосклонным к вам". [188] Эта женщина, такая амбициозная, умная, лживая и распутная, чьим единственным достоинством была материнская любовь, похоже, не открыла свое сердце голосу дочери. Она испустила дух 29 сентября 1531 года в объятиях королевы Наваррской.

Мысли другого порядка вскоре завладели вниманием Маргарет. Ее отличало искреннее и живое благочестие, но она чрезмерно боялась соперничества и расколов и, подобно многим выдающимся личностям той эпохи, желала любой ценой и даже с помощью дипломатических средств добиться реформы, которая оставила бы католицизм нетронутым. Поставить перед собой всеобщее преобразование Церкви, безусловно, было благородной христианской целью; но Кальвин, Лютер, Фарель и другие видели, что этого можно достичь только ценой истины. Вина королевы Наваррской заключалась в ее готовности пожертвовать всем ради осуществления этой прекрасной мечты; и мы увидим, что было сделано во Франции (Франциск посвятил себя этому исключительно из политических побуждений) для осуществления этого великолепного, но химерического проекта.

[166] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 247.

[167] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 246.

[168] Там же. ii. стр. 105.

[169] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, p. 487.

[170] 'Jussu reginæ Navarræ, ut hoc tandem dissidium tollatur.'—Buceri *Opera Anglicana*, fº 693. Гердесий, ii. стр. 33.

[171] 'Præbetur telum hostibus.'—Gerdesius, iv. p. 33.

[172] 'Nunquam suo officio deest christianissima illa heroïna, regis soror.'—Ibid.

[173] 'Procerum magnus numerus jam veritati accessit.'—Ibid.

[174] 'Ut cœperint eam vocare *parvam Allemaniam*.'—Ibid.

[175] 'Rex a veritate alienus non est.'—Ibid.

[176] 'Bona spes est, brevi fore, ut Christus publicum apud ipsos obtineat.'—Gerdesius, iv. p. 33.

[177] Charles de Sainte-Marthe, *Oraison funèbre de Marguerite*.

[178] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 269.

[179] Там же.

[180] Там же. i. стр. 272, 273.

[181] Marot, *Chronique de François I.* p. 90.

[182] "Неграмотный король - это коронованный осел". 936 год н.э.

[183] Teissier, *Eloge des Hommes savants*, i. p. 200.

[184] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, p. 884.

[185] Латинское слово *gallus* означает одновременно *француза* и *петуха*. - Француз каркает, - сказал епископ. "Молю Бога, - возразил Данес, - чтобы Петр (папа римский) раскаялся при крике петуха!" Сисмонди, *История. des Français*, xvi. p. 359.

[186] *Les Marguerites de la Marguerite*, i. pp. 505-508.

[187] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 280; ii. p. 120.

[188] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 269.

ГЛАВА XIX.

ДИПЛОМАТЫ, ОТСТУПНИКИ, МУЧЕНИКИ.

(1531 г.)

=КАРЛ КЛЕВЕЩЕТ На ПРОТЕСТАНТОВ.=

Теперь королевское трио распалось. Маргарет, хорошо зная, что ее мать всегда влияла на ее брата в пользу папства, надеялась извлечь выгоду из события, которое стоило ей стольких слез, и немедленно попыталась склонить своего брата на сторону Реформы. Но при дворе действовали и другие влияния: Сорбонна, епископы, Монморанси и даже император пытались настроить Франциска против евангелистов. Карл V особенно желал воспользоваться союзом, который сблизил его с Францией, чтобы настроить ее монарха против Лютера. Его посланник Нуаркарм имел на этот счет весьма позитивные инструкции. Однажды, когда этот посол отправился засвидетельствовать свое почтение королю, у них состоялся долгий разговор, и Нуаркарм высказал всю обычную клевету на Реформацию. Франциск не знал, что ответить, но запечатлел в памяти обвинения дипломата, намереваясь повторить их своей сестре. Он нанес ей визит, все еще находясь в состоянии возбуждения. - Мадам, - сердито сказал он, - знаете ли вы, что ваши друзья протестанты проповедуют общность благ, недействительность брачных уз и ниспровержение тронов? Нуаркарм говорит, что если я не уничтожу лютеранство, моя корона будет в опасности". [189] Оправдать невинного было одной из задач, которые королева Наваррская возложила на себя. "Сир, — сказала она королю, - реформаторы - праведные, образованные, мирные люди, у которых нет другой любви, кроме любви к истине, нет другой цели, кроме славы Божьей, и нет другой мысли, кроме как изгнать суеверия и исправить мораль". Королева Наваррская была так милостива, так правдива, так красноречива, что король оставил ее совершенно изменившейся - по крайней мере, на этот день. [190] Но прошло совсем немного времени, прежде чем вероломные инсинуации снова вызвали его гнев.

=РЕЙНХОЛЬД И ПРИДВОРНЫЕ.=

Маргарет, либо собственноручно, либо через своих агентов, проинформировала протестантов Германии об обвинениях, выдвинутых против них послом Карла, и призвала их опровергнуть Noirarmes. Это они сделали немедленно. Один из них, Мэтью Рейнхольд, человек, преданный

Евангелию, и умный дипломат, прибыл в Париж примерно в середине апреля 1531 года и, будучи принят королем в сопровождении его лордов и епископов, вручил письмо от курфюрста Саксонии, ландграфа Гессена и их союзников. Фрэнсис открыл его и, казалось, прочитал с интересом. "Сир, - писали принцы, - несколько монахов (Тецель и его друзья) из жадности продавали свои индульгенции по всей стране к бесчестию Христа и гибели душ, [191] некоторые справедливые и мудрые люди порицали их; солнце возшло над Церковью и пролило свет на мир скандалов и заблуждений. Помогите нам, сир, и используйте такие средства, чтобы эти споры могли быть разрешены не силой оружия, а законным решением суда, которое не нанесет никакого насилия совести христиан". [192]

Пока Франциск читал это письмо, лорды и прелаты его двора разглядывали лютеранку с головы до ног. Они подошли к нему и задали самые странные вопросы. "Правда ли, - спросил епископ, - что женщины в вашей стране имеют по несколько мужей?" — "Все это чепуха!" - ответил немецкий посланник. На другие вопросы он давал аналогичные ответы; нетерпение ораторов возросло, и беседа стала оживленной, когда король, закончив письмо, заявил, что считает его весьма разумным, и, к великому удивлению придворных, милостиво улыбнулся Рейнхольду. [193] Несколько дней спустя (21 апреля) он дал посланнику ответ: "Чтобы исцелить язвы христианской республики, - сказал он, - должен быть созван собор; при условии, что Святому Духу, который является господом истины, отведено в нем главное место". Затем он добавил: "Не бойтесь клеветы ваших врагов". [194] Первый шаг был сделан.

Великая идея советников Франциска I и самого короля состояла в том, чтобы в то время заменить старую политику Франции новой и более независимой политикой, которая защитила бы ее от посягательств папства. Меланхтон был очарован письмом короля. "Француз ответил нам в самой любезной манере", - сказал он. [195] Собор, руководимый Духом Божиим, был именно тем, чего требовали немецкие протестанты: они думали, что вот-вот придут к взаимопониманию с королем Франции. Эта надежда овладела также Маргаритой и влиятельной партией в королевском совете, которые, как и она, думали, что союз Франции, Германии и Англии приведет к внутренней и всеобщей реформе христианского мира. Король, побуждаемый заключить союз с немецкими князьями, решил послать посла со своей стороны и выбрал для этой миссии некоего Жерве Ваима. Выбор был неудачным: Ваим, немец по происхождению, но долгое время проживавший в Париже, [196] желал, чтобы все в Германии оставалось таким, каким он ее оставил. Слепой сторонник старого порядка вещей, он рассматривал любые изменения как оскорбление немецкой нации и был полон предубеждений против Реформации. Соответственно, едва он прибыл в Виттемберг (это было весной 1531 года), как искал любую возможность удовлетворить свою слепую ненависть. Его ждал грандиозный прием; в его честь были устроены банкеты и развлечения. Однажды была большая вечеринка, на которой присутствовал Лютер со своими друзьями и многими евангельскими христианами, желавшими встретиться с посланником короля Франции. Последний, вместо того чтобы примирить их умы, разгорячился и воскликнул: "У вас нет ни церкви, ни магистрата, ни брака; каждый человек делает, что ему заблагорассудится, и кругом неразбериха, как среди животных. Король, мой повелитель, знает это очень хорошо". [197] Услышав это экстравагантное утверждение, собравшиеся открыли глаза. Одни рассердились, другие засмеялись, многие отчаялись когда-либо прийти к взаимопониманию с Франциском I. Меланхтон полностью изменил свое мнение. "Этот человек, - сказал он, - большой враг нашего дела.... Цари земли не думают ни о чем, кроме своих собственных интересов; и если Христос не позаботится о безопасности Церкви, все будет потеряно". [198] Он никогда не говорил более правдивых вещей. Вскоре Ваим

обнаружил, что он не был хорошим дипломатом и что ему не следовало шокировать протестантские чувства; поэтому он ограничился своим долгом, и его официальные сообщения представляли большую ценность, чем частные беседы. [199] Вскоре мы увидим важные шаги, предпринятые Францией в направлении союза с евангелической Германией.

=НЕОСТОРОЖНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕПУТАТА.=

Маргарет, веря, что триумф благого дела не за горами, решила немного продвинуться вперед. Она вычеркнула из своего молитвенника все молитвы, обращенные к Пресвятой Деве и святым. Это она изложила королевскому духовнику Уильяму Пети, епископу Санлисскому, придворному, далекому от евангелизма, хотя и проявлявшему чрезмерную любезность к сестре своего господина. "Посмотрите сюда!" — сказала она; "Я вырезала все самые суеверные части из этой книги". [200] - "Восхитительно!" - воскликнул придворный. "Я не желал бы ничего другого". Королева поверила прелату на слово: "Переведите это на французский, - сказала она, - и я напечатаю это с вашим именем". Придворный епископ не посмел отказаться; он перевел книгу, королева одобрила ее, и она появилась под названием "*Heures de la Royne*". *Margaritha* ("Молитвенник королевы Маргариты"). Богословский факультет был разгневан этим, но они сдержались, не столько потому, что это был молитвенник королевы, сколько потому, что переводчиком был епископ и духовник его Величества.

=ПРОПОВЕДЬ ЛЕКОКА Перед КОРОЛЕМ.=

Королева Наваррская на этом не остановилась. В то время в Париже был кюре по имени Лекок, чьи проповеди привлекали огромные толпы в Сент-Эсташ. Некоторые придворные дамы, притворявшиеся набожными, не пропускали ни одной его проповеди. "Какое красноречие! - говорили они однажды о Лекоке на приеме в Сен-Жермене. - какой поразительный голос! какой поток слов! какая смелость мысли! какое пылкое благочестие!" — "Ваш прекрасный оратор, - сказал король, который слушал их, - без сомнения, переодетый лютеранин!" — "Вовсе нет, сир, - сказала одна из дам. - Он часто выступает против Лютера и говорит, что мы не должны отделяться от Церкви". Маргарет попросила своего брата судить самому. "Я пойду", - сказал Франциск. Кюре сообщили, что в следующее воскресенье король и весь его двор придут послушать его проповедь. Священник был очарован этой информацией. Он был талантливым человеком и получил евангельские впечатления; только они не были глубокими, и дуновение благосклонности могло легко сбить его с правильного пути. Поскольку это дуновение как раз сейчас было направлено в сторону Евангелия, он всем сердцем присоединился к этому заговору дам и начал готовить речь, адаптированную, как он думал, для того, чтобы внести новый свет в сознание короля.

Когда наступило воскресенье, все придворные экипажи остановились перед церковью Святого Эсташа, в которую вошел король в сопровождении Дю Белле, епископа Парижского, и сопровождавших его лордов и леди. Толпа была огромной. Проповедник вззошел на кафедру, и все приготовились слушать. Сначала король не заметил ничего примечательного; но постепенно проповедь стала теплее, и зазвучали слова, полные жизни. "Цель всего видимого, - сказал Лекок, - привести нас к невидимому. Хлеб, который освежает наше тело, говорит нам, что Иисус Христос - это жизнь нашей души. Восседающий одесную Бога, Иисус живет своим Святым Духом в сердцах своих учеников. *Quæ sursum sunt quærite*, says St. Paul, *ubi Christus est in dextera Dei sedens*. Да, стремитесь к тому, что выше! Не ограничивайтесь во время мессы тем, что находится на алтаре; вознеситесь верой на небеса, чтобы там найти Сына Божьего.

После того, как он освятил элементы, разве священник не взывает к людям: *Sursum corda!* воспряните духом! Эти слова означают: вот хлеб и вот вино, но Иисус на небесах. По этой причине, сир, - продолжал Лекок, смело обращаясь к королю, - если вы хотите обрести Иисуса Христа, не ищите его в видимых элементах; воспаряйте к небесам на крыльях веры. *Именно веруя в Иисуса Христа, мы едим его плоть*, говорит св. Augustin. Если бы это было правдой, что Христа нужно касаться руками и пожирать зубами, [201] мы не должны были бы говорить *sursum*, вверх! но *отступление*, вниз! Сир, я приглашаю вас на небеса. Услышите глас Господень: *sursum corda*, сир, *sursum corda!*" [202] И звучный голос священника наполнил всю церковь этими словами, которые он повторил тоном самого искреннего убеждения. Вся паства была тронута, и даже Франциск восхитился красноречием проповедника. "Что вы об этом думаете?" - спросил он Дю Белле, когда они выходили из церкви. "Возможно, он прав", - ответил епископ Парижский, который не был против умеренной реформы и был женат.—Я очень хочу снова увидеть этого священника, — сказал король. - Нет ничего проще, - ответил Дю Белле.

=ПАДЕНИЕ ЛЕКОКА.=

Однако были приняты меры предосторожности, чтобы это интервью было скрыто от всех. Кюре переоделся и был тайно введен в личный кабинет короля. [203] "Предоставьте нас самим себе", — сказал Франциск епископу. - "Господин кюре, - продолжал он, - "будьте добры объяснить, что вы сказали о таинстве алтаря". Лекок показал, что только духовный союз со Христом может принести пользу душе. "В самом деле! - сказал Франциск. - Вы вызываете у меня странные сомнения". [204] Это ободрило священника, который, очарованный своим успехом, выдвинул другие догматы веры. [205] Его рвение все испортило; это было слишком для короля, который начал думать, что священник, возможно, все-таки еретик, и приказал осмотреть его римскому врачу. "Он закоренелый еретик", - сказал инквизитор после допроса. "С разрешения вашего величества, я оставляю его взаперти". Король, который не собирался заходить так далеко, приказал выпустить Лекока "на свободу и допустить к доказательству своих утверждений свидетельством Священного Писания".

По этому поводу кардиналы Лотарингии и Турнона, "разбуженные криком петуха", [206] устроили совещание. С одной стороны был подозреваемый священник, с другой - несколько самых образованных врачей, и два кардинала председательствовали в дискуссии в качестве арбитров. Турнон был одним из самых способных людей того периода и самым непримиримым врагом Реформации; в последующие годы он был гонителем вальденсов и внедрил иезуитов во Францию. Обсуждение началось. "Кто бы мог подумать, - говорили Лекоку доктора Сорбонны, - что эти слова *sursum corda* означают, что хлеб остается хлебом? Нет, они означают, что ваше сердце должно воспарить к небесам, чтобы Господь мог сойти на алтарь ". Лекок показал, что только Дух дает жизнь; он говорил о Священном Писании; но Турнон, который был средством создания более чем одного папы и сам получал голоса за свое избрание на папский престол, воскликнул в стиле, который любят использовать папы: "Церковь сказала; подчинитесь ее постановлениям. Если вы отвергаете авторитет Церкви, вы плывете без компаса, подгоняемый ветрами, к своей гибели. Не медлите!... Спасайтесь! Опустите реи и сверните паруса, иначе ваше судно налетит на скалы ошибки, и вы потерпите вечное кораблекрушение". [207] Кардиналы и врачи окружили Лекока и теснили его со всех сторон. Здесь богослов обрушился на него со своими изощренными схоластическими доказательствами; там аббат кричал ему в уши; и кардиналы бросили на чашу весов тяжесть своего достоинства. Кюре из Сент-Эсташ в нерешительности метался взад-вперед. У него был небольшой вкус к Евангелию, но больше он

любил мир и его почести. Они по очереди пугали и успокаивали его, и в конце концов он отказался от того, что проповедовал. Лекок не обладал ни одним из качеств мученика: он был скорее одним из тех слабоумных, которые поставляли отступников в первобытную Церковь.

К счастью, во Франции были более стойкие христиане, чем он. В то время как в мире политики дипломаты пересекали Рейн; в то время как в мире римско-католицизма самые красноречивые люди теряли веру в свои убеждения: в евангельском мире были христиане, среди тех, чья вера привела к искуплению, которые пожертвовали своими жизнями, чтобы остаться верными Господу, который их искупил. Это был сезон, когда происходили самые противоположные движения.

Тулуза, в древности святилище галльского язычества, в этот период была наполнена изображениями, реликвиями и "другими орудиями римского идолопоклонства". Религия народа была религией глаз и ушей, рук и коленей - короче говоря, религией внешнего, в то время как внутри совесть, воля и разум спали глубоким сном. Парламент, прозванный "кровавым", был послушным инструментом фанатизма священников. Они сказали своим офицерам: "Не спускайте глаз с еретиков. Если какой-либо человек не приподнимает шапку перед изображением, он еретик. Если какой-либо человек, услышав колокольный звон *"Аве Мария"*, не преклоняет колена, он еретик. Если какой-либо человек получает удовольствие от изучения древних языков и светского этикета, он еретик.... Не медлите с доносом на таких людей.... Парламент осудит их, и кол избавит нас от них". [208]

Знаменитый итальянец покинул свою страну и поселился в Ажене. Юлиус Сезар делла Скала, более известный под именем Скалигер, принадлежал к одной из старейших семей своей родной страны, и из-за универсальности его знаний многие считали его величайшим человеком, когда-либо появлявшимся в мире. Скалигер не принял реформатскую веру, как его сын, но он привнес на берега Гаронны любовь к науке, особенно к греческому языку.

=КАТАСТРОФА В ТУЛУЗЕ.=

Лицензиат Жан де Катурс, профессор права в университете и уроженец Лиму, выучив греческий, раздобыл Новый Завет и изучил его. Будучи человеком широкого понимания, легкого красноречия и, прежде всего, вдумчивой души, он нашел Христа Спасителя, Христа Господа, Христа жизнь вечную и обожал его. Вскоре Христос преобразил его, и он стал новым человеком. Затем Пандекты утратили свое очарование, и он обнаружил в Священном Писании божественную жизнь и свет, которые привели его в восторг. Он размышлял о них день и ночь. Его обуревало горячее желание посетить место своего рождения и проповедовать Спасителя, которого он любил и который обитал в его сердце. Соответственно, он отправился в Лиму, который находится недалеко от Тулузы, и в день всех Святых 1531 года произнес там "наставление". Он решил вернуться на Богоявление, потому что каждый год в этот день на праздник собиралось большое скопление людей, и он хотел воспользоваться этим, открыто провозгласив Иисуса Христа.

=УЖИН НА ДВЕНАДЦАТУЮ НОЧЬ.=

Все было подготовлено к фестивалю. [209] Накануне Богоявления обычно устраивался грандиозный ужин, на котором, по обычаю, провозглашался царь праздника, после чего слышались крики и шутки, пение и танцы. Катурсия была полна решимости принять участие в фестивале, но таким образом, чтобы он не прошел обычным образом. Когда праздничная

служба в честь трех королей Востока закончилась, собравшиеся сели за стол: они пили южное вино, и наконец принесли пирог. Один из гостей нашел боб, веселье усилилось, и они собирались отпраздновать новоизбранного члена королевской семьи обычным тостом: *король пьет!* когда Катурций встал. "Есть только один король, - сказал он, - и это Иисус Христос. Недостаточно, чтобы его имя мелькало в наших мозгах — он должен жить в наших сердцах. Тот, кто имеет в себе Христа, ни в чем не нуждается. Тогда вместо того, чтобы кричать, что *король пьет*, давайте скажем этой ночью: *Пусть Христос, истинный король, царствует во всех наших сердцах!*" [210]

Тулузский профессор пользовался большим уважением в своем родном городе, и многие из его знакомых уже любили Евангелие. Губы, готовые воскликнуть "*Король пьет*", были немые, и многие сочувствовали, по крайней мере, своим молчанием, новому "тосту", который он им предложил. Катурс продолжил: "Друзья мои, я предлагаю, чтобы после ужина, вместо непринужденных разговоров, танцев и разгула, каждый из нас, в свою очередь, привел по одному отрывку из Священного Писания". Предложение было принято, и шумный ужин превратился в организованное христианское собрание. Сначала один человек повторил какой-то поразивший его отрывок, затем то же самое сделал другой; но Катурция, как говорится в хронике, "проникла в суть дела глубже, чем остальные члены компании", утверждая, что Иисус Христос должен восседать на престоле наших сердец. Профессор вернулся в университет.

Этот ужин на двенадцатую ночь произвел такую сенсацию, что о нем разнесся слух по Тулузе. Судебные приставы задержали лиценциата посреди его книг и уроков и доставили его в суд. "Ваши милости, - сказал он, - я готов отстаивать то, что у меня на сердце, но пусть моими оппонентами будут ученые люди со своими книгами, которые докажут то, что они выдвигают. Я бы хотел, чтобы каждый пункт решался без блуждающих разговоров". Началась дискуссия; но самые ученые богословы напрасно возражали ему, ибо лиценциат, носивший в себе Божественное Слово, ответил "быстро, уместно и с большой силой, немедленно процитировав отрывки из Священного Писания, которые лучше всего служили его цели", - говорится в хронике. Врачей заставили замолчать, а профессора отправили обратно в тюрьму. [211]

Судьи были сильно смущены. Один из них посетил *еретика* в его темнице, чтобы посмотреть, нельзя ли его поколебать. "Мастер Катурций, - сказал он, - мы предлагаем вам полную свободу при условии, что вы сначала откажетесь только от трех пунктов лекции, которую прочтете в школах". Хронист не сообщает нам, в чем заключались эти три пункта. Друзья лиценциата умоляли его согласиться, и на мгновение он заколебался, но сразу же после этого вновь обрел твердость. "Это ловушка Лукавого", - ответил он. Несмотря на это, его друзья предложили ему форму отречения, и когда он отверг ее, они принесли ему другую, составленную еще более искусно. Но "Господь укрепил его так, что он отбросил от себя все эти бумаги". Его друзья в смятении удалились. Он был объявлен еретиком, приговорен к сожжению заживо и доставлен на площадь Сент-Этьен.

Здесь собралась огромная толпа, особенно студентов университета, которым не терпелось стать свидетелями унижения столь уважаемого профессора. "Мистерия" длилась три часа, и это были три часа триумфа Слова Божьего. Никогда еще Катурция не говорила с большей свободой. В ответ на все, что было сказано, он привел какой-то отрывок из Священного Писания, "очень

подходящий для того, чтобы обличить глупость своих судей перед учеными". С него сняли академическую мантию, надели костюм веселого Эндрю, а затем началась другая сцена.

=ДОМИНИКАНЕЦ ЗАМОЛЧАЛ.=

Монах-доминиканец в белой рясе и лопатке, в черном плаще и остроконечной шапочке пробрался сквозь толпу и взошел на небольшую деревянную кафедру, установленную в центре площади. Этот отнюдь не образованный человек напустил на себя важный вид, поскольку ему было поручено произнести то, что называлось "проповедью католической веры". Голосом, который был слышен по всей площади, он зачитал свой текст: *Дух ясно говорит, что в последние времена некоторые отступят от веры, обратив внимание на духов-обольстителей и доктрины дьяволов.* [212] Монахи были в восторге от текста, который показался им таким подходящим; но Катурсе, который почти знал свое Завещание наизусть, поняв, что, согласно их обычаю исказить Священное Писание, он взял только фрагмент (*lopin*) отрывка, воскликнул ясным голосом: "Читайте дальше". Доминиканец, встревоженный, резко остановился, после чего сам Катурсе дополнил отрывок: *Запрещающий вступать в брак и повелевающий воздерживаться от мяса, которое Бог сотворил, чтобы верующие принимали его с благодарностью.* Монахи были сбиты с толку; студенты и другие друзья лиценциата улыбнулись. "Мы знаем их, - продолжал энергичный профессор, - этих обманщиков народа, которые вместо доктрины веры кормят его мусором. В служении Богу не может быть и речи о рыбе или о мясе, о черном или сером цвете, о среде или пятнице.... Это не что иное, как глупое суеверие, которое требует безбрачия и воздержания от мяса. Таковы не заповеди Божьи". Доминиканец со своей кафедры слушал с изумлением; заключенный проповедовал среди судебных приставов, и студенты слушали его "с великой благосклонностью". Бедный доминиканец, устыдившись своей глупости, оставил свою проповедь незаконченной.

После этого мученика отвели обратно в суд, где ему был вынесен смертный приговор. Катурсий с негодованием оглядел своих судей и, покидая трибунал, воскликнул по-латыни: "Ты место беззакония! Ты суд несправедливости!" Теперь его повели на эшафот, и на костре он продолжал призывать людей познать Иисуса Христа. "Невозможно подсчитать, какие великие плоды принесла его смерть, - говорится в хронике, - особенно среди студентов Тулузского университета", то есть в 1532 году. [213]

Однако некоторые проповедники, проповедовавшие новое учение, в то время прискорбно отступили и остановили распространение Слова на юге; среди них были протонотарий Арманьяка, кордельер Де Нос, а также его товарищ, юный Мельхиор Флавин, "яростный лицемер", как называет его Беза. Один из тех, кто принял в свои сердца огонь, согревавший энергичную Церковь, твердо стоял за истину даже перед костром: это был серый монах по имени Марций. Совершив "чудеса" своей проповедью в Руэрге, он был доставлен в Тулузу и там скрепил своей кровью доктрины, которые он так верно провозглашал. [214]

=ДВА СПОСОБА РЕФОРМИРОВАНИЯ.=

Вскоре мы должны обратиться к той внешней реформации, о которой мечтали некоторые советники короля, вдохновленные королевой Наваррской, и некоторые немецкие протестанты, которые под влиянием мотивов отчасти религиозных, отчасти политических предлагали реформировать христианский мир посредством собора, не ликвидируя римский епископат. Но

сначала мы должны вернуться к этому скромному и могущественному учителю, благородному представителю библейской и живой реформации, который, настаивая на необходимости духовного единства, выдвигал на первое место непреложные права истины.

[189] Секкендорф, стр. 1170, 1171.

[190] 'Fratris iras pro viribus moderavit.'—Bezæ *Icones*.

[191] 'Propter quæstum, cum contumelia Christi et cum periculo animarum.'—*Corp. Ref.* ii. p. 472.

[192] Слэйдан, глава viii.

[193] 'Ihm eine gnädige Mine gemacht.'—Seckendorf, p. 118.

[194] Слэйдан, глава viii. стр. 232.

[195] "Gallus recripsit humanissime". —*Корп. ссылка.* ii. стр. 503.

[196] Du Bellay, *Mémoires*, iv. p. 167.

[197] 'Sondern gienge alles unter einander wie das Viehe.'—Schelhorn, p. 289.

[198] 'Illi reges sua agunt negotia.'—*Corp. Ref.* ii. p. 518.

[199] Du Bellay, *Mém.* p. 167.

[200] Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 8.

[201] 'Corpus et sanguinem Domini, in veritate, manibus sacerdotum tractari, frangi, et fidelium dentibus atteri.' (The formula which Pope Nicholas exacted of Bérenger.)—Lanfranc, *De Euchar.* cap. v.

[202] 'Speciebus illis nequaquam adhærendum, sed fidei alis ad cœlos evolandum esse. Illud subinde repetens: *Sursum corda! sursum corda!*'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, ii. p. 225. См. также Maimbourg, *Calvinisme*, стр. 22-24.

[203] "Прекрасная опера, Gallus hic in secretiorem locum vocatus".—Флор. Rémond, ii. p. 225.

[204] 'Regi scrupulos non leves iniecit.'—*Ibid.*

[205] 'Idem de aliis quoque fidei articulis.'—*Ibid.*

[206] Обыгрывание имени священника, как на французском, так и на латыни. 'Lotharingus et Turnonius cardinales Galli hujus cantu excitati.'—Flor. Rémond, ii. p. 225.

[207] 'Antennas dimittite ac vela colligite, ne ad errorum scopulos illisa navi æternæ salutis naufragium faciatis.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, ii. p. 225.

[208] Théod. de Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 7.

[209] Этот рабочий день соответствует нашему Двенадцатому дню.

[210] Théod. de Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 7. Креспин, *Мартиролог*, т. 106.

[211] Théod. de Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 7. Креспин, *Мартиролог*, т. 106.

[212]1-е Тимофею iv. 1.

[213] Théod. de Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 7. Креспин, *Мартиролог*, т. 106.

[214] Там же.

ГЛАВА XX.

ОТДЕЛЕНИЕ КАЛЬВИНА ОТ ИЕРАРХИИ: ЕГО ПЕРВАЯ РАБОТА "ЕГО ДРУЗЬЯ". (1532)

ЛЕКОК был пойман в ловушки мира; Катурсе погиб в огне; некоторые избранные души, казалось, подвергались третьей опасности — своего рода христианству, частично мистическому, частично мирскому, частично романистическому. Но среди евангелистов был молодой человек, который начинал вызывать некоторое беспокойство у тепловатых людей. Кальвин — ибо мы говорим именно о нем — последовательно подвергался нападкам с этих трех сторон, и все же он оставался непоколебимым. Он делал больше, чем это, ибо с каждым днем расширял круг своей христианской деятельности. Адвокат, молодой *фрондер*, благочестивый торговец, студент—католик, профессор университета и королева Наваррская - все они получили от него в это время определенные импульсы, которые повели их вперед по пути истины.

=ВЗГЛЯДЫ ДАНИИЛА НА КАЛЬВИНА.=

Адвокат Даниил горячо любил его и желал сохранить его в римской общине. Его широкое понимание, его энергичный характер, его неутомимая деятельность, казалось, обещали Церкви Св. Огюстен или Сенбернар; он должен быть возведен на какой-нибудь важный пост, где у него была бы перспектива принести пользу. У адвоката, который считал, что Кальвин гораздо менее продвинут на пути к свободе, чем он был на самом деле, возникла идея получить для него церковную должность, которая, по его мнению, идеально подошла бы его молодому другу: это была должность чиновника или генерального викария, уполномоченного осуществлять епископальную юрисдикцию. Добьется ли Даниил успеха? Лишит ли он Реформацию этого молодого и блестящего гения? Влиятельные люди были готовы помочь ему утвердить Кальвина в рядах римской иерархии. Соответственно, первое искушение, которому он подвергся, проистекало из клерикальных амбиций.

Священнослужитель высокого происхождения Иоанн, граф Лонгвиль и архиепископ Тулузы, был назначен епископом Орлеана в 1521 году с разрешением сохранить свой архиепископский сан. [215] В 1532 году в Орлеане ожидался новый епископ, либо потому, что Лонгвиль был мертв, либо потому, что из-за его болезни потребовался коадьютор. Прелат-плюралист был соотечественником Кальвина. [216] Дэниел, решив, что ему следует воспользоваться этой возможностью и обеспечить молодому ученому должность чиновника, сделал первые предложения Кальвину 6 января 1532 года. "Я никогда не откажусь, - сказал он, - от старой и взаимной дружбы, которая нас объединяет". А затем, попытавшись таким образом добиться его благосклонного внимания, он искусно намекнул на свои желания. "Мы ожидаем прибытия епископа каждый день; я был бы рад, если бы благодаря заботе ваших друзей вы были

настолько рекомендованы ему, что он поручил вам занять официальный или какой-либо другой пост". [217] В этом было много такого, что льстило самолюбию двадцатитрехлетнего молодого человека. Если бы Кальвина сделали генеральным викарием в столь раннем возрасте, он бы на этом не остановился; эта должность часто приводила к высочайшим достижениям, и его блестящий гений, его великий и сильный характер сделали бы его епископом, кардиналом, кто может сказать? ... возможно, поуп. Вместо того чтобы освободить Церковь, он бы поработил ее; и вместо того, чтобы быть простым Джоном Кальвином, он, возможно, был бы Гильдебрандом своего времени.

Что будет делать Кальвин? Несмотря на то, что он был уверен в доктрине, он все еще не определился в отношении Церкви: для него это был переходный период. "С одной стороны, - сказал он, - я чувствую зов Божий, который крепко привязывает меня к Церкви, а с другой - я боюсь взвалить на себя бремя, которое не в силах вынести.... Какое замешательство!" [218] Вскоре возникло искушение. "Подумай! - прошептал коварный голос. - О легкой, прилежной, почитаемой, полезной жизни!" — "Увы! - сказал он, - как только появляется что-нибудь, что нам нравится, тотчас плотские желания безудержно устремляются за этим, подобно диким зверям". Мы не можем сказать, были ли эти "дикие звери" пробуждены в его пылкой душе, но, по крайней мере, если внутри была какая-то алчность, "которая искушала сердце", он заставил ее успокоиться. Твердая решимость отличает христианский характер Кальвина. Новый человек внутри него с ужасом отверг все, что любил старый человек. Он был далек от того, чтобы вступать в новые узы, он думал о разрыве тех, которые все еще связывали его с римской иерархией. Поэтому он не принял предложение Даниила. Из двух дорог, лежавших перед ним, он выбрал более трудную и отдал себя одному Богу.

=КОММЕНТАРИЙ КАЛЬВИНА К СЕНЕКЕ.=

Повернувшись спиной к епископам и кардиналам, Кальвин с любовью смотрел на мучеников и их горящие останки. Смерть благочестивого Берквина и других исповедников огорчила его, и он боялся увидеть, как другие верующие погибнут от такого же насилия. Он хотел бы выступить от имени немых и невинных жертв. "Но, увы! - воскликнул он, - как может человек такого низкого происхождения, такой бедноумный, как я, ожидать, что его услышат?" [219] Он закончил свой комментарий к "Трактату о милосердии" Сенеки. Будучи большим поклонником этого философа, он был раздосадован тем, что мир не отвел ему того места, которого он заслуживал, и рассказывал о нем всем своим друзьям. Если бы кто-нибудь из них вошел в его маленькую комнату и выразил удивление, увидев, что он прилагает столько усилий, чтобы сделать труды языческого философа более известными, Кальвин, который думал, что обнаружил жилу евангельского золота в железной руде Сенеки, ответил бы: "Разве он не писал против суеверий? Разве он не сказал о евреях, что побежденные дают законы своим завоевателям? Когда он восклицает: "Мы все согрешили, мы все будем грешить до конца!" [220] не можем ли мы представить, что слышим слова Павла?"

Однако, как полагают некоторые, другой мотив повлиял на выбор Кальвином трактата о милосердии. Существовало сходство (и Кальвин заметил это) между эпохами автора и комментатора. Сенека, живший во времена первых гонений на христиан, посвятил свой трактат о милосердии одному гонителю. Кальвин решил опубликовать его с комментарием в надежде (как было сказано), что король, любивший книги, прочтет это наследие древности. Не отвергая полностью эту гипотезу, мы можем сказать, что он стремился написать какое-нибудь

литературное произведение и что он продемонстрировал солидную образованность, оттененную элегантным и приятным стилем, который сразу же поставил его в ряд литераторов своего времени.

Вот слова Сенеки, которые благодаря Кальвину были теперь услышаны в столице королей Франции: "Милосердие не идет никому так, как королю.—Ты щадишь себя, когда кажется, что щадишь другого. Мы не должны причинять зла никому, даже порочным; люди не причиняют вреда своим собственным больным конечностям. В природе самых трусливых диких зверей растерзать тех, кто лежит на земле, но слоны и львы проходят мимо человека, которого они повергли. [221] Получать удовольствие от звона цепей, отрубать головы гражданам, проливать много крови, сеять ужас везде, где он появляется, — разве это работа короля? Если бы это было так, гораздо лучше было бы, чтобы над нами царствовали львы, медведи или даже змеи!" [222]

=ТРУДНОСТИ МОЛОДОГО АВТОРА.=

Как только работа была закончена, Кэлвин подумал о ее публикации, но книготорговцы отвернулись от него, потому что первое произведение автора редко привлекает их. Молодой комментатор не был богат, но он пришел к смелому решению. Он чувствовал, как могло показаться, что авторство будет его призванием, что сам Бог призвал его, и он был полон решимости сделать первый шаг, несмотря на все препятствия. Он сказал: "Я опубликую книгу о *милосердии* за свой счет", но когда печать была закончена, ему стало не по себе. "Честное слово, - сказал он, - это обошлось мне в больше денег, чем я предполагал". [223]

Молодой автор написал свое имя латынью на титульном листе своей первой опубликованной работы, *Кальвин*, откуда произошло слово *Кальвин*, которое заменило фамилию *Кавин*. Он посвятил свою книгу аббату Сент-Элюа (4 апреля 1532 года), а затем подарил ее миру. Для него это было великое дело, и он был полон беспокойства по поводу его шансов и опасностей. "Наконец-то жребий брошен", - [224] написал он Дэниелу 23 мая; "Мой комментарий по поводу *помилования* появился".

В это время его всецело занимали две мысли: первая касалась пользы, которую могла бы принести его книга. "Напиши мне как можно скорее, - сказал он своему другу, - и скажи, благосклонно или холодно принята моя книга. [225] Я надеюсь, что это послужит общественному благу". Но он также был очень обеспокоен продажей: все его деньги пропали. "Я истощен досуха, - сказал он, - и я должен напрячь все свое остроумие, чтобы вернуть с каждого квартала потраченные деньги".

Кальвин проявил большую активность при публикации своего первого труда; мы уже можем проследить в нем капитана, разрабатывающего свой план сражения. Он обратился к нескольким столичным профессорам и упросил их использовать его книгу в своих публичных лекциях. Он разослал пять экземпляров своим друзьям в Бурже и попросил Сакви прочитать курс лекций по его публикации. Он обратился с такой же просьбой к Ландрену в отношении Орлеанского университета. [226] Короче говоря, он не упускал возможности сделать свою книгу известной.

Дэниел попросил у него несколько Библий. Вероятно, отказ Кальвина принять сан в Церкви не удивил адвоката, и этот набожный человек пожелал распространить книгу, которая вдохновила его молодого друга на такое мужество и самоотречение. Но выполнить поручение было нелегко. Существовала Библия Лефевра, напечатанная на французском языке в Антверпене в 1530 году;

и латинская Библия Роберта Стивенса, появившаяся в Париже в 1532 году. Последнее было так охотно раскуплено, что доктора Сорбонны пытались запретить продажу. Вероятно, Кальвин пытался раздобыть именно это издание. Он переходил из магазина в магазин, но книготорговцы смотрели на него с подозрением и говорили, что у них нет такого тома. Кальвин возобновил свои расспросы в латинском квартале, где, наконец, нашел то, что искал, у книготорговца, который был более независим от Сорбонны и ее прокламаций, чем другие. "Я выполнил ваше поручение относительно Библии, - писал он Даниэлю, - и это стоило мне больше хлопот, чем денег". [227] Кальвин воспользовался возможностью упросить своего друга прочитать курс лекций о *милосердии*. "Если вы решитесь на это, - писал он, - я пришлю вам сто экземпляров". Эти экземпляры, без сомнения, предназначались для продажи слушателям Даниила. Таковы были тревоги великого писателя шестнадцатого века в начале его творческого пути. Первая работа Кальвина (она заслуживает внимания) была посвящена *милосердию*. Читал ли король этот трактат?... Мы не можем сказать; во всяком случае, Кальвину повезло с Франциском I не больше, чем Сенеке с Нероном.

=НЕСЧАСТНЫЙ ФРОНДЕР.=

Вскоре его внимание привлек другой случай совсем иного характера. Кальвин испытывал большой ужас перед ложью: клевета вызывала у него гнев, проявлялся ли он в грубых обвинениях или намекался двусмысленными комплиментами. Среди его университетских друзей был молодой человек, которого он называл своим замечательным братом, чье имя не сохранилось. Все его сокурсники любили его; все профессора уважали его; [228] но иногда он проявлял себя немного грубовато. Этот неизвестный студент, приняв благую весть Евангелия всей душой, почувствовал побуждение говорить об этом от избытка своего сердца и восстал против лежащей на нем обязанности скрывать свои убеждения. В нем еще оставались какие-то остатки "старика", и, возмущенный слабостью окружающих и придирчивым характером, он называл их трусами. Он не мог дышать в атмосфере деспотизма и раболепия, в которой жил. Он любил Францию, но свободу любил больше. Однажды этот гордый молодой человек сказал своим друзьям: "Я не могу согнуть шею под ярмом, которому вы так охотно подчиняетесь. [229] Прощайте! Я еду в Страсбург и отказываюсь от всякого намерения возвращаться во Францию".

Страсбург его не удовлетворил. Выдающиеся люди, которые иногда там проживали, и, без сомнения, с благими намерениями, ставили мир выше истины. Едкие мнения молодого француза не нравились Буцеру и его друзьям. Он был ворчуном по натуре и высказывался прямолинейно по всем поводам. [230] У него произошла острая стычка со страсбургцем, имени которого Кальвин не называет, и который, возможно, был так же восприимчив, как парижанин хэсти. Молодой француз выступал против возрождения при крещении, как вдруг его противник, к которому Кальвин относится с большой сдержанностью, начал обвинять бедного беженца в том, что он анабаптист. В то время это был ужасный упрек. Куда бы Страсбургер ни пошел, он рассыпал свои обвинения и инвективы. Все сердца были закрыты от бедняги; ему не разрешалось даже дать малейших объяснений. Вскоре он оказался в нужде и обратился за помощью к друзьям, которым он раньше помогал. Все это было бесполезно. Доведенный до крайней нужды, не имея ни средств добыть еду, ни путешествовать, он, однако, сумел вернуться во Францию в состоянии величайшей нищеты. Он нашел Кальвина в Нойоне, где последний случайно оказался в начале сентября 1532 года.

=КЭЛВИН ПРИНИМАЕТ ЕГО ЛЮБЕЗНО.=

Молодой человек, угрюмый и разочарованный, нарисовал печальную картину Страсбурга. "Во всем городе не было ни одного человека, у которого я мог бы получить пенни", - сказал он. "Мой враг не оставил камня на камне; рассыпая во все стороны искры своего гнева, он разжег великий пожар.... Мое пребывание там стало настоящей трагедией, в результате которой погиб невинный человек". Кальвин допросил его о крещении, и суровый допрос был полностью на руку молодому беженцу. "Действительно, - сказал комментатор по поводу *помилования*, - я никогда не встречался ни с кем, кто с такой откровенностью исповедовал правду по этому вопросу". Кальвин не стал терять ни минуты, а сел (4 сентября) писать Буцеру, которого он называл *епископом* Страсбурга. "Увы! - сказал он, - насколько клевета сильнее правды! Они погубили репутацию этого человека, возможно, без умысла, но уж точно без причины. Если мои молитвы, если мои слезы имеют какую-то ценность в ваших глазах, дорогой мастер Буцер, сжальтесь над несчастьем этого несчастного человека! [231] Ты защитник бедных, помощник сироте; не допусти, чтобы этот несчастный человек был доведен до последней крайности".

Вскоре после написания этого трогательного обращения Кальвин вернулся в Париж. Что касается молодого человека, мы не знаем, что с ним стало. Однако он был не единственным, кто сначала напал, а затем взывал к жалости.

Литературное движение столицы с каждым днем все больше проявляло себя в библейском направлении. Гвидасерио из Венеции, посвятивший себя изучению Священного Писания, опубликовал комментарий к *Песне Песней Соломона* и объяснение *Нагорной проповеди*, [232] к большому неудовольствию докторов Сорбонны, которые были разгневаны тем, что миряне нарушили их монополию на толкование Священного Писания. Священники в своих проповедях, студенты в своих эссе выдвигали положения, противоречащие римской доктрине; а Беда, который был вне себя, заполнил Париж своими яростными декламациями. Вскоре он получил резкий ответ. Несколько молодых друзей учености публично представили бурлескную комедию под названием "Парижский университет основан на чудовище". [233] Беда не смог сдержаться: "Они имеют в виду меня", - воскликнул он и создал факультеты. Они передали дело инквизиторам веры, у которых хватило здравого смысла оставить его в покое. [234]

=КУПЕЦ ДЕ ЛА ФОРЖ.=

Когда Кальвин вернулся в Париж, он не присоединился к этому литературному миру, который глумился над нападками священников: он предпочел узкий и тернистый путь. Каждый день он присутствовал на собраниях, которые тайно проводились в разных частях столицы. Он общался с благочестивыми семьями, сидел у очага друзей Евангелия и беседовал с ними об истине и о трудностях, с которыми Реформации придется столкнуться во Франции. В то время его особенно привлекал благочестивый и добросердечный купец, уроженец Турне, по имени Стивен де ла Форж. Когда он входил на склад своего друга, его часто поражало количество покупателей и суэта вокруг. "Я благодарен, - сказал Ла Форж, - за все благословения, которые Бог дал мне; и я не пожалю своего состояния ни для того, чтобы помогать бедным, ни для распространения Евангелия". На самом деле, торговец напечатал Священное Писание за свой счет и распространял копии вместе с многочисленными пожертвованиями, которые он имел привычку раздавать. Благородный, добросердечный, готовый поделиться всем, что у него было, с бедными, он также обладал умом, способным распознать ошибку. Он был хорошим, но не слабым. Некоторые врачи, неверующие и аморальные философы, начали в то время появляться в Париже и бывать у Ла Форжа, где с ними познакомился Кальвин. Последний спросил своего

друга, кто были эти странно выглядящие люди: "Они притворяются, что были изгнаны из своей страны, - сказал Ла Форж. - Возможно.... Но если так, поверьте мне, это было из-за их проступков, а не из-за Слова Божьего". [235] Это были вожди сектантов, впоследствии известных под именем *Развратников*, которые только что прибыли из Фландрии. Ла Форж не только отдал свои деньги, но и смог несколько позже пожертвовать собой и умереть, исповедуя Иисуса Христа. Когда Кальвин вспомнил в Женеве о милых беседах, которыми они наслаждались вместе, он воскликнул с чувством уважения: "О святой мученик Иисуса Христа! память о тебе всегда будет священна среди верующих". [236]

Помимо Ла Форжа, у Кальвина был еще один близкий друг в Париже, чей личный характер обладал для него большой привлекательностью, хотя склад его ума сильно отличался от его собственного. Луи дю Тийе был одним из тех кротких умеренных христиан, которые боятся креста и парализованы мнением мира. *Фрондер* и он сам были двумя крайностями: Кальвин был средним между ними. Дю Тийе хотел сохранить католическую церковь, даже реформируя ее, поскольку уважал ее единство. Реформатор был поражен его милосердием, смирением и любовью к истине, в то время как Людовик, с другой стороны, восхищаясь "великими дарами и милостями, которыми Господь наградил его друга", никогда не уставал слушать его. Он принадлежал к знатной семье Ангулема; его отец был вице-президентом Счетной палаты; его старший брат был камердинером короля; а другой его брат был вторым главным секретарем парламента. Он постоянно колебался между Кальвином и своими собственными родственниками, между Священным Писанием и традицией, между Богом и миром. Он часто оставлял Кальвина, чтобы пойти послушать мессу; но вскоре, привлеченный очарованием, причину которого он не мог объяснить, он возвращался к своему другу, чьи ясные идеи проливали немного света в его разум. Дю Тийе воскликнул: "Да, я чувствую, что во мне много невежества и тьмы". Но мысль о том, чтобы оставить Церковь, встревожила его, и едва он произнес эти слова, как снова поспешил исповедоваться.

Кальвина, благодаря многочисленным друзьям, которые близко его видели, начали ценить даже те, кто клеветал на его веру. "Этот человек, по крайней мере, ведет суровую жизнь", - говорили они: "он не раб своего живота; с юности он питал отвращение к плотским удовольствиям; [237] он не балуется ни едой, ни питьем. [238] ... Посмотри на него ... его ум энергичен; в его душе мудрость сочетается с отвагой.... Но его тело худое и худощавое; ясно видно, что его дни и ночи посвящены воздержанию и учебе". — "Не думайте, что я постлюсь из-за ваших суеверий", - сказал Кальвин. - Нет! это только потому, что воздержание устраняет боли, которые мешают мне выполнять мою работу.

=КАЛЬВИН И КОП.=

Профессор Николас Коп, сын того Уильяма Коп, королевского врача, честь рождения которого (по словам Эразма) оспаривалась как Францией, так и Германией, [239] распознал в Кальвине внутреннюю жизнь и непоколебимую веру, которые пленили его, и он никогда не встречал его поблизости от университета, не поговорив с ним. Их часто видели расхаживающими взад и вперед, поглощенными разговором, в то время как священники недоверчиво наблюдали за ними. Эти разговоры беспокоили их: "Полицейский будет избалован", - говорили они, и они пытались настроить его против друга; но их близость только усилилась.

Репутация Кальвина, которая начинала распространяться, достигла ушей королевы Наваррской, и эта принцесса, восхищавшаяся гениальными людьми и находившая

удовольствие в приятной беседе, пожелала повидать молодого христианина-литератора. Таким образом, между ними произошло раннее общение. Христианин и образованный ученый взялся защищать сестру Франциска I. в письме, написанном Даниэлю в 1533 году, принцесса впоследствии сообщила ему о предполагаемом браке своей дочери Жанны д'Альбре — обстоятельствах, которые указывают на тесную связь между ними. В то время, когда благочестие королевы Наваррской было чистейшим, взаимное уважение и привязанность объединяли этих двух благородных личностей. "Я заклинаю тебя, - сказала Маргарет Кэлвину, - не щади меня ни в чем, в чем, по твоему мнению, я могу быть тебе полезна. Будьте уверены, что я буду действовать от всего сердца, в соответствии с силой, которую дал мне Бог". [240]

=МАРГАРЕТ И КЭЛВИН.=

"Человек не может приступить к служению Богу, - говорит Кальвин, - не испытав искушения". Остроумие королевы, Сен-Жерменский двор, общение с гениальными и высокопоставленными людьми, перспектива оказать влияние, которое могло бы обернуться во славу Божию, — все это могло бы соблазнить его. Станет ли он капелланом Маргариты, как Руссель? Оставит ли он узкий путь, по которому шел, чтобы вступить на тот, по которому христиане пытались идти, держа мир по правую руку от себя, а Рим - по левую? Любовь королевы к Спасителю тронула Кальвина, и он спросил себя, не была ли это дверь, открытая Богом, через которую Евангелие войдет во Французское королевство.... В тот момент он был на краю пропасти. Какова была вероятность того, что молодой человек, находящийся в самом начале своей карьеры, с радостью не воспользовался бы представившейся возможностью послужить принцессе, столь набожной и гениальной, — сестре короля? Маргарет, которая возвела Русселя в сан епископа, также хотела создать епархию для Кальвина. "Я была бы рада иметь такого слугу, как ты", - сказала она ему однажды. Но довольно мистическая набожность принцессы и тщеславие, которым она была окружена, были оскорбительны для этого простого и честного сердца. "Мадам, - ответил он, - я не гожусь для того, чтобы оказать вам какую-либо большую услугу; возможностей не хватает, к тому же у вас и без меня хватает дел.... Те, кто знает меня, знают, что я никогда не желал часто бывать при дворах принцев; и я благодарю Господа, что я никогда не поддавался искушению, ибо у меня есть все основания быть довольным добрым Хозяином, который принял меня и удерживает в своем доме". [241] Кальвин стремился к полукатолическому достоинству королевы не больше, чем к римскому достоинству пап. Тем не менее, он знал, как воспользоваться предоставленной ему возможностью, и благородно убедил Маргарет более откровенно высказаться в пользу Евангелия. Увлеченная красноречием, которое, хотя и было простым, обладало огромной силой, она заявила, что готова двигаться вперед.

Вскоре представилась возможность осуществить задуманный ею план обновления Вселенской Церкви без разрушения ее единства; но средства, которые следовало использовать, были не такими, какие одобрял Кальвин. Они были готовы прибегнуть к плотскому оружию. "Теперь единственное основание царства Христова, - сказал он, - это унижение человека. Я знаю, как гордятся плотские умы своими тщеславными проявлениями; но оружие Господа, которым мы сражаемся, будет сильнее и сокрушит все их твердыни, с помощью которых они считают себя непобедимыми". [242]

Теперь Лютер снова появляется на сцене; и в этом важном пункте Лютер и Кальвин едины.

[215] 'Cum facultate retinendi simul archiepiscopatum tolosanum.'—*Gallia Christiana*.

- [216] 'Scis nos episcopum nationis tuæ habere.'—Daniel Calvino, Berne MSS.
- [217] 'Ut officialis dignitate aut aliqua alia te ornaret.'—Daniel Calvino, Berne MSS.
- [218] Calvin, *Lettres Françaises*.
- [219] 'Unus de plebe, homuncio mediocri seu potius modica eruditione præditus.'—Calvinus, *Præf. de Clementia*.
- [220] 'Peccavimus omnes ... et usque ad extremum ævi delinquemus.'—*De Clementia*, lib. i.
- [221] 'Ferarum vero, nec generosarum quidem, præmordere et urgere projectos.'—*De Clementia*, cap. v.
- [222] 'Si leones ursique regnarent.'—Ibid. cap. xxvi.
- [223] "Плюс исчерпание денежных средств".—Кальвин Даниэли, Женевская рукопись.
- [224] 'Tandem jacta est alea.'—Ibid.
- [225] 'Quo favore vel frigore excepti fuerint.'—Ibid.
- [226] "Ut Landrinum inducas in protectionem".—Кальвин Даниэли, Женевская рукопись.
- [227] 'De Bibliis exhausti mandatum tuum.'—Ibid.
- [228] 'Ita se gessit, ut gratus esset apud ordinis nostri homines.'—Calvinus Bucero, Strasburg MSS.
- [229] 'Cum non posset submittere diutius cervicem isti voluntariæ servituti.'—Calvinus Bucero, Strasburg MSS.
- [230] 'Cassait toutes les vitres.'
- [231] 'Si quid preces meæ, si quid lacrimæ valent, hujus miseriæ succurras.'—Calvinus Bucero, Berne MSS.
- [232] *Версия и комментарии*, опубликованные в Париже в 1531 году.
- [233] 'Academiam parisiensem super monstrum esse fundatam.'—Morrhuis Erasmo, March 30, 1532.
- [234] 'Res delata est ad inquisitores fidei.'—Ibid.
- [235] 'Quod ex Stephano a Fabrica (*De la Forge*) intellexi, istos potius ob maleficia ... egressos esse.'—*Adv. Libertinos*.
- [236] Там же.
- [237] 'Calvinus strictiorem vivendi disciplinam secutus est.'—Flor. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, ii. p. 247.
- [238] 'Cibi ac potus abstinentissimus.'—Ibid.

[239] 'Illum incomparabilem, quem certatim sibi vindicant, hinc Gallia, hinc Germania.'—Erasmī *Err.* p. 15.

[240] *Письма Кальвина*, i. стр. 342. Филадельфия, под ред. Дж. Боннета.

[241] *Lettres Françaises de Calvin. Король Наваррский*, i. стр. 114, изд. Ж. Бонне.

[242] Кальвин, во 2^ам Послании. Коринф. глава х.

ГЛАВА XXI.

КОНФЕРЕНЦИИ В СМАЛЬКАЛЬДЕ И КАЛЕ.

(Март -октябрь 1532 г.)

=ПРОЕКТЫ ДЮ БЕЛЛЕ.=

ФРАНЦИЯ, или, по крайней мере, король и влиятельные люди, казалось, в это время склонялись к умеренным реформам. Франциску I, по-видимому, нравилась религия его сестры, но были и другие мотивы, побуждавшие его придерживаться этих идей. Оказавшись без союзников в Европе, он попытался заручиться дружбой протестантов, надеясь, что с их помощью он сможет выступить против императора и восстановить французское превосходство в Италии. Один человек, в частности, поставил перед собой задачу направить свою страну по новому пути; это был Уильям дю Белле, брат епископа Парижского и "один из величайших людей, которые когда-либо были во Франции", - говорит католический историк. [243] Искусный, активный и осмотрительный дипломат, Дю Белле напомнил о достопамятной борьбе, которая некогда происходила между папами и королями Франции; он считал, что христианский мир находится в переходном состоянии, и желал, как это сделал канцлер деЛопиталь в последующие годы, чтобы новые времена были отмечены большей свободой, а не большим порабощением, как желали бы Гизы, Валуа и бурбоны. Он пошел еще дальше: он думал, что шестнадцатый век заменит средневековое папство формой христианства, конечно, католической, но более соответствующей древним Священным Писаниям и современным требованиям. С этого часа его главной идеей, его главным делом стало объединение католической Франции с протестантской Германией.

Получив инструкции Франциска I., Дю Белле покинул Онфлер, где находился король, [244] 11 марта 1532 года и пересек Рейн примерно в середине апреля. В Швайнфурте-на-Мэне, между Вюрцбургом и Бамбергом, он нашел собрание, состоящее из нескольких протестантских князей с одной стороны и нескольких посредников с другой, среди которых был курфюрст-архиепископ Майнца. Поскольку это приводит нас в Германию, необходимо взглянуть на то, что там произошло после великого Аугсбургского сейма 1530 года. [245]

В то время католики и протестанты настроились на состязание, и все предвещало разразившуюся весной следующего (1531 г.) года бурю. Среди друзей Реформации в Германии существовало, так сказать, два противоположных течения. Одна партия (люди благоразумия) желала, чтобы евангелические государства искали могущественных союзов и готовились противостоять императору силой оружия; другая (люди благочестия) напомнила, что

Реформация восторжествовала в Аугсбурге благодаря вере, и добавила, что от веры следует ожидать всех ее будущих триумфов. Эти две партии часто встречались в Виттемберге, Торгау и других местах. Один человек с открытым лицом и твердым взглядом, чьи губы, казалось, всегда были готовы заговорить, донес до слуха свой чистый и звучный голос: это был Лютер. "Только Богу, - сказал он курфюрсту, - принадлежит будущее правительство; поэтому ваше высочество должны сохранять ту веру и упование на Бога, которые вы только что так славно продемонстрировали в Аугсбурге". [246] Но юристы Торгау были не совсем такого мнения и они попытались доказать, что их права в империи позволяют протестантам отражать насилие силой. Лютера было не поколебать. "Если начнется война, - ответил он, - я призываю Бога и мир в свидетели, что лютеране никоим образом не провоцировали ее; что они никогда не обнажали меч, никогда не бросали людей в тюрьму, никогда не жгли, не убивали и не грабили, как это делали их противники; и, одним словом, что они никогда не искали ничего, кроме мира и тишины". [247] Политики улыбнулись такому энтузиазму и сказали, что в реальной жизни все должно происходить совсем по-другому. Была назначена конференция для рассмотрения того, что следовало предпринять, и тем временем были предприняты большие усилия, чтобы привлечь новых союзников к протестантскому делу.

=АЛЬЯНС СМАЛЬКАЛЬДА.=

29 марта 1531 года депутаты протестантских штатов собрались в Смалькальде, в курфюршестве Гессен. В глазах партии мира это было место дурного предзнаменования: город был укреплен, а по соседству находились железные рудники, на которых производили оружие и пушки. Когда депутаты направились к замку Вильгельмсбург, построенному на холме недалеко от города, у них был скорбный и встревоженный вид. Они были разочарованы в надежде увидеть, как к ним присоединятся Дания, Швейцария, Мекленбург и Померания. Тем не менее, несмотря на свою слабость, они без колебаний отстаивали свои права против власти Карла V. Девять князей и одиннадцать городов заключили союз на шесть лет, "чтобы противостоять всем, кто попытается заставить их отказаться от Слова Божьего и истины Христовой".

Эта резолюция была воспринята с самыми разными чувствами. Одни говорили, что это посягательство на духовность Церкви; другие утверждали, что, поскольку свобода совести является как гражданским, так и религиозным правом, ее следует отстаивать, при необходимости, силой оружия. Вскоре они пошли дальше. Некоторые лица предлагали, с целью сближения союза, ввести во всех евангелических церквях совершенное единообразие как в богослужении, так и в церковном устройстве; но энергичные голоса восклицали, что это было бы нарушением религиозной свободы под предлогом ее защиты. Когда депутаты снова встретились во Франкфурте 4 июня, эти великодушные люди смело заявили: "Мы будем поддерживать разнообразие из опасения, что единообразие рано или поздно приведет к своего рода папизму". Они понимали, что внутреннее единство веры лучше, чем внешнее единство формы. [248]

После различных переговоров евангелисты встретились в Швайнфурте, чтобы принять предложения своих противников; и именно во время этой конференции (апрель и май 1532 г.) прибыл посол короля Франции. Когда протестанты увидели его появление, они были несколько смущены; но все же они приняли его с уважением. Вскоре он узнал, в какое критическое положение были поставлены люди аугсбургского исповедания. Правда, посредники предложили им мир, но это было при условии, что они не делали никаких условий в пользу тех,

кто мог бы принять Евангелие в будущем. Это предложение вызвало сильное раздражение ландграфа Гессенского, его канцлера Фейга и других участников конференции. "Как! - воскликнули жители Гессена. - Неужели между протестантизмом и папством будет воздвигнут барьер, через который никому не будет позволено перейти?... Нет! мирный договор должен в равной степени защищать тех, кто сейчас придерживается исповедания Аугсбурга, и тех, кто может поступить так впоследствии". — "Это дело совести, - писали евангелические богословы, и Урбан Региус в частности, - от этого нельзя отказываться ни в коем случае". [249] Сам князь-выборщик был полон решимости придерживаться такой линии поведения.

=ЛЮТЕР ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ДИПЛОМАТИИ И ВОЙНЫ.=

Лютера не было в Швайнфурте, но он продолжал следить за новостями. Он рассказал об этой встрече своим друзьям; он атаковал планы политиков; все эти переговоры, оговорки, конвенции, подписания, ратификации и договоры во имя Евангелия раздражали его. Когда он узнал, что они собираются делать в Швайнфурте, он пришел в ужас. Предполагать, что с помощью протоколов можно спасти веру, было в его глазах почти кощунством! Одно из его сильных писем упало, как снаряд бомбы, в самый разгар конференции. "Когда у нас не было никакой поддержки, - сказал он, - и мы были совершенно новичками в империи, когда повсюду вокруг нас происходили сражения, Евангелие восторжествовало и истина была утверждена, несмотря на врагов, которые хотели задушить их обоих. Почему Евангелию не восторжествовать сейчас своей собственной силой? Почему необходимо помогать ему нашей дипломатией и нашими договорами? Разве Бог не так же могуществен сейчас, как и тогда? Хочет ли Всемогущий, чтобы мы проголосовали за помощь, которую мы намерены оказать ему в будущем, на наших человеческих условиях?"...

Эти слова Лютера вызвали всеобщий ужас. Люди говорили друг другу, что "Доктор был болен и что он утешал своих друзей, говоря: "Не бойтесь; если бы я сейчас утонул, паписты были бы слишком счастливы; следовательно, я не умру". Они добавили, что его совет против международных договоров, без сомнения, был пережитком его лихорадки; великий человек не совсем в своем уме; принц-выборщик и превосходный канцлер Брук написал курфюрсту, который находился в Саксонии, что все были против Лютера, который, по-видимому, ничего не понимал в бизнесе. "Но реформатор не позволил себя остановить; напротив, он умолял курфюрста написать резкое письмо своим представителям. "Князя и горожане приняли Евангелие на свой страх и риск, - сказал он, - и точно так же каждый должен в будущем принимать и исповедовать его за свой счет". В то же время он начал агитировать Виттемберга и составил заключение, которое Померанус подписал с ним. В нем он сказал: "Я никогда не возьму на свою совесть провоцировать пролитие крови, даже для того, чтобы сохранить наши символы веры. Это было бы лучшим средством разрушения истинного учения посреди неразберихи войны". [250] Реформатор думал, что если лютеране и цвинглианцы, немцы и швейцарцы объединятся, они почувствуют себя настолько сильными, что возьмут инициативу в свои руки и обнажат меч — чего он хотел избежать всеми доступными ему средствами.

=УВЕРТЮРЫ ДЮ БЕЛЛЕ.=

Но политики были не более склонны уступать, чем теологи. Напротив, они готовились к приему посла Франции, в чем, однако, возникли некоторые трудности. Прибытие дипломата скомпрометировало их с империалистами; они не могли принять его на ассамблее в Швайнфурте, поскольку там должны были присутствовать католические князья. Поэтому

протестанты ушли на несколько миль в сторону, в маленький городок Кенигсберг во Франконии, между Кобургом, Бамбергом и Швайнфуртом. Здесь они образовали секретный комитет и приняли посла. "Высокопочтимые сеньоры, - сказал Дю Белле, - король, мой повелитель, просит вас извинить его за то, что он не отправил меня к вам раньше. Это происходит не от небрежности и не от недостатка привязанности, а потому, что он пожелал прийти к какому-то взаимопониманию с королем Англии, который также желает помочь вам в вашем великом предприятии. Переговоры еще не закончены, но мой августейший повелитель, желая избежать дальнейшей задержки, поручил мне передать, что вы найдете его готовым помочь вам. Да, хотя бы он сделал это в одиночку; хотя бы его брат из Англии (во что он не верит) отказался; хотя бы император двинул свои армии против вас, король не оставит вас. "Клянусь честью принца", - сказал он. Я получил достаточно полномочий, чтобы договориться с вами о доле военных расходов, которую его Величество готов оплатить". [251]

Обстоятельства не были благоприятными для предложений Франциска I. Мирлюбивые идеи Лютера возобладали. Курфюрст Саксонии, который в то время был болен, желал умереть с миром. Поэтому он встал на сторону реформатора, и было решено назвать в акте о союзе князя и города, которые уже присоединились к исповеданию Аугсбурга, и что только они должны быть включены в лигу. Эти мирные идеи протестантов не гармонировали с воинственными идеями короля Франциска. Дю Белле не был обескуражен и умело пошел другим путем; в то время как саксонские дипломаты были вынуждены уступить воле своего повелителя, Дю Белле обратил внимание на молодого принца, полного духа и отваги, который никого не щадил и говорил вслух то, что думал. Это был ландграф Гессенский, который постоянно жаловался либо на советы Лютера, либо на резолюцию конференции. "Будущее покажет, - сказал он всем, - мудро ли они поступили в этом вопросе". Министр Франциска I, разделявший мнение ландграфа, вступил с ним в сношения.

Важный вопрос — вопрос о Вюртемберге — в то время оккупировал Германию. В 1512 году герцог Ульрих, раздосадованный тем, что у него не было большего влияния в швабской лиге, вышел из нее, поссорился с императором, бросил сторонников этого принца в тюрьму, обложил своих подданных непосильными налогами и причинил неприятности своей собственной семье. Вследствие всего этого император изгнал его из своих государств в 1519 и 1520 годах, и он нашел убежище в своем княжестве Монбельяр. Казалось, что невзгоды не прошли для него даром. В 1524 году, когда Фарель отправился проповедовать Реформацию в Монбельяр, Ульрих (как мы видели [252]) защищал свободу вероисповедания. Когда император находился в Аугсбурге в 1530 году, желая усилить могущество Австрии, он передал герцогство Вюртембергское своему брату Фердинанду, к великому возмущению протестантов, и особенно ландграфа. "Мы должны восстановить законного монарха в Вюртемберге, - сказал этот молодой и энергичный принц. - Это отнимет герцогство у католической партии и передаст его протестантам". Но все переговоры, предпринятые с этой целью, потерпели неудачу. Однако, если бы одна из великих держав Европы вступилась за герцогов Вюртембергских, их восстановление было бы легче. Франциск I не преминул заметить, что здесь он может поставить императору мат. "Что касается герцога Вюртембергского, - сказал Дю Белле на Кенигсбергской конференции, - то король, мой господин, от всего сердца обязуется служить ему в меру своих сил, не нарушая международных договоров". [253] Ландграф принял к сведению эти слова, и результатом их стало начало Реформации в стране, которая отличается ярким протестантизмом и рвением в распространении Евангелия до краев света.

=НЮРНБЕРГСКИЙ МИР.=

Смешанное собрание католиков и протестантов, собравшееся в мае в Нюрнберге, протестанты потребовали созыва собора, на котором все должно быть решено "в соответствии с чистым Словом Божьим". Члены римской партии выглядели недовольными: "Это придиричливое, предвзятое и антикатолическое условие", - заявили они. Тем не менее, поскольку турки угрожали империи, необходимо было пойти на некоторые уступки Реформации, чтобы быть в состоянии противостоять им. Жестокие фанатики напрасно доказывали, что Лютер был ненамного лучше Магомета; мир был заключен в Нюрнберге 23 июля 1532 года, и было решено, что в ожидании следующего свободного и всеобщего собора *статус-кво* должен быть сохранен, и все немцы должны проявлять искреннюю христианскую дружбу. Этот первый религиозный мир озарял своими мягкими лучами последние дни курфюрста Иоанна Саксонского. 14 августа 1532 года этого достопочтенного принца, которого даже империалисты называли "Отцом немецкой земли", поразила апоплексическая атака. "Боже, помоги мне!" - воскликнул он и тут же испустил дух. "Мудрость умерла вместе с курфюрстом Фридрихом, - сказал Лютер, - а благочестие - с курфюрстом Иоанном".

Однако Дю Белле всегда терзало желание освободить от Рима Францию, которую Медичи, Гизы, Валуа, а затем и Бурбоны собирались отдать ей. Поэтому он усилил свои усилия среди протестантов, чтобы побудить их принять дружбу, если не союз, своего учителя. Но у них не было большого доверия к "французу"; они боялись, что Франциск застигнет их врасплох, обманет, а затем бросит; они "тряслись от страха". Посол был более настойчив, чем когда-либо; он принял условия протестантов, и обе стороны подписали своего рода соглашение. Дю Белле вернулся к Франциску I, который в то время находился в Бретани, и король, выслушав его, немедленно отправил его в Англию, чтобы передать Генриху VIII. полный отчет обо всех его переговорах с протестантскими князьями. [254]

Таким образом, политики интриговали со всех сторон. В Германии, Франции и Англии князья воображали, что они могут победить с помощью дипломатии; но совершенно иными были силы, с помощью которых должна была быть одержана победа. Посреди всей этой деятельности дворов и кабинетов министров происходила внутренняя и тайная деятельность, которая будоражила человеческий разум и возбуждала в нем жгучую жажду, которую могли утолить только истина и жизнь Божья. Столетия назад, еще в 1020 году, возрождение началось в Аквитании, Орлеане и на Рейне. Люди провозглашали, что христиане "должны быть исполнены Святого Духа; что Бог будет с ними и даст им сокровища Своей мудрости". [255] Это внутреннее движение продолжало расти из века в век. Вальденсы в двенадцатом веке, чистейшая часть альбигойцев в тринадцатом, Уиклифф и Лолларды в четырнадцатом и Ян Гус и его последователи в пятнадцатом - герои этой благородной войны. Эта христианская жизнь возникла, усилилась и распространилась; если она угасла в одной стране, то вновь появилась в другой. Религиозное движение разума набирало силу; электричество накапливалось в батарее; мина была заряжена, и вскоре должен был произойти взрыв. Все это совершалось под руководством суверенного командира. Он применил спичку в шестнадцатом веке рукой Лютера; еще раз он открыл шахту благодаря мощной проповеди Кальвина, Нокса и других. Именно это принесло победу, а не дипломатия. Однако мы с этим еще не покончили.

=ВСТРЕЧА ФРАНЦИСКА И ГЕНРИХА.=

В это время Франциск I был в восторге от Генриха VIII, называя его своим "добрым братом" и "вечным союзником". Устав от папы и папского дома, который, казалось, не мог избавиться от опеки Карла V. Король Франции увидел, что Германия отделяется от Рима, а Англия делает то же самое, и Дю Белле постоянно спрашивал его, почему он не заключит тройственный союз с этими двумя державами? Такая коалиция, созданная во имя возрождения образования и реформы в Церкви, несомненно, восторжествовала бы над всем противодействием, оказываемым ей невежеством и суевериями. Франциск I не решался полностью порвать с папой, хотя и был полон решимости объединиться с врагами папы. Чтобы заключить тесный союз с Генрихом, он выбрал момент, когда этот принц был наиболее не в духе римского двора. Статьи были составлены 23 июня 1532 года. [256]

Оба царя не удовлетворились приготовлениями только к великому походу, который они замыслили против императора и Рима: они решили встретиться. 11 октября 1532 года доблестный Генрих в сопровождении блестящего двора пересек Ла-Манш и прибыл в Кале, в то время бывшее английским владением; в то время как элегантный Франциск в сопровождении трех своих сыновей и многих вельмож прибыл в Булонь одним или двумя днями позже. Главным для Франциска была слава — победа, которую нужно было одержать над Карлом V.; главным для Генриха было удовлетворение своих страстей, и поскольку Климент VII воспротивился ему, он затаил особую злобу на папу. С такой ненавистью и такими намерениями двум королям было легко прийти к взаимопониманию.

Их первая встреча состоялась в Булони, во дворце аббата, где они пробыли четыре дня под одной крышей. Франциск был неистощим во внимании к своему гостю, но важная часть их деловых переговоров проходила в одном из их кабинетов, где эти импульсивные принцы делились друг с другом своим гневом и своими планами. Король Англии выразил "большие жалобы" на Климента VII. "Он хочет заставить меня лично отправиться в Рим. Если он намерен начать расследование, пусть пошлет своих прокурорских работников в Англию. Давайте призовем папу (добавил он) предстать перед свободным советом, уполномоченным расследовать злоупотребления, от которых так жестоко страдают государи и народ, и исправить их". [257]

Франциск, который также имел "добрую волю жаловаться", наполнил дворец аббата своими жалобами: "Я нуждаюсь в десятых долях духовенства (десятой части церковных доходов), чтобы я мог противостоять туркам; но святой отец выступает против того, чтобы я взымал их. Я нуждаюсь во всех средствах моих подданных; но святой отец постоянно изобретает новые поборы, которые переводят деньги моего королевства в казну папства. Он заставляет нас платить аннаты, содержать понтификальных чиновников за большие деньги и дарить большие подарки протонотариям, камердинерам, камергерам, билетерам и другим. И каково следствие? Духовенство бедствует; разрушенные церкви не ремонтируются; а неимущим не хватает еды.... Совершенно очевидно, что римское правительство - всего лишь *сеть для ловли денег*. У нас должен быть совет". [258]

Два принца решили "лишить папу послушания своих королевств", как говорит Гвиччардини. [259] Однако, прежде чем прибегнуть к крайним мерам, Франциск пожелал начать с более мягких средств, и Генрих был вынужден согласиться, чтобы Франция передала его жалобы в Рим.

=ДАМА В МАСКЕ.=

Прожив вместе четыре дня в Булони, Генрих и Франциск отправились в Кале, где последний обнаружил свои апартаменты, увешанные золотой тканью, расшитой жемчугом и драгоценными камнями. За столом яства были поданы на ста семидесяти блюдах из чистого золота. Генрих устроил грандиозный бал-маскарад, на котором короля Франции изрядно подразнила дама в маске с очень элегантными манерами, с которой он танцевал. Она говорила по-французски, как француженка, блистала остроумием и изяществом и была в курсе всех скандалов при французском дворе до мельчайших подробностей. Король объявил даму очаровательной, а ее шею самой красивой, какую он когда-либо видел. Тогда он и представить себе не мог, что однажды эта шея будет отрезана по приказу Генриха VIII. В конце танца король Англии с улыбкой снял с дамы маску и показал черты Анны Болейн, маркизы Пембрук, которая, как следует помнить, воспитывалась при дворе сестры французского короля. [260]

Удовольствие не заставило двух принцев забыть о делах. Они снова закрылись и подписали договор, в соответствии с которым обязались собрать армию из 65 000 пехотинцев и 15 000 кавалеристов, предназначенную, по-видимому, для действий против турок. [261] Политика Дю Белле была на подъеме. "Великий царь, - сказал он, - выходит из повиновения". [262]

=ФРЭНСИС УГРОЖАЕТ РАЗЛУКОЙ.=

Желая сделать последнее усилие, прежде чем принять решение порвать с папой, Франциск вызвал кардиналов де Турнона и де Грамона, людей, преданных его персоне, и сказал им: "Вы пойдете к святому отцу и доверительно изложите ему наши обиды и неудовлетворенность. Вы скажете ему, что мы полны решимости использовать, как только это будет целесообразно, все наши союзы, как государственные, так и частные, для осуществления великих дел ... из-за которых может последовать большой ущерб и вечные сожаления в будущем. Ты скажешь ему, что, по согласию с другими христианскими князьями, мы соберем совет без него и что в будущем мы запретим нашим подданным посылать деньги в Рим. Вы добавите — но по секрету и после того, как отведете папу в сторонку, — что на случай, если его святейшеству придет в голову осудить меня и заставить отправиться в Рим за отпущением грехов, я приду, но с *таким количеством людей*, что его святейшество будет только рад даровать мне это...

"Пусть папа хорошенько обдумает, - добавил король, - что немцы, Швейцарская лига и несколько других стран Христианского мира отделились от Рима. Пусть он поймет, что если два могущественных короля, подобные нам, также отделятся, мы найдем много подражателей, *как итальянцев, так и других*; [263] и что, по крайней мере, в Европе разразится более масштабная война, чем любая из известных в прошлом". [264]

Таковыми были гордые слова, которые Франция послала Риму. Два короля расстались. Молодой принц, находившийся в плену у Карла V. Это дало им первую возможность действовать сообща как против императора, так и против папы римского.

[243] *Le Grand, Hist. о разводе Генриха VIII.* i. стр. 20.

[244] 'Ex oppido unde fluctu Lexoviorum.'—Rommel, *Philippe le M.* ii. p. 259.

[245] *История реформации Шестнадцатого века*, том iv. bk. xiv. ch. xii.

[246] Лютеранский Эпл. iv. стр. 201—декабрь 1530.

[247] *Warnung an seine lieben Deutschen.* Лютери *Opp.* lib. xx. стр. 298.

[248]Секендорф, стр. 1174-1192, кв.

[249]Городской регий ландграфу.

[250] Лютери *Err.* iv. стр. 335, 337, 369, 372, кв.

[251] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 168, 169, Paris, 1588. Историк очень хорошо информирован, особенно обо всем, что касается миссий его брата.

[252] *Ист. из Ссылки на Шестнадцатый век.* том iii. bk. xii. глава xi.

[253] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 171, 172.

[254] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 171, 172.

[255] 'Deus tibi comes nunquam deerit, in quo sapientiæ thesauri atque divitiarum consistunt.' See Ademarus, monk of Angoulême in 1029, *Chronic. Gesta Synodi Aurelianensis*, &c.

[256] Статьи приведены в "*Жизни Генриха VIII*" Герберта. стр. 366, кв. Du Bellay, *Mémoires*, p. 171.

[257] Du Bellay, *Mémoires*, p. 173.

[258] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 173, 174.

[259] Гвиччардини, *История. des Guerres d'Italie*, ii. liv. xx. p. 893.

[260]"Французский король немного поговорил с маркизой". —Холл, стр. 794.

[261] Le Grand, *Hist. du Divorce de Henri VIII.* p. 238.

[262] Brantôme, *Mémoires*, i. p. 235.

[263] Слов *tant italiens que autres* нет в речи, произнесенной в Кале, согласно Дю Белле; но они есть в письменных инструкциях, данных двум кардиналам. *Preuves des Libertés*, p. 260.

[264] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 175, 176, sqq.

ГЛАВА XXII.

ПЛЕНЕННЫЙ ПРИНЦ СБЕГАЕТ ИЗ РУК ИМПЕРАТОРА.

(Осень 1532 г.)

Известие о встрече Франциска I и Генриха VIII. Встревожило Германию, Италию и всю Европу. "Короли Франции и Англии, - говорилось в нем, - собираются воспользоваться кампанией императора против турок, объединить свои армии с армиями протестантов и одержать знаменательную победу". [265] Но никто не был встревожен больше, чем папа. Резко обратившись к епископу Осерскому, министру Франции, он высказал ему самые горькие жалобы. [266] Он уже видел Францию, как и Англия, сбрасывающую с себя иго Рима. "Я знаю из

достоверных источников, - говорит Брантом, - что король Франции был готов отречься от папы, как это сделал король Англии". [267]

Покинув Булонь, Франциск отправился в Париж, где провел зиму и принял меры в связи с "великими усилиями", которыми он угрожал папе. Священники были очень встревожены и начали опасаться реформы, подобной той, что была проведена в Англии. Вспомнив, что в Дании, Швеции и других странах значительная часть церковной собственности была передана в государственную казну, они предоставили королю все, о чем он просил; и принц таким образом получил от пятисот до шестисот тысяч дукатов, что дало ему возможность совершать "великие дела", которыми кардиналы должны были угрожать понтифику. [268] Неожиданное событие предоставило возможность использовать деньги священников в пользу Реформации.

=КАРЛ V. СПЕШИТ В ИТАЛИЮ.=

Надменный Солиман вторгся в Венгрию в июле 1532 года во главе многочисленных и ужасных орд. Демонстрируя беспрецедентную роскошь, он давал аудиенцию на золотом троне, с короной из чистого золота на боку и ножнами своих мечей, усыпанными жемчугом. Но вскоре болезненному Карлу удалось запугать этого великолепного варвара. Собрав армию, в которой порядок и мощь немецких ланскенцев сочетались с легкостью и стремительностью итальянских отрядов, а также с гордостью и упорством испанских войск, он вынудил Солимана отступить. Император был в еще большем восторге, поскольку совещание между Генрихом и Франциском пробудило в нем нетерпение поскорее договориться с мусульманами. В империи даже поговаривали, что именно эта конференция вернула Карла обратно, поскольку он желал присоединиться к папе в борьбе с проектами, которые угрожали им обоим. Император перешел Альпы осенью 1532 года. [269]

Среди сопровождавших его дворян и воинов был восемнадцатилетний принц Кристофер, сын герцога Ульриха Вюртембергского. Ему было всего пять лет, когда его отец был изгнан из своего герцогства австрийцами; и последние, желая заставить его забыть Вюртемберг, решили разлучить его со своей страной и родителями. Маленький мальчик и его опекуны, покинув Штутгарт, остановились переночевать в городке недалеко от границы. Во дворе резвился ягненок; бедный мальчик, обрадованный кротостью животного, подбежал, взял его на руки и начал играть с ним. Утром, когда они уже уходили, маленький Кристофер, огорченный не столько тем, что у него отобрали скипетр, сколько тем, что его разлучили с любимым товарищем, поцеловал его со слезами на глазах и сказал хозяину: "Пожалуйста, позаботьтесь о нем, и когда я вернусь, я заплачу вам за ваши хлопоты".

Кристофера отвезли в Инсбрук, где его жизнь была тяжелой. Молодому принцу, который в более поздние времена наполнил свою страну евангелическими школами, некому было развивать свой ум, и тот, кому однажды предстояло сесть за стол королей, часто голодал; его одежда была в запустении, и даже нищие, когда они видели его, были тронуты состраданием. Из Инсбрука его перевели в Нойштадт (Надь-Баня) в Венгрии, за Тайссом. Однажды отряд турецких всадников, перейдя Карпаты, прочесал местность, лежавшую между горами и рекой, и, увидев принца, бросился на него, чтобы увести. Но верный последователь, наблюдавший за их передвижениями, позвал на помощь, и ему удалось спасти Кристофера из рук мусульман. И вот наследник Вюртемберга вырос в окружении невзгод.

=ПРИНЦ И ЕГО НАМЕСТНИК.=

Благородным человеком, который спас его, рискуя собственной жизнью, был Майкл Тифернус. В раннем детстве его увезли турки, и, будучи брошенным ими, ему удалось добраться до деревни близ Триеста, где о нем позаботились добрые люди. Тифернуса (который получил это имя по месту своего усыновления, поскольку имена его родителей никогда не были известны) отправили в школу в Вене, где он получил хорошее образование. Король Фердинанд, который был виновен скорее в небрежности по отношению к Кристоферу, чем в недоброжелательности, дал ему Тифернуса в качестве наставника. Последний страстно привязался к принцу, который под его опекой стал образованным молодым человеком. Среди великолепия австрийского двора и римского культа вырос тот, кто вскоре должен был спасти Вюртемберг как от Австрии, так и от Рима. Произошло важное обстоятельство, глубоко взволновавшее молодого принца и пролившее яркий свет на его темный путь.

Кристофер сопровождал императора в 1530 году на знаменитый аугсбургский сейм. Он был поражен благородным зрелищем верности и мужества протестантов. Он слышал, как они исповедовали веру; его возвышенная душа приняла сторону угнетенного Евангелия; и когда на этом самом сейме Карл торжественно передал своему брату Фердинанду герцогство Вюртембергское, — когда Кристофер увидел знамя своих отцов и своего народа в руках австрийского эрцгерцога, — им овладело чувство своих прав; он рассматривал триумфальное утверждение евангелической веры в стране своих предков как задачу, возложенную на него. Он вернет себе свое наследство и, объединившись с благородными исповедниками Аугсбурга, окажет неожиданную поддержку Реформации.

Император после войны с турками пожелал, чтобы принц сопровождал его в Италию и Испанию; возможно, он намеревался оставить его там; но Кристофер не возражал. Он разработал свои планы: две великие идеи - независимость Вюртемберга и триумф Реформации - овладели его разумом, и, следуя за императором и делая вид, что поворачивается спиной к государствам своих отцов, он многозначительно сказал своему преданному другу Тифернусу: "Я не откажусь от своих прав в Германии". [270]

=ПОБЕГ ПРИНЦА КРИСТОФЕРА.=

Карл V и его двор пересекали Альпы осенью 1532 года. Молодой герцог верхом на лошади медленно взбирался на перевалы, отделяющие Австрию от Штирии, созерцая вдалеке вечные снега и время от времени останавливаясь на высотах, с подножия которых низвергались пенящиеся потоки, низвергающиеся со склонов гор. У него был задумчивый вид, как у человека, поглощенного каким-то великим решением. Известие о встрече Франциска I и Генриха VIII, встревожившее Австрию, воспламенило его надежды, и он сказал себе, что настало время заявить права на свои государства. Он переговорил об этом со своим губернатором, и теперь оставалось привести дерзкое предприятие в исполнение. Сбежать от Карла V, окруженного своим двором и охраной, казалось невозможным; но Кристофер, веря, что Бог может *избавить из пасти льва*, молился, чтобы он был его наставником до конца его жизни. Поскольку в этих горах этикет строго не соблюдался, Кристофер и его губернатор немного отстали от своих спутников. Деревя, скалы, поворота дороги было достаточно, чтобы скрыть их от посторонних глаз. И все же, если бы кто-нибудь из приближенных императора обернулся слишком рано и посмотрел на отстающих, двум друзьям пришел бы конец. Но никто и не подумал этого делать: вскоре они оказались на некотором расстоянии от двора и могли видеть императорскую процессию, растянувшуюся вдалеке, подобно ленте, вдоль склонов Нориканских Альп.

Внезапно двое празднующихся развернули коней и пустились во весь опор. Они попросили нескольких горцев показать им дорогу, которая привела бы их в Зальцбург, и продолжили свое бегство в указанном направлении. Но предстояло пересечь несколько ужасных перевалов; лошадь Кристофера сломалась, и двигаться дальше было невозможно. Что было делать? Возможно, империалисты уже напали на их след.

Двое друзей не растерялись. Неподалеку было озеро; они оттащили бесполезное животное за ноги к нему и похоронили его на дне, чтобы не осталось следов их пребывания. "А теперь, милорд, - сказал его губернатор, - возьмите мою лошадь и отправляйтесь; я сумею выпутаться из этой передраги". Молодой герцог исчез, и не раньше, чем пришло время. - Что стало с принцем Кристофером? - спросили слуги Чарльза. "Он в тылу, - последовал ответ. - Он скоро догонит нас". Поскольку он не появился, несколько имперских офицеров поскакали обратно на его поиски. Маленькое озеро, в которое была сброшена лошадь принца, было частично заполнено высоким тростником, среди которого прятался Тиферн. Вскоре империалисты прошли совсем рядом с ним; он услышал их шаги, их голоса; они ходили взад и вперед, но ничего не нашли. Наконец они вернулись и скорбно сообщили о бесполезности своих поисков. Считалось, что двое молодых людей были убиты разбойниками в горах. Суд продолжил свой путь в Италию и Рим. Все это время Кристофер спасался бегством на коне своего губернатора и, проявив большую осмотрительность, добрался до надежного убежища незамеченным, где скрывался под защитой своих ближайших родственников, герцогов Баварских. Тиферн присоединился к нему в его отступлении.

=КРИСТОФЕР ЗАЯВЛЯЕТ О СВОИХ ПРАВАХ НА СОСТОЯНИЕ.=

Весть о смерти Кристофера распространилась повсюду; австрийцы, которые в этом не сомневались, были уверены в Вюртемберге больше, чем когда-либо; они даже начали забывать принца, когда документ с его именем, датированный 17 ноября 1532 года, [271] был внезапно распространен по всей Германии. Верный своему решению, молодой принц в этом благородном манифесте высказал самые горькие жалобы и смело заявил о своем наследстве перед лицом всего мира. Этот документ, встревоживший Фердинанда Австрийского, вызвал огромную радость в Вюртемберге и всей протестантской Германии. У молодого принца было все в его пользу: возраст, который всегда очаровывает, мужество, признанное всеми, добродетели, таланты, изящные манеры, древний род, уважаемое имя, неоспоримые права и любовь подданных. Они действительно не видели его с того дня, когда он оросил слезами любимого ягненка; но они приветствовали его как своего национального принца, который вернет им независимость. Находясь под защитой герцога Баварского, ландграфа Гессенского и могущественного короля Франции, Кристофер имел все шансы в свою пользу. У него было больше: он пользовался поддержкой Бога. Как друг Евангелия, он придаст новые силы великому делу Реформации. Дю Белле приложит все свое рвение, чтобы восстановить его на троне и таким образом приобрести союзника для Франции, который помог бы ей вступить на путь религиозной свободы.

Теперь мы должны вернуться на родину Маргариты Наваррской и посмотреть, как эта принцесса начала реализовывать свой великий проект проповеди чистого Евангелия в лоне Римско-католической церкви.

[265] "Народ был необычайно напуган, если бы вы не присоединились к армиям". —Хокинс Генриху VIII, 21 ноября 1532 г. *Государственные документы*, vii. стр. 388.

[266] "Хис Холинс принимает это очень близко к сердцу". — Там же. стр. 381.

[267] Brantôme, *Mémoires*, p. 235.

[268] Du Bellay, *Mémoires*, p. 174. *Relation des Ambassadeurs Vénitiens*, i. p. 52.

[269] Хаммер, iii. стр. 118. Schoertlin, *Lebens Beschreibung*. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 425.

[270] 'Entschlossen seine Gerechtigkeiten in Deutschland nicht zu verlassen.'—Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. pp. 448-451. Это повествование основано на Габелькофере, извлеченном Саттлером и Пфистером.

[271] Этот документ можно найти в Sattler, ii. стр. 229. See also Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 450.

ГЛАВА XXIII.

ЕВАНГЕЛИЕ ПРОПОВЕДОВАЛОСЬ В ЛУВРЕ И В СТОЛИЧНЫХ ЦЕРКВЯХ.

(Великий пост 1533 года.)

Союз с Англией и надежда на то, что рано или поздно удастся одержать победу над Карлом V. наполнили короля Франции радостью, и, соответственно, карнавал 1533 года был великолепно проведен в Париже. Двор был поглощен развлечениями, балами и банкетам. Молодые лорды и леди не думали ни о чем, кроме танцев и интриг, которые приводили в шок более трезвые умы. "Это настоящая вакханалия", - говорили евангелисты. [272] Как только карнавал закончился, Франциск отправился в Пикардию, оставив короля и королеву Наварры в Париже. Теперь Маргарита вздохнула свободнее. Она была вынуждена, вольно или невольно, принимать участие во всех придворных празднествах; и теперь она решила наверстать упущенное, организовав грандиозную евангелическую проповедь вместо "вакханалий", на которых иногда присутствовала. Разве Франциск не протягивал руку королю Англии и протестантам Германии? Следует воспользоваться случаем и смело проповедовать новое учение. Королева Наваррская послала за Русселем и сообщила ему о своем намерении. Она откроет великие церкви столицы, и с их кафедр жители Парижа услышат могучий призыв. Бедный раздавший милостыни, в котором храбрость не была самой выдающейся добродетелью, поначалу встревожился. В роскошных салонах Маргариты он мог предаваться своим благочестивым и несколько мистическим устремлениям, но выступать с кафедр в Париже ... сама мысль об этом приводила его в ужас, и он умолял королеву найти кого-нибудь другого. Руссель не отрицал, что публично проповедовать Евангелие правильно, но объявил себя некомпетентным для этой работы. "Служитель Евангелия, - сказал он, - должен обладать непобедимой верой. [273] Враг, с которым он сражается, - это царство ада со всеми его силами. [274] ... Он должен защищаться справа и слева.... Чего вы от меня требуете? Проповедовать мир, но под крестом! Ввести в царство Божье, но среди твердынь дьявола.... Говорить о покое посреди самых яростных бурь, о жизни посреди смерти, о блаженстве посреди ада! Кто способен на такие вещи?... Несомненно, это благородная задача, но никто не должен браться за нее, пока его к этому не призовут. Теперь я не чувствую в себе ничего, чем должен обладать служитель Евангелия Христова в этот момент". [275]

=НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ РУССЕЛЯ.=

Такой человек, как Кэлвин, безусловно, был бы предпочтительнее, но Маргарет не осмелилась бы и не захотела ставить его во главу угла. Эти проповеди, несомненно, входили в обязанности капеллана; и поэтому королева, энергичная и импульсивная женщина, решив воспользоваться возможностью обеспечить свободный доступ Евангелия в Париж, настаивала на Русселе, обещала ему помощь своими молитвами и свою благосклонность и, наконец, уговорила его проповедовать. По правде говоря, его скромность делает ему честь: без сомнения, требовалась смелость; но многие смиренные и искренние души колебались бы, как и он. Он оказался более пригоден, чем предполагал, для работы, которую взяла на себя королева Наваррская.

Преодолев это препятствие, Маргарет столкнулась с другим. В Сорбонне было принято назначать проповедников, и заставить их принять Русселя было невозможно. "Они выдвинут несколько разъяренных и наглых монахов, - говорит Кальвин, - которые заставят церкви звенеть от своих оскорблений истины". [276] Борьба началась, и, несмотря на отсутствие Франциска, несмотря на влияние королевы Наваррской, Сорбонна одержала победу, и кафедры столицы были закрыты для раздачи милостыни. Маргарет была очень возмущена этими врачами, которые считали себя привратниками царства небесного и своей тиранией препятствовали открытию двери; но Руссель ни в коей мере не сожалел о том, что ему запретили заниматься работой, которая была ему не по силам.

=ПРОПОВЕДИ В ЛУВРЕ.=

Но ничто не могло остановить королеву. Приняв решение передать Евангелие Франции, она сказала себе, что это должно быть сделано сейчас или никогда. Ее рвение привело ее к экстраординарному поступку. Сорбонна закрыла двери церковей перед Русселем: Маргарита открыла перед ним королевский дворец. Она приказала приготовить зал в Лувре и отдала приказ впускать всех, кто желал войти. Был ли король проинформирован об этом? Возможно, и даже вероятно, что был. Он не побоялся показать папе римскому и Карлу V. как далеко зайдет его союз с Генрихом VIII. и протестанты. Ему бы не хотелось выглядеть раскольников и еретиком, но иногда ему было приятно, что его сестра поступала так; и он всегда мог оправдаться своим отсутствием.

Лютеранская проповедь в Лувре! Это было действительно странно; и, соответственно, толпа была так велика, что для них не было места. Маргарет распахнула дверь в холл побольше, но он тоже был заполнен, как и коридоры и прихожая. [277] В третий раз место встречи было изменено. [278] Она тщетно выбирала самый большой зал; галереи и прилегающие комнаты были заполнены, а места все еще не хватало. Эти евангельские проповеди в Лувре вызвали живейшее любопытство в Париже. Они были в моде, и достойный Руссель, к своему великому удивлению, стал довольно знаменит. Он проповедовал каждый день во время Великого поста, [279] и с каждым днем толпа становилась все больше. Дворяне, юристы, литераторы, купцы, ученые и ремесленники всех сословий стекались в Лувр со всех концов Парижа, особенно из кварталов Университета и Сен-Жермена. В час проповеди горожане потоком переходили мосты или переплывали Сену на лодках. Одних привлекало благочестие, других - любопытство, третьих - тщеславие. Четыре или пять тысяч слушателей ежедневно толпились вокруг Русселя. [280]

Когда достойные граждане, студенты и профессора поднялись по лестнице Лувра, пересекли вестибюли и достигли дверей главного зала, они остановились, широко раскрыли глаза и с удивлением уставились на зрелище, представшее перед ними во дворце монарха. Король и королева Наварры занимали почетные места, восседаая в дорогих креслах, откуда деятельная Маргарита бросала удовлетворенный взгляд на всех этих придворных, на этих знатных людей города, на этих любопытных парижан, на этих друзей Реформы, которые стекались сюда, чтобы услышать Слово Божье. Здесь были люди всех рангов: Джона Штурма, уже твердо принявшего Евангелие, видели рядом с элегантным Джоном де Монлюком, впоследствии епископом Валанса. Наконец появился священник; он помолился с елеосвящением, серьезно прочитал Священные Писания, а затем начал свои увещевания к слушателям. Его речь была простой, но она глубоко тронула их сердца. Руссель провозглашал спасение, обретаемое живой верой, и настаивал на необходимости принадлежности к невидимой Церкви святых. Вместо того чтобы нападать на римскую религию, он взывал к совести; и эта проповедь Евангелия (хотя и несколько смягченная) завоевывала умы людей, а не раздражала их. Несмотря на то, что прихожане были привычны к болтовне монахов, они серьезно слушали практическую проповедь служителя Божьего. Здесь не было ни схоластических тонкостей, ни абсурдных легенд, ни забавных анекдотов, ни пародийных декламаций, ни непристойных картинок: это было Евангелие. [281] Выходя из Лувра, мужчины беседовали о проповеди или проповеднике. Штурм Страсбургский и Джон де Монлюк, в частности, часто беседовали вместе. [282] Удовлетворение было всеобщим. "Какой проповедник!" - говорили они. "Мы никогда не слышали ничего подобного! Какая свобода в его языке! какая твердость в его учении!" [283] Некоторые из его слушателей восхищенно писали Меланхтону, который сообщил об этом Лютеру, Спалатину и другим. [284] Германия обрадовалась, увидев, что Франция наконец начала двигаться.

Маргарет, обладавшая живым воображением и горячим сердцем, была вся в огне. Она говорила мирянам о том "мире Божьем, который превосходит всякое понимание". Она сказала друзьям Евангелия: "Всемогущий милостиво завершит то, что он милостиво начал через нас". Она добавила: "Я посвящу этому всего себя". Она взволновала и взбудоражила всех вокруг, и многочисленные собрания в Лувре были в значительной степени результатом ее неустанной деятельности. Она знала, как одним словом или посланием привлечь придворных, чьи единственные мысли были о разврате, и католиков, чьим единственным желанием был папа римский. Подобно субботному звону колокола, она призывала Париж услышать глас Божий и привлекала толпу. Обладая в высшей степени, пока ее брат не остановил это, той энергией, которую женщины часто проявляют в религиозных вопросах, она была полна решимости продолжать свою работу и выиграть приз конкурса.

Она вернулась к своей первой идее. Она сказала себе, что лучший способ провести реформу в Церкви, не вызывая раскола, - это проповедовать Евангелие в церквях Парижа и всей Франции. Церемонии римского богослужения и юрисдикция епископов сохранятся, но Христос будет провозглашен. Эта система, которая в основе своей была системой Меланхтона и даже Лютера в то время, [285] она сделала все возможное, чтобы реализовать ее. Победа, которую она только что одержала в Лувре, удвоила ее мужество; она решила заполучить церкви, в которых ей поначалу было отказано. Поэтому она начала воздействовать на короля, поскольку он думал только о своих союзах с Генрихом VIII. что касается протестантов, то она получила от него приказ, разрешающий епископу Парижа назначать тех, кого он пожелает, для проповеди в своей епархии. [286] Прелат, который был братом дипломата Дю Белле, подобно ему, считался

другом Реформации. По просьбе Маргарет он назвал двух монахов—евангелистов-августинцев - Куро и Берто. "Странно!" - сказал общественный голос. "Вот люди ордена, к которому принадлежал Лютер, собираются проповедовать учение великого реформатора в столице Франции". Все евангелисты были вне себя от радости и повсюду писали своим друзьям, что "Париж получил трех превосходных проповедников, возвещающих истину... с чуть большей смелостью, чем было принято". [287]

=СУТЬ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОПОВЕДИ.=

Куро, искренний христианин, придерживающийся Писания, который не принимал участия в тонкостях Маргарет, проповедовал в церкви Святого Спасителя. Жители квартала Сен-Дени и из других частей города толпились у этой церкви. Многие люди, которые говорили о проповедях в Лувре: "Они не для нас", поспешили в то место, которое принадлежало народу. Человек, занимавший кафедру, был примерно среднего возраста; он не обладал грацией Русселя, он был даже несколько грубоват и проповедовал Евангелие без утайки и маскировки. Его живой и агрессивный стиль, его выразительные и довольно угрожающие жесты привлекали внимание. Он беспощадно нападал на ошибки Церкви и пороки христиан. Куро не пришел, как это делали римские проповедники до того самого часа, навязывать своим слушателям определенные законы, церемонии и акты поклонения, посредством которых они могли бы примириться с Богом и заслужить его благосклонность. Он говорил не о праздниках, или о посвящениях, или об обычаях, или о тех механических молитвах и песнопениях, в которых разум и сердце не принимают участия и которыми Церковь обременяет верующих. Он испытывал особый ужас перед всем, что смешивает поклонение твари с обожанием Бога, и не допустил бы, чтобы совершенная работа Христа была затемнена привлечением других посредников. Он проповедовал, что истинным богослужением Нового Завета является вера в Евангелие и любовь, проистекающая из веры; что это общение со Христом, терпение под крестом и святая деятельность по творению добра, сопровождаемая постоянными молитвами сердца. Эта проповедь, столь новая для столицы, привлекла огромную толпу. Энтузиазм был всеобщим. "Этот человек занимает первое место среди хороших людей", - таково было общее мнение. [288] "Он подобен часовому на башне, который, устремив глаза на восток, возвещает, что солнце, так долго скрывавшееся, наконец воссияет над землей". [289] Речи Куро излучали свет. У него было слабое зрение, и в последующие годы, во время своего изгнания в Швейцарию, где он был коллегой Кальвина, он совершенно ослеп; но его речь всегда отличалась большой ясностью. О нем говорили, что "хотя он и слеп, но просвещает душу". [290] Среди его слушателей был Луи дю Тийе, друг Кальвина, и юный каноник был глубоко взволнован живой верой престарелого Августина. "О! какое благочестие я нашел в нем!" - воскликнул он позже. [291]

Берто, другой проповедник, названный епископом, впоследствии оставил Евангелие и умер каноником Безансона, так что каждый из них напоминает нам слова нашего Спасителя: *Двое будут на поле брани; один будет взят, а другой оставлен.* [292]

Эти евангельские проповеди во дворце короля и в церквях Парижа были важными фактами, и с тех пор во Франции не было ничего подобного. Следовательно, тревога была в самом разгаре. Люди спрашивали, спят ли стражи Церкви и затонет ли барка Святого Петра, в то время как корабль Евангелия, казалось, плыл вперед на всех парусах.

=ВОЛНЕНИЯ В СОРБОННЕ.=

Но доктора Сорбонны не спали; напротив, они были начеку, они посылали своих шпионов в евангелические собрания, получали их отчеты и каждый день совещались друг с другом. Члены этого общества, директор, приор, сеньор, регистратор, профессора, прокторы и библиотекари смело и единодушно заявили, что все будет потеряно, если они не поспешат остановить зло. Евангелисты и литераторы были проинформированы об этих фанатичных дискуссиях. "Что за орда книжников и фарисеев!" - восклицали они. [293] Но это не остановило орду. "Что нужно сделать?" - спросили они; и Беда ответил: "Пусть проповедники будут схвачены и преданы смерти, как Беркен". Некоторые, более умеренные или более политичные, зная, что Руссель проповедует по приказу сестры короля, отказались от этого предложения, опасаясь оскорбить своего государя. [294] "Какая глупая политика! - воскликнул Беда. - Какая невыразимая трусость!".. Разве Сорбонна не является оракулом Европы? Должно ли оно давать двусмысленные ответы, подобно древним языческим оракулам?"

Беда одержал верх, и на Русселя донесли королю. "Обратитесь к моему канцлеру", - сказал Франциск, который не хотел говорить ни "да", ни "нет". Делегаты Сорбонны посетили Дюпра. "Обратитесь к епископу", - сказал кардинал, который боялся вызвать неудовольствие короля. Сорбоннисты отправились в свой диоцез, весьма обеспокоенные тем, какой прием они встретят от него; и не без оснований, поскольку либерал Дю Белле только посмеялся над ними. [295] Раздраженные, но неутомимые врачи обратились теперь к первому президенту, который был одним из членов их партии; но этот судья, считая Сорбонну опозоренной, не стремился поддержать их дело. Гнев врачей теперь стал безграничным. Неужели во Франции больше не будет правосудия для защитников папства? Литераторы, внимательно наблюдавшие за всеми этими нападениями, улыбнулись растерянности священников; и в особенности Штурм, возрождатель учености в Страсбурге, а ныне профессор в Париже, не пощадил их: "Посмотрите на этих *Терситов*!" - сказал он, сравнивая их с самыми уродливыми, трусливыми и нелепыми из греческого воинства в Трое. "Они на пределе сил и не могут добиться успеха, - продолжал Штурм, - потому что те, кто может им помочь, не помогут, а те, кто захочет, не смогут". [296]

Доктора Сорбонны теперь утратили всякую сдержанность. "Король, - говорили они, - который публично поддерживает еретиков, его сестра и архиепископ Парижский, которые их защищают, виновны так же, как и они". Приказы были разосланы по всему лагерю: каждая кафедра превратилась в вулкан. Яростные декламации, суеверные проповеди, схоластические рассуждения, жестокие и гротескные речи — сторонники Рима использовали все. "Ты знаешь, что такое еретический священник?" - спросил монах. "Он - свинья за кафедрой, украшенная колпаком и стихарем, и проповедует перед паствой ... из ослов". [297]

=СМУТЬЯН ЛЕ ПИКАР.=

Самым активным зачинщиком этого пожара был Ле Пикар, бакалавр богословия, профессор колледжа Наварры, а впоследствии декан Сен-Жермен-л'Оксерруа. Ему было двадцать девять лет, у него был "бурный" нрав, если таковой вообще когда-либо был, и, по правде говоря, он действительно "бушевал" в церквях и на собраниях священников. Он взошел на кафедру, чтобы выступить против Куро; и люди, пришедшие послушать монаха-августинца, столпились также, чтобы послушать его оппонента. Последний много жестикулировал, громко кричал, призывал Пресвятую Деву и напал на короля, прямо обвинив его в ереси. Он был истинным предшественником тех, кто советовал устроить Варфоломеевскую резню; и действительно, вскоре после этого он сделал предложение, достойное Гизов и Медичи. "Пусть правительство

притворяется лютеранским, - сказал он, - чтобы реформаты могли собираться открыто; тогда мы сможем напасть на них и очистить королевство от них раз и навсегда". [298] Монах, очарованный своими добродетелями, написал свою жизнь под названием "*Совершенный священнослужитель*". [299]

=МЯТЕЖ БЕДЫ И МОНАХОВ.=

И все же, если Ле Пикар был самым активным чемпионом, Беда все еще оставался генералом. Расположенный как бы на холме, он обозревал поле битвы, осматривал, куда необходимо послать помощь, каждый день писал ораторам своей партии — Ле Пикару, Майяру, Баллю, Бушиньи и другим и заклинал их ни на мгновение не расслабляться в своих атаках. "Будоражите людей своими речами", - сказал он. [300] Это был критический момент: на волоске стояло, останется ли Франция католической или станет еретической. "Хотя монарх покидает папство, - сказал он, - агитируйте, продолжайте агитировать!" Тогда монахи-фанатики взошли на кафедры и своим пламенным красноречием возмутили народ: "Давайте не допустим, чтобы эта ересь, самая пагубная из всех, пустила корни среди нас.... Давайте вырвем его, изгоним и уничтожим". [301]

Все силы папства были задействованы в это время, как в битве, когда генерал бросает свои резервы в гущу сражения. Нищенствующие монахи, эти опытные солдаты папства, имевшие доступ в каждую семью, были приняты за работу. Доминиканцы, августинцы, кармелиты и францисканцы, получив соответствующие инструкции, вошли в дома Парижа. Женщины и дети, которые привыкли к ним, приветствовали их словами "Доброе утро, брат Джон или брат Джеймс"; и пока их кошельки наполнялись, они шептали на ухо горожанам: "Папа выше короля.... Если король благоволит еретикам, папа освободит нас от клятв верности.

Они пошли еще дальше. Всякий раз, когда возникает желание возбудить людей, они требуют, чтобы их возбудило какое-нибудь зрелище. *Neuvaine* был заказан в честь святого Иакова. Толпа стекалась поклониться доброму святому с его длинным паломническим посохом; и в течение девяти дней верующие обоего пола, преклоняя колени перед его изображением, крестясь и совершая другие обычные церемонии, громко призывали святого нанести сокрушительный удар своим посохом тем, кто защищал еретиков.

Эти зажигательные выступления и фанатичная практика увенчались успехом. Люди начали проявлять беспокойство и высказывать угрозы. [302] Они маршировали группами по улицам, собирались группами в общественных местах, и были слышны крики: "Папа навеки! долой его врагов!... Тот, кто выступает против святого отца, даже если он король, является лжецом и тираном, которому Великий турок предпочтительнее.... Мы окрасим наши улицы кровью этих людей"... В жилах жителей Парижа уже текла кровь людей эпохи террора. Толпы, заполнившие улицы, останавливались перед лавками книготорговцев, где были выставлены книги и картины, дискредитирующие реформаторов и даже королеву Наварры. Среди книг была "театральная пьеса", посвященная сестре короля: вероятно, она называлась "*Болезнь христианского мира*" с *тринадцатью персонажами*. [303]

Но даже этого было недостаточно. Все еще требовалось богословское решение первого академического органа христианского мира, которое поставило бы Русселя в один ряд с архиеретиком Лютером. Сорбонна, желая нанести решающий удар, опубликовала некоторое количество так называемых пагубных и скандальных доктрин, приписываемых Русселю, и

осудила их как сходные с ошибками Лютера. Тревога и возбуждение достигли теперь своего апогея; людям казалось, что они видят виттембергского монаха, распространяющего свои нечестивые доктрины по Парижу. Рим сражался смело, и все было в смятении. [304]

Что стало с Кэлвином во время всего этого переполоха? "Что это за безумие, - сказал он позже, - которое побуждает папу и его епископов, священников и монахов сопротивляться Евангелию с таким упрямством?... Слуги Божьи должны быть наделены непобедимым постоянством, чтобы выдерживать, не вызывая тревоги, волнения народа. Мы плывем по морю, подверженному множеству бурь, но ничто не должно отвратить нас от добросовестного выполнения нашего долга. [305] Господь утешает и укрепляет своих слуг, когда они находятся в таком волнении.... Он держит в своих руках управление каждым вихрем и каждой бурей и успокаивает их всякий раз, когда ему кажется, что это хорошо.... С нами будут обращаться грубо, но он не допустит, чтобы мы утонули". [306]

[272] 'Bacchanalia factis multis regiis conviviis.'—Siderander Bedroto, Strasburg MSS. ed. Schmidt.

[273] "Exigit invictum fidei robur".—Руссель Николампاديю, *Ер. Ссылка. Гельвет.* стр. 20.

[274] 'Adversus totum inferorum regnum, a dexteris et a sinistris.'—Ibid.

[275] 'Nihil minus in me sentiam quam quod ad evangelicum dispensatorem et ministrum attinet.'—Ibid.

[276] 'Quisque erat clamosissimus et stolido furore præditus.'—Calvinus Danieli, *Epp.* p. 3. Genève, 1575.

[277] "Vix enim locus inveniebatur qui satis capax esset". — Письмо Питера Сайдрандера, датированное Парижем 28 мая 1533 года. Страсбургская РУКОПИСЬ. Шмидт, Г. Руссель, стр. 201.

[278] 'Adeo ut ter mutare locum coactus sit.'—Ibid.

[279] 'Concionatus est autem quotidie per totam hanc quadragesimam.'—Ibid.

[280] 'Ut nulla fere concio facta fuerit quin hominum quatuor vel quinque millia adfuerint.'—Siderander, Strasburg MSS.

[281] Шмидт, Г. Руссель, стр. 85.

[282] Встреча Штурма Монлюка, 17 июня 1562 г.

[283] 'Gerardus libere docet Evangelium in ipsa Lutetia ... в королевстве Наварра, великая животная констанция'. —Меланхтон, *Корп. ссылка.* ii. стр. 658.

[284] 'Hæc certa sunt et mihi, ex Parisiis, ab optimis viris diligenter perscripta.'—Ibid.

[285] Переговоры при Смалькальде, август 1531г.

[286] 'Allatum est regium diploma quo parisiensi episcopo permittitur præficere quos velit singulis parochiis concionatores.'—Calvini *Epp.* p. 3.

[287] Théod. de Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, i. p. 9.

- [288] 'Qui inter bonos postremus non erat.'—Calvini *Epp.* p. 3.
- [289] 'In specula nostra, donec appareat quod nunc absconditum est.'—Ibid.
- [290] Théod. de Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, i. p. 9.
- [291] *Correspondance de Calvin et Du Tillet*, p. 78.
- [292] Матфея, xxiv. 40.
- [293] 'Turba illa scribarum et pharisæorum.'—Strasburg MSS.
- [294] 'Non facile contra regem temere ausi sunt certamen suscipere.'—Ibid.
- [295] "Hic aperteos illusit". — от Штурма до Буцера, изд. Штробель, стр. 106.
- [296] Isti Thersitæ . . . hi qui possunt nollent, et qui cuperent non auderent adesse.'—Ibid.
- [297] На одном из прилавокв церкви в Тулузе изображена похожая сцена с такими словами: *Проповедь свиньи Кальвина*.
- [298] Labitte, *Démocratie des Prédicateurs de la Ligue*, p. 3.
- [299] H. de Coste, *Le parfait Ecclésiastique, ou Histoire de Le Picard*, 12mo, Paris, 1658.
- [300] 'Beda sollicitabat suos oratores ut ne cessarent in suis demegoriis concitare populum.'—Sturm to Bucer. Страсбургская РУКОПИСЬ.
- [301] 'Populum stimulare ne hæresim hanc pestilentissimam radices agere pateretur.'—Siderander Bedroto. Там же.
- [302] 'Ad extremum populus etiam mussitare et minari cœpit.'—Sturm to Bucer.
- [303] Typographi in suis pægmatis scriptura et pictura et ludo scenico læserunt reginam.'—Ibid. В этом же году (1533) в Париже появился "*Моралитэ о малолетстве христиан*", 8vo. Ученый биограф Русселя и Штурма предполагает, как мне кажется, весьма обоснованно, что это и есть *ludus scenicus*, пьеса, о которой говорит Штурм.
- [304] "Омнино решает, что такое θορυβώδης".—Штурм Буцеру.
- [305] 'En rondeur de conscience.'—Calv. *Opusc.*
- [306] Кальвин, в *Акте* XIX.

ГЛАВА XXIV.

ПОРАЖЕНИЕ РИМСКОЙ ПАРТИИ В ПАРИЖЕ И КРАТКОВРЕМЕННЫЙ ТРИУМФ ЕВАНГЕЛИЯ.

(1533 г.)

=ФРАНЦИСК НАКАЗЫВАЕТ ОБЕ СТОРОНЫ.=

МАРГАРИТА и ее муж вместе с епископом дю Белле, встревоженные бурей, решили обратиться со своими жалобами к Франциску I. Королевская власть оказалась под угрозой; эти горячие "носители кошельков" были предшественниками тех, кто спровоцировал убийства Генриха III. и Генриха IV. Король Наваррский, с одной стороны, и епископ Парижский - с другой, представили своему государю тревожную картину состояния столицы. "Кровь Беркена не удовлетворяет этих фанатиков, - говорили они. - они призывают к новым актам жестокости.... И кто теперь станет их жертвами?... Они планируют преступление, восстание!" [307] Но пока Франциск одним ухом слушал доносы своей сестры, другим он слушал доносы Сорбонны. "Подстрекательство к мятежу!" - заявила одна партия. "Ересь!" - воскликнула другая. "Сир, - беспрестанно повторяли теологи, - закройте кафедры перед Русселем и его коллегами". [308] Таким образом, разбросанный в разные стороны, король, не зная, кому верить, решил одинаково наказать обе стороны. "Я запру их всех по домам, - сказал он. - Беда со своими ораторами по одну сторону, а Жерар Руссель со своими проповедниками - по другую. Тогда мы обретем некоторый покой и сможем на досуге рассмотреть эти противоречивые обвинения". [309] Таким образом, в один и тот же момент Беда, Майяр, Баллу и Бушиньи из партии церкви, а также Руссель, Куро и Берто из евангелической партии получили приказ не покидать своих домов. Таким образом, школьный учитель наказал вздорных мальчиков, посадив их в противоположные углы.

Были предприняты приготовления к расследованию этих двух случаев, но дело оказалось не таким простым, как представлял король. Богословы были возмущены тем, что оказались в одном ряду с лютеранами. Они не только не подчинились преследованию за подстрекательство к мятежу, но и заявили, что будут преследовать остальных за ересь. Они не были обвиняемыми или даже обвинителями; они заняли свою позицию как инквизиторы веры и как судьи. [310]

=БЕДА ВЫРЫВАЕТСЯ НА СВОБОДУ.=

Ужасный Беда, запертый в колледже Монтегю, [311] и не смеющий выйти на улицу, оказался приговоренным, учитывая его беспокойный нрав, к самой суровой епитимье. Поначалу он довольствовался тем, что держал на работе своих агентов, которые были готовы в любой момент выполнить его приказ. Но когда он узнал, что его право судить оспаривается и что его хотят поставить в один ряд с Русселем, буйный доктор больше не мог сдерживаться. Его комната была слишком тесной, чтобы сдержать его гнев. Он пренебрег приказами короля и, послушавшись его, сел на своего мула и поехал в город. Время от времени он останавливался. Католический трибун, защитник папы, был вскоре узан; вокруг него собралась толпа; он обратился к народу со своего мула и сделал все возможное, чтобы разжечь в нем фанатические страсти. В то время как католики столпились вокруг него, некоторые евангелисты наблюдали за оратором и его аудиторией издалека. "Я видел его верхом на своем муле", - говорит Сидерандер. [312] Беда считал себя сильнее короля, и в некоторых отношениях так оно и было; он властвовал над дикими аппетитами невежественного и фанатичного населения. Такова была власть в шестнадцатом веке, благодаря которой папа не раз торжествовал в столице Франции и в других местах.

Беду энергично поддерживали все его подчиненные: особенно Ле Пикар, который не был арестован, выразил свое возмущение в своих фанатичных речах о том, что король желает сохранить равновесие даже между Церковью и ересью; и выступал за применение силы, чтобы обеспечить триумф угнетенного папства. Казалось, вот-вот вспыхнет бунт. Друзья учености и короля были встревожены. Не могла бы римская партия воспользоваться отсутствием

Франциска, чтобы установить в Париже другую власть, отличную от его, и поступить с этим монархом так, как в последующие годы римляне обращались со своим внуком Генрихом III?

Король Наваррский и епископ Парижский поспешили в Мо, где Франциск находился со своим двором, и сообщили ему, что Беда, Ле Пикар и их коллеги отбросили всякую сдержанность и что, если не будут приняты энергичные меры, общественное спокойствие и, возможно, его корона могут оказаться под угрозой. Король поддался приступу гнева. Причуда Беды - разъезжать по улицам Парижа на своем муле, несмотря на запрет, - была одним из тех оскорблений, которые Франциск очень остро ощутил. Он приказал кардиналу Дюпра и епископу Санлисскому как можно скорее прибыть в Париж и пресечь интриги Сорбонны и променадов Беды, а также арестовать Ле Пикара. "Что касается расследования ереси, - сказал король, - я оставляю это за собой". [313] К ереси относились с большей нежностью, чем к первому католическому факультету христианского мира. Франциск начал находить лютеран кроткими, как ягнята, по сравнению с вспыльчивыми папистами. Определенные личности, о прибытии которых вскоре должны были сообщить придворные, подтвердили его мнение.

=СОРБОННА УГРОЖАЕТ ФРАНЦИСКУ.=

Едва оба прелата покинули Мо, как прибыла депутация из Сорбонны. Когда Франциск принял их, он был явно не в духе, но не обратился к ним резко, как ожидали придворные. Богословы обратились к нему со всеми необходимыми формальностями; они желали, если возможно, завоевать его кротостью. Но постепенно они повышали тон; они осаждали его своими обвинениями и раздражали своими претензиями, снова и снова повторяя, что высказывать свое мнение по поводу ереси - прерогатива Сорбонны, а не принца. В этом была доля правды, но эта правда не нравилась Фрэнсису, который утверждал, что является мастером во всем. Тем не менее он сдерживался до тех пор, пока врачи, перейдя к угрозам восстания и крича громче всех, не напомнили ему о возможности низложения королей папами. [314] Эти воспоминания о средневековье, которыми они угрожали надменному монарху, заявлявшему, что начинается новая эра, и желавшему, чтобы Реформация послужила, по крайней мере, ослаблению притязаний Рима и освобождению государей от его ига, заставили короля содрогнуться и вызвали ужасный приступ гнева. Его лицо покраснело, глаза вспыхнули огнем, и, отбросив свою обычную вежливость, он прогнал преподобных отцов прочь из своего присутствия, обозвав их животными и сказав: "Занимайтесь своими делами, ослы!" [315] В этот момент Франциск открыл новое время — хотя, конечно, в довольно бесцеремонной манере.

Однако кардинал Дюпра был уже в пути. Что бы он сделал, этот мерзкий придворный пап, который по их требованию разрушил оплот галликанских свобод и который ненавидел Реформацию? Сорбонна возлагала на него свои надежды. Но Дюпра превыше всего служил своему хозяину и не мог скрыть от самого себя, что вспыльчивые католики угрожали королевской короне. Он решил нанести сильный удар. Как только он добрался до Парижа, он арестовал Ле Пикара, как наиболее скомпрометированного. Он запер его в своем собственном дворце, изъял книги и бумаги и приказал генеральному прокурору допросить его. Мятежный холостяк бушевал в своей тюрьме и громко протестовал против унижительного обращения с ним, но все его возмущения были бесполезны. Его приговорили к заточению в аббатстве Святого Маглуара и запретили преподавать. [316]

И на этом Дюпра не остановился. Он был потрясен тем, что ничтожные священники осмеливаются выступать против королевского величия Франциска I. для него, кардинала и

канцлера, не было ничего, кроме скромной лести. Он никогда не переставал быть смертельным врагом Евангелия и неоднократно подвергал реформированных гонениям; но его главным качеством была рабская преданность желаниям своего учителя. Нищенствующим монахам, разосланным Сорбонной, он противопоставлял "дознавателей" — так он называл шпионов, которые были в каждом приходе и которые умело допрашивали мужчин и женщин, дворян и ризничих, чтобы выяснить, нападали ли проповедники или монахи на королевское правительство в их присутствии. Многие горожане не желали ничего говорить, но умный и внушающий страх священник добился своего и, обнаружив самых непокорных священников, призвал их к себе. Этот вызов от кардинала святой Церкви, от самого могущественного человека в королевстве, встревожил этих буйных священнослужителей; внезапно их мужество покинуло их, и они предстали перед его преосвященством с опущенными глазами, дрожащими конечностями и растерянным видом. "Кто позволил или кто уполномочил вас оскорблять короля и будоражить народ?" - спросил надменный Дюпра. [317] Священники были слишком напуганы, чтобы что-либо скрывать: "Это было с согласия и благоволения наших преподобных учителей", - ответили они. [318]

Теперь в свою очередь были вызваны теологи Сорбонны. Они были встревожены не меньше своих созданий и, видя опасность, все отрицали. [319] Им удалось укрыться за некоторыми хитроумными оговорками: они *намекнули* на оскорбление, но не *приказали* нанести его. В глубине души и вожди, и последователи были одинаково фанатичны, и ни один из них не нуждался в каком-либо стимуле, чтобы выполнять свой долг в этой священной войне. Эти почтенные джентльмены, прикрывшись таким образом опровержениями, удалились, полностью убежденные, что никто не посмеет поднять на них руку. Но и сотня Бед не остановила бы ужасного кардинала. Обращал ли он какое-либо внимание на ожесточенное противодействие суверенных дворов, университетов или даже духовенства Франции в деле о конкордате? Дюпра улыбался собственной непопулярности и находил тайное удовольствие в том, что навлекал на себя всеобщую ненависть. Католики и евангелисты — он наберется храбрости и сокрушит их всех. Он докопался до сути дела и, выяснив, кто были Эолы, вызвавшие эти священные бури, сообщил царю о результате.

=ФРЭНСИС ДЕЙСТВУЕТ ЭНЕРГИЧНО.=

Франциск никогда еще не был так зол на католиков. Он встречался с людьми, которые осмеливались сопротивляться ему!... Это было затронуто из-за его гордости, его деспотизма, а не из-за его любви к истине. Кроме того, разве он не был союзником Генриха VIII и разве он не стремился заключить союз с протестантами Германии? Суровые меры против фанатиков-ультрамонтанов убедили бы его союзников в искренности его слов. У него был еще один мотив: Франциск высоко ценил титул "покровителя литературы" и смотрел на монахов как на их врагов. Он выставлял себя поборником учености своего времени, а не Евангелия; но на мгновение стало возможным поверить в триумф Реформации под покровительством Возрождения.

=ОСУЖДЕНИЕ БЕДЫ.=

16 мая 1533 года неутомимый Беда, пламенный Ле Пикар и ревностный монах Матюрэн, трое самых бесстрашных сторонников папства во Франции, предстали перед парламентом. Столь экстраординарное событие наполнило удивлением и эмоциями как университет, так и город. Благочестивые мужчины возвели глаза к небу; благочестивые женщины удвоили свои молитвы Марии; но Беда и двое его коллег, гордые своей римской ортодоксальностью, предстали перед

судом и сравнили себя с исповедниками Христа, стоящими перед проконсулами Рима. Никто не мог поверить в осуждение; разве король Франции не был старшим сыном Церкви? Но ученики папы не знали монарха, который тогда правил Францией. Если они хотели показать, на что похож священник, то государь хотел показать, на что похож король. Подписывая королевские письма, в которых Франциск предлагал парламенту арестовать его, он воскликнул: "Что касается Беды, то, даю слово, он никогда не вернется в Париж!" [320] Королевский указ был должным образом зарегистрирован; суд был в полном составе; и не было слышно ни звука, когда президент, повернувшись к трем врачам, сказал: "Преподобные господа, вы изгнаны из Парижа и отныне будете жить в тридцати лье от этой столицы; однако вы вольны выбирать любые резиденции, какие вам заблагорассудится, при условии, что они будут находиться на расстоянии друг от друга". . Вы покинете город в течение двадцати четырех часов. Если вы нарушите свой запрет, вам грозит смертная казнь. Вы не будете ни проповедовать, ни давать уроки, ни проводить какие-либо собрания, и вы не будете поддерживать никакой связи друг с другом, пока король не прикажет иное".

Беда, Ле Пикар, Матюрен и их друзья были в ужасе. Франциск, однако, приберег для последнего решение, которое, должно быть, еще больше лишило их мужества. Словно желая продемонстрировать торжество евангельских идей, он отменил судебный запрет в отношении Русселя, и благотворитель Маргариты снова смог проповедовать Евангелие в столице. "Если у вас есть какая-либо жалоба на него, - сказал король Сорбонне, - вы можете передать его в законный суд". [321]

Этот декрет парламента поразил Сорбонну подобно удару грома. Ошеломленные, неспособные что-либо сказать или сделать, врачи вышли из оцепенения только для того, чтобы их охватил приступ ужаса. Они навещали друг друга, беседовали и шепотом делились своими тревогами. Действительно ли наступил роковой момент, которого они так долго боялись? Собирался ли Франциск последовать примеру Фридриха Саксонского и Генриха Английского? Погибнет ли дело святой Римской церкви под ударами ее врагов? Присоединится ли Франция к триумфальному шествию Реформации?... Старики, которых в Сорбонне было довольно много, были ошеломлены. Один из них, сломленный, немощный ипохондрик, был так ужасно встревожен этим указом, что практически лишился рассудка. Его мучил постоянный кошмар. Ему казалось, что он видит короля и парламент вместе со всей Францией, разрушающих Сорбонну и наступающих на шею докторам, пока горит их дворец. Бедняга испустил дух среди этих ужасных призраков. [322] Однако удар, ошеломивший одних, возбудил других. Наиболее отважные врачи встречались и совещались друг с другом, стремясь ободрить своих сторонников и привлечь новых: они не знали покоя ни днем, ни ночью. [323] Не в силах поверить, что этот указ действительно выражает волю короля, они решили послать депутацию на юг Франции, куда он и отправился; но Франциск не забыл их намека на низложение королей папами, и, разгневанный, как всегда, он отвергал все требования.

=НАДЕЖДЫ РЕФОРМАТОРОВ.=

Взволнована была не только Сорбонна: весь город был в смятении, одни были против декрета, другие - за него. Фанатики, в своем сострадании к "превосходному Беде", [324] воскликнули: "Какое унижение подвергать столь глубокого богослова, столь высокородного человека такому суровому наказанию!" [325] Но, с другой стороны, друзья учения прыгали от радости. [326] Казалось, завершается великое движение ; это было торжественное время. Некоторые из самых

умных людей воображали, что Франция вот-вот возродится и преобразится.... Штурм в своем колледже был в восторге. Какие новости следовало послать в Германию, Буцеру, Меланхтону!... Он побежал в свой кабинет, схватил ручку и в порыве возбуждения написал: "Все меняется, петли поворачиваются.... Это правда, что кое-где все еще остаются несколько престарелых Приамов, окруженных раблепными созданиями, которые цепляются за то, что уходит.... Но, за исключением этого небольшого числа запоздалых людей, никто больше не защищает дело фригийских жрецов". [327] Классический Штурм мог сравнить дух ультрамонтанистов только с суевериями и фанатизмом жрецов Фригии, столь печально известных этими качествами в древние времена. Но друзья Реформы и Возрождения предавались самым преувеличенным иллюзиям. Несколько стариков, бормотавших свои *Аве-Мария* и *Отче наш*, казались им олицетворением всей силы папства. Они возлагали большие надежды на новое поколение: "Молодые священники, - говорили они, - устремляются на сияющие пути мудрости". [328] Франциск I. показав сердитое лицо Сорбонне, каждый француз был готов последовать его примеру, согласно убеждению литераторов. Они предавались порывам радости, и, так сказать, всеобщий крик приветствовал начало новой эры. Но, увы! Франция была еще очень далека от этого; ее сочли недостойной такого счастья. Вместо того чтобы увидеть поднятое на своих стенах тройное знамя Евангелия, нравственности и свободы, этой великой и могучей нации было суждено, благодаря римскому влиянию, пройти через столетия деспотизма и дикой демократии, легкомыслия и распущенности, суеверий и неверия.

=ЧЕТЫРЕ ИЗГНАННЫХ ВРАЧА.=

В разгар противоположных движений, охвативших сейчас Париж, нашлось определенное количество зрителей, которые, хотя и склонялись больше к одной партии, чем к другой, приступили к изучению ситуации. В одном из колледжей учился студент из Эльзаса, сын торговца скобяными изделиями в Страсбурге, который, желая дать себе греческое или латинское имя, называл себя *Сидерандер*, "железный человек". Таков, однако, был не его характер; он был особенно любопытен; у него была страсть узнавать новости, и его огромное желание знать, чем занимаются другие люди, делало его гибким, как ива, а не твердым, как металл. Сайдерадер был дружелюбным, хорошо образованным молодым человеком, и он дает нам довольно точное представление о лучшем классе студентов того времени. В понедельник, 26 мая, он собирался послушать лекцию Штурма по логике, который, оставив пути бесплодной схоластики, показывал на собственном примере, а также наставлениями, как ясность мысли может сочетаться с элегантностью языка. Как раз в тот момент, когда эльзасец приближался к колледжу Монтегю, где Штурм читал лекции, ему улыбнулась удача. Он увидел огромную толпу студентов и горожан, собравшихся перед колледжем, где они ждали с утра, чтобы стать свидетелями отбытия Геркулеса Сорбонны. [329] Он бежал так быстро, как только мог, его сердце трепетало от радости при мысли о том, что он увидит Беду, великого паписта, отправляющегося в изгнание.... Ради такого зрелища студент пошел бы пешком из Страсбурга. По Парижу распространился слух, что трое или четверо опальных врачей должны были в этот день покинуть столицу. Все хотели увидеть их: одни из-за радости, которую они испытывали при виде своего позора; другие - чтобы дать выход своему горю. Но, к сожалению! счастливый случай, обрадовавший студента, подвел его. Правительство было встревожено и, опасаясь беспорядков, изгнанники не явились. Толпа была вынуждена разойтись, так и не увидев их, и Сайдерадер ушел в большом разочаровании. На следующее утро, рано утром, четверо преступников - Беда, Ле Пикар, Матюрэн и францисканец - вышли под охраной и без шума. Врачи, униженные тем, что их вывели из города, как злоумышленников, даже не подняли голов.

Но меры предосторожности полиции были бесполезны: многие люди были настороже, новость мгновенно распространилась по кварталу, и толпа горожан, монахов и просто народа заполнила улицы, чтобы посмотреть, как проходят знаменитые богословы, удрученные, молчаливые и с опущенными глазами. Слава Сорбонны померкла; померкла даже слава Рима, и многим казалось, что папство уходит вместе со своими четырьмя защитниками. Набожные католики дали волю вздохам и стонам, негодованию и слезам; но в тот самый момент, когда эти фанатики отдавали последние почести папству, другие радостно приветствовали наступление новых времен. "Это подхалимы, - говорили некоторые в толпе, - изгнанные из Парижа из-за своей лжи и предательских действий". [330]

Ученики Евангелия не ограничивались словами. Дела шли хорошо, и было желательно продолжать до тех пор, пока не будет достигнута цель. В то время как Сорбонна склонила голову, Реформация смотрела вверх. Королева Наваррская и ее муж, а также многие политики и высокопоставленные лица поощряли Русселя, Куро и других бесстрашно проповедовать Евангелие; даже эти евангелисты были поражены их внезапной благосклонностью. Руссель, в частности, робко выступил вперед, спросив, не наложит ли Церковь свое *вето*? Но нет; епископ дю Белле, брат дипломата, не вмешивался. В течение всего периода отсутствия короля Париж был почти как страна, находящаяся в процессе реформирования самой себя. Люди считали себя уже обеспеченными той религиозной свободой, которая, увы! это стоило трех столетий борьбы и чистейшей крови, и чьи прискорбные поражения должны были рассеять исповедников Иисуса Христа по всем частям света. Когда человечеству должно быть даровано великое благо, освобождение достигается только последовательными усилиями. Но в то время люди думали, что достигли цели одним прыжком. С кафедр, которые были открыты для них в каждом квартале Парижа, евангелисты провозглашали, что истина была открыта в Иисусе Христе; что Слово Божье, содержащееся в писаниях пророков и апостолов, не требует одобрения или толкования непогрешимым авторитетом; и что всякий, кто слушает его или читает с искренним сердцем, будет просвещен и спасен им. Опека священников была отменена, и освобожденные души были приведены в непосредственный контакт с Богом и его откровением. Великое спасение, приобретенное смертью Христа на кресте, было провозглашено с силой, и друзья Евангелия, охваченные радостью, воскликнули: "Наконец-то Христос проповедуется публично с кафедр столицы, и все говорят об этом свободно. [331] Пусть Господь день за днем умножает среди нас славу Своего Евангелия!" [332]

=САТИРЫ НА СТУДЕНТОВ.=

Самые серьезные причины всегда находят защитников среди тривиальных людей, которые не вполне понимают их, но все же презирают своих противников. У Реформации нет причин гордиться некоторыми своими сторонниками в шестнадцатом веке. Серьезное дело должно быть серьезно защищено; но история не может пройти мимо этих проявлений, которые в такой же степени относятся к ее области, как и к проявлениям другого рода. В этом вопросе не обошлось без сатиры. Студентам это особенно понравилось: они вывесили длинный плакат, тщательно исписанный орнаментированными буквами французскими стихами, на котором четыре теолога были описаны самыми живыми и фантастическими красками. [333] Были также представлены двое их коллег, поскольку четыре врача, на которых пал гнев короля, были не единственными преступниками. Один кордельер особенно прославился своими любопытными

проповедями, полными плохого французского и скверной латыни, и еще более прославился умным и популярным красноречием, которое он проявлял всякий раз, когда нужно было собрать пожертвования в пользу его ордена. Этот Пьер Корню, получивший прозвище *де Корн*, был чудесно затронут в стихотворении студентов. Группы ученых, горожан и парижских остряков собрались вокруг плакатов, одни взрывались смехом, другие - гневом. Пылкий и нелепый Корню особенно возбуждал веселье бездельников. Нечестивый автор, не имевший никакого отношения к Реформации, говорит о нем в своих произведениях: "Ха! ха! Мастер Корну, - сказал один из них, - ты не единственный, у кого есть рога.... Друг Бахус носит пару; то же самое делают Пан, Юпитер Амон и другие хозяева". — "Ха! ха! дорогой мастер Корнибус, - сказал другой, - дайте мне унцию вашей проповеди, и я соберу коллекцию в вашем приходе". Странное обстоятельство! В то время общественный голос, казалось, был настроен против этих предшественников проповедников Лиги. У Сорбонны, однако, были друзья, которые отвечали на эти шутки взрывами страсти. "Человек, написавший эти стихи, еретик", - восклицали они. [334] От оскорблений они перешли к угрозам; от угроз они перешли к ударам, и началась борьба. Фанатики хотели сорвать плакат. Одному из Преподавателей это удалось; подпрыгнув в воздух, он сорвал его и убежал со своей добычей. [335] Затем толпа разошлась.

=СОРБОННА ПРИЗЫВАЕТ К СОЖЖЕНИЮ На КОЛ.=

В ту эпоху плакаты играли большую роль, аналогичную той, которую играли некоторые брошюры в более поздние времена. Не было необходимости покупать их у книготорговца; каждый мог прочесть импровизированные трактаты на углах улиц. Рим был не в том настроении, чтобы оставлять это мощное оружие в руках своих врагов, и Сорбонна решила обратиться к народу с призывом выступить против ненавистной расы новаторов. Он не шутил, как школьная молодежь; он перешел прямо к делу и применил кол против своих противников. Через два дня после того, как был вывешен прежний плакат, на стенах был обнаружен другой, содержащий следующие неотшлифованные стихи:

На костер! на костер! вместе с командой еретиков,

Это день и ночь раздражает всех хороших и правдивых людей.

Неужели мы позволим им осквернять Святое Писание и ее указы?

Должны ли мы изгнать чистую науку из-за мерзких лютеран?

Неужели ты думаешь, что наш Бог допустит подобное

Подвергать опасности наши тела и души в их непринужденной обстановке?

О Париж, цветок и гордость городов,

Поддерживайте ту истинную веру, которую высмеивают эти еретики;

Иначе на твои башни обрушатся буря...

Прислушайтесь к моему предупреждению, и давайте помолимся все

Что Царю всех царей будет угодно посрамить

Эти проклятые собаки, где бы их ни найти,

Что их имена, как кости, быстро разлагающиеся,

Пусть скрижали памяти будут начисто стерты.

На костер! на костер! огонь - их дом!

Если Бог позволил, пусть свершится правосудие.

Перед этим плакатом, столь же жестоким, сколь и коварным, собралась столь же огромная толпа. Писатель обратился к жителям Парижа; он назвал их "цвет и гордость городов", зная, что лесть - лучшее средство завоевать умы людей; а затем он призвал к костру. "Кол" был аргументом, с помощью которого люди выступали против Реформы. "Сожгите тех, кто нас опровергает!" - Этот дикий призыв был метким ударом в цель. Многие горожане, опустившись на колени, переписали плакат, чтобы разнести его по домам: пресса работает менее оперативно, даже в наши дни. Другие заучивали эти стихи наизусть и ходили по улицам, распевая "Бремя":

На костер! на костер! огонь - их дом!

Если Бог позволил, пусть свершится правосудие.

Эти грубые стихи стали девизом их партии; эта жестокая баллада шестнадцатого века вскоре призвала поборников Церкви в разных кругах наполнить землю прахом их врагов. Случайно в толпе оказался Пьер Сидерандер; заметив, что несколько папистов переписывают зажигательные стихи, страсбургский студент сделал то же самое и разослал копии своим друзьям. Таким образом, они дошли до наших дней. [336]

На следующий день появился новый плакат. Сорбонна, видя, что люди начинают волноваться, пожелала основательно их разбудить. Эта баллада не ограничивалась общим призывом к костру; Руссель был упомянут по имени как человек, заслуживающий сожжения. Фанатичные плакаты сорбоннистов были сорваны не так скоро, как сатирические куплеты их учеников. Их можно было читать целыми днями, так хорошо за ними присматривали ризничие.

Но Сорбонна не ограничилась бумажной войной; они воздействовали на самых выдающихся членов парламента. Их рвение проявлялось со всех сторон. "Справедливость! справедливость! - восклицали они. - Давайте накажем этих отвратительных еретиков и вырвем лютеранство с корнем и ветвями". [337] Весь город был в смятении; замышлялись самые гнусные заговоры; и *материологи*, как студенты называли защитников старых злоупотреблений, каждый день совещались в Сорбонне.

=ХОД РЕФОРМЫ.=

Посреди всей этой суматохи Реформация продвигалась тихо, но уверенно. В то время как королева Наваррская смело заявляла о своем живом благочестии во дворце, а проповедники провозглашали это со своих кафедр верующей толпе, евангелисты, все еще остававшиеся в неизвестности, скромно распространяли вокруг себя более чистую и могущественную веру. В этот период Кальвин провел четыре года в Париже (1529-1533), где сначала занялся литературой. Можно было бы подумать, что он появится в мире как литератор, а не как

реформатор. Но вскоре он отодвинул светские занятия на второй план и посвятил себя служению Богу, как мы видели. Он не хотел бы сразу начинать карьеру евангелиста. "В течение этого времени, - сказал он, - моей единственной целью было жить уединенно, так, чтобы о нем никто не знал". Он чувствовал необходимость времени тишины и христианских размышлений. Ему хотелось бы подражать Павлу, который после своего обращения и первой проповеди в Дамаске провел несколько спокойных лет в Аравии и Киликии; [338] но ему пришлось бороться с заблуждениями окружающих, и вскоре он сделал шаг вперед. В то время как Куро и Руссель проповедовали в церквях перед большой аудиторией и нежно общались с папством, Кальвин, проявляя большую активность, [339] посетил различные кварталы Парижа, где проводились тайные собрания, и там провозгласил более библейскую, более полную и смелую доктрину. В своих беседах он часто упоминал об опасностях, которым подвергались те, кто желал жить благочестиво; и в то же время он учил их, "каким великодушием должны обладать верующие, когда невзгоды повергают их в отчаяние". — "Когда дела идут не так, как мы хотим, - сказал он, - печаль овладевает умом и заставляет нас забыть всю нашу уверенность. Но отеческая любовь Бога - это основа непобедимой силы, которая преодолевает все испытания. Божественная милость - это убежище от всех бурь, с какой бы стороны они ни налетали". И, как нам говорят, он обычно заканчивал свои речи такими словами: *"Если Бог за нас, кто может быть против нас?"* [340]

Простая проповедь не удовлетворяла Кальвина: он вступал в общение со всеми, кто желал более чистой религии, [341] часто навещал их и серьезно беседовал с ними. Он никого не избегал и поддерживал дружбу с теми, кого знал раньше. Он продвигался шаг за шагом, но всегда был занят, и учение Евангелия с каждым днем достигало некоторого прогресса. Все присутствующие самым убедительным образом свидетельствовали о его благочестии. [342] Друзья Слова Божьего собрались вокруг него, и среди них было много горожан и простых людей, но были также дворяне и профессора колледжей.

Эти христиане были полны надежды, и даже Кальвин лелеял смелую идею склонить короля, университет и, по сути, саму Францию на сторону Евангелия. Париж был в напряжении. Каждый думал, что вот-вот произойдет какая-то разительная и, возможно, внезапная перемена в том или ином направлении. Будет ли преимущество у Рима или у Реформации? Были веские причины для принятия первого мнения и едва ли менее веские причины для принятия второго. По этому поводу возникли дискуссии, даже среди друзей. Люди искали все, что могло бы помочь им предсказать будущее, и наиболее любопытные отправлялись в различные места, где они надеялись узнать новости. Общественное внимание было особенно приковано к Сорбонне, когда стало известно, что главы римской партии держали совет.

=ПЬЕР СИДЕРАНДЕР.=

23 мая 1533 года Пьер Сидерандер (который был любознателен от природы), подстрекаемый желанием узнать, что должно было произойти, и желая, в частности, узнать, что делается в теологических клубах (ибо от них, он не сомневался, последует удар, который решит, кто выйдет победителем), проник в здания, принадлежащие факультету богословия. [343] Он не осмелился проникнуть дальше больших ворот: остановившись там, как любой другой бездельник, он начал рассматривать картины, которые продавались у входа в здание. [344] Но, при всем его невинном виде, его глаза и уши были широко открыты, он пытался уловить одно-два слова, которые объяснили бы ему, что происходит; потому что врачи, входя или выходя, разговаривая

друг с другом, обязательно проходили рядом с ним. Пьер впустую тратил время, расхаживая перед изображениями святых и Девы Марии (которые он считал идолопоклонническими). Внезапно он увидел знаменитого Будея, выходящего из Сорбонны. [345] В то время Будей играл ту же роль, что впоследствии благородный канцлер Лопиталь: он присутствовал везде, где требовалось умерить, просветить или обуздать вспыльчивых. Он прошел мимо Сайдрандера, не сказав ни слова, и вышел из здания; но любопытный студент не смог устоять; он покинул свой пост и последовал за знаменитым эллинистом, желая посмотреть на него непринужденно и, без сомнения, надеясь чему-нибудь научиться. [346] "Разве я не друг двух его сыновей, - сказал он, - которые, как и я, посещают курсы Латомуса?" Разве старший не приглашал меня прийти и посмотреть его музей? [347] Разве я не был там на днях, и не должен ли он ответить на мой визит вместе со своим братом?" Сидерандер, сгоравший от желания узнать, что говорилось на собрании, которое только что покинул основатель колледжа Франции, ускорил шаг; слова уже были у него на губах, когда он внезапно испуганно остановился. Робость оказалась сильнее любопытства, и вскоре он потерял из виду человека, которого Эразм называл "вундеркиндом Франции". И все же, если бы он спросил его, то, возможно, узнал бы, что замышляет римская партия, и смог бы рассказать своим друзьям о вероятной причине кризиса. Он часто спрашивал сыновей Будея, что замышляет их отец. [348] "Он много времени проводит с епископом, - ответили они, - но он ничего не замышляет". [349] Таким образом, Сидерандер сделал все, что мог, но безрезультатно, чтобы добиться какого-нибудь интересного общения и узнать какие-нибудь редкие новости. Он не смог удовлетворить свое крайнее любопытство. "И это еще не все, - сказал он себе, - потому что, если бы я вместо того, чтобы терять время под портиком Сорбонны, побывал где-нибудь в другом месте, я, возможно, чему-нибудь научился". Он хотел быть везде, но нигде не был. - Ха! - сказал он с досадой, вернувшись после погони за Будеем. - Пока я забрасываю крючок в одно место, рыба уходит в другое. В нашем квартале происходят вещи, о которых жители других кварталов ничего не знают, а мы ничего не знаем о том, что происходит в других местах. [350] Увы! все приобретает угрожающий вид; все предвещает сильную бурю". [351]

=ЛЮБОПЫТСТВО САЙДРАНДЕРА.=

Сорбонна, религиозные ордена и все ревностные католики, будучи убеждены, что новаторы, превознося Иисуса Христа и его Слово, унижают Церковь и папство, были полны решимости вести против них смертельную войну. Они думали, что если сначала нанесут удар по самому грозному из своих противников, то смогут легко рассеять остальную армию повстанцев. Но против кого должен быть направлен первый удар? Это было предметом обсуждения на тех советах, которые любопытный Сидерандер так сильно желал подслушать.

Прежде чем мы узнаем, что готовилось в Сорбонне, мы должны войти в более знаменитые залы совета и перенестись в Болонью.

[307] 'Rex Navarræ instinctu uxoris et episcopus regem sollicitare ... seditionis crimen intendere.'—Sturm to Bucer.

[308]"Gerardum removeat a concionibus". —*Корп. ссылка.* ii. стр. 648.

[309] 'Placuit regi ut Beda cum suis oratoribus et G. Rufus, quisque in suis ædibus, tanquam privata custodia detineretur.'—Sturm to Bucer.

- [310] 'Ut ne accusatores viderentur, sed opinatores tantum, et inquisitores hæreticæ pravitatis.'—Ibid.
- [311] 'Tum bonus noster Beda in Monte suo Acuto manere coactus est.'—Siderander Bedroto.
- [312] 'In mulo suo equitantem vidi.'—Siderander Bedroto.
- [313] 'Judicium de hæresi sibi reservavit.'—Sturmius Bucero.
- [314] "Громкие призывы к мятежу, правила внутреннего распорядка". —Меланхтон Спалатину, *Корп. ссылка. ii. стр. 685.*
- [315] 'Rex, quoniam esset exacerbat, irrisit tanquam Arcadicorum pecorum.'—Sturm to Bucer.
- [316] H. de Coste, *Le parfait Ecclésiastique*, p. 73.
- [317] 'Cujus vel permissu vel jussu populum commovissent et læsissent regem.'—Sturm to Bucer, ed. Schmidt.
- [318] 'Responderunt ex consensu et placito magistrorum nostrorum.'—Sturm to Bucer, ed. Schmidt.
- [319] 'Theologi cum pericula animadverterent, negabant.'—Ibid.
- [320] 'Nunquam velit Bedam reverti.'—Sturm to Bucer.
- [321] 'Gerardus libere concionatur; et imperatum theologis, si quid habeant negotii adversus eum, ut jure agant.'—Melanchthon to Spalatin, July 22. *Corp. Ref. ii. p. 658.*
- [322] 'Senex quidem theologus hanc contumeliam theologici ordinis adeo ægre tulit, ut delirio vitam amiserit.'—Melanchthon to Spalatin. *Корп. Ссылка. ii. стр. 658.*
- [323] 'Θεολόγοι non die, non nocte, unquam cessant ab opere.'—Siderander, Strasburg MSS.
- [324] 'Illi miserantur optimi Bedæ.'—Ibid.
- [325] 'Hominem tam grandem natu, exilium tam durum pati oportere.'—Ibid.
- [326] 'Audias alios qui gaudio exultent.'—Ibid.
- [327] 'Vide rerum commutationem ... Praeter senes Priamos et paucos alios, nemo est qui faveat istis sacerdotibus Phrygiis.'—Sturm to Bucer.
- [328] 'Juniores theologi jam sapere incipiunt.'—Ibid.
- [329] 'Maximam turbam ante collegium Montis Acuti vidi.'—Siderander Bedroto.
- [330] "Беда урбана, пульсирующая вместе с алиис квибусдам сикофантис". —Меланхтон Спалатину, *Корп. ссылка. ii. стр. 658.*
- [331] 'Palam prædicare Christum quidam cœperunt, omnes loqui liberius.'—Bucer to Blaarer. Страсбургская РУКОПИСЬ.
- [332] "Христос евангелий, славный предзнаменование". — Меланхтон Спалатину. *Корп. Ссылка. ii. стр. 658.*

[333] 'In qua pulcherrime suisque coloribus omnes isti theologi depingebantur.'—Siderander Bedroto.

[334] 'Alii auctorem clamabant esse hæreticum.'—Siderander Bedroto.

[335] 'Tandem nescio quis delator dilaceravit.'—Ibid.

[336] "Как виден, так и описан сам по себе", и здесь следуют стихи. Шмидт, Г. *Руссель. Pièces Justificatives*, p. 205.

[337] 'Ut supplicium de detestandis illis hæreticis sumat, eosque extirpet funditus.'—Ibid.

[338] Послание к Галатам, i. 17-21.

[339] 'Nec ei mox defuit in quo sese strenue exerceret.'—Bezæ *Vita Calvini*.

[340] Bezæ *Vita Calvini*. Херцог, *Настоящая энциклопедия, искусство. Кальвин*. Шмидт, Г. *Руссель*, стр. 94.

[341] 'Omnibus purioris religionis studiosis innotuit.'—Bezæ *Vita Calv.*

[342] 'Non sine insigni pietatis testimonio.'—Ibid.

[343] 'Heri videre volui quidnam in Sorbonna ageretur.'—Siderander Bedroto.

[344] 'Picturas et imagines quæ ibi venduntur.'—Ibid.

[345] "Будеум эгредиентем видео". —Сидерандер Бедрото.

[346] 'Quem relicto instituto secutus sum.'—Ibid.

[347] 'Me rogavit ut musæum suum viderem.'—Ibid.

[348] 'Quid novi jam pater moliretur.'—Ibid.

[349] 'Negabat quicquam moliri.'—Ibid.

[350] 'Quod nos ignoramus.'—Siderander Bedroto.

[351] 'Nemo est qui possit expiscari omnia ... Omnia tumultum minari videntur.'—Ibid.

ГЛАВА XXV.

БОЛОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. СОБОР И ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ.

(Зима 1532-1533 гг.)

Император, спустившись по итальянским склонам Альп и пересекши север Италии, прибыл в Болонью 5 декабря 1532 года, несколько раздосадованный побегом герцога Кристофера, но не подозревавший, что это приведет к каким-либо серьезным последствиям. Этот город, впоследствии прославленный Гвидо, Доменикино, двумя Караччи и Бенедиктом XIV, одним из самых выдающихся пап восемнадцатого века, с каждым днем становился все оживленнее. Туда

прибыл папа римский: принцы, знать, прелаты и придворные заполнили его великолепные дворцы; новый мир пришел в движение вокруг церквей, Азинелли, фонтана Нептуна и других памятников, украшающих этот древний город. Император желал провести конференцию с папой римским с намерением тесно сплотиться с ним, а через него и с другими католическими князьями, чтобы действовать сообща против двух их врагов, Франции и Реформации. Но Карл ошибался, если думал, что окажется в Болонье наедине с папой римским. Ему предстояло встретиться с противниками, которые выстоят против него: вокруг Климента VII вот-вот должна была начаться борьба между Францией и империей. Франциск I, у которого только что состоялась встреча с Генрихом VIII, на самом деле не стремился встречаться с Карлом; но его место в Италии должны были занять люди, которые выполняли бы его работу лучше, чем он мог бы сделать это сам. 4 января 1533 года кардиналы де Турнон и де Грамон, посланные Франциском к Клименту, чтобы пригрозить ему некой "великой обидой", о которой ему, возможно, придется сожалеть вечно, прибыли в этот город. Помешает ли присутствие двух кардиналов планам Карла?

=ПЛАНЫ КАРЛА V.=

Первым делом, которое император пожелал осуществить, был созыв генерального совета. Серьезный человек, всегда занятый бизнесом, он обладал душой, жаждущей власти. Фердинанд и Изабелла основали свою власть в Испании, восстановив единство этой страны, он желал сделать в центральной Европе то, что они сделали на полуострове, то есть объединить ее под своим покровительством, если не под своим скипетром. И вот! Германия внезапно разбита в его руках и разделена на две части. Печальное унижение! Когда он пересек Альпы после отступления Солимана, у него уже не было той безграничной уверенности в его гении и авторитете, которую он испытывал два года назад, когда собирался на сейм в Аугсбурге. Он приехал из Испании, чтобы сокрушить эту новую секту, которая мешала осуществлению его честолюбивых мечтаний; и вместо того, чтобы сокрушить ее, он был вынужден признать это. После отступления турок Карл оказался во главе многочисленной и победоносной армии, и люди спрашивали друг друга, не нападет ли он с ней на протестантов; но лучшие солдаты этой армии сами были протестантами. Необходимо прибегнуть к другим средствам, чтобы положить конец расколу. Он все тщательно взвесил, и привнес в это дело то приятное и спокойное внимание, которое всегда отличало его. Зная, что результат обращения к оружию был неопределенным и что вместо восстановления согласия он мог разжечь ненависть, которую ничто не могло погасить, он решил созвать собор для восстановления единства и предъявил свое требование папе в Болонье. Но Климент VII боялся собора так же сильно, как Карл желал его. "Они хотели бы устранить обиды, - сказал он своим приближенным, - и исправить злоупотребления не меньше, чем искоренить ересь". Обладая большим умом и редкими способностями, тщеславный, хитрый, лживый и без возвышения души, Климент решил отложить это собрание на неопределенный срок, хотя всегда обещал это. В то время как император признавал неэффективность светской власти, папа еще острее ощущал неэффективность духовной власти. Каждый из этих двух персонажей не доверял той власти, в отношении которой он имел наибольший опыт. Скромное Евангелие реформаторов напугало как Церковь, так и Империю. Климент обсудил этот вопрос с архиепископом Кортонь, губернатором Болоньи, с легатом Кампеджио и с нунцием Гамбарой: все согласились с ним и заявили, что желание вернуть протестантов к римской вере иначе, чем силой, было бы очень опасным предприятием.

=КЛИМЕНТ ПРОТИВ СОВЕТА.=

Однако, поскольку ни папа, ни император не хотели уступать, они пожелали провести конференцию, на которой каждый постарался бы убедить другого. Итак, был назначен день, и два властелина встретились во дворце Болоньи. Карл сообщил Клименту, что "огромное количество католиков желали и требовали созыва собора, необходимого для уничтожения ереси Лютера, которая набирала силу с каждым днем, и для подавления многочисленных беспорядков, которые существовали в Церкви". [352] Но папа ответил: "Если мы соберем собор и позволим протестантам присутствовать и подвергать сомнению доктрины, одобренные Церковью, они нападут на них всех, и результатом станут бесчисленные нововведения". Если, напротив, мы не позволим им высказаться, они скажут, что их осуждают, но их не услышали; они покинут ассамблею, и мир поверит, что мы неправы. Поскольку протестанты отвергают решения прошлых соборов, как мы можем надеяться, что они будут уважать решения будущих соборов? Разве мы не знаем их упрямства? Когда мы выдвигаем авторитет Церкви, разве они не ставят на его место авторитет Священного Писания? Они никогда не признают себя побежденными, что вызовет большой скандал. Если собор постановит, что папа выше собора (что является правдой), еретики проведут еще один и изберут антипапу (возможно, Лютера). Сир, средство, которое вы предлагаете, приведет к большему злу, чем то, которое мы должны вылечить сейчас". [353]

Папство в шестнадцатом веке впало в состояние инертности. Оно было достаточно активным как политическая сила; но как духовная власть оно было ничем. У него все еще были большие претензии в том, что касалось внешнего вида; но он был удовлетворен, если ему были предоставлены определенные предпочтения и определенная пышность. Оно боялось всего, что обладало хоть какой-то жизнеспособностью, и боялось не только тех, кого называло еретиками, но даже собрания, состоящего из прелатов Римской церкви. И в то время как папство, таким образом, страдало от общей слабости духовных сил, Реформация была полна энергии и жизни. Это был молодой воин, напавший на дряхлого ветерана. Помимо этих общих причин, были и личные мотивы, которые усугубляли бездействие Климента; но их он держал при себе. Оставшись один в своей комнате, он вспомнил, что его рождение не было законным; что средства, которые он использовал для получения папства, не были безупречными; и что он часто использовал ресурсы Церкви в своих собственных интересах ... например, в ведении дорогостоящей войны. Все это может быть выдвинуто против него на совете и поставить под угрозу его положение. Но так как его положение было для него дороже единства Церкви, он ничего не согласился и своими увертками довел Карла до отчаяния.

Ненависть, которую император питал к папе, еще больше усилилась из-за сопротивления понтифика. [354] В своем гневе он обратился к кардиналам. Сначала ему это удалось, задействовав мощные стимулы, и консистория приняла решение в пользу немедленного созыва собора. Встревоженный Климент принялся за работу по возвращению введенных в заблуждение кардиналов, и ему это удалось, поскольку вторая консистория, состоявшаяся 20 декабря, совпала по времени с избранием папы. "Мы не можем думать о созыве собора, - заявила священная коллегия, - пока не примирим всех христианских князей". [355] Император открыто выразил свое недовольство. Подождите, пока Генрих VIII, Франциск I и Карл V. не придут к согласию ... также отложите это до греческих календарей! Климент попытался успокоить его. Он сказал, что соберет его в *подходящее время*; а затем, поскольку он опасался, что немцы, услышав о его отказе, соберут *национальный совет*, он отправил послов, чтобы

помешать этому, в то же время намекнув императору, что они уполномочены подготовить эту нацию к всеобщему совету. [356] Был ли Карл V одураченным папой? Это сомнительный момент. Климент, восторженный ученик своего соотечественника Макиавелли, был, в соответствии с наставлениями своего учителя, податливым и лживым, лишенным совести и веры. Но император прекрасно знал, что таковы были заветы прославленного флорентийца.

=ЧЕМПИОНАТ ИТАЛИИ.=

В течение некоторого времени Чарльз молча обдумывал другой проект, который, как он думал, не мог не сделать его хозяином Италии. Это было создание итальянской лиги защиты от Франциска. Он сообщил о своем плане папе со свойственными ему сдержанностью и способностями и провозгласил себя защитником Рима. Климент, однако, не верил в его великодушие, а, напротив, опасался, что эта конфедерация даст ему учителя; тем не менее он, казалось, был очарован ею. "Да! - воскликнул он. - Италия должна противопоставить себя амбициям Франции". В то же время он сообщил послу Венеции, что высказал все это не как свое собственное мнение, а как мнение императора. "Благоразумно сообщите об этом своим лордам", - добавил он. [357] У понтифика всегда было два лица и два значения.

На самом деле он не знал, какого курса придерживаться. Одно время он был готов броситься в объятия Карла и испытать те же шансы вместе с ним; а затем, узнав о том, что произошло в Булони и Кале, он задрожал, опасаясь, что король Франции выйдет из повиновения. Эти два ужасных монарха сделали из папы дурака и довели его до отчаяния. Но он вспомнил, как Макиавелли сказал, что миром управляют две вещи — сила и хитрость; и, оставив первую императору, он нашел убежище во второй. "Соответственно, Климент решил действовать осторожно, - говорит Дю Белле, - выжидая, придираясь и останавливаясь, чтобы посмотреть, что принесут ему французские кардиналы". Они прибыли как раз в этот критический момент. Это было дурное предзнаменование для Франции, поскольку ни одно событие шестнадцатого века не сделало большего для укрепления господства интриг, трусости, разврата, преступности и преследований в этой стране.

=ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЛАННИКИ И КЛИМЕНТ.=

Кардинал де Турнон, самый влиятельный из двух послов, был искусным священником, преданным папе и папству, жестоким, соучастником Гизов в последующие годы и всю свою жизнь одним из величайших врагов религиозной свободы. Его коллега, кардинал де Грамон, епископ Тарба, а впоследствии архиепископ Тулузы, был более сговорчивым дипломатом и работал в Англии на момент расторжения брака Генриха с Екатериной Арагонской. Первый из этих двух людей был более иерархичен, второй - более политичен; но оба принимали близко к сердцу интересы своего учителя Франциска. Их миссия была трудной, и они много раз совещались о том, что делать. Турнон был готов пожертвовать всем, в первую очередь правдой, чтобы объединить короля с папой. "Следует опасаться, - сказал он своему коллеге, - что, если мы позволим святому отцу узнать обо всем недовольстве двух королей, мы только усилим его отчаяние; и что император, воспользовавшись нашими угрозами, перетянет его на свою сторону и сделает с ним все, что ему заблагорассудится, что приведет к волнениям в христианском мире". Вместо того, чтобы выполнять решения Кале, Турнон и Грамон решили отменить их. Они думали, что Франциск I поступает неправильно, и хотели быть большими роялистами, чем сам король. Отвоевать папу у Карла V. и передать его Франциску I. это была великая работа, которую они решили предпринять в Болонье. Там был император, и он был

ярим противником, но двум священникам не хватало мастерства. Их целью было спасти католицизм, находящийся под угрозой во Франции, и положить королевство к ногам папы римского. "Давайте выполним наши инструкции, - сказали они, - начав с последнего пункта. Вместо того чтобы в первую очередь применять суровость, а в последнюю - мягкость, мы поступим как раз наоборот". [358]

Оба кардинала, будучи приняты понтификом, оказали ему всяческие знаки уважения и попытались дать ему понять, что ради блага святого престола он должен сохранить доброе расположение самого христианского короля. Поэтому они предложили побеседовать с Франциском и даже с королем Англии, поскольку принц стремился положить конец трудностям, связанным с разводом. "Наконец, - добавили они, сделав небольшое ударение на этом слове, - некоторые предложения, ранее выдвигавшиеся от имени короля, могут быть выполнены". [359] "Эти предложения, - говорит Дю Белле, — привели бы, надо понимать, к великому возвышению папы и его семьи". Последний аргумент стал решающим ударом, который нанес Климент VII.

Франциск, даже желая избавиться от римской опеки, хотел заручиться поддержкой папы римского, чтобы унижить Карла V. Поэтому он возродил к жизни странную идею, на которую однажды уже намекал, не преодолевая, однако, чрезмерного отвращения, которое она у него вызывала. Но он понимал, что момент был критическим и что, чтобы объединиться с Генрихом и Клементом, он должен пойти на какую-то великую жертву. Поэтому он отправил специального посла в Болонью для осуществления плана, который поверг бы всю Европу в изумление: прискорбная комбинация, которая, объединив папу, как казалось, неразрывно, в интересах Валуа, должна была рано или поздно отделить Францию от Англии, превратить канал, разделяющий их, в глубокую пропасть, влить флорентийскую кровь в кровь Франции, внедрить гнусный макиавеллизм в сердца ее королей, которые хвастались своим рыцарским духом, остановить распространение знаний, повернуть назад ворота, которые начинали закрываться. открыться солнцу, заточить людей во тьме и установить эпоху разврата, преследований и убийств, как частных, так и общественных.

Специальным послом, которому было поручено осуществить этот план, был Джон, герцог Олбани, благодаря своему знатному происхождению пригодный для ведения великого дела. Александр Стюарт, сын Якова II, король Шотландии, будучи изгнан своим старшим братом Яковом III, отправился во Францию в 1485 году. Его сын Джон, последний герцог Олбани, примкнул к Людовику XII и последовал за ним в Италию. Будучи отозван в Шотландию, он был назначен регентом королевства в 1516 году и снова покинул свою страну, чтобы последовать за Франциском I в Ломбардию. Эта королевская особа, поддерживаемая Грамоном и Турноном, получила от короля Франции поручение предложить папе римскому брак своего сына Генриха, герцога Орлеанского, с четырнадцатилетней девочкой, родственницей пап, которую звали Екатерина Медичи.

=ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ.=

Екатерина была дочерью Лоренцо II. Медичи, племянник Льва X. В 1516 году его дядя пожаловал ему герцогство Урбино. Лоренцо, ставший ненавистным из-за своего деспотизма, умер в тот самый год, когда родилась его дочь (1519). Герцогство перешло к Льву X, а впоследствии к своим бывшим хозяевам Делла Ровера, и Екатерина осталась сиротой без родителей. Брак с этой девушкой, происходившей из богатой семьи флорентийских купцов, был странным союзом для сына короля, и именно это заставляло Франциска колебаться; но желание завоевать

расположение папы у своего соперника помогло ему в конце концов преодолеть свое высокомерное отвращение. Клеман, который относился (по словам Дю Белле) к своей семье "с особым уважением", был в восторге от этого предложения. Медичи на троне Франции!... Он не мог сдержаться от радости. В то же время Фрэнсис намеревался заключить выгодную сделку. Он попросил через герцога Олбани, жена которого приходилась Екатерине теткой по материнской линии, чтобы папа закрепил за его сыном Генрихом прекрасное итальянское государство, состоящее из Пармы, Флоренции, Пизы, Ливорно, Модены, Урбино и Реджо; кроме того (говорилось в секретных статьях) герцогство Миланское и графство Генуэзское, которые, добавляли французские дипломаты, "уже принадлежат будущему мужу". Для выполнения этих обязательств папа должен был использовать свое влияние, свои переговоры, свои деньги и своих солдат. Клемент сказал, что условия были очень разумными. [360] Он прекрасно знал, что не может отдать эти страны своей племяннице; но это было наименьшей из его забот. Годом ранее, беседуя с послом Карла о притязаниях Франциска на Италию, австрийский дипломат резко сказал: "Император никогда не уступит ни Милан, ни Геную королю Франции". — "Несомненно, это невозможно!" - ответил папа, - "но разве они не могут быть ему обещаны?" [361] ... Потомок Медичи не принес Франции ни Генуи, ни Милана, ни Пармы, ни Пьяченцы, ни Пизы, но вместо них она дала ей слабоумного Франциска II, кровожадного Карла IX, отвратительного Генриха III, печально известного герцога Анжуйского, а также ту женщину, одновременно остроумную и распутную, которая стала женой Генриха IV и по сравнению с которой Мессалина кажется почти целомудренной. Четверо детей Медичи - одни из чудовищ, занесенных в историю, и они были позором и несчастьем Франции.

=ПРЕДЛОЖЕНИЯ РУКИ И СЕРДЦА.=

Папа гордо и надменно прошествовал по залам своего дворца и оказал всем самый любезный прием. Он думал, что эта удача ниспослана с небес. Это не только покрыло всю его семью славой, но и обеспечило ему Францию и ее короля, чьи реформаторские капризы начали вызывать у него беспокойство; "а затем, - добавляет Дю Белле, - он был очень рад найти эту лазейку, чтобы оправдаться перед императором, который так сильно настаивал на его вступлении в итальянскую лигу". [362] Тем не менее папа благоговел перед Карлом V, который, казалось, стремился стать вторым Константином, и он казался встревоженным и смущенным.

Карл, от которого ничто не ускользало, немедленно заметил это и подумал про себя, что на понтифика подул какой-то новый ветер. Чтобы выяснить это, он применил всю свою проницательность, которой был в высшей степени наделен. "Император понял по языку и выражению лица святого отца, - говорит Дю Белле, - что тот стал относиться к нему менее дружелюбно, чем раньше, и заподозрил причину перемены". [363] Карл некоторое время назад что-то слышал об этом браке, но нелепая история только позабавила его. Король Франции объединился с флорентийскими купцами!... И Климент может в это поверить!... "Следовательно, Карл V, думая, - как говорит нам Дю Белле, - что это дело никогда не будет доведено до конца, посоветовал папе согласиться". [364]

=МНЕНИЕ ГЕНРИ ОБ ЭТОМ БРАКЕ.=

Тем временем Фрэнсис не терял времени даром. Он поручил дипломату Дю Белле сообщить о своих намерениях своему доброму брату, королю Англии, который имел право на эту информацию, поскольку был крестным отцом будущего Генриха II. — Достойный крестный отец и достойный крестник! Самомнение Тюдоров было еще более уязвлено, чем самомнение

Валуа. Он сказал лорду Рочфорду, которого отправил к королю Франции: "Вы передадите самому христианскому королю, нашему дорогому брату, то огромное удовольствие, которое мы испытываем каждый день, напоминая о чистой, искренней и доброй дружбе, которую он испытывает к нам". [365] Он добавил: "Поскольку наш добрый брат попросил нас, мы готовы заявить, что действительно (поскольку мы знаем, как он сам это считает), принимая во внимание низкое сословие и семью, из которой происходит племянница папы римского, и самую благородную и прославленную кровь". , происхождение и королевский дом Франции, от которого происходит наш очень дорогой и горячо любимый кузен и крестник, герцог Орлеанский, указанный брак был бы очень неподходящим и неравным; и по этой причине мы ни в коем случае не придерживаемся мнения, что его следует заключать". [366] В то же время, после того, как Генрих дал свой совет как суверен, он не мог не руководствоваться своими личными интересами; и Рочфорд (отец Анны Болейн) должен был сказать королю Франции: "Если, однако, таким образом наш брат получит какое-то большое преимущество, которое принесет пользу и честь как ему, так и нам; если папа сделает или уступит что-нибудь, чтобы уравновесить и восполнить недостаток благородного происхождения... пусть ему будет приятно сообщить нам об этом; он найдет, что мы очень быстро выполним все, что сочтем целесообразным, удобным и своевременным для него и для нас". [367] Поэтому Генрих согласился, чтобы Франциск договорился с папой о своем крестнике: он только хотел, чтобы его продали подороже. Его полное восстановление благосклонности Римского двора после женитьбы на Анне Болейн было ценой, которую он запросил. И тогда королевский крестный отец, который в душе был самым папистским из королей, объявил бы себя полностью удовлетворенным и самым покорным слугой папы.

[352] 'Concillii, desiderati da molti, come necessarii per la eresia di Lutero, che ogni di ampliava e per molti discordini che sono nella chiesa.'—Guicciardini, *Discorsi politici, Opere inedite*, i. p. 388.

[353] 'Al contrario, remedio e piu pericoloso et poi partorire maggiori mali.'—*Lettere di Principi*, ii. p. 197. Du Bellay, *Mémoires*, pp. 183-185.

[354] 'Il papa con chi forse avea odio.'—Guicciardini, *loc. cit.*

[355] Депеша епископа Осерского, посла Франции, датированная 24 декабря 1532 года.

[356] Инструкции для нунция Рангони. Паллавичини, лив. iii. глава xiii.

[357] Депеша епископа Осерского, датированная 1 января 1533 года.

[358] Du Bellay, *Mémoires*, p. 177.

[359] Du Bellay, *Mémoires*, p. 178.

[360] Секретные статьи находятся в Имперской библиотеке в Париже. Рукопись. Бетюн, № 8541, fol. 36. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 439.

[361] Бухольц, ix. стр. 101. Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 439.

[362] Du Bellay, *Mémoires*, p. 178.

[363] Там же. стр. 179.

[364] Там же. стр. 180.

[365] Инструкции Генри даны на французском. *Государственные документы*, vii. стр. 423.

[366] Там же. стр. 428.

[367] Там же.

ГЛАВА XXVI.

ИНТРИГИ КАРЛА V, ФРАНЦИСКА I И КЛИМЕНТА VII ВОКРУГ ЕКАТЕРИНЫ.

(Зима 1532-1533 гг.)

КОГДА императору сообщили об этом, он начал хмурить брови. Вспышка света раскрыла ему хитроумные планы его соперника, и он немедленно предпринял шаги, чтобы предотвратить опасный союз. Карл V, Франциск I, Генрих VIII и папа римский были в смятении при мысли об этом браке, а маленькая Екатерина была Брисеидой, вокруг которой встречались и боролись величайшие державы мира.

=СОМНЕНИЯ, ВЫСКАЗАННЫЕ ЧАРЛЬЗОМ.=

Сначала император попытался внушить папе подозрения в добросовестности короля Франции. Это было нетрудно. "Климент не смел быть уверенным, — говорит Дю Белле, — что король действительно хотел оказать ему такую великую честь". [368] - "Брак в Орлеане, несомненно, был бы очень почетным и выгодным, — сказали Карл V и его министры, — но его святейшеству не следует полагаться на это; король делает предложение только с намерением *одурачить* его и использовать в своих интересах". [369] И когда папа повторил обещания Олбани, Грамона и Турнона. Министры Карла хранили молчание и ответили лишь легкой улыбкой. Удар дал о себе знать. Климент, который всегда пытался обмануть, естественно, был склонен полагать, что король делает то же самое.

Когда император и дипломаты увидели, что пробили брешь, они предприняли новую атаку. Карл попросил руки молодой леди у Франциска Сфорца, герцога Миланского. Этот план был достоин того буйного гения, который Карл всегда проявлял в изобретении средств, рассчитанных на обеспечение успеха его политики. Этот союз, по сути, имел бы двойное преимущество — одним ударом вырвать Екатерину и миланцев из Франции. Чарльз намекнул ее дяде, что ему было бы гораздо лучше согласиться на *настоящий* брак для своей молодой родственницы, чем гоняться за тенью. — Это заманчивое предложение, и брак удачный, — сказал Климент. — но другой брак настолько велик и почетен для моего дома, учитывая его высокое положение, что я никогда не мог надеяться на такую честь ... и был достигнут такой большой прогресс, что я не могу выслушать ни одно другое предложение, не оскорбив короля". [370]

Клементу стало трудно угодить. Если Медичи были потомками купца, то Сфорца происходил от крестьянина, предводителя вольных войск, *кондотьера*. Климент посмотрел сверху вниз на герцога Миланского. "Кроме того, — говорит Гвикардини, — он горел желанием выдать свою племянницу замуж за второго сына Франциска I." [371] Именно к этому он всегда возвращался. Карл сказал ему, что Франциск хотел этим предложением распустить итальянскую лигу, и когда это будет сделано, брак тоже будет расторгнут. [372] Но Климент утверждал, что король был

искренен в своем предложении. "Хорошо!" - сказал император папе. "Есть очень простой способ убедиться в этом. Попросите двух кардиналов немедленно получить от Франции полномочия, необходимые для заключения брачного контракта. Вы скоро увидите, является ли его предложение чем-то лучшим, чем обычные деньги, которые они хотят вам всучить". [373]

Замечания императора не остались без внимания Климента: он был задумчив и встревожен. Французские послы были щедры на слова, но там ничего не было написано: *verba volant*. Папа ухватился за идею, предложенную Карлом. Если не придут все силы, предательство короля будет раскрыто; если они придут, игра выиграна. Климент просил за них. "Нет ничего проще", - сказали Турнон и Грамон, которые без промедления написали своему хозяину. [374]

=КОЛЕБАНИЕ КОРОЛЯ.=

Франциск I был поражен, когда получил их депешу. Его предложение было искренним, поскольку он считал это необходимым для своей политики; но замечания Карла V и Генриха VIII. мысль о дочери флорентийского купца и изумлении Европы, которая единодушно протестовала против "такого большого неравенства в уровне образования и состоянии", [375] запала ему в голову. Он, так гордящийся своей кровью и своей короной ... Пошел на мезальянс! Он колебался; он будет действовать медленно ... шаг за шагом ... и с большим интервалом после каждого. [376] Если Карл, которому не терпелось вернуться в Испанию, покинет Италию, не объединив ее против Франции ... тогда ... новые факты, новый совет ... он подумает. Но теперь он был приперт к стенке: на этот вопрос нужно было найти ответ. Придет ли Екатерина Медичи и сядет на ступеньки трона Людовика Святого или ей лучше остаться в Италии? Должна ли она продолжать получать отвратительные уроки от своего родственника Александра Медичи, отвратительного принца, который сослал и заключил в тюрьму даже членов своей собственной семьи, конфисковал их имущество и был пристрастен к самому скандальному разврату? ... или ей приехать во Францию, чтобы применить на практике эти уроки среди народа, который ее удочерил? Король должен принять решение: курьер ждал. Одно обстоятельство решило его. Его старый тюремщик, император, сказал, что это предложение руки и сердца было уловкой. Если Франциск откажется от просьбы папы, Карл восторжествует и настроит против него и папу, и Италию. Честолбие короля было сильнее его тщеславия, и, придя к отчаянному решению, он распорядился составить все полномочия, подписать их и отослать. [377]

Они прибыли в Болонью примерно в середине февраля. Олбани, Грамон и Турнон с триумфом отнесли их папе, который немедленно передал их императору. Последний прочитал сводничество, в котором содержался "четкий пункт об урегулировании брака герцога Орлеанского с герцогиней Урбинской", и был очень удивлен. [378] "Ты видишь, - сказал Клемент, - здесь нет дыры, через которую он мог бы выползти". Чарльз не мог в это поверить. "Король прислал этот документ только для демонстрации, - сказал он Клименту. - Если ты будешь настаивать на том, чтобы послы продолжали и заключили договор, они тебя не послушают". [379] Некоторое время назад не было ничего, кроме слов, а теперь был только лист бумаги.... Новые предложения были доведены до сведения герцога и двух кардиналов, которые ответили: "Мы предлагаем немедленно оговорить пункты, условия и взаиморасчеты, которые должны быть включены в контракт". [380]

=НОВЫЕ МАНЕВРЫ ИМПЕРАТОРА.=

Климент снова вздохнул и поверил в звезду Медичи. Если бы эта звезда поставила его предков, флорентийских купцов, во главе их народа, она вполне могла бы возвести на трон Франции Екатерину, племянницу двух пап, дочь и внучку герцогов. Он сообщил императору, что все улажено и что условия контракта разрабатываются. Лицо Климента сияло от радости. Император начал думать, что дело серьезное, "и был поражен и раздосадован больше всего, - говорит Дю Белле, - тем, что его план, который должен был настроить святого отца против короля, сорвался". Чарльз видел, что порывистость Франциска была слишком велика для его собственной медлительности; но он знал, как вернуться по своим следам, и плодovitость его гения подсказала последнее средство разорвать "эту отвратительную интригу". — "Поскольку это так, - сказал он, - я требую, чтобы ваше святейшество включило по крайней мере в число условий контракта, который сейчас составляется, четыре статьи, согласованные между нами, когда вы впервые заговорили со мной об этом браке". Климент, казалось, удивился и спросил, что это за статьи. "Вы обещали мне, - сказал Карл, - во-первых, что король возьмет на себя обязательство ничего не менять в Италии; во-вторых, подтвердить Камбре и Мадридский мирный договор; в-третьих, дать согласие на созыв собора; и в-четвертых, добиться от короля Англии обещания не вносить никаких новшеств в свою страну, пока вопрос о его разводе не будет решен в Риме". Король Франции никогда бы не согласился на такие условия; папа был встревожен. Потерпит ли он крушение сразу же, как достигнет гавани? — "Я не давал таких обещаний", - горячо воскликнул он. "Святой отец, - говорит Дю Белле, - официально отрицал, что когда-либо слышал об этих делах". [381] Ссора между двумя главами христианского мира грозила перерасти в насилие. Кто из них был лжецом? Вероятно, папа сказал что-то в этом роде, но только для проформы, чтобы успокоить Карла и без какого-либо намерения сдержать свое обещание. Он был первым, к кому вернулось спокойствие; он ненавидел императора, но потакал ему. "Вы хорошо знаете, сир, - сказал он, - что выгода и честь, оказанные королем моей семье принятием моего союза, настолько велики, что предлагать условия принадлежит ему, а не мне". [382] Однако он предложил взять на себя обязательство, что все должно оставаться в "полном мире". Император, мастер притворства, пытался скрыть свою досаду, но безуспешно; этот несчастливый брак расстроил все его планы. Франциск оказался хитрее его самого.... Кто бы мог подумать? Король Франции пожертвовал честью своего дома, но он победил своего соперника. Сбитый с толку, раздраженный и удрученный, Карл расхаживал взад-вперед со своим вытянутым мрачным лицом, когда неожиданное обстоятельство возродило его надежды окончательно поссорить папу и короля Франции.

Мы были свидетелями переговоров, которые имели место между Климентом и Чарльзом по вопросу о генеральном совете. Император попросил об этом, чтобы "вернуть еретиков к единству со святой верой", и он заметил, что, если это не будет сделано, следует опасаться, что еретики объединятся с турками; что они возомнят себя уполномоченными наложить руки на имущество Церкви и преуспеют в жизни в той свободе, которую они называют *евангелической*, но которая, - добавил Карл, - скорее *магометанская* и приведет к гибели христианского мира". [383] Папа, который гораздо больше думал о себе и своей семье, чем о Церкви, отклонил это требование. Он улыбнулся, увидев рвение великого властелина к религиозным и евангелическим вопросам.... Климент никогда не беспокоился о Евангелии: Макиавелли был евангелием Медичи. Они лелеяли его и размышляли о нем день и ночь; они знали его наизусть и применяли на практике. Климент и Екатерина были ее самыми преданными последователями и самыми прославленными героями.

=ПРЕДЛОЖЕН СОВЕТ НЕПРОФЕССИОНАЛОВ.=

Политика короля Франции интересовала его не меньше, но она была более откровенной и честной. Даже находясь в политическом союзе с папой, он не собирался отдавать себя под его церковную опеку. Он, как и Генрих VIII, намеревался освободить королей от папской власти и желал, чтобы в христианском обществе преобладал светский, а не папский элемент. На протяжении многих веков иерархическая власть занимала первое место в Европе: пришло время ей уступить место политической власти. Франциск, узнав о противоположных мнениях папы и императора относительно собора, проскользнул между ними и высказал третье, что повергло императора в изумление, а понтифика - в тревогу. Это была одна из величайших, оригинальных и смелых концепций современности: мы признаем в ней гений Дю Белле и устремления новой эпохи. "Это правда, как утверждает святой отец, - сказал король Франции, - что созыв собора сопряжен с определенными опасностями. С другой стороны, причины, по которым император созывает его, наиболее достойны рассмотрения; ибо дела религии доведены до такого состояния, что без собора они впадут в неразбериху, и следствием этого будут великие бедствия и предубеждения по отношению к святому отцу и всем христианским князьям. Папа прав, но император не неправ; но вот способ удовлетворить их желания и в то же время предотвратить все опасности, которые угрожают нам. [384] Пусть все христианские властители, какова бы ни была их конкретная доктрина (король Англии и протестантские князья Германии и другие евангелические государства, следовательно, были включены), сначала сообщат друг другу по этому вопросу, а затем пусть каждый из них как можно скорее отправит в Рим послов, наделенных широкими полномочиями, чтобы обсудить и выработать по общему согласию все пункты, подлежащие рассмотрению собором. У них будет полная свобода выдвигать все, что, по их мнению, будет способствовать единству, благополучию и покою христианского мира, служению Богу, подавлению порока, искоренению ереси и единообразию нашей веры. Не должны упоминаться увещания нашего святейшего отца или решения предыдущих соборов, которые дали бы многим монархам возможность или оправдание для того, чтобы не присутствовать. [385] Когда статьи будут составлены таким образом представителями различных государств христианского мира, каждый посол доставит их дубликат к своему двору, и все отправятся на совет в назначенное ими время и в назначенном месте, хорошо проинструктированные о том, что они должны будут сказать. Если те, кто отделился от Римской Церкви, согласятся с другими, они таким образом встанут на путь спасения. Если они не согласятся, то, по крайней мере, не смогут отрицать, что были глухи к доводам разума и отказались от совета, к которому они так громко призывали". [386]

Это один из самых замечательных документов, с которыми мы сталкивались в связи с отношениями между Францией и Римом, и он не привлек достаточного внимания. В нем Франциск делает огромный шаг вперед. Убеденный в том, что новые времена должны идти по новому пути, он начинает великую революцию. Он освобождает политическую власть в том, что касается религиозных вопросов, и желает, чтобы она во всем превалировала над папской властью. Если бы его идея была осуществлена, великие церковные вопросы решались бы уже не в Ватикане, а в кабинетах князей. Эта система, действительно, не является истинной, и все же был сделан большой шаг на пути прогресса. Новый принцип должен был повлиять на судьбы Церкви.

До этого времени в нем царил только клерикальный элемент, но теперь на его место претендовал элемент светский. Новое общество не желало, чтобы только священники управляли христианами, подобно тому, как пастухи ведут свои стада. Но эта система, повторяем, не была истинной. Христианские вопросы не должны решаться ни папой, ни князем,

но служителями Церкви и ее членами, как в древности в Иерусалиме - *апостолами, старейшинами и братьями*. [387] Для этого у нас есть авторитет Слова Божьего. Этот евангелический путь запрещен Римско-католической церкви, ибо она боится каждого христианского собрания, где принимаются во внимание мнения верующих, и оказывается обреченной на постоянные колебания между двумя великими державами — папой и королем.

=СОВЕТ МИРЯН ОТКЛОНИЛ ЭТО ПРЕДЛОЖЕНИЕ.=

Был самый конец февраля, когда император получил в Болонье это странное мнение о французском короле. Потерпев неудачу в своих попытках предотвратить орлеанский брак, он был занят формированием итальянской лиги и подготовкой к отъезду в Испанию. Шарль инстинктивно почувствовал вторжение современности в этот проект Дю Белле. Лишение папы и духовенства их исключительной и абсолютной власти привело бы (как он думал) к тому, что ее отняли бы и у королей. Ему казалось, что папство сделало невозможной свободу не только в Церкви, но и среди людей. Франциск, или, скорее, Дю Белле, воображал, что Карл скажет (как сказал один из его преемников [388]): "Мое ремесло - быть королем", и что он ухватится за институт *дипломатического* папства. Но хотел ли Карл воспользоваться этой возможностью, чтобы "снова выловить" папу, который погрузился во французские воды, или просто уступил своей испанской католической натуре и желанию неограниченной власти, которое он испытывал, он отклонил предложение Франциска. "Как! - воскликнул он. - Должны ли послы христианских королей и властителей заранее изложить вопросы, которые будут обсуждаться на совете?... Это означало бы лишить его авторитета одним ударом. Все, что будет обсуждаться на соборе, должно полностью зависеть от вдохновения Святого Духа, а не от appetites людей".

[389]

=СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ПАПСТВА.=

Этот ответ сильно раздосадовал Франциска. Его предложение провалилось, и оно стало оружием в руках его соперника, чтобы уничтожить его. Поэтому он пытался оправдаться. "Я не могу не удивляться, - сказал он, - что с целью оклеветать меня мое мнение было искажено императору. Не разумнее ли поручить это дело послам, которые могут быстро прибыть в Рим, чем ждать собора, который в ближайшее время не сможет собраться в течение года?... А что касается всего, что зависит от Святого Духа, то, несомненно, мое предложение было истолковано нечестиво и порочно; ибо, поскольку мы отправим послов, руководствуясь искренней любовью к Церкви, разве не очевидно, что это собрание не может быть без Святого Духа?" [390] Таким образом, король, защищая себя, воспользовался *вдохновением* своих дипломатов. Мы вполне можем признать, что Святой Дух был не столько с папой, сколько с королем; но на самом деле Он не был ни с тем, ни с другим.

Таким образом, на мгновение идея Франциска I рухнула наземь; она была преждевременной и начала реализовываться только спустя несколько дней в силу обстоятельств и с течением времени. Именно в 1562 году, когда собор, который так много обсуждался и который открылся в Тренте в 1545 году, собрался в третий раз, эта новая мода была введена в римский католицизм. Прелаты не могли прийти к взаимопониманию, итальянские депутаты хотели сохранить все, в то время как французские и немецкие депутаты требовали важных уступок с целью примирения между князьями и их подданными. Происходили стычки, шутки и ссоры: дело доходило до драк на улицах. Большинство членов совета были разгневаны тем, что римские легаты регулярно откладывали изложение своего мнения до прибытия курьера из Рима. "Их Вдохновение, -

говорили французы, которые всегда любили пошутить, - их Вдохновение приходит в Трент в чемодане". Собрание уже собиралось разойтись, когда папство, вынужденное выбирать из двух зол, решило прийти к взаимопониманию с принцами. Папа согласился с тем, что все важные вопросы должны предварительно обсуждаться в светских судах, а второстепенные вопросы должны быть оставлены на усмотрение совета при условии, что к папству будет проявлено все должное уважение. Рим восторжествовал в стенах Трента, но он перестал быть чистой иерархией. С этого часа политический элемент возобладал, и папство становилось все более и более зависимым от светской власти. План Франциска I. частично реализован. Однако остается сделать еще один шаг. Вместо заинтересованных решений королей на престол Церкви должно быть возложено суверенное и неизменное Слово Божье.

Карл V надеялся, что особое мнение короля Франции побудит Климента вступить в итальянскую лигу; но папа был не очень восприимчив в религиозных вопросах. Тем не менее, поскольку император был нетерпелив, Климент решил доставить ему это пустяковое удовлетворение. Почему он должен был отказываться вступить в союз, целью которого было изгнать Франциска I из Италии? Поскольку в то самое время он подписывал секретные статьи, по которым обязывался передать Франции Парму, Пьяченцу, Урбино, Реджо, Ливорно, Пизу, Модену и даже Милан и Геную, не было никаких причин, по которым достойный дядя Екатерины не мог бы подписать с Карлом другой договор, предусматривающий прямо противоположное. Франциск не был бы встревожен вступлением понтифика в лигу; он понял бы, что это была просто почетная процедура, дипломатическая мера. Женитьба на племяннице папы вызвала у бедного императора столько раздражения, что он заслужил хотя бы это утешение. Кроме того, когда папа дал свою подпись Карлу V., он поступил (как он думал) очень честно, поскольку у него не было ни малейшего намерения выполнять торжественные обещания, данные Франциску. [391]

Наступило 28 февраля, и императорский экипаж был готов: лошади, мулы, экипажи, слуги, офицеры, дворяне - все ожидали момента отъезда. Корабли, которые должны были доставить могущественного Карла и его двор в Испанию, стояли в гавани Генуи, готовые сняться с якоря. Именно этот день был назначен для подписания акта итальянской лиги. Высокие и могущественные договаривающиеся державы встретились во дворце Болоньи. Документ был зачитан вслух перед делегатами включенных в него князей и суверенов Италии. Все согласились, подписи были проставлены, и Климент с готовностью вписал свое имя, пообещав себе в самое ближайшее время подписать еще один контракт с королем Франции.

=ПРОСЯТ И ВРУЧАЮТ ШЛЯПЫ КАРДИНАЛАМ.=

Казалось, что все пройдет как обычно, и Чарльз не позволит своему раздражению вырваться наружу. Однако этот принц, который так хорошо умел сдерживать себя, произвел сенсацию среди окружавших его великих личностей. Обращаясь к папе, он потребовал кардинальскую шапку для трех своих прелатов: это был пустяковый комплимент (как ему показалось), который Климент вполне мог бы ему сделать; но папа даровал только одну шляпу. Затем выступил посол Франции и от имени своего господина потребовал его для Иоанна, епископа Орлеанского и дяди герцога Лонгвиля, что и было удовлетворено. Затем тот же посол, осмелев, выпросил, *от имени короля Англии*, кардинальскую шапку для епископа Винчестерского. Это было слишком для Чарльза. - Что? попроси об одолжении короля, который отправил в отставку мою тетю Кэтрин, которая ссорится с папой римским и стремится к расколу!... "Император воспринял эту просьбу, - говорит Дю Белле, - очень негативно". — "Мы ясно видим, - сказал Карл окружавшим

его людям, - что дела этих двух королей находятся на одной чаше весов; что один заботится о другом не меньше, чем о себе". Затем, отбросив свою обычную сдержанность, он открыто выразил свое неодобрение. "Эта просьба о шляпе для Англии, - сказал он, - огорчает меня больше, чем если бы посол Франции попросил *четыре* шляпы для своего господина". [392] Присутствующие дипломаты не могли отвести глаз от этого лица, обычно такого спокойного, а теперь так внезапно оживившегося; они были втайне рады видеть какое бы то ни было чувство, особенно дурное расположение духа, на чертах этого могущественного монарха, все слова и поступки которого были результатом холодного размышления и рассчитаны с величайшим искусством. Но никто не радовался так, как Хокинс, английский посол: "Император отбыл отсюда крайне довольный, - тут же написал он Генриху, - и не удовлетворенный ничем из того, за чем приехал. Все, что он сделал, - это возобновил старую лигу, чтобы никто не увидел, что он ничего не сделал". [393] Карлу не терпелось покинуть город, где он был обманут папой римским и поставлен мат королю, и он уже раскаивался в том, что выказал свое неудовольствие. Он спустился по ступеням дворца, сел в свою карету и отбыл в Милан, где ему нужно было уладить кое-какие дела перед поездкой в Геную и Испанию. Это было, как мы уже говорили, в пятницу, 28 февраля. [394]

=ВСТРЕЧА ФРАНЦИСКА И КЛИМЕНТА.=

Папа пробыл в Болонье еще десять дней. Поговаривали о встрече между ним и королем Франции, которому он написал собственноручно. Папский нунций предложил королю, чтобы император также присутствовал. "При условии, что четвертым будет король Англии", - ответил Франциск. [395] "Мы, король Англии и я, - добавил он, - не пожелаем бы присутствовать на встрече, кроме как с силами, равными силам императора, из опасения быть застигнутыми врасплох.... Теперь может случиться так, что, поскольку эскорт этих *не очень дружелюбных* принцев будет вместе, мы начнем войну вместо заключения мира". [396] Соответственно, они вернулись к совещанию *двоих*, до которого брак должен был быть завершен. Сначала местом встречи была выбрана Ницца, но герцог Савойский, которому не нравилось видеть французов в Ницце, возразил. "Что ж, тогда, - сказал папа, - я отправлюсь в Антиб, во Фрежюс, в Тулон, в Марсель". Чтобы вступить в союз с семьей Франции, он пошел бы дальше Геркулесовых колонн. Франциск, со своей стороны, желал, чтобы папа, который ждал императора в Италии, приехал и искал его в своем собственном королевстве. Таким образом, папа оказал ему больше чести, чем Карлу, и в этом вопросе он был очень чувствителен. Марсель был согласован.

Наконец-то все встало на свои места. Кровь Валуа и Медичи была близка к объединению. Все пункты, условия и условности были оговорены. Церемония бракосочетания должна была быть пышно отпразднована в городе Фокейцев. Папа римский был на вершине счастья, а глаза невесты сияли от восторга. Жребий был брошен; Екатерина Медичи однажды воссядет на трон Франции; этой благородной стране уготовано Варфоломеевское время, кровь мучеников хлынет потоками по улицам Парижа, и реки потекут по провинциям длинными безмолвными вереницами трупов, чье жуткое молчание будет громко взывать к небесам.

Но та эпоха была еще далека; и как раз сейчас Париж представлял собой совсем иное зрелище. Пришло время вернуться туда.

[368] Du Bellay, *Mémoires*, p. 179.

[369] Там же. стр. 180.

[370] Du Bellay, *Mémoires*, p. 180. Гвиччардини, *Войны Италии*, ii. bk. xvi. стр. 894-897.

[371] Гвиччардини, *там же*.

[372] 'Cæsar arbitratus illud conjugium quasi per simulationem a rege oblatum.'—Pallavicini, *Hist. Консилиум. Труд.* библиотека. iii. глава. ii. стр. 274.

[373] 'Adulterinam esse monetam qua rex ipsum commercari studebat.'—Ibid.

[374] Du Bellay, *Mém.* p. 180. Паллавичини, *там же*. Гвиччардини, *Войны Италии*, ii. стр. 898.

[375] Гвиччардини, ii. стр. 898.

[376] 'Quo fortasse magis dubitanter ac pedetentim processisset.'—Pallavicini, *Hist. Консилиум. Триада.* i. стр. 274.

[377] 'Gallus explorato æmuli consilio, ut ipsum eluderet, eo statim properavit.'—Ibid. Du Bellay, *Mémoires*. Гвиччардини, *Итальянские войны*.

[378] Du Bellay, *Mém.* p. 182.

[379] Там же.

[380] Там же. Guicciardini. Паллавичини.

[381] Du Bellay, *Mém.* p. 182.

[382] Там же. стр. 182, 183.

[383] Du Bellay, *Mém.* p. 186.

[384] Du Bellay, *Mém.* p. 185.

[385] Протестантские монархи.

[386] Du Bellay, *Mém.* pp. 186, 187.

[387] Деяния xv. 23.

[388] Император Иосиф II.

[389] Du Bellay, *Mém.* p. 189.

[390] Du Bellay, *Mém.* p. 187.

[391] Guicciardini. Du Bellay.

[392] Du Bellay, *Mém.* p. 189.

[393] *Государственные документы*, vii. стр. 439.

[394] "28-го император отбыл из хенса" (*Государственные документы*, viii. стр. 438), "и отправился в Милан" (стр. 447).

[395] Du Bellay, *Mém.* p. 189.

[396]Там же.

ГЛАВА XXVII.

БУРЯ ПРОТИВ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ И ЕЕ "ЗЕРКАЛА ГРЕШНОЙ ДУШИ". (Лето 1533 г.)

=БЕСПОКОЙСТВО УЛЬТРАМОНТАНОВ.=

Римская партия не успокоилась бы после своего поражения. Беда, Ле Пикар и Матюрен в изгнании; евангелические проповеди, свободно читаемые в больших церквях столицы; новые доктрины, распространяемые по Парижу из дома в дом; и королева Наваррская, восседающая, так сказать, на троне во время отсутствия своего брата, защищающая и направляющая эту лютеранскую деятельность — это было уже слишком! Тревога ультрамонтанистов возрастала с каждым днем: они проводили многочисленные конференции; и если бы молодой эльзасец, которого мы видели у ворот Сорбонны, или любой другой любознательный человек мог проникнуть в эти католические комитеты, он услышал бы самые яростные обращения. "Нас тревожит не только приближение врага, - сказали они. - он там ... революционный, аморальный, нечестивый, атеистический, отвратительный, отвратительное чудовище!" Были добавлены другие эпитеты, которые можно найти только в папистском словаре. "Он быстро прогрессирует; если мы не окажем ему решительного сопротивления, все будет кончено! Мир, возможно, увидит, как рушатся под его ударами те древние стены римского католицизма, под которыми народы находили убежище на протяжении стольких веков". И поэтому Сорбонна придерживалась того же мнения, что и священники и самые вспыльчивые миряне, что, не обращая внимания на второстепенных лиц, необходимо нанести удар по наиболее опасным. В их глазах королева Наваррская была злейшим врагом папства; монахи, в частности, чьи беспорядки она не побоялась разоблачить, были полны ярости против нее; их крики были слышны повсюду. "Королева, - говорили они, - это современная Ева, благодаря которой в мир приходит новое восстание". — "Женщинам свойственно обманываться", - сказал один; и в доказательство этого он процитировал святого Иеронима. "Женщина - это врата дьявола", - сказал другой, ссылаясь на авторитет Тертуллиана. "Коварный змей, - говорили величайшие врачи, - помнит тот достопамятный поединок, который состоялся в Раю. Начинается еще одна битва, и он снова применяет на практике стратагемы, которые так хорошо удавались раньше. Как в начале мира, так и сейчас, он всегда был настроен против женщины — этой шаткой стены, этой *панели*, такой слабой, что ее легко сломать, — и поэтому он черпал силы в ней. Именно королева Наваррская поддерживает учеников Лютера во Франции; она поместила их в школы; она одна присматривает за ними с удивительной заботой и спасает их от всякой опасности. [397] Либо король должен наказать ее, либо она должна публично отречься от своих ошибок". Ультрамонтанисты не ограничились словами: они вступили в дьявольский заговор, чтобы погубить эту благочестивую принцессу.

=ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ МАРГАРЕТ.=

Это было нелегко сделать. Король любил ее, все хорошие люди почитали ее, и вся Европа восхищалась ею. Тем не менее, поскольку Франциск очень ревниво относился к своему

авторитету, священники надеялись воспользоваться его крайней восприимчивостью и поссорить его с сестрой, которая осмеливалась иметь собственное мнение. Кроме того, у королевы Наваррской, как и у любой другой выдающейся личности, были могущественные враги при дворе, "люди скифской неблагодарности", которые, будучи приняты в ее доме и возведены ею в почет, тайно делали все, что было в их силах, чтобы дискредитировать ее в глазах короля и ее мужа. [398] Самым опасным врагом из всех был великий магистр Монморанси, предприимчивый, храбрый и властный человек, искусный в продвижении своего собственного состояния, хотя и неудачливый в отношении состояния королевства; кроме того, он был груб и некультурен, презирал литературу, ненавидел Реформацию, раздражался прозелитизмом королевы Наваррской и преисполнен презрения к ее книгам. Он имел большое влияние на Франсиска. Сорбонна считала, что если великий магистр выступит против нее, Маргарите будет невозможно сохранить расположение короля.

Появилась возможность начать атаку, и Сорбонна ухватилась за нее. Королева Наварры, вздыхая о том времени, когда чистая и духовная религия вытеснила бесплодный церемониал папства, опубликовала в 1531 году христианскую поэму под названием *"Зеркало грешной души"*, в которой она раскрывает свои Недостатки и прегрешения, а также Благодать и Благословения, дарованные ей Иисусом Христом, ее Супругом. [399] Многие люди с интересом прочитали это стихотворение и восхитились гением и набожностью королевы. Обнаружив, что это издание, вышедшее в принадлежащем ей городе, не наделало шума, не вызвало преследований и даже принесло ей несколько поздравлений, она почувствовала желание распространить свой благочестивый манифест среди более широкого круга. Более того, воодушевленная положением, которое только что занял ее брат, она заключила соглашение с книготорговцем, более смелым, чем остальные, и в 1533 году опубликовала в Париже новое издание своей книги без имени автора и без разрешения Сорбонны.

Стихотворение было мягким, одухотворенным, безобидным, как и сама королева; но оно было написано сестрой короля и, соответственно, произвело большую сенсацию. В ее стихах звучали новые голоса, устремления к небесам, давно неизвестные; многие люди слышали их, и то тут, то там проявлялись определенные проявления кротости и внутреннего благочестия, давно забытого. Встревоженная Сорбонна закричала: "Ересь!" В *Зеркале* действительно было нечто большее, чем устремления. На самом деле, в нем не было ничего против святых или Девы Марии, против мессы или папства, и ни слова противоречия; но основная доктрина Реформации произвела на него сильное впечатление, а именно: спасение только Иисусом Христом и несомненная уверенность в этом искуплении.

=БЕДА ОБНАРУЖИВАЕТ ЕРЕСЬ В СТИХОТВОРЕНИЯХ.=

На момент, о котором мы пишем, Беда еще не был изгнан. В начале 1533 года Сорбонна поручила ему изучение всех новых книг. Вспыльчивый синдик обнаружил *Зеркало* и от избытка радости набросился на него, чтобы выдвинуть обвинение против сестры короля. Он проглотил ее с жадностью; никогда еще чтение не приводило его в такое восхищение, ибо наконец-то у него было доказательство того, что королева Наварры действительно еретичка. [400] "Но поймите меня хорошо, - сказал он, - это не тупые доказательства и не полудоказательства, а буквальные, ясные, полные доказательства". Поэтому Беда приготовился напасть на Маргарет. Какой контраст между формальной религией Церкви и религией этой духовной поэмы! Святой Фома и другие главы школ учат, что человек может, по крайней мере, обладать достоинствами

конгруэнтности; что он может совершать сверхзадачи, что он должен исповедовать свои грехи на ухо священнику и удовлетворять правосудие Божье покаянием, *satisfactio operis*. Но, согласно *Mirror*, религия - гораздо более простая вещь ... все сводится к этим двум терминам: грех человека и Божья благодать. По словам королевы, все, в чем нуждается человек, - это получить отпущение своих грехов и полное прощение вследствие смерти Спасителя; и когда верой он обретает уверенность в этом прощении, он наслаждается миром.... Он должен рассматривать всю свою прошлую жизнь как более не являющуюся для него основанием для осуждения перед Богом: такова *радостная весть*. Эти *новости* чрезвычайно шокировали Беду и его друзей. - Что? - воскликнул он, держа перед ними раскрытую знаменитую книгу. - Что? больше никаких исповедей в ушах, индульгенций, епитимий и благотворительных дел!... Причина прощения - примирительная работа Христа, и то, что помогает нам сделать ее своей, - это не Церковь, а вера!" Синдик решил сделать "ужасную" книгу известной всему почтенному обществу.

Собралась Сорбонна, и Беда, держа в руке еретическую поэму, прочитал своим коллегам самые вопиющие отрывки. - Послушайте, - сказал он, и внимательные врачи не сводили глаз с синдика. Беда прочел:

Иисус, истинный ловец душ!

Мой единственный Спаситель, единственный защитник!

Поскольку ты удовлетворил Божью праведность,

Я больше не боюсь потерпеть неудачу у врат рая.

Мой супруг несет на себе все мои грехи, какими бы великими они ни были,

И все его заслуги возлагаются на меня....

Приди, Спаситель, яви свою милость....

Иисус был распят ради меня:

Для меня пережита горькая смерть,

Для меня обеспечена вечная жизнь. [401]

Было сказано, что стихи Маргарет - это теология в рифму. Это правда, что ее стихи не так изящны, как стихи нашего века, и что их дух более теологичен, чем поэзия наших дней; но теология - это теология не школ, это теология сердца. Что особенно раздражало Сорбонну, так это спокойствие и уверенность, которыми наслаждалась Маргарет, драгоценная привилегия искупленной души, которую заранее осудила схоластика. Королева, опиравшаяся на Спасителя, казалось, больше не испытывала страха. "Послушай еще раз", - сказал Беда:

Сатана, где теперь твоя башня?

Грех, вся сила твоя иссякла.

Боли или смерти я больше не боюсь,

Пока Иисус Христос здесь со мной.

На себя у меня нет сил,

Но Бог, мой щит, всегда рядом. [402]

=УВЕРЕННОСТЬ В СПАСЕНИИ.=

Таким образом, утверждали доктора Сорбонны, королева воображает, что грехи отпускаются безвозмездно, и от грешников не требуется никакой сатисфакции. "Обратите внимание на глупую уверенность, - сказал синдик, - в которую новое учение может привести души. Вот что мы находим в *Зеркале*:

- Ни черной глубины ада, ни необъятной высоты небес,

Ни грех, с которым я веду постоянную борьбу,

Я хоть на один день могу переехать,

О святой Отец, от твоей совершенной любви". [403]

Эта простая вера, подкрепленная Божьими обетованиями, шокировала врачей. "Никто, - сказали они, - не может обещать себе ничего определенного относительно своего собственного спасения, если только он не узнал об этом из особого откровения от Бога". Тридентский собор сделал это заявление символом веры. "Королева, - продолжал ее обвинитель, - говорит так, как будто она не желала ничего, кроме рая:

"Как прекрасна смерть,

Это приближает ко мне утомительный час отдыха!

О! услышь мой вопль и поспеши, Господи, ко мне,

И положи конец всем моим страданиям". [404]

Кто-то заметил, что королева Наваррская не добавила своего имени к названию своего произведения, ее обвинитель ответил: "Подождите до конца, подпись есть", - а затем он прочитал последнюю строку:

То добро, которое он сделал мне, своей Маргарет. [405]

Вскоре инсинуации и обвинения в адрес сестры короля раздались со всех кафедр. Здесь один монах заставил своих слушателей содрогнуться, описывая нечестивые *ереси* Маргарет; а там другой попытался рассмешить их. "Все это, - говорит Теодор Беза, - чрезвычайно раздражало Сорбонну, и особенно Беду и людей его склада характера, и они не могли удержаться от нападок на королеву Наваррскую в своих проповедях". [406]

Другие обстоятельства вызвали гнев монахов. Маргарет их не любила. Монашество было одним из институтов, которые реформаторы хотели, чтобы Церковь исчезла, и королева Наваррская, несмотря на свой консервативный характер, не желала его сохранять. Многочисленные злоупотребления монашеской жизни, принуждение, с которым часто сопровождалась ее обеты, механическое призвание большинства монахов, их праздность и чувственность, их занятие нищенством как ремеслом, их экстравагантные претензии заслужить вечную жизнь и искупить свои грехи своей дисциплиной, их гордая убежденность в том, что они достигли

благочестия, выходящего за рамки требований божественного закона, дискредитация, которую монашеский институт бросает на институты, назначенные Богом, на брак, семью, труд и политическое государство; наконец, телесные нарушения, обряды и умерщвления, поставленные выше того живого милосердия, которое проистекает из веры, и выше плодов Духа Божьего в человеке, — все это, по мнению реформаторов, полностью противоречило евангельскому учению.

=РАССКАЗЫ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ.=

Маргарет пошла еще дальше. Она не пощадила монахов, а, напротив, жестоко их выпорола. Если Эразм и Ульрих фон Гуттен осыпали их насмешками, то королева Наваррская в нескольких рассказах изобразила их пресмыкающийся характер и распутную жизнь. Она, действительно, до сих пор рассказывала эти истории немногим, кроме своего брата и матери, и никогда не собиралась их публиковать; но, поскольку некоторые экземпляры были распространены среди придворных, несколько листов попали в руки монахов, и это стало причиной их гнева. Маргарет, как и многие другие в ее время, ошибалась — таково, по крайней мере, наше мнение, — относительно того, каким образом следует бороться с пороками монастырей. Следуя примеру Мено, самого знаменитого проповедника средневековья, она верно, без аффектации, а иногда и слишком широко описывала алчность, разврат, гордыню и другие пороки монастырей. Однако она поступила лучше; глупой чепухе и непристойным речам серых монахов она противопоставила простое, суровое и духовное учение Евангелия. "Это нравоучительные истории", - говорит современный автор (который не слишком благосклонен к Маргарет); "они часто *вырождаются* в настоящие проповеди, так что каждая история на самом деле является лишь *предисловием к проповеди*". [407] После повествования, иллюстрирующего человеческую слабость, Маргарет начинает свое изложение так: "Знайте, что первый шаг, который человек делает, чтобы обрести уверенность в себе, настолько сильно он расходится с доверием к Богу". После описания ложного чуда, с помощью которого монах-кровосмеситель пытался обмануть отца Маргарет, графа де Ангулем, добавила она: "Его вера была доказательством против этих внешних чудес. У нас есть только один Спаситель, который, сказав *"consummatum est"* ("Все завершено"), показал, что мы не должны ждать преемника, который осуществит наше спасение". В шестнадцатом веке никто, кроме монахов, не думал, что эти истории будут шокированы. Тогда была свобода языка, которая невозможна в наше время; и все чувствовали, что если королева верно описывала беспорядки монахов и других слоев общества, то она была столь же верна в описании строгой морали своих собственных принципов и живой чистоты своей веры. Именно ее дочь, строгая Жанна д'Альбре, опубликовала первое правильное издание этих *Романов*; и, конечно, она не сделала бы этого, если бы такая публикация могла повредить памяти ее матери. [408] Но времена изменились; книга, безобидная тогда, таковой уже не является; в наши дни сказки будут читать, а проповеди пропускать мимо ушей: молодежь нашего поколения получила бы от них только вред. Мы оправдываем автора в том, что касается ее намерений, но осуждаем ее работу. И (принося извинения друзьям-литераторам, которые обвинят нас в варварстве) если бы нам пришлось решать судьбу этой книги, мы бы охотно увидели, что ее постигнет участь, подобная той, о которой говорится в Библии, где нам сказано, что *многие коринфяне собрали свои книги и сожгли их*. [409]

=ЗЕРКАЛО, ЗАХВАЧЕННОЕ СОРБОННОЙ.=

Давайте вернемся к *Зеркалу*, в котором отражается благочестивая душа Маргарет.

Преподаватели решили, что первое, что нужно сделать, - это обыскать все книготорговые лавки в городе и изъять все найденные там экземпляры. [410] Здесь Беда исчез: он больше не играл главную роль. Вполне вероятно, что судебное разбирательство против него уже началось; но это преследование, устранив его лидера, способствовало усилению гнева римской партии и, следовательно, усилиям Сорбонны погубить королеву Наваррскую. Поскольку Беда отсутствовал, священнику Ле Клерку было приказано произвести обыск. В сопровождении университетских бидлов он обошел все книжные лавки, схватил *Зеркало грешной души* везде, где торговец не убрал его с глаз долой, и вернулся в Сорбонну, нагруженный своей добычей. После этого профессорско-преподавательский состав обсудил меры, которые должны быть приняты в отношении автора.

Это было нелегко: они знали, что король, такой вспыльчивый и вспыльчивый, питал большое уважение и привязанность к своей сестре. Самые благоразумные члены профессорско-преподавательского состава колебались. Их нерешительность привела монахов в ярость, и ярость, охватившая наиболее фанатичных, распространилась даже на провинции. В Иссудуне в Берри состоялось собрание религиозных орденов, на котором обсуждалось, что следует предпринять. Настоятель серых монахов, порывистый, опрометчивый и едва ли находящийся в здравом уме человек, говорил громче всех остальных. "Давайте меньше церемоний, - воскликнул он, - засунем королеву Наваррскую в мешок и бросим ее в реку". [411] Эта речь, распространившаяся по Франции и доведенная до сведения докторов Сорбонны, встревожила их, и многие советовали менее жестокое преследование, на что монах-доминиканец ответил: "Не бойтесь; мы будем не одни в нападении на эту принцессу-еретичку, ибо великий магистр - ее смертельный враг". [412]

Монморанси, который после Франциска был теперь самой важной персоной в королевстве, скрывал под покровом религии жестокое сердце и сварливый нрав, и его боялись все, даже его друзья. Если бы его победили, королева Наваррская, атакованная одновременно священством и политической партией, неизбежно пала бы.

Маргарет поддерживала эти оскорбления с завидной мягкостью. В это самое время она вела почти ежедневную переписку с Монморанси и подписывала все свои письма: "*Твоя добрая тетя и друг*". Полная доверия к этому вероломному человеку, она призвала его защитить ее. "Дорогой племянник, - писала она, - я прошу тебя поверить, что, поскольку я сейчас нахожусь вдали от короля, тебе необходимо помочь мне в этом вопросе. *Я полагаюсь на вас*; и в этом доверии, которое, я уверен, никогда не подведет меня, я доверяю вашей доброй тете и другу Маргарет. Королева сделала несколько намеков на грубый язык монахов, но с большим добродушием. "Я попросила подателя письма, - сказала она, - поговорить с вами о *определенной бессмыслице*, которую монах-якобинец произнес на теологическом факультете". Вот и все: она не употребила ни одного горького слова. [413] Монморанси, этот властный придворный, который вскоре безжалостно преследовал протестантов, начал считать себя достаточно сильным, чтобы погубить Маргариту, и мы скоро увидим, к чему привели его вероломные инсинуации. Сорбонна обсуждала, что следует предпринять. В соответствии с указами Сикста IV. и Александр VI., никакие книги, трактаты или сочинения вообще [414] не могли быть напечатаны без специального разрешения; но королева Наварры напечатала свою

книгу без какого-либо такого разрешения. Общество, не претендуя на знакомство с автором, объявило *"Зеркало грешной души"* запрещенным и внесло его в *Запретительный индекс*.

=КОМЕДИЯ СВЯЩЕННИКОВ.=

Этого было недостаточно. Священники возбуждали учеников; но пока первые разыгрывали трагедию, вторые (или, скорее, их учителя) прибегли к сатире. Ученые Наваррского колледжа, перешедшие из класса грамматики в класс логики, имели обыкновение давать драматическое представление 1 октября. Духовные руководители колледжа, желая сделать королеву ненавистной народу и смешной при дворе, сочинили драму. Роли были распределены между учениками; начались репетиции, и те, кто был допущен к ним, согласились, что автор так приправил сюжет желчью и уксусом, что успех был обеспечен. [415] Слух об этом распространился по латинскому кварталу, и даже Кальвин услышал об этом, поскольку он был хорошо осведомлен обо всем, что происходило в школах. Постоянно занимаясь делом Божиим, он следил также за работой противника. Об этой пьесе было так много разговоров, что, когда наступил день представления, началась ажиотажная борьба за вход, и зал был битком набит. Монахи и богословы заняли свои места впереди, и занавес поднялся.

Королева, великолепно одетая и спокойно сидящая на сцене, вращалась и, казалось, не думала ни о чем, кроме своего колеса. "Это сестра короля, - сказали зрители, - и ей не мешало бы придержать свою прялку".

Затем появился странный персонаж: это была женщина, одетая в белое, с факелом в руке и свирепо озирающаяся по сторонам. Все узнали фурию Мегеру. "Это мастер Жерар, - сказали они, - раздающий милостыню сестре короля". [416] Мегера, осторожно продвигаясь вперед, приблизилась к королеве с намерением оторвать ее от ее мирного женского занятия и заставить отложить прялку. Она не выказывала открыто своей вражды, но незаметно выступила вперед, напустив на себя улыбающийся вид, как бы привнося дополнительный свет. Она ходила круг за кругом вокруг королевы и пыталась отвлечь ее внимание, смело поднося факел к ее глазам. [417]

Сначала принцесса не обращает на это внимания и продолжает кружиться; наконец, увы! она останавливается и позволяет себе увлечься ложным светом перед собой; она уступает дорогу, она оставляет свое колесо.... Мегера победила, и в обмен на прялку она вкладывает Евангелие в руку королевы. [418] Эффект волшебный; в одно мгновение королева преображается. Она была кроткой, она становится жестокой; она забывает свои прежние добродетельные привычки; она встает и, свирепо озираясь по сторонам, берет перо, чтобы выписать свои кровавые приказы, и лично подвергает жестоким пыткам свои несчастные жертвы. Далее следуют сцены еще более возмутительные, чем эти. Сенсация была всеобщей! "Таковы плоды Евангелия!" - сказали некоторые из зрителей. "Это увлекает людей к новшествам и безрассудству; это лишает короля преданной любви его подданных и опустошает как Церковь, так и государство". [419]

=УСПЕХ КОМЕДИИ.=

Наконец спектакль закончился. Сорбонна ликовала; королева Наваррская, которая раньше хлестала священников и монахов, теперь подвергалась от них ответному бичеванию.

Крики одобрения раздались со всех скамей, и богословы изо всех сил захлопали пьесе; таких аплодисментов, как в адрес этих преподобных докторов, еще никто не слышал. [420] Нашлось,

однако, несколько разумных людей, которым подобная сатира, написанная против сестры короля, показалась неподобающей. "Авторы не использовали ни вуаль, ни фигуру речи", - сказали они: "королева открыто и позорно оскорблена в пьесе". [421] Монахи, обнаружив, что зашли слишком далеко, пожелали замять дело; но вскоре этим был полон весь город, а через несколько дней озорной друг пошел и рассказал об этом при дворе, описав всю пьесу, сцену за сценой, самой королеве. [422]

Сорбонна, высшая инстанция в Церкви после папы римского, нанесла первый удар; второй был нанесен в колледжах; третий должен был быть направлен на Маргариту придворными. Погубив эту принцессу в глазах ее брата, враги Реформации причинили бы ей невыразимую боль, ибо она почти обожала Франциска. После этого они добьются, чтобы ее сослали в горы Беарна. Монморанси поддался на эту интригу; он проявил благоразумие, заговорив с королем о ереси, об опасностях, которые она навлекает на Францию, и об обязанности освободить королевство от нее ради спасения душ. Затем, явно колеблясь, он добавил: "Это правда, сир, что если вы хотите искоренить еретиков, вы должны начать с королевы Наварры". [423] ... И тут он остановился.

Маргарет не была проинформирована об этом вероломном поступке немедленно; но все говорили ей, что если она позволит дерзости монахов и осуждению Сорбонны остаться безнаказанными, она будет поощрять их злобу. Она рассказала о случившемся своему брату, объявила себя автором "*Зеркала*" и настаивала на том факте, что в нем не содержалось ничего, кроме благочестивых чувств, и не нападала на доктрины Церкви: "Никто из нас, - сказала она, - не был признан *причастниками*". Наконец, она потребовала отменить осуждение теологического факультета и призвать Наваррский колледж к ответу.

=ХРИСТИАНЕ УСТРОИЛИ ШОУ.=

Кэлвин очень внимательно наблюдал за всем происходящим; после прочтения его письма можно было почти сказать, что он был среди зрителей. Он осуждал поведение как ученых, так и мастеров. [424] "Христиан, - сказал он позже, - выставляют напоказ, как в случае триумфа, когда бедных заключенных проводят парадом по городу, прежде чем отвести в тюрьму и задушить. Но зрелище, устроенное из верующих, не является препятствием для их счастья, ибо в присутствии Бога они остаются во владении славой, и Дух Божий дает им свидетельство, которое непоколебимо обитает в их сердцах". [425]

[397] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, pp. 847-849.

[398] Sainte-Marthe, *Oraison funèbre de Marguerite*, p. 45.

[399] Первое издание "*Мира пещерской ночи*" было опубликовано в Алансоне Симоном Дюбуа.

[400] Théod. de Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, i. p. 8. Génin, *Notice sur Marguerite d'Angoulême*, p. iii. Свободнее, *Жизнь Маргариты д'Ангулем*, ii. стр. 112.

[401] *Les Marguerites de la Marguerite*, i. p. 60.

[402] Там же. стр. 63.

[403] *Les Marguerites*, i. p. 65.

- [404] Там же. стр. 51, 57.
- [405] Там же. стр. 70.
- [406] Théod. de Bèze, *Hist. des Eglises Réformées*, i. pp. 8, 9.
- [407] Женен, *Заметка о Маргарите Ангулемской*, стр. 95, предшествующая ее письмам.
- [408] *Marguerite de Valois, Reine de Navarre, étude historique*, 1861.
- [409] Деяния XIX. 19.
- [410] 'Quum excuterent officinas bibliopolarum.'—Calvini *Epp.* p. 2; Genève, 1617.
- [411] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 282. Фрир, *Жизнь Маргариты*, ii. стр. 118. Кастень, *Обратите внимание на Маргариту*.
- [412] Lettre de la Reine Marguerite à Montmorency. *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 282.
- [413] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. pp. 282, 283.
- [414] 'Libri, tractatus aut scripturæ quæcunque.'—Raynald, *Annales Eccl.* xix. p. 514.
- [415] 'Fabula felle et aceto, ut ait ille, plusquam mordaci conspersa.'—Calvini *Epp.* p. 1.
- [416] Слово *Мегера* состоит из первых слогов *магистра Герардуса*. 'Megæram appellant alludens ad nomen Magistri Gerardi.'
- [417] 'Tunc Megæra illi faces admovens, ut acus et colum abjiceret.'—Calvini *Epp.* p. 1.
- [418] "Евангелия в восприятии человека". —Там же.
- [419] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, p. 844.
- [420] 'Mirabiliter applaudentibus theologis.'—Sturmius Bucero.
- [421] "Как нефигуративный, некогда неясный, осужденный за проступок".—Кальвини *Epp.* стр. 1.
- [422] 'Re ad reginam delata.'—Ibid.
- [423] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 58.
- [424] 'Indigna prorsus ea muliere.'—Calvini *Epp.* p. 1.
- [425] Calvini *Opp.* passim.

ГЛАВА XXVIII. ТРИУМФ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ. (Осень 1533 г.)

ФРАНЦИСКА не было в Париже, когда разразилась буря против его сестры. Летом 1533 года, говорится в хронике, "король посетил свои государства и светлости Лангедока и совершил свой триумфальный въезд в город Тулузу". [426] Следовательно, он узнал о происходящем из письма. Все спрашивали, что он будет делать. С одной стороны, он испытывал большую привязанность к королеве, но, с другой стороны, он не любил, когда нарушали его спокойствие; он защищал науку, но ненавидел Евангелие. Его лучшее "я" взяло верх; в нем пробудилась ненависть к нелепостям монахов; его большая восприимчивость заставила его воспринимать оскорбления, нанесенные его сестре, как если бы они были нанесены ему самому; и один за другим он преподал врагам Маргарет жестокий урок.

Первым, кого он обучил своему делу, был Монморанси. Когда последний попытался внушить королю свои вероломные намеки, Франциск заставил его замолчать: "Больше ни слова об этом", - сказал он. "Она слишком любит меня, чтобы принять какую-либо религию, которая нанесет вред моему королевству. [427] Впоследствии Маргарите сообщили о покушении великого магистра, "которого она никогда так не любила", добавляет Брантом.

=МОНАХ-ФРАНЦИСКАНЕЦ.=

Вторым, кто почувствовал руку короля, был приор францисканцев, предложивший зашить Маргариту в мешок и бросить ее в Сену. "Пусть он понесет наказание, которому он желал подвергнуть королеву", - воскликнул он. Услышав об этом приговоре, монахи пришли в раздражение, а население, по словам одного историка, подняло бунт. Но королева заступилась за негодея, и его жизнь была сохранена; его просто лишили церковного сана и отправили на галеры на два года. [428]

Пьеса, представленная против королевы, а также священники, которые сочинили ее и руководили представлением, затем привлекли внимание короля; он решил не щадить их и, по крайней мере, сильно напугать. Он отдал свои приказы, и немедленно лейтенант полиции вышел и появился во главе сотни лучников перед колледжем Наварры. [429] "Окружите здание, - сказал он, - чтобы никто не смог убежать". [430] Лучники сделали, как им было приказано. За это повествование мы снова в долгу перед Кальвином, который продолжал проявлять глубочайший интерес ко всему этому делу. Приказ лейтенанта был выполнен не без шума, и некоторые профессора и ученики, привлеченные к окнам, наблюдали за передвижениями муниципальных чиновников. Автор драмы, который не ожидал ничего подобного и который был очень тщеславен и постоянно хвастался своим благочестивым подвигом, случайно оказался в комнате друга, шутя о королеве и знаменитой комедии, как вдруг услышал необычный шум. [431] Он выглянул и, увидев колледж, окруженный солдатами, встревожился и смутился. "Спрячьте меня где-нибудь", - воскликнул он. Его поместили в такое место, где, как предполагалось, его никто не сможет найти: в колледжах всегда есть хорошие тайники. "Оставайся там, - сказали его друзья, - пока мы не найдем возможности для твоего побега". [432] А затем дверь была тщательно закрыта.

=АРЕСТЫ В КОЛЛЕДЖЕ НАВАРРЫ.=

Тем временем вошел лейтенант полиции с несколькими своими лучниками и потребовал выдачи автора сатиры на королеву Наваррскую. Глава колледжа, человек выдающийся, глубоко образованный и очень влиятельный, которого Кальвин называет "великим мастером Лауретом", а Штурм - "королем мудрецов", не заслуживал своего имени. Он отказался от всего. После этого сержанты начали обыскивать здание в поисках преступника; профессора и студенты были в большом беспокойстве. Но тщетно исследовали каждый уголок; они ничего не нашли. [433] Вслед за этим лейтенант приказал своим лучникам наложить руки на актеров в отсутствие автора, а сам арестовал одного из лиц, принимавших участие в пьесе. Это послужило сигналом к большому смятению. Магистр Лауре, зная, что он более виновен, чем эти юноши, бросился на лейтенанта и попытался спасти ученого; [434] студенты, обнаружив, что их поддерживает их начальник, набросились на лучников, пинали их ногами и избивали, некоторые даже забрасывали камнями. [435] В колледже Наварры произошла очередная битва. Но в конце концов закон восторжествовал, и все безбородые актеры попали в руки полиции.

Лейтенант стремился выяснить природу их проступка. "Теперь, - сказал он юным актерам, - вы повторите при мне то, что говорили на сцене". [436] Незадачливые юноши были вынуждены повиноваться; в большом замешательстве, опустив головы, они повторили всю свою дерзость. - Я этого не сделал, - продолжал лейтенант, поворачиваясь к главе коллегии. - поскольку виновник преступления скрыт от меня, я должен обратиться к тем, кто должен был предотвратить подобную дерзость. Мастер Лауре, вы пойдете со мной так же, как и эти молодые негодяи. Что касается вас, мастер Морен (он был вторым офицером колледжа), вы останетесь в своей комнате". Затем он удалился со своими лучниками; Лауре отвели в дом комиссара, а студентов отправили в тюрьму.

Оставалось самое важное — принять решение Сорбонны против стихотворения Маргарет. Король, желая применить мягкие средства, просто приказал ректору спросить профессорско-преподавательский состав, действительно ли они поместили *Зеркало* в список запрещенных книг, [437] и в этом случае быть достаточно любезным, чтобы указать, что они видят в нем плохого. Таким образом, руководство этим делом было поручено ректору. За несколько дней до этого (10 октября) был избран новый ректор; и то ли университет понимал, в какую сторону дует ветер, то ли хотел показать свою враждебность врагам света, то ли желал снискать расположение короля, выдвинув сына одного из его фаворитов, главного врача при дворе, они выбрали, несмотря на теологический факультет, Николаса Копа, близкого друга Кальвина. "Замечательно!" - воскликнули друзья Евангелия. "Король и его сестра, ректор университета и даже, как некоторые говорят, епископ Парижский склоняются на сторону Слова Божьего; как может Франция не претерпеть реформ?"

Новый ректор энергично взялся за это дело. Привлеченный Кальвином к Евангелию, он узнал в беседе со своим другом, что грех - это великая болезнь, потеря вечной жизни - великая смерть, а Иисус Христос - великий врач. Ему не терпелось встретиться с врагами Реформы, и король предоставил ему желанную возможность.... У него было несколько бесед с Кальвином на эту тему, и 24 октября 1532 года он созвал четыре факультета. Епископ Санлисский, королевский духовник, прочитал им письмо его Величества; после чего молодой священник, орган "Нью таймс", начал говорить и, полный пылкости, которую придает недавнее обращение, произнес (по словам Кальвина) длинную и суровую речь, [438] христианскую филиппику, ставящую в тупик заговорщиков, замышлявших против Слова Божьего. "Распущенность всегда преступна, - сказал он, - но что это значит, когда нарушающие законы - это те, чей долг - учить других

соблюдать их?... И что же они натворили? Они напали на прекрасную женщину, которая является покровительницей здравого смысла и матерью всех добродетелей. [439] Они проникают в святилище семьи наших королей и посягают на суверенное величие... Какая самонадеянная безрассудность, какая неосмотрительная дерзость!... Законы приличия, законы королевства, даже законы Бога - все было нарушено этими наглыми людьми... Это мятежные субъекты. Затем, повернувшись к теологическому факультету, ректор продолжил: "Положите конец, господа, этим глупым и высокомерным манерам; иначе, если вы не совершали правонарушения, не несите ответственности. Хотите ли вы поощрять злобу тех, кто, всегда готовый совершить самые преступные поступки, вытирает потом рот и говорит: "Это сделал не я! это университет!", в то время как университет ничего об этом не знает? [440] Не впутывайтесь в дело, столь полное опасностей, или ... остерегайтесь ужасного гнева короля". [441]

=СОРБОННА ДЕЗАВУИРУЕТ СВОЙ АКТ.=

Эта речь, ужас, вызванный именем короля, и воспоминание о заточении Беды взволновали собрание. Теологи, которые все были виновны, подло бросили своего коллегу, который лишь выполнил общее решение, и единодушно воскликнули: "Мы должны дезавуировать опрометчивый поступок". [442] Четыре факультета заявили, что они не санкционировали акт, на который жаловался король, и вся ответственность легла на Ле Клерка, кюре из Сент-Андре, который принимал самое активное участие в этом деле. Он был Ионой, которого бросили в море.

Ле Клерк был очень возмущен. Он ходил взад и вперед по городу на виду у всех, он обыскивал лавки книготорговцев, чтобы завладеть еретическим *Зеркалом*; книготорговцы, при необходимости, могли выступить против него; но когда он обнаружил, что его бросили те, кто его подстрекал, он преисполнился гнева и презрения. Тем не менее, он попытался избежать угрожавшей ему опасности и, увидев среди собравшихся нескольких придворных, сказал по-французски, чтобы все могли его понять: "В каких словах, господа, я могу в достаточной мере восхвалить правосудие короля? [443] Кто может описать, с какой непоколебимой верностью этот великий князь во всех случаях проявлял себя доблестным защитником веры? [444] Я знаю, что введенные в заблуждение люди [445] пытаются извратить разум короля и замышляют погубить этот святой факультет; но у меня есть твердое убеждение, что их маневры потерпят неудачу перед героической стойкостью его величества. Я горжусь тем сопротивлением, которое оказываю им. И все же я ничего не сделал от себя; я был делегирован приказом университета для выполнения долга, который я выполнил. [446] И неужели вы воображаете, что, исполняя его, я имел какое-либо желание затеять заговор против августейшей принцессы, чьи нравы так святы, чья религия так чиста, [447] как она доказала не так давно уважением, с которым она отдала последние почести своей прославленной матери? Я считаю, что такие непристойные произведения, как "*Пантагрюэль*", должны быть запрещены; но я помещаю "*Зеркало* просто в список подозрительных книг, потому что оно было опубликовано без одобрения профессорско-преподавательского состава. Если это преступление, то мы все виновны — вы, джентльмены, - сказал он, поворачиваясь к своим коллегам, - вы так же, как и я, хотя вы и отрекаетесь от меня". [448]

=УНИВЕРСИТЕТ ПРИНОСИТ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ.=

Эта речь, поставившая в неловкое положение профессорских врачей, обеспечила триумф королевы. "Господа, - сказал королевский духовник, - я прочитал инкриминируемую книгу, и в

ней действительно нечего вычеркивать, если только я не забыл всю свою теологию. [449] Поэтому я требую указа, который полностью удовлетворит ее величество. Ректор снова поднялся и сказал: "Университет не признает и не одобряет порицания, вынесенного этой книге. Мы напишем королю и будем молить его принять извинения университета". На этом собрание разошлось.

Так Маргарита, подруга реформаторов, вышла победительницей из этой атаки монахов. "Этот вопрос, - говорит Беза, - несколько усмирил ярость наших учителей (*magistri*) и значительно укрепил небольшое число верующих". [450] Ясный и поразительный отчет, который оставил нам Кальвин, позволил нам наблюдать за ссорой на всех ее этапах. Читая это, мы не можем не сожалеть о том, что реформатор иногда не использовал свои благородные таланты при написании истории. [451]

Во Франции происходили поразительные перемены. Кальвин и Франциск, казалось, шли почти рядом. Кальвин наблюдал наблюдательным оком за движениями человеческих умов, и его возвышенное понимание радовалось отслеживанию приближающихся последствий. Что он увидел в 1533 году? Различные классы общества приходят в движение; светские люди начинают говорить более свободно; [452] студенты с порывистостью юности устремляются к свету; многие молодые профессора понимают, что Священное Писание выше папы; один из его самых близких друзей стоит во главе университета; фанатичные доктора находятся в изгнании; и самые влиятельные люди как в Церкви, так и в государстве благосклонны к Реформе. Епископ Санлисский, духовник короля; Джон дю Белле, епископ Парижский, пользующийся полным доверием короля; его брат Уильям, один из величайших людей Франции, похоже, все ставят себя на службу евангельской истине. Уильям дю Белле, в частности, вызывал в то время самые большие надежды у реформаторов; они действительно питали о нем преувеличенные представления. Поскольку Беркена больше не было, а Кальвин почти не появлялся, именно Дю Белле, по их мнению, должен был реформировать Францию. "О, если бы Господь воздвиг много героев, подобных ему!" - сказал благочестивый Бучер. "Тогда мы увидели бы царство Христа, появляющееся в сиянии солнца. [453] Сир де Ланжи (Уильям дю Белле) готов претерпеть все ради Иисуса Христа". [454]

=РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ.=

Самые искренние люди верили в благотворное влияние, которое окажет Реформация. Фактически, пробуждая совесть и возрождая веру, оно должно было стать принципом порядка и свободы; и религиозная деятельность, которую оно вызвало к существованию, не могла не быть благоприятной для образования и нравственности и даже для сельского хозяйства, мануфактур и торговли. Если бы Франциск I обратился к Евангелию, самые благородные умы последовали бы за ним, и Франция наслаждалась бы днями мира и удивительного процветания.

К числу просвещенных людей, о которых мы говорим, мы должны отнести Филиппа де Шабо, сеньора Бриона, адмирала Франции, фаворита короля и склонного к делу Реформы; [455] Мора Мюзе, камердинера, также склоненного к Евангелию; и благочестивую даму де Кани, которая повлияла на свою сестру, герцогиню Этамп, в пользу реформаторов. [456] Эта легкомысленная женщина была далека от обращения; но если Реформу упрекали в защите, которую она ей

оказывала, евангелисты вспоминали, что Марсия, любовница императора Коммода, как герцогиня короля, защищала первых христиан, и первобытное христианство тем не менее пользовалось за это меньшим уважением.

Кальвин не возлагал надежд на сильные мира сего: "Наша медная стена, - сказал он, - состоит в том, чтобы Бог был благосклонен к нам. *Если Бог за нас*— это наша единственная поддержка. Нет силы ни под небесами, ни на небесах, которая могла бы противостоять его руке, и, имея его своим защитником, нам не нужно бояться зла". [457] И все же удары, которые Франциск I отразил от головы королевы, должны были обрушиться на Копу и самого Кальвина. Но прежде чем мы перейдем к этим преследованиям, мы должны последовать примеру короля, который, покинув Тулузу и Монпелье, направился в Марсель для встречи с папой.

[426] *Chronique du Roi François I.* p. 98.

[427] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 88.

[428] Кастень, *Обрати внимание на Маргариту*. Более свободная, *Жизнь Маргариты*.

[429] 'Prætor stipatus centum apparitoribus gymnasium adit.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[430] 'Suis jussis domum circumcidere, ne quis elaberetur.'—Ibid.

[431] 'Sed cum forte in amici cubiculo esset, tumultum prius exaudisse.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[432] 'E quibus per occasionem fugeret.'—Ibid.

[433] 'Autor sceleris deprehendi non poterat.'—Ibid.

[434] 'Dum vult obsistere gymnasiarcha.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[435] 'Lapides a nonnullis pueris conjecti sunt.'—Ibid.

[436] 'Quod pro scena recitassent jussit repetere.'—Ibid.

[437]"Невероятная религия". —Там же.

[438] 'Longa et acerba oratione.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[439] 'In reginam virtutum omnium et bonarum literarum matrem arma sumere.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[440] 'Ut dicant Academiam fecisse.'—Ibid.

[441] 'Ne se immiscerent tanto discrimini, ne regis iram experiri vellent.'—Ibid.

[442] 'Omnium sententia fuit factum abjurandum.'—Ibid.

[443] 'Magnificis verbis regis integritatem.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[444]"Fidei animosum protectorem". —Там же.

[445] 'Aliquos sinistros homines.'—Ibid.

[446] 'Se quidem fuisse delegatum Academiæ decreto.'—Ibid.

[447] 'Fœminam tam sanctis moribus, tam pura religione præditam.'—Ibid.

[448] 'Omnes esse culpæ affines, si qua esset, quantumvis abnegarent.'—Calvini *Epp.* p. 1.

[449] 'Nisi oblitus esset suæ theologiæ.'—Ibid.

[450] Théodore de Bèze, *Hist. Еккл.* стр. 9.

[451] Это письмо является первым в сборнике, опубликованном Теодором Безой, и будет десятым в том, что будет опубликовано доктором Бонне.

[452] 'Omnes cœperunt loqui liberius.'—Bucer to Blaarer. Страсбургская РУКОПИСЬ.

[453]"Доминус возбуждает множество сравнений с героями". —Буцер Челиусу, цитируется Шмидтом.

[454]"Quidvis pati pro Christo". —Штурм Буцеру. Там же.

[455]"Адмиралиус адест, единственный нобис фавет". — Штурм Буцеру, цитируется Шмидтом.

[456] *Письма Жана Кальвина*, i. стр. 335, под ред. Ж. Бонне.

[457] Calvini *Opp.* passim.

ГЛАВА XXIX.

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ, ОТДАННАЯ ФРАНЦИИ.

(Октябрь 1533 г.)

ЭТА беседа папы с королем могла бы нанести Евангелию больший ущерб, чем все нападки Сорбонны. Если бы Климент искренне объединился с Франциском против Карла, если бы Екатерина Медичи стала залогом союза между Римом и Францией, разве Реформация вскоре не была бы похоронена в скорбном свете бледных факелов этого рокового брака? И все же люди все еще надеялись, что запланированное интервью не состоится. Фактически, Генрих VIII. и император сделали все возможное, чтобы помешать Франциску встретиться с папой. [458]

=ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ БРАК.=

Но Климент VII, более чем когда-либо очарованный брачным союзом между семьей флорентийских купцов и семьей Людовика Святого, не заботился ни об императоре, ни о короле Англии; и примерно в конце апреля 1533 года он созвал священную коллегия в Риме, которой сообщил о своих планах. Они уже кое-что знали о них: римские кардиналы улыбались и поздравляли его Святейшество, но испанские кардиналы выглядели очень не в духе. Папа пытался убедить их, что он желал этого брака только во славу Бога и Церкви. "Это ради *священных возможностей*", - сказал он им. Никто не осмелился выступить против этого открыто, но, покинув собрание, кардиналы императора поспешили к его министрам и сообщили им о послании папы. Последние, не теряя времени; они призвали всех своих друзей, руководили ими с большим умением и, благодаря энергии и хитрости, преуспели в проведении конгрегации в начале июня, на которой не присутствовал ни один из французских кардиналов. Не осмеливаясь воспротивиться самому браку, прелаты Карла проявили крайнюю

чувствительность к чести и благополучию папы. Казалось, их внезапно охватила неистовая привязанность к Клименту. "Что? папа римский во Франции!" - восклицали они. "Воистину, это должно быть нечто большее, чем брак племянницы, чтобы *сместить папу с его трона*". Затем, как будто здоровье Климента было для них очень дорого, а римский воздух превосходен, хитрые испанцы выдвинули санитарные соображения. "Такое путешествие было бы опасным, *учитывая сильную жару в Провансе*". — "Не обращайтесь на это внимания, - хитро ответил папа. - Я отправлюсь только после первых дождей".

=ИМПЕРСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ.=

Затем Чарльз искал другие способы предотвратить конференцию. Он добьется, чтобы папа откладывал свой отъезд неделю за неделей, пока не наступит зима, а тогда об этом и думать не стоит. Представился вполне естественный повод для этих задержек. Женитьба Генриха VIII. когда об Анне Болейн было объявлено публично, император высокомерно потребовал, чтобы по отношению к королеве, его тете, восторжествовала справедливость. Этого, конечно, было достаточно, чтобы занять римский двор на месяцы; но Климент, который позволил английскому делу тянуться годами, стремясь завершить *другой* брак, спешно собрал консисторию и выступил против Генриха VIII. все порицания, которых требовал Карл V. Затем, в своем рвении забыв о своей обычной хитрости, он сделал женитьбу Екатерины главной темой своей речи и, покончив с Англией и ее королем, закончил словами: "Джентльмены, если кто-то из вас желает отправиться в путешествие со мной, вы должны быть готовы к отплытию". [459]

Немедленно были сделаны приготовления к снаряжению родосских галер, на которых должен был отплыть папа. В гавани царил суевея. Эти длинные низкие барки были снабжены всем необходимым для пропитания, для плавания под парусами и даже для нападения и защиты. Весла были закреплены на своих местах; реи и паруса были поставлены; флаги подняты.... Тогда империалисты, пытаясь перехитрить папу, прибегли к новой уловке; они были охвачены внезапной симпатией к Корону. — "Корон, этот город на юге Греции, - сказали они папе, - город, имеющий такое большое значение для христианского мира, атакован турками; нам нужны галеры Родоса, чтобы защитить его; мы должны освободить греков, наших братьев, из рабства и восстановить восточную империю".... Папа понимал; трудно было победить его в хитрости. "Хорошо, хорошо, - сказал он, - поторопитесь; летите на помощь христианскому миру.... Я одолжу вам упомянутые галеры и добавлю свои собственные ... и ... Я совершу переход на борту французских галер". [460]

Затем император обратился к швейцарцам; герцоги Савойский и Миланский также, опасаясь, что во время предполагаемой встречи что-то будет *заварено* им во вред, объединились с ним. Эти три князя пытались склонить католические кантоны вступить в итальянскую лигу. Если эти ужасные гельветические банды перейдут Альпы, папа откажется от всякой идеи путешествия. Как он мог подставить себя под удары пик и аркебуз? Климент VII. не обладал воинственным нравом Юлия II. "Король Франции благоволил протестантам, - заявили представители Карла католическим кантонам. - Он желает поставить евангелические кантоны в условия, позволяющие им отомстить за поражение при Каппеле; но если вы присоединитесь к нам, вам нечего бояться". При этих словах католики загорелись желанием [461] вступить в союз против короля и папы; но Франциск послал им денег, чтобы они молчали, и они не двинулись с места. [462]

Неужели все его маневры обречены на провал? Никто никогда не слышал о браке, против которого было бы воздвигнуто столько препятствий; но это было записано в книге судеб, говорили многие; оружие, выкованное против него, не могло увенчаться успехом, и надменный Карл напрасно будоражил всю Европу — швейцарцев, немцев, греков и турок. Теперь его министры прибегли к другой уловке. Все знали, что папа не отличался храбростью. Они возродили свою нежную привязанность к его особе; и поскольку Швейцария не поддавалась искушению, они обратились к Африке. "Пусть ваше Святейшество остерегается, - сказали они, - если вы предпримете это путешествие, то непременно попадете в руки мавров. [463] ... Флот пиратов, скрывающийся за островами Йер, внезапно появится, нападет на корабль, на котором вы плывете, и унесет вас". [464] На этот раз папа был ошеломлен. Ужас, внушенный кораблями варваров, был в то время очень велик. Быть унесенным маврами! Папа римский, плененный в Алжире или Тунисе! Какая ужасная мысль!

Уйдет он или нет? Таков был вопрос, который Европа поставила перед собой. Но этот вопрос жаростно обсуждался в Риме, где гвельфы и гибеллины чуть не подрались. Аргументов в пользу брака, а следовательно, и путешествия, было предостаточно. "Пришло время, - заявили паписты, - предпринять смелый шаг, чтобы предотвратить гибель Франции, подобно Германии и Англии". В монастырях и церквях, и даже в общественных местах, разгорелись громкие дискуссии. Францисканец из Нидерландов по имени Хербом, монах пламенного фанатизма, взбудоражил папский город. "Лютер, Цвингле и Колампадий, - сказал он, - солдаты Пилата; они распяли Иисуса Христа.... Но, увы! увы! это преступление повторяется и в наши дни... в Париже. Да, даже в Париже, некоторыми учениками Эразма. "Очевидно, папе римскому и его маленькой племяннице было необходимо поспешить во Францию, чтобы предотвратить то, что эти монахи-богохульники осмелились назвать распятием Иисуса Христа.

=ПАПА РИМСКИЙ РЕШАЕТ УЙТИ.=

Наконец Клемент решился. Он бросил бы вызов ярости волн и рискнул бы подвергнуться нападению корсаров, чтобы победить *солдат Пилата* и дать царственного мужа своей племяннице. Французские галеры под командованием герцога Олбани вышли из Марселя в сентябре, чтобы забрать папу, который отправился в Пизу, повсюду хвастаясь самым благородным бескорыстием. "Я отправляюсь на эту встречу, - сказал он, - чтобы обеспечить мир в Европе, подготовить экспедицию против неверных, вернуть короля Англии на путь истинный и, одним словом, исключительно в интересах христианского мира". Затем, замаскировавшись таким образом, подобно волку из басни, под чужое платье, он показал кончик уха и попросил герцога Олбани сопроводить *их общую родственницу* в Ниццу, где она будет ждать дальнейших распоряжений. Честь, оказанная его семье, была настолько велика, что в его сознании постоянно возникали сомнения в достоверности обещаний французского короля. Он не взял бы свою племянницу с собой в Марсель, опасаясь, что ему придется привозить ее обратно. Сначала он увидится с Франциском наедине; он поговорит с ним и прощупает его. Климент верил, что его пронзительный взгляд проникнет в сердце короля до самой глубины. Когда все его страхи рассеются, Екатерина приедет во Францию; но до тех пор она пройдет только часть пути. [465]

Молодая леди отбыла в Ниццу, и люди говорили, указывая на нее, когда видели, как она садится на корабль: "Вот истинная причина странного путешествия папы римского во Францию! Если бы речь шла о безопасности Церкви, Климент не сделал бы так много; но это значит поставить

Медици рядом с троном и, возможно, посадить на него ее саму.... Французский флот вышел в море: корабль, на грот-мачте которого был поднят штандарт Франции, являл собой зрелище одновременно веселое и печальное. Под флагами и стягами, рядом с герцогом Олбани и в окружении блестящей свиты, можно было увидеть что-то вроде маленькой феи, которая тогда впервые появилась на свет. Это было молодое создание среднего роста, с блестящими глазами и звонким, как колокольчик, голосом, которое, казалось, обладало какой-то сверхъестественной силой и необычайно очаровывало каждого, кто оказывался рядом с ней. Ее чары и настойки были тонким ядом, на который папство полагалось для уничтожения ереси. Этот ребенок в возрасте от тринадцати до четырнадцати лет от радости скакал по величественному кораблю. "Я собираюсь стать невесткой славного короля Франции", - сказала она себе. Смерть, с которой это странное существо, казалось, заключило тайный и ужасный договор, на самом деле вскоре должна была вознести ее на вершину власти. Галеры Олбани, доставив *девушку* в Ниццу (по словам Гвиччардини), вернулись в Ливорно, порт Пизы, и 4 октября папа с кардиналами и всей своей свитой вышел в море.

=ПАПСКИЕ ПЛАНЫ, НАДЕЖДЫ ФРАНЦИИ.=

Папский флот, весь развевающийся знаменами, беспрепятственно проходил мимо. [466] Клемент мог без перерыва размышлять над тысячью различных проектов. Выдать Екатерину замуж за сына короля Франции; освободиться, благодаря поддержке этого принца, от покровительства императора, которого он ненавидел; отложить на неопределенный срок совет, который Карл имел смелость пообещать протестантам; и, наконец, сокрушить Реформацию как во Франции, так и в других местах.... Таковы были планы Клемента во время путешествия. Перед отъездом из Рима он составил (1 сентября) буллу против еретиков; она была у него на борту корабля, и он намеревался потребовать от Франциска ее немедленного исполнения в качестве свадебного подарка. Легкий ветерок дул в направлении Марселя; все поздравляли себя с красотой перехода; но этот флот, с виду такой безобидный, который так плавно скользил по водам Средиземного моря, нес, подобно коре "Улисса", запасы будущих бурь.

Мнения во Франции по поводу путешествия папы сильно разделились. Если Климент удовлетворит Франциска, Реформа провалится; если он воспротивится королю, Франция последует примеру Англии. Каждый признавал ту гипотезу, которая ему больше всего нравилась. "Франциск и Климент, — говорили реформаты, - следуют такими противоположными курсами, что для них невозможно совпадение". - "Король и папа, - говорили ультрамонтанисты, - вот-вот будут соединены неразрывными узами, и папство будет восстановлено во Франции во всем своем исключительном господстве". [467] Однако некоторые представители школы Эразма оставались в сомнении. "Что касается меня, - писал профессор Штурм Буцеру, - я очень желаю, чтобы папство было свергнуто, но ... Я очень боюсь, что он будет восстановлен". [468] Штурм не скомпрометировал себя. На чью сторону склонит Марсель Франциска. Историки решили, что он перешел на сторону Рима; но, выслушав историков, мы должны прислушаться к истории.

=ПАПА РИМСКИЙ В МАРСЕЛЕ.=

В начале октября 1533 года древний город Фокейцев был в состоянии сильного волнения; приближались король Франции и папа римский; какая честь! Хорошо известно, что жители этого города расторопны, полны энтузиазма и любят зрелища и парады. На самых высоких точках были расставлены часовые, которые должны были телеграфировать о приближении

флота. Наконец, 4 октября замки Иф и Нотр-Дам-де-ла-Гард внезапно подали долгожданные сигналы. На улицах Марселя был слышен только один крик: "Флотилия с папой на борту показала в поле зрения". [469] Город охватило лихорадочное возбуждение; воздух наполнили звуки труб, клиросов и гобоев; люди спешили в гавань. Знать и прелаты поднялись на борт кораблей, которые были наготове; их паруса были распушены, и через короткое время этот импровизированный флот приветствовал папу оглушительными возгласами. Многие набожные католики трепетали от радости и восхищения; они едва могли поверить своим глазам. "Узрите настоящего представителя Христа, - говорили они, - отца всех христиан, единственного человека, который может по своей воле дать Церкви новые законы; [470] человека, который никогда не ошибался и никогда не ошибется; чье имя единственное в мире, *вице-Бог* на земле". [471] Климент улыбнулся: в Италии он никогда не слышал таких восклицаний и не был свидетелем такого энтузиазма. О Франция! воистину, ты старшая дочь Церкви! Он не знал, что тщеславие, любопытство, любовь к пышности и пристрастие к шуму имели большое отношение к этому восторгу и что Франция, подобно своему королю Хлодвигу, поклоняется тому, что она низвергла, и низвергает то, чему поклонялась. У папы не было времени предаваться подобным размышлениям. В тот момент, когда его галера вошла в гавань, триста артиллерийских орудий произвели салют. Собор Парижской Богоматери, башня Святого Иоанна, аббатство Святого Виктора, гавань и ее окрестности были охвачены огнем. [472]

Франциска не было видно среди огромной и блестящей толпы, заполнившей Марсель. Там были принцы крови, прелаты, дипломаты, магистраты, придворные и воины; но король, хотя и находился у ворот города, держался на заднем плане и в стороне. Однако, когда наступила ночь и все разошлись по своим комнатам отдыхать после столь утомительного дня, в город вошел человек, закутанный в плащ, таинственно проскользнул по темным улицам и остановился у ворот дворца, где жил папа. Этого человека немедленно ввели в покои, где Климент готовился отойти ко сну: это был король Франции. [473] ... Какова была цель этого ночного визита? Было ли это потому, что король хотел тайно выслушать понтифика, прежде чем принять его официально? Был ли это этикет того времени? Как бы то ни было, Фрэнсис после тайной и доверительной беседы вернулся с той же загадкой с очень довольным видом. Папа обещал все, все права, все владения - словом, все, что он решил не отдавать.

На следующий день папа, облаченный в свои папские одежды и восседающий в великолепном кресле, которое несли на плечах мужчины, совершил торжественный въезд в сопровождении своих кардиналов, также во всем блеске их костюмов, и множества лордов и леди Франции и Италии. [474]

=ЛАТИНСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ПАПЕ РИМСКОМУ.=

Ранним утром, когда улицы оглашались радостными криками, председатель парламента, живущий в одном из самых красивых домов Марселя, с озабоченным видом расхаживал по своей комнате, жестикулируя и старательно повторяя какие-то латинские фразы. Этому магистрату, как великому оратору, было поручено произнести обращение к папе; но поскольку, к сожалению, латынь была ему незнакома, он заранее записал свою речь и с большим трудом выучил ее наизусть, чтобы иметь возможность повторить ее сразу - при условии, что в нее не было внесено никаких изменений.

В тот же момент посланец папы римского появился на королевском приеме с бумагой и просил от имени понтифика, который очень боялся ужасного Карла V. Чтобы упомянутая речь была

произнесена так, как она была написана на бумаге, которую он принес с собой, чтобы не оскорбить императора. Франциск отправил проект Климента президенту. Какое разочарование! Новое обращение в точности противоречило тому, что он заучивал наизусть. Знаменитый оратор растерялся: он не знал, что делать.... Увы! у него было всего несколько свободных минут, и звучные слова, которые оскорбили бы великого императора и которые он рассчитывал произнести своим самым громким голосом, продолжали всплывать в его голове. Он воображал себя в присутствии этого великолепного собрания гордых римских прелатов, которые так хорошо знали латынь.... В этом не могло быть никаких сомнений... он смущался, заикался, не помнил, что должен был сказать, и срывался. У него был сильный жар. Президент, уже не владея собой, поспешил к королю и умолял его передать этот пост кому-нибудь другому. "Тогда очень хорошо, - сказал Франциск епископу дю Белле, - вы должны взяться за это". В этот момент процессия тронулась. Оно достигло цели; епископ Парижский, хотя и был застигнут врасплох, проявил смелость в этом вопросе; и, будучи хорошим знатоком латыни и способным оратором, он замечательно выполнил свое поручение. [475]

Вскоре после этого начались официальные конференции, и ни король, ни папа не жалели протестов, хитростей или лжи: папа особенно преуспел в последней статье. "Он использовал столько хитрости в бизнесе, - говорит Гвиччардини, [476] - что король полностью доверился ему". То, что Франциск потребовал в качестве компенсации за мезальянс, было небольшим: он попросил герцогства Урбино и Милан, Пизу, Ливорно, Реджо, Модену, Парму, Пьяченцу и Геную. Но если король был неистощим в своих требованиях, то папа был столь же неистощим в своих обещаниях, будучи более либеральным, поскольку не собирался ничего давать. Климент, тронутый добродушием Франциска, который, казалось, верил всему, что ему говорили, послал, наконец, в Ниццу за юной Екатериной.

=БУЛЛА ПРОТИВ ЕРЕТИКОВ.=

Со стороны папы римского было неприлично делать вид, что он проделал такой долгий путь только для того, чтобы выдать замуж молодую леди. Поэтому он предложил, чтобы скрыть свои интриги, издать буллу против еретиков, которую он привез с собой. Это был его свадебный подарок, и ничто не могло лучше ознаменовать вступление Екатерины во Францию. Но дипломат Уильям дю Белле сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить эту поистине римскую сделку. У него было несколько очень оживленных бесед на эту тему с кардиналами и с самим папой. Он объяснил ему необходимость удовлетворить протестантов Германии: "Свободный совет и взаимные уступки", - сказал он, но Климент был глух. Дю Белле не уступал; он мужественно боролся с понтификом и умолял его не пытаться подавить Реформацию насилием. [477] Он использовал те же выражения, что и Франциск, и положил перед ним несколько писем, которые он недавно получил из Германии; но король ответил, что он относится к этому вопросу слишком серьезно. Булла об отлучении от церкви была просто способом, папской формой ... и не более того. Булла была опубликована, и вокруг нее поднялся большой шум. Франциск и Климент, каждый из которых верил в добросовестность другого, обманывали друг друга. Единственной правдой во всей этой марсельской истории был подарок, который папа преподнес Франции Екатерине Медичи. Конечно, этого было вполне достаточно.

Как только прибыла племянница папы римского, начались приготовления к свадьбе. Министры короля и папы приняли контракт в свои руки, и последний упомянул о ренте в сто тысяч крон: "Это очень мало для столь благородного союза", — сказали казначеи Франциска I. "Верно, -

ответил Строщи, один из самых способных слуг Климента, - "но обратите внимание, что ее светлость герцогиня Урбинская привезла, кроме того, три кольца неоценимой ценности ... Генуя, Милан и Неаполь". [478] Эти бриллианты, блеск которых должен был ослепить короля и Францию, никогда не блистали ни на пальцах Екатерины, ни на короне Генриха II.

=СВАДЬБА ЕКАТЕРИНЫ И ГЕНРИХА.=

Церемония была проведена с большим великолепием. Невеста приблизилась, юная, блистательная, сияющая радостью, с улыбающимися губами и сверкающими глазами, ее голова была украшена золотом, жемчугом и цветами; и в ее шлейфе ... Смерть.... Смерть, которая всегда была ее верной последовательницей, которая служила ей даже тогда, когда она хотела отразить его стрелы; которая, поразив дофина, должна была сделать ее женой наследника короны; ударив ее свекра, сделать ее королевой; и, убив последовательно ее мужа и всех ее сыновей, сделать ее верховной правительницей судеб Франции. Поэтому в знак благодарности своему таинственному и зловещему союзнику флорентийка сорок лет спустя, августовской ночью, устроила ему великолепное развлечение на улицах Парижа, наполнила озеро кровью, чтобы он мог в нем искупаться, и организовала самый ужасный праздник, который когда-либо проводился в честь Смерти. Екатерина подошла к алтарю, слегка дрожа, хотя и не взволнованная. Папа совершил богослужение, желая лично завершить великолепие своего дома, и были зажжены бесчисленные свечи. Король и королева Франции в сопровождении толпы придворных, одетых в богатейшие костюмы, окружили алтарь. Екатерина Медичи вложила свою холодную руку в вероломную руку Генриха Валуа, которая должна была лишить Реформу всякой свободы, а саму Францию, пребывавшую в *Несчастливом Мире*, ее славы и завоеваний. Климент дал свое папское благословение этой трагической паре. Брак был заключен; *девушка*, как называет ее Гвиччардини, была женой; ее глаза горели огнем. Был ли это луч счастья и гордости? Вероятно. Мы могли бы также спросить, не было ли это радостью гиены, издавек почуявшей могилы, где она могла полакомиться телами умерших; или тигра, высматривающего из своего логова в африканской пустыне группы путешественников, на которых он мог бы наброситься и утолить свою неистовую жажду крови. Но хотя аппетиты, проявившиеся во время Варфоломеевской резни, уже существовали в зародыше в этой молодой жене, нет никаких свидетельств (это следует признать), что в Марселе она позволила этим жестоким побуждениям управлять собой.

Есть существа, проклятые Богом, которые под ослепительным покрывалом и честной внешней демонстрацией передают нации активную силу заражения, яд разложения, невидимый принцип смерти, который, циркулируя по венам, заражает своими болезненными свойствами все части тела и повергает физические силы во всеобщую проstration. Таким образом, в начале истории рода человеческого падшее существо обмануло человека; через него грех вошел в мир и *смерть от греха*. Эта первая сцена, которая стоит особняком, однако время от времени повторялась в мире, хотя и в меньших масштабах. Это случилось с Францией, когда дочь Медичи прокралась в семью ее королей. Без сомнения, болезнь уже распространилась среди людей, но приезд Кэтрин был одним из тех событий, которые привели к разгрому коррупции. Эта женщина, такая лживая и распутная, такая мерзкая, что ползает в ногах любовницы своего мужа и выведывает для нее секреты; эта женщина, родившая одних только ослабленных, идиотичных, страдающих расстройством и порочных детей, не только развратила своих собственных сыновей, но и заразила все блестящее общество, которое могло бы быть

благородным и справедливым (как показал Колиньи), и влила свой смертельный яд в его вены. Племянница папы римского отравила Францию.

"Радость Клемента была невероятной", - говорит Гвиччардини. [479] Он испытал даже чувство благодарности и решил подарить королю четыре *шляпы* для четырех французских епископов. Предполагал ли он, что эти шляпы заменят Урбино, Геную, Милан и Неаполь? Никто не знает. Одним из новых кардиналов был Одет де Шатийон, которому тогда было одиннадцать лет, брат бессмертного Колиньи, а впоследствии один из сторонников протестантизма во Франции. Король, желая казаться благодарным за столь многочисленные милости, написал епископу Парижа, что "по мере того, как преступление ереси росло и множилось, он должен продолжать действовать против еретиков". — "Не подведите", - добавил он. [480] Но епископ Парижский, брат дипломата Дю Белле, был наименее склонен из всех прелатов Франции к преследованиям. Фрэнсис хорошо знал это и, возможно, именно по этой причине отдал ему приказ.

=ЗДОРОВЬЕ ПАПЫ РИМСКОГО УХУДШАЕТСЯ.=

Папа, обрадованный тем, что заключил столь выгодную сделку в городе торговцев, 20 ноября отправился обратно в Рим. Избыток радости был ему вреден, как и его двоюродному брату Льву X. Угрозы императора, потребовавшего созыва собора; давление Франциска I, который потребовал у Екатерины *три кольца*; [481] ссоры двух его племянников, сражавшихся во Флоренции, — все это наполняло бедного Климента беспокойством и печалью. Он сказал своим слугам, что его конец близок, и сразу же после возвращения приказал приготовить кольцо и одежду, которые используются при погребении пап. [482] Его единственное утешение, приближающееся уничтожение протестантов, казалось, покинуло его в последние дни. Даже во время своей беседы с папой Франциском Франциск тайне интриговал объединиться с самым грозным из врагов Рима. С явным волнением обняв старое папство, рыцарский король галантно протянул руку молодой Реформации. В течение двух месяцев у него было два собеседования, настолько противоположных, насколько это возможно. Эти две противоречивые конференции подчеркивают одну из черт, которые лучше всего характеризуют разностороннего и амбициозного Франциска. У этого современного Януса была голова с двумя лицами. Мы только что видели то, что смотрело назад, в прошлое; вскоре мы увидим то, что смотрело вперед, в будущее. Но прежде чем мы последуем примеру короля Франции в его колебаниях в сторону Германии и протестантов, мы должны вернуться к Кальвину. В октябре 1533 года Франциск и Климент встретились в Марселе; а 1 ноября, пока эти принцы все еще вели дипломатические переговоры, в Париже состоялась большая евангелическая демонстрация.

[458] Генрих VIII. в Норфолк, 8 августа 1533 года. *Государственные документы*, vii. стр. 493.

[459] Du Bellay, *Mémoires*, p. 195.

[460] Там же. стр. 185.

[461] 'En grand branle.'

[462] Du Bellay, *Mém.* p. 195.

[463] 'Non licere ejus Sanctitati sine Maurorum periculo illuc accedere.'—Vanner to Cromwell. *Государственные документы*, vii. стр. 508.

- [464] 'Ob insulas de Yeres, ubi piratarum classis posset ad intercipiendum pontificem in insidiis latitare.'—Vanner to Cromwell, *State Papers*, vii. p. 508.
- [465] Гвиччардини, *Итальянские войны*, II. bk. xx.
- [466] Гвиччардини, *Войны Италии*, ii. bk. xx. стр. 901.
- [467] 'Papam aut subversum, aut restitutum iri in suam et inveteratam tyrannidem.'—Sturm to Bucer. Страсбургская РУКОПИСЬ.
- [468] 'Alterum ego expecto magno cum desiderio, alterum non mediocriter extimesco.'—Ibid.
- [469] Du Bellay, *Mémoires*, p. 204.
- [470] 'Quod illi soli licet pro temporis necessitate novas leges condere.'—*Dict. Gregorii*.
- [471] 'Veri Dei vicem gerit in terris.'—*De Translatione Episc.*
- [472] Du Bellay, *Mém.* p. 205. *Государственные документы*, vii. стр. 515.
- [473] Гвиччардини, *Войны Италии*, ii. bk. xx. стр. 901.
- [474] Du Bellay, *Mém.* p. 205.
- [475] Du Bellay, *Mém.* p. 206.
- [476] *Войны Италии*, ii. bk. xx. стр. 901.
- [477] 'Legatum vehementer contendisse cum romano pontifice Massiliæ, ne violenter agat.'—*Corp. Ref.* ii. p. 721.
- [478] Гвиччардини, *История. des Guerres d'Italie*, ii. liv. xx. p. 901.
- [479] *Guerres d'Italie*, ii. liv. xx. p. 901.
- [480] *Lettre close à l'évêque de Paris*, p. 21.
- [481] 'S. M. Christ^m dimando che da sua Sant^a li fussino osservate le promesse.'—Soriano, Ranke, *Päpste*, i. p. 127.
- [482] Гвиччардини, *Итальянские войны*, i. liv. xx. стр. 902.

ГЛАВА XXX.

ОБРАЩЕНИЕ РЕКТОРА К ПАРИЖСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ.

(Ноябрь 1533 г.)

КАЛЬВИН не покидал Париж. В один момент он был на бульварах с купцом Де ла Форж, в другой - в университетском квартале с Копом; в жилищах бедняков и особняках знати, "значительно увеличивая дело Господа, - говорит Беза, - не только проповедуя истину, но и выступая против еретиков". [483] Затем он удалился в свою комнату и предался размышлениям. Он устремил

свой пронзительный взгляд в будущее и вообразил, что сможет увидеть во времена более или менее отдаленные и сквозь определенные облака торжество Евангелия. Он знал, что дело Божье в целом продвигается болезненно; что на пути есть камни; что интерес, невежество и раболепие ежеминутно останавливают его; что оно спотыкается и падает, и люди могут подумать, что оно разрушено. Но Кальвин верил, что Тот, кто является его Главой, поможет ему победить всех его врагов. "Только те, - сказал он, - кто несет его знамя, должны идти на штурм с непоколебимой отвагой". Кальвин, думая, что время для штурма пришло, пожелал, чтобы в самом университете, с той кафедры, которую уважала вся Европа, после столетий молчания был услышан голос истины. Представилась вполне естественная возможность.

=ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.=

В течение октября Коп был сильно занят выпавшей на его долю задачей. По университетскому обычаю ректор произносил инаугурационную речь на латыни в День всех святых в одной из церквей Парижа. Кальвин считал своим долгом воспользоваться этой возможностью, чтобы смело провозглашать Евангелие перед лицом Франции. Настоятель ответил, что он врач и что ему трудно говорить как священнослужителю: "Если, однако, вы напишете адрес, - сказал он, - я обещаю доставить его". Двое молодых людей вскоре пришли к согласию; они понимали риск, которому подвергались, но были готовы пойти на него, однако без самонадеянности и с благоразумием. Они согласились объяснить суть Евангелия перед университетом, дав ему академическое название *Христианская философия*. "Христос, - говорит Кальвин, - желает, чтобы мы были подобны змеям, старательно избегающим всего, что может причинить нам вред; и в то же время подобны голубям, которые летают без страха и беззаботности и невинно предлагают себя птицеловам, расставляющим для них силки". [484]

Наступил День всех святых 1533 года, и университет с большой помпой собрался в церкви Матюринов; многим не терпелось послушать Копу, чье поведение в деле королевы Наваррской сделало его объектом подозрений Сорбонны. Огромное количество монахов, и особенно францисканцев, заняли свои места и открыли свои уши. Однако по церкви было рассеяно много стойких друзей Евангелия, которые пришли, чтобы присутствовать при штурме и, возможно, стать свидетелями триумфа своей веры. Среди них, на скамейке в стороне, сидел молодой человек скромной наружности, спокойный, скромный и внимательный ко всему, что говорилось. Никто не подозревал, что именно он (Кальвин) собирался поднять переполох в университете, да и во всей Франции в целом. Настал час, и все высокопоставленные лица, профессора и студенты устремили свои нетерпеливые взгляды на Копу, когда он поднялся, чтобы выступить. Он произнес вступительную речь "совсем иначе, - говорит Теодор Беза, - чем обычно". В его речи были простота и жизнь, которые сильно контрастировали с сухостью и преувеличениями старых докторов. Это рассуждение имеет важное значение для истории Реформации; поэтому мы приведем его частично, тем более что до настоящего времени оно оставалось неизвестным среди рукописей Женевской библиотеки, а теперь впервые представлено христианской публике. [485]

= ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ ПОЛИЦЕЙСКОГО.=

- Христианская философия - великая вещь, - сказал священник. - вещь слишком превосходная, чтобы ее мог выразить какой-либо язык и даже какой-либо ум, чтобы постичь ее ценность. Дар Божий человеку от самого Иисуса Христа, он учит нас познать то истинное счастье, которое никого не обманывает, заставляя нас верить и понимать, что мы действительно сыны Божьи....

Яркость великолепия этой мудрости Божьей затмевает все проблески мудрости мира. Оно ставит своих обладателей настолько же выше обычного человеческого порядка, насколько сам этот порядок выше животных. [486] Разум человека, открытый и расширенный божественной рукой, тогда понимает вещи бесконечно более возвышенные, чем все те, которым научилось наше слабое человечество. Какой восхитительной, какой святой должна быть эта божественная философия, поскольку, чтобы донести ее до людей, Бог пожелал стать человеком и, чтобы научить этому нас, Бессмертный облекся в смертное! Может ли Бог лучше проявить свою любовь к нам, чем через дар своего вечного Слова? Какую более прочную и нежную связь мог бы Бог установить между собой и нами, чем став таким человеком, как мы? Господа, давайте восхвалять другие науки, я это одобряю; давайте восхищаться логикой, натурфилософией и этикой, принимая во внимание их полезность; но кто осмелится сравнивать их с той другой философией, которая объясняет то, что философы так долго искали и так и не нашли ... воля Божья? И что же это за скрытая воля, которая открывается нам здесь? Она такова: *только благодать Божья отпускает грехи.* [487] ... *Святой Дух, который освящает все сердца и дает вечную жизнь, обещан всем христианам.* [488] Если среди вас есть кто-то, кто не превозносит эту науку выше всех других наук, я бы спросил его, что он будет восхвалять? Хотели бы вы усладить разум человека, дать ему покой в сердце, научить его жить свято и счастливо? Христианская философия в изобилии снабжает его этими замечательными благословениями; и в то же время она, как благотворной уздой, обуздывает стремительные движения души. [489] Господа, поскольку достоинство и слава этого Евангелия столь велики, как я радуюсь, что должность, на которую я возложен, призывает меня представить его вам сегодня!"

Большому числу слушателей это показалось странным напоминанием: что? ни слова о святых, которых все католики прославляют в этот день?... Однако давайте подождем и посмотрим.

Затем настоятель объявил, что, согласно обычаю, он объяснит Евангелие дня, то есть заповеди блаженства, произнесенные Иисусом на горе. "Но прежде всего, - сказал он, - соединитесь со мной в ревностной молитве ко Христу, который является *истинным и единственным ходатаем перед Отцом*, чтобы своим оплодотворяющим Духом он мог просветить наше понимание, и чтобы наша речь могла восхвалять Его, благоухать им, быть наполненной им и отражать его образ, чтобы этот божественный Спаситель, проникая в наши души, орошал их росой своей небесной благодати!" [490]

Затем настоятель объяснил счастье тех, кто *нищ духом*, кто *скорбит*, кто *алчет и жаждет праведности*.

=ДИСКУРС ВЫЗЫВАЕТ СЕНСАЦИЮ.=

Университет никогда не слышал ничего подобного. Во всем обращении соблюдалась замечательная пропорция; оно было академическим и в то же время евангелическим, что нечасто встретишь. Кальвин открыл тот язык мудрецов, который правильно использует знания. Но враги Евангелия не были обмануты. Сквозь тонкую завесу, которой Он скрыл величие божественной любви, они открыли те высоты и глубины благодати, которые являются источником радости для истинного христианина, но предметом отвращения для искусителя. Среди слушателей царил неопределимый беспокойство. Некоторые из слушателей обменялись взглядами, таким образом указывая друг другу на отрывки, которые казались им наиболее предосудительными. Университетские профессора, священники, монахи и студенты — все с удивлением слушали столь необычный язык. Кое-где в собрании можно было заметить

признаки одобрения, но гораздо более многочисленные признаки гнева. Двое францисканцев, в частности, были так взволнованы, что едва удерживались на своих местах; и когда собрание разошлось, было слышно, как они громко выражали свое возмущение: "Благодать ... Божье прощение ... Святой Дух ... всего этого в речи настоятеля предостаточно; но о покаянии, индульгенциях и достойных деяниях ... ни слова!" Им было указано, что настоятель, согласно обычаю, закончил свой экзордиум приветствием, которое ангел адресовал Марии; но это, по мнению монахов, было простой формой. Поскольку эти слова содержатся в Священном Писании, как мог настоятель отказаться произносить их? Кроме того, разве он не начал с того, что сказал, что Христос - *единственный истинный* ходатай, *верующий и единоличный Отец-ходатай*?... Что же тогда остается Марии, кроме того, что она мать Спасителя? Сорбонна была полна гнева и тревоги.... Выбрать день праздника *Всех Святых*, чтобы провозгласить, что есть *только один* заступник! Такое преступление не должно остаться безнаказанным. Если Коп хотел произвести сенсацию, то монахи тоже произведут ее! Два францисканца, посоветовавшись со своими друзьями, пришли к выводу, что университету доверять не следует. Поэтому они поспешили в парламент и изложили ему еретические предложения ректора.

Коп и Кэлвин вышли на пенсию по отдельности, и многие их друзья навещали их в соответствующих квартирах. Некоторые из них не одобряли эти великие манифестации; они хотели бы, чтобы евангелисты довольствовались несколькими небольшими собраниями здесь и там в уединенных местах. Кальвин не был согласен с ними. По его мнению, существовала одна-единственная вселенская христианская церковь, которая существовала со времен апостолов и будет существовать всегда. Ошибки и злоупотребления, которыми изобилует христианский мир, нечестивые священники, лицемеры, скандальные грешники, не препятствуют существованию Церкви. Правда, она часто сводится к немногим большему, чем небольшая смиренная паства; но паства существует, и она должна, когда у нее есть возможность, проявлять себя в оппозиции к падшему католицизму. Сами реформаторы, хотя об этом часто забывают, поддерживали доктрину вселенской Церкви; но в то время как Рим причисляет к числу признаков, характеризующих его, "определенную пышность и мирские владения", [491] евангелические доктрины, напротив, считают гонения и крест признаком истинной Церкви. Коп и Кэлвин должны были провести эксперимент лично.

=ДЕБАТЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ.=

Ректор не был склонен уступать монахам: он решил вступить в битву по вопросу формы, которая расположила бы его коллег в его пользу, и, возможно, в пользу истины. В университете был принят принцип, согласно которому все его члены и *тем более* его глава должны быть судимы в первую очередь корпорацией и что не допускается переход какой-либо степени юрисдикции. [492] Соответственно, 19 ноября ректор созвал четыре факультета и, взявшись за защиту своего выступления, горько пожаловался, что определенные лица осмелились вынести этот вопрос на рассмотрение иностранного органа. Таким образом, привилегии университета подверглись нападкам. "Оно было оскорблено этим доносом на своего руководителя в парламент, - сказал Коп. - и эти наглые доносчики должны возместить оскорбление".

Эти слова вызвали большое волнение в собрании. Теологи, которые опустили головы в случае с королевой Наваррской,

... N'osant approfondir

De ces hautes puissances

Les moins pardonnables offenses,

решили компенсировать это тем, что со всей силы набросились на простого врача, который к тому же был швейцарцем по происхождению. Каждый из них поднял крик против него. Университет разделился на две отдельные партии, и на митинге прозвучали самые противоречивые призывы. Громче всех кричали теологи: "Время поджигает, - говорили они, - наступил кризис. Если мы уступим, римская доктрина, побежденная и изгнанная из университета, уступит место новым заблуждениям. Ересь у наших ворот; мы должны сокрушить ее одним ударом!" — "Евангелие, философия и свобода!" — заявила одна партия. - "Папизм, традиция и подчинение!" сказала другая. Шум и суматоха стали такими, что ничего не было слышно. Наконец вопрос был поставлен на голосование: два факультета, литературоведческий и медицинский, высказались за предложение Копа; и два, а именно юридический и богословский, были против него. Ректор, чтобы продемонстрировать свою умеренность, отказался голосовать, не желая отдавать победу себе. [493] Собрание разошлось в величайшем замешательстве.

Речь ректора и дискуссии, которые она вызвала, наделали много шума как при дворе, так и в городе; но никто не проявил к ней большего интереса, чем королева Наваррская. Вопрос о ее поэзии был первым действием; обращение Кэлвина было вторым. Маргарет знала, что он был настоящим автором беседы. Она всегда оказывала особое покровительство студентам, обучавшимся в любой из ее школ. Она наблюдала за молодыми учеными с самым нежным интересом и радовалась их успехам. Ни один из них не мог сравниться с Кэлвином, который учился в Бурже, университете Маргарет. Чистота его учения, смелость его профессии, величие его языка поразили всех, и особенно поразили королеву. Кальвин был одним из ее учеников, для которых она предвидела высшую судьбу. Эта принцесса действительно не была создана для сопротивления; мягкость ее характера склоняла ее к уступке, и она хорошо это сознавала. Примерно в это же время, получив от короля поручение заключить некое дело с одной из своих родственниц, очень упрямой женщиной, она написала Монморанси: "Приложите руку к голове, более закаленной, чем моя, иначе вы не добьетесь успеха. Она нормандка и пахнет морем; я - анжуазка, омытая мягкими водами Шаранты". [494] Но, какой бы кроткой она ни была, она приняла всерьез вопрос о Копе и Кальвине. Когда друзья Евангелия смело поставили свечу на подсвечник, чтобы осветить всю Францию, должен ли налететь сильный ветер и погасить ее?

=ИНТЕРВЬЮ КЭЛВИНА И МАРГАРЕТ.=

Королева Наваррская вызвала Кальвина ко двору, сообщает нам Беза. [495] ... Новость немедленно распространилась среди евангельских христиан, которые возлагали на нее большие надежды. "Королева Наваррская, - говорили они, - единственная сестра короля, благосклонна к истинной религии. Возможно, Господь, благодаря вмешательству этой замечательной женщины, рассеет надвигающуюся бурю". [496] Соответственно, Кальвин обратился в суд. Придворные дамы ввели его в апартаменты королевы, она поднялась ему навстречу и усадила рядом с собой, "приняв его с великой честью, - говорит Беза, - и выслушав его с большим удовольствием". [497] Таким образом, два лучших гения, которыми тогда обладала Франция, оказались лицом к лицу — человек из народа и королева, столь разные внешне и даже в том, что касается точки зрения, с которой они рассматривали Реформу, но все же оба горели горячим желанием увидеть торжество Евангелия. Они поделились своими

мыслями друг с другом. Кальвин, несмотря на преследования, был полон мужества. Он знал, что Церковь Христова подвержена изменениям и ошибкам, как и все человеческое, и состояние христианского мира, по его мнению, показало это совершенно ясно; но он верил, что она обладала нетленной силой жизни и что в тот самый момент, когда она казалась полностью павшей и разрушенной, она благодаря Святому Духу обрела способность воскреснуть и обновиться. Час этого обновления настал, и для людей было так же невозможно задержать его, как помешать весеннему распусканию почек и покрытию земли листьями, цветами и плодами. Однако Кальвин не питал иллюзий относительно опасностей, угрожавших евангельскому христианству. "Когда опасность неминуема, - сказал он, - сейчас не время потакать себе, как глупым, беспечным людям; страх опасности, служащий стимулом, должен побудить нас просить Божьей помощи и без дрожи надевать свои доспехи". Королева пообещала использовать все свое влияние, чтобы утихомирить бурю. Кальвина вывели из дворца с тем же вниманием, которое было оказано ему, когда он вошел в него. Впоследствии он рассказал об этом интервью Теодору Безе, который передал его нам. [498]

Небо становилось все более угрожающим. Парламент, не проявляя никакого уважения к привилегиям университета, удовлетворил жалобу монахов; поэтому ректор получил послание от этого суверенного суда, призывающее его предстать перед ним. Кальвин прекрасно знал, что подобный процесс вскоре постигнет и его; но он никогда не отступал ни перед деспотизмом несправедливой власти, ни перед народным гневом. "Мы не в школе Платона, - сказал он, - где, сидя в тени, мы можем предаваться праздным дискуссиям. Христос благородно отстаивал свои доктрины перед Пилатом, и можем ли мы быть настолько трусливыми, чтобы оставить его?" [499] Коп, подкрепленный своим другом, решил явиться на заседание парламента. Этот орган, без сомнения, обладал огромной властью; но ректор сказал себе, что университет обладает неоспоримыми привилегиями и что вся ученая Европа на протяжении многих веков была почти у его ног. Он решил поддержать его права, обвинить своих обвинителей и сделать выговор парламенту за отклонение от законного курса. Коп, таким образом, приготовился к выступлению, поскольку стал главой первого университета христианского мира. Он облачился в академическую мантию и, предшествуемый бидлами и привидениями с их булавами и посохами с золотыми наконечниками, [500] торжественно отправился во Дворец Правосудия.

=ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАПРАВЛЯЕТСЯ В ПАРЛАМЕНТ ШТАТА.=

Он шел на верную смерть. Парламент, так же как и Кальвин, понимали его позицию, но пришли к совершенно иным выводам. Оно увидело, что настал час нанести удар, который сокрушит Реформацию, и решило арестовать ректора даже в суде. Отсутствие короля было возможностью, которой они должны были поспешить воспользоваться. Сигнальная месть, совершенная при полном составе парламента, должна была искупить преступление не менее сигнальное, совершенное в присутствии всего университета. Член суда, обратившийся к Евангелию, решил спасти несчастного полицейского и послал надежного человека предупредить его о надвигающейся опасности. Выходя из большого зала, гонец увидел лучников, за которыми послали арестовать ректора: не слишком ли поздно спасать его? Полицейский уже был на дороге и приближался ко дворцу в сопровождении толпы студентов, горожан и простолюдинов, одни были полны добрых пожеланий, другим было любопытно узнать, чем закончится эта странная дуэль между парламентом и университетом. Человек, посланный предупредить ректора, прибыл как раз в тот момент, когда университетская процессия проходила по узкой улочке. Воспользовавшись минутным замешательством,

вызванным толпой, он подошел к Копу и прошептал ему на ухо: "Берегись врага; [501] они намерены запереть тебя в Консьержери; тебя ждет участь Беркена; Я видел офицеров, уполномоченных схватить тебя; если ты пойдешь дальше, ты покойник". ... Что было делать?... Если бы на месте Копы был Кэлвин, он, возможно, продолжил бы. Я не могу сказать, потому что опасность была неминуемой, и казалось сомнительным, что можно было бы чего-нибудь добиться, бросив вызов ей. Как бы то ни было, Коп был всего лишь двойником Кэлвина; возможно, вера его друга толкала его вперед больше, чем его собственная. Чтобы устоять в день бури, человек должен цепляться за скалу без помощи человека; Коп, застигнутый известием о смерти в тот самый момент, когда ему казалось, что он идет к победе, потерял присутствие духа, остановил процессию, внезапно был окружен несколькими друзьями, и, поскольку беспорядок таким образом усилился, он сбежал и поспешно вернулся домой. [502]

=БЕГСТВО РЕКТОРА.=

Куда ему теперь направиться? Не могло быть никаких сомнений в том, что парламент схватит его, где бы его ни нашли; поэтому его друзья настаивали на том, чтобы он покинул Францию. Он был сильно склонен так поступить: Базель, убежище его учителя Эразма, был его родным местом, и он был уверен, что найдет там приют. Полицейский сбросил академическую форму, шапочку и мантию, которые выдали бы его; [503] поспешно схватил все необходимое для путешествия и, как говорят некоторые, по ошибке унес с собой университетскую печать. [504] Я скорее полагаю, что он сделал это намеренно; вынужденный уступить силе, он желал, даже находясь вдали от Парижа, сохранить знаки отличия этого прославленного органа. Друзья торопили его; в любой момент дом мог быть окружен; он тайком покинул его, выбрался из Парижа и бежал по дороге, ведущей в Базель, принимая все меры предосторожности, чтобы скрыться от преследования своих врагов. Когда лучники отправились к его дому, они напрасно обыскали его: настоящий исчез.

Парламент, разгневанный этим побегом, пообещал награду в триста крон любому, кто вернет беглого ректора, *живого или мертвого*. [505] Но переодетый Полицейский ускользал от всех глаз; ему удалось, преодолев бесчисленные опасности, благополучно покинуть королевство и прибыть в Швейцарию. Он был спасен, но Реформации грозил еще более страшный удар.

Римская партия немного утешила себя этим побегом, сказав, что Коп был всего лишь марионеткой, и что человек, который дергал за ниточки, все еще был в их власти. "Это Кальвин, - сказали они, - которого мы должны схватить. Он дерзкий авантюрист, опрометчивый решительный человек, решивший заставить мир говорить о нем как о том поджигателе храма Дианы, о котором говорит история. Он будет держать в смятении всю Европу и построит новый мир. Если ему позволят жить, он будет Лютером ... головорез Франции". [506]

Лейтенант уголовного розыска Жан Морен некоторое время не спускал глаз с молодого доктора. Он обнаружил его деятельность по расширению еретической секты, а также его тайные совещания с полицейским. Его агенты шли по его следу всякий раз, когда Кэлвин ходил по ночам преподавать из дома в дом. [507] ... Коп был тенью, говорили монахи; если тень ускользает от нас, давайте ударим по сути. Парламент приказал лейтенанту-преступнику схватить реформатора и запереть его в Консьержери.

=БЕГСТВО КАЛЬВИНА.=

Кальвин, уповая на свою безвестность и, клянусь Богом, на защиту королевы Наваррской, тихо сидел в своей комнате в колледже Фортре. [508] Однако он не был свободен от эмоций; он думал о том, что случилось с Копом, но не верил, что преследование доберется и до него. Его друзья, однако, не разделяли этой поспешной предосторожности. Те, кто помог Копу бежать, видя, что ректор вне досягаемости его врагов, сказали себе, что та же опасность угрожает и Кэлвину. [509] Они вошли в его комнату в тот момент, когда их меньше всего ожидали. "Беги!" - сказали они ему, - "или ты погиб". Он все еще колебался. Тем временем лейтенант-преступник прибыл к колледжу со своими сержантами. Несколько студентов немедленно поспешили к своему товарищу, рассказали ему, что происходит, и умоляли его бежать. Но едва они успели договорить, как послышались тяжелые шаги: время вышло.... Офицеры на месте! Именно шум, произведенный ими у двери Кальвина (говорит историк), заставил его осознать грозившую ему опасность. Возможно, имеются в виду ворота колледжа, а не дверь собственной комнаты реформатора. [510] В любом случае момент был критическим; но если бы им удалось выиграть всего несколько минут, молодой евангелист мог бы сбежать. Его благородная, откровенная и отзывчивая душа покорила сердца всех, кто его знал. У него всегда были преданные друзья, и они не подвели его и сейчас. Окно его комнаты выходило на улицу Бернардинцев. Они не теряли ни минуты: некоторые из тех, кто пришел предупредить его, на несколько минут привлекли внимание Морина и его офицеров; другие, оставшиеся с Кэлвином, скрутили постельное белье в веревку и прикрепили его к окну. Кэлвин, оставив свои рукописи разбросанными повсюду, схватил листы и опустился на землю. [511] Он был не первым из слуг Христа, вступившим на этот путь, чтобы избежать смерти. Когда евреи Дамаска составили заговор против Павла, "ученики взяли его ночью и опустили у стены в корзине". — "Так рано, - говорит Кальвин, - Павел прошел свое ученичество несения креста в последующие годы". [512]

Едва он скрылся, как лейтенант-уголовник, печально известный своей чрезмерной жестокостью, [513] вошел в комнату и был поражен, не обнаружив там никого. Молодой врач вырвался, как птица из сетей птицелова. Морин приказал нескольким своим сержантам преследовать беглеца, а затем приступил к тщательному изучению всех бумаг еретика, надеясь найти что-нибудь, что могло бы скомпрометировать других лютеран. Он действительно наложил руку на некоторые письма и документы, которые впоследствии подвергли друзей Кальвина большой опасности и даже смерти. [514] Морин запечатал их, тщательно связал в сверток и удалился. Жестокая ненависть, которая одушевляла его против евангельских христиан, еще больше усилилась из-за его неудачи.

Кальвин, высадившись на улице Бернардинцев, вошел в улицу Сен-Виктор, а затем направился к одноименному пригороду. На окраине этого пригорода, недалеко от открытой местности (как сообщает нам католический историк), жил виноградарь, прихожанин маленькой парижской церкви. Кальвин пошел к этому честному протестанту и рассказал ему, что только что произошло. Виноградарь, который, вероятно, слышал, как он объяснял Священные Писания на их тайных собраниях, проникся отеческой привязанностью к молодому человеку и предложил поменяться с ним одеждой. Немедленно, говорит каноник, которому мы обязаны этим рассказом, Кальвин снял свою собственную одежду и надел старомодное пальто крестьянина. С мотыгой на одном плече и котомкой на другом, в которую виноградарь положил кое-какие припасы, он снова двинулся в путь. Если бы Морин послал за ним своих офицеров, они могли бы пройти мимо беглого реформатора под этим деревенским обликом.

=КЭЛВИНА УЗНАЮТ.=

Однако он был недалеко от пригородов Парижа, когда увидел приближающегося к нему знакомого каноника. Последний с удивлением устремил любопытный взгляд на виноградаря и, решив, что он совсем не похож на дородного крестьянина, подошел поближе, остановился и узнал его. Он знал, в чем дело, потому что этим был полон весь Париж. Каноник немедленно возразил ему: "Измените свой образ жизни, - сказал он, - позаботьтесь о своем спасении, и я обещаю обеспечить вам *хорошее назначение*". Но Кальвин, "который был вспыльчив", ответил: "Я буду идти до конца". [515] Впоследствии каноник рассказал об этом инциденте аббату де Жанлису, который рассказал об этом Десме. [516]

Это история, придуманная в праздных разговорах в монастыре? Думаю, что нет. Некоторые детали, особенно язык канона, делают ее правдоподобной. Фрэнсис де Салес также пытался привлечь на свою сторону Теодора Безу, пообещав "хорошее назначение". Симония - грех настолько *невинный*, что три священника, каноник, аббат и доктор Сорбонны объединились, чтобы рассказать об этом грешке. Если язык канона соответствует его характеру, то ответ Кальвина: "Я буду идти до конца" - также соответствует его манере. Хотя нам, возможно, будет нелегко представить молодого реформатора в костюме крестьянина, с кошельком и мотыгой, мы сочли своим долгом рассказать об инциденте, переданном нам его врагами. Обстоятельство на самом деле не исключительное. Кальвин тогда начал массовый исход, который продолжался непрерывно почти три столетия. Последователи Евангелия во Франции, призванные отречься от Христа, тысячами бежали от своих палачей, переодевшись по-разному. И если бы серьезность истории позволила автору вернуться к историям, которые очаровывали его детство, он мог бы рассказать, сколько раз, сидя у ног своей бабушки и внимательно прислушиваясь, он слышал, как она описывала, как ее мать, маленькая девочка во время аннулирования в 1685 году, сбежала из Франции, спрятавшись в корзине, которую ее отец, набожный гугенот, переодетый крестьянином, бережно нес на спине.

Кальвин, спасшись от своих врагов, поспешил прочь из столицы, от своих любимых занятий и братьев и бродил взад и вперед, избегая мест, где его могли узнать. Он обдумал все, что произошло, и его медитативный ум извлек из этого полезные уроки. На собственном опыте он узнал, по каким признакам узнавать истинную Церковь Христа. "Мы потеряли бы наш труд, - сказал он позже, возможно, думая об этом обстоятельстве, - если бы захотели отделить Христа от его креста; для мира естественно ненавидеть Христа, даже в его членах. Всегда найдутся злые люди, которые будут колоть нас, как шипы. Если они не обнажают меч, то выплевывают свой яд и либо скрежещут зубами, либо поднимают какое-нибудь сильное волнение." Меч уже был "обнажен" против него: действуя, следовательно, с осторожностью, он следовал наименее посещаемыми дорогами, ночуя в коттеджах или особняках своих друзей. Утверждается, что, будучи известным сьеру де Хассевилю, чей замок находился за пределами Версаля, он некоторое время скрывался там. [517]

Первым движением короля, когда он услышал о деле Копа и бегстве Кэлвина, был гнев и преследование. Дюпра, бывший первый председатель парламента, был очень раздосадован оскорблением, нанесенным этому органу. Франциск приказал принять все меры, чтобы найти человека, предупредившего Копа об опасности; он хотел бы сурово наказать его как сторонника ереси. [518] В то же время он приказал привлечь к ответственности тех лиц, на которых документы, изъятые в комнате Кальвина, указывали как на сторонников новой доктрины.

=МНОГИЕ ЕВАНГЕЛИСТЫ ПОКИДАЮТ ПАРИЖ.=

Среди евангелистов поднялась всеобщая тревога, и многие покинули Париж. Монах-доминиканец, брат Де ла Круа, чувствуя растущую жажду знаний, размышлял в своем монастыре, не следует ли ему переехать в страну, где свободно проповедовалось Евангелие. [519] Он был одним из тех, кого скомпрометировали документы Кэлвина. Поэтому он совершил побег, добрался до Невшателя, а оттуда направился в Женеву, где мы встретимся с ним снова.

Однако большая часть друзей Евангелия осталась во Франции: Маргарет использовала все свое влияние на брата, чтобы отразить надвигающийся удар, и ей удалось утихомирить бурю. [520] Фрэнсис всегда находился между двумя противоположными течениями: одно исходило от Дюпра, другое - от его сестры; и снова он следовал лучшему.

Королева Наваррская, измученная всеми этими потрясениями, испытывающая отвращение к разгулу двора, огорченная ненавистью, которую вызывало Евангелие у всех окружающих, обратила свое лицо к Пиренеям. Париж, Сен-Жермен, Фонтенбло больше не привлекали ее; кроме того, здоровье у нее было слабое, и она хотела провести зиму в По. Но больше всего она тосковала по одиночеству, свободе и медитации; она нуждалась во Христе. Поэтому она попрощалась с блистательным двором Франции и отбыла в тихий Беарн.

Adieu! пышность, удовольствия, а теперь прощайте!

Я больше не буду с тобой разбираться!

Другого удовольствия я не ищу

Чем только в моем Женихе!

Ради моей чести и моего обладания

Находится в Иисусе: он принимает,

Я не оставлю его ради мимолетного!..

Adieu, adieu! [521]

Маргарет прибыла в Пиренеи.

[483] Théod. de Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 9.

[484] Calvini *Opera*.

[485] Документ находится в библиотеке Женевы (MS. 145). На полях: "Геку Йоханнесу Кальвину *свойственно* описывать и *аукциониста*". Доктор Бонне наткнулся на это в ходе своих поисков для своего издания Писем Кальвина и дал автору копию.

[486] 'Hac qui excellunt, tantum prope reliquæ hominum multitudini præstare mihi videntur, quantum homines belluis antecedunt.'—Geneva MSS. 145.

[487] 'Sola Dei gratia peccata remittit.'—Ibid.

[488] 'Spiritus sanctum, qui corda sanctificat et vitam æternam adfert, omnibus christianis pollicetur.'—Ibid.

[489] 'Motus animi turbulentos, quasi habenis quibusdam.'—Geneva MS.

- [490] 'Ut tota nostra oratio illum laudet, illum sapiat, illum spiret, illum referat. Rogabimus ut in mentes nostras illabatur, nosque gratiæ cœlestis succo irrigare dignetur.'—Ibid.
- [491] Беллармин, *О противоречиях*.
- [492] Crévier, *Hist. de l'Université*, v. p. 275.
- [493] Crévier, *Hist. de l'Université*, v. p. 276.
- [494] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 287.
- [495] 'In aulam.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- [496] 'Hanc tempestatem Dominus, reginæ Navariensis, piis tunc admodum faventis, intercessione, dissipavit.'—Ibid.
- [497] 'Ibique perhonorifice ab ea accepto et audito Calvino.'—Ibid.
- [498] Théod. de Bèze, *Vie de Calvin*, p. 14. *Calvini Opera*, passim.
- [499] *Опера Кальвини*, первая часть iii. стр. 1002, 1003.
- [500] 'Citatus rector sese quidem in viam cum suis apparitoribus dedit.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- [501] 'Ut sibi ab adversariis caveret.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- [502] "Дом обратный". — Там же.
- [503] Майбург, *История. du Calvinisme*, p. 58.
- [504] 'Ablato secum, forte per imprudentiam, signo universitatis.'—Bucer to Blaarer, Jan. 18, 1534.
- [505] 'CCC coronatos ei qui fugitivum rectorem, vivum vel mortuum adducat.'—Ibid.
- [506] Флор. Rémond, *Hist. de l'Hérésie*, liv. vii. ch. viii.
- [507] Майбург, *История. du Calvinisme*, p. 58.
- [508] Гайяр, *Привет. de François I.* iv. p. 274.
- [509] Théod. de Bèze, *Hist. des Egl. Réf.* i. p. 9.
- [510] Варильяс, *Привет. des Revolutions Religieuses*, ii. p. 467. Этот автор не всегда прав.
- [511] Drelincourt, *Défense de Calvin*, pp. 35, 169.
- [512] Деяния ix. 25.
- [513] 'Morinus, cujus adhuc nomen ab insigni sævitia celebratur.'—Bezæ *Vita Calvini*.
- [514] 'Deprehensis, inter schedas, multis amicorum litteris, ut plurimi in maximum vitæ discrimen incurrerent.'—Ibid.
- [515] 'Je poursuivrai tout outre.'
- [516] Desmay, *Jean Calvin Hérésiarque*, p. 45. Drelincourt, *Défense de Calvin*, p. 175.

[517] Casan, *Statistique de Mantes. Протестантская Франция*, i. стр. 113.

[518] Registres du Parlement.

[519] Креспин, *Мартиролог*, фол. 106.

[520] Гайяр, *Привет. de François I.* iv. p. 275.

[521] *Les Marguerites de la Marguerite*, i. p. 518.

ГЛАВА XXXI.

СОГЛАШЕНИЕ И СОЮЗ МЕЖДУ ФРАНЦИСКОМ I. И ФИЛИППОМ ГЕССЕНСКИМ В БАР-ЛЕ-ДЮКЕ.

(Зима 1533-34 гг.)

=ПРЕДЛАГАЕМЫЙ СОЮЗ ГЕРМАНИИ.=

ПОЧТИ примерно в то же время Франциск направился к Рейну. Распространение Реформы по всей Европе зависело, как многие думали, от союза Франции с протестантской Германией. Этот союз освободил бы Францию от папского владычества, и тогда весь христианский мир обратился бы к Евангелию. Король готовился провести конференцию с самым решительным из протестантских князей Германии. Редко беседа двух государей имела такое большое значение.

Едва Франциск I покинул Марсель и прибыл в Авиньон, как он собрал свой совет (25 ноября 1533 г.) и сообщил ему о желании союза, которое выразили ему немецкие протестанты. Некоторый стыд помешал ему вмешаться в это дело, несмотря на ласки, которые папство и королевская власть расточали друг другу в Марселе. Но теперь, когда Климент был на борту своих галер, ничто не мешало королю Франции, отдавшему свою правую руку понтифику, отдать левую еретикам. [522] Было много причин, по которым он должен был это сделать. Духовенство не было союзниками, к чьей поддержке он стремился: лучшей ортодоксией в его глазах была железная рука ланскенцев. Кроме того, представилась беспрецедентная возможность: фактически, он мог одним ударом привлечь протестантов на свою сторону и нанести огромный ущерб Австрии, то есть Карлу V.

Несомненно, следует помнить, что молодой принц Вюртембергский, которого император вел в своей свите через Альпы, сбежав со своим губернатором, громко потребовал вернуть государства, которые Австрия отняла у его отца. Франциск был занят главным образом им в Авиньоне. "В этом месте, - говорит историк Мартин дю Белле, - король собрал свой совет и обсудил просьбу, с которой к нему обратились не только молодой герцог Кристофер Вюртембергский и его отец, но и его дяди, герцог Вильгельм и герцог Луи Баварские. Сам Кристофер написал Франциску I. "Сир, - сказал он, - во время великого и продолжительного бедствия, постигшего моего отца и меня, то, что впервые заставило надежду зародиться в наших сердцах, было мыслью о том, что вы воспользуетесь своим влиянием, чтобы положить конец нашим страданиям.... Ваше сострадание к страждущим хорошо известно. Я не сомневаюсь, что с вашей помощью мы скоро будем восстановлены в наших правах". [523]

Фрэнсис, всегда готовый нанести вред своему сопернику, был в восторге от такого решения и не скрывал своей радости от тайного совета. "Я очень желаю, - сказал он, - чтобы герцоги Вюртембергские были восстановлены в своих государствах, и хотел бы помочь им как в ослаблении власти императора, так и в приобретении новых друзей в Германии. Но, - добавил он, - я бы сделал это под таким *благовидным предлогом*, что я могу утверждать, что я не нарушал никакого договора". [524] Смирить императора и возвысить протестантов, не делая вид, что имею к этому какое-либо отношение, было тем, чего желал Франциск.

=ДЮ БЕЛЛЕ ОТПРАВЛЕН В ГЕРМАНИЮ.=

Уильям дю Белле призвал короля дать герцогу благоприятный ответ. Друг независимости и твердой свободы, он был в то время представителем старого французского духа, подобно тому как Екатерине Медичи предстояло стать представительницей нового, то есть римского влияния, под которым Франция, к несчастью, страдала почти три столетия. Иногда говорят, что дело Франции - это дело Рима; но самые благородные устремления французского народа и его самых великодушных представителей осуждают это заблуждение. Папство - дело одного папы; это даже не дело Италии; и если противоположное мнение все еще существует во Франции, то это пережиток влияния Медичи.

Однако переход из Марселя в Авиньон был несколько резким. Союз старшего сына Церкви с протестантами в тот самый момент, когда он покинул объятия папы, в городе, принадлежавшем святому престолу, и в древнем дворце понтификов казался странным французам, чьи глаза все еще были очарованы великолепием Рима. Это было замечено Дю Белле, который, желая облегчить переходный период, объяснил совету, "что в Аугсбурге вот-вот состоится сейм, на котором будет обсуждаться возмещение огромной несправедливости; что невинный человек умолял короля о помощи; что во Франции принято повсюду помогать угнетенным; что это может принести ценные выгоды... кроме того, не могло быть никаких сомнений в успехе, и поскольку дело герцога Кристофера будет вестись в сейме в соответствии с правами, обычаями, иммунитетами и привилегиями немецкой нации, император не мог помешать свершению правосудия.... Давайте пошлем посла, - добавил Дю Белле, - чтобы поддержать притязания герцогов Вюртембергских, и Австрия должна либо вернуть этим князьям их права, либо возбудить против себя враждебность всей Германии". [525] Франциск уже был завоеван. Он надеялся не только отобрать Вюртемберг у Австрии, но и развязать всеобщую войну в Германии между протестантами и империей, которой он мог бы воспользоваться, чтобы захватить государства, на которые он претендовал в Италии. Когда его ненавистный соперник падет под их совместными ударами, религиозный вопрос должен быть решен. Король, который обдумывал все это в перерывах между своими совещаниями с Климентом VII, приказал Дю Белле немедленно отправиться в Аугсбург и поручил ему "сделать все, что в его силах, *под достаточно благовидным предлогом*, для восстановления власти герцогов Вюртембергских". [526] Дю Белле был удовлетворен. Он желал большего, чем король; он хотел освободить Францию от папского владычества и с этой целью сблизить Франциска и протестантизм. Это было трудно; но это вюртембергское дело, которое представлялось просто как политический вопрос, дало бы ему средства преодолеть все трудности. Именно здесь ему предстояло воткнуть клин, чтобы расколоть дерево. Он думал, что сможет воспользоваться этим, чтобы нейтрализовать последствия конференции, которую король только что провел с папой римским, организовав еще одну между двумя самыми антипапистски настроенными князьями Европы. Дю Белле отбыл по дороге через Швейцарию.

=ДЮ БЕЛЛЕ В ШВЕЙЦАРИИ.=

У него были свои причины выбрать этот маршрут. Император и его брат действительно согласились, чтобы их права обсуждались в сейме, но это было сделано только для того, чтобы не показалось, что они отказываются вершить правосудие: все знали, что Фердинанд не имел намерения восстанавливать Вюртемберг. В то время в Германии существовало довольно ровное равновесие между Римом и Евангелием, и восстановление Вюртемберга заставило бы ее склониться в сторону Реформации. Если Австрия не уступит, ее придется сдерживать силой оружия. Поэтому Дю Белле желал побудить протестантские кантоны Швейцарии, граничащие с Вюртембергом, объединить свои усилия с усилиями протестантской Германии в освобождении этого герцогства от австрийского владычества. Франциск, знавший, как управляться с подобными делами, задумал передать в руки гельветов, вероятно, через Дю Белле, определенную сумму денег для покрытия расходов на кампанию. Но, похоже, протестантские кантоны не согласились с этим соглашением. [527]

Когда Дю Белле прибыл в Аугсбург, он познакомился с молодым герцогом Кристофером. Он вступил с ним в разговор, и отныне они были неразлучны: этот принц, такой любезный, но в то же время такой твердый, был его человеком. Он должен стать рычагом, который советник Франциска I. Он будет использовать, чтобы пробудить умы людей и объединить Германию и Францию.... Первое, что нужно было сделать, это вернуть его на трон. Французский посол нанес визит делегатам из Австрии. "Король, мой повелитель, - сказал он, - в восторге от того, что этот невинный молодой человек наконец нашел гавань посреди бури. Его отец и он сам достаточно пострадали, будучи изгнанными из своего дома.... Пришло время вернуть сына отцу, отца сыну и им обоим состояния их предков. Если мольбы окажутся недостаточными, - твердо добавил Дю Белле, - король, мой повелитель, пустит в ход всю свою власть". [528] Так Франция заняла свое положение защитницы обездоленных; но за этим скрывалось нечто другое: главной целью короля было нанести удар императору; целью Дю Белле было нанести удар папе.

Кристофер, получавший поддержку со всех сторон, предстал перед сеймом 10 декабря 1533 года. Он больше не был пленным принцем, которого Карл вел в своей свите. Бедный молодой человек, который не так давно был вынужден бежать, оставив своего товарища позади себя, спрятавшегося в тростниковых зарослях болота в Нориканских Альпах, стоял теперь перед германским сеймом, окруженный блестящей толпой дворян, представителей князей, поддержавших его притязания, и имея в качестве *помощников* (то есть поддерживающих его в ссоре) делегатов Саксонии, Пруссии, Брауншвейга, Мекленбурга, Люнебурга, Гессена, Клева, Мюнстера и Юльера. Король Венгрии лично отстаивал свою правоту: "Благороднейшие сеньоры, - начал он, - когда мы видим, что молодой герцог Кристофер Вюртембергский лишен своего герцогства, не сделав ничего, что заслуживало бы такого наказания, разочарован австрийцами во всех надеждах, которые они ему возлагали, с ним недостойно обращаются при императорском дворе, [529] вынужден спасаться бегством, в этот момент искренне умоляя вас о сострадании и помощи — мы глубоко взволнованы. Что? неужели из-за того, что его отец поступил неправильно, этот молодой человек будет обречен на тяжелую и унижительную жизнь? Разве голос самого Бога не провозгласил, что сын не понесет беззаконий отца?"

=СОЮЗ ПОМОЩИ ВЮРТЕМБЕРГУ.=

Австрийские уполномоченные, находя свое положение довольно затруднительным, начали тянуть время и предложили Кристоферу принять в качестве компенсации какой-нибудь

небольшой городок. Он отказался, сказав: "Я никогда не перестану просто и твердо заявлять права на страну моих отцов". [530] Но Австрия, опасаясь преобладания протестантизма в Германии, не обратила внимания на его справедливую просьбу. В этот момент Франция решительно вмешалась в защиту двух протестантских принцев. Дю Белле, напомнив сейму, что Ульрих признал свои ошибки и что возраст, долгое изгнание и тяжкие испытания сильно изменили его, продолжил так: "Должен ли герцог видеть своего единственного сына, молодого и невинного принца, который должен быть опорой на склоне его лет, вечно несущего на себе груз его несчастий? Неужели вы не примете во внимание ни пагубную старость одного, ни несчастливую молодость другого? Неужели вы отомстите за грехи отца ребенку, который тогда был в колыбели? Герцоги Вюртембергские имеют высокое происхождение. Их наказание было разрешено, но не их уничтожение. Помогите этому невинному юноше (Кристоферу), примите этого кающегося (Ульриха) и восстановите их обоих в их прежнем достоинстве". [531]

Австрийцы, которые были раздосадованы вмешательством посла короля Франции в их дела, держались твердо. Депутаты Саксонии, Гессена, Пруссии, Мекленбурга и других государств теперь решили выступить против Австрии; они сказали молодому герцогу, что готовы бросить свои мечи на чашу весов, и сам Кристофер попросил Дю Белле "сменить свою поздравительную речь на обвинительную". [532]

=ДЮ БЕЛЛЕ УМОЛЯЕТ И УГРОЖАЕТ.=

Когда французский посланник снова предстал перед сеймом, он перешел на более высокий тон: "Милорды, - сказал он, - приложите ли вы свои руки к гибели невинного человека?"... Если вы это сделаете ... Я говорю вам, что вы нанесете пятно на свою репутацию, которое не сможет смыть вся морская вода. Этот принц, с таким гордым сердцем, с таким прославленным происхождением, не вынесет нищенской жизни в стране, чьим государем он является по рождению; он отправится в чужую страну. И в какой бы части света он ни находился, что он унесет с собой?... Позор императора, позор короля Фердинанда, позор всех вас. Каждый человек, указывая на него, скажет: это тот, кто раньше.... Это тот, кто сейчас.... Это тот, кто не по своей вине.... Это тот, кто был вынужден покинуть Германию.... Вы понимаете, милорды, что опущено в этих предложениях; я охотно извиняю себя за то, что не могу их закончить ... вы сделаете это сами. Нет! вы не останетесь равнодушными к такому великому несчастью.... Я вижу, что ваши сердца уже тронуты.... Я вижу по вашим жестам и взглядам, что вы чувствуете правдивость моих слов.

Затем, прямо нападая на императора и его брата, он сказал: "Есть люди, которые, по моему мнению, очень ошибочно полагаются только на свои порочные амбиции и необузданную алчность и которые думают, что, угнетая то одного, то другого, они подчинят всю Германию".

Повернувшись к молодому принцу Вюртембергскому, представитель Франциска I. продолжил: "Герцог Кристофер, будьте уверены, что Самый христианский король сделает все, что в его силах, ради вас, не нанося ущерба своей вере, своей чести и долгу крови. Французский двор всегда был самым либеральным из всех — он всегда был открыт для приема изгнанных и страдающих принцев. В таком случае, имея больше оснований, он не будет закрыт для вас, кто является его союзником ... вы, которые в силу справедливости вашего дела и вашей невинности кажетесь даже своим врагам достойными жалости и сострадания". [533]

Члены сейма внимательно выслушали эту речь, и по выражению их лиц было видно, что они убеждены. [534] Дело было выиграно: швабская лига, порождение Австрии и враг Реформации, не подлежала обновлению. Дю Белле покинул Аугсбург, продолжил свое путешествие по Германии и попытался сформировать там новую конфедерацию [535] против Австрии, которую возглавляли Франциск I и Генрих VIII. мог бы присоединиться. "Если кто-нибудь подумает о вторжении в Англию, - сказали последнему, - мы пошлем вам солдат *по Балтийскому морю*". [536] Следует опасаться, что эта помощь через Балтику прибыла бы в воды Темзы довольно поздно. Но главным в глазах Дю Белле были действия, а не дипломатические переговоры. Его идея состояла в том, чтобы объединить Франциска I и протестантов Германии в общем движении, которое привело бы Францию к сбросу ультрамонтанского ига; но было только два человека, достаточно энергичных, чтобы осуществить это. Первым был король, его повелитель, к которому мы сейчас возвращаемся.

Франциск, покинув Авиньон, отправился в Дофину, оттуда в Лион и другие города на востоке Франции. В январе 1534 года он достиг Бар-ле-Дюка, таким образом постепенно приближаясь к немецкой границе. Зима в этом году была чрезвычайно суровой, но короля это не волновало: он думал только об объединении Франции и протестантов посредством Вюртемберга, поскольку брак Екатерины только что объединил Францию и папу римского.

=ПРОЕКТ ЛАНДГРАФА.=

Вторым из принцев, от которого можно было ожидать энергичного курса, был ландграф Гессенский. Из всех протестантских лидеров Германии он был единственным, чье сердце меньше всего изменило Евангелие. Не равняясь Франциску I. В чувственности, он все же был далек от того, чтобы быть образцом целомудрия. Но, с другой стороны, ни один из принцев, связанных с Реформацией, не мог сравниться с ним в таланте, силе и активности. По своему характеру он был самым важным человеком евангелической лиги и не раз оказывал решающее влияние на ход протестантской работы. Филипп, двоюродный брат герцога Вюртембергского, часто приглашал его ко двору; Ульрих даже принимал участие в знаменитой Марбургской конференции. Тронутый несчастьями этого принца, восхищенный уловкой, которую Кристофер сыграл с императором, тронутый лояльностью вюртембергцев, которые претендовали на своих герцогов и свое гражданство, горя нетерпением вернуть эту часть Германии в евангелическую веру, он пожелал отнять ее у Австрии. Найти людей для этого было легко, если бы только у него были деньги ... но денег у него не было.

Дю Белле увидел, что завязался узел, и поспешил разрубить его. Духовенство Франции только что передало королю значительную сумму: можно ли было найти ей лучшее применение, чем это? Французский посланник дал Филиппу понять, что он может получить от своего господина необходимые субсидии. Но необходимо сделать еще больше: он должен воспользоваться случаем, чтобы свести вместе двух самых предприимчивых принцев той эпохи. Если бы они увидели и услышали друг друга, они понравились бы друг другу и связали бы себя таким образом, что союз Франции и протестантской Германии наконец состоялся бы. Филипп Гессенский с восторгом воспринял все эти предложения.

=ЛЮТЕР ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ВОЙНЫ.=

Но теперь возникли новые препятствия. Теологи Реформации ненавидели эти иностранные союзы и войны, которые, по их мнению, оскверняли самое святое дело. Лютер и Меланхтон прислуживали курфюрсту, умоляя его воспротивиться опрометчивому предприятию ландграфа; и Дю Белле обнаружил, что оба реформатора прилагают столько же усердия, чтобы предотвратить союз Франциска и Филиппа, сколько он - чтобы осуществить его. "Идите, - сказал курфюрст Лютеру и Меланхтону, - и убедите ландграфа изменить свое решение".

Два врача по пути из Виттемберга в Веймар, где им предстояло встретиться с Филиппом, беседовали о своей миссии и ландграфе: "Он умный принц, - сказал Лютер, - полный воодушевления и порыва, с радостным сердцем. Ему удалось навести порядок в своей стране, так что Гессен, изобилующий лесами и горами, где могли бы укрыться разбойники, видит, как его жители путешествуют и бродят по округе, покупая и продавая без страха.... Если на одного из них нападают и грабят, ландграф немедленно нападает на бандитов и наказывает их. Он настоящий воин - Арминий. Его звезда никогда не обманывает его, и все его противники внушают ему страх". [537] "И я тоже, - сказал Меланхтон, - люблю *македонянина*" (так он называл Филиппа Гессенского, потому что, по его мнению, этот принц обладал всей проницательностью и мужеством своего тезки Македонского); "по этой причине, - добавил он, - я не желаю, чтобы, находясь так высоко, он рисковал так сильно упасть". [538] Оба богослова не сомневались, что война, начатая против могущественного австрийского дома, закончится ужасной катастрофой для протестантов.

Добравшись до Веймара, оба реформатора встретились с ландграфом и, по словам Лютера, применили "свою лучшую риторику", чтобы разубедить его. [539] Доктор придерживался весьма определенного мнения по этому поводу. Союз с королем Франции - какой позор! Война против императора - какое безумие! "Дьявол, - сказал он, - желает управлять нацией, заставляя всех обнажать меч. С каким красноречием он пытается убедить нас, что это законно и даже необходимо! Кто-то причиняет вред этим людям, говорит он; давайте поспешим нанести удар и спасти их! Безумец! Бог не спит и не дурак; он очень хорошо знает, как управлять миром. [540] Мы должны бороться с врагом, против которого не может победить никакая человеческая сила или мудрость. Если мы вооружимся железом и сталью, мечами и ружьями, ему стоит только дохнуть на них, и не останется ничего, кроме пыли и пепла.... Но если мы наденем на себя доспехи Бога, шлем, щит и меч Духа, тогда Бог, если потребуется, свергнет императора с его трона, [541] и сохранит для нас все, что он нам дал, — свое Евангелие, свое царство". Лютер и Меланхтон настойчиво обращались к ландграфу, чтобы помешать планам Дю Белле. "Эта война, - говорили они, - погубит дело Евангелия и наложит на него несмываемое пятно. Прошу вас, не нарушайте покой". При этих словах лицо принца покраснело; ему не понравилось противодействие, и он дал двум богословам сердитый ответ. [542] "Это люди, которые не разбираются в делах этого мира", - сказал он; и, вернувшись в Гессен, он энергично приступил к осуществлению своих планов.

Ему не пришлось долго ждать успеха. Король Франции пригласил ландграфа переправиться в Лотарингию, чтобы договориться с ним: он добавил, "не забыв прихватить с собой Меланхтона". [543] Тогда Филипп больше не сдерживался: встреча с могущественным королем Франции казалась ему чрезвычайно важной. Он отправился в путь и достиг Де-Пона 18 января 1534 года; и вскоре после этого этот дерзкий принц, который, покинув Аугсбург в 1530 году, привел в замешательство сейм и встревожил кабинет императора, — самый воинственный глава евангелической партии, самый ярый враг папства, Филипп Гессенский, прибыл в Бар-ле-Дюк,

где Франциск принял его с улыбкой, которая не сходила с его губ со времени встречи с Климентом. [544]

=КОНФЕРЕНЦИЯ ФИЛИППА И ФРАНЦИСКА.=

Два принца впервые внимательно посмотрели друг на друга. Ландграфу было тридцать лет, а Франциску сорок. Филипп был невысокого роста, с большими и смелыми глазами, и все его лицо свидетельствовало о решительности характера. Политика и религия немедленно привлекли их внимание. Король решительно высказался в поддержку древних свобод Германской империи, которым угрожала Австрия, и отчетливо высказался за восстановление власти герцогов Вюртембергских. Переходя затем к главному вопросу, он сказал: "Пожалуйста, объясните мне состояние религиозных дел в Германии; я не совсем их понимаю". [545] Ландграф, как мог, объяснил королю причины и истинную природу Реформации, а также борьбу, которую она породила. Франциск I согласился услышать из уст монарха изложение тех евангельских принципов, к которым он закрывал уши, когда их объясняли ему Цвингле или Кальвин. Это правда, что Филипп представил их скорее в политическом свете. Франциск проявил благосклонность к протестантским князьям. "Я отказался от своего согласия на собор в Италии, - сказал он. - Я хочу нейтральный город, и вместо собрания, в котором папа может делать все, что ему заблагорассудится, я требую свободного собора". "Это те самые слова короля", - написал ландграф курфюрсту. [546] Филипп Гессенский был в восторге. Несомненно, если бы Германия, Франция, Англия и другие государства объединились против императора и папы, вся Европа преобразилась бы. "Это еще не все, - добавил ландграф. - король рассказал мне кое-что... что, я уверен, понравится вашему высочеству". [547]

Тайное совещание закончилось: "А теперь, - сказал Франциск ландграфу, - прошу вас, представьте мне Меланхтона". Как мы видели, он умолял немецкого принца привезти с собой этого знаменитого врача; король Франции желал чего-то большего, чем дипломатическая конференция, он желал религиозной. Но ландграф не забыл о встрече в Веймаре; и вместо того, чтобы пригласить Меланхтона, он тщательно скрыл от курфюрста Саксонии принятое им решение, несмотря на его заверения, объединиться с королем Франции в военных действиях против Австрии. Филипп ответил, что Меланхтона с ним нет: "Невозможно!" - воскликнул король, и вся французская знать вторила этому слову. "Невозможно! вы не заставите нас поверить, что Меланхтона нет с вами!" — "Все хотели убедить нас, что Филипп был с нами", — сказал ландграф. - "Покажите его нам", - воскликнули они, - "почти применив к нам насилие". [548]

Это было действительно большое разочарование. Меланхтон был самым уважаемым представителем Реформации. Некоторые из тех, кто сопровождал короля, рассчитывали, что он подробно объяснит им евангелические принципы; были даже такие, кто желал посоветоваться с ним о наилучших средствах обеспечения их успеха во Франции. В их глазах Меланхтон был так же необходим, как и Филипп. "Поскольку его здесь нет, — сказали они, - вы должны послать за ним". - "В самом деле, - сказал ландграф, улыбаясь, - эти французы так сильно желают увидеть Меланхтона, что, если бы мы могли показать его им, они дали бы нам столько же денег, сколько Тецель и все торговцы индульгенциями, когда-либо нажитые своим ханжеским бумажным хламом". [549]

=ПОДПИСАННЫЙ ДОГОВОР.=

Они утешили себя в связи с этим разочарованием, проведя новую конференцию о способах освобождения Вюртемберга. Король сказал, что не может предоставить войска, поскольку это противоречило бы Камбрейскому мирному договору. "Мне не нужны солдаты, - ответил ландграф, - но я хочу субсидии". Но предоставление средств для войны против Карла V. в равной степени выступало против договора. Был предпринят поиск средства, и вскоре оно было найдено. Герцог Ульрих продаст Монбельяр Франции за 125 000 крон; но в секретной статье будет оговорено, что если герцог выплатит эту сумму в течение трех лет (как он и сделал), Франциск вернет Монбельяр. Похоже, что Англия также имела какое-то отношение к субсидиям. [550] Мирный договор был подписан 27 января 1534 года. Следует отметить, что французские историки, даже те, кто свободен от ультрамонтанских предрассудков, ничего не говорят об этой конференции.

Состоялось еще несколько собеседований. Ландграф был не лучшим представителем истинной Реформации, но с ним было несколько хороших евангелистов, которые в своем благочестивом рвении могли указать королю Франции, как это сделал бы Лютер, путь спасения. Таким образом, людям предоставляются торжественные возможности покинуть низкие земли, в которых они живут, и подняться на высоты, где они увидят Бога. Франциск I. закрыл глаза. Этот принц обладал некоторыми превосходными способностями, но его религия "была не чем иным, как тщеславием и пустой показухой". В Бар-ле-Дюке он принял закованную в кольчугу руку ландграфа, но не желал руки Иисуса Христа.

Ландграф вернулся в Германию, а король Франции - в глубь своих государств. Вернувшись после двух собеседований, он поздравил себя с тем, что обнял папу римского в Марселе и протестантов в Бар-ле-Дюке. В той мере, в какой встреча с Климентом была публичной, встреча с Филиппом была тайной; но, с другой стороны, она была более конфиденциальной и более реальной. Эти две встречи, эти два факта, внешне столь разные, были вызваны действием одного и того же закона. Этот закон, который Франциск носил в своем сердце, был ненавистью и гибелью для Карла V. Разве папа и ландграф не были двумя принцами Европы, которые больше всего ненавидели императора? Поэтому было вполне логично и соответствовало науке Макиавелли, что король протянул одну руку Клименту, а другую Филиппу. Внутренние противоречия не могли не проявиться вскоре. Фактически, ландграф Гессенский при поддержке Франции собирался напасть на Австрию и установить протестантизм в Вюртемберге на месте папства.... Что бы сказал Климент? Но прежде чем мы последуем за ландграфом в это опасное предприятие, давайте вернемся во Францию вместе с королем.

[522] Du Bellay, *Mémoires*, p. 206.

[523] Мартин дю Белле передает письмо герцога Кристофера. *Mémoires*, pp. 207, 208.

[524] Du Bellay, *Mémoires*, p. 208.

[525] Du Bellay, *Mémoires*, p. 209.

[526] Там же. стр. 210.

[527] 'Regem Franciæ deposuisse certam pecuniæ summam in bellum pro restitutione junioris ducis Wurtembergensis apud Helvetios.'—*State Papers*, vii. p. 539.

[528] Du Bellay, *Mémoires*, p. 211.

- [529] 'Coactus qui fuerit ex ea curia in qua tam indigne tractabatur, sese subducere.'—Johannes rex Hungariæ, manu propria, *State Papers*, vii. p. 538.
- [530] Ранке, в честь Габелькофера и Пфистера, iii. стр. 453.
- [531] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 213-219. Он подробно излагает речь своего брата.
- [532] 'Changer son oraison gratulatoire en oraison comminatoire.'
- [533] Du Bellay, *Mémoires*, pp. 220-232.
- [534] Du Bellay, *Mémoires*, p. 232.
- [535] 'Eum (Du Bellay) laborare inter certos Germaniæ principes, ut fœdus novum inter se creent.'—Mont to Henry VIII., *State Papers*, vii. p. 539.
- [536] 'Ipsi vero militem per mare Balticum nobis mitterent, si quis Majestatem Vestram invadere vellet.'—Ibid.
- [537] 'Der Landgraf ist ein Kriegsmann, ein Arminius.'—Lutheri *Opp.* xxii. p. 1842.
- [538] 'Ego certe τὸν Μακεδόνα non possum non amare et nolim cadere.'—*Corp. Ref.* ii. p. 727.
- [539] 'Und brauchten dazu unsere beste Rhetorica.'—Lutheri *Opp.* xxii. p. 1843.
- [540] 'Gott schläfet nicht, ist auch kein Narr: Er weiss sehr wohl wie man regieren soll.'—Ibid. x. p. 254.
- [541] 'Den Kayser von seinem Stuhl stürzen.'—Ibid. xi. p. 434.
- [542] 'Da ward S. F. G. gar roth und erzumte sich drüber.'
- [543] 'Der König von Frankreich an uns beghert hat, das wir zu Ihm kommen wolten.'—The Landgrave to the Elector, Rommel's *Urkundenbuch*, p. 53.
- [544] Слэйдан, i. лив. ix. стр. 358.
- [545] 'Wie doch die Saclien und Zwiespalten der Religion standen.'—The Landgrave to the Elector, Rommel's *Urkundenbuch*, p. 53.
- [546] 'Und sind das eben die Worte des Konigs.'—Ibid.
- [547] 'Es haben sich zwischen dem Könige und uns Reden zugetragen ... daran E. L. gut gefallen haben werden.'—Ibid.
- [548] 'Der König und die grossen Herrn und jedermann wolten uns *mit Gewalt uberreden*, wir hätten Philippum bey uns.'—The Landgrave to the Elector, Rommel's *Urkundenbuch*, p. 53.
- [549] Rommel's *Urkundenbuch*, p. 53.
- [550] Государственные документы, vii. стр. 568.

ГЛАВА XXXII.

ТРИУМФ И МУЧЕНИЧЕСТВО.

(Зима 1533-34 гг.)

=ЕВАНГЕЛИЕ В ПАРИЖСКИХ ЦЕРКВЯХ.=

Последствия встречи в Марселе должны были сказаться и в Париже. После бегства Кальвина королеве Наваррской, как мы видели, удалось утихомирить бурю; и все же дело евангелистов никогда еще не было так близко к жестоким гонениям. Тюрьмы скоро должны были быть заполнены; костры мученичества скоро должны были разгореться. В течение 1533 года в церквях значительно увеличилось число *лютеранских* проповедей. "Многие известные люди, - говорит хронист, - проповедовали в то время в городе Париже". [551] Простота, мудрость и одушевленность их языка тронули всех, кто их слышал. Церкви были заполнены не формальными слушателями, а людьми, которые восприняли благую весть с великой радостью. "Пьяницы стали трезвыми; развратники стали целомудренными; плоды, проистекавшие из проповеди Евангелия, изумили врагов света и истины".

Доктора Сорбонны не стали дожидаться приказа короля, чтобы напасть на евангелистов; его беседа с папой римским и известие о булле, привезенной из Рима, наполнили католический лагерь радостью. "Как! - воскликнули они. - король объединяется с папой в Марселе, а в Париже церкви открыты для ереси! ... давайте поторопимся и закроем их.

Тем временем в столицу прибыл Дю Белле, епископ Парижский, который произнес такую прекрасную латинскую речь перед Климентом VII и который в глубине души прошел половину пути вместе со своим братом. Вожди римской партии немедленно окружили его, уговаривали и требовали осуществления всех надежд, которые они возлагали на встречу в Марселе. Епископ был смущен, так как знал, что его брат и король в этот момент были заняты совсем другим делом. И все же Франциск хотел, чтобы в данный момент они действовали в соответствии с его видимыми, а не реальными действиями. Епископ уступил. Набожному Русселю, энергичному Куро, выжидательному Берто и другим людям было запрещено проповедовать, и однажды утром верующие обнаружили, что двери церкви заперты. [552]

=ЧАСТНЫЕ ВСТРЕЧИ.=

Велика была их скорбь и волнение. Многие пошли к Русселю и Куро и громко выразили свое сожаление и свои пожелания. Служители набрались смелости и "превратили свои проповеди в частные лекции". В разных домах города были организованы небольшие собрания. Сначала там не было никого, кроме членов семьи; но казалось, что Христос, согласно своему обетованию, был среди них, и вскоре были допущены друзья и соседи. Служители изложили обещания Священного Писания, и верующие воскликнули: "Сейчас мы получаем больше благословений, чем раньше".

Помимо парижан, которых Куро, Руссель и их друзья видели на скромных скамейках вокруг своего маленького столика, были и другие: здесь были люди из многих провинций Франции и даже из соседних стран. Среди них был мастер Пуанте, уроженец Ментоны, недалеко от Анси, в Савойе, "который практиковал хирургическое искусство в городе Париже". Он необычным

образом пришел к познанию Евангелия. "Монахи и священники, - говорит хронист, - приходили к нему, чтобы исцелиться от болезней, свойственных тем, кто заменяет священный институт брака нечистым безбрачием". [553] Пуанте, заметив, что благочестия нельзя найти среди священников, стал искать его в Священных Писаниях; и, обнаружив его там, начал серьезно возражать этим несчастным людям. "Эти наказания, - сказал он им, - проистекают из вашего проклятого безбрачия: это ваша плата, и вам было бы гораздо лучше взять жену". Пуанте, читая эти суровые уроки, любил ходить и учиться на скромных собраниях, проводимых скромными служителями Слова Божьего, и никто не слушал проповеди Русселя и Куро с большим вниманием.

Сорбоннисты, услышав об этих собраниях, заявили, "что *эти лекции* им не нравятся еще больше, чем проповеди". Фактически, если проповеди в церквях были громким призывом, Божественное Слово на этих небольших собраниях звучало ближе к сердцам людей, просвещая их и укрепляя в вере в Иисуса Христа; и, соответственно, число обращенных увеличилось. Лейтенант-преступник снова вышел на поле боя: он расставил своих агентов на углах наиболее подозрительных улиц с приказом следить за лютеранами и выслеживать их. Эти шпионы обнаружили, что в определенные дни и часы многие подозрительного вида люди, в большинстве своем бедняки, имели привычку посещать определенные дома. Морин и его офицеры немедленно приступили к работе: они обошли эти собрания, хватая пасторов и разгоняя стада. "Мы лишены всего, - говорили верующие, - мы остаемся без учения и увещевания. Увы! бедные овечки без пастырей, не собьемся ли мы с пути и не заблудимся?" Затем, поддавшись внезапному порыву, они воскликнули: "Поскольку у нас здесь отняли наших проводников, давайте поищем их в другом месте!" Многие французские евангелисты бежали в другие страны.

В то время как бедняки-реформаторы [554], оставшиеся в Париже, были таким образом покинуты и опечалены, Сорбонна громко требовала возвращения Беда и других изгнанников. Богословы опросили самых влиятельных членов парламента и осадили кардинала Дюпра. Король и папа только что торжественно встретились в Марселе; один из Медичи только что вошел в семью Валуа; королевское письмо, отправленное из Лиона, предписывало возбудить дело против еретиков: могли ли они оставить защитников папства в немилости? Требование было удовлетворено, и пылкий Беда с триумфом вернулся в столицу вместе со своими друзьями. Эта злая маленькая фея Кэтрин бессознательно и одним своим присутствием вернула ему свободу.

=НОВЫЕ УСИЛИЯ СОРБОННЫ.=

Гнев и фанатизм Беда, возбужденные изгнанием, не знали границ. Репрессии против малоизвестных *проповедников* его не удовлетворили; он решил возобновить атаку, которую ранее предпринял на ученых. "Я обвиняю королевских читателей Парижского университета", - заявил он парламенту. Это были знаменитые профессора Данес, Поль Паради, Гуидасьери и Ватабель, ученые филологи, почитаемые Франциском и всей литературной Европой. "Их толкования текста Священного Писания, - продолжал Беда, - дискредитируют Вульгату и пропагандируют ошибки Лютера. Я требую, чтобы им запретили комментировать Священное Писание". [555]

Беда был не одинок. Ле Пикар вернулся из ссылки вместе со своим учителем, и Сорбонна, желая выразить ему свое уважение, присвоила ему степень доктора богословия. Беда и Ле Пикар совещались вместе с некоторыми другими священниками. Война была окончена, легионы были собраны, план кампании составлен, и различные поля сражений распределены между сражающимися. Они захватили кафедры, с которых были изгнаны проповедники Реформы, и повсюду были слышны громкие голоса, произносившие яростные речи против "лютеран". Беда, Ле Пикар и их последователи осудили еретиков как врагов алтаря и трона. В Евангелии, зародыше всякой свободы, они видели причину всякого беспорядка. "Недостаточно посадить лютеранских евангелистов в тюрьму, - говорили эти предшественники проповедников Лиги; - мы должны пойти еще дальше и сжечь их". [556]

Аресты начались немедленно; но в начале 1534 года сожженный костер был объявлен лучшим ответом на ересь. Парижский парламент опубликовал указ, согласно которому всякий, кто был осужден за лютеранство на основании показаний двух свидетелей, должен быть немедленно сожжен. [557] Это был самый верный способ: мертвые никогда не возвращаются. Беда немедленно потребовал, чтобы указ был применен к четырем евангелистам: Куро, Берто, Русселю и одному из их друзей. Несмотря на свою умеренность и уступчивость, Руссель особенно разозлил синдик. Разве он не был капелланом Маргариты? Террор начал распространяться. В то время как Франциск в Бар-ле-Дюке старался угодить самым решительным протестантам, парижские евангелисты, встревоженные расспросами полиции, заперлись в своих скромных жилищах. "Действительно, - сказали они, - это мало чем отличается от испанской инквизиции". [558] Однако Сорбонна не осмелилась сжечь Русселя и его друзей без согласия короля.

=ТРИСТА ЗАКЛЮЧЕННЫХ-ЕВАНГЕЛИСТОВ.=

Тем временем ультрамонтанская партия разработала план поймать всех лютеран Парижа в одну сеть. Морин принялся за дело: он натравливал своих гончих; его сержанты входили в дома, спускались в подвалы и поднимались на чердаки, забирая здесь мужа у жены, там отца у детей, а в другом месте сына у матери. Некоторые из этих бедных созданий спрятались, другие спаслись по крышам, но в целом погоня была успешной. Альгвазилы Сорбонны разместили около *трехсот заключенных* в Консьержери. [559] Когда распространилась эта новость с сопутствующими ей ужасом и бедствием, бегство возобновилось в более широком масштабе: некоторых остановили по дороге, но многим удалось пересечь границу. Среди них был придворный-христианин Маурус Мусий, дворянин королевской канцелярии, который нашел убежище в Базеле, откуда он написал Буцеру о своих многочисленных затруднениях. [560]

Все это было сделано Сорбонной и парламентом, поскольку король еще не высказался. Наконец он вернулся в столицу, и все думали, что он будет гореть желанием выполнить обещания, которые он дал папе; но, напротив, он колебался и притворялся щепетильным. Злой дух, которого он получил от Климента VII в образе Медичи, был слишком молод, чтобы иметь на него какое-либо влияние. Кроме того, в тот момент он гораздо больше думал о своем союзе с протестантами Германии, чем о союзе с папой римским, и нападки на университетских профессоров раздражали его.

Беда не был обескуражен: он заставил нескольких человек, имевших доступ к королю, умолять сжечь Русселя и его друзей. Но как мог этот принц отправить лютеран Франции на костер в то самое время, когда он искал союза с лютеранами Германии? "Никто не может быть осужден во

Франции, - сказал он, - без суда. Беда желает, чтобы Русселя и его друзей сожгли; очень хорошо! пусть он сначала пойдет в Консьержери и заставит их замолчать". [561] Беда хотел не этого: он знал, что легче сжечь капеллана, чем опровергнуть его. Но король заставил его отправиться в тюрьму; и там пылкий Беда и кроткий Руссель стояли лицом к лицу. Диспут начался в присутствии свидетелей. Заключение с большой простотой изложил Священные Писания Бога; синдик Сорбонны ответил схоластическими придирками и нелепыми пустяками. [562] Его собственные друзья были смущены; все видели его невежество; Беда вышел из тюрьмы, охваченный стыдом, а Руссель не был сожжен. [563]

=РАЗДРАЖЕНИЕ КОРОЛЯ.=

Пока Беда и Руссель спорили в Консьержери, в Лувре разыгрывалась совсем другая сцена. Друг-литератор, принадлежащий к королевскому двору, зная восприимчивость короля, положил маленькую книжечку в изящном переплете на стол, за которым король привык сидеть. Фрэнсис подошел, небрежно взял книгу и взглянул на нее. Он был очень удивлен, прочитав название: *Протест, адресованный королю Франции тремя парижскими врачами, изгнанными и низведенными с должности, молящими об отзыве из ссылки*. Это была работа, опубликованная Бедой перед его возвращением в Париж, и ее тщательно скрывали от монарха. "Хо! хо! - сказал он, - эта книга адресована мне!" Он открыл и прочел, и велик был его гнев, когда он увидел, как его оскорбили и оклеветали.... "Франциск I не уважает ни папу, ни Медичи: в его глазах главная непогрешимость всегда принадлежит ему самому". "Отправьте этих негодяев в тюрьму", - воскликнул он; и немедленно Беда, Ле Пикар и Ле Клерк были заключены в епископскую тюрьму по обвинению в государственной измене. [564]

И теперь лидеры обеих сторон были заключены в тюрьму: Жерар Руссель, Куро и Берто с одной стороны; Беда, Ле Пикар и Ле Клерк - с другой. Осмелится ли кто-нибудь утверждать, что король Франции не поддерживал равновесие даже между двумя школами? Кто должен быть освобожден? кто должен остаться заключенным? теперь встал вопрос. Было бы лучше выпустить их всех на свободу; но ни Франциск, ни его ровесники не достигли религиозной свободы. Противоположные ветры волновали этого принца и гнали его то в Рим, то в Виттемберг. Однако тот или иной из них должен одержать верх. Маргарет, считая, что время настало критическое, проявила неутомимую активность. Она защищала интересы своих друзей перед королем и его министрами. Все еще заблуждаясь или делая вид, что заблуждается, относительно Монморанси, она умоляла этого вероломного друга спасти тех самых людей, уничтожить которых он поклялся. "Дорогой племянник, - писала она ему, - они как раз сейчас завершают процесс против мастера Жерара, и я надеюсь, что король сочтет его достойным чего-то лучшего, чем костер, и что он никогда не придерживался мнения, заслуживающего такого наказания, или отдающего ересью. Я знаю его эти пять лет, и, поверьте мне, если бы я видел в нем что-то сомнительное, я бы так долго не мирился с таким язычником". [565] Король не мог устоять перед искренними просьбами своей сестры и желанием завести друзей среди протестантов Германии. В марте 1534 года он издал указ, защищающий евангельских проповедников от клеветы богословов и освобождающий их. [566]

Удивительная вещь! Руссель, Куро и Берто на свободе; Беда, Ле Пикар и Ле Клерк в тюрьме! Поборники ереси торжествуют, а поборники Церкви закованы в цепи! И это после возвращения короля из Марселя (о встрече в Бар-ле-Дюке в Париже ничего не знали) и через четыре месяца после женитьбы Генриха Французского на племяннице папы римского!... Где обещания, данные

Клименту VII? И город, и Сорбонна были глубоко взволнованы этой мерой. [567] Чем больше надежд вызывал союз с папством, тем больше опасений вызывало поведение короля по отношению к его самым бесстрашным защитникам. Стал бы Франциск I Генрихом VIII.? Был бы разрушен римский католицизм во Франции? Священники были напуганы — многие из них даже отчаялись.

Евангелисты, напротив, были в восторге. Они думали, что Слово Божье вот-вот восторжествует не только в Париже, но и по всей Франции. Действительно, удивительные новости пришли из Лиона, где невидимый проповедник держал все население в напряжении.

=АЛЕКСАНДР В ЖЕНЕВЕ.=

Монах Де ла Круа, о котором мы уже упоминали, покинув Париж, свой монастырь, рясу и монашеский титул, прибыл в Женеву под именем Александр. Сердечно принятый Фарелом и Фроментом, он был проинструктирован их заботой о познании истины. Его трансформация была полной. Христос стал для него "солнцем праведности"; у него было горячее рвение познать Его и великое дерзновение исповедовать его. Невоздержанный, он проявил себя решительным и сопротивлялся всем скептикам. "Соответственно, женевская магистратура, находившаяся под влиянием священников, приговорила его к смертной казни как еретика; приговор, однако, был смягчен "из страха перед королем Франции", который не допустил бы жестокого обращения с французом, даже если он еретик, и Александра просто выгнали из города. На большой дороге за воротами, недалеко от Монетного двора, он остановился и обратился с проповедью к людям, которые последовали за ним. Сила его языка была такова, что он внушал уважение всем окружающим. "Никто не мог остановить его, - говорит Фромант, - так сильно его рвение побуждало его привлекать людей к Господу". [568]

Александр сначала отправился в Берн вместе с Фроманом, а затем, возвращаясь по своим следам, серьезно задумался, не следует ли ему вернуться во Францию. Он не обманывал себя: там его ожидали преследования, тюремное заключение, смерть. Тогда не следовало ли ему, как и многим другим, проповедовать Евангелие в Швейцарии? Но Франция так нуждалась в свете и благодати Божьей.... должен ли он покинуть ее? Чтобы проповедовать Христа своим соотечественникам, Александр был готов вынести любое зло и даже смерть. Одина-единственная страсть поглотила все остальные. "О мой Спаситель! ты отдал свою жизнь за меня; я хочу отдать свою за тебя!" Он пересек границу; и, узнав, что в Брессе и Маконне (Сона и Луара), где Майкл д'Аранда проповедовал Христа в 1524 году, не было евангелистов, он начал провозглашать прощение Евангелия простым и сердечным людям этого района, среди которых у фанатизма было так много приверженцев. Его это не смущало: бродя по берегам Бьенны, Айна, Сейля и Соны, он заходил в хижины бедных крестьян и мужественно сеял семена Евангелия. [569] Слух о его деяниях дошел до Лиона, где некие благочестивые ювелиры, всегда готовые пойти на жертвы ради своей веры, пригласили Александра приехать и проповедовать в их городе.

=ЕГО РАБОТА В ЛИОНЕ.=

Это поле было шире, чем равнины Бресса. Александр отправился в путь, прибыл в Лион и зашел в мастерские ювелиров. Он беседовал с ними и познакомился с несколькими *лионскими бедняками*, которые были богаты верой; они назидали друг друга, но это не удовлетворяло его. Живая вера, которой он был воодушевлен, придавала ему неутомимую активность. Он был

быстр в своих решениях, полон духа в своих выступлениях, изобретателен в своих планах. Он начал проповедовать от дома к дому; затем "он собрал несколько человек здесь и там и проповедовал перед ними о великом продвижении Слова". Вскоре стало проявляться противодействие, и Александр воскликнул: "О, если бы Лион был свободным городом, как Женева!" [570] Те, кто желал услышать Слово, с каждым днем испытывали все большую жажду; они приходили к Александру и беседовали с ним; они тащили его в свои дома, но евангелист не мог удовлетворить все их потребности. Он написал Фарелю, прося помощи из Жeneвы, но никто не пришел; считалось, что в Лионе преследования были настолько жестокими, что никто не осмеливался подвергать себя им. Поэтому Александр продолжал проповедовать в одиночестве, иногда в переулках, а иногда в верхней палате. Священники и их приспешники, всегда настороже, попытались схватить его, но едва евангелист закончил свою проповедь, как верующие, которые преданно любили его, окружили его, унесли и отвели в какое-то укромное место. Но Александр пробыл там недолго: задумчиво высунув голову и оглядев дом, чтобы убедиться, что никого нет на страже, он вышел, чтобы отправиться проповедовать на другой конец города. Едва он закончил, как его снова унесли, и верующие отвели его в какое-то новое убежище, "пряча его из одного дома в другой, - говорит хронист, - так что его нельзя было найти". [571] Евангелист был везде и нигде. Когда священники присматривали за ним в каком-нибудь пригороде на юге, он проповедовал на севере, на высотах, возвышающихся над городом. Он смело занял место в авангарде, он громко провозглашал Евангелие, и все же он был невидим.

Александр сделал больше, чем это: он даже посетил тюрьмы. Однажды он услышал, что двое хорошо известных в Женева людей, приехавших в Лион по делам, были брошены в тюрьму епископа по доносу женеvских священников: это были энергичный Бодишон де ла Мезон-Нев и его друг Колоньи. [572] Ворота открылись перед Александром: он вошел, и этот таинственный евангелист, поставивший в тупик лионскую полицию, оказался внутри епископальной тюрьмы. Если кто-нибудь из агентов, которые его разыскивают, узнает его, ворота для него больше никогда не откроются. Но Александр не чувствовал беспокойства; он поговорил с двумя женеvцами и увещевал их; он даже пошел и утешил других братьев, заключенных за Евангелие, а затем вышел из темницы, и никто не поднял на него руку. Священники и их агенты, разрываясь от досады, видя тщетность всех своих усилий, встретились и оплакивали друг друга. "Есть лютеранин, - сказали они, - который проповедует и беспокоит людей, собирая собрания здесь и там в городе, которого мы должны поймать, потому что он испортит весь мир, поскольку все бегут за ним; и все же мы не можем найти его или узнать, кто он". [573] Они усилили свои усилия, но все было бесполезно. Никогда еще проповедник столь необычным образом не избегал стольких ловушек. Наконец они начали поговаривать, что неизвестный проповедник, должно быть, обладает сатанинскими силами, с помощью которых он прошел невидимым через полицию, и никто не заподозрил его присутствия.

=МАРГАРЕТ И РУССЕЛЬ.=

Таким образом, Евангелие было провозглашено в первом и во втором городе Франции. Сорбонна и католическая партия были запуганы королем, и приближавшийся пасхальный праздник 1534 года мог предоставить парижским евангелистам поразительную возможность провозгласить свою веру. Это было то, чего желала королева Наварры. Некоторое время она провела в Алансоне, а также в Аржантане, недалеко от Кана, у своей невестки Катрин д'Альбре, настоятельницы монастыря Святой Троицы; наконец она вернулась в Париж. Священники не

осмеливались называть ее по имени, но они делали определенные намеки на нее в своих проповедях, которые их слушатели очень хорошо понимали. Обо всем этом было доложено Маргарите, которая не заботилась ни о том, чтобы успокоить, ни о том, чтобы наказать своих обвинителей, и ответила на них только тем, что еще больше постаралась продвинуть дело благочестия во Франции. Маленькие собрания нравились ей лишь наполовину: она хотела, чтобы евангелическое учение вошло в королевство через церкви, а не через "верхние палаты". Она желала бы для Франции реформации, подобной английской, которая, дав ей Слово Божье, сохранила своих архиепископов и епископат, свои соборы, свою литургию и свое величие. Королева Франции, она была бы ее Елизаветой; но, несомненно, с большим изяществом. Ее честолюбивым намерением было установить Евангелие в Соборе Парижской Богоматери. Она нанесла визит королю; она разговаривала с епископом ... Руссель будет проповедовать там. Он не отличался смелостью, но Маргарет поощряла его; кроме того, идея проповедовать Евангелие жителям Парижа в этом старом соборе была ему приятна. Поэтому он решил выполнить волю королевы.

Едва стало известно о намерениях Маргарет, как каноники пришли в смятение. Какой скандал! Что! неужели эти евангелисты, от которых они хотели очистить Францию, соберутся в соборе?... Ученик Лютера ... в храме, облагоустроенном столькими святыми епископами!... Обнаружив, что царь предал их, священники решили обратиться к народу. Эти фанатики без колебаний стали главарями толпы; они ходили по городу и пригородам, заходили в магазины, раздавали маленькие листовки и расклеивали плакаты: воодушевленные этой миссией, старейшие сорбонисты вновь обрели всю активность молодежи. "Мы должны любой ценой противостоять этим скандальным митингам", - заявили они. "Пусть люди соберутся у ворот Собора Парижской Богоматери и помешают евангелистам войти; или, если им это не удастся, пусть они заполнят собор и помешают Русселю взойти на кафедру, и заглушат его еретический голос криками верующих". Когда настал день, среди жителей Парижа произошло большое движение. Огромная толпа поспешила со всех соседних кварталов, окружила Собор Парижской Богоматери и заполнила все помещение церкви. Лютеране не смогли попасть внутрь, и Руссель был вынужден отказаться от своей проповеди. [574]

Казалось, что над Реформацией в целом веет попутный ветер: ее враги все еще сидели в тюрьмах, а друзья на свободе; Франциск, казалось, был более чем когда-либо в согласии со своей сестрой и протестантами Германии; и евангелическому оратору было разрешено проповедовать в Соборе Парижской Богоматери; однако на столицу внезапно обрушился сильный ураган. Благочестивый и деятельный христианин был там, чтобы расстаться с жизнью, и Париж стал свидетелем одновременно триумфа и мученичества.

=АЛЕКСАНДР В ЛИОНЕ.=

Однажды, через несколько недель после Пасхи, в столицу въехал человек, закованный в цепи: его сопровождали лучники, все они выказывали ему большое уважение. Они отвели его в консьержери. Это был Александр Канус, известный среди доминиканцев под именем отца Лорана де ла Круа. В Лионе, как и в Париже, Пасха была временем, назначенным евангелистами для смелого поднятия своего знамени. Ювелиры, которые были для Александра тем же, чем королева Наваррская была для Русселя, больше не удовлетворялись тайными проповедями. Были сделаны все приготовления к великому собранию; местность была благоустроена; благочестивые христиане ходили по улицам от дома к дому и сообщали о

времени и месте. Многих привлекло желание услышать учение, о котором так много говорили, и в день Пасхи бывший доминиканец проповедовал перед большой аудиторией. [575] Было ли это в церкви, в каком-то зале или на открытом воздухе? Летописец не сообщает. Александр глубоко тронул своих слушателей, и можно было бы сказать, что Христос воскрес в то пасхальное утро в Лионе, где он так долго пролежал в гробнице. Однако не все были настроены одинаково дружелюбно; некоторые бросали злобные взгляды. Александр больше не был невидимым: шпионы в собрании видели его, слышали, изучали его физиономию, обратили внимание на его *богохульства* и поспешили доложить о них своему начальству. [576]

Пока полиция выслушивала сообщения и принимала свои меры, во многих скромных домах раздавались голоса радости и освобождения. Божественный призыв был услышан, и многие были полны решимости повиноваться ему. Александр, принадлежавший к ордену *проповедников*, сочетал дар красноречия с искреннейшим благочестием. Соответственно, его слушатели попросили его снова проповедовать на второй день Пасхи. Собрание состоялось в понедельник и было более многочисленным, чем накануне. Все глаза были прикованы к евангелисту, все уши были внимательны, все лица сияли радостью; однако кое-где можно было увидеть лица, предвещавшие недоброе: это были агенты, которым поручено схватить таинственного проповедника. Собрание выслушало самую трогательную речь; но как раз в тот момент, когда друзья Александра захотели, как обычно, окружить его и увести, судебные исполнители, на этот раз более расторопные, вышли вперед, схватили его и отвели в тюрьму. Он предстал перед трибуналом и был приговорен к смертной казни. Этот жестокий приговор огорчил всех евангелистов, которые убеждали его подать апелляцию; он подал апелляцию, в результате чего его перевели в Париж. "Это было сделано не без великой тайны, - говорит Фроман, - и без великого провидения Божьего". [577] Люди говорили друг другу, что Павел, обратившись к императору, завоевал великую нацию в Риме; и они спрашивали, не мог бы Александр сделать то же самое в Париже. Евангелист отбыл в сопровождении капитана и его роты.

Капитан был достойным человеком: он ехал рядом с Александром, и вскоре они разговорились. Офицер допросил его, и бывший доминиканец объяснил ему причину своего ареста. Солдат слушал с удивлением; он заинтересовался этой историей, и мало-помалу слова благочестивого узника проникли в его сердце. Он услышал Божий зов и проснулся; он пережил несколько мгновений борьбы и сомнений, но вскоре уверенность в вере возобладала. "Капитан был обращен, - говорит Фроман, - когда вез его в Париж". Александр не остановился на этом; он поговорил с каждым из охранников, и некоторые из них также были привлечены к Евангелию. В первый вечер они остановились на постоялом дворе, и пленник нашел возможность сказать несколько добрых слов слугам и главам семейства. Это повторялось каждый день. Люди приходили посмотреть на странного пленника, они вступали с ним в беседу, и он отвечал на каждый вопрос. Он использовал в служении Евангелию все свое умение вести дискуссии. "Он был сведущ в доктрине софистов, - говорит современник, - получив хорошую прибыль и долго участь в Париже со своими товарищами (доминиканцами)". Время от времени люди шли и приводили деревенского священника или оратора, чтобы поспорить с ним; но их легко было заставить замолчать. Многие слушатели были просветлены и тронуты, а некоторые обратились. Покидая гостиницу, они сказали: "Поистине, мы никогда не видели человека, который бы лучше отвечал и ставил в тупик своих противников Священным Писанием". [578] Толпа увеличивалась от города к городу. Наконец Александр прибыл в Париж: "Чудесное дело!" - замечает хронист, "он был более полезен на постоянных дворах и в дороге, чем когда-либо прежде". [579]

=УЗНИК В ПАРИЖЕ.=

Вскоре об этом замечательном заключенном заговорили во многих кварталах Парижа. Дело было очень серьезным. "Монах, доминиканец, инквизитор, - говорили люди, - перешел к лютеранам и повсюду стремится сделать еретиками". Монахи его собственного монастыря подняли больше всего шума. Король, который заключил Беду в тюрьму, желал сохранить равновесие, доставив некоторое удовлетворение католикам. Его не беспокоили немецкие протестанты; он внимательно наблюдал за пылкостью ландграфа и не боялся, что вспыльчивый Филипп разорвет союз из-за монаха-доминиканца. Поэтому Франциск пустил дело на самотек, и Александр предстал перед судом парламента. "Назовите своих сообщников", - сказали судьи; и поскольку он отказался назвать сообщников, которых не существовало, председатель добавил: "Дайте ему ботинок". Палачи выдвинули доски и клинья, которыми они крепко сжали ноги евангелиста. Вскоре его страдания стали настолько тяжелыми, что, надеясь, что они обратили его в свою веру, они прекратили пытку, и президент еще раз призвал его назвать всех, кто, как и он сам, отделился от Римской церкви; но его нельзя было поколебать, и наказание началось снова. "Его несколько раз жестоко пытали, - говорят *Акты*, - с особой жестокостью". Палачи так туго вбили клинья между досками, в которые были заключены его конечности, что ему раздробило левую ногу. Александр громко застонал: "О Боже! - воскликнул он. - в этих людях нет ни жалости, ни сострадания! ... о, если бы я мог найти в тебе и то, и другое!" — "Продолжай", - сказал главный палач. Несчастный человек, заметивший Будея среди заседателей, обратил на него кроткий, полный мольбы взгляд и сказал: "Неужели здесь нет Гамалиила, который умерил бы жестокость, которую они проявляют по отношению ко мне?" [580] Знаменитый ученый, честный и справедливый человек, хотя и колебался в своих действиях, не сводил глаз с мученика, поражаясь его терпению. - Достаточно, - сказал он: - он слишком много замученных; вы должны быть довольны.' Budæus был властной личностью; его слова возымели действие, и *чрезвычайный геенну* прекратились. "Палачи подняли мученика и понесли его в темницу калеккой". [581]

=АЛЕКСАНДРА ПЫТАЛИ.=

Существовал обычай выносить приговор в отсутствие обвиняемого и сообщать ему об этом в Консьержери через клерка уголовного отдела. Возникла мысль произнести это в присутствии Александра; возможно, в своем ужасе он мог бы попросить о каком-нибудь облегчении, и таким образом они могли бы добиться признания. Но все было бесполезно. Суд устроил грандиозное представление, и толпа зрителей напрасно придавала торжественности: Александр Канус из Эвре в Нормандии был приговорен к сожжению заживо. Вспышка радости внезапно осветила его лицо. "Воистину, - говорили зрители, - стал ли он более радостным, чем был прежде!" [582]

Теперь священники вышли вперед, чтобы совершить священническое унижение. "Если ты произнесешь хоть слово, — сказали они ему, - тебе отрежут язык". - "Практика отрезания языка, - добавляет историк, - началась в том же году". Священники сняли с него священническое одеяние, обрили ему голову и совершили все *обычные таинства*. Во время этой церемонии Александр не произнес ни слова; только при одной из нелепостей священников он позволил себе улыбнуться. Они одели его в *robe de fol* — одежду из грубой ткани, какую носили беднейшие крестьяне. Когда благочестивый мученик увидел это, он воскликнул: "О Боже, есть ли на свете большая честь, чем получить в этот день ливрею, которую получил твой Сын в доме Ирода?" [583]

К фасаду здания подкатили тележку, обычно используемую для перевозки грязи или пыли. Несколько доминиканцев, его бывших собратьев, сели в машину вместе со смиренным христианином, и все направились к площади Мобер. Когда повозка медленно тронулась, Александр, встав, наклонился к людям и "обеими руками рассыпал зерно Евангелия". Многие люди, тронутые даже до слез, восклицали, что они предадут его смерти несправедливо; но доминиканцы тянули его за одежду и всячески досаждали ему. Сначала он не обратил на это внимания, но когда один из монахов грубо сказал ему: "Или отрекись, или придержи язык", Александр обернулся и твердо сказал ему: "Я не отрекусь от Иисуса Христа.... Отойдите от меня, вы, обманщики народа!"

Наконец они добрались до передней части эшафота. Пока палачи делали последние приготовления, Александр, заметив в толпе нескольких лордов и леди, а также простых людей, монахов и нескольких своих друзей, попросил разрешения обратиться к ним с несколькими словами. Церковный сановник, певчий Сент-Шапель, с длинным посохом в руках, руководил канцелярской частью церемонии, и он дал свое согласие. Затем, охваченный святым энтузиазмом, Александр исповедал "с великой горячностью и живостью ума" [584] Спасителя, которого он так сильно любил и за которого был осужден на смерть. "Да, - воскликнул он, - Иисус, наш единственный Искупитель, претерпел смерть, чтобы выкупить нас у Бога, своего Отца. Я говорил это и повторяю снова, о вы, христиане, стоящие вокруг меня, молитесь Богу, чтобы, поскольку его сын Иисус Христос умер за меня, он дал мне благодать умереть сейчас за него".

= ТРИУМФАЛЬНАЯ СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА. =

Сказав это, он сказал палачу: "Продолжайте". Подошли судебные исполнители, они привязали его к куче и подожгли. Дрова затрещали, пламя взметнулось вверх, и Александр, подняв глаза к небу, воскликнул: "О Иисус Христос, сжался надо мной! О Спаситель, прими душу мою!" Он увидел славу Божью; верою он распознал Иисуса на небесах, который принял его в свое царство. "Мой Искупитель!" - повторил он. "О мой Искупитель!" Наконец его голос смолк. Люди плакали; палачи говорили друг другу: "Какой странный преступник!" и даже монахи спрашивали: "Если этот человек не будет спасен, то кто же спасется?" Многие били себя в грудь и говорили: "Этому человеку причинили великое зло!" И когда зрители разошлись, они ушли, думая: "Удивительно, как эти люди позволяют сжигать себя, защищая свою веру". [585]

Римская партия, получив это удовлетворение, думала только о свержении папства в одном из государств Германии и о том, чтобы проложить путь к его упадку в королевстве Людовика Святого.

[551] Креспин, *Мартиролог*, фол. 111.

[552] Théod. de Bèze, *Hist. Еккл.* i. стр. 9.

[553] Креспин, *Мартиролог*, следующая версия 107.

[554] Слова *реформа* и *реформированный* особенно применимы к религиозному движению во Франции.

[555] Crévier, *Hist. de l'Université de Paris* v. p. 278.

[556] "Кто виноват в разжигании торговли". —Миконий Буллингеру, *Ep. Helvet. Ref.* стр. 121, 8 об.

[557] 'Edictum, omnem qui duobus testibus convinceretur lutheranus, statim exurendum esse.'—Bucer to Blaarer, Strasburg MSS.

[558] 'Res erit non absimilis inquisitioni Hispaniæ.'—Ibid.

[559] 'Nunc circa trecentos Parisiis jam captos.'—Bucer to Blaarer, Strasburg MSS.

[560] Его письма хранятся в семинарии в Страсбурге.

[561] 'Tum coegit Bedam ut privatim cum eis congregari oporteret.'—Letter of Oswald Myconius, *Ep. Helvet. Ref.* p. 121.

[562] 'Pessime enim nugas suas ad scripturas Dei adhibuit.'—Ibid.

[563] 'Inscitiam suam ostendere, quod et ei cessit in magnam ignominiam.'—Ibid.

[564] 'Beda conjectus est in carcerem, accusatus criminis læsæ majestatis.'—Cop to Bucer, Strasb. MSS. См. также Х. де Косте, стр. 77. Шмидт, стр. 106.

[565] *Lettres de la Reine de Navarre*, i. p. 299.

[566] 'Prorsus liberatus est theologorum calumniis, ac decreto regis absolutus.'—Cop to Bucer, Strasburg MSS.

[567] 'Quo multi commoti sunt et perturbati.'—Cop to Bucer, Strasburg MSS.

[568] Фромант, *Действия и поступки Женевы*, стр. 76.—Монетный двор находился недалеко от нынешней железнодорожной станции.

[569] Креспин, *Мартиролог*, фол. 106.

[570] Froment, *Actes et Gestes*, p. 74.

[571] Там же.

[572] Froment, *Actes et Gestes*, p. 75.

[573] Там же, стр. 74.

[574] Кост, *Привет. de Le Picard*, p. 46; Schmidt, *Mémoires de Roussel*, p. 107.

[575] Креспин, *Мартиролог*, фол. 106.

[576] Froment, *Actes et Gestes*, p. 75.

[577] *Actes et Gestes*, p. 75.

[578] Froment, *Actes et Gestes*, p. 75.

[579] Там же.

[580] Креспин, *Мартиролог*, фол. 107.

[581] Креспин, *Мартиролог*, фол. 107.

[582] Там же.

[583] Креспин, *Мартиролог*, фол. 107. Froment, *Actes et Gestes*, p. 76.

[584] Там же.

[585] Креспин, *Мартиролог*, версия 107. Froment, *Actes et Gestes*, p. 78.

ГЛАВА XXXIII.

ВЮРТЕМБЕРГ, ОТДАННЫЙ ПРОТЕСТАНТИЗМУ КОРОЛЕМ ФРАНЦИИ.

(Весна 1534 г.)

Идея исправления ошибок Церкви без смены ее правительства не была новой во Франции. Прагматической санкцией 1269 года Людовик Святой учредил свободы Галликанской церкви; и великая идея реформы получила широкое распространение со времен Констанцкого собора (1414), Клеменгиса и Жерсона. Оба дю Белле, как и многие священники, ученые и дворяне, считали это единственным средством успокоить волнения христианского мира, и Маргарита Валуа сделала это великим делом своей жизни.

=ИНТЕРВЬЮ ДЮ БЕЛЛЕ И БЮСЕРА.=

Уильям дю Белле на обратном пути из Аугсбурга, где он произносил такие благородные речи в пользу протестантских герцогов Вюртембергских, остановился в Страсбурге и провел несколько встреч с представителями тихоокеанского правительства. Его успех в Германии, беседы с евангелическими монархами и врачами, которые считали его таким же убежденным протестантом, как и они сами, наполнили его надеждой. Нигде те, кто желал избрать средний путь, не могли встретить большего сочувствия, чем в Страсбурге; там была целая система компромиссов со швейцарцами и с Лютером; почему бы не быть этому и с Римом? "Поскольку Лютер ни в чем не уступит, - сказал Буцер, - я приспособлюсь к его терминологии; только я буду избегать любых выражений, которые могут указывать на слишком локальное и слишком грубое присутствие тела Христова в хлебе". [586] Соответственно, Буцер со своими благочестивыми и умеренными друзьями Капито, Геддио и Зеллом с большим удовольствием приняли дипломатического посредника. Они удалились в библиотеку реформатора, где Дю Белле объяснил свой великий проект со всей серьезностью убежденного человека. "Это более важная работа, - сказал он Буцеру, - чем этот союз цвинглианцев и лютеран, который до сих пор был вашим единственным и постоянным занятием. Мы хотим осуществить слияние католицизма и Реформации. Мы сохраним *единство* первых; мы будем отстаивать *истину* последних." План Дю Белле был внизу, мы видим, как Лейбниц стремился сделать Боссюэ и Луи XIV. принять. Буцер был в восторге: это было то, чего он так долго добивался; дипломат предстал перед ним словно окруженный ореолом славы. И поэтому он часто говорил: "Если бы Господь воскресил много людей, подобных этому герою, царство Христа вскоре вышло бы из преисподней". [587] По словам Бюсера, Дю Белле замышлял очень опасное, но все же великое предприятие: это был труд, достойный Геркулеса.... Советник короля Франции был удовлетворен тем, что великий умиротворитель согласился с ним, и поспешил в Париж, льстя себя надеждой, что одержит победу более поразительную, чем победа Франциска I при Мариньяне или Карла V при Павии.

Все казалось благоприятным: Франциск, обрадованный своей встречей с ландграфом, никогда еще не был так расположен к примирению. Дю Белле пытался убедить его, что Германия вполне готова к *великому слиянию*. Меланхтон, которого почитала вся Германия, был (по его мнению) человеком времени, благодаря которому два противоположных течения смешали свои воды и образовали единый поток, несущий жизнь во все части. Разве не он сказал: "Сохраняйте все старые церемонии, какие только сможете: каждое новшество вредно для людей"? Разве он не заявил в Аугсбурге, что никакая доктрина не отделяет его от Римской церкви; что он уважает вселенский авторитет папы и желает оставаться верным Христу и Римской церкви? Маргарита Наваррская также говорила своему брату об этом великом и добром человеке: "Мягкость Меланхтона, - сказала она, - контрастирует с буйным нравом Цвингле и Лютера". Другие лица заметили королю, что Францию отличает от всех католических наций ее приверженность тем свободам Церкви, которые по этой причине были названы *галликанскими*. "Таким образом, - говорили они, - лишить папу его узурпированных привилегий было бы чисто французским предприятием".

Франциск слушал. Быть королем как в Церкви, так и в государстве, подражать своему дорогому брату Англии, который в душе был большим католиком, чем он сам, — таково было его желание. Дю Белле, заметив эту склонность, яростно трудился (по его собственному выражению) [588] над внедрением меланхтоновских идей во Францию. Он говорил о них при дворе и в городе, иногда даже перед духовенством, и везде встречал почти всеобщее одобрение. [589] "Двигайся только вперед", - сказали ему. Король возобновил чтение Библии, которое отложил в сторону после первых дней Реформации. Не то чтобы ему нравилось Слово Божье, но Библия была оружием, которое помогло бы ему одержать победу над императором. Разговаривая с окружающими его людьми, он цитировал какую-нибудь фразу из Священного Писания. Особенно ему понравились отрывки, где святой Павел говорит о *нагрудниках, щитах, шлемах и мечах*. Он действительно находил апостола чересчур духовным и мистическим; и в своем сердце он предпочитал шлем солдата *шлему спасения*; но с каждым днем он казался все более расположенным к Священному Писанию. [590] Маргарита была вне себя от радости. "Я согласен с немецкими протестантами", - сказал король Дю Белле. - Да, я согласен с ними по всем пунктам... кроме *одного!*" Дю Белле немедленно написал Буцеру и добавил: "Вы знаете, что это значит". [591] Франциск желал оставаться в союзе с Римом ради формы, хотя бы на волоске. Но Рим не довольствуется ниточкой.

=ФРЭНСИС СОТРУДНИЧАЕТ С НИМИ.=

Приближающемуся событию, казалось, было суждено решить, установится ли во Франции полуреформация. Король и его министр не сводили глаз с Германии и с нетерпением ждали, увенчается ли успехом предприятие, предпринятое в Бар-ле-Дюке для восстановления протестантских принцев на вюртембергском троне. В их глазах Вюртемберг был полем битвы, на котором дело папства должно было восторжествовать или быть разгромлено. Франциск надеялся, что в случае победы протестантов они вступят в войну, которая станет всеобщей. Если бы империя и папство пали под ударами своих врагов, начались бы новые времена. Европа была бы освобождена и от папы, и от императора, и Франциск получил бы большую выгоду как для себя, так и для Франции от этого славного освобождения.

Ландграф приготовил все для великого удара, который он собирался нанести. Одновременно благоразумный и деятельный, он не написал ни слова, которое могло бы его

скомпрометировать, но разослал своих доверенных советников во все стороны. Он лично отправился к курфюрсту Тревскому и курфюрсту палатинскому и пообещал им, что, если Вюртемберг будет возвращен своим законным правителям, брат Карла получит компенсацию в виде признания его королем римлян. Эти меры увенчались успехом у Филиппа, который немедленно сообщил об этом счастливом начале Франциску I.

В Пасхальный понедельник (1534 г.) Лувр демонстрировал все свое величие; многие придворные были пешими, поскольку Франциск должен был дать аудиенцию агенту господаря Валахии, который, как и герцог Вюртембергский, был лишен собственности Австрией. Глаза короля заблестели от восторга: "Швабский союз распущен", - сказал он посланнику. "Я посылаю деньги в Германию.... У меня там много друзей.... Мои союзники уже взяли за оружие.... Мы близки к тому, чтобы привести наш план в исполнение". [592] Фрэнсис был так счастлив, что не смог сохранить свой секрет.

=СТРАХИ В ГЕРМАНИИ.=

Однако все оказалось не так близко, как он себе представлял. Снова возникло старое препятствие, которое, казалось, остановит ландграфа. Другие евангелические князья и врачи делали все, что могли, чтобы помешать предприятию, которое, по мнению Филиппа, обеспечило бы им триумф. "Реставрация герцога Вюртембергского, - сказал мудрый Меланхтон, - породит великие беды. Даже Церковь окажется под угрозой из-за них. Ты знаешь мои предчувствия. [593] Все короли Европы будут замешаны в этой войне. Это дело, полное опасности не только для нас, но и для всего мира". [594] Астрология вмешалась в это дело и посеяла ужас среди людей. Лихтенберг, известный астролог, опубликовал несколько предсказаний, к которым он добавил определенные "чудовищные картины", [595] и сказал: "Француз (Франциск) снова попадет в руки императора; [596] и все, кто объединится с ним в ведении войны, будут уничтожены. Лев будет нуждаться в помощи и будет обманут лилией". [597] В таких выражениях немецкое пророчество провозглашало, что Франция (лилия) обманет Гессена (символом которого является лев): это показывает, насколько мало Германия доверяла французскому монарху.

Фердинанд Австрийский не доверял пророчеству и думал, что нападение ландграфа совсем близко. Сознывая собственную слабость, он обратился к папе и сказал ему через своего посланника Санчеса: "Экспедиция ландграфа - это опасность, которая угрожает Церкви и Италии... духовность и временность". Папа обещал все, но (по своему обыкновению) с решимостью ничего не предпринимать. Война, которая могла ослабить Карла, доставляла ему удовольствие, даже несмотря на то, что протестантизм должен был извлечь из этого выгоду. Климент, однако, созвал консисторию; в очень выразительных выражениях описал им опасность, грозящую империи и Церкви, но о помощи им - ни слова.... Фердинанд, еще более встревоженный, стал еще настойчивее, и дело было вынесено на рассмотрение конгрегации: "Увы! - сказал Климент кардиналам. - Невозможно скрыть от вас опасности, которые угрожают королю Фердинанду и австрийской державе. Они поражены настолько тяжелой болезнью, что простого лекарства было бы недостаточно для излечения.... Требуется энергичное средство ... но где его найти?" Кардиналы согласились со своим шефом; они считали, что, поскольку опасность угрожала только Австрии, Австрия должна была выпутаться из нее, как только сможет. Воспоминание о разграблении Рима империалистами в 1527 году еще не изгладилось

из сердец этих римских священников, и они не сожалели о том, что император был наказан еретическим бичом. Они решили, что, поскольку Рим не может предоставить достаточно крупную субсидию, они не будут предоставлять ее вообще. "Эта экспедиция, - с определенной откровенностью сказал Климент VII посланнику Фердинанда, - является всего лишь частным делом.... Но если ландграф коснется Церкви, тогда вы можете рассчитывать на мою помощь". Санчес, видя равнодушие понтифика и движимый печалью и негодованием, [598] решительно ответил: "Не обманывайтесь, святой отец.... Это дело не такое уж незначительное, как вы полагаете.... Оно дорого обойдется Римской церкви... и не только Церкви, но и городу и всей Италии.

=ПАПА РИМСКИЙ И АВСТРИЯ.=

Санчес, подобно Франциску и политикам, думал, что протестанты, одержавшие победу в Вюртемберге, не остановятся на столь славной карьере; что они соберут большую армию; и что с помощью Франции они перейдут Альпы и направятся в Рим, чтобы свергнуть преемника святого Петра и положить конец тому, что они считали властью антихриста. Это предположение привело Климента в ярость: он почувствовал, как диадема затряслась у него на голове, и сердито воскликнул: "А где император? Что он делает? Почему он не следит за состоянием своего брата и миром в Германии?" Карл V, совершенно не озабоченный проектом, который, однако, мог обеспечить триумф его соперника, спокойно наслаждался отдыхом под улыбающимся небом Испании, возлежа на берегах ее прекрасных рек, в тени апельсиновых и цитроновых деревьев и гигантских лавров. Папа набрался смелости на его примере, чтобы сделать то же самое. Если бы он ничего не предпринял, чтобы остановить протестантскую армию, папство могло бы пострадать; но если бы он что-нибудь предпринял, он мог бы отвести от австрийского дома страшный удар, который вот-вот обрушится на него, и спасти от поражения имперскую власть, которую он ненавидел. Понтифик откинулся на спинку своего апостольского кресла и приготовился к роскошному сну, думая, что пришло время проснуться ... когда опасность была у его собственной двери. "Увы! - говорили искренние католики. - Почему преемники святого Петра, рыбака и апостола, *облачены в мягкие одежды*, которые предназначены для тех, кто находится *в королевских домах*? Почему они жаждут этой придворной пышности и изнеженности? Почему они подражают *князьям язычников, которые властвуют над ними*? Христос нес крест". Политические страсти Климента VII погасили его церковное рвение. Светская власть пап никогда не была ничем иным, как препятствием для их духовной силы, мешающим ей свободно действовать. Суды Божьи вот-вот должны были свершиться.

В начале мая все пришло в движение в Гессене, Померании, Мекленбурге, Брауншвейге, Вестфалии и на берегах Рейна; ландграф готовился выступить против Австрии. Знамения действительно грозили задержать его. В Касселе, главном городе Гессена, ночью видели чудовище, таинственно и бесшумно разгуливающее по воде. [599] "Это верное предупреждение, - сказали старые карги и несколько горожан, - что принцу следует остановиться". Но Филипп холодно ответил: "Эти видения недостойны веры". Не обращая внимания на чудовище, Филипп, верхом на лошади и с копьем в руке, произвел смотр своей армии в среду, 6 мая, после полуночи, а затем отдал приказ выступить. Почти все офицеры и великое множество солдат принадлежали к евангелическому исповеданию. Увы! первая политико-религиозная армия шестнадцатого века, и эта кампания была первой германо-европейской оппозицией австрийскому дому. [600] История окутывает себя траурной вуалью,

указывая на эту эпоху; ибо тогда началось применение человеческой силы в интересах религии, вооруженная борьба между новым и старым временем.

=ФИЛИПП ПОБЕЖДАЕТ АВСТРИЙЦА.=

Австрийское правительство, покинутое папой, увидело, что оно должно помочь себе само, и приложило большие усилия со своей стороны. Все монастыри, капитулы и города Вюртемберга были вынуждены вносить большие суммы денег, а во главе императорской армии были поставлены самые опытные генералы итальянских войн. Австрийские солдаты двинулись маршем к Лауфену на Неккаре и там поджидали врага. Армия ландграфа, полная надежды и мужества, издала громкие крики радости, когда услышала об этом.

В Виттемберге все было не так. Меланхтон был опечален больше, чем когда-либо, и многие люди сочувствовали ему. С одной стороны, теологи Реформации ненавидели войну, но, с другой стороны, в определенные моменты они говорили себе: "И все же ... если Филипп возьмется за оружие, то только для того, чтобы вернуть законных принцев на престол их отцов и обеспечить свободный доступ к Слову Божьему!" — "О, какая жестокость в Римской церкви, - добавил Меланхтон, - какое идолопоклонство и какое упорство в их защите! Кто знает, не желает ли Бог наказать их защитников, если не полностью уничтожить это пресловутое зло навсегда? [601] О, если бы исход этой войны был выгоден Церкви Христовой!" Некоторое время спустя, когда Меланхтону рассказали о наступлении армии Филиппа Гессенского, этот мирный христианин снова дал волю своей тоске: "Эти движения идут вразрез с нашими советами", - сказал он, а затем, запершись в своем кабинете, воскликнул: "Посреди опасностей и скорбей, которым Бог подвергает нас, нам не остается ничего другого, как взывать ко Христу и ощущать его присутствие". [602] Затем он пал на колени перед Богом; и Бог, видевший его втайне, вознаградил его открыто. Но в то время как христиане плакали и молились, политики радовались и действовали. Дю Белле, в частности, не сомневался, что скорая победа укрепит союз Франции с немецким протестантизмом; и, понимая последствия, которые последуют за предоставлением его стране избирательных прав, он выразил свою радость.

Стремительный ландграф, воспользовавшись источником, одним прыжком преодолел местность, отделявшую его от Неккара, неожиданно прибыл на берега этой реки близ Лауфена, где стояла имперская армия, и яростно атаковал ее. Сначала австрийцы мужественно выдерживали бой; но граф палатин, их командир, был ранен пушечным выстрелом, и они поспешно отступили. Рано утром следующего дня ландграф, встав во главе своей кавалерии и артиллерии, напал на них, когда они начали отступать, и загнал часть их в Неккар. [603]

Вюртемберг был взят, и герцог Ульрих в сопровождении принца Кристофера вновь появился в стране своих отцов. Народ, взволнованный мыслью о том, что после стольких лет он снова увидит своих национальных князей, собрался на открытой местности близ Штутгарда и встретил их громкими возгласами одобрения. Ландграф, не желая поддаваться теплоте приема народа, которому он вернул независимость, последовал своему плану и 18 июня достиг австрийской границы. Все думали, что он пойдет походом на Вену и свергнет эту дерзкую династию, которая жаждала быть властелином мира.

=ТРЕВОГА В ВАТИКАНЕ.=

Велико было смятение во всем католическом мире, но особенно в Ватикане. 10 июня 1534 года больной Климент, опечаленный и пошатающийся, отправился в коллегия кардиналов и

положил перед ними жалкие письма, которые он получил от короля Фердинанда.

[604] Кардиналы, прочитав их, были поражены ужасом. Падет ли Вена, оказавшая сопротивление туркам, под натиском протестантов? Неужели победоносная армия, перейдя Альпы, придет и совершит второе разграбление Рима, которое, как дело рук еретиков, могло быть не более милосердным, чем дело рук католика Карла V. Кардиналы не видели другого средства, кроме того, к которому прибегнул Рим, когда у него закончились дукаты и аркебузы. "Всеобщий собор, - восклицали они, - это единственное средство, которое может спасти нас от ереси и всех бедствий, от которых страдает христианский мир".

В то время как в Риме был траур, в Лувре царило великое ликование. Прошло много времени с тех пор, как император получал такой чек. Примерно в конце июня курьер из Германии привез Франциску депеши, извещавшие о прибытии Филиппа Гессенского на австрийскую границу. Он не мог сдержать вспышки радости. Он разговаривал сам с собой, со своими советниками, со своими придворными.... "Друзья мои, - воскликнул он, - мои друзья завоевали Вюртемберг". Затем, словно ландграф и его победоносная армия были перед ним, он воскликнул командным тоном: "Вперед! вперед!" Его мечта вот-вот должна была осуществиться; война должна была стать всеобщей; он уже видел ландграфа в Вене; и, что было еще лучше, он видел себя в Генуе, Урбино, Монферрате и Милане. Всю свою жизнь он забывал Францию ради Италии, которой никогда не владел. Но он ошибался относительно намерений ландграфа. Как бы Франциск ни желал, чтобы война стала всеобщей, Филипп Гессенский старался сохранить ее локальность. Довольный тем, что вернул Вюртемберг его князьям, он намеревался уважать империю. Короли Франции и Англии были серьезно раздосадованы: "Герцог Вюртембергский восстановлен с моей и вашей помощью", - сказал Генрих VIII. Франциску I, "только ищет, как заключить мир с императором". [605] Из доказательств, полученных из *государственных бумаг*, следует, что золото Англии, а также Франции способствовало разграблению Австрией Вюртемберга. Генрих, возможно, больше, чем Франциск I, надеялся, что удар, нанесенный по берегам Неккара, станет началом скорби как для императора, так и для папы римского; но они оба ошибались. Искушение, без сомнения, было велико для тридцатилетнего принца, полного решимости и энергии, который верил, что ничто так не обеспечит триумф протестантизма, как унижение Австрии; но верность Филиппа устояла перед искушением.

= ВОССТАНОВЛЕН ВЮРТЕМБЕРГ.=

27 июня Каданский мир положил конец всем разногласиям и вернул Вюртембергу его национальных князей, имеющих право голоса в совете империи. Если бы никогда еще война не велась более энергично, никогда бы так быстро не был заключен мир. Ландграф проявил дух и таланты, которые, по мнению людей, могли в будущем доставить неприятности могущественному Карлу. [606]

Император получил свой урок, и следующим пришел черед папы. Поскольку государство Вюртемберг было вырвано из рук Австрии, Церковь должна была быть спасена из лап папства. На сейме в Аугсбурге в 1530 году герцог Кристофер видел, как ландграф, его родственник и друг, выступил как самый бесстрашный поборник Реформации. Его великодушное сердце было привлечено к делу, в котором участвовал такой благородный защитник, и его желанием было увидеть его триумф в Вюртемберге. С другой стороны, король Фердинанд, отказываясь от своей власти над герцогством, желал, по крайней мере, сохранить власть папы римского; и поэтому он предложил включить в мирный договор статью, запрещающую какие-либо изменения в

религиозных вопросах. Но герцоги, ландграф и курфюрст Саксонии единодушно заявили, что Евангелие должно свободно распространяться в герцогстве, и канцлер-выборщик написал это слово на полях, рядом со статьей, предложенной королем римлян: *Отклонено*. [607] "Вы ни в коем случае не связаны верой", - сказали князья-евангелисты Ульриху, в то время как папский нунций Верджеро умолял короля Фердинанда не уступать дорогу лютеранам. Все усилия римской партии оказались бесполезными. Важная победа ландграфа (и Франциска I) должна была вот-вот открыть ворота Вюртемберга для Реформации, а следовательно, и для других римско-католических стран.

Ульрих и Кристофер, столь же страстно желая привести души к познанию Слова Божьего, как и вернуть своих подданных под скипетр древнего дома Эмериков, [608] немедленно приступили к работе. Они пригласили в свои штаты Амброза Блаарера, друга Цвингле и Буцера, и Эхрарда Шнепфа, друга Лютера, обращенного с его помощью в Гейдельберге в начале Реформации. [609] Их труды и труды других слуг Божьих распространяют евангельский свет по стране. [610] И это еще не все: если поражение при Каппеле вернуло многие города к римскому вероучению, [611] победа при Лауфене позволила многим прийти к евангельской вере. Баден, Ханау, Аугсбург, Померания, Мекленбург и другие места начали, продвинулись или завершили реформацию примерно в это время. Никогда прежде французские деньги не приносили таких хороших процентов.

=КОРОЛЕВСКИЙ ПРОЕКТ.=

Теперь Франции предстояло выполнить еще более важную задачу. Мы видели, что в то время существовало две системы реформ: система Маргариты и система Кальвина. В порядке вещей было, что сначала должен быть испытан тот, кто оставался ближе всего к католицизму. Если бы самые выдающиеся личности того времени, которые искали в этом срединном пути последний и высший ресурс христианского мира, не увидели, что их усилия увенчались успехом, было бы необходимо предпринять или, скорее, энергично продолжать более простую, более основанную на Писании, более практичную и более радикальную реформу. Когда Маргарет потерпела неудачу, остался Кальвин. Реализация этой благовидной, но иллюзорной системы, рекомендованной в последующие годы Людовику XIV. написанный великим протестантским философом Германии, должен был предстать перед судом Франциска I. Повествование об этом эксперименте должно занять замечательное место в религиозной истории шестнадцатого века.

[586] Рерих, *Реформа в Эльзасе*, ii. стр. 274.

[587] 'Dominus excitet multos isti heroï similes.'—Bucer to Chelius.

[588] 'Adhuc vehementer laboratur.'—Du Bellay to Bucer.

[589] 'Omnes enim bene sperare jubent.'—Du Bellay to Bucer.

[590] 'Etiam rex ipse, cujus animus *erga meliores litteras* magis ac magis augetur.'—Ibid.

[591] 'Una tamen in re vehementer a Germanis abhorret.'—Ibid.

[592] Béthune MSS. 8493. Ранке, iii. стр. 456.

[593] 'Restitutio ducis Wurtembergensis brevi magnos motus pariet. Предсказания величин'. — *Корп. ссылка*. ii. стр. 706.

- [594] 'Magna et periculosa res universo orbi terrarum ac præcipue nobis.'—Ibid. p. 728.
- [595] 'Mit monstrosen Figuren.'—Seckendorf, p. 833.
- [596] 'Gallum iterum venturum in potestatem imperatoris Caroli.'—Ibid.
- [597] 'Leo carebit auxilio et decipietur a lolio.'—Ibid. Правильное прочтение, очевидно, *lilium* (лилия), а не *lolium* (плевелы). Предлог *a* указывает на то, что слово употреблено в символическом смысле.
- [598]"Долог и возмущен accensus replicui". —отчет Санчеса Фердинанду: Бухольц. Ranke.
- [599] 'Cassellæ nescio quid memorant noctu, super aquis monstri visum esse.'—*Corp. Ref.* ii. p. 729.
- [600] Ranke, *Deutsche Geschichte*, iii. p. 459.
- [601] 'Quid si Deus illa publica vitia tum punire, tum aliqua ex parte tollere decrevit?'—*Corp. Ref.* ii. p. 729.
- [602] 'Ut Christum invocare et præsentiam ejus experiri discamus.'—*Corp. Ref.* ii. p. 730.
- [603]Слэйдан, i. жизнь. ix, стр. 365. Ранке, iii. стр. 461. Роммель, ii. стр. 319.
- [604] 'In senatum pontifex venit, lectæque ibi sunt litteræ fratris Caroli.'—Pallavicini, *Конс. Труд.* i. стр. 294.
- [605]"Герцог Виттембергский, недавно восстановленный в правах средствами его и его доброго брата". —*Государственные документы*, vii. стр. 568.
- [606]Слэйдан, i. стр. 366-368. Ранке, iii. стр. 465-468.
- [607] 'Soll aussen bleiben.'—Sattler, iii. p. 129. Sleidan, iii. p. 369. Ранке, iii. стр. 481.
- [608]Вюртембергский дом может похвастаться своим происхождением от Эмерика, бургомистра дворца при Хлодвиге.
- [609] *Хист. из ссылки Шестнадцатого века*, том i. bk. iii. ch. ii.
- [610] 'Snepfius Stuttgardiæ pastor ecclesias in illo ducatu reformavit.'—Melch. Adami *Vitæ Germanorum Theologorum*, p. 322.
- [611] *Хист. из ссылки Шестнадцатого века*, том iv. bk. xvi. ch. x.

ГЛАВА XXXIV.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛУВРЕ ЗА ОБЪЕДИНЕНИЕ ИСТИНЫ И СОБОРНОСТИ В ЦЕРКВИ. (1534 г.)

Когда Вюртембергское дело было закончено, Дю Белле не думал ни о чем, кроме своего великого плана, а именно о Реформации в соответствии с идеями королевы Наваррской —

сочетании католицизма и истины путем объединения Франции и Германии. Они были не единственными, кого посещали подобные мысли: Руссель, Буцер и многие другие евангельские христиане спрашивали себя, не повлияет ли большой успех, достигнутый в Германии, на реформацию Франции. Значительно расширились сношения между двумя странами. Французы и немцы постоянно пересекали Рейн.

=СТУДЕНТ ВИТТЕМБЕРГА.=

В июле 1534 года королева Наваррская находилась в одной из комнат своего дворца: перед ней стоял застенчивый молодой человек, а в руке у нее было письмо, которое она, казалось, читала с живейшим интересом. Молодой человек был уроженцем Нима, по имени Клод Бадуэль. Он только что приехал из Виттемберга, где у ног Меланхтона и Лютера обрел знание о Спасителе. Он не был обычным студентом. Обладая сдержанными манерами, [612] щедрым сердцем, редким бескорыстием и большой твердостью в вере, он в то же время обладал высокообразованным умом. Он говорил по-латыни не только чисто, но и с большим изяществом, и его речи были столь же полны материи, сколь и гармонии. [613]

Как и многие другие молодые ученые, Бадуэль был очень беден, не имел средств к учебе и едва сводил концы с концами. Часто во время своего пребывания в Виттемберге он оказывался в своей маленькой комнатке, доведенный до крайности. Он издавал много стонов и молился тому Небесному Отцу, Который кормит птиц небесных. По мере приближения момента его отъезда его страдания возрастали. Как он мог совершить это путешествие? Что с ним будет во Франции? Он с грустью спрашивал себя, не следует ли ему бросить литературу и посвятить себя какому-нибудь физическому труду. Внезапно ему пришла в голову мысль обратиться к королеве Наваррской; и, отправившись к Меланхтону, он сказал ему: "Несчастье вынуждает меня оставить свободные искусства ради вульгарных занятий, которые моя натура и моя воля ненавидят с такой же энергией. [614] Напрасно я ревностно посвятил себя изучению Священного Писания и красноречия; напрасно я страстно желал добиться дальнейших успехов; жестокий враг — бедность — накладывает на меня свои варварские руки и вынуждает меня отказаться от призвания, которое доставляло мне радость. [615] И все же я полон решимости предпринять последнюю и решающую попытку. Королева Наваррская - своего рода провидение, почти божество для любителей литературы и искусства. [616] ... Умоляю, дорогой хозяин, дай мне письмо к ней".

Меланхтон, опечаленный бедственным положением молодого человека, чье тонкое понимание он ценил, без колебаний удовлетворил его просьбу. В те дни между принцами и литераторами было меньше этикета и формальностей и больше фамильярности, чем было с тех пор. 13 июня 1534 года, через месяц после битвы при Лауфене, магистр Германии написал сестре Франциска, чтобы представить ей ученого. Именно это письмо Бадуэль передал королеве, и она, обрадованная непосредственным общением с Меланхтоном, читала его с величайшим интересом.

"Конечно, это большая смелость, - писал прославленный реформатор, - для такого человека, как я, низкого положения и неизвестного вашему высочеству, [617] рекомендовать вам друга; но репутация вашего выдающегося благочестия, распространившаяся по всему миру, [618] не позволяет мне отказать честному и образованному человеку в услуге, о которой он меня просит. Гуманитарные науки никогда не могут быть поддержаны иначе, как щедростью принцев". Меланхтон закончил словами: "Никогда не было подаяния более королевского и более

полезного. Церковь, рассеянная по всему миру, давно причисляет ваше высочество к числу тех королей, которых пророк Исайя называет *кормящими матерями* народа Божьего, и позаботится о том, чтобы память о вашей доброте дошла до самых отдаленных поколений".

[619] Но "студент", это живое послание реформаторов, заинтересовало Маргарет не меньше, чем само письмо. Бадуэль видел и слышал их в их домах, на улице и с кафедры. "Поговори со мной, - сказала она с той любезной грацией, которая отличала ее, - Расскажи мне о Меланхтоне и Лютере; Расскажи мне, как они преподают и как живут, каковы их отношения со своими учениками и что они думают о Франции". Маргарет хотела знать все. Она расспросила его по нескольким вопросам, знание которых могло быть полезно для проектов, которые она задумала совместно с Дю Белле.

=ПОКРОВИТЕЛЬСТВО МАРГАРЕТ.=

Королева не забыла и самого молодого человека: наблюдая красоту его ума, живость его веры и возвышенность его души, она подумала, что защитить Бадуэля - значит подготовить избранный инструмент для распространения евангельских принципов во Франции. Благодаря ее заботе молодой человек, рекомендованный Меланхтоном, вскоре стал профессором в Париже. Впоследствии, когда в Ниме был основан колледж искусств, молодой врач решил пожертвовать выгодным постом, который он занимал в столице, чтобы посвятить свои заслуги городу, в котором он родился. Королева рекомендовала его консулам этого города на должность ректора их нового учебного заведения. "Я обеспечила его учебу", - сказала она им. Но преследования не позволили Бадуэлю служить Франции до конца; он был вынужден укрыться в Женеве, где стал профессором академии, основанной Кальвином. [620]

=МИССИЯ ЧЕЛИУСА=

Сообщения молодого человека из Нима укрепили Маргариту, короля и Дю Белле в их планах, и Франциск решил отправить за Рейн доверенное лицо, уполномоченное запросить у докторов Реформации набросок средств, наиболее подходящих для основания евангелического католицизма в Европе. Дю Белле выбрал для этой миссии не Бадуэля: он был слишком молод. Дипломат обратил внимание на Ульрика Челиуса, доктора медицины, уроженца Аугсбурга, в то время жившего в Страсбурге, большого друга Штурма и Буцера, которого король Франции неоднократно нанимал на различные переговоры. Умный, активный и одушевленный, как Буцер, с двойным желанием реформировать и в то же время объединить христианский мир, Челиус хорошо подходил для такой работы. Хотя он был немцем и, следовательно, досконально знал Германию, он обладал всей расторопностью француза; а то обстоятельство, что он не занимал высокого положения, делало его еще более пригодным для вступления в переговоры, которые должны были вестись тайно. Он покинул Страсбург и прибыл в Виттемберг в июле 1534 года.

Меланхтон был в то время сильно взволнован. Разногласия, отделявшие католицизм от реформы, и ссоры между цвинглианцами и лютеранами наполняли его тоской. Он часто ускользал от толпы людей всех возрастов, состояний и стран, которые постоянно наполняли его дом, стремясь увидеть его. [621] Сердце его жены сжималось от тревоги, когда она видела печаль своего мужа, и даже дети едва могли подбодрить его своими невинными улыбками. Будущее встревожило его.... "Какие печальные времена нависают над нами, - воскликнул он, - если только не найдется кого-нибудь, кто исправит существующие беспорядки!"... Мы движемся к нашей гибели.... Они прибегают к оружию... и государство и Церковь погибнут!" [622]

Как только Челиус прибыл в Виттемберг, он обратился к Меланхтону. "Король Франциск, - сказал он, - желает истины и единства. Почти во всем он согласен с вами и одобряет вашу книгу *Общих мест*. [623] Я уполномочен запросить у вас план по прекращению религиозных разногласий, которые тревожат христианский мир; и я могу заверить вас, что король Франции делает и будет делать все возможное вместе с папой римским, чтобы добиться гармонии и мира". [624] Ничто не могло пленить Меланхтона лучше. В этот период *умеренные* еще не отказались от идеи сохранения внешнего единства; они желали сохранить католицизм: даже Меланхтон не видел другого спасения для разделенного и взволнованного христианского мира. Соответственно, никогда еще послание не приходило в более подходящее время. Челиус был для него как ангел, сошедший с небес; луч радости озарил омраченное чело великого доктора. Он отправился навестить Лютера и поговорил с ним и другими друзьями о предложениях короля Франции. "Если бы несколько хороших и образованных людей, - сказал он, - собранных некоторыми государями, могли свободно и дружелюбно совещаться друг с другом, поверьте мне, было бы легко прийти к взаимопониманию друг с другом. [625] Невежественные люди ничего не знают об этом деле и делают зло больше, чем оно есть на самом деле". [626]

=РАЗНЫЕ МНЕНИЯ О ПРОФСОЮЗЕ.=

Меланхтон думал, что сможет объединить католиков и протестантов. Мы не должны этому удивляться, ибо в наши дни очень уважаемые, хотя и не очень дальновидные люди придерживаются той же идеи. Доктору Германии была дорога истина, но согласие, единство и католицизм были дороги не меньше. Церковь, по мнению Меланхтона и его друзей, должна быть универсальной, ибо искупление предназначено для всех людей, и все нуждаются в нем. Поэтому Церковь должна стремиться объединить всех детей Адама в общении с Богом на основании Христа, единственного Исккупителя. Он обладает силой, которая может охватить все человечество и подчинить себе все различия. Таковы были мысли, вдохновлявшие Меланхтона: если бы нужно было принести какие-то жертвы для сохранения кафоличности Церкви, он с радостью пошел бы на них; он скорее признал бы епископов и даже главу епископов, чем разрушил бы единство. "Не может быть и речи об упразднении управления Церковью, - сказал он; - главные люди среди нас горячо желают, чтобы принятые формы были сохранены настолько, насколько это возможно". [627] Друг Лютера принял этот вопрос так близко к сердцу, что начал лично обращаться к Дю Белле: "Я умоляю вас, - сказал он, - убедить великих монархов установить согласие, которое будет соответствовать благочестию. [628] Опасности, которые угрожают нам, таковы, что такой великий человек, как вы, не должен испытывать недостатка в деле государства и Церкви.... Но что я делаю?... Какая нужда побуждать вас идти, если вы уже бежите?" [629] *Католицизм и истина*: таков был девиз, выгравированный на оружии чемпионов, которые под покровительством короля Франции должны были появиться между двумя лагерями Рима и Реформации.

Меланхтон занялся набросками плана новой Церкви, которая с Божьей помощью и при поддержке *великих монархов* (Франциска I, Генриха VIII и, вероятно, Карла V.) должна была стать Церковью нового времени. В конечном счете это может стать одной из самых важных работ, когда-либо предпринятых человеком. Не только политики, но и все благочестивые, любящие и, возможно, слабые сердца, которые больше всего на свете боялись противоречий, горячо надеялись на успех этой героической попытки. *Главные люди*, по словам Меланхтона, разделяли его мнение и поощряли его проекты. И все же были простые, искренние христиане, с умом, преисполненным решимости ставить истину превыше всего, которые с беспокойством

наблюдали за этими теолого-дипломатическими переговорами. Ни Фарель, ни Кальвин, ни, вероятно, Лютер не были среди тех, кто сплотился вокруг знамени, поднятого Дю Белле и подхваченного Меланхтоном.

Однако этот благочестивый человек был далек от того, чтобы приносить в жертву истину. "Я полностью разделяю ваше мнение, - сказал он Буцеру, - что между нами и римским епископом не может быть соглашения. [630] Но, чтобы удовлетворить достойных людей, которые пытаются довести это великое дело до счастливого исхода, я изложу то, что должно быть существенными пунктами соглашения. "Тогда Меланхтон верил, и многие евангельские христиане во Франции, и особенно в Германии, также верили, что если реформа, хотя и неполная, однажды будет проведена, сила истины вскоре приведет к полной реформе. Поэтому он закончил свой набросок и отдал его Челиусу.

=ЗАПИСКИ ТРЕХ ДОКТОРОВ.=

Последний, вообразив, что спасение Церкви в его руках, поспешил в Страсбург, чтобы сообщить о проекте Меланхтона своим друзьям. Придя в дом Буцера (17 августа), он застал его за написанием ответа на *католическую аксиому* епископа Авраншского, заклятого врага протестантизма. Буцер отложил в сторону свои бумаги и взял бумаги виттембергского доктора, которые ему не терпелось увидеть. Он жадно перечитывал их снова и снова. "На самом деле здесь нет ничего, что могло бы кого-то оскорбить, - сказал он, - если люди имеют хоть малейшее представление о том, что означает царствование Христа. Но, мой дорогой Челиус, - добавил он, - союз возможен только между теми, кто истинно верит во Христа. То, что должна быть высшая власть, прекрасно! но это должен быть священный авторитет, чтобы каждый человек мог повиноваться ему со спокойной совестью. [631] Если мы хотим объединиться, все дополнения должны быть отброшены, и мы должны просто вернуться к учению Священного Писания и Отцов Церкви".

Челиус пожелал, чтобы Буцер изложил ему свое мнение в письменном виде. Реформатор поспешно составил мемуары, которые, получив одобрение коллег, 27 августа вручил своему другу. [632] Агент Фрэнсиса назначил этот день для его отъезда, но в последний момент он передумал и остался в Страсбурге еще на двадцать четыре часа. В этом городе был еще один врач, кроткий, благочестивый и твердый человек, старый друг Цвингле: [633] это был Хедио, и Челиус тоже поинтересовался его мнением. Затем, взяв с собой мемуары трех врачей, он без промедления отправился в Париж, убежденный, что католицизм и истина вот-вот будут спасены.

По прибытии в столицу Челиус передал бумаги Уильяму дю Белле, который немедленно положил их перед королем. Последний распорядился, чтобы епископ Парижа и некоторые представители знати, литераторы и духовенство, желавшие видеть объединенную, но реформированную Церковь, передали им эти документы. Получение этого ультиматума Реформации было событием огромной важности, и, соответственно, мемуары трех врачей с тревогой изучались в Лувре, во дворце епископа и в других домах столицы. Возможно, история совершила ошибку, обратив на это так мало внимания. Трое реформаторов, включая Англию, Франциска I и некоторых самых выдающихся людей той эпохи, требовали единой католической, но реформированной церкви. Казалось, что великое евангельское единство вот-вот осуществится. Не изложить ли нам более подробно предложение, представляющее такой большой интерес? Мы знаем, что есть люди, которые всегда ищут факты и сенсации, никогда не

беспокоясь о принципах и доктринах; но мудрые, напротив, знают, что миром движут идеи, и, каковы бы ни были возражения пытливых умов, история должна выполнить свою задачу и отвести мнениям то место, которое им принадлежит.

В это время в Лувре состоялось несколько собраний необычного рода, и от них, как считали некоторые, зависело будущее христианского мира. Мнения Меланхтона, Буцера и Гедии, запрошенные королем, доставленные Челиусом и представленные монарху Дю Белле, находились в кабинете его величества. Стены Лувра, которые были свидетелями такого легкомыслия нравов и которым впоследствии предстояло стать свидетелями стольких преступлений, услышали объяснение тех святых истин, в которых можно найти вечную жизнь. За столом, на котором лежали эти документы, без сомнения, сидели политики, которые в этом расследовании рассчитывали только на мирские выгоды, и Франциск был их главой; но были и серьезные люди, которые желали для новой Церкви как единства, так и реформ. Мы позволим высказаться реформаторам. Понятно, что они не присутствовали лично перед королем Франции; он попросил у них письменного совета, который, вероятно, был прочитан одним из Дю Белле. Но для краткости мы будем обозначать эти мемуары именами их авторов, поскольку говорят сами авторы, а не историк.

=РАССМОТРЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.=

Франциск I, страстно желавший как освободить Францию от ее подчинения папству, так и сформировать в Европе великую объединенную партию, способную победить Австрию и помешать ей, с благосклонностью прислушивался к Меланхтону и его друзьям; однако язык реформаторов показался ему немного более суровым и *еретическим*, чем он себе представлял. Некоторые из его окружения были довольны; некоторые были удивлены, а другие шокированы, и не без причины. Поместить умеренного Меланхтона рядом с миролюбивым епископом Парижа - ну и хорошо! но надеяться объединить непреклонного Лютера и пламенного Беду, благочестивого курфюрста и светского Франциска ... что за странное начинание! Давайте, однако, послушаем, ибо эти персонажи заняли свои места, и расследование вот-вот начнется. [\[634\]](#)

Буцер.

"В Церкви не может быть согласия, кроме как между теми, кто действительно принадлежит к Церкви. [\[635\]](#) Между Христом и Велиалом нет ничего общего. Мы не можем объединить Бога и мир.... Итак, каково большинство епископов и священников?... С прискорбием вынужден это признать.

Это представление показалось королю довольно высокопарным, но он сказал себе, что Буцер, несомненно, хотел с самого начала заявить о своей лояльности. Возможно, его коллеги будут более сговорчивы.

Melanchthon.

- В католической доктрине, говорят некоторые, есть несколько незначительных изъянов тут и там, в то время как мы и наши друзья поднимали большой шум без всякой причины.... Это

ошибка. Пусть понтифик и великие монархи христианского мира не закрывают глаза на болезни Церкви. [636] Напротив, они должны признать, что эти мнимые незначительные недостатки разрушают основные доктрины веры и приводят людей к идолопоклонству и явному греху".

Буцер.

"Если вы хотите установить христианское согласие, обратитесь к тем, кто истинно верит во Христа. [637] Те, кто не слушают Слово, не могут объяснить Слово.... Какие ошибки были допущены нечестивыми священниками! Должны ли мы обратиться к другим священникам, чтобы они исправили их, которые, возможно, превосходят первых по нечестию?"

На самом деле тихоокеанский Бацер и Меланхтон говорят так же смело, как Лютер и Фарель. Король и его советники начали беспокоиться, но новые примирительные слова возродили их надежды.

Буцер.

Мы уступим все, что можно, сохраняя веру и любовь к Богу. Мы восстановим каждый благотворный обычай, соблюдавшийся древними. У нас нет желания разрушать все, что стоит, и мы очень хорошо знаем, что Церковь здесь, внизу, не может быть без порока". [638]

~ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.~

Удовлетворение короля и его советников возросло, когда они перешли к церковному управлению. В Церкви должен быть порядок, заявили протестанты. Должно быть служение Слова; проверка пасторов и паствы, чтобы обеспечить дисциплину и мир. Служба, время, назначенное для совместного богослужения, место, где должна собираться Церковь, священные чины, временная помощь, необходимая для поддержки служения, забота о бедных: все это требует внимательного и верного управления. Эти принципы были сформулированы реформаторами, больше всего на этом настаивал страсбургский врач.

Буцер.

"Царство Христово не должно быть без правительства. Ни в каком месте порядок не должен быть более строгим, послушание - более полным, а власть - более уважаемой".

Франциск I и его советники с удовольствием выслушали эти заявления. Им сказали, что *мнимая* протестантская церковь состоит из атомов, которые не связаны друг с другом. Другие утверждали, что единственной высшей силой, признаваемой в нем, была сила определенных теократических пророков, таких как Томас Мюнцер и другие. Поэтому Франциск был удовлетворен, узнав, что, хотя они признавали всеобщее священство, в силу которого каждый верующий обращался к Богу в молитве, протестантизм сохранял особое евангелическое служение. Но что представляло собой это министерство, это правительство? Это король и его советники желали знать. Здесь, по нашему мнению, богословы-посредники ошиблись: желания короля должны были быть почти удовлетворены.

Melanchthon.

"Поскольку епископ возглавляет несколько Церквей, никто не может счесть неправильным, чтобы понтифик руководил в Риме несколькими епископами. У Церкви должны быть руководители, которые проверяли бы тех, кто призван к служению, судили по церковным делам и следили за учением служителей.... Если бы таких епископов не было, их следовало бы создать. [639] Один-единственный понтифик может даже служить поддержанию гармонии веры между различными нациями христианского мира".

Франциск был в восторге; но более решительные евангелисты смотрели на эту идею о папе-*евангелисте* как на мечту, которую следует воплотить в Утопию, описанную сэром Томасом Мором. Дополнительное заявление другого рода должно было понравиться королю еще больше.

Melanchthon.

Что касается притязаний римского понтифика на передачу королевств от одного правителя другому, то это не касается ни Евангелия, ни Церкви; и дело королей - бороться с этими несправедливыми притязаниями.

Теперь, когда эти уступки были предоставлены, реформаторы были готовы сделать так, чтобы громкий голос Реформации был услышан.

~ОПРАВДАНИЕ И МЕССА.~

Буцер.

"Первая из доктрин - это оправдание грешников".

Melanchthon.

"Прощение грехов должно сопровождаться изменением жизни; но это прощение дается нам не из-за этой новой жизни; оно приходит к нам только по милости и дается нам исключительно благодаря Христу".

Буцер.

Итак, таким образом, мы поступили с достоинствами, приписываемыми обрядам и молитвам монахов и священников: мы поступили со всей тщеславной уверенностью в наших собственных делах. Пусть благодать Божья больше не будет омрачена, а праведность Христа больше не будет умалена! Именно из-за крови своего единственного Сына Бог прощает нам наши грехи".

Франциск и его советники сочли, что *ортодоксальности* достаточно. Даже схоласты (по их словам) использовали этот язык в некоторых своих книгах. Они не возражали против мнения реформаторов об оправдании верой. [640] Но один момент встревожил их.... Что они скажут о мессе? Эта важная тема не была забыта.

Буцер.

-Что?! присутствовать каждый день на мессе без покаяния, без благочестия, даже не думая о тайнах, связанных с ней, будет достаточно, чтобы получить все виды благодати от Бога!... Нет!

когда мы совершаем таинство тела и крови нашего Господа, должно быть живое общение между Христом и живыми членами Христа". [641]

~ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ.~

Melanchthon.

"Месса - единственный узел, который мы не можем развязать; [642] ибо в ней содержатся такие ужасные злоупотребления ... изобретен для наживы монахов. Все нечестивые обряды должны быть запрещены, а другие установлены в соответствии с истиной".

"Месса должна быть сохранена, - сказал Франциск, - но глупые, абсурдные и нелепые легенды отменены". [643]

Французам не терпелось узнать учение реформаторов о таинствах: на самом деле это был самый неприятный момент из-за различий во мнениях разных докторов. Враги Реформации распространили по Франции слух, что таинства были для протестантов всего лишь церемониями, с помощью которых христиане показывают, что они принадлежат Церкви. "Нет, - сказали врачи, - эти внешние формы являются средствами, с помощью которых благодать действует внутри наших душ. Только это действие исходит не из расположения священника, совершающего таинство, а из веры того, кто его принимает". И вот тут возник важный вопрос: "Присутствует ли Христос в причастии или нет?" Буцер и его друзья ловко выпутались из этого затруднения.

Буцер.

"Тело Христово получают из рук причащающихся и вкушают их ртами", - говорят некоторые. Тело Христово распознается душой верующего и вкушается верой, говорят другие. Есть способ положить конец этому спору, просто признав, что, каким бы ни был способ принятия пищи, на Вечере Господней присутствует реальное *присутствие Христа*". [644]

Постепенно реформаторы становились все более оживленными.

Melanchthon.

Мы должны учить людей, что святые не более милосердны, чем Иисус Христос, и что мы не должны передавать им доверие, принадлежащее только Христу.

- Монастыри должны быть преобразованы в школы.

"Безбрачие должно быть отменено, ибо большинство священников живут в откровенной нечистоте". [645]

Буцер.

"У Церкви должен быть устав, в котором все будет решаться Священным Писанием; и для его составления требуется конференция ученых и благочестивых людей".

Хедуо.

"Это собрание должно состоять не только из богословов, но и из мирян; и, прежде всего, не следует предпринимать никаких шагов вперед до тех пор, пока папа и епископы упорствуют в своих заблуждениях и даже защищают их силой". [646]

Когда реформаторы составляли эти статьи, они постепенно начали испытывать некоторую надежду. Возможно, возможно, что единство будет восстановлено.... Тронутые этой мыслью, они подняли глаза к могучей руке, от которой ожидали помощи.

Melanchthon.

"О, если бы Господь Иисус Христос взглянул с небес и восстановил Церковь, за которую он пострадал, к благочестивому и вечному союзу, который мог бы заставить его славу сиять вдали!" [647]

Франциск и его советники в целом были удовлетворены; [648] но римские врачи с беспокойством смотрели на эти (для них) отвратительные переговоры. В Сорбонне и даже в Лувре поднялась суматоха. Все лидеры римской партии, имевшие голос при дворе, сделали почтительные заявления. Кардинал де Турнон добавил увещевания. Дю Белле держался твердо, но Франциск был не таков. Он заколебался и пошатнулся. Произошло событие, придавшее ему новый импульс и узаконившее в его глазах реформы, которых требовал его министр.

[612] "Нравы скромные".—Меланхтон королеве Наваррской, *Corp. ссылка.* ii. стр. 733.

[613] 'Non solum mundities et elegantia singularis, sed etiam quædam non insuavis copia.'—Ibid.

[614] 'Ad quasdam alias operas, a quibus et natura et voluntate abhorret.'—Ibid. p. 735.

[615] 'Paupertas, quasi manus iniecit.'—Ibid. p. 752.

[616] 'Velut in quodam numine.'—*Corp. Ref.* ii. p. 752.

[617] 'Homo infimæ sortis et ignotus Celsitudini tuæ.'—Ibid.

[618] 'Fama tuæ eximiæ pietatis quæ totum terrarum orbem pervagata est.'—Ibid.

[619] 'Et recensebit ad posteros universa ecclesia.'—*Corp. Ref.* ii. p. 733.

[620] Он умер там в 1561 году. См. Senebier, *Hist. Litt. de Genève*. Ch. le Fort, *Livre du Recteur*, p. 371. Хааг, *Протестантская Франция*, в котором содержится список многочисленных сочинений Бадуэля.

[621] 'Videres in ædibus illis perpetuo accedentes et discedentes atque exeuntes aliquos.'—Camerarius, *Vita Melanchthonis*, p. 40.

[622] 'Quanta dissipatio reipublicæ et ecclesiæ.'—*Corp. Ref.* ii. p. 740.

[623] 'In plerisque dicebat regem esse non alienum a libro Philippi quo *locos* ille tractat *communes*.'—Gerdesius, *Hist. Evang. обновление.* iv. с. 114.

[624] 'Regem Gallorum apud pontificem de pace et mitigatione tantarum rerum acturum esse.'—*Corp. Ref.* ii. p. 976.

[625] 'Si monarchæ aliqui efficerent ut aliqui boni et docti viri amanter et libere inter se colloquerentur.'—*Corp. Ref.* ii. p. 740.

[626] 'Et interdum præter rem tumultuantur.'—*Ibid.*

[627] 'Usitatum ecclesiæ formam conservare, quantum possibile est.—Тамже.

[628] 'Ut Celsitudo tua, propter Christi gloriam, hortetur summos monarchas.'—*Corp. Ref.* ii. p. 740.

[629] 'Sed nihil opus est, *te currentem*, ut dici solet, adhortari.'—*Ibid.*

[630] 'Assentior tibi, mi Bucere, desperandam esse concordiam cum pontifice romano.'—*Corp. Ref.* ii. p. 275.

[631] 'Dass die obere Gewalt eine heilige sey.'—Schmidt, *Zeitschrift für Hist. Theol.*

[632] 'Consentientibus symmistis meis.'—Consilium Bucer, Strasburg MSS.

[633] *Ист. из ссылки Шестнадцатого века*, том ii. bk. viii. ch. viii.

[634] Мемуары Меланхтона можно найти в *Corpus Reformatorum*, опубликованном доктором Бретшнейдером, ii. стр. 743-766. Я в долгу перед профессором Шмидтом за экземпляр мемуаров Буцера, который находится в Страсбургской библиотеке. Том, содержащий мемуары Хедии, исчез из архивов; мы, однако, нашли несколько выдержек.

[635] 'Concordia esse non potest nisi inter eos qui sunt de ecclesia.'—Consilium Bucer MS.

[636] 'Pontifex et summi reges agnoscant ecclesiæ morbos.'—*Corp. Ref.* ii. p. 743.

[637] 'Nisi inter eos qui Christo vere credunt.'—Consilium Bucer.

[638] 'Nec etiam ut nulla omnino labes tolleretur.'—*Ibid.*

[639] "Рассказы Креари". —*Корп. ссылка.* ii. стр. 746.

[640] 'Locum de justificatione, ut a nostris tractatur, *probare regem*.'—*Corp. Ref.* ii. p. 1017.

[641] 'Viva vivorum membrorum Christi communione.'—Bucer Consilium MS.

[642] 'Hic unus nodus de missa videtur inexplicabilis esse.'—*Corp. Ref.* ii. p. 781.

[643] 'Orationes et legendas multas ineptas et impias abrogandas aut saltem emendandas.'—*Ibid.* p. 1015.

[644] 'Veram Christi in cœna præsentiam exprimi.'—Bucer Cons.

[645] 'Plurimi in manifesta turpitudine vivunt.'—*Corp. Ref.* ii. p. 764.

[646] Schmidt, *Zeitschrift für Hist. Теолог.* 1850, с. 35.

[647] 'Ut Christus ecclesiam suam ... redigat in concordiam piam et perpetuam.'—*Corp. Ref.*

[648] 'Hos articulos Francisco regi non displicuisse multa sunt quæ suadent.'—Gerdesius, *Hist. Evang. обновление.* iv. с. 124.

ГЛАВА XXXV.

ЯВЛЕНИЕ В ОРЛЕАНЕ.

(Лето 1534 г.)

=ЖЕНА ХОЗЯИНА.=

КАЛЬВИН, как следует помнить, учился и проповедовал евангелие в Орлеане, и его учение оставило глубокие следы, особенно среди студентов и некоторых знатных дам. Жена городского ректора, по-видимому, была одной из душ, обращенных министерством молодого реформатора. Рассказ, который он посвятил ей, все подробности, в которые он вдается, показывают, какой интерес он проявил к ее обращению. [649] Эта женщина, занимавшая видное положение в городе, обрела покой для своей души в вере во Христа; она верила в обетования Слова, которые объяснил Кальвин; она остро ощущала ничтожество римской помпезности и суеверий; ей было достаточно благодати Божьей; и, мало заботясь о *внешнем украшении*, она стремилась к тому, *что не подвержено порче*, украшению женщин, которые верили в Бога. "Она лютеранка, - говорили некоторые. - она принадлежит к тем, кто слушал учение учеников Лютера". Ее муж, ректор, влиятельный человек, крупный землевладелец, уважаемый мировой судья, человек прямого, расторопного и энергичного характера, был тронут чистотой поведения своей жены и, не обратившись в Евангелие, почувствовал отвращение к римским суевериям и презирал монахов.

Ректорша (выражаясь языком рукописей) заболела, послала за адвокатом и продиктовала ему свое завещание. Лежа на одре болезни, с которого ей больше не суждено было сойти, полная живой веры во Христа, она чувствовала уверенность в том, что придет к своему Спасителю, и испытывала непреодолимое отвращение к совершению над ее могилой любых суеверных церемоний, которые обычно так сильно нравятся набожным женщинам. Соответственно, пока нотариус с пером в руке ждал записи ее последней воли, она сказала: "Я запрещаю любой колокольный звон и песнопения на моих похоронах, и ни один монах или священник не должен присутствовать со своими свечами. Я хочу, чтобы меня похоронили без помпы и без факелов". Юрист был несколько удивлен, но записал эти слова; и ее муж, который оставался рядом с ней и знал ее веру, пообещал, что ее желания будут свято исполнены. Когда она умерла, бранные останки этой благочестивой женщины были положены в гробницу ее отца и деда, и ничто иное не сопровождало их, кроме слез всех, кто ее знал, и молитв детей Божьих, составлявших маленькую евангелическую паству Орлеана.

=РЕКТОР И МОНАХИ.=

Когда церемония завершилась, настоятель проследовал в монастырь францисканцев, на кладбище которого состоялись похороны. Он был либеральным человеком и, хотя презирал монахов, не хотел причинять им зла даже внешне. Монахи, уже сильно раздраженные, не понимали, чего от них хочет магистрат, и приняли его очень холодно. "Поскольку вы не были призваны выполнять свой долг, - сказал он им, - вот шесть золотых крон в качестве компенсации". Монахи, которые считали смерть этой женщины большой неожиданностью, ни в

коем случае не удовлетворились шестью золотыми монетами; даже принимая их, они угрюмо смотрели на вдовца и клялись отомстить.

Вскоре после этого настоятель, решивший вырубить лес, которым он владел недалеко от Орлеана, давал указания своим рабочим, когда два монаха, следуя узкими тропинками, пролегающими через лес, прибыли к месту, где работали владелец и дровосеки, смело обратились к первому и потребовали от имени монастыря разрешения отправлять их повозку раз в день во время рубки, чтобы пополнить свои запасы. "Что?" - ответил настоятель, которого жадность монахов всегда вызывала отвращение. "По фургону в день! Присылайте тридцать, мои преподобные отцы, но (конечно) наличными. Все, чего я хочу, уверяю вас, - это хорошей скорости и хороших денег". [650]

Оба кордельера вернулись смущенные и раздосадованные и отнесли ответ своему начальству. Это было уж слишком: два оскорбления одно за другим! Монахи посоветовались между собой; они желали отомстить любыми средствами; такая ересь, если бы к ней относились терпимо, привела бы к гибели монастыря. Они обсуждали, как наилучшим образом преподать наглядный урок хозяину и всем, у кого могло возникнуть искушение последовать примеру его жены. "Эти джентльмены, желая отомстить, придумали мошенничество", - говорит Кэлвин. Среди выступавших особенно выделились два монаха: брат Колиман, провинциал и экзорцист, пользующийся большой репутацией среди серых монахов, и брат Стефан из Арраса, "почитаемый великий проповедник". Эти два доктора, желая показать городу, что монахов нельзя оскорблять безнаказанно, придумали "трагедию", которая, по их мнению, повсюду вызовет ужас перед лютеранством.

Брат Стивен взялся разыграть драму: он заперся в своей келье и сочинил в стиле самого вульгарного красноречия проповедь, которая, как ему казалось, повергнет всех в ужас. Весть о проповеди великого проповедника распространилась по городу, и когда настал назначенный день, он поднялся за кафедру и произнес перед многочисленной паствой (поскольку церковь была битком набита) "очень трогательную" речь, в которой он трогательно описал страдания душ в чистилище.... - Ты это знаешь, - воскликнул он, - ты это знаешь. Несчастные души, измученные огнем, спасаются бегством; они возвращаются после смерти, иногда в большом смятении, и молятся о том, чтобы им было даровано какое-нибудь утешение. Лютер, действительно, утверждает, что чистилища не существует.... Какой ужас! какое отвратительное нечестие!" "Монах ничего не забыл, - говорит Беза, - чтобы убедить своих слушателей в том, что души возвращаются из чистилища". Прихожане разошлись в большом волнении, и после этого малейший шум по ночам пугал набожных. Подготовив таким образом путь, дерзкие монахи устроили между собой ужасную драму, которая должна была отомстить за них настоятелю и его жене.

=ВИДЕНИЕ В МОНАСТЫРЕ.=

Следующей ночью монахи встали в обычный час и вошли в церковь, неся в руках свои антифоны или сборники гимнов. Они начали петь; их хриплые голоса заутреню ... как вдруг послышался ужасающий шум, исходивший, как казалось, с небес или, по крайней мере, с потолка церкви. Услышав этот "великий шум", пение прекратилось, монахи, казалось, пришли в ужас, а Колиман, самый храбрый, выступил вперед, вооруженный всем оружием экзорциста, и призвал злого духа; но дух не сказал ни слова. "Чего ты хочешь?" - спросил Колиман. Ответа не последовало. "Если ты нем, - продолжал экзорцист, - покажи это нам каким-нибудь знаком". На

это дух снова поднял шум. Слушатели, не посвященные в тайну, были охвачены ужасом. "Все идет хорошо", - сказали Колиман, Стивен и их сообщники. - "Теперь давайте распространим новость по Орлеану". На следующий день монахи посетили некоторых из самых значительных персон города, которые были в числе их приверженцев. "С нами случилось несчастье", - сказали они, не уточняя, что именно. "Придешь ли ты к нам на помощь и будешь ли присутствовать на нашей заутрене?"

Эти достойные граждане, желая узнать, в чем дело, не стали ложиться спать, а в полночь отправились в монастырь. Монахи уже собрались в церкви, чтобы пропеть свои сборники, гимны и ектении; они предоставили благочестивым мирянам хорошие места и дрожащими голосами начали распевать:

Доминируй! половые губы...

Едва были произнесены эти слова, как ужасающий шум прервал пение. "Призрак! призрак!" - воскликнули перепуганные монахи. Затем Колиман, у которого было "обычное снаряжение, когда он хотел поговорить с дьяволом", вышел вперед и, превосходно сыграв свою роль, спросил: "Кто ты?" — Тишина.— "Чего ты хочешь?" — Тишина.— "Ты что, немой?" — Тишина.— "Если тебе не позволено говорить, - сказал Колиман, - отвечай на мои вопросы знаками.... Для *"Да"* постучите два раза; и три для *"Нет"*. А теперь скажи мне... разве ты не призрак человека, похороненного здесь? Призрак начал стучать *Да*. Затем Колиман продолжил: "Ты призрак такого-то или такой-то?" - перечисляя последовательно многих из тех, кто был похоронен в церкви; но на каждый вопрос призрак отвечал *Нет*. После долгого обхода экзорцист наконец добрался до желаемого: "Ты призрак хозяйки?" Дух ответил громким *"Да"*. Казалось, тайна вот-вот прояснится: начался новый акт комедии. "Дух, за какой грех ты был осужден?" — спросил экзорцист. "Это за гордыню?" -*Нет!* "Это из—за распутства?" -*Нет!* Колиман, перебрав все грехи, перечисленные в Писании, наконец одумался и сказал: "Ты осужден за то, что был лютеранином?" На два стука ответили *Утвердительно*, и все монахи в тревоге перекрестились. - А теперь скажи нам, - продолжал экзорцист, - почему ты поднимаешь такой шум посреди ночи? Это для того, чтобы эксгумировать твоё тело?" —*Да!* Сомнений больше быть не могло: ректор страдала за свое лютеранство. Протокол был подготовлен заранее, но несколько свидетелей отказались его подписать, заподозрив какой-то подвох. Провинциал скрыл свою досаду и, желая еще сильнее возбудить их воображение, воскликнул: "Это место осквернено; давайте покинем его... как велют папские каноны". Тотчас же один из монахов схватил икону с *телом Господним*; другой схватил чашу; третьи взяли мощи святых и "остальные свои инструменты"; [651] и все убежали в зал капитула, где с тех пор совершалось богослужение.

=ДОЗНАНИЕ О ДУХЕ.=

Новость об этом деле вскоре достигла ушей чиновника епископа, и об этом много говорили во дворце. Францисканцы были там довольно хорошо известны. "Здесь кроется какой-то монашеский трюк", - сказал чиновник, уважаемый и честный священник. Он не мог скрыть своего отвращения к этому мошенничеству монахов. Он думал, что эти импульсивные кордельеры пойдут на компромисс и, возможно, погубят дело религии, вместо того чтобы продвигать его вперед, своими мнимыми чудесами. Одной из особенностей протестантизма должно было стать разоблачение хитрости, алчности и лицемерия священников, творящих чудеса. Необычайные действия божественной силы были проявлены во время сотворения Церкви, как и в то время, когда небеса и земля были впервые сотворены Словом Божиим. Разве

все творение не является чудом? Но Реформация с отвращением отвернулась от уловок римских шарлатанов, которые осмеливались подражать силе Божьей. Даже в католической церкви были здравомыслящие люди, разделявшие это мнение. В их числе был чиновник Орлеана, человек, занявший место, которое некоторые предназначали Кальвину.

Он взял с собой нескольких честных людей и отправился в церковь серых монахов, чтобы более подробно расспросить об этом факте. Он созвал монахов: брат Колиман серьезно рассказал всю историю, и чиновник, выслушав их рассказы, сказал: "Что ж, братья мои, теперь я приказываю, чтобы эти заклинания были исполнены в моем присутствии. — Вы, джентльмены, — сказал он кому-то из своей группы, — поднимитесь на крышу и посмотрите, не появится ли какой-нибудь призрак". - "Ничего подобного не делайте", - воскликнул монах Стефан из Арраса в большой тревоге. - "Вы потревожите духа!" Чиновник настаивал на том, чтобы заклинание было выполнено; но это было невозможно; священник сказал, что призрак должен появиться. экзорцист и призрак оба оставались немymi. Епископальный судья удалился, утвердившись в своих взглядах. "Вот призрак, который является только монахам, - сказал он своим спутникам. - он боится чиновника". Это происшествие, заставившее одних трепетать, а других улыбаться, вскоре стало известно всему городу; новость достигла темных и извилистых улиц, где жили студенты: один рассказал об этом другому, и все поспешили в университет. Там все было в смятении: некоторые были за монахов, большинство против них. "Пойдем и посмотрим", - воскликнул этот молодой Француз. Они тронулись в путь и, прибыв в большом количестве, по словам Кэлвина, вскоре заполнили церковь. Они подняли головы, они устремили свои взоры на крышу, ставшую такой знаменитой; но они ждали напрасно, с нее не доносилось ни звука. "Тьфу ты! - воскликнули они. - Это заговор, который монахи коварно замыслили, чтобы отомстить ректору и его жене. Мы все об этом узнаем". Эти любопытные и довольно резвые юноши бросились на крышу в поисках призрака; они искали его в каждом углу, как они это называли, но призрак был полон решимости, чтобы его никто не видел и не слышал, и студенты вернулись в университет, шутя на ходу.

=ХОЗЯИН ОБРАЩАЕТСЯ К КОРОЛЮ.=

Однако в Орлеане был один человек, который не шутил: это был мэр. Раздраженный оскорблением, нанесенным его жене, он обратился к закону: в монастыре была оставлена письменная повестка, но монахи отказались дать ответ, сославшись на неприкосновенность, которой они пользовались в силу своего церковного статуса. Настоятель, верный своему характеру, не желал упускать возможность преподать монахам суровый урок. "Как! - воскликнул он. - неужели эти негодяи сделают ее, покоящуюся с миром в могиле, предметом разговоров всего города? Если бы ее обвинили при жизни, я бы защитил ее, тем более я сделаю это после ее смерти!" Он решил изложить это дело королю и отправился в Париж.

История о призраке, который с большим шумом появился в орлеанском монастыре, уже достигла столицы и была повторена при дворе. Монахи, в общем, не пользовались там особой популярностью. Придворные вспомнили слова матери короля, которая благодарила Бога за то, что он научил ее сына и ее саму разбираться в "этих лицемерах, белых, серых, черных и всех цветов кожи". Особенно Дю Белле и его друзья с радостью восприняли историю, в которой были ярко показаны пороки старой системы и необходимость реформ. Как только проректор прибыл в столицу, он получил аудиенцию у короля. Фрэнсис, который не был известен своими

супружескими привязанностями, не мог понять эмоций вдовца; но, презирая монахов по крайней мере так же сильно, как его мать и сестра, и радуясь возможности претворить в жизнь новые реформаторские идеи, которые зрели в его голове, он решил воспользоваться случаем и смирить наглость монастырей. Он удовлетворил все просьбы провоста; он назначил членов парламента для расследования этого дела; и поскольку кордельеры ссылались на свои иммунитеты, Дюпра в качестве легата передал папской властью полномочия комиссарам продолжать.

День, когда королевские агенты прибыли в Орлеан, был днем скорби для части жителей этого города, но радости для большей части. Люди с удивлением смотрели на этих господ из Парижа, которые окажутся сильнее монахов и накажут их за их долгую тиранию. Толпа последовала за ними в монастырь и, когда они вошли, подождала, пока они не выйдут снова. О! как бы каждому из них хотелось посмотреть, что происходит в этих мрачных стенах! Члены парламента авторитетно поговорили с монахами, продемонстрировали свои полномочия и арестовали главных преступников, к великому ужасу всех остальных монахов. У ворот монастыря стояло несколько жалких повозок; лучники вывели дерзких монахов; и толпа, к своему невыразимому изумлению, увидела, как они, как вульгарные преступники, забираются в эти жалкие повозки, которые маршалка готовилась сопровождать. Какой невыразимый позор для учеников святого Франциска!

=МОНАХИ, УВЕЗЕННЫЕ В ПАРИЖ.=

Весть об аресте распространилась по всем ризницам, приходам и монастырям города, и повсюду поднялся крик о преследовании. В момент отъезда фанатичная и возбужденная толпа собралась вокруг повозок, в которых сидели преподобные отцы, совершенно расстроенные их несчастьем. Эти люди, некоторые из которых, без сомнения, были фанатиками, но среди которых было много тех, кто испытывал искреннюю привязанность к монахам, горько плакали; они издавали громкие причитания и вкладывали деньги в руки монахов, "как для поднятия настроения, - говорит Кальвин, - так и для помощи в их защите". [652] Но среди этой удрученной толпы можно было заметить некоторых горожан и насмехающихся студентов, которые восклицали: "Поистине, прекрасные воины, выступающие против Евангелия!" Некоторые высказывания Лютера перешли Рейн. и ходили слухи среди молодежи в школах: "Кто создал монахов?" - спросил один. "Дьявол", - ответил другой. "Бог сотворил священников, дьявол (как это всегда бывает) хотел подражать ему, но в своей неумелости он сделал макушку чересчур большой, и вместо священника получился монах". [653] Таков был исход преподобных отцов: они прибыли в Париж, и там их разделили и заперли в разных местах, чтобы они не могли совещаться друг с другом.

Обман был очевиден, но добиться признания было невозможно. Монахи поклялись хранить глубокое молчание, чтобы сохранить честь своего ордена и религии, а также спасти самих себя. Они вспомнили, что произошло в доминиканском монастыре в Берне в 1500 году: как туда явилась душа, чтобы освободиться из чистилища; как пять ран святого Франциска были нанесены бедному послушнику; и как по просьбе папского легата четверо виновных монахов были сожжены заживо. [654] Не могло ли такое же наказание быть применено к орлеанскому монаху? Они трепетали при одной мысли об этом. Напрасно, следовательно, члены парламента начали свое расследование; напрасно они ходили из одного дома в другой и входили в

комнаты, где были заключены эти преподобные отцы: монахи были угрюмы, непостижимы и молчаливее самого призрака.

Судьи решили попробовать все, что в их силах, с послушником, сыгравшим роль призрака; но если монахи были молчаливы, угрюмы и непоколебимы, то послушник был взволнован и напуган до полусмерти. Монахи изрекали самые страшные угрозы; и поэтому, когда его допрашивали, "он держался твердо, - говорится в Женевской рукописи, - опасаясь, что, если он заговорит, кордельеры убьют его". Затем судьи напомнили ему о власти парламента и защите короля. "Ты никогда не вернешься в руки монахов", - сказали они ему. При этих словах бедный молодой человек начал дышать; он оправился от сильного испуга; у него развязался язык, и он "объяснил все дело судьям", - говорит Беза. "Я проделал дыру в крыше, - сказал он, - к которой приложил ухо, чтобы услышать, что провинциал говорит мне снизу. Затем я ударил по доске, которую держал в руке, и ударил достаточно сильно, чтобы звук был услышан преподобными отцами внизу. Это было самое веселое, - добавил он.

=ИХ ОСУЖДЕНИЕ.=

Затем монахи столкнулись с послушником, который стойко отстаивал придуманный ими обман. Они были одновременно возмущены и встревожены, увидев, что этот жалкий негодяй восстал против их преподобия; но поскольку теперь отрицать этот факт было невозможно, они начали протестовать против своих судей и снова ссылаться на свои привилегии. Они были осуждены; возмущение было всеобщим, особенно сильно раздражался король. Всю свою жизнь он смотрел на монахов, черных или белых, как на своих личных врагов. Кроме того, ненависть, которую он испытывал к этому ленивому и невежественному стаду, была, как он думал, одним из его качеств как Отца Литературы. Его гнев разразился среди придворных: "Я снесу их монастырь! - воскликнул он. - и построю на его месте дворец для герцога!" (то есть для герцога Орлеанского, мужа Екатерины). Были собраны все члены парламента, как миряне, так и священнослужители. Надменный Колиман, красноречивый брат Стефан и их сообщники были вынуждены предстать перед судом, и приговор был торжественно вынесен. Их должны были доставить в тюрьму Шатле в Орлеане; там с них снимут платья, введут в собор, а затем, поставив на помост со свечами в руках, они должны будут признаться, "что с определенным обманом и преднамеренной злобой замыслили такое злодеяние". Оттуда их должны были доставить в их монастырь, а затем к месту публичной казни, где они снова признаются в своем преступлении.

Это сулило орлеанским зевакам еще более необыкновенное зрелище, чем то, которое представилось им, когда монахи сели в свои повозки. Каждый день они ожидали приведения приговора в исполнение, но правительство боялось показаться слишком благосклонным к лютеранам. Дело затянулось; некоторые монахи умерли в тюрьме; другим позволили бежать; и так закончилось дело, которое характеризует эпоху и показывает оружие, которое многие священники использовали против Реформации. Если приговор так и не был приведен в исполнение, моральное влияние этой истории было огромным, и мы сейчас увидим некоторые из ее последствий.

[649] Рукописный рассказ Кальвина, недавно обнаруженный в Женевской библиотеке доктором Ж. Бонне, был напечатан в *Бюллетене французской истории протестантизма*, iii. стр. 33.

[650] Это дело упоминается Слэйданом и Теодором Безой, оба из которых, по-видимому, видели повествование Кальвина.

[651] Кэлвин, *Привет. de l'Esprit des Cordeliers d'Orléans*. Geneva MS. (*Bulletin de l'Histoire du Protestantisme Français*, iii.) Беза, *Привет. Экклз.* стр. 11. Слэйдан, i. стр. 361.

[652] Рукопись Кальвина *Исторический вестник. du Prot. Франц.* iii. стр. 36.

[653] Лютери *Против.* xxii. стр. 1463.

[654] *История реформации Шестнадцатого века*, том ii. bk. viii. глава ii.

ГЛАВА XXXVI.

ФРАНЦИСК ПРЕДЛАГАЕТ СОРБОННЕ РЕФОРМАЦИЮ.

(Осень 1534 г.)

=ФРАНЦИСК ПРИЗНАЕТ СВОИ ОШИБКИ.=

Отвращение, вызванное самозванством орлеанских кордельеров, и шутки, которыми осыпали монахов в Лувре и по всему Парижу, послужили еще одним стимулом для короля преследовать свои союзы с протестантизмом. Однако он мало нуждался в новом стимуле; реформа, предложенная Меланктоном, была, по его мнению, приемлемой и выгодной, потому что она уменьшала власть папы и исправляла злоупотребления, несовместимые с новым светом, в то же время она оставляла нетронутым тот католицизм, от которого король не желал отделяться. В своих частных беседах с Дю Белле Франциск, отбросив всякую сдержанность, откровенно признал, что Римская церковь была на ложном пути, и сказал конфиденциальным тоном, что "Лютер был не так уж неправ, как говорили люди". Он не побоялся добавить, что ошибался скорее он сам. Таким образом, король Франции, а вместе с ним и вся страна, оказались на хорошем пути к реформированию.

Франциск решил ознакомить протестантских князей со своим мнением по поводу мемуаров Меланктона. "Мой посланник по возвращении в Париж, - писал он, - изложив мне мнения ваших докторов относительно курса, которого следует придерживаться, я тешу себя надеждой увидеть, что дела религии наконец вступят на путь справедливости". [655] Дю Белле, со своей стороны, вполне удовлетворенный впечатлением, произведенным на его хозяина мнениями евангелических богословов, сообщил магистратам Аугсбурга, Ульма, Нюрнберга, Мейнингена и других городов империи, что король Франции одобряет лютеранские доктрины и будет защищать протестантов. Таким образом, меланктоновская реформация была в разгаре, и люди уже готовили камни для здания реформированной католической церкви. Французское правительство не ограничивалось написанием писем, но, как ни странно! суверен, абсолютный монарх, не побоялся признать свои ошибки и выразить свое сожаление: он отправил в Германию тщательную палиноду. Тот, кто предавал смерти лютеран, был недалек от того, чтобы объявить себя лютеранином. В октябре и ноябре 1534 года агент Франциска I. посетил города Германской империи, повсюду объявляя, что "король теперь осознал свою ошибку в религиозных вопросах", [656] и что немцы, следовавшие за Лютером, *правильно мыслили в*

отношении веры во Христа. [657] Достоянные бургомистры и советники Германии были поражены такими словами и недоверчиво переглянулись; но французский посланник неоднократно заверял их, что король Франции желает реформы даже в своей собственной стране.... "Император, - добавил он, - желает силой оружия принудить протестантов придерживаться старого учения, но король Франции этого не допустит. Он послал меня в Германию, чтобы заключить с вами союз с этой целью". Таковы были странные новости, распространившиеся по ту сторону Рейна. Это дошло до ушей архиепископа Лунденского, который немедленно переслал его Карлу V.

Когда Франциск I в начале своего правления отменил прагматическую санкцию, он сохранил за собой право назначать епископов и, таким образом, подчинил Церковь государству. Казалось, пришло время сделать второй шаг. Необходимо было положить конец папским суевериям и злоупотреблениям, осуждаемым "Друзьями литературы", покровителем которых он себя называл, и таким образом удовлетворить протестантов; и путем мудрой реформы сохранить в Европе католицизм Церкви, который папы собирались разрушить своим невероятным упрямством. Таким образом, король выглядел бы лучшим защитником европейского католицизма, чем даже папа римский, и обеспечил бы себе то европейское превосходство, которым до сих пор обладал Карл V.

=ФРАНЦУЗСКАЯ ВЕРСИЯ СТАТЕЙ.=

Он должен взяться за дело и начать с духовенства. Король, видя, что было бы неразумно безоговорочно сообщать им мнения реформаторов в том виде, в каком они были прочитаны в Лувре, решил подготовить их новое издание, которое должно было содержать основные идеи. Похоже, что он доверил эту задачу многочисленной комиссии. [658] Уильям дю Белле и его брат, епископ Парижский, несомненно, были двумя главными членами церкви. Комиссары приступили к работе, исправляя, подавляя, дополняя, ударяя по некоторым популярным суевериям чуть сильнее, чем реформаторы, и, наконец, они подготовили мемуары, которые можно рассматривать как изложение того, что французское правительство подразумевало под предлагаемой реформацией. [659] Изменения, внесенные французами, вызвали большое недовольство среди немецких протестантов, и сам Меланхтон горько жаловался на них. [660]

Король, который в каждом преследовании проявлял отвагу и огонь, которые он так много доказал на поле битвы, поначалу, казалось, атаковал папство с той же решимостью, с какой он атаковал бы одну из армий Карла. Следует ясно помнить, что, по его замыслу, реформа, которую он готовил, несла с собой прекращение раскола и что его план должен был восстановить католицизм, разорванный на куски римской наглостью и неблагоразумием. Это замечание, если его должным образом взвесить, оправдывает смелость короля. Как нас уверяют, он отправил проект в Рим, прося папу поддержать или внести в него поправки. [661] Мы можем представить тревогу Ватикана, прочитавшего эти еретические мемуары. Затем дю Белле, взяв Сорбонну в свои руки, провел совещание с депутатами этого прославленного органа, все влияние которого когда-либо использовалось для поддержания искусственного единства, характерного для папства. "Господа, - сказал он им, - по приказу короля я попытался убедить германские церкви смягчить доктрины, по которым они отделились от Римской церкви, желая таким образом вернуть их к единству. Поэтому по приказу моего хозяина я вручаю вам настоящие статьи, чтобы получить от вас инструкции относительно того, что я должен сказать немецким врачам". [662] Депутаты, получив документ от Дю Белле, направили его в священный

факультет. Последний поручил изучить его "выдающимся людям, докторам, имеющим опыт в подобных вопросах", [663] которые немедленно приступили к работе.

=УЖАС СОРБОННЫ.=

Секретарь Сорбонны начал читать статьи: врачи слушали и вскоре начали переглядываться и спрашивать, правильно ли они расслышали. Достопочтенный комитет был взбудоражен, как поверхность моря внезапным шквалом. Они знали Франциска; они знали, что он не думал, что в его королевстве существует общество, достаточно смелое, чтобы ограничить его власть. Он ожидал, что слово из его уст будет расценено как указ от Бога. Поэтому врачи пришли к выводу, что если король желает такой реформы, ничто в мире не может помешать ему провести ее. Они увидели, что Церковь опустошена, а Рим лежит в руинах.... Это было началом конца. Их ужас и тревога возрастали с каждой минутой. Все священные силы, вся Церковь должны подняться и воскликнуть: "Остановитесь, сир, или мы погибнем!"

Французский автократ, однако, принял меры предосторожности, и даже размышляя о том, как бы лишить папу его власти, он напустил на себя приятный вид и приписал другим удары, направленные по его приказу против Рима. "Это *меланхтоновские* изделия", - сказали его министры. [664] Верно, но за спиной Меланхтона стоял Дю Белле, а за ним - король. Тактика, применяемая в этот момент Франциском I, характерна для всех времен; и если толпа иногда бывает обманута, разумные умы всегда распознали мысли верховного вдохновителя под пером скромного секретаря. Движение Франциска к независимости ни в коем случае не удивительно: вспышка гнева вполне по-французски, если не по-христиански. Во Франции всегда существовал дух свободы в том, что касалось Церкви; и самые благочестивые короли, даже Людовик Святой, защищали права своего народа перед святым престолом. Галликанские свободы, хотя они и представляют собой не более чем полуразрушенный механизм, все же являются памятником чего-то; и то, что обветшало сегодня, может быть восстановлено завтра. Таким образом, это было истинно французское чувство — это был тот скрытый аккорд, который вибрирует в глубине каждого великодушного сердца, от Ла-Манша до Средиземного моря, гармоничное звучание которого было слышно в этот важный период правления Франциска I.

Почтенной компании было нелегко оправиться от охватившей их тревоги. Что! на самом деле, не во сне, не в переносном смысле, ересь стоит у ворот Церкви Франции, введенная королем ... который учтиво предлагает ей руку!... Перепуганная Сорбонна подняла крик ужаса и собрала все свои силы, чтобы не допустить проникновения *еретика*. Они перевернули тома докторов наук; они противопоставили Сумму святого Фомы Посланиям святого Павла; они стремились всеми доступными им средствами решительно защищать схоластическую доктрину в присутствии Франциска. Виновной рукой короля был спущен на воду брандер: неужели этот принц воображал, что увидит, как славное судно, так долго бывшее владычицей морей, спешит спустить свой флаг? Команда была отважна, настроена на смертельное сопротивление и готова скорее взмывать в воздух вместе с кораблем, чем капитулировать. Борьба между королем и корпорацией вот-вот должна была начаться. Увы! Беды больше не было рядом, чтобы поддержать их, и пришлось прибегнуть к помощи других. "Магистр Балю был избран явиться в суд с реестрами, и магистр Жак Пети назначил его своим помощником". [665] Сорбонна была бедна ресурсами: сильные люди были в лагере Лютера, Кальвина и Меланхтона.

=МИНИСТРЫ И СОРБОННА.=

То, что было сказано при дворе между мэтр Балю, мэтр Пети и королем Франции, не было записано; но у нас есть мемуары, отправленные королем в Сорбонну, и ответ, возвращенный этим органом королю. Эти документы могут пролить свет на то, что происходило на конференции, и мы позволим им говорить самим за себя, представив первые под именем министров короля. Уильям дю Белле, его брат, епископ Парижа, и другие, вероятно, были лицами, уполномоченными королем совещаться с мастером Балю и мастером Жаком Пети. Они были борцами за совершенно разные цели — люди, которые затем встретились, вероятно, в Лувре, в присутствии Франциска I. И о которых мы сейчас услышим.

Министры короля.

"Чтобы установить настоящее согласие в Церкви Божьей, мы все должны сначала взглянуть на Христа; мы должны подчинить себя Ему и искать Его славы, а не нашей собственной". [666]

Sorbonne.

"Мы услышали добрые и святые слова его Величества, за которые мы все благодарим Бога, моля его даровать королю милость выстоять". [667]

Это, несомненно, был простой комплимент.

~ОБСУЖДЕННЫЕ ВОПРОСЫ.~

Министры.

"Прежде всего, давайте помнить, что учителям Слова Божьего не следует сражаться, как гладиаторам, и отстаивать все свои мнения *мордикусом* (зубами и ногтями); [668] но, скорее, подражая св. Огюстен в своих *Опровержениях* говорит, что они должны быть готовы немного уступить друг другу ... без ущерба для истины".

Sorbonne.

"Откройте глаза, сир; немцы желают, вопреки вашим католическим намерениям, чтобы мы уступили им, сократив некоторые церемонии и таинства, которые Церковь соблюдала до сих пор. Они хотят привлечь нас к себе, а не обратиться к нам". [669]

Министры.

- Вы ошибаетесь: были достигнуты важные уступки. Немцы придерживаются мнения, что епископы должны занимать главное место среди служителей Церквей, и что понтифик в Риме должен занимать первое место среди епископов. Но, с другой стороны, папская власть должна уважать совесть, считаться с их желаниями и быть готовой предоставить им некоторые послабления". [670]

Sorbonne.

"Не следует забывать, что церковная иерархия является божественным учреждением и будет существовать до скончания времен; что человек не может ни установить, ни разрушить ее, и что каждый христианин должен подчиниться ей". [671]

Министры.

"Установив кафоличность Церкви, давайте подумаем, какие реформы необходимо провести, чтобы сохранить ее. Во-первых, есть безразличные вопросы, такие как еда, праздники, церковные облачения и другие церемонии, к пониманию которых мы легко придем. Давайте остерегаться принуждать людей к посту заповедями, которые никто не соблюдает ... и *меньше всего тех, кто их делает*". [672]

Sorbonne.

"Никто не сопротивляется им, кроме людей, развращенных порочными страстями". [673]

=СВЯТЫЕ И УЧАСТНИКИ МЕСС.=

Министры.

"Некоторые учителя Церкви, используя святую просопопию, вводили в свои речи святых, которых они восхваляли, и молились об их заступничестве, как если бы они присутствовали перед ними; [674] но они хотели только вызвать восхищение этими благочестивыми личностями, а не получить что-либо их заступничеством.... Итак, пусть люди будут увещаемы не передавать святым то доверие, которое принадлежит одному Иисусу Христу. Воля Христа состоит в том, чтобы быть призванным и отвечать на молитву". [675]

Здесь французский разум позволил себе хитрый удар, который не пришел бы в голову немецкому разуму; и советники короля, решив нанести сильный удар, продолжили:

"Какие злоупотребления и беспорядки возникли из этого поклонения человеку! Обратите внимание на слова, песни, поступки людей в дни святых, возле их могил или возле их изображений! Обратите внимание на рвение, с которым праздная толпа спешит на пиры, игры, танцы и ссоры. Понаблюдайте за действиями всех этих ничтожных, невежественных, жадных священников, которые не думают ни о чем, кроме как класть деньги в свои кошельки; и тогда ... скажи нам, не уподобляемся ли мы во всем этом язычникам и не возрождаем ли их постыдные суеверия?" [676]

Ни слова из этого популярного описания дней святых вы не найдете в мемуарах Меланхтона: это полностью работа Франциска и его советников.

Sorbonne.

Давайте остерегаться того, что мы отказываемся от древних обычаев. Давайте обратимся с молитвами непосредственно к святым, которые являются нашими покровителями и ходатаями под руководством Иисуса Христа. Утверждать, что они не обладают прерогативой исцеления болезней, противоречит личному опыту вашего Величества и полученному вами от Бога дару исцеления королевского зла.... Давайте также воздадим должное статуям и изображениям, поскольку седьмой генеральный совет повелевает поклоняться им". [677]

Когда Сорбонна, чтобы защитить прерогативы святых, ссылалась на чудесные способности короля, они приводили аргумент, на который было опасно отвечать; и, соответственно, мы ничего не находим по этому вопросу в ответах противников факультета. Дискуссия, сойдя с этой

мели, перешла к действию, составляющему суть римской доктрины, и королевская рука, которая была даже более искусна в этой работе, чем в излечении от зла, еще раз хлестнула священников.

Министры.

"В Церкви должно быть живое общение членов Христовых. [678] Но, увы! что мы там находим? Толпа невежественных и грязных священников, чума общества, бремя для земли, ленивый народ, который ничего не может делать, кроме как служить мессу, и который, произнося ее, не произносит даже тех пяти понятных слов, которые предпочтительнее, как думает святой Павел, десяти тысяч слов на незнакомом языке.... Мы должны избавиться от этих наемников, от этих массовиков, которые пренебрегли этой священной церемонией, и мы должны заменить их святыми, образованными и опытными людьми. [679] Тогда, возможно, Вечеря Господня вернет утраченное ею уважение. Тогда вместо бессмысленной болтовни у нас будут псалмы, и гимны, и духовные песни. Тогда мы будем петь Спасителю, и каждый язык будет исповедовать, что Иисус Христос есть Господь, во славу Бога Отца.... Какая ложная уверенность, какое жалкое заблуждение заставляет столь многие души верить, что, посещая мессу каждый день, даже когда благочестием пренебрегают, они совершают поступок, полезный для себя и своих друзей, как в этой жизни, так и в той, которая грядет!" [680]

=ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ.=

Сорбонна отстаивала внешний механизм совершения таинства, которому их противники хотели придать духовный и живой характер, и без стыда и угрызений совести защищала материальные преимущества, которые духовенство извлекало из этого.

Sorbonne.

"Месса - это настоящая жертва, приносящая огромную пользу живым и умершим, и ее совершенство основано на страстях Иисуса Христа. Поэтому правильно даровать мирские дары тем, кто это празднует, будь они хорошими или плохими; и священников, которые их получают, не следует называть массовиками, даже если им платят". [681]

Теперь королевские министры пришли к весьма спорному учению о присутствии Христа в причастии.

Министры.

- Давайте отложим в сторону споры, которые так долго разделяли нас. [682] Давайте все признаем, что в евхаристии Господь действительно дает верующим свое тело для вкушения и свою кровь для питья, чтобы питать наши души в жизни вечной; и что таким образом Христос пребывает в нас, а мы во Христе. Будет ли это таинство называться Вечерей Господней, хлебом и вином Господними, мессой, евхаристией, праздником любви или жертвоприношением, не имеет большого значения. Христиане не должны спорить об именах, если они владеют вещами; и, как гласит пословица, "Когда перед нами медведь, давайте не будем смотреть по его следу". [683] Общение со Христом достигается верой и не может быть доказано человеческими аргументами. Когда мы говорим о теологии, давайте не будем впадать в матеологию". [684]

Сорбонна не могла не заметить этого побочного удара, направленного против схоластического стиля.

Sorbonne.

Для искоренения ереси очень полезно, а часто и просто необходимо использовать слова, которых нет в Священном Писании, такие как *пресуществление* и т.д. [685] Да, хлеб и вино действительно изменяются по сути, сохраняя только побочные эффекты и становясь телом и кровью Христа. Неверно, что *панитас* или *корпитас* хлеба сочетаются с *корпитас* Христа. Пресуществление осуществляется *мгновенно*, а не *последовательно*; и несомненно, что ни миряне, ни женщины не могут совершить это чудесное действие, а только священники".

Затем спор перешел к исповеданию, оправданию, вере, делам и свободе воли; после чего они перешли к практическим вопросам.

Министры.

"Добрые люди не просят, чтобы монастыри были разрушены, но чтобы они были превращены в школы; [686] чтобы таким образом щедрость наших братьев могла служить поддержанию не праздных людей, а людей, которые будут наставлять молодежь в здоровом учении и нравственности".

Sorbonne.

- Что? папа должен разрешить монахам покидать свои монастыри, когда они пожелают! Это ясно показывает нам, что немцы стремятся к свержению, крушению всякой религии". [687]

Министры.

- А что мешает нам восстановить свободу брака для служителей Церкви? Разве епископ Пафнутий не признал на Никейском соборе, что те, кто запрещает это, поощряют распущенность? В этой огромной толпе священников и монахов чистота жизни не может быть восстановлена иначе, как божественным учреждением, восходящим к Эдему". [688]

Sorbonne.

- Статья столь же опасная, как секуляризация монахов.

=СОБРАНИЕ МИРЯН И ДУХОВЕНСТВА.=

Министры.

"В этот век, когда все находится в брожении, [689] и когда так много сект поднимают свои головы в различных местах, интересы христианской церкви требуют, чтобы было собрание, состоящее не только из священников и богословов, но также из мирян и честных, разумных, мужественных судей, у которых в сердце слава Господня, общественная мораль и общая полезность.... Ах, с этим было бы легко согласиться, если бы мы думали о славе Христа, а не о нашей собственной!" [690]

Докторам Сорбонны не очень нравились совещательные собрания, где они заседали вместе с мирянами и даже с еретиками.

Sorbonne.

Берегитесь! ... следует опасаться, что еретики под предлогом объединения с нами замышляют ввести народ в заблуждение.... Разве мы не видели, как подобные собрания в Германии, созванные под предлогом согласия, не производили ничего, кроме разделений, разлада и бесконечной гибели душ?" [691]

Но Сорбонна напрасно предупреждала короля. Франциск в то время, несомненно, из политических соображений, выступал против доктрин, которых придерживались священники. Он желал освободиться дома от папского превосходства, которое предполагало направлять политику и религию его королевства; а за границей он знал, что союз с Англией и Германией может единственный разрушить подавляющее превосходство Карла V. И поэтому собрания Сорбонны становились все более и более возбужденными; врачи повторяли друг другу все тревожные сообщения, которые они слышали; царили скорбь и гнев; никогда, по их мнению, римско-католицизму во Франции не угрожала такая ужасная опасность. Больше не было нескольких малоизвестных сект, больше не было Брюи, Генриха Лозаннского, Вальдо, альбигойцев или вальденсов, нападавших на Церковь: нет! могущественные государства, Германия и Англия, отделялись от папства, и абсолютный монарх Франции пытался внедрить революционные принципы в свое королевство. Церковь, каким когда-то был ее Настоятель, была покинута своими друзьями. Вельможи, которым впоследствии предстояло объединиться вокруг Гизов, теперь хранили молчание; сам грубый и властный Монморанси казался немым; и, соответственно, в корпорации царили волнение и тревога. Некоторые ультрамонтанские фанатики предлагали обратиться к королю с петицией о том, чтобы он силой подавил ересь и поддержал римские догмы огнем и мечом. Более умеренные католики, с печалью наблюдая за столь дорогой им католицизмом, разрушенной расколом, искали более рациональные средства восстановления единства, разрушенного Реформацией. Всем было ясно, что враг у ворот и что нельзя терять времени, чтобы закрыть их.

=ОПАСНОСТЬ КАТОЛИЦИЗМА.=

Увы! им приходилось иметь дело не только с еретиками. Все мыслящие умы в Европе, и особенно во Франции, были поражены примером, поданным королем Англии, и члены римской партии думали, что Франциск собирается последовать тому же курсу в своем королевстве. Между системами этих двух князей действительно существовала разница. Генрих желал доктрины Рима, но не его епископа; Франциск принял епископа, но отверг доктрину. Тем не менее, поскольку каждая из этих реформ была тяжелым ударом по системе средневековья, они рассматривались как идентичные. Успех, который план Генриха имел в Англии, был показателем того, к чему приведет план Франциска во Франции. Два монарха, правившие по обе стороны Ла-Манша, были одинаково абсолютны.

Римские врачи, обнаружив, что их спор не увенчался успехом, решили действовать более хитрым способом и, не делая вид, что отвергают союз с Германией, выступить против еретиков, отстранив их от суда. "Сир, - сказали они Франциску, - ваши покорные слуги и самые послушные подданные теологического факультета умоляют вас спросить немцев, признают ли они, что воинствующая Церковь, главой которой (при Иисусе) является Петр и его преемники,

непогрешимы в вере и морали?" согласны ли они повиноваться ему как его подданные и готовы ли признать все книги, содержащиеся в Библии, [692], а также решения соборов, пап и докторов?" [693] Повиновение папе и традиции, без обсуждения доктрин, было их кратким изложением спора. Это не увенчалось успехом.

=ДОЛЖНЫ ЛИ КОРОЛИ БОЯТЬСЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА?=-

Доктора факультета, обнаружив, что король не желает им помогать, обратились к папскому нунцию. Они обнаружили, что он также был охвачен страхом. Они начали вместе консультироваться о наилучших способах сохранить Францию в общении со Святым престолом. Поскольку Франциск был глух к богословским аргументам, Сорбонна и нунций согласились, что необходимо использовать какие-то другие средства. Прелат отправился в Лувр, прихватив с собой предложение, сделанное в Сорбонне. "Сир, - сказал он, - не обманывайтесь. Протестанты нарушат весь гражданский и религиозный порядок.... Трон в такой же опасности, как и алтарь.... Введение новой религии обязательно должно привести к созданию нового правительства". [694]

Это был действительно лучший способ разрешить это дело; нунций нашел щель в доспехах, и король на мгновение пошатнулся; но поведение папы восстановило его уверенность. Рим начал действовать против Генриха VIII. как раньше он действовал против королей в средние века. Это действие, столь оскорбительное для королевского достоинства, привлекло Франциска к Реформации. "Если королевской власти и угрожает опасность, то она существует с обеих сторон", - подумал он. Он полагал даже, что опасность была большей со стороны Рима, чем со стороны Германии, поскольку протестанты этой страны выказывали своим князьям самую лояльную покорность и самое религиозное и глубокое уважение. Он заметил, что, хотя папа и желал лишить короля Англии его государств и освободить его подданных от повиновения, реформация, которую провел этот принц, не ущемила ни одного из его прав; что, действительно, поговаривали о восстаниях против Генриха VIII, но они были подняты Римом и его агентами. Просвещенные люди предположили Франциску, что в то время как папство держало народ в рабстве и вызывало восстания против трона, Реформация обеспечит порядок и повиновение королям, а народу - свободу. Кажется, его убедили ... по крайней мере, на данный момент. "Англия и я, - сказал он, - привыкли держаться вместе и управлять нашими делами в гармонии друг с другом, и мы будем продолжать это делать". [695]

Это новое движение со стороны Франциска придало смелости евангелистам. Они надеялись, что он пойдет до конца и не оставит папе даже того небольшого места, которое он намеревался зарезервировать для него. Если такой принц, как Людовик IX, сохранил права галликанской церкви в тринадцатом веке; если такой король, как Карл VII, восстановил церковную свободу в пятнадцатом; разве мы не увидим в этом всеобщем возрождении шестнадцатого века монарха, подобного Франциску I. освобождающего Францию от римского ига? Ценой огромных жертв он только что многое сделал для Вюртемберга, и неужели он ничего не сделает для своего собственного королевства? Друзья Реформации поощряли друг друга питать самые радужные надежды. "Какая благородная позиция!" - говорили они. [696] Всякий раз, когда они встречались, будь то в университете, в деревне или в городе, они обменивались поздравлениями. [697] По их мнению, старые вещи ушли в прошлое.

=БЕСПОКОЙСТВО РЕФОРМАТОРОВ.=

Но были и другие евангелисты — люди более решительные и более верующие в Священное Писание, — которые с недоверием смотрели на эти таинственные совещания между Франциском и протестантами Германии. Прекрасные речи Дю Белле и та замечательная конференция в Бар-ле-Дюке были в их глазах политикой и дипломатией, но не религией. Они чувствовали себя неловко и встревоженно; и когда они встречались, чтобы помолиться в своих темных собраниях, эти смиренные христиане с ужасом говорили друг другу: "Сатана забрасывает свою сеть, чтобы поймать тех, кто не на чеку. Давайте рассмотрим цвета, в которые он облачен". Удивленные и даже огорченные, они спросили, не странно ли утверждать, как это сделал Меланхтон, "что ни один порядочный человек не будет протестовать против монархии римского епископа", [698] и что, принимая во внимание определенные реформы, мы должны поспешить признать его!" Нет, римский епископат никогда не будет реформирован, сказали они. Переделывайте его по своему усмотрению, он всегда будет предавать свой властный дух, возрождать свои древние приемы и восстанавливать свое господство, даже при пожаре. Мы должны быть настороже.... Между Римом и Реформацией стоит вопрос простого "да" или "нет": папа или Иисус Христос! Неспособные победить новую Церковь в честном бою, они надеются задушить ее в своих объятиях. Далила убаюкает у себя на коленях пророка, которого сильные мужчины не смогли связать зелеными ивами и новыми веревками. Под предлогом защиты Реформы от злых влияний они хотят поместить ее, подобно полевому цветку, в какое-нибудь место без света и воздуха, где она увянет и увянет... это погибнет. Благодаря покровительству королевы Наварры, доблестного и резвого скакуна, который любил резвиться на лугах, вот-вот доставят в королевскую конюшню, где его украсят великолепной сбруей ... но его пасть будет деформирована удилами, бока порваны шпорами, и даже косички на гриве будут свидетельствовать о его деградации.

Это будущее не было зарезервировано за Реформой. В то время как мягкие и благоразумные голоса Меланхтона и Буцера усыпляли его, без сомнения, достаточно невинно, более смелые и свободные голоса, голоса Фареля и Кальвина, готовились разбудить его. В то время как документы примиряющих теологов лежали на бархатной обложке королевского стола, другой документ, огненные линии которого, казалось, были начертаны молнией, вот-вот должен был распространиться по королевству и быть вывешен даже у дверей королевских покоев слишком дерзкой рукой, которой суждено было вызвать в этом принце один из самых ужасных взрывов страсти, когда-либо зафиксированных в истории. Раздался бы громкий раскат грома, и за тяжелой атмосферой, которая подавляла умы людей, последовал бы чистый и оживляющий воздух. Ожидались яростные бури; но христиане библейской, практической и радикальной Реформации радовались, став свидетелями провала этого благовидного, но невыполнимого проекта, который был направлен на реформирование Церкви даже при сохранении римско-католицизма. От системы королевы Наваррской придется отказаться; система Кальвина восторжествует. Чтобы отстоять истину, евангелисты были готовы пожертвовать единством. Несомненно, следствием этого были бы яростные преследования, но они говорили друг другу, что лучше жить среди пробуждающихся ураганов, чем в ядовитых испарениях, которые убаюкивают людей, погружая их в сон смерти.

Ниже мы опишем событие, оказавшее столь заметное влияние на судьбы Реформации во Франции. Это были французы, которые вызвали его; именно француз был главным виновником; но именно из Швейцарии, как мы увидим, должен был прийти этот страшный удар, и в эту страну мы должны сейчас вернуться.

[655] 'Dadurch Ich in gute Hoffnung kommen die Sachen sollten auf gute Wege gerichtet werden.'
Этот немецкий перевод письма короля приведен в *Corp. Ref.* ii. стр. 828-835.

[656] 'Rex suus cognoscit nunc errorem suum in religione.'—Lanz, *Correspondance de l'Empereur Charles-Quint*, ii. p. 144.

[657] 'Quod isti Germani Lutherum sequentes de Christo et de fide illius recte sentiant.'—Ibid.

[658] 'Fuerunt illi (Melanchthonis articuli) a *quamplurimis* in Gallia excerpti, sed non integri verum mutilati.'—Gerdesius, *Hist. Evang. обновление.* iv. с. 124.

[659] Эти мемуары напечатаны в *Corpus Reformatorum*, ii. стр. 765-775; и хотя мемуары Меланхтона озаглавлены *Consilium Gallis Scriptum*, они озаглавлены *Idem Scriptum a Gallis editum*.

[660] 'Qua de re Melanchthon ipse conqueritur.'—Gerdesius, iv. p. 124.

[661] 'Eosdem articulos Romam misisse dicitur, quo pontificis ipsius quoque impetraret vel emendationem vel consensum.'—Gerdesius, *Hist. Evang. обновление.* iv. с. 124.

[662] D'Argentré, *De novis Erroribus*, i. p. 3553. Гердесий, iv. Приложение. xiii.

[663] Письмо теологического факультета Франциску I. Д'Аржантре, i. стр. 3953. Гердесий, iv. Приложение. xiii.

[664] Д'Аржантре, i. стр. 3953. Гердесий, iv. Приложение. xiii.

[665] Гердесий, i. Приложение. xiii. стр. 75.

[666] 'Necessarium ut in Christum omnes spectemus.'—Scriptum a Gallis editum, *Corp. Ref.* ii. p. 765.

[667] *Facultatis Theologiæ Parisiensis Responsum ad Regem Franciscum*, D'Argentré, i. p. 3953.—Gerdesius, iv. App. p. 75.

[668] 'Nec geramus alterutri gladiatorios animos nostra mordicus defendendi.'—Scriptum a Gallis editum, *Corp. Ref.* ii. p. 765.

[669] *Facultatis Theol. Париж. Resp. ad Regem.* Гердесий, iv. Приложение. стр. 75.

[670] 'Ut consulat conscientiis, aliquando concedere relaxationem.'—Scriptum a Gallis editum, *Corp. Ref.* ii. p. 766.

[671] 'Jure divino institutam, quæ usque ad consummationem sæculi perduratura est.'—Gerdesius, iv. App. p. 78.

[672] 'Quæ tamen nemo observat, atque hi minime omnium qui præcipiunt.'—*Corp. Ref.* ii. p. 767.

[673] Д'Аржантре, i, стр. 397. Гердесий, iv. Приложение. стр. 79.

[674] 'Pia mortuorum facta prosopopœia ... quasi præsentibus orasse.'—Scriptum a Gallis editum, *Corp. Ref.* ii. p. 768.

[675] 'Qui et velit invocari et velit exaudire.'—Ibid.

[676] 'Videbimus nos minime abesse a superstitione Ethnicorum.'—Scriptum a Gallis editum, *Corp. Ref.* ii. p. 768.

[677] 'Statuas et imagines sanctorum quas adorandas sept. кум. synodus decernit.'—*Facultatis Theol. Париж. Соответственно.*

[678] "Viva membrorum Christi communione".—Scriptum a Gallis, изд. *Ссылка на корпорацию.* ii. стр. 769.

[679] 'Semotis his missarum conducticiis nundinatoribus.'—Ibid.

[680] 'Præpostera ejus operis fiducia quæ plerosque sic seduxit.'—Ibid.

[681] 'Vocari non debent nundinatores.'—*Facult. Theol. Париж Соответственно*

[682] 'Sublatis quæ inter nos diu viguerunt altercationibus.'—Script. a Gallis ed., *Corp. Ref.* ii. стр. 770.

[683] 'Præsente urso, quod dicitur, vestigia non quæramus.'—Ibid.

[684] 'Theologiam sic tractemus ut non incidamus in matæologiam.'—Ibid.

[685] 'Utile et necessarium certa verborum forma uti, in sacra scriptura non expressa.'—*Facult. Theol. Париж. Соответственно.* стр. 82.

[686] 'Non petunt boni ut monasteria deleantur, sed ut sint scholæ.'—Script. a Gallis ed., *Corp. Ref.* ii. стр. 773.

[687] *Facultatis Theologiæ Parisiensis Responsum.* Гердесий, *История. Evang. обновление.* с. 76.

[688] 'In tanta sacerdotum et monachorum turba restitui aliter vitæ puritas non poterit.'—Scriptum a Gallis editum, *Corpus Reformatorum*, ii. p. 774.

[689] 'Hoc fermentato sæculo.'—Ibid.

[690] 'Perfacile autem coalescere possumus.'—Ibid.

[691] *Facultatis Theologiæ Parisiensis Responsum.* Гердесий, *История. Evang. обновление.* стр. 77.

[692] Включая апокрифические книги.

[693] *Facultatis Theologiæ Parisiensis Responsum.* Гердесий, *История. Evang. обновление.* iv. Приложение. стр. 77.

[694] Du Bellay, *Mémoires*, ed. Петито, Введение, стр. 123. Schmidt, *Hist. Теол.* стр. 36 (изд. 1850).

[695] 'England und Ich pflegen zusammen zu halten und sämtlich unsere Sachen vornehmen.'—Rex Galliæ ad principes protest. *Ссылка на корпорацию.* ii. стр. 830.

[696] "Quam pulchre staremus". —Штурм Меланхтону, CP.

[697] Там же.

КНИГА III.

ПАДЕНИЕ КНЯЗЯ-ЕПИСКОПА И ПЕРВЫЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ЗАЧАТКИ В ЖЕНЕВЕ.

ГЛАВА I.

ВОЗРОЖДЕНИЕ, РЕФОРМАЦИЯ, СРЕДНИЕ ВЕКА.

(1526 г.)

Реформация была необходима христианскому обществу. Возрождение, дочь как древнего, так и современного Рима, было движением возрождения, и все же оно несло с собой принцип смерти, так что везде, где оно не было преобразовано небесными силами, оно отпадало и искажалось. Влияние гуманистов — таких людей, как Эразм, сэр Томас Мор, а впоследствии и Монтеня, — было благоухающим ветром, который распространял свой аромат на высшие классы, но не оказывал никакой власти на низшие слои населения. В изящных сочинениях литераторов не было ничего для совести, этой божественно назначенной силы человеческой расы. Следовательно, работа эпохи Возрождения, будь она самостоятельной, неизбежно закончилась бы неудачей и смертью. В наши дни есть люди, которые думают иначе: они верят, что новое состояние общества возникло бы без Реформации и что политическая свобода обновила бы мир лучше, чем Евангелие. Это, несомненно, большая ошибка. В то время свобода едва ли существовала в Европе, и даже если бы она существовала, а вместе с ней не возникло господство совести, несомненно, что, хотя, возможно, она была достаточно могущественной, чтобы разрушить старые элементы порядка, господствующие в обществе, она была бы неспособна заменить их какими-либо лучшими элементами. Если даже в девятнадцатом веке мы иногда дрожим, когда слышим отдаленные взрывы свободы, то каково же должно было быть это чувство в шестнадцатом? Люди, которые вот-вот должны были появиться на театре мира, все еще были погружены в беспорядок и варварство. Все свидетельствовало о великих добродетелях нового поколения, но также и о бурных страстях; о божественном героизме, но также и о гигантских преступлениях; о могучей энергии, но рядом с ней - вялая бесчувственность. Обновленное общество не могло быть создано из таких элементов. Оно хотело, чтобы божественное дыхание внушало высокие мысли, а рука Божья повсюду устанавливала провиденциальный порядок.

В конце пятнадцатого и начале шестнадцатого века общество находилось в состоянии возбуждения. Мир был в напряжении, как тогда, когда скульптор собирается создать произведение, которое должно стать объектом всеобщего восхищения. Металл расплавлен, масса вытекает из печи, как раскаленная медь; но приближающаяся лава тревожит, и не без причины, встревоженных зрителей. В этот период мы становимся свидетелями борьбы, восстаний и реакции. Благоуханный дух Возрождения был не в состоянии обуздать зло и установить порядок и свободу. Казалось, что общество снова молодеет под дуновением старины; но везде, где знание Евангелия не сочеталось с развитием письменности, исчезали та чистота, смелость и возвышенность юности, которые поначалу очаровывали современников.

Плавка была остановлена, металл остыл, и вместо ожидаемого шедевра появились отталкивающие формы раболепия, безнравственности и суеверия.

=КРИЗИС И СРЕДСТВА СПАСЕНИЯ.=

Существовал ли какой-нибудь способ предотвратить столь фатальное будущее? Как посреди старого общества, которое разваливалось на куски, могло сформироваться новое, с какой-либо определенной перспективой жизнеспособности? Только в религии грядущий век должен был обрести свою живую силу. Если бы совесть человека была пробуждена и освящена христианством, тогда и только тогда мир устоял бы.

Возможно ли было искать этот возрождающий элемент в обществе, которое умирало? Это означало бы искать принцип жизни среди мертвых. Необходимо было прибегнуть к примитивным источникам веры. Евангелие, более человеческое, чем литература, более божественное, чем философия, оказывает на человека влияние, которого эти две вещи не могут иметь. Она спускается в глубины, то есть к людям, чего не сделала Эпоха Возрождения; она поднимается к высотам, то есть к небесам, чего философия сделать не может. Когда Евангелие возвысило свой голос во времена Реформации, люди прислушались. Оно говорило им о Боге, грехе, осуждении, прощении, вечной жизни — одним словом, о Христе. Человеческая душа обнаружила, что это именно то, чего она хотела, и была тронута, очарована и, наконец, обновлена. Движение было тем более могущественным, что доктрина, проповедуемая людям, не имела ничего общего с враждой, традициями, интересами расы, династий или дворов. Правда, впоследствии это смешалось с этими вещами; но вначале это был просто голос Бога на земле. Он распространил очищающий огонь по развращенному обществу, и был сформирован новый мир.

Старое общество, чье место вот-вот должно было быть занято, делало все, что было в его силах, чтобы противостоять свету. Страшный голос раздался из Ватикана; железная рука исполнила свои приказы во многих странах и задушила новую жизнь в ее колыбели. Испания, Италия, Австрия и Франция были главными театрами прискорбных трагедий, героями которых были Филипп II и Гизы. Но были души, можно даже сказать, народы, защищенные рукой Бога, которые с тех пор были подобны деревьям, листья которых никогда не увядают. [699] Умные люди, пораженные их величием, встревожились за народы, которые не орошаются теми же реками. Однако против такой опасности есть верное средство; оно заключается в том, чтобы все люди приходили и пили из тех источников жизни, которые дали протестантским нациям "все атрибуты цивилизации и могущества". [700] Или, может быть, они воображают, что, закрыв свои окна от солнца, свет распространится шире?... Начинается новая эра, и все оставшиеся в живых народы приглашаются к великому обновлению, божественным и могущественным органом которого является Евангелие.

=НОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЖЕНЕВЕ.=

В 1526 году Женева оказалась в положении, которое позволило ей принять новое семя нового общества. Союз с кантонами, приблизивший этот город к Швейцарии, способствовал появлению бесстрашных земледельцев, которые принесли с собой семена жизни. В Виттемберге, в Цюрихе и даже в верховьях озера Леман, в тех прекрасных долинах Роны и Альп, о которых проповедовал Фарель, божественное солнце пролило свои первые лучи. Когда женевцы заключали союз со швейцарцами, они думали только о том, чтобы найти опору для

своего национального существования; но они добились большего: они открыли врата дня и были готовы принять свет, который, обеспечивая их свободы, направит их души по пути вечной жизни. Таким образом, город должен был приобрести влияние, о котором никто из его потомков и не мечтал, и с помощью Кальвина, одного из самых благородных духов, когда-либо живших, "он был близок к тому, чтобы стать соперником Рима", как говорит историк (возможно, с небольшим преувеличением), "и вырвать у него власть над половиной христианского мира".

[701]

Если союз с кантонами открыл Женеву на стороне Швейцарии, то он воздвиг разделяющую стену между этим городом и Савойей, что было не менее необходимо для той роли, которую она была призвана сыграть в шестнадцатом веке. Долина реки Леман в то время была усеяна замками, руины которых до сих пор можно увидеть то тут, то там. Поскольку вторжения, грабежи и убийства были частью общественной жизни в средние века, дворяне окружали свои дома стенами, а некоторые даже строили свои жилища в горах. Из Женевы можно было увидеть замок Моннетье, стоящий на огромных отвесных скалах на горе Мон-Салев

J'aimais tes murs croulants, vieux moutier ruiné!

Naître, souffrir, mourir! devise triste et forte . . .

Quel châtelain pensif te grava sur la porte? [702]

Дальше, недалеко от Тонона, на уединенном холме, в тени пышных каштанов, стоял огромный замок Аллиндж, который до сих пор представляет собой величественные руины. Хозяева этих мест, энергичные, грубые, вольнонаемные и часто жестокие люди, устав от своей изоляции и безделья, собирали своих сторонников, опускали разводные мосты, устремлялись на большие дороги в поисках приключений и предавались жизни, полной набегов и грабежей, насилия и убийств.

Города с их торговцами и путешественниками вызвали особое отвращение у этих джентльменов-грабителей. Начиная с десятого века женевские путешественники и иностранные купцы, проезжавшие через Женеву со своими товарами, часто становились добычей бродячих разбойников соседних сеньоров. Это имело важные последствия для цивилизации и свободы. Видя, что дворяне постоянно восстают против общественного порядка, бюргеры научились восстать против деспотизма, убийств и грабежей. Женева получила один из таких уроков и воспользовалась им лучше, чем другие. [703]

=ПОНВЕРРЕ И САВОЙСКАЯ ЗНАТЬ.=

Во всех замках Женевы, Шабле и Плати-де-Во в 1526 году говорили, что союз Женевы со свободными швейцарскими кантонами угрожает правам Савойи, светской (и даже духовной) власти епископа и римско-католицизму. И поэтому раздраженная знать размышляла в своих цитаделях о средствах разрушения союза или, по крайней мере, нейтрализации его последствий. Франсуа де Тернье, сеньор Понверре, чьи владения располагались между Мон-Салевом и Роной, примерно в лиге от Женевы, ни о чем другом не думал ни днем, ни ночью. Благородный, честный, но жестокий человек; фанатичный враг бюргерства, свободы и Реформации; представитель средневековья, он поклялся сражаться со швейцарским союзом насмерть и сдержал свою клятву. Благодаря энергии своего характера и благородству своего дома Франсуа пользовался большим влиянием среди своих соседей. Однажды, после долгих

размышлений над своими планами, он покинул свою резиденцию в сопровождении нескольких всадников и посетил соседние замки. Сидя за столом с рыцарями, он поделился с ними своими опасениями и заклинал их выступить против проклятого союза. Он спросил их, не зря ли дворянам была дана привилегия носить оружие. "Давайте поторопимся, - сказал он, - и сокрушим новую и дерзкую силу, которая угрожает разрушить наши замки и наши церкви". Он повсюду бил тревогу; он напомнил дворянам, что они имеют право вести войну, когда им заблагорассудится; [704] и немедленно многие лорды откликнулись на его энергичные призывы. Они вооружились и, выйдя из своих опорных пунктов, покрыли окрестности Женевы подобно туче саранчи. Мало заботясь о политических или религиозных идеях, которыми был увлечен Понверре, они искали развлечений, грабежа и удовлетворения своей ненависти к горожанам. За ними наблюдали издали, с их конными спутниками, на больших дорогах, и они не бездействовали. Они никому не позволяли входить в город и уносили имущество, провизию и скот. Крестьяне и женевские торговцы, подвергшиеся столь позорному разграблению, спрашивали друг друга, будут ли *бандиты* поддерживать пошатнувшийся епископский престол.... "Если вы вернетесь, - сказали эти благородные разбойники с большой дороги, - мы повесим вас за шею". И это еще не все: несколько дворян, чьи замки находились у воды, занялись пиратством на озере: они грабили загородные дома у берега, сажали мужчин в тюрьмы, оскорбляли женщин и прервали всякое сообщение со Швейцарией.

= ДВОРЯНЕ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В РАЗБОЙНИКОВ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ.=

Однако с этими благородными грабителями возникла одна трудность: они случайно жестоко обошлись, сами того не подозревая, с некоторыми из своей группы, прибывшими из немецкой Швейцарии. Получив за это множество упреков, они по дороге посоветовались: "Что нам делать, - спросили они, - чтобы отличить женевцев?" Они наткнулись на любопытную уловку. Как только они замечали вдалеке каких-нибудь путешественников, они пришпоривали своих лошадей, подскакивали галопом и задавали незнакомцам какой-нибудь обычный вопрос, "рассматривая таким образом всех, кто проходил туда-сюда". Если путешественники отвечали по-французски, на женевском языке, рыцари-разбойники объявляли, что они *гугеноты*, и немедленно увозили их вместе с добром и всем прочим. Если жертвы жаловались, их не слушали; и даже когда они приходили с берегов Луары и Сены, их хватали и запирали в ближайшем замке. Таким образом были арестованы многие посланники из Франции в швейцарские кантоны, которые говорили как женевцы.

Франция, Берн и Женева горько жаловались, но сеньоры (по большей части савоярды) не обращали на это внимания. Наказывая этих бюргеров, они верили, что обретают рай. Они смеялись между собой над всеобщими жалобами и добавляли сарказма к жестокости. Однажды женевский депутат предстал перед Понверре, чтобы выразить протест против такого разбоя, на что надменный дворянин холодно ответил: "Скажите тем, кто послал вас, что через две недели я приду и подожгу четыре угла вашего города". В другой раз Де Лафонтен, синдик в отставке и мамелюк, когда он ехал по большой дороге, встретил гугенота и сказал ему: "Иди и скажи своим друзьям, что мы скоро прибудем в Женеву и сбросим всех горожан в Рону". Женевец ушел, мамелюкский священник окликнул его: "Подожди минутку", - сказал он, а затем злобно продолжил: "Нет, я думаю, будет лучше отрубить им головы, чтобы приумножить реликвии". Это был намек на голову Бертелье, которая была торжественно похоронена. На шумных банкетах, которые эти дворяне устраивали друг другу в своих замках, они рассказывали о своих ратных подвигах: анекдоты, похожие на только что процитированные, сменяли друг

друга под взрывы смеха: тема была неисчерпаемой. Политики, хотя и выглядели более умеренными, были не менее решительны. Они хладнокровно обдумали этот вопрос. "Я войду в Женеву с мечом в руке, - сказал граф Женевский, брат герцога, - и уведу с собой шесть десятков самых непокорных патриотов". [705]

Таким образом, средневековье, казалось, поднималось на защиту своих прав. Светская и духовная власть князя-епископа защищалась бандами разбойников с большой дороги. Но в то время как эти власти, которые притворялись законными, занимались грабежом, насилием и убийствами, "друзья свободы" готовились защищаться законно и сражаться с честью, как регулярные войска. Безансон Хьюз, переизбранный капитан-генералом через три дня после заключения союза со швейцарцами, подал сигнал. Немедленно горожане начали практиковаться в обращении с оружием в городе; а в сельской местности, где они были размещены в качестве аванпостов, они строго следили за всеми передвижениями джентльменов-разбойников. Опасаясь, что последние в довершение своего разбоя пойдут походом на Женеву, синдикаты заколотили железными решетками все окна в городских стенах, построили трое ворот, выставили охрану у остальных и натянули цепи поперек каждой улицы. В то же время они привели в гавань все лодки, спасшиеся от пиратских набегов знати, поставили часового на колокольне Сен-Пьера и приказали, чтобы город был освещен всю ночь напролет. Этот маленький народ восстал как один человек, и все были готовы отдать свои жизни, чтобы защитить свои товары и торговлю, своих жен и детей, а также сохранить свои старые свободы и свои новые устремления. [706]

=ЖЕНЕВСКАЯ ДЕПУТАЦИЯ В БЕРН.=

Будучи столь решительными против своих врагов с оружием в руках, граждане проявляли умеренность по отношению к своим безоружным врагам. Некоторые из тех, кто был наиболее раздражен, желая отомстить, попросили разрешения на *фуражировку*, то есть захватить имущество нелояльных и беглых мамлюков. "Это совершенно справедливо, — говорили они, - ибо их измена и разбой довели Женеву до крайней нищеты: мы вернем только то, что они у нас отняли". Но Хьюз, друг порядка, равно как и свободы, ответил: "Давайте возбудим дело против обвиняемых; давайте осудим их на более или менее суровые наказания; но давайте воздержимся от насилия, даже если создается впечатление, что справедливость в нашу пользу". - "Фракция герцога, - отвечали эти вспыльчивые люди, - не только ограбила нас, но и устроила заговор против города". и принимал участие в пытках и убийствах, которым подвергались граждане.' Синдикаты не были убеждены, и собственность преступников была соблюдена; но после тщательного расследования они были лишены прав гражданства. [707]

Швейцарские кантоны, недовольные тем, что женевцы, оказавшиеся в тяжелом положении, не оплатили расходы, понесенные от их имени, потребовали для мамлюков большего, чем разрешил совет: они потребовали, чтобы всем им разрешили вернуться в город. Но принять тех, кто вел против них войну, женевам казалось невозможным. Они послали в Берн двух добрых гугенотов, Франсуа Фавра и Бодишона де ла Мезон-Нев, выступить с заявлениями по этому вопросу. Депутаты были допущены в большой совет 5 июня 1526 года. В тот же день был принят и губернатор Савойи де Люллен, который от имени герцога подал серьезные жалобы на Женеву. Фавр, быстрый, нетерпеливый, страстный человек, ответил в *грубых выражениях*. Бернцы твердо придерживались своего решения и сделали выговор женевскому депутату, который

откровенно признал свою вину: "Да, - сказал он, - я *слишком горяч*; но я ответил скорее как частное лицо, чем как посол". Вернувшись в свою гостиницу, он подумал, что выплата суммы, требуемой бернцами, все уладит, и в тот же день написал совету Женевы: "Ваш покорный слуга просит сообщить вам, что вы должны отправить обещанные деньги милордам Берна. В противном случае, пусть улетает из города тот, кто может! Вы думаете, что можете обещать и не быть обязанным сдержать свое слово? Найдите деньги, или вы пропали. Прошу вас, предупредите мою жену, чтобы она могла приехать в Лозанну. Я служу за свой счет, и все же я должен платить и за других. Не разрушайте благородное дело из-за такого пустяка. Если Берн будет доволен, у нас все будет в порядке с мамлюками". [708]

=ОСУЖДЕНИЕ КАРТЕЛЬЕ.=

Дворяне-разбойники были не единственными сторонниками средневековья. В ту эпоху были свои великие люди, но во время ее падения у нее были лишь жалкие представители. У рыцарей большой дороги были свои товарищи среди городских интриганов. К числу последних мы можем отнести Картелье, сыгравшего свою роль в заговоре с целью передачи Женевы Савойе. [709] Этот человек, ненавидевший независимость и Реформацию даже больше, чем Понверре, должен был из-за гнева горожан и алчности епископа пострадать за преступления, в которых была виновна его партия. Совершенно лишенный стыда, он ходил взад и вперед по городу, как будто ему нечего было бояться, и когда ему случалось встретить негодующий взгляд гугенота, он не поддавался гневу, которым ему угрожали, напуская на себя вид презрения и вызова. Богатый, умный, но с низким характером, он ухитрился стать гражданином, чтобы участвовать в самых коварных интригах. Однажды его схватили, несмотря на его дерзкий вид, и посадили в тюрьму. По всему городу пробежал трепет, как будто рука Божья поразила этого великого преступника. Амблард, вдова Бертелье, и двое его детей; Иоанн, брат Леврье, и сотня горожан, у которых были все основания жаловаться на негодая, предстали перед советом и с криками и слезами призвали к справедливости: "Он пролил кровь наших отцов, наших братьев, и наших мужей", - говорила возбужденная толпа. "Он хотел уничтожить нашу независимость и подчинить нас герцогу". Уличенный в заговоре против государства, негодай был приговорен к смертной казни. Палач, накинув ему на шею веревку, повел его по городу в сопровождении огромной толпы. Возмущенные люди были в восторге, когда увидели, что богатый и могущественный чужеземец подвергся такому унижению. Гордый и безжалостный, он замышлял разрушить город, а теперь искупал свои преступления. На этом дело не закончилось: в то время как умеренные люди желали оставаться на путях справедливости, более горячие головы из партии независимости *высмеивали* его, говорит хронист, и несколько озорных мальчишек забросали его грязью. Несчастный, чье падение было столь велико, таким образом, прибыл к месту казни, и палач приготовился исполнить свой долг.

Картельеру оставалось жить всего несколько минут, когда было замечено, как управляющий епископа поспешил вперед с грамотами о помиловании, заменяющими смертную казнь штрафом в размере шести тысяч золотых крон, подлежащим выплате прелату и городу. Пощадить жизнь несчастного человека могло быть актом милосердия и справедливости, тем более что его преступления были политическими; но разгневанная молодежь, окружавшая преступника, приписывала милосердие епископа его алчности и ненависти, которую он питал к делу независимости. Они желали казни осужденного. Дважды палач снимал веревку, и дважды эти раздраженные молодые люди снова набрасывали ее на шею Картелье. Однако в конце концов они уступили и удовлетворились тем, что заставили заговорщика испытать все муки

смерти. Картелье был отпущен на свободу. Когда епископу сообщили о случившемся, он испугался, представив, что его авторитет скомпрометирован и его могущество находится под угрозой. "У меня были веские причины, - писал он синдикам, - помиловать Картелье; однако напишите и скажите мне, склонен ли народ к восстанию из-за этого помилования". [710] Народ не взбунтовался, и богатый преступник, заплатив штраф, спокойно удалился в Бург в Брессе, откуда он и прибыл.

=КОЛЕБАНИЕ ЕПИСКОПА.=

Епископ, который сначала вынес приговор, затем помиловал, а затем раскаялся в своем помиловании, постоянно колебался и не знал, на чью сторону встать. Он не был предан герцогу душой и телом, как его предшественник. Оказавшись между савоярами и гугенотами, он в глубине души одинаково боялся и тех, и других и по очереди бросался в объятия противоположных партий. Он был похож на оленя между двумя стаями гончих, всегда испуганный и тяжело дышащий. "Я пишу *сердито*", - говорит он в своих письмах: он действительно всегда злился то на одну, то на другую сторону. Даже каноники, его закадычные друзья, и члены его совета внушали ему опасения, и не без оснований, ибо эти почтенные люди не доверяли ни репутации епископа, ни разбою местной знати. Господа Де Лютри, Де Монротье, Де Люсинж, де Сен-Мартен и другие каноники говорили, что светская власть прелата слишком слаба, чтобы поддерживать порядок; что нужен меч светского князя, и в глубине души они взывали к герцогу. "Ах! - сказал Ла Бом Хьюзу. - капитул - это *отравленный орган*"; он назвал каноников ворами и разбойниками: *Ille fur et latro est*, сказал он об одном из них. Епископский сан казался ему тяжелым бременем, но это давало ему возможность устраивать хорошие обеды для своих друзей, а это было одной из самых важных обязанностей в его жизни. "У меня есть вино на зиму, - написал он в постскрипуме к письму, в котором высказывал эти жалобы, - и много чего, чем можно вас развлечь". [711] Таковы были его епископские утешения.

[699] Псалом i.

[700] Мишель Шевалье, о процветании протестантских народов.

[701] Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. p. xxviii.

[702] Galloix, *Salève*. Автор помнит, как в детстве читал эти три слова на руинах, которые с тех пор были восстановлены: *Наси, пати, мори*.

[703] Спон, *История. de Genève*. Gautier MS. Guizot, *Civilisation en France et en Europe*. Фромант.

[704] Ordonnance de Louis Hutin. Гизо, *Цивилизация во Франции*, v. стр. 138.

[705] Registres du Conseil du 3 décembre. Lettres de Messieurs de Berne. Galiffe fils, *Besançon Hugues, Pièces Justificatives*, p. 487.

[706] Registres du Conseil des 15, 16, 23, 24, 28 mars.

[707] Розет, *Хроника*. Г-жа лив. ii. глава ii. Registres du Conseil du 7 septembre 1526. Spon, *Histoire de Genève*, ii. p. 396. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 446, 447. Готье Ср.

[708] Это письмо можно найти в Galiffe, *Материалы для истории Женевы*, ii. стр. 489.

[709]См. Выше, том i, стр. 228.

[710] Archives de Genève. Lettre de Pierre de la Baume aux syndics, du 24 janvier 1527.

[711] Registres du Conseil de décembre 1526, de janvier et avril 1527. Roset MS. bk. ii. ch. v. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. pp. 264, 437, 439, 440. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 452-454. *Mém. d'Archéologie*, ii. p. 11. La Sœur de Jussie, *Le Levain du Calvinisme*.

ГЛАВА II.

ЕВАНГЕЛИЕ В ЖЕНЕВЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА.

(январь-июнь 1527 г.)

У епископа должны были появиться враги более грозные, чем герцог и Лига. Приближалась Реформация. В истории Женевы есть характерная черта: несколько соседних стран по очереди посеяли семена жизни в этом городе; в нем должен был прозвучать концерт голосов из Франции, Италии и немецкой Швейцарии. Это было последнее из тех, что начались.

=МИРЯНЕ И ДУХОВЕНСТВО.=

В то время, когда измена была изгнана из города в лице Картелье, Евангелие вошло в него от имени честного гельветийца, одного из бернских и фрибургских депутатов, которые отправились туда в 1527 году по делам союза, заключенного в 1526 году. Фрибург не позволил бы еретическому проповеднику сопровождать депутацию; даже Берн пока не пожелал бы этого; но один из бернских послов, благочестивый мирянин, который прибыл, чтобы оказать ценную поддержку национальной независимости, должен был призвать женевцев к духовной свободе. Миряне-члены Церкви занимали во времена апостолов, как хорошо известно, заметное положение в религиозной общине; [712] но постепенно господство духовенства заменило евангельскую свободу. Одной из главных причин этой революции была неполноценность мирян; на протяжении многих веков духовные лица были единственными образованными людьми. Но если бы это положение вещей изменилось, если бы миряне обрели больше знаний и энергии, чем духовенство, произошла бы новая революция в противоположном направлении. И это действительно то, что произошло в шестнадцатом веке. Христианином-мирянном, прибывшим тогда в Женеву, был Томас аб Хофен, друг Цвингле, о котором мы уже упоминали. [713] В 1524 году он выступил в Берне в поддержку Реформации. Цюрихский врач, услышав о его отъезде на берега озера Леман, обрадовался, ибо пронзительному взору его веры показалось, что он может различить луч евангельского света, пробивающийся над этими далекими холмами. Он желал, чтобы женевцы, ныне объединенные в Швейцарию, нашли в ней не только свободу, но и истину. "Несомненно, - писал Цвингле превосходному бернцу, - несомненно, эта миссия может принести чрезвычайную пользу гражданам Женевы, которые так недавно были приняты в союз с кантонами". [714]

Аб Хофен отправился в Женеву не с намерением реформировать ее; его миссия была дипломатической; но он был одним из того "избранного поколения", о котором говорит святой Петр, — одним из тех христиан, которые всегда готовы "вознести хвалу Тому, Кто призвал их к своему чудесному свету". [715] Входя в город, он сказал себе, что будет усердно выполнять

любую работу, которую Бог может возложить на него, как просил его цюрихский друг. Простодушный, умеренный и чувствительный, Аб Хофен ставил царство небесное превыше всего земного; но он был подвержен приступам меланхолии, которые иногда делали его малодушным. Когда он прибыл в Женеву, он посетил многих горожан, посетил церкви и собрания людей и, поразмыслив обо всем, подумал про себя, что в городе много патриотизма, но, к сожалению, мало христианства, и что религия была слабой стороной женевской эмансипации. Он был огорчен, потому что ожидал лучшего. С сердцем, переполненным печалью, он вернулся в свою гостиницу (17 января 1527 г.) и, чувствуя необходимость излить душу на груди друга, сел и написал великому цюрихскому реформатору: "Число тех, кто исповедует учение Евангелия, должно увеличиться". [716] Следовательно, в то время в Женеве были христиане, которые исповедовали спасение Иисусом Христом, а не церковными обрядами; но их число было невелико.

=ХРИСТИАНСКАЯ БЕСЕДА АБ ХОФЕНА.=

Аб Хофен решил сделать все возможное, чтобы исправить это зло. У него было любящее сердце и практический ум, и он с неутомимым рвением пользовался каждой минутой досуга, предоставленной ему служебными обязанностями. Поэтому, как только завершилась конференция с женевскими магистратами или была подготовлена депеша правительству Берна, он отложил в сторону свой дипломатический характер и начал посещать граждан, беседуя с ними и рассказывая им о том, что происходит в Цюрихе и готовится в Берне. Будучи принят в семьях некоторых главных гугенотов и сидя с ними у очага в самое суровое время года (январь 1527 г.), он говорил им о Слове Божьем, о его авторитете, превосходящем (по его словам) авторитет папы римского, и о спасении, которое оно провозглашало. Он учил их, что в Евангелии Бог дает человеку полное отпущение его грехов. Эти доктрины, неизвестные на протяжении стольких веков и подрывающие правовую и церемониальную религию Рима, были услышаны в Женеве с удивлением и удовольствием.

Поначалу священники приняли магистрата-евангелиста довольно благосклонно. Звание, которое он носил, делало его почетным в их глазах, и он не был груб с ними, как некоторые гугеноты, а был дружелюбен и отзывчив. Некоторые священнослужители, полагая, что он принадлежит к их кругу, потому что он говорил о религии, не скрывали от него своего беспокойства и очень невинно описывали ему прекрасные времена, когда на их кухне в изобилии подавались хлеб, вино, масло, дичь и свечи, и когда они милостивым тоном говорили верующим, которые приносили эти пожертвования в белых салфетках: *Centuplum accipietis et vitam æternam possidebitis*. [717] Затем они добавили с громкими жалобами: "Увы! верующие больше не приносят нам подношений, и люди уже не гонятся с таким рвением за индульгенциями, как раньше". [718]

Бернский посланник, внутренне обрадованный этими откровенными признаниями, которые он не преминул передать Цвингле, по-видимому, избегал всяких споров и продолжал проповедовать простую Истину. Горожане слушали его; они искали его общества и приглашали занять место в их семейном кругу или в каком-нибудь собрании гугенотов и поговорить о благородных делах, которые совершались в Цюрихе. Эти успехи ободрили его: его глаза блестели, он свободно обращался к горожанам, и слова обильно лились с его губ. "Я не перестану провозглашать Евангелие, - писал он Цвингле, - все мои силы будут направлены на

это". [719] Вскоре к собравшимся вокруг него доброжелательным людям присоединились другие граждане, исключительно друзья свободы; они слушали его с интересом; но когда он начал обвинять определенные излишества и требовать определенных моральных реформ, он встретил с их стороны холодное и даже решительное сопротивление, и они отвернулись от него. Аб Хофен, хотя и был человеком ревностным и набожным, не обладал той верой, которая двигает горами; удрученный, он вернулся в свою гостиницу, заперся в своей комнате и, глубоко вздыхая, написал обо всех своих неприятностях Цвингле. Последний, обладавший пронизательным взглядом, увидел, что представилась уникальная возможность. Установление Реформации на двух концах Швейцарии, в Цюрихе и Женеве, представлялось ему чрезвычайно важной работой. Разве эти две ветви, соединившись, не увлекли бы за собой всю Швейцарию, особенно если бы могущественный Берн оказал свою поддержку в центре? Но он знал Аб Хофена и, опасаясь его уныния, написал ему: "Позаботьтесь о том, чтобы так хорошо начатая работа не была остановлена. Ведя дела республики, не пренебрегайте делами Иисуса Христа. [720] Вы заслужите благосклонность граждан Женевы, если приведете в порядок не только их законы и права, но и их души. [721] Что же может привести душу в порядок, как не Слово и учение Того, кто сотворил душу?" [722]

=ЦВИНГЛЕ ПООЩРЯЕТ АБ ХОФЕНА.=

Цвингле пошел дальше и, чтобы привести в чувство слабеющее сердце Аб Хофена, использовал аргумент, к которому политик не мог быть равнодушен. Цюрихский реформатор был другом свободы, а также Евангелия, и он верил, что народом можно управлять только одним из двух способов: либо Библией, либо мечом, страхом Божиим или страхом перед человеком. По его мнению, Женева могла защитить свою независимость от нападков Савойи, Франции и всех иностранных держав, только подчинившись Царю небесному. "О мой дорогой Томас, - писал он своему другу, - ничего так сильно я не желаю, как видеть, как учение Евангелия процветает в этой республике (Женева). Везде, где торжествует эта доктрина, смелость тиранов сдерживается". [723] В то же время, не желая обидеть бернского депутата, Цвингле добавил: "Если я пишу все это, то не для того, чтобы разбудить того, кто спит, а чтобы ободрить того, кто бежит". [724] Он закончил свое письмо братским приветствием евангельским христианам Женевы: "Приветствуйте их всех от моего имени", - сказал он.

Аб Хофен не остался равнодушным к этому призыву; если его легко было низвергнуть, то так же легко и вознести. Поэтому он удвоил свое рвение и призвал Женеву подражать Цюриху и Берну; но он понял, что его евангелические усилия были оценены лишь очень небольшим числом людей, а большинство политиков отнеслись к ним холодно и даже с неудовольствием и презрением. Горожане, которые поначалу оказали ему самый теплый прием, едва ли отдавали ему честь, когда он встречался с ними, и если он приходил на какое-либо собрание, его присутствие сковывало все собрание. Вскоре он столкнулся с противодействием более враждебного характера; священники гневно смотрели на него, и доверие, которое некоторые священнослужители питали к нему, сменилось яростной ненавистью. Духовенство провозгласило всеобщий крестовый поход против ереси; каноники поставили себя во главе оппозиции; священники и монахи заполнили улицы, переходя от дома к дому, и призывали горожан остерегаться евангелических речей бернского посланника. Они оплакивали, оскорбляли и предавали анафеме доктрины, которым он учил, и воевали с Новым Заветом везде, где только находили его. Они подбадривали друг друга и особенно пугали женщин. По их представлениям, город был бы разрушен, если бы послушался дипломата-еретика.

= ВЛИЯНИЕ И СМЕРТЬ АБ ХОФЕНА.=

Теперь Аб Хофен впал в состояние более серьезного уныния, чем раньше. "Все мои усилия напрасны, - писал он Цвингле. - В Женеве около *семисот* священнослужителей, которые делают все возможное, чтобы помешать Евангелию процветать здесь. [725]Что я могу сделать против такого количества? И все же перед Словом Божиим открыта широкая дверь.... Священники не читают проповедей; и поскольку они не в состоянии этого делать, они довольствуются служением мессы на латыни.... Жалкое пропитание для бедных людей!... Если бы сюда пришли какие-нибудь проповедники, смело провозглашающие Христа, учение папы римского, я уверен, было бы вскоре ниспровергнуто". [726]

Но такие проповедники не появлялись. Убежденный в своей несостоятельности и постоянно повторяющий, что в этом городе нужны настоящие священники, такие как Цвингле и Фарель; обнаружив, что многие женефцы желают освободиться не только от неприятностей Савойи, смещения епископа и доктрин папы, но и от законов морали; пораженный злом, которое, как он видел, готово было обрушиться на Женеву и которое могло предотвратить только Евангелие, — этот простодушный, набожный и чувствительный человек с разбитым сердцем вернулся в Берн. Повлияло ли это разочарование как-нибудь на его здоровье? Мы не можем сказать; но он умер вскоре после этого, в ноябре месяце, "как подобает умереть христианину", как было сказано. После его отъезда выяснилось, что его усилия не были напрасными и что, по крайней мере, некоторые женефцы извлекли пользу из его учения: в их число входили Безансон Хьюз и Бодишон де ла Мезон-Нев. Можно испытывать некоторое удивление, увидев эти два имени вместе, поскольку они принадлежат вождям двух противоположных партий; но в этом нет ничего невероятного, поскольку Хьюз, должно быть, часто общался с Аб Хофеном, и не исключено, что он слушал его религиозные беседы. Хьюз был серьезным человеком; более того, он был государственным деятелем и, должно быть, желал узнать что-нибудь о религиозных взглядах, которые, как казалось в то время, вероятно, были приняты всей конфедерацией; но его политика заключалась в поддержании прав князя-епископа, с одной стороны, и прав граждан, с другой; что касается его религии, он был католиком, и мы не видим, чтобы он изменился ни в одном из этих отношений. Кем бы он мог быть, если бы жил в то время, когда осуществлялась Реформация, никто не может сказать. Де ла Мезон-Нев, напротив, был убежденным гугенотом и, безусловно, нуждался в Евангелии, чтобы умерить пыл своего характера. Уильям де ла Муиль, камергер и доверенное лицо епископа, по-видимому, был человеком, который больше всего извлек выгоду из учения бернского мирянина.

=РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА.=

В то время как Евангелие входило в Женеву, запустение входило в Рим. Встреча этих двух городов в истории - исключительное обстоятельство: один такой могущественный и славный, другой такой маленький и безвестный. Это, однако, поддается объяснению: великие дела мира всегда происходили из великих городов и великих наций; но великие дела Бога обычно начинаются с малого. У Победителей должны быть сокровища и армии; но евангельское христианство, которое стремится изменить человека, нации и весь человеческий род в целом, нуждается в силе Бога, а Бог влияет на мелочи. В первом веке он выбрал Иерусалим; в средние века - Вальденские долины; в шестнадцатом веке - Виттемберг и Женеву. "Бог избрал слабое в мире, чтобы посрамить могущественное". [727]

В мае месяце (1527 г.) по миру внезапно распространился слух поразительной важности: "Рим только что разрушен, - говорили люди, - и папы больше нет". Войска Карла V. Взяли и разграбили папский город, и если папа был еще жив, то он скрывался и почти сидел в тюрьме. Служители Церкви, которые поначалу были напуганы, вскоре перевели дух, и как только их тревога рассеялась, их место заняли алчность и корыстолюбие. При виде руин этого древнего города его друзья думали только о том, как бы поделить добычу. Епископ Женевы, в частности, оказался окружен просителями, которые стремились получить доступ к бенефициям, которыми до сих пор пользовались священнослужители, проживающие в Риме. "Они все погибли", - сказали ему; "их бенефиции свободны: отдайте их нам". Епископ даровал все; и он даже присвоил себе (по словам Бонивара) приорат Сен-Жан-ле-Женевы, который принадлежал кардиналу. Редко когда такое количество смертей делало так много людей счастливыми. [728]

Разграбление Рима имело более важные последствия для Женевы и протестантских народов. Когда они увидели руины этого города, им показалось, что папство пало вместе с ним. Гугеноты никогда не уставали слушать замечательные новости и комментировать их. Пораженные примером, поданным им Карлом V, они подумали про себя, что "если бы император отстранил епископа и князя Рима, они вполне могли бы отказаться от князя и епископа Женевы". Их право на это было гораздо более очевидным. Папа-король, по крайней мере, был избран в Риме и в соответствии с древним обычаем; в то время как князь-епископ был избран не в Женеве и не женевами в соответствии с древними конституциями, а иностранной и незаконной юрисдикцией. Гугеноты обещали быть даже более умеренными, чем его католическое величество. Наконец, действия, которые побудили их изгнать Пьера де ла Бома из города, были в их глазах гораздо более возмутительными, чем те, которые побудили Карла изгнать Климента VII из Рима. "Разве мы не гораздо более угнетены церковной тиранией, - говорили они, - чем светской? Разве мы не вынуждены платить, всегда платить, и разве не из-за наших денег кипит епископский котел?" [729] Кроме того, позорное поведение многих священнослужителей казалось им достаточным мотивом для того, чтобы положить конец их правлению.

Скандал, произошедший как раз в это время, усилил желание некоторых гугенотов выйти из-под власти монахов и священников. 10 мая некоторые жители Сент-Леджера предстали перед советом. В течение некоторого времени их сон был нарушен шумом и криками, в которых были замешаны кордельеры, якобинцы и другие монахи; и они желали положить этому конец. "Несколько распутных женщин поселились в нашем квартале, - сообщили они совету, - и некоторые монахи часто посещают их дома". [730] ... "Если вы заметите, что монахи ходят туда по ночам, - ответил совет, - сообщите об этом синдикам и капитан-генералу. Стража немедленно отправится и заберет их". Граждане удалились, наполовину удовлетворенные ответом, но полные решимости вызвать стражу, как только беспорядки возобновятся.

=СОЮЗ ВЕРЫ И МОРАЛИ.=

Эти скандалы — признанное явление в Риме - сильно раздражали граждан Женевы и заставляли тех, кто был более расположен, стремиться к реформированию веры и морали. Они говорили, что солдаты пользуются своим оружием так, как им приказывают офицеры; что монахи и священники (им следовало бы сказать, все христиане) также должны распоряжаться своей жизнью так, как им приказывает их начальник; и что если они используют ее вопреки этому, они становятся под знамена порока и объявляют себя его солдатами. Достойные граждане Женевы не могли провести того разделения между религией и моралью, пример

которого подавала большая часть духовенства. По мере того, как Реформация продвигалась в мире, росло противодействие благочестию, которое заключалось лишь в определенных формулах, церемониях и практиках, но было лишено своей истинной сущности — живой веры, освящения, морали и христианских дел. Христианство, благодаря разделению, которое Рим провел между доктринами и моралью, уподобилось одному из тех испорченных и бесполезных инструментов, которые отбрасываются в сторону, потому что они больше не могут служить для тех операций, для которых они были созданы. Реформаторы, призывая к живой, святой, деятельной вере, должны были снова сделать христианство в наше время мощным двигателем света и нравственности, свободы и жизни.

[712] Деяния i. 15; vi. 5; xv.

[713] См. выше, том i, стр. 371.

[714] 'Nunc vero cum te Gebennæ reipublicæ gratia abesse constat ... рефисимуп. Utilitatem autem non vulgarem recens factis civibus per te comparari.'—Zwingle to Thomas ab Hofen, 4 Jan. 1527. *Epp.* ii. p. 9.

[715]¹ Петра ii. 9.

[716] 'Hic Genevæ numerus Evangelii doctrinam confitentium augeri incipiat.'—Ab Hofen to Zwingle, January 17, 1527. Цвинглий *Epp.* ii. стр. 15.

[717]"Ты получишь во сто крат и будешь обладать жизнью вечной".

[718] 'Clerici queruntur homines neque amplius sacra dona præbere velle, neque tam vehementer ad indulgentias currere.'—Ab Hofen to Zwingle. Цвинглий *Epp.* ii. стр. 16.

[719] "Спросите меня, насколько я ценен, в том, что касается моего дефекта". — Аб Хоффен Цвингле. Цвинглий *Epp.* ii. стр. 15.

[720] 'In mediis reipublicæ negotiis, Christi negotiorum minime sis negligens.'—Zwinglii *Epp.* ii. p. 9.

[721] 'Optime de Gebennæ civibus merebere, si non tantum leges eorum ac jura, quantum animos componas.'—Ibid. p. 10.

[722] 'Animos autem quid melius componet, quam ejus sermo atque doctrina qui animos ipse formavit?'—Ibid.

[723] 'Hæ enim ubi crescunt, tyrannorum audacia coerceretur.'—Ibid.

[724] 'Non quasi torpentem sim expergefaturus; sed currentem adhortor.'—Zwinglii *Epp.* ii. p. 10.

[725] 'In hac urbe clerici sunt ad 700, qui manibus pedibusque impediunt, quominus Evangelii doctrina efflorescat.'—Zwinglii *Epp.* ii. p. 10.

[726] 'Si prædicatores haberent, fore puto ut pontificia doctrina labefactetur.'—Ibid.

[727]¹ Кор. i. 27.

[728] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 461.

[729] 'Ne sont-ce pas nos écus qui font bouillir le pot de l'évêque?'

[730] 'Querelaverunt de putanis et certis religiosis qui ibidem affluunt.'—Registres du Conseil du 10 mai 1527.

ГЛАВА III.

ЕПИСКОП ЦЕПЛЯЕТСЯ ЗА ЖЕНЕВУ, НО КАНОНИКИ УХОДЯТ.

(Лето 1527 г.)

=НОВЫЕ ПЛАНЫ ЕПИСКОПА.=

Разграбление Рима произвело большую сенсацию в католических странах. Пьер де ла Бом почти поверил, что правлению папства пришел конец, и очень беспокоился за себя. Если бы такой могущественный правитель, как папа, пал жертвой, что стало бы с епископом Женевы? Союз с кантонами и Евангелие, которое только что проповедовал швейцарский судья, казались ему предвестниками его гибели. Перед ним не было ланскенцев, подобных тем, кто вынудил Климента VII бежать. Но у него были гугеноты, которые, в его глазах, были еще более грозными. Свобода, казалось, восставала, подобно солнцу, из ночи средневековья; и епископ подумал, что безопаснее всего было бы повернуться к восходящему светилу и броситься в объятия либералов. Он отдавал сильное предпочтение савойскому деспотизму; но, если этого требовали его интересы, он был готов отдать предпочтение свободе. Были замечены и другие примеры этого. Поэтому епископ санкционировал наложение ареста на имущество мамлюков и преподнес Безансону Хьюгу великолепный подарок. Он пожаловал ему бессрочное владение рыбными промыслами озера, Роны и Арве, оставив за собой (что свидетельствовало о ценности подарка) право выкупа за две тысячи золотых дукатов. [731] Все это было всего лишь шагом к осуществлению странного замысла.

Епископ вбил себе в голову заключить союз со швейцарцами, будучи убежден, что только они могут защитить его от порывистости гугенотов и тирании герцога Савойского. Поэтому он отправил Роберта Венделя во Фрибург и Базель, чтобы умолять эти государства принять его в свое гражданство. Этот шаг вызвал величайшее удивление у женевцев. "Что? - спросили они. - Монсеньор становится гугенотом?" Швейцарец грубо отклонил просьбу римского прелата. "Мы не допустим, чтобы епископ был нашим согражданином, - ответили они, - и это по четырем причинам: во-первых, он непостоянен; во-вторых, его не любят в Женеве; в-третьих, он империалист и бургундец; и в-четвертых, он *священник*!" Кантоны не назвали самой веской причины. Фрибург и Берн, союзники города, не могли быть в то же время союзниками епископа, ибо как они могли поддержать права женевцев против него? [732]

Епископ не был обескуражен. В какой-то момент он почувствовал, что его трон сотрясается под ним, и, боясь, что он упадет, изо всех сил цеплялся за свободу; в другой раз ему почудилось, что он видит призрак ереси, приближающийся медленным, но уверенным шагом и вскоре занимающий свое место на его троне ... и это зрелище усилило его страх. Поэтому он отправил в Берн Безансона Хьюга — более влиятельного дипломата, чем Вандель, — который был с уважением принят в аристократических кругах, но вынужден был терпеть всевозможные упреки. Гордые бернцы были возмущены тем, что он стал защитником столь малопочтенного человека, как епископ. Однажды, в присутствии этих энергичных людей, ставших свидетелями стольких

битв, когда Хьюз горячо защищал дело прелата, его слушатель внезапно с ужасом отвернулся и, словно отмахиваясь рукой от какого-то сатанинского видения, сказал: "Имя епископа ненавистнее для нас, чем имя самого дьявола". Этого было достаточно для Хьюза, который вернулся в Женеву в большом унынии. Пьер де ла Бом, тщеславный и легкомысленный священник, вскоре утешился в этом замешательстве, смеясь над высказанными в его адрес упреками. Он забавлялся возражениями швейцарцев и постоянно повторял окружающим его людям: "Чего бы вы хотели?... Как могли гельветы принять меня в свой союз? Я священник и бургундец!"... Таким образом, то дрожа, то смеясь, женевский епископ двигался навстречу своей гибели. [733]

=ГЕРЦОГ СТРОИТ КОЗНИ ПРОТИВ ЕПИСКОПА.=

В течение некоторого времени Карл III, герцог Савойский, наблюдал за прелатом и с досадой отмечал заинтересованные и (по его мнению) преступные заигрывания, которые тот делал женецам и конфедератам. Известие о том, что епископ отправил к швейцарцам двух посланников подряд, достигло апогея гнева принца. Недостаточно, чтобы граждане желали эмансипироваться; даже епископы, которых герцоги всегда считали своими агентами, осмеливаются идти по их стопам. Это заслуживает ужасного наказания. Герцог обсудил со своими советниками характер урока, который следует преподать прелату. Один из самых решительных министров Карла предложил похитить его; это предложение было поддержано, и резолюция была принята. Чтобы привести это в исполнение, было необходимо заручиться поддержкой некоторых представителей духовенства. Были озвучены каноны, и многие из них, уже проданные герцогу, обещали свои добрые услуги. "Епископ - большой почитатель Пресвятой Девы, - сказали они. - в субботу, в день, посвященный Святой Марии, он обычно ходит слушать мессу в Богоматерь Грейс за городом. Он едет верхом на муле в компании с другими членами ордена. Теперь, поскольку эта церковь отделена от Савойи только мостом, капитану лучников его высочества остается только залечь в засаду у реки, чтобы схватить (*халпера*) монсеньора. Окружающие его священники и офицеры, будучи подкупленными или людьми без мужества, убегут. Пусть его поспешно оттащат на другой берег реки Арве, и, оказавшись на территории Савойи, он может быть предан смерти как предатель. "Все было устроено добрыми католиками, и архиепископ Турина, вероятно, имел к этому отношение. Реформаторы никогда не подходили к работе с епископами столь бесцеремонно.

=ЗАСАДА ГЕРЦОГА.=

Так разразилась война между двумя злейшими врагами Женевы. Женевцы не знали, как избавиться от прелата, и вот Карл, подобно другому Александру, разрубает Гордиев узел. Как только епископа унесут, одно из самых серьезных препятствий на пути к независимости, морали, религии и цивилизации будет устранено. Пока он там, в Женеве нельзя сделать ничего хорошего; а когда его там больше не будет, город станет свободным. Это, однако, не входило в планы его высочества: "захватив" герцога, он рассчитывал "захватить" и город. Таков был его план взятия Женевы. - Как только савойские лучники похитят епископа, несколько приспешников его высочества отправятся на колокольню Нотр-Дама и позвонят в большой колокол. Все колокола окрестных деревень откликнутся на этот сигнал; дворяне выбегут из своих замков с мечами в руках, сельские жители возьмутся за косы или другое оружие, и все двинутся маршем в Женеву. Женевцы горячи и поспешны: когда они узнают, что савояры пересекли Арву и вторглись на их территорию, они возьмутся за оружие и двинутся во владения

Савойи, чтобы отомстить за оскорбление; но они найдут там Понверре и всех его друзей, готовых встретить их. В разгар этой суматохи у герцога будет отличный предлог для того, чтобы войти в город и завладеть им. И когда он утвердится там, он отрубит головы Хьюгу, синдикам, советникам, месье де Бонмону и многим другим. Наконец, у Женевы будет епископ, который займется опровержением еретиков, а его высочество предпримет меры, чтобы заставить горячих республиканцев склониться под мечом светской власти и навсегда изгнать из города как реформаторов, так и Реформацию". [734] Герцог, очарованный этим планом, немедленно приготовился к его исполнению. Чтобы помешать побегу Пьера де ла Бомы в Бургундию, он расставил солдат по всем перевалам Юры, в то время как его лучшие военачальники были расставлены по всему городу для организации засады.

=ЗАГОВОР ГЕРЦОГА ПРОВАЛИВАЕТСЯ.=

Эти различные меры не могли быть приняты без того, чтобы что-то не выползло наружу. У Женевы были друзья в деревнях, где необычное волнение указывало на приближение исполнения какого-то акта предательства. В четверг, 11 июля, человек, пробиравшийся окольными путями, прибыл из Савойи и сказал жителям Женевы: "Будьте настороже!" Два дня спустя, в субботу 13-го, в день, назначенный для действий, другой человек, перейдя мост Арве, пришел и сказал одному из синдигов, между восемью и девятью часами утра, что несколько конных и пеших солдат были тайно размещены в Ланси, всего в половине лиги от города. Синдики не слишком беспокоились по этому поводу; и епископ, который от природы был робким человеком, но до которого эти предупреждения не дошли, сел на своего мула — это был тот день, когда он ездил поклониться Пресвятой Деве, — поехал в церковь Богоматери, занял свое обычное место, и месса началась. Солдаты Карла уже продвигались в направлении моста, чтобы схватить прелата сразу же, как он выйдет из церкви. Несколько набожных людей сжалились над ним, и как раз в тот момент, когда священник совершил таинство, в здание вошел человек с обеспокоенным видом (неизвестно, приехал ли он из Женевы или Савойи), бесшумно подошел к тому месту, где сидел епископ, и прошептал ему на ухо: "Монсеньор, савойские лучники готовятся схватить вас (*захватчик*)". При этих словах пораженный Ла Бом побледнел и задрожал. Он не стал дожидаться благословения; страх окрылил его; он вскочил, поспешно выбежал из церкви и вскочил на своего мула, "не вдевая ногу в стремя, потому что тот был очень проворным человеком", - говорит Бонивар; затем, используя каблучки вместо шпор, он ударил животное по бокам и помчался во весь опор, крича во весь голос стражникам, когда проезжал мимо: "Закройте ворота!" Прелат добрался до города, запыхавшись и весь дрожа.

[735]

Вскоре в городе поднялась суматоха. Капитан-генерал Безансон Хьюз, который был искренне привязан к Ла Бому и решительно выступал против узурпации власти в Савойе, разгадал заговор герцога и со свойственной ему энергией начал ходить по улицам, говоря: "Закройте свои лавки, опустите цепи, закройте городские ворота, бейте в барабан, поднимайте тревогу, и пусть каждый возьмет свою аркебузу". Затем, покинув улицы, Хьюз направился к церкви Сен-Пьер и, несмотря на противодействие каноников, соучастников заговора, приказал великому нужно позвонить в колокол. По ту сторону Арве уже распространился слух, что заговор провалился и что епископ сбежал на своем муле. Латники Савойи были смущены; деревенские колокола не звонили, дворяне оставались в своих замках, крестьяне - на своих полях. "О нашем плане узнали, - сказали савойские военачальники. - весь город вооружен, и мы должны дожидаться более удобного случая".

Каноники, хотя и были на стороне герцога, скрыли свою игру и наняли определенных выходцев из Савойи для осуществления заговора. Эти люди были известны; они встревожились и не видели другого способа избежать смерти, кроме как покинуть город. Но все ворота были закрыты!... Что из того: отчаяние придало им смелости. В тот самый момент, когда вооруженные люди Савойи отступали, было замечено, как несколько человек пробежали по улицам, спрыгнули в канавы Сен-Жерве, перелезли через частокол и умчались прочь так быстро, как только могли нести их ноги. Это были предатели, которые переписывались с внешним врагом.

Что касается Ла Бомы, то он потерял присутствие духа. Отвергнутый швейцарцами, презираемый женевцами, преследуемый герцогом, что ему делать? Если бы он только мог сбежать в свои бенефиции в Бургундию, где народ такой тихий, а вино такое хорошее! — но, увы! все перевалы Юры заняты савойскими солдатами. Он был в большом горе. Не считая себя в безопасности во дворце, он укрылся в доме одного из своих сторонников, когда возвращался на муле из храма Пресвятой Богородицы. Он ожидал, что герцог последует его плану, войдет в Женеву и будет искать его по всему городу. Соответственно, он затаился в самом укромном месте дома, который приютил его. Только когда ему сказали, что савойские солдаты действительно отступили, что за пределами города все спокойно и что даже гугеноты не думают поднимать на него руку, он набрался храбрости, вышел из своего укрытия и вернулся во дворец. Тем не менее он украдкой выглянул в окно, чтобы посмотреть, не придут ли гугеноты или солдаты герцога, чтобы схватить его даже в его собственном доме. Женевцы улыбнулись, видя его ужас; но все, за исключением приближенных Карла, были довольны тем, что предательство герцога провалилось. Религиозные люди увидели руку Небес в этом избавлении. "Они возблагодарили Бога", - говорит Балард. [736]

Эта атака, какой бы неудачной она ни была, имела одно важное последствие; она освободила город от канонов и таким образом проложила путь Реформации. Эти люди были в Женеве представителями и сторонниками всех видов религиозной и политической тирании. Чтобы спасти католицизм, духовенству, и особенно каноникам, которые были их лидерами, было бы необходимо объединиться с мирянами и, сохраняя римский церемониал, потребовать подавления определенных епископальных привилегий и церковных злоупотреблений. Некоторые вожди гугенотов — те, кто, подобно Хьюзу, любил епископа, а также те, кто впоследствии выступал против реформации Кальвина, — вероятно, с радостью приняли бы такой порядок вещей. Однако для осуществления такого плана священники должны были стоять прямо и свободно. Но абсолютный авторитет Церкви, ослабивший силу человеческого разума, особенно унижил священников. Женевское духовенство пало слишком низко, чтобы осуществить трансформацию католицизма. Многие каноники и даже кюре видели в желании епископа вступить в союз со швейцарцами не что иное, как акт революционера или даже безумца, и поэтому присоединились к плану Карла, который был так ненавистен женевцам.

=ЕПИСКОП ЗАКЛЮЧАЕТ КАНОНИКОВ В ТЮРЬМУ.=

Этим поспешили воспользоваться гугеноты. Если герцогский заговор не избавил их от епископа, он должен был, по крайней мере, освободить от канонов. Эти церковные сановники никогда не покидали Женеву, в то время как епископ часто отлучался, чтобы интриговать в Италии или развлекаться в Бургундии. Кроме того, они были более фанатичны, чем мирские прелаты, и поэтому тем более опасны. И потом, если они хотели избавиться от епископа, разве не было самым мудрым планом начать с его совета? Вскоре после знаменитой тревоги какой-то

женевский либерал отправился во дворец и сказал Ла Бому: "Каноники, милорд, - шпионы герцога: пока они остаются в Женеве, Савойя будет одной ногой в городе". Бедный епископ был слишком разгневан против канонов, чтобы не прислушаться к этим словам, и, разорившись с герцогом, он предпринял шаги, чтобы разориться с духовенством и выбросить за борт самых преданных друзей римских институтов. "Да, - сказал он, - они плетут интриги (*грабители*) против Церкви!"... Пусть их арестуют.... Это они хотели, чтобы меня похитили.... Пусть их посадят в тюрьму!" На следующее утро фискальный прокурор со своими сержантами постучался в двери самых влиятельных каноников, господ Де ла Мадлен, Де Монротье, Де Сальери, Де Вейги и других, арестовал их и, к неописуемому изумлению слуг и соседей этих почтенных господ, препроводил их в тюрьму. [737]

Как только ворота закрылись по канонам, епископ начал размышлять о смелом поступке, который он только что совершил. Все еще пылая гневом, он не раскаялся, но ему было не по себе, он был огорчен и поражался собственной смелости. Если герцог пытался похитить его всего лишь на днях, что сделает этот ужасный принц теперь, когда он, Ла Бом, смело бросил своих самых преданных сторонников в тюрьму?... Вся Савойя выступит против него. Он послал за генерал-капитаном, поделился с ним всеми своими опасениями, и Безансон Хьюз, его самый верный друг, желая рассеять его тревогу, расставил часовых на башне Сен-Пьер, на стенах и у всех ворот. У них были инструкции сообщить главнокомандующему, если на горизонте в направлении Савойи появится хоть один всадник.

=ОН ЖЕЛАЕТ ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ГОРОДА.=

Ла Бом снова начал дышать, но все же он чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Он улыбнулся про себя, глядя на *часы* "Безансон Хьюз". Что могут сделать эти несколько вооруженных горожан против солдат племянника Франциска I и шурина Карла V. Герцог Савойский рыскал вокруг него, как дикий зверь, готовый растерзать его; епископ думал, что только бернский медведь может защитить его. Но, увы! Берн не хотел иметь с ним ничего общего, потому что он был *священником* и *бургундцем*!... Он прокрутил все это в уме. Он, такой осторожный политик, тот, кого император использовал в своих переговорах, — неужели он не найдет какой-нибудь выход, когда речь идет о его собственном спасении? Внезапно ему в голову пришла идея стать союзником Берна, вопреки Берну. Он добьется того, чтобы его сделали *гражданином Женевы*, и, в силу общего совместного гражданства, он, таким образом, станет союзником кантонов. Обрадованный этой блестящей идеей, он поделился ею со своими близкими друзьями и, не желая терять ни дня, приказал созвать генеральный совет на завтра. [738]

На следующее утро (15 июля) зазвонили колокола собора; горожане, опоясавшись мечами, вышли из своих домов, чтобы присутствовать на общем совете, а князь-епископ в сопровождении своих советников и должностных лиц появился среди народа и сел на самое высокое место. Всецело поглощенный странным стремлением стать простым гражданином города, в котором он был князем, он рассыпался в приветствиях; а к гугенотам был особенно любезен. "Я вспоминаю, - сказал он, - мой протест против союза со швейцарцами. Я знаю, как вы цепляетесь за это; что ж! ... Теперь я одобряю это; я готов заявить о своей приверженности этому; и, чтобы яснее продемонстрировать свое одобрение, я желаю, чтобы меня сделали свободным человеком города". Велико было изумление людей. Епископ стал гражданином

Женева! О подобном никто никогда не слышал. Однако все друзья независимости одобрили этот план. Одни хотели доставить удовольствие епископу; другие были довольны всем, что могло еще больше разлучить его с герцогом; все соглашались, что, если епископ станет гражданином Женева и объединится со своими друзьями-конфедератами, город получит большую выгоду. Если он начнет с того, что станет швейцарцем, кто знает, не станет ли он протестантом? Таким образом, генеральный совет удовлетворил его просьбу.

=ОН ПРИЗНАЕТ ГРАЖДАНСКУЮ ЮРИСДИКЦИЮ.=

Желая заставить его заплатить за свою свободу и не упустить возможность восстановить свои свободы, синдикаты умоляли его передать все гражданские иски в светскую юрисдикцию. Судьи-миряне в церковном княжестве!... Это была великая революция, и должно было пройти три столетия с лишним, прежде чем подобная победа была одержана в других государствах, принадлежащих к этому классу. Епископ понимал огромную важность такой просьбы; ему казалось, что он уже слышит бесконечные призывы духовенства, которое оказалось лишенным своих почестей и доходов; но в это время он играл роль либерального папы, в то время как каноники разыгрывали неисправимых кардиналов. Он сказал "Да". Это было огромным приобретением для общины, поскольку бесконечные задержки и вопиющие злоупотребления были характерны для церковных трибуналов в Женеве, а также в Риме.

Охваченные радостью синдики выразили прелату всю свою благодарность. Они сказали ему, что ему нечего бояться ни женевацев, ни даже герцога. Затем, обратившись к народу, они сказали: "Пусть каждый гражданин обнажит свой меч, чтобы защитить монсеньора. Если на него нападут, мы желаем, чтобы при звуке набата все горожане и даже священники схватились за оружие". — "Да, да!" - кричали горожане. "Мы всегда будем ему верны!" - Казалось, в их сердцах произошла перемена. Они знали великую ценность жертвы, принесенной епископом, и выразили ему свою благодарность. На это епископ, "подняв правую руку к небу, а левую приложив к груди (как это было принято у прелатов)", сказал: "Я обещаю, по своей вере, преданно выполнять все, что требуется от гражданина, проявить себя добрым государем и никогда не отделяться от вас!" Восхищенный народ также поднял руки и воскликнул: "И мы также, мой господин, защитим вас от вреда, как если бы мы защищали наши собственные головы!" [739] Бедный прелат пожертвовал бы еще большим, чтобы защититься от нападков Карла, которые приводили его в неопишемый ужас.

Казалось, что эта уступка, более тесно объединив епископа и женевацев, должна была отсрочить Реформацию; но это было не так. По мере того, как женевацы получали какие-либо уступки, они желали большего; соответственно, когда горожане возвращались домой или когда они встречались друг у друга в домах, они начинали говорить, что это было нечто - получить гражданский суд от епископа, но что еще предстоит внести другие изменения. Некоторые люди спрашивали, по какому праву он обладает светской властью; а другие — те, кто лучше всех знал, что происходит в Цюрихе, — желали отказаться от духовной юрисдикции прелата, чтобы признавать только юрисдикцию Священного Писания.

Таким образом, противостояние церковным княжествам началось три столетия назад в Женеве. "Епископ предоставляет нам гражданскую юрисдикцию, - сказал Бонивар. - Акт, очень вредящий ему самому и очень выгодный для нас.... Но ... это возможность полностью лишить его власти. Ни Ла Бом, ни другие епископы не были избраны законно, то есть духовенством по представлению народа. Они были возведены на престол папой римским.... Они всего лишь

тираны, поставленные над нами другими тиранами. Поэтому мы можем отвергнуть их без опасности для наших душ; и поскольку они пришли сюда по прихоти произвольной власти, для нас законно изгнать их свободными властями города. Женева никогда не признавала других правителей, кроме тех, кого избирал сам народ". Некоторые были поражены речью Бонивара, но большее число слушало его с энтузиазмом. Католики, испытывая все большее беспокойство, ожидали больших бедствий. Здание папства, постоянно подрываемое в Женеве, шаталось; его колонны и контрфорсы рушились, а краеугольный камень арки, сама епископальная власть, был на грани того, чтобы рассыпаться в прах. Увы! католическая Женева была разрушенной крепостью. [740]

=РАЗДРАЖЕНИЕ ГЕРЦОГА.=

Когда герцог услышал об уступках епископа, им овладел один из своих приступов гнева. И не без причины: передав гражданскую власть суду мирян, Ла Бом был виновен в новом преступлении против герцога; ибо на самом деле епископ таким образом уступил юрисдикцию *vidame* (то есть герцога); и поэтому его побудили сделать это с такой готовностью.

Чарльзу не нужна была эта новая обида. Когда при туринском дворе узнали, что каноники были посажены в тюрьму прелатом, поднялся сильный переполох; друзья и родственники этих преподобных джентльменов подняли большой шум, и герцог решил направить женевцам самые настоятельные протесты, оставив за собой право прибегнуть к более энергичным мерам, если слов окажется недостаточно. Он поручил г-ну де Жакобу, своему главному конюшему, отправиться и привести этот маленький народ в порядок, и герцогский посланник прибыл в Женеву примерно в середине июля. Он держал голову очень высоко и вел себя очень сдержанно, как будто был ранен: он пришел с намерением заставить этот город, такой маленький и в то же время такой высокомерный, почувствовать, насколько велика власть могущественного князя. 20 июля сир де Жакоб, представленный совету, высокомерно заявил им не о том, что преподобные отцы, заключенные в тюрьму как преступники, невиновны, а о том, что они принадлежат к знатым семьям и являются подданными его высочества, и добавил, что герцог, следовательно, приказал немедленно освободить их. "В противном случае, - добавил посол дерзким тоном, - мой господин позаботится об этом так, как сочтет нужным". Тон и взгляд герцогского посланника объясняли его слова, и все почувствовали, что Карл III. придет и потребует каноников во главе своей армии. Смущенные магистраты и прелаты ответили посланнику, свалив вину друг на друга. Первые заявили, что они не вмешивались в дело, которое касалось только монсеньора Женевского; а епископ, в свою очередь, возложил всю вину на народ. "Я был вынужден сделать это, - сказал он, - чтобы спасти каноников от смерти". Тем не менее, он проявил милосердие. Избегатель Фрибурга, который был послан для этой цели своим советом, присоединил свои мольбы к призыву герцога; и под давлением Швейцарии и Савойи епископ решил, что не сможет сопротивляться. Арест каноников на самом деле был с его стороны актом страсти в той же степени, что и актом справедливости. "Я освобождаю их, - сказал он, - я прощаю их. Я оставляю месть Богу".

Каноники покинули место, где они были заключены, переполненные гневом и возмущением. Имея время поразмыслить над тем, что происходило в Женеве, над стремительным течением, которое уносило горожан в направлении, противоположном Риму, они приняли решение покинуть город, где их так бесцеремонно бросили в приют для преступников. Едва Де Монтротье, Де Вейги и их коллеги вернулись по домам, как заявили всем, кто был готов их

слушать, что оставляют Женеву и женеvцев на произвол судьбы. Это странное постановление немедленно распространилось по городу и сильно взволновало людей; это была важная новость, и они с трудом могли в нее поверить. Каноники Женевы были очень авторитетным органом в глазах католичества. Чтобы быть принятым в их число, кандидат должен иметь дворянские титулы или быть выпускником какого—нибудь известного университета; а с начала века в их число входили члены самых знатных семейств Савойи - Де Грамон, Де ла Фор, Де Монфалькон, Де Ментон, Де ла Мотт, Де Шатийон, Де Крозо, Де Саблон и другие, столь же знатные, как и они. [741]

=КАНОНИКИ ПОКИДАЮТ ГОРОД.=

Каноники сдержали свое слово. Как только они сделали необходимые приготовления к отъезду, они сели на своих мулов или в свои экипажи и отправились в путь. Женевцы, стоя у дверей своих домов и группами на улицах, наблюдали, как эти римские сановники покидают свои дома, одни с опущенными головами, другие с сердитыми взглядами, которые шли печальные и молчаливые и вышли через савойские ворота с сердцами, полными негодования на город, который они называли неблагодарным и мятежным. Из тридцати двух осталось только семь или восемь. [742] Горожане, собиравшиеся в разных местах, были взволнованы самыми разными мыслями. Гугеноты сказали себе, что этих высокопоставленных и преподобных священнослужителей, настоящих кардиналов, которые поддерживали папство гораздо больше, чем епископа, больше не будет рядом, чтобы помешать новому поколению сбросить оковы средневековья; что этот неожиданный исход ознаменовал великую революцию; и что старые времена уходят, и начинается Реформация. С другой стороны, жители Рима почувствовали горькую боль, и в их сердцах разгорелось пламя мести. Наконец, те граждане, которые были одновременно добрыми женеvцами и католиками, были охвачены страхом и меланхолией. "Больше никаких каноников, а вскоре, возможно, и епископа!... Останется ли Женева по-прежнему Женевой без своих каноников и епископов?" Но громкий голос, заглушивший все остальные, принадлежал приверженцам прогресса, свободы, независимости и реформ, которые желали, чтобы в обществе развивалась политическая свобода, а Церковь направлялась Словом Божьим, а не буллами папы римского. Среди них были Мезон-Нев, Бонивар, Поррал, Бернар, Шот и другие. Эти люди, пионеры современности, не испытывали ни малейшего уважения к канонам, ни сожаления о них. Они говорили друг другу, что эти благородные и ленивые лорды были довольны Женевой до тех пор, пока могли в роскоши наслаждаться там радостями жизни; но когда настал час битвы, они, как трусы, бежали с поля боя. Каноники действительно улетели; они прибыли в Анси, где и обосновались. Что касается Женевы, то им больше никогда не суждено было туда вернуться.

[731] 'Pro summa ducatorum auri largorum duorum millia.'—Galiffe fils, *Besançon Hugues*, p. 454; *Pièces Justificatives*, No. 4.

[732] Спон, *История. de Genève*, i. p. 407, note.

[733] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 468. *Журнал де Бальяра*, стр. 112. Gautier MS. *Mém. d'Archéologie*, iv. p. 161.

[734] В своем недавно опубликованном журнале Балард, один из самых уважаемых и наиболее католических магистратов того времени, подробно описывает этот заговор, стр. 117, 118. См. также Бонивар, *Полиция Женевы*, стр. 396.

[735] *Журнал де Бальяра*, стр. 118. Bonivard, *Police de Genève*, p. 396.

[736] "О милосердии". — *Журнал де Бальяр*, стр. 117. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 467.

[737] *Журнал де Бальяра*, стр. 119. Registres du Conseil, *ad locum*.

[738] Registres du Conseil des 13 et 14 juillet 1527. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 467. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. pp. 421, 517. *Журнал де Бальяра*, стр. 119.

[739] Registres du Conseil du 15 juillet 1527. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 471. *Журнал де Бальяра*, стр. 119.

[740] Registres du Conseil du 15 juillet 1527. *Журнал де Бальяра*, стр. 119. Бонивар, *Хроника*. стр. 471, 472.

[741] Besson, *Mémoire du Diocèse de Genève*, p. 87.

[742] Registres du Conseil des 18, 19, 23, 24 juillet 1527. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 468. *Journal de Balard*, стр. 121-124.

ГЛАВА IV.

КНЯЗЬ-ЕПИСКОП БЕЖИТ ИЗ ЖЕНЕВЫ.

(Июль и август 1527 г.)

=ЕПИСКОПЫ И ПРОСТОЛЮДИНЫ.=

С этого времени вечеринки в Женеве приобрели новые формы и названия. Были не просто, как прежде, сторонники иностранного господства и Савойи, а сторонники независимости и Швейцарии: последние были разделены. Некоторые, во главе с Хьюгом и Бальяром, выступали от имени епископа; другие, во главе с Мезон-Нев и Порралем, выступали от имени народа. Они желали не только отразить узурпацию Савойи, но и увидеть падение светской власти епископа в Женеве. "Теперь, — сказал Бонивар, — когда первое разделение на мамлюков и гугенотов почти подошло к концу, мы имеем второе — разделение на епископов (*эвеквенов*) и простолюдинов (*общинников*)". У этих двух партий были свои разумные и влиятельные люди, а также свои горячие приверженцы; как, например, Де ла Туа на стороне простолюдинов и Пеколат, человек, от которого этого меньше всего можно было ожидать, среди епископов. В этом бывшем мученике епископа произошла странная перемена: *шут* присоединился к епископскому оркестру. Было ли это потому, что в душе он был католиком и даже суеверным (следует помнить, что он приписывал исцеление своего языка вмешательству святого), или потому, что, будучи отъявленным паразитом, он предпочитал хорошо накрытые столы епископов? Мы не знаем. Эти шумные партизаны, авангард двух партий, часто ссорились. "Они перешептывались, глумились и корчили друг другу рожи".

В то же время это новое разделение ознаменовало шаг, сделанный этим маленьким народом вперед. Были подняты два важных вопроса, которые рано или поздно должны возникнуть в каждой стране. Первый был *политическим*, и его можно сформулировать так: "Должны ли мы

принять традиционное господство, которое было установлено путем попрания законных прав?" (Это было владычеством епископа.) Второе было *религиозным*, и его можно выразить так: "Что мы должны выбрать, папство или Евангелие?" Многие из *простолюдинов*, видя, как епископ и герцог спорят о Женеве, говорили, что эти два человека сражаются за то, что не принадлежит ни одному из них, и что Женева принадлежит женевцам. Но среди них были и политики, по большей части юристы, которые основывали свои претензии на законной основе. Епископы и князья Женевы, как мы видели, по праву должны были избираться в Женеве, а не в Риме, женевцами, а не римлянами. Исход борьбы не вызывал сомнений. Как мог епископ выступить против магистратов и граждан, опирающихся на позитивные права, и против самых мощных стремлений к свободе, которые пробуждались в сердцах людей? Как римская доктрина могла избежать наводнений Реформации? Определенные скандалы способствовали ускорению катастрофы.

12 июля несколько гугенотов предстали перед советом. "Священники Магдалины, - сказали они, - содержат неприличный дом, в котором проживают несколько распутных женщин". Среди женевцев, и особенно среди магистратов, были здравомыслящие люди, у которых перед глазами был страх Божий, а в сердцах - вера в него. Эти респектабельные миряне (и, возможно, были священники, которые думали так же) были глубоко убеждены, что одним из величайших недостатков средневековья было существование пап, епископов, священников и монахов, которые отделяли религию от морали. Совет в определенной степени уделил внимание этим жалобам. Они изгнали из Женевы лиц, которые делали своим делом содействие незаконным сношениям, обязали распутных женщин жить в отведенном им месте и сурово увещевали священников. [743] Первое дыхание Реформации в Женеве было направлено против безнравственности. Однако не это дело нанесло епископу смертельный удар; это был скандал, спровоцированный им самим и в его собственном доме. "Остановка правосудия" вот-вот должна была наконец настигнуть виновного.

=ПОХИЩЕНИЕ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.=

Однажды внезапно распространилось сообщение, которое подняло переполох во всем городе. "Молодая девушка из респектабельной семьи, - говорили в толпе, - только что была похищена людьми епископа: мы видели, как они тащили ее во дворец". Это была электрическая искра, которая воспламенила все население. Дворцовые ворота были немедленно закрыты за жертвой, и слуги епископа пригрозили силой оттеснить тех, кто требовал ее. "Неужели епископ воображает, - сказали некоторые из патриотов, - что мы будем мириться с его побоями так же спокойно, как это делают жители Сен-Клода?" Похоже, что Ла Бом допускал подобную практику среди бургундцев, которые на нее не жаловались. Мать девочки, выбежав на улицу, последовала за ней так быстро, как только могла, и остановилась только у закрытых ворот епископального дворца. Она расхаживала по зданию, рыча, как лвица, лишившаяся своего детеныша. Горожане, столпившиеся перед дворцом, восклицали: "Ха! сейчас вы сбрасываете маску святости, которую надевали, чтобы обмануть простых людей. В своих церквях вы целуете ноги Богу, а в своей жизни дерзко плюете ему в лицо!" - Многие из них взывали к епископу, призывая его вернуть молодую женщину ее матери, и яростно колотили в ворота.

Прелат, который в то время был за обедом, не хотел, чтобы его отвлекали от этого важного дела; более того, будучи озадачен тем, как ему следует поступить, он решил, что лучшее, что он мог сделать, - это остаться глухим. Поэтому он ответил своим слугам, которые попросили у него

приказаний: "Не открывайте дверь", - и, поднеся бокал к губам, продолжил трапезу. Но сердце его начинало трепетать: крики становились все громче, и каждый удар по воротам находил отклик в душе провинившегося священника. Его слуги, украдкой выглядывавшие из окон, сообщили ему, что прибыли судьи, и Пьер де ла Бом встал со своего кресла, бледный как смерть, и подошел к окну. Немедленно воцарилось глубокое молчание, и синдики обратились к прелату с серьезной, но очень уважительной речью. Епископ, испуганный народным гневом, ответил: "Конечно, джентльмены, вы получите молодую женщину.... Я приказал похитить ее только для арфиста, который попросил ее у меня в обмен на свои услуги. "Монсеньор похитил девушку не в порыве страсти, а только для того, чтобы заплатить жалованье музыканту! Это было не более преступно, но более мерзко. Ворота дворца были открыты, и девочка была возвращена своей матери. Майкл Розет не упоминает арфистку и наводит нас на мысль, что епископ забрал ее себе. Это скандальное похищение было последним актом, совершенным в Женеве римскими епископами. [744]

С этого момента низложение епископа было как бы подписано в сердцах большинства горожан. "Значит, это дело рук священников, - говорили они, - разврат и насилие!"... Вместо того, чтобы очищать нравы людей, они стараются развратить их! На! на! вы, епископы, прекрасная религия - это религия вашего епископа!"

Противодействие коррумпированному правительству вскоре стало казаться им своим долгом. Право на сопротивление было одним из принципов этого общества в средние века, который некоторые авторы считают образцом раболепия. В Великой хартии Англии король разрешал своим собственным подданным, в случае, если он нарушит какую-либо из их свобод, "преследовать его и досаждать ему изо всех сил, захватывая его замки, поместья, имущество и иным образом". В определенных случаях вассалы могли полностью отделиться от своего сюзерена. Некоторые вассалы, это правда, могли заходить в этом принципе слишком далеко и заявлять, что свергают феодальную власть, *когда им это заблагорассудится*; но закон давал ответ: "Нет, если только не будет *разумной причины*". [745] Освобождаясь от князей-епископов, которые так часто нарушали привилегии и потворствовали врагам города, Женева думала, что действует с очень разумной целью и не выходит за рамки законности. Разорение епископов и князей Женевы, уже подготовленное их политическими злодеяниями, было завершено их нравственным расстройством.

Но если сторонники закона и морали желали законными средствами разорвать узы, соединявшие их с князем-епископом, то другие лица, остряки и скандалисты, настроенные против его сторонников, начали затевать ссоры с епископами. Однажды "женевские юноши", возвращаясь с состязания в стрельбе, где, по словам хрониста, они "много раз пробовали в пот" (то есть сильно напились), решили преподать хороший урок двум друзьям епископа, Пеколату и Роберту Венделям. Последний, в то время лично привязанный к Пьеру де ла Бому, впоследствии стал одним из самых ревностных патриотов. "Они в соборе Святого Виктора", - сказал кто-то. - "Давайте сходим и заберем их". Группа, возглавляемая барабанщиком, отправилась в монастырь, где Бонивар сказал зачинщикам, что два епископа и другие развлекаются в Плейнпале. Как раз в тот момент, когда прибыл оркестр, епископалы входили в город: один из "сынов Женевы", увидев Пеколата и Ванделя, воскликнул: "Милорд, среди вас есть предатели!" Епископ пришпорил своего мула и ускакал; Пеколат обнажил шпагу; его противник, Де ла Туа, сделал то же самое, и они начали рубить друг друга. Драка была такой шумной, что стражники в тревоге закрыли ворота, когда несколько разумных людей разняли дерущихся. В глубинах

человеческих умов совершалось более серьезное движение. Ничто, кроме секуляризации и реформации, не могло положить конец почти всеобщему недовольству. [746]

=УГРОЗЫ ГЕРЦОГА.=

Герцог Савойский хотел найти другое решение. Его советники объяснили ему, что епископ потерял авторитет среди знати и духовенства из-за своего желания вступить в союз со швейцарцами; что он был разорен в глазах горожан своим необразованным образом жизни; и что настало время дать этим беспокойным людям *более сильного пастыря*, который излечил бы их от пристрастия к политической и религиозной свободе. Вследствие этого герцог призвал женевцев 30 июля признать его притязания, и его послы добавили, что, если граждане откажутся, "Карл III. пришли бы лично с армией, и тогда им пришлось бы удерживать свой город ... если бы они могли." Женевцы ответили: "Мы скорее примем смерть". Бернцы, узнав об угрозах Савойи, отправили послов в Шамбери, чтобы увещевать (*admonester*) герцога. "У меня зуб на город, - сказал он, - и на епископа тоже, и я сделаю все, что в моих силах, вопреки всякому противодействию". — "Будьте начеку, - сказали бернские послы синдикам по возвращении, - ибо герцог готовится увезти епископа и конфисковать городские свободы". Епископ и горожане были чрезвычайно взволнованы. Мужчины, женщины и дети принялись за работу: они вырубали деревья вокруг стен, снесли дома и сравняли с землей сады, в то время как четыре бригады работали на укреплениях. "Мы скорее умрем, защищая свои права, - заявили женевцы, - чем будем жить в постоянном страхе". [747]

Можно было бы предположить, что герцог, объявив войну одновременно епископу и городу, сблизил бы их друг с другом; но народное раздражение против епископа и духовенства от этого только усилилось. Горожане говорили, что все несчастья Женевы происходят оттого, что у них епископ вместо князя; и Ла Бом видел заговорщика в каждом женевце. Не один епископ, угнетавший свободы своего народа, пал в средние века под ударами возмущенных горожан. Например, несчастный Годри, епископ Лана в двенадцатом веке, поправ права граждан, был вынужден бежать от их гнева и спрятаться в бочке в епископском погребке. Но, когда его обнаружили и вытащили на улицу, он был убит ударом топора, а его тело засыпано камнями и грязью. [748] Если бы добрые *католики* так отомстили своему епископу, что бы сделали *гугеноты*?

=ЕПИСКОП РЕШАЕТ ПОКИНУТЬ ЖЕНЕВУ.=

У Ла Бом были и другие опасения. Интригующая женщина, его двоюродная сестра мадам де Бесс, широко известная как мадам де ла Грюйер, попав в руки герцога, встревожила епископа, намекнув, что его собираются похитить и что на этот раз его мул его не спасет. Едва эта дама покинула дворец, как вошли бернцы и сказали испуганному епископу: "Поторопись уйти! ибо герцог едет забрать тебя". Возможно, они сказали это с коварным намерением, желая освободить город от епископа. После этого у Ла Бома не было ни минуты покоя. Его слуги, которым угрожали гугеноты, тоже начали бояться и, таким образом, усилили тревогу своего хозяина. Он провел день в мучениях и проснулся ночью, издавая крики ужаса. Временами он прислушивался, как будто слышал шаги людей, идущих, чтобы унести его. Он не колебался: его пребывание в епископальном городе стало невыносимым. У него было слишком много здравого смысла, чтобы не видеть, что дело его светского княжества проиграно, и, к его несчастью, единственный принц, который мог его защитить, ополчился против него. Каким бы ни был риск, он должен уйти. "Чем епископ был так раздосадован, - говорит Бонивар, - что подумывал об

уходе из Женевы в Бургундию". Он льстил себя надеждой, что будет спокоен среди своих добрых вассалов из Сен-Клода и счастлив в своих подвалах в Арбуа! [749]

Однако сделать это было нелегко. Ему предстояло выбраться из Женевы, проехать через район Жекс и пересечь горы Юра, кишачие вооруженными людьми. Чувствуя, что ему нужна чья-нибудь помощь, он решил обратиться к Безансону Хьюгу. Он пригласил его прийти во дворец, но ночью, чтобы никто его не увидел. Когда Хьюз добрался туда, несчастный и виноватый прелат сжал его руку и рассказал ему обо всех своих бедах. "Я больше не могу терпеть несправедливость, насилие и тиранию, которые мне причиняет герцог", - сказал он. "Я знаю, что он замышляет похитить меня и заточить в одном из своих монастырей. С другой стороны, я не доверяю своим собственным подданным, ибо они покушаются на мою жизнь. Я день и ночь нахожусь в смертельных мучениях. Вы один можете вывезти меня из города, и я надеюсь, что вы сумеете сделать так, чтобы об этом не говорили." Безансон Хьюз был тронут, когда увидел взволнованного и дрожащего перед ним человека, в котором он узнал своего господина. Как он мог отказать встревоженному священнику в услуге, о которой тот так настойчиво просил?... Он оставил епископа, сказав ему, что пойдет готовиться к ночному полету. [750]

=НОЧЬЮ УБЕГАЕТ В СЕНТ-КЛОД. КЛОД.=

В ночь с 1 на 2 августа 1527 года Хьюз тайно отправился во дворец в сопровождении Майкла Гийе, ведущего мамелюка. Прелат принял своих друзей как ангелов-освободителей. Все трое спустились в подземелья, где Ла Бом приказал открыть отдельную дверь, которая вела на улицу, ныне называемую Рю де Лафонтен. Он должен был пройти по этой улице, чтобы добраться до озера; но разве кто-нибудь из этих ужасных гугенотов не мог остановить его в бегстве? Он тайно и переодетый выбрался из дворца, встал между двумя своими защитниками и, охваченный необычайной тревогой, бесшумно двинулся вперед. Добравшись до кромки воды, беглец и двое его спутников разглядели в темноте лодочников, которых нанял Хьюз. Ла Бом и Безансон сели в лодку, в то время как Мишель Гийе вернулся в город. Лодочники взяли за весла и пересекли озеро в том месте, где из него вытекает Рона. Ла Бом огляделся по сторонам, но ничего не увидел, ничего не услышал, кроме глухого стука весел. Опасность, однако, была далека от того, чтобы миновать. Правый берег, возможно, был занят бандой его врагов.... Когда лодка причалила к берегу, Ла Бом заметил двух или трех мужчин с лошадьми. Они были друзьями. Хьюз и епископ, не теряя ни минуты, вскочили в седла и галопом поскакали в направлении реки Юра. Епископ никогда так высоко не ценил свою удачу в том, что он был одним из лучших наездников своего времени; он вонзал шпоры в своего скакуна, временами воображая, что слышит позади себя топот савойских лошадей. Таким образом, епископ и его спутник ехали всю ночь напролет по проселочным дорогам и среди больших опасностей, ибо все перевалы охранялись вооруженными людьми. Наконец забрезжил день. По мере того, как они продвигались вперед, Ла Бом дышал свободнее. После двадцати четырех часов жестокого страха путешественники прибыли в Сен-Клод. Пьер де ла Бом был на вершине счастья. [751]

На следующий день после его отъезда новость о бегстве епископа внезапно стала известна в Женеве, где это вызвало большую сенсацию. "Увы! - говорили монахи в своих монастырях. - Монсеньор, видя приближающуюся беду, тайком переправился через озеро". Патриоты, напротив, собираясь группами в общественных местах, радовались, что их избавили от одного поступка как их епископа, так и их принца. В то же время савойские солдаты, расставленные вокруг Женевы, были сильно раздосадованы; они несли вахту день и ночь, и все же епископ

ускользнул у них из рук. Чтобы отомстить за себя, они поклялись арестовать Безансона Хьюза по его возвращении. Последний, не задерживаясь в Сен-Клоде, снова появился на следующее утро на рассвете в районе Жекса, где вскоре заметил, что все джентльмены и солдаты присоединились к погоне за ним. На деревенских колокольнях зазвонили колокола, крестьяне проснулись, и все закричали: "Эй! hie! предатель Безансон!" Ему казалось невозможным спастись. Спустившись с горы, он пошел по проселочным дорогам через равнину, как вдруг на него напало несколько вооруженных людей. Хьюз обладал большой отвагой, крепким мечом и хорошим конем; перейдя вброд ручьи и проскакав галопом по холмам, он спасся, "как чудом", - говорит его друг Балард. [752]

=НАЕМНИК БРОСАЕТ ОВЕЦ.=

Женевцы очень беспокоились за него, потому что все они любили его. Забили барабаны, роты построились под командованием своих офицеров, и они уже собирались выступить с оружием в руках, чтобы защитить его, когда внезапно появился он, запыхавшийся, измученный и раненый. Они хотели бы поговорить с ним и, прежде всего, услышать его; но Хьюз, едва пожав руки своим друзьям, поехал прямо к себе домой и лег спать; он был совершенно разбит. Члены синдиката отправились в его комнату, чтобы разобраться в обстоятельствах, на которые он жаловался. Но вскоре храбрец оправился от усталости, и город был полон радости. Бегство епископа еще больше усилило их жизнерадостность: оно разорвало узы, от которых они устали. "Наемник, - сказали они, - оставляет овец и убегает, когда видит приближающегося волка". [753] "Следовательно, - добавили они, - он не пастух".

[743] Registres du Conseil du 12 juillet 1527.

[744] Розет СР. *Хронол.* лив. ii. глава xv. Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 455.

[745] Beaumanoir, *Coutumes de Beauvaisis*, p. 61. Guizot, *Histoire de la Civilisation en France*, iv. p. 72.

[746] Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 464.

[747] Registres du Conseil des 30 juillet et 25 août 1527. *Journal de Balard*, стр. 125, 126.

[748] 'Quot saxis, quot et pulveribus corpus oppressum.'—G. de Novigento, *Opp.* p. 507.

[749] Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 473. Спон, *Хист. de Genève*, ii. p. 410. Готье СР.

[750] Савьон, *Анналы*, стр. 139. Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 474. Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, pp. 427, 428, &c.

[751] *Журнал де Бальяра*, стр. 126. Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 474. *Воспоминания д'Аршеоля.* ii. стр. 12.

[752] *Журнал де Бальяра*, стр. 127. Registres du Conseil du 6 août 1527, La Sœur de Jussie, p. 4.

[753] Иоанн х. 12.

ГЛАВА V.

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ В ЖЕНЕВЕ И ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ ПАПСТВА. (Август 1527 - февраль 1528 гг.)

Герцог Савойский был волком. Когда он услышал о бегстве епископа, его досада была больше, чем можно себе представить. Он сказал бернцам: "Я получу месье Женевца по своему желанию", [754] и теперь коварный прелат ускользнул от него во второй раз. Сначала Карл III. потерял всякий самоконтроль. "Я пойду, - сказал он, - и перетащу его через Альпы с веревкой на шее!" После чего написал ему: "Я сделаю тебя самым бедным священником в Савойе"; и, продолжая удовлетворять свой гнев, он захватил аббатства Суза и Пиньероль, принадлежавшие Ла Бому. Постепенно его гнев остыл; советники герцога, зная нерешительный и робкий характер епископа, сказали своему повелителю: "У него такой переменчивый нрав [755], что будет легко снова привлечь его на сторону Савойи". Принц последовал их совету и послал Дюси, управляющего замком Иль, попытаться вернуть его. Герцогским советникам показалось, что Пьер де ла Бом, бежав из Женевы, никогда не сможет вернуться туда, да и не захочет этого делать; и что настало время, когда переговоры, благоприятные в других отношениях для прелата, могли бы передать герцогу во владение город, который он хотел всеми средствами оградить от ереси и свободы.

=ГЕРЦОГ ПЫТАЕТСЯ ЗАВОЕВАТЬ СЛОНА.=

Епископ, в тот момент очень удрученный, был тронут заигрываниями герцога; он послал к принцу агента, и мир, казалось, вот-вот будет заключен. Но Чарльз произнес слово, которое прозвучало нехорошо в ушах прелата. "Герцог желает, чтобы я подписался *его подданным*", - написал он Хьюзу. "Думаю, я знаю почему.... Это для того, чтобы впоследствии он смог наложить на меня руки. Тем не менее герцог, казалось, сдерживался. "Я верну все ваши бенефиции, - сказал он епископу, - если вам удастся аннулировать союз между Женевой и Швейцарией". Ла Бом согласился на все, чтобы вернуть свои аббатства, конфискация которых привела к значительному разрыву в его доходах. Его не очень заботила жизнь в Женеве, но он хотел чувствовать себя непринужденно в Бургундии. В этот момент, когда герцог и женевцы оставили его в покое, он наслаждался своим отдыхом. Вместо того чтобы постоянно находиться в присутствии гугенотов и мамлюков, он спокойно прогуливался в своем саду "среди своих гвоздик и ландышей". [756] Он заказал на зиму несколько красивых меховых мантий, подбитых черным атласом; он накрыл хороший стол и сказал: "У меня здесь гораздо больше хорошего вина, чем в Женеве". [757]

Епископ бежал из своего епископства, как наемник, принц бежал из своего княжества, как заговорщик, граждане решили принять меры для сохранения порядка в государстве и сразу же сделать конституцию более прочной и независимой. Генеральный совет делегировал трем советам из Двадцати пяти, Шестидесяти и Двухсот человек обязанность заниматься необходимыми делами, за исключением таких важных дел, которые требовали созыва народа. Был также назначен тайный совет, состоящий из четырех синдиков и шести наиболее решительных гугенотов. Выдающийся историк говорит, что конституция Женевы была тогда сделана демократической; [758] другой историк утверждает, напротив, что власть народа была ослаблена. [759] Мы придерживаемся иного мнения, чем оба. По мере того, как Женева

избавится от иностранной узурпации, это укрепит ее внутреннюю конституцию. Несомненно, эта маленькая нация желала быть свободной, и Реформация заключалась в том, чтобы сохранить ее свободы; в Реформе есть демократия. Философия, которая удовлетворяется небольшим числом учеников, никогда не формировала ничего, кроме интеллектуальной аристократии; но евангельское христианство, которое обращается ко всем классам, и особенно к низшим, развивает понимание, пробуждает совесть и освящает сердца тех, кто его принимает, таким образом распространяя свет, порядок и мир повсюду и формируя истинную демократию на земле, очень отличную от той, которая существует без Христа и без Бога. Но Женева, в то время окруженная непримиримыми врагами, нуждалась, как необходимое условие своего существования, не только в свободе, но и в порядке, силе и, следовательно, авторитете.

=ГЕРЦОГСКИЙ ГЕРБ ПАДАЕТ В ЖЕНЕВЕ.=

Едва епископ исчез из Женевы, как исчезли и знаки герцогской власти. За восемь лет до этого Карл III. он приказал водрузить белый крест Савойи, вырезанный из мрамора, на замок Иль, "по поводу чего друзья свободы были глубоко опечалены". — "Я водрузил свой герб посреди города в знак суверенитета, - надменно сказал он, - и приказал высечь его на твердом камне. Пусть народ уничтожит их, если посмеет!" Утром 6 августа (через пять дней после бегства епископа) несколько человек, проходивших мимо замка, к своему великому удивлению, заметили, что герцогский герб исчез.... Вскоре на месте происшествия собралась толпа, и возникла оживленная дискуссия. Кто это сделал? таков был общий вопрос. "О! - ответили некоторые. - Камень случайно упал в реку", но, хотя вода была чистой, никто не мог его увидеть. "Это были вы, - сказали сторонники герцога гугенотам, - и вы его где-то спрятали". Бонивар, задумчиво стоявший посреди толпы, сказал наконец: "Я знаю преступника". — "Кто это? кто это?" "Святой Петр", - ответил он. "Как покровитель Женевы, он не желает, чтобы светский князь имел какой-либо знак власти в своем городе!" Этот инцидент, виновники которого так и не были известны, произвел большое впечатление, и самые серьезные люди воскликнули: "Воистину, это видимый знак, возвещающий нам тайное и таинственное решение Всевышнего. То, что низвергла рука Божья, да не восстановит рука человеческая!" [760]

Женевцам не нужны были ни герцог, ни епископ; они пошли еще дальше и, подвергаясь преследованиям со стороны римского двора, собирались показать, что папа им безразличен. Едва они закончили разговор о бегстве Ла Бомы и гербе Савойи, как им сообщили странную новость. Был распространен слух, что по просьбе мамлюков против них было объявлено отлучение от церкви и интердикт. Это сильно взволновало тех граждан, которые все еще были привержены римскому богослужению. "Что? - воскликнули они. - Священники будут отстранены от своих обязанностей, люди лишены возможности совершать таинства, богослужения и освященного погребения... невинные и виновные будут вовлечены в одно общее несчастье"... Но энергия гугенотов, которых долгие бои закалили, как сталь, не должна была ослабнуть от этого нового нападения. Наиболее решительные из них решили обратиться против Рима то же самое, что замыслили против Женевы. Совет, будучи полон решимости не допустить вывешивания плакатов об отлучении от церкви на улицах, [761] приказал "строго следить за мостом Арве, около Сен-Виктора и Сен-Леже, и чтобы ворота закрывались рано и открывались поздно". Этого было недостаточно. Пять дней спустя (29 декабря 1527 г.) законно собравшийся народ потребовал, чтобы перед ними вслух была зачитана *Золотая булла*, в которой

предписывалось, что, за исключением императора и епископа, в Женеве не должно быть никакой власти. Затем генеральному совету было сделано смелое предложение, а именно: "никакие столичные письма, а тем более никакие апостольские письма (то есть, никакие указы, исходящие от папских судов) не должны исполняться ни одним священником или каким-либо гражданином". — "Согласны, согласны!" - закричали все. Казалось бы, голосование было почти единогласным. Таким образом, епископ на берегах Тибра нашел людей, готовых противостоять ему на неизвестных берегах Лемана.

Это голосование встревожило нескольких робких людей, придерживающихся традиционных взглядов. Сторонники *статус-кво* умоляли прогрессистов сдержаться, но последние не желали этого делать. Они ответили, что Реформация торжествует среди швейцарцев; что Цвингле, Колампадиус и Галлер проповедуют с каждым днем с возрастающим успехом в Цюрихе, Базеле и Берне. Они добавили, что 7 января 1528 года в названном городе началась знаменитая дискуссия и что Священное Писание одержало победу; что алтари и изображения были разрушены "с согласия народа"; что на их место было введено духовное богослужение и что все, включая четырнадцатилетних детей, поклялись соблюдать "лютеранский закон". Гугеноты думали, что если отлучение от церкви пришло к ним из Рима, то отпущение грехов придет к ним из Берна - или, скорее, с небес.

=ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ ПАПСТВА.=

Самые беззаботные из них пошли дальше. Римская церковь веками приучала своих последователей сочетать маскарады с самыми священными воспоминаниями. В некоторых кантонах было большое ликование по поводу отмены мессы. Такой пожар нельзя было разжечь в Швейцарии, не разбросав несколько искр по Женеве. Бодишон де ла Мезон-Нев, ярый враг суеверий, активный и даже буйный человек, достаточно смелый, чтобы предпринять что угодно, решил организовать похоронную процессию папства. Он нападет на Рим с оружием, которым снабдил его римский карнавал, и устроит грандиозное шествие. В то время как серьезные люди читали послание с небес (Евангелие), которое освобождало их от отлучения от церкви ее мнимого наместника, молодые и легкомысленные были в большом волнении; они одевались в своих домах самым странным образом; они переодевались, одни как священники, другие как каноники, третьи как монахи; они выходили, собирались вместе, выстраивались в очередь и вскоре начали маршировать по улицам города. Там были белые монахи, серые монахи и черные монахи, толстые каноники и худые викарии. Один просил милостыню, другой пел; вот один бичевал себя, там другой торжественно вышагивал; вот мужчина в власянице, там мужчина с бутылкой. Некоторые позволяли себе возмутительное шутовство; другие, более полно подражая монахам, заходили так далеко, что позволяли себе вольности с женщинами, которые наблюдали за происходящим, и когда какой-нибудь толстый монах таким образом делал какой-нибудь пародийный жест, раздавались громкие аплодисменты, и толпа восклицала: "Это не самое худшее, что они делают". По правде говоря, реальность была более виновата, чем пародия. Когда они увидели эту шумную процессию и услышали скорбное пение, смешанное с громкими взрывами смеха, все сказали, что папство умирает, и запели свой *De profundis*, свой погребальный гимн.

Священники восприняли шутку очень скверно, и едва процессия закончилась, как они, пылая от гнева, поспешили пожаловаться синдикам на "вражду, поднятую против них Бодишоном и другими". Синдики направили свою жалобу в епископальный совет, и последний сделал

нарушителям строгий выговор. Но Мезон-Нев и его друзья отступили, полностью убежденные в том, что священники были неправы и что победа в конечном итоге будет на их стороне. [762]

=БОНИВАР В МОНАСТЫРЕ.=

В Женеве начали оценивать папское отлучение от церкви по достоинству. Никто не знал по этому предмету больше Бонивара, и он проинструктировал своих лучших друзей по этому сложному тексту. Среди них был Франсуа Фавр, человек пылкого характера, остроумия и довольно светских манер, но при этом хороший гражданин и решительный гугенот. Однажды, по знаменитому случаю, Фавру предстояло встать во главе освободителей Бонивара. Иногда он ходил в монастырь, где часто встречался с Робертом Венделем, человеком менее решительным, чем двое его друзей. Вандель, который все еще поддерживал хорошие отношения с епископом, в душе был одним из самых независимых людей, и Бонивар назначил его губернатором владений Сен-Виктор.

Эти женевцы и другие продолжали разговоры, которые Бонивар ранее вел с Бертелье в той же комнате и за тем же столом. Они говорили о Берне, о Женеве, о Швейцарии, о Реформации и об отлучении от церкви. Вскоре Бонивару представилась особая возможность просветить двух своих друзей о деяниях римского духовенства.

=БОНИВАР ОБ ОТЛУЧЕНИИ ОТ ЦЕРКВИ.=

В Женеве не было никого, кого папская партия ненавидела больше, чем его. Ультрамонтанисты могли понять, почему юристы и граждане выступали против духовенства; но приор!... Поэтому его враги составили план захвата поместий Сен-Виктора и изгнания Бонивара из монастыря. Гугеноты, услышав об этом, горячо поддержали его дело, и совет дал ему для защиты (20 января 1528 года) шесть аркебузов и четыре фунта пороха. Вряд ли это было монашеское оружие, но пылкий Фавр поспешил предложить ему свое сердце и руку; и, по правде говоря, Бонивар в случае необходимости мог бы очень хорошо воспользоваться аркебузой. Однако ему пришлось прибегнуть к помощи других защитников; он решил пойти и отстаивать свое дело перед Лигой. Но это было небезопасно, так как агенты герцога могли схватить его по дороге, о чем он впоследствии имел несчастье узнать. Фавр, всегда готовый отправиться туда, где был какой-либо риск, вызвался сопровождать его в Берн. Ванделю пришлось отправиться в качестве губернатора Сен-Виктора: они отправились в путь. Прибыв в деревню в районе Пэй-де-Во, трое гугенотов спешили и отправились прогуляться, пока их лошади отдыхали. Бонивар, проезжая мимо, заметил несколько больших плакатов на дверях церквей, и, из любопытства узнав, о чем они, он подошел к ним и немедленно позвал своих друзей; "Идите сюда, - сказал он, - вот несколько любопытных вещей — письма об отлучении от церкви". Он уже начал читать их, когда один из его товарищей закричал: "Стойте! ибо, как только вы их прочтете, вы будете тем самым отлучены от церкви!" Достойный гугенот вообразил, что лучший план - ничего не знать о подобных анафемах, а затем действовать так, как будто отлучения не существует, чего нельзя было бы сделать, если бы они были прочитаны. Бонивар, человек с большим здравым смыслом, воспользовался возможностью объяснить своим друзьям, чего стоили эти земные отлучения. "Если вы сделали что-то не так, - сказал он им, - сам Бог отлучает вас от церкви; но если вы поступили правильно, отлучение священников не причинит вам вреда. Есть только один трибунал, который имеет власть над совестью, и это небеса. Папа и дьявол причиняют вред только тем, кто их боится. Поэтому делайте то, что правильно, и ничего не бойтесь. Стрелы, которые они могут в вас метнуть, будут израсходованы в воздухе". Затем он добавил с улыбкой:

"Если папа или митрополит Вены отлучат вас от церкви, папа Бертольд Бернский даст вам отпущение грехов". [763] Слова Бонивара повторялись в Женеве, и папские отлучения с каждым днем теряли авторитет.

Это вызвало тревогу: епископские чиновники сообщили епископу; но последний, наслаждавшийся своими бургундскими бенефициями, отложил в сторону все, что могло нарушить его трапезу и покой. С герцогом и его министрами все было по-другому. Этот принц не удовлетворился тем, что возжелал мирской власти прелата; считая, что Ла Бом уже лишен своих прав, он назначил себя епископом, нет, почти папой, вместо него. Туринский кабинет думал, что если принципы гражданской свободы однажды объединятся с принципами религиозной свободы, Женева попытается реформировать Савойю с помощью бесед, писем, книг и миссионеров. Карл III. поэтому направил послание совету, которое было зачитано в Двухсотлетнем собрании 7 февраля. "Я слышал, - сказал принц, - что лютеранская секта прокладывает себе дорогу среди вас.... Поторопитесь предотвратить опустошительные действия этой эпидемии и с этой целью пошлите 17-го числа двух уполномоченных вами людей услышать некоторые очень важные вещи, касающиеся моего авторитета в вопросах веры.

Что ответили бы женеvцы? Если епископ становится князем, почему принцу не быть епископом? Смещение двух провинций является источником постоянных беспорядков. Христианство не может терпеть ни цезарей, которые являются папами, ни пап, которые являются цезарями; и все же честолюбие всегда стремится объединить эти две непримиримые силы. Герцог не предполагал окончательно упразднить епископальную власть и возложить ее на себя; но он хотел воспользоваться бегством епископа, чтобы приобрести влияние, которое он смог бы сохранить, когда епископальная власть будет восстановлена. Поэтому он говорил, как римский понтифик ... о своем авторитете в вопросах веры.

"В самом деле, - сказал совет, - с нас достаточно даже одного папы, и мы не хотим иметь двух — одного в Риме, а другого у самых наших ворот". Горожане были так раздражены необычным заявлением Чарльза, что не дали ответа в обычной форме. "Мы не будем писать герцогу, - заявили синдики. - Мы никого не будем ему поручать, поскольку не являемся его подданными; но мы просто скажем подателю его письма, что у нас все идет очень хорошо, и что герцог, не имеющий полномочий поправлять нас, должен заниматься своими делами". Таков протокол, внесенный в реестр заседаний совета за этот день. Что касается Ла Бома, бедный прелат, который не слишком заботился ни о папе, ни о лютеранстве, в тот же день написал женеvцам, что разрешает им "есть молочную пищу во время грядущего Великого поста". Это кулинарное разрешение было вполне в его духе, и это было самое важное послание от епископа в то время. [764]

=ГЕРЦОГ ДЕЛАЕТ ВЫГОВОР КАНОНИКАМ.=

Когда епископальный совет услышал об ответе синдиков, они пришли в большое волнение. Они считали это грубым и неприличным и боялись, что Карл смешает их с этими высокомерными горожанами. Поэтому они послали г-на де Вейги, одного из самых выдающихся каноников, к герцогу, чтобы умиротворить его. Преподобный отец отправился в путь, и в пути он то опасался гнева Карла, то предвкушал любезности, которые герцогский двор не мог не оказать ему. Но едва он был представлен герцогу и отвесил глубокий поклон, как епископ де Белли, стоявший слева от его высочества и уполномоченный быть толкователем его чувств, резко обратился к нему и, назвав его предателем и гугенотом, оскорбил его точно так же, как это мог бы сделать де

ла Туа. Но это оскорбление было ничем по сравнению с гневом Карла: не в силах сдержаться, он взорвался и, изложив ужасные планы, которые он вынашивал против Женевы, заявил, что превратит этот неприступный город в пепел, и закончил словами: "Если вы не выйдете из него, вы будете сожжены в нем вместе со всеми остальными". Бедный каноник пытался успокоить его высочество: "Ах, милорд, - сказал он, - я там не останусь: все каноники, находящиеся сейчас в городе, собираются покинуть его!" И все же Де Вейги любил Женеву и считал, что жить в Анси было бы ужасно скучно. Соответственно, по возвращении в город он забыл о своем ужасе и о своих обещаниях, после чего получил следующее короткое послание от Карла III: "Приказано под страхом смерти покинуть Женеву в течение шести дней". — "Он уехал 3 марта и с большим сожалением", - добавляет Балар. [765] Карл хотел поместить каноников в безопасное место, прежде чем сжечь город.

[754] "Que qui en volisse contredire" (что бы кто—нибудь ни предпринял, чтобы противостоять этому), добавил он.—*Journal de Balard*, стр. 124.

[755] 'Il est d'un esprit si changeant.'—*Hist. de Женев*, рукопись 17 века. *Bibliothèque de Berne*, *Hist. Гельвет.* v. стр. 12.

[756] Письмо Ла Бома Хьюзу. Galiffe, *Matériaux*.

[757] Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 424-475. *Mém. d'Archéologie*, ii. pp. 14, 15.

[758] Mignet, *Réforme à Genève*, p. 34.

[759] Джеймс Фази, *историк. de la République de Genève*, p. 158.

[760] *Журнал де Бальяра*, стр. 127. Розет СР. *Хронол.* лив. ii. гл. xx. Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 448. Готье СР.

[761] *Registres du Conseil des 24 et 29 décembre 1527.* Бонивар, *Хроника.* ii. стр. 473, 474. Готье г-жа *Журнал де Бальяра.*

[762] *Registres du Conseil des 15 et 17 janvier 1528.* *Журнал де Бальяра*, стр. 146. Готье СР.

[763] 'Hominum anathemata a Bertholdo papa facile solvenda.'—Spanheim, *Geneva Restituta*, p. 35.

[764] *Registres du Conseil du 7 février 1528.* *Журнал де Бальяра*, стр. 147.

[765] *Registres du Conseil du 7 février et du 3 mars 1528.* *Journal de Balard*, стр. 147-149.

ГЛАВА VI.

РЫЦАРИ ЛОЖНОЙ ЛИГИ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ЖЕНЕВЫ В ЗАМКЕ БУРСИНЕЛЬ. (Март 1528 г.)

=БОНИВАР ЖАЛУЕТСЯ НА ЖЕНЕВУ.=

Сторонники абсолютизма и папства со всех сторон восстали против Женевы, как будто Реформация уже утвердилась там. Однако это было не так. Хотя Женева вышла из латинизма,

она еще не вступила в период Реформ: она все еще находилась в тех неопределенных и бесплодных местах, в той стране отрицаний и споров, которая лежит между ними двумя. Лишь немногие люди начинали понимать, что для того, чтобы действительно отделиться от папы, необходимо, как говорили Галлер и Цвингле, повиноваться Иисусу Христу. Бонивар, проницательный критик, предавался своим размышлениям в своем большом кресле в приоре Святого Виктора и внимательно изучал необычный аспект, который представляла Женева в то время. "Странное зрелище, - сказал он. - все хотят командовать, и никто не желает подчиняться. От тирании мы впали в противоположный и худший порок анархии.... Тиранов столько же, сколько голов... что порождает путаницу. Каждый желает извлечь свою выгоду или личное удовольствие из общего блага; выгода ведет к алчности; а удовольствие состоит в том, чтобы отомстить тому, кого ты ненавидишь. Убивают людей, но они не являются настоящими врагами Женевы.... Если вы раните медведя, он не бросится на человека, который ранил его, а сорвет первые жерди или первое дерево на своем пути.... И это, увы! вот что они делают среди нас. После того, как мы стонали под властью тиранического правительства, у нас появилась любовь к вседозволенности вместо любви к свободе. Мы должны быть учениками, прежде чем сможем стать мастерами, и порвать много струн, прежде чем сможем играть на лютне. Гугеноты изгнали тирана, но не изгнали тиранию. Это не свобода делать все, что мы желаем, если мы не желаем того, что правильно. О гордыня! ты погубишь Женеву! Гордость всегда испытывает зависть к своему последователю; и когда гордость поднимается слишком высоко, старая карга хватается ее за хвост и тянет назад, так что она падает и ломает шею.... Лиги гугенотов недостаточно; Евангелие должно продвигаться вперед, чтобы папство могло отступить". Эти мудрые размышления передал сам Бонивар. [766]

Он был не единственным человеком, которого посещали подобные мысли. Дела альянса часто привлекали бернцев в Женеву; и, будучи убеждены, что только Реформация может спасти этот город, они продолжили дело Аб Хофена. Будучи принятыми в частные семьи, они выступали против человеческих традиций и превозносили Священное Писание. "Бог говорит нам об Икупителе, - говорили они, - а не о Великом посте". Но фрибургцы, участвуя в этих евангелических собраниях, восклицали: "Повинуйтесь Церкви! Если вы отделитесь от Церкви, мы разорвем союз!" [767]

=ОТВЕТ БОНИВАРДА ГУГЕНОТАМ.=

The *Епископы* были во Фрибурге, *простолюдины* - в Берне. Последние были разделены на три класса: были политики, для которых религия была лишь средством обретения свободы; серьезные и миролюбивые люди, которые призывали к истинному благочестию (Бонивар упоминает Бутелье как одного из них); и, наконец, враги священников, которые смотрели на Реформацию с негативной точки зрения и рассматривали ее, по существу, как войну против римских суеверий. Однажды эти искренние, но нетерпеливые люди сказали, что больше не могут ждать, и отправились в Сен-Виктор, чтобы пригласить приора встать во главе их. Они позвонили у ворот монастыря, и привратник пошел и сказал Бониварду, который приказал впустить их: "Мы хотим положить конец всей этой папской церемонии, - сказали они ему. - Мы хотим изгнать всех ее служителей, священников и монахов... весь этот папистский сброд; и затем мы намерены пригласить служителей Евангелия, которые внесут среди нас истинную христианскую реформацию".

Приор улыбнулся, услышав эти слова: "Джентльмены, - сказал он саркастическим тоном, - я нахожу ваши чувства весьма похвальными и признаю, что все священнослужители (одним из которых я являюсь) остро нуждаются в реформировании. Но разве те, кто хочет исправлять других, не должны начать с исправления самих себя? Если вы любите Евангелие, как вы говорите, вы будете жить согласно Евангелию. Но если вы хотите реформировать нас, не реформируя самих себя, то очевидно, что вами движет не любовь к Евангелию, а ненависть к нам. А почему вы должны ненавидеть нас? Это не потому, что наши манеры противоречат вашим, а потому, что они похожи на них. Аристотель говорит в своей *Этике*, - продолжал ученый настоятель, - и опыт подтверждает это утверждение, что животные, питающиеся одной и той же пищей, естественно, ненавидят друг друга. Две лошади не сходятся у одних и тех же яслей, как и две собаки у одной кости. То же самое и с нами. Мы нецеломудренны, и вы тоже. Мы пьяницы, и вы тоже. Мы игроки и богохульники, и вы тоже. Почему же тогда вы так настроены против нас?... Мы не мешаем вам предаваться вашим маленьким удовольствиям; прошу вас, сделайте то же самое с нами. Вы говорите, что хотите изгнать нас и поставить на наше место лютеранских священников.... Джентльмены, подумайте хорошенько о том, что вы делаете: не пройдет у вас и двух лет, как вы об этом пожалеете. Эти служители позволяют вам нарушать заповеди папы римского, но они запретят вам нарушать заповеди Бога. Согласно их доктринам, вы не должны играть в азартные игры или предаваться разврату под страхом сурового наказания.... Ах! как бы это тебя огорчило!... Поэтому, джентльмены, вы должны сделать одно из двух: либо оставить нас в нашем нынешнем состоянии, либо, если вы хотите изменить нас в соответствии с Евангелием, сначала исправьте самих себя".

Эти замечания были не совсем такими разумными, какими казались. *Именно больные нуждаются во враче*, и поскольку эти "сыны Женева" хотели пригласить служителей Евангелия, чтобы провести истинную христианскую реформу, Бонивару следовало поощрять их, а не противодействовать им. Возможно, в глубине души эти мирские люди действительно стремились к Евангелию. Получив выговор от приора, они удалились. Бонивар наблюдал за ними, пока они удалялись. - Они уходят, поджав хвосты. [768] Конечно, я желаю реформации; но мне не нравится, что те, кто более способен деформировать, чем реформировать, должны считать себя ее инструментами".

=РЕШИМОСТЬ ЕСТЬ МЯСО В ВЕЛИКИЙ ПОСТ.=

Вернувшись домой, эти гугеноты задумались, позволят ли они остановить себя иронии Бонивара; они решили последовать его завету — сначала исправиться; но, не зная, что реформация заключается прежде всего в восстановлении веры и нравственности в сердце, они взялись просто искоренить некоторые суеверия. Поскольку епископальное письмо разрешало им употреблять молоко в Великий пост, Де ла Мезон-Нев и его друзья сказали: "Нам разрешено употреблять молоко, почему бы не мясо?" Затем, повторив урок, преподанный им бернцами, — разве в Священном Писании не сказано: *"ешьте все, что продается на развалинах"*? — они решили есть мясо каждый день. Совет воспринял это с беспокойством и запретил новую практику под страхом трехдневного тюремного заключения на хлебе и воде и штрафа в пять солей. [769] Но, желая уравновесить баланс сил, они едва успели нанести удар по одной стороне, как нанесли удар по другой и приговорили сорок четыре беглых мамлюка к конфискации и смерти.

Эта последняя фраза вызвала гнев всей прилегающей страны; сир де Понверре, в частности, решил, что пришло время обнажить меч, и немедленно гонцы прочесали местность между Альпами и Юрой. Они с трудом взбирались по каменистым дорогам, которые вели к горным замкам; они пересекли озеро, повсюду созывая джентльменов, друзей мамлюков. Рыцарей не нужно было подгонять; они надели доспехи, сели на коней, покинули свои дома и направились к назначенному месту встречи - замку Бурсинель, недалеко от Ролле, на плодородном склоне, который, вытекая из Юры, граничит с озером напротив Монблана. Эти грубые джентльмены прибыли из Ла Во, Жекса, Шабле, Женевуа и Фосиньи: один за другим они слезли с лошадей, пересекли двор и вошли в зал, который оглашался звоном их оружия; затем, пожав друг другу руки, они сели за длинный стол, где и приступили к пиршеству. Дерзость женевцев была главной темой разговоров, "и бог знает, как они, женевцы, были разорваны на куски", - говорит современник. [770]

Из всех этих дворян самым враждебным к Женеве был сир де Понверре. Обладавший атлетическим телосложением, геркулесовой силой и буйным характером, смелый и энергичный, он был признан их главарем джентльменами, собравшимися в замке Бурсинель, благодаря своему явному превосходству. Если эти люди презирали горожан, то последние ответили на комплимент. "Они проводят собрание разбойников в Бурсинеле", - сказал кто-то из женевцев. Однако мы не должны воспринимать эти несколько резкие слова слишком буквально. Грабежи этих джентльменов, несомненно, подорвали социальную организацию, и пришло время положить конец этой средневековой практике. Однако многие из них были хорошими сыновьями и мужьями, хорошими отцами и даже хорошими землевладельцами; но они не проявляли милосердия к Женеве. Сидя за столом, они говорили о том, что принцы преуспели во Франции и других странах в уничтожении привилегий муниципальных городов, и что этот вольный город, последний уцелевший, гораздо больше других заслуживал подобной участи, поскольку к своим прежним порокам он начал добавлять новые ... это было слушание Лютера. "Состязание должно решить, - добавляли они, - будут ли будущие времена принадлежать рыцарям или горожанам, Церкви или ереси". Если Женева будет свергнута, они думали, что будут хозяевами будущего. Понверре сравнивали со знаменитым римлянином, который боялся карфагенян и, подобно ему, никогда не забывал повторять на каждом собрании знати: *Деленда Картаго*. [771]

=ПОРЯДОК ПОДАЧИ ЛОЖКИ.=

Обед подходил к концу; слуги лорда Бурсинеля принесли лучшие вина из подвалов замка; возлияний было много, и гости обильно пили. "Случилось так, — говорит Бонивар, - что принесли немного риса (*rapet*), и ложек было столько, сколько человек было за столом". [772] Понверре встал, взял ложку той же рукой, которой так энергично орудовал мечом, погрузил ее в блюдо с рисом и, поднеся ко рту, съел и сказал: "Так я проглочу Женеву и женевцев". В одно мгновение все джентльмены, "разгоряченные вином и гневом", схватили свои ложки и принялись за еду. во время еды они воскликнули, "что все гугеноты съедят только один кусок". Понверре на этом не остановился: он взял маленькую цепочку, повесил ложку себе на шею и сказал: "Я *рыцарь Ложки*, и это моя награда". - "Мы все принадлежим к одному ордену", - сказали остальные, точно так же повесив ложки себе на грудь. Затем они пожали друг другу руки и поклялись быть верными до последнего. Наконец компания разошлась; они сели на лошадей и вернулись в свои особняки; и когда их соседи с удивлением посмотрели на то, что висело у них на шее, и спросили, что означает эта ложка, они ответили: "Мы собираемся съесть

ею женеvцев; не присоединитесь ли вы к нам?" Так образовалось братство, целью которого было завоевание Женевы.

Ложку брали в руки повсюду, как во времена крестовых походов мужчины брали в руки Крест: украшение было характерно для этих громкоголосых свободолюбивых кавалеров. Собрания проходили каждую неделю в различных замках по соседству. Новые члены вступали в орден и вешали ложку себе на шею, говоря: "Поскольку простые люди (женевцы и швейцарцы) заключают союзы, несомненно, дворяне могут поступать так же!" Они составили "статуты и законы для руководства ими, которые были записаны, как и в общественных делах". [773] Вскоре "джентльмены Ложки", как они себя называли, приступили к исполнению своего обета; они вышли из своих замков, разграбили поместья женеvцев, перехватили их провизию и с каждым днем блокировали их все ближе и ближе. Когда они приблизились к городу, к высотам Преньи, Ланси и Колоньи, они добавили к насилию насмешку; они взяли свои ложки и размахивали ими в воздухе, как будто хотели использовать их, чтобы проглотить город, который улыбался у их ног.

=ТРЕВОГА В ЖЕНЕВЕ.=

Тревога в Женеве росла с каждым днем; горожане призвали швейцарцев к себе на помощь, укрепили свой город и несли строгую вахту. Всякий раз, когда друзья собирались вместе, повторялась история о знаменитом ужине в Бурсинеле. Женевцы зашли так далеко, говорится в хронике, что не пожелали воспользоваться невинной ложкой, такой ужас они испытывали при виде нее. Многие из тех, кто читал Священные Писания, начали молиться Богу о спасении Женевы; и 23 марта совет внес в свой реестр следующие слова: "Пусть мы будем избавлены от зла, которое мы терпим, пусть мы победим и обретем мир!... Да будет угодно Всевышнему даровать это нам!" [774]

Понверре был не просто авантюристом; он обладал умом, способным распознать политические недостатки своей партии. Два человека в Женеве особенно занимали его мысли в это время: это были епископ и приор. По его мнению, они должны были привлечь к ответственности первого и наказать второго.

Он начал с Бонивара; феодальная партия никого так не ненавидела, как его. То, что настоятель монастыря встал на сторону гугенотов, казалось ужасным скандалом. Никто, кроме него, в то время более смело, чем приор, не отстаивал принципы, противоположные абсолютной власти; и это он продемонстрировал вскоре.

В Картины, на левом берегу Роны, примерно в двух лье от Женевы, он владел поместьем, зависевшим от герцогов Савойских: "Это просто увеселительный дом, а не крепость", - говорил он; и все же у него была привычка держать там гарнизон. Герцог захватил его во время плена своего вассала, и на частые требования Бонивара вернуть его, он отвечал, "что не осмеливается отдать его из страха быть отлученным от церкви папой". Наступил Михайлов День, время сбора арендной платы, и правительство Савойи запретило арендаторам выплачивать ее приору; последний был возмущен, и принципы, которые он тогда изложил, заслуживают того, чтобы вспомнить. "Права принца и его подданных взаимны", - сказал он. "Если подданный обязан повиноваться своему принцу, принц обязан вершить правосудие по отношению к своему подданному. Если князь может ограничить своего подданного, когда последний отказывается от повиновения в случае, когда оно является законным, подданный также имеет право

отказаться от повиновения своему князю, когда последний отказывает ему в правосудии. Тогда пусть субъект не испытывает страха и остается уверенным, что Бог за него. Люди, возможно, не будут на его стороне; но если у него хватит сил противостоять людям, я могу ответить за Бога".

[775]

Бонивар, который был полон решимости добиться справедливости, представил в женевский совет патенты, подтверждающие его права, и молился об их помощи в поддержку своего иска. Его петиция поначалу встретила небольшое противодействие в генеральном совете. "У города и так достаточно забот со своими делами, - говорили многие, - и без того, чтобы браться за дела приора", но большинство гугенотов придерживались противоположного мнения. "Если у герцога в Сен-Викторе будет лорд в своем роде, - говорили они, - это может доставить нам серьезные неудобства. Кроме того, энергичный приор всегда был тверд на службе городу". Это соображение возобладало, и генеральный совет постановил, что они будут отстаивать права Бонивара силой оружия, если это необходимо.

Теперь приор начал готовиться. - Поскольку я не могу добиться гражданского правосудия, - сказал он, - я прибегну к международному праву, которое разрешает отражать насилие силой. Мелкий правитель Сен-Виктора, насчитывавший в своих подданных десять монахов, у которого больше не было кулеврин его дяди и чьими единственными боевыми средствами были несколько аркебузирова, нанятых бернским авантюристом, да еще четыре фунта пороха, решил выступить против могущественного герцога Савойского, принца Пьемонтского, и даже бросить вызов королю-папе, которому когда-то достаточно было нахмуриться, чтобы весь мир содрогнулся. Да погибнет святой Виктор, а не принципы!

=БОНИВАР ЗАЩИЩАЕТ КАРТИНЫ.=

Бонивар послал за герольдом и сказал ему: "Герцог Савойский узурпировал мою власть; поэтому вы отправитесь в Картины и провозгласите через всю мою светлость в следующих выражениях: "Никто в этом месте не будет приводить в исполнение ни герцогские, ни папские грамоты под страхом виселицы". Мы видим, что Бонивар широко использовал свою верховную власть. Герольд в надлежащем сопровождении огласил замок грозным воззванием, а затем капитан, уполномоченный и несколько солдат, посланных Бониваром, вступили во владение владениями от его имени, *под носом у папы и герцога*. [776] Он очень гордился этим подвигом. "Папа и герцог не осмелились послать людей, чтобы помешать моему капитану вступить во владение", - добродушно сказал он, поскольку Бонивар, хотя и блистал остроумием, был также добродушным человеком.

Страх, приписываемый герцогу, длился недолго. Земли Картины находились рядом с землями Понверре, и орден Ложки едва успел организовать, когда экспедиция, направленная против замка, стала прелюдией к военным действиям. Герцогский провост с несколькими воинами появился перед этим местом 6 марта 1528 года. Бонивар тщетно уговаривал своего капитана защищаться: место было занято. Возмущенный приор воскликнул: "Мой народ позволил застать себя врасплох". Он, как и женевцы, считал, что герцог подкупил коменданта: "Капитан Картины, съев инжир, выбросил корзину", - говорили гугеноты на своих собраниях.

Приор Сен-Виктора, будучи полон решимости вернуть свое имущество войскам его высочества, пришел к соглашению с бывшим бернским советником по имени Бошельбах, человеком не

очень респектабельной репутации, который, вероятно, снабдил его несколькими солдатами из его предыдущей экспедиции, и который теперь, прилагая большие усилия, собрал для него корпус из двадцати человек. Бонивар встал во главе своих войск, заставил их регулярно маршировать, приказал им держать при себе зажженные спички и остановился перед замком. Приор, который был искусным оратором, больше доверял своему языку, чем рукам: поэтому он хотел сначала разъяснить свои права, и поэтому бывший советник в сопровождении своего слуги Тибо вышел вперед и потребовал переговоров от имени приора. В ответ гарнизон открыл огонь, и Тибо был застрелен.

В ту ночь вся Женева была взбудоражена. Возбужденные и раздраженные горожане бегали вооруженные взад и вперед по улицам и не говорили ни о чем, кроме как о походе на Картины, чтобы отомстить за смерть Тибо. "Будьте спокойны, - сказал Бошельбах, - я подам такой рапорт милордам Берна, что месье Савойский, который является причиной всех бед, пострадает за это". [777] Синдики не обещали нападать на Савойю, что было бы серьезным делом, а только защищали Бонивара. Поэтому, чтобы сдержать свое слово, они разместили отряды солдат в других поместьях, принадлежащих Сен-Виктору, с приказом защищать их от любого нападения. Картины был совершенно потерян для приора, но он был готов пойти на еще большие жертвы. Без сомнения, у него были свои недостатки; и, в частности, он слишком легко заводил близкие отношения с людьми, далеко не заслуживающими уважения, такими как Бошельбах; но у него были благородные устремления. Он знал, что, продолжая следовать той же линии поведения, он потеряет свой монастырь, будет брошен в тюрьму и, возможно, приговорен к смерти: "Но какое это имеет значение, - думал он, - если такой жертвой будет поддержано право и восторжествует свобода?" [778]

=ЕПИСКОП И ГЕРЦОГ ПОМИРИЛИСЬ.=

Сеньор Понверре был занят планом гораздо более важным, чем уничтожение Бонивара. Как мы уже говорили, он хотел вернуть епископа. Обладая большой политической мудростью, видя дальше и яснее, чем герцог или прелат, он понимал, что для успеха войны против новых идей необходимо, чтобы все старые силы объединились против них. По его мнению, не было ничего более прискорбного, чем разногласия между Карлом III и Пьером де ла Бом: поэтому он взялся примирить их. Он показал им, что у них обоих одни и те же враги и что ничто, кроме их союза, не позволит им сокрушить гугенотов. Он напугал епископа, намекнув ему, что Реформация не только уничтожит католицизм, но и лишит его сана и доходов. Далее он рассказал ему, что ересь незаметно проникла в его собственный дом и заразила даже его камергера Вильгельма де ла Муиля, который в то время пользовался его полным доверием. [779] Ла Бом, желая немедленно воспользоваться информацией Понверре, поспешил написать Ла Муилю: "Я не допущу никакой возможности для разведения в моей епархии какой—либо злой и проклятой секты - такой, какая, как мне сказали, там уже преобладает. *Вы слишком медленно сообщали мне об этом....* Скажи им смело, что я не собираюсь с ними мириться". [780]

Величайшей трудностью для прелата было примириться с герцогом. Будучи полностью уверен в своем таланте интригана, он думал, что сможет восстановить дружеские отношения с его высочеством, не порывая полностью с Хьюзом и женевцами. "Он прекрасный жокей, - сказал Бонивар. - Он хочет ездить верхом на одном и вести другого под уздцы!" - начал епископ свои маневры. "Я покинул Женеву, - сообщил он герцогу, - чтобы не быть вынужденным делать что-либо неприятное для вас". Следует помнить, что, напротив, он сбежал, спасаясь от Карла III,

который хотел "схватить его"; но этот принц, довольный тем, что Ла Бом снова оказался под его руководством, притворился, что поверил ему, и отменил конфискацию его доходов. Примирившись таким образом, епископ и герцог принялись за дело, чтобы задушить Реформацию. "Хорошо, - сказал Бонивар. - Пилат и Ирод подружились, потому что прежде они враждовали между собой".

=ЕПИСКОП, НЕНАВИСТНЫЙ ГОРОДУ.=

Епископ вскоре понял, что не может быть одновременно с герцогом и Женевой; и, с каждым днем приближаясь к Савойе, он ополчился против своих собственных подданных и своей паствы. И поэтому один из самых просвещенных государственных деятелей, когда-либо живших в Женеве, сказал в семнадцатом веке пэру Великобритании, который задал ему несколько вопросов по истории республики: "С этого времени епископ стал очень ненавистен городу, который не мог не рассматривать его как объявленного врага". [781] Именно епископ разорвал контракт, существовавший между ним и Женевой.

[766] Бонивар, *Полиция* и др. стр. 398-400; *Хроника*. ii. стр. 473. Готье СР.

[767] Там же.

[768] 'La queue entre les jambes.'—Bonivard, *Advis des difformes Réformateurs*, pp. 149-151.

[769] Registres du Conseil des 11 et 26 février 1528. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 479.

[770] 'Dieu sait comme ceux de Genève étaient déchiquetés.'

[771] 'Ne taschait, fors à la ruine de Genève.'—Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 482.

[772] Там же.

[773] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 483.

[774] Registres du Conseil des 14, 23, 24 mars. *Журнал де Бальяра*, стр. 156. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 482, 486 и др.

[775] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 477.

[776] 'A la barbe du pape et du duc.'

[777] 'En portera la pâte au four.'

[778] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 475, 480, 502. Готье СР.

[779] Смотрите девятнадцать писем епископа Уильяму де ла Муиллю, своему камергеру, напечатанных в Galiffe, *Материалы для истории Женевы*, ii. стр. 461-485.

[780] Галиффе, ii. стр. 477.

[781] *Мемуары лорда Таунсенда об истории Женевы*, написанные г-ном госсекретарем Шуэ. Бернская РУКОПИСЬ. vi. 57.

ГЛАВА VII.

ИНТРИГИ ГЕРЦОГА И ЕПИСКОПА.

(Весна и лето 1528 г.)

Первой мерой, которой Карл добился от своего нового союзника, было лишение граждан прав, которые он предоставил гражданам. Епископ согласился. Чтобы лишить светского магистрата его мирских привилегий, он решил пустить в ход духовное оружие. Священники, епископы и папы римские всегда находили их применение очень выгодным в политических вопросах; известно, что могущественные князья трепетали перед документами, распространяемыми по миру первосвященником Ватикана. Поэтому епископ приказал вывесить на дверях церкви приказ, запрещающий магистратам рассматривать гражданские дела под страхом отлучения от церкви и штрафа в сто фунтов серебра. Похоже, епископ счел благоразумным напасть на кошельки тех, кого не должны были пугать его *пасторали*. "Заберите эти письма, - сказали синдики епископальному секретарю, - и отнесите их обратно епископу, поскольку они противоречат нашим привилегиям". В то же время они сказали судьям: "Вы продолжите вершить правосудие, несмотря на отлучение". Это, следует отметить, произошло в Женеве в начале шестнадцатого века.

=ЕПИСКОП И СИНДИКИ.=

Узнав об этих смелых приказах, принц-епископ восторжен.... Можно было подумать, что дух Гильдебранда и Бонифация внезапно оживил слабого Ла Боме. - Что? "под предлогом сохранения ваших свобод, - писал он женецам, - вы хотите узурпировать наш суверенитет!... Остерегайтесь того, что вы делаете, ибо, если вы будете упорствовать, мы с Божьей помощью наложим на вас такое наказание, которое послужит примером для других.... Кусочек, который вы хотите проглотить, переваривается труднее, чем вы, кажется, думаете.... Мы приказываем вам отказаться от отправления правосудия; принять видама, которого герцогу будет угодно прислать вам; позволить ему воспользоваться своей властью, как это делалось во времена самых прославленных принцев-предшественников его светлости; и, наконец, передать его высочеству и нам все дело о беглецах. Если в течение двух недель вы не прекратите всякое противодействие нашей власти, мы объявим вас нашими врагами и задействуем все наши ресурсы, а также ресурсы наших родственников и друзей, чтобы наказать вас за бесчинства, которые вы совершаете против нас, и мы постараемся полностью уничтожить вас, куда бы вы ни бежали".

Велико было волнение в городе, когда пастор Женевы услышал такие слова, обращенные к своей пастве; ибо если епископ прибегал к подобным угрозам, то это было с намерением установить среди них власть иностранного принца. Истинные гугеноты, которым не нужны были ни герцог, ни епископ, промолчали в этих обстоятельствах и позволили действовать епископальной партии, главой которой был Хьюз. Когда 14 июня 1528 года генеральному совету были представлены два посла от епископа, главный синдик сказал им: "Если епископ желает назначить видама для отправления правосудия среди нас, мы примем его; но герцоги Савойские никогда не имели в Женеве иной власти, кроме незаконной. У нас нет князя, кроме епископа. Забыл ли он о великих несчастьях, постигших город из-за этих савойских видамов?... Гражданам постоянно угрожают, многих из них сажают в тюрьмы и пытаются, им отрубая головы,

четвертуют тела.... Но Бог помог нам, и мы больше не будем жить в такой нищете.... Нет! - продолжал оратор с некоторым волнением. - Мы не откажемся от независимости, которую нам обеспечивают наши хартии.... Вместо того, чтобы потерять ее, мы пожертвуем нашими жизнями и имуществом, нашими женами и нашими детьми.... Мы отдадим все, до нашего последнего вздоха, до последней капли нашей крови".... Такие слова, произнесенные с теплотой, всегда волнуют массы; и, соответственно, как только люди услышали их, они воскликнули как один голос: "Да! да! это тот ответ, который мы примем".

Это заявление было немедленно отправлено в Швейцарию; и, как ни странно, такой патриотический энтузиазм был встречен с насмешкой некоторыми лицами в этой благородной стране. Женева была такой маленькой и такой слабой, что ее решимость сопротивляться такому могущественному принцу, как герцог, казалась сущим безумием: швейцарцы забыли, что их предки, хотя и немногочисленные, покорили Австрию и Бургундию. "Эти женеvцы все сумасшедшие", - говорили они. Узнав об этом оскорблении, Женевский совет удовлетворился внесением в свои реестры следующего простого и энергичного заявления: "Принимая во внимание доклад наших послов о том, что швейцарцы говорят о нас, приказано, чтобы им написали и сообщили, что мы все в здравом уме". [782]

Услышав об этом разбирательстве, Ла Бом, участвовавший в "Тур де Май" в Бургундии, пришел в неистовую ярость. Он расхаживал взад и вперед по своей комнате, оскорблял своих слуг и изрекал тысячи угроз в адрес Женевы. Он включил всех женеvцев в один список и относился к консерваторам вроде Безансона Хьюга не больше, чем к реформаторам вроде Бодишона де ла Мезон-Нева. Он был зол на горожан, которые беспокоили его своими смелыми речами посреди его мирного уединения. "По его мнению, главной добродетелью прелата было сервировать обильный и изысканный стол с хорошими винами; и, - говорит человек, который часто обедал с ним, - иногда у него было больше, чем он мог унести. [783] Более того, он был либеральнее к женщинам сомнительного характера, очень статен и любил парадность.

=ЕПИСКОП И ПОСЛАННИК.=

Однажды, когда он выходил из-за стола, за которым выпил слишком много вина, ему сказали, что с ним желает поговорить гонец из Женевы с письмом от совета. "Господа де Женев, помня, - говорит Бальяр, - что *dulce verbum frangit iram*, [784] писал ему в дружеских выражениях". Гонец Мартин де Комб, будучи допущен к епископу, низко поклонился и, учтиво приблизившись, вручил ему письма, которые он доставил. Но при одном виде женеvца кровь епископа вскипела, и, потеряв всякое самообладание, он сказал "в великой ярости": "Откуда вы родом?" — "Из Женевы". — "Это ложь", - сказал епископ; а затем, забыв, что противоречит сам себе, добавил: "Вы изменили цвет своей одежды в Женеве"; очевидно, желая обвинить женеvцев в совершении революции или реформации. "Идите сюда, - продолжал он, - скажите людям в Женеве, что все они предатели - все они, мужчины, женщины и дети, маленькие и большие; что я скоро восстановлю справедливость и что об этом будет о чем поговорить. Скажи им, чтобы никогда больше не писали мне.... Всякий раз, когда я встречу кого-нибудь из этого города, я прикажу предать их смерти.... А что касается тебя, немедленно исчезни с моих глаз!" Бедный посыльный, дрожавший как осиновый лист, не стал дожидаться, пока ему повторят дважды.

Ла Бом, который забыл трактат Плутарха "О кохибенде ира", никак не мог оправиться от охватившего его волнения и продолжал возбужденно расхаживать взад и вперед по комнате. Внезапно, вспомнив некоторые резкие выражения, произнесенные в Швейцарии Эми

Жиаром, выдающимся, начитанным и решительным гугенотом, который обычно был посланником Женевы в Берне и Фрибурге, он сказал своим слугам: "Приведите этого человека обратно". Бедного Де Комба привели обратно, как преступника, у которого однажды лопнула веревка и которого собираются повесить снова. "Не забудьте передать этим людям в Женеве все, что я вам приказал", - воскликнул епископ. "Один из них (я его хорошо знаю - это Эми Жиар) сказал, что я хочу оседлать Женеву, чтобы месье Савойский мог ездить на ней верхом.... Я отомщу ему ... или умру за это.... Немедленно исчезни с моих глаз. Убирайся к своим гугенотам.

=СПОКОЙСТВИЕ ЖЕНЕВЦЕВ.=

Де Комб удалился, не сказав ни слова, и передал в Женеву жестокое послание прелата. Он ничего не записывал, но вся сцена врезалась ему в память. "Что! - воскликнули гугеноты. - он все это сказал?" - а потом они заставили его рассказать свою историю заново. Теперь ропот стал громче: женевцы заявили, что "в то время как в первые века служители Церкви завоевывали всеобщее уважение своей доктриной и характером, современные священники искали силы в союзах с князьями мира сего; раньше призыванием епископа было мученичество, но теперь это еда и питье, помпезность, белые лошади и ... вспышки гнева". Все это нанесло смертельный удар по уважению к духовенству. Совет, однако, оказался мудрее прелата; они распорядились не возвращать ему ответа. Это решение действительно соответствовало обычаю, поскольку отчет был направлен синдикам *живым голосом*, а не официальным письмом. Ла Бом в то время, когда он давал аудиенцию посланнику из Женевы, был слишком смущен, чтобы держать ручку или диктовать своему секретарю что-либо разумное; но, с другой стороны, магистраты Женевы всегда были людьми верховенства закона. [785]

В то время как епископ предавался страсти, как солдат, герцог Савойский созывал синод, как епископ. Евангелическому учению было недостаточно *заразить* Женеву — оно вторглось в его штаты. В Савойе уже было много партизан, и даже Альпы не оказались достаточным барьером против нового вторжения. Некоторые семена Евангелия, пришедшие из Швейцарии, пересекли реку Святого Бернарда, несмотря на противодействие самого ревностного прелата в Пьемонте — можно даже сказать, во всей Италии. Это был Пьер Гаццини, епископ Аосты, которому впоследствии предстояло бороться в своем собственном епископальном городе с учениками Кальвина и с самим Кальвином. Одаренный высоким умом, огромной энергией характера и горячим католицизмом, Гаццини был полон решимости вести войну не на жизнь, а на смерть против еретиков, и именно в соответствии с его советом был созван синод. Когда ассамблея собралась 12 июля 1528 года, Гаццини нарисовал плачевную картину положения. "Милорды, - сказал он, - новости приходят отовсюду. Швейцарцы и женевцы распространяют *проклятую книгу*. Двенадцать джентльменов из Савойи неукоснительно придерживаются доктрин Лютера. Все наши приходы между Женевой и Шамбери заражены запрещенными книгами. Люди больше не будут платить за мессы или соблюдать посты; повсюду люди говорят, что имущество аббатов и прелатов должно быть продано, чтобы накормить бедных и обездоленных!" Гаццини не ограничился указанием на болезнь; он искал причину. "Женева, - сказал он, - находится в центре внимания", и он призвал к самым жестоким мерам, чтобы уничтожить ее. [786] Герцог решил использовать все средства, чтобы потушить пожар, "который (по их словам) постоянно перебрасывал горящие хлопья из Женевы в Савойю".

=СИНОД, СОЗВАННЫЙ ГЕРЦОГОМ.=

Карл III. некоторое время размышлял над новой идеей. Видя трудности, с которыми столкнется присоединение Женева к Савойе со стороны швейцарцев, он задумал другую комбинацию, а именно сделать своего второго сына, четырехлетнего ребенка, графом или принцем Женевским. Обстоятельства благоприятствовали этому плану. Пьер де ла Бом был назначен преемником архиепископа Безансонского; он, несомненно, не захотел бы, чтобы его заставляли отказаться от своего епископства, когда ему предложили архиепископский сан. Поэтому герцог отправил уполномоченных к императору и папе римскому, чтобы уладить с ними этот вопрос. Хьюз, всегда готовый пожертвовать собой ради спасения своей страны, немедленно отправился с тремя другими гражданами в Берн и Фрибург; но он обнаружил, что союзники сильно охладели к Женеве. "Вы очень горды", - сказал беглец изерна посланникам на полном совете, и, добавляет Хьюз, "они устроили нам хорошую взбучку". [787] Герцог запустил все механизмы и, каким бы алчным он ни был, щедро раздал свои солнечные короны. "Ха!" - сказал женевец. "Месье Савойский никогда прежде не присылал сюда столько денег за один раз", а затем саркастически добавил, имея в виду лордоверна: "*Солнце ослепило их*". [788]

Женевцы оказались в одиночестве; монархические державы христианского мира - Пьемонт, Франция и Империя - восставали против их зарождающейся свободы; даже швейцарцы покидали их; но ни один из них не колебался. Эми Жирар и Робер Вандель, в то время послы в Швейцарии, задрожали от негодования и, преисполненные энергии, напоминающей нам старый Рим, написали своим согражданам: "Скорее, чем делать то, о чем они вас просят, подожгите город и *начните с наших домов*". [789]

Теперь герцог приготовился поддержать свои притязания более энергичными средствами. Его агенты объехали все районы вокруг Женева; они ходили от двери к двери, от дома к дому и говорили крестьянам: "Не вздумайте везти провизию в Женеву". Другие ходили от замка к замку и говорили лордам: "Пусть каждый дворянин наденет на своих последователей форму и оружие и будет готов при звуке набата".

=ГЕРЦОГСКИЕ ИНТРИГИ В МОНАСТЫРЯХ.=

Но герцог не ограничивал свои интриги пределами города; внутри он использовал все средства. Джентльмены из Савойи наносили визиты, давали обеды и вмешивались в дела определенных частных лиц, обещая им большие суммы денег, "если они выполнят *свой долг*". Монахи, уверенные, что их похоронный звон будет звучать еще долго, удвоили свои усилия, чтобы обеспечить триумф Савойи в Женеве. Трое из них, Чаппюи, настоятель доминиканцев, человек, пользующийся глубоким доверием его высочества, поселившийся в его монастыре вместе с Грингале и Левратом, простыми монахами, часто совещались в монастыре Плейнпале, в комнате приора, вокруг стола, на котором лежало несколько маленьких серебряных ключиков; рядом с ними лежали списки с именами главных женевских духовных лиц и мирян, от которых, как полагал Чаппюи, он мог надеяться на поддержку. Трое монахов взяли ключи, самодовольно посмотрели на них, а затем положили напротив определенных имен. Герцог, зная, что интриги и тщеславие являются первородными грехами монахов, послал приору эти ключи (герб Фосиньи, провинции, враждебной Женеве): "Найдите нам друзей в монастырях и городе, - сказал он им, - и с этой целью распределите эти ключи с осторожностью. Тот, кто их наденет, будет принадлежать нам". Это было таинственное украшение, с помощью которого герцог надеялся привлечь сторонников аннексии. Чаппюи и Леврат начали вмешиваться в дела мирян города, в

то время как Грингале взялся за привлечение монахов. Несмотря на все применяемое ими мастерство, их маневры не всегда увенчивались успехом. Однажды Грингале подошел к двум монахам, Бернарду и Николасу, и показал им талисман; но они холодно посмотрели на такие *игрушки*, не выказывая никакого желания обладать ими. Монах-герцог, поняв, что ключи не обладают никакой силой, сказал своим коллегам: "Если мы не преуспеем в нашем плане; если Савойя и папство не восторжествуют в Женеве, мы оставим неблагодарный город; мы перенесем имущество нашего монастыря в какое-нибудь другое место и не оставим ничего, кроме голых стен!" Бернар и Николас, которые склонялись на сторону света, были встревожены и, сочтя это делом чрезвычайной важности, донесли о заговоре совету: "Значит, такова польза монахов", - сказал священник. синдикаты. "Они предатели, готовые отдать город чужеземцам. Мы все исправим". Они приказали двум монахам ничего не говорить, и когда наступила ночь, совет направился в доминиканский монастырь. Бидлы постучали в ворота; привратник открыл их и с удивлением уставился на благородное общество. Синдики приказали собраться всему монастырю. Монахи были сильно встревожены: Шаппюи, Грингале и Леврат дрожали, не сомневаясь, что их предали. Они поспешили спрятать маленькие ключи, а затем с тревогой направились в общий зал, где уже собрались братья: "Мы слышали о ваших интригах, - сказал главный синдик. - Мы знаем, почему вы распространяете в Женеве ключи этих турок (*Turcanorum*), фаусиньеров.... Вам лучше молиться и не вмешиваться в политику. Вы притворяетесь, что отрекаетесь от мира, преподобные братья, а на самом деле ничего другого не делаете, кроме как интригуете ради мирских благ. Мы слышали, что вы намерены забрать свое имущество, свои реликвии и драгоценности; осторожно ... мы избавим вас от этого беспокойства; мы позаботимся о них в гроте Сен-Пьер и поместим ваших людей в безопасное место.... Совет распорядился составить опись имущества монастыря и великодушно оставил монахам три чаши для совершения мессы. Они изгнали Шаппюи, Грингале и Леврата, а остальных братьев отдали под надзор двух депутатов совета. Монахам подрезали крылья, и началась Реформация. [790]

[782] Registres du Conseil des 23 et 30 avril; 24 mai; 2, 9, 14 juin; 7 août. *Journal de Balard*, стр. 160-170. La Baume's letters, *Archéologie*, ii. p. 15. Bonivard, *Chroniq.* ii. p. 493. Готье ср. Bonivard, *Ancienne et nouvelle Police de Genève*, p. 384.

[783] "Иль ты не знаешь справедливости", *прохожий трент и оон*. Это вошедшее в поговорку выражение относится, возможно, к месяцам, число дней в которых никогда не превышает тридцати одного.

[784] "Мягкий ответ отвращает гнев".

[785] Registres du Conseil du 25 août. *Журнал де Бальяра*, стр. 178. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 495.

[786] Gazzini, *Mémoire au Saint Père*. Архивы Турина, Римская переписка. Габерел, *Привет. de l'Eglise de Genève*, i. p. 95.

[787] 'Ils nous lavèrent bien la tête.'

[788] Письмо Б. Хьюза. Galiffe, *Matériaux*, ii. pp. 525, 526.

[789] Письма Ванделя и Жирара. Galiffe, *Matériaux*, ii. p. 533.

[790] Registres du Conseil des 10, 11 et 20 octobre 1528. *Журнал де Бальяра*, стр. 183.

ГЛАВА VIII.

СМЕРТЬ ПОНВЕРРЕ.

(октябрь 1528 - январь 1529 гг.)

=ПОНВЕРРЕ КОСИТ ПОД БОНИВАРА.=

ШАППЮИ, Грингале и Леврат заполняли места, через которые они проходили, своими жалобами, и все фанатики смотрели на них как на мучеников. Рыцари Ложки, узнав о судьбе, которой угрожали монастырские учреждения в Женеве, решили отомстить за религию и нанести дерзким горожанам весь возможный вред. Понверре уже начал кампанию небольшой сценой грабежа, которая не имеет никакого значения, разве что для того, чтобы показать нравы того времени. Желая разграбить женеvцев *у них под носом*, он приказал своим арендаторам наточить косы. Однажды в начале июня крестьяне взвалили на плечи свои косы; Понверре встал во главе их, его воины окружили их, и все двинулись к женеvским лугам на левом берегу Арве, примерно в четверти часа ходьбы от города. Прибыли косилки, наточили свои инструменты, а затем приступили к скошиванию новой травы. Наконец они вышли на луг, принадлежавший Бонивару: ограбить приора было для Понверре *лакомством*. Тем временем женеvцы, услышав о том, что происходит, поспешили на место и обнаружили у косилок группу людей, чьи руки сверкали в лучах солнца. Бонивар без труда узнал сеньора Тернье. Гугеноты с трудом сдерживали себя. Вождь рыцарей Ложки, приказав своим людям не оставлять на месте ни травинки, подошел к мосту Арве, разделяющему две страны, и, окликнув женеvцев, собравшихся на правом берегу, начал оскорблять их и бросать вызов. "Ну же, ну же, не унывай!" - сказал он. "Почему бы тебе не перейти мост и не принести сена, которое мы накопили для тебя?" Горожане зарядили оружие, и два отряда начали стрелять друг в друга из своих аркебуз. "Давайте поверим ему на слово, - сказали некоторые из гугенотов. - давайте пройдем по мосту и прогоним разбойников". Уже несколько молодых людей готовились переправляться через реку, но Бонивар не думал, что несколько охапок сена стоят риска битвы, которая могла плохо закончиться для Женевы. "Я разубедил их, - говорит он, - и повел обратно в город". [791]

Женеvцы, видя опасность, которой им угрожали рыцари, энергично готовились к сопротивлению и обратились за помощью к Берну и Фрибургу. Два *ансена*, то есть восемьсот человек, в основном из Гессене, прибыли в Женеву и были расквартированы среди местных жителей, но особенно среди церковников и в монастырях. Герцог, придававший большое значение швейцарскому союзу и опасавшийся столкновения с их вооруженными людьми, теперь разрешил доставлять провизию на женеvский рынок, и, когда видимость мира была восстановлена, союзные войска оставили город 30 октября 1528 года.

=ВСТРЕЧА В НЬОНЕ.=

Юмор Понверре не был столь миролюбивым. Один из последних представителей феодального общества, он видел, что его элементы были на грани распада, а институты - вот-вот исчезнут. Власть, которая давным-давно перешла от городов к деревне, теперь возвращалась из деревни

в города; в особенности в Женеве, казалось, что она сведет на нет всех сеньоров по соседству. И, более того, Церковь, которая выдвигает вероучения абсолютным образом, так что ни один человек не имеет права проверять их, подверглась нападкам религиозной революции, начавшейся в Женеве. Понверре желал сохранить древний порядок вещей и с этой целью захватить и (при необходимости) разрушить этот беспокойный город. Поэтому он, как приор ордена, созвал общее собрание рыцарей Ложки в Ньоне, чтобы совместно с герцогом принять необходимые меры для захвата города. Бейливик Тернье, графство Понверре, располагался примерно в лиге от Женевы, между зелеными склонами Салева и улыбающимися берегами Роны. Следовательно, этому вождю было бы легко пересечь реку между Берне и Пене и таким образом оказаться на правом берегу озера; но он считал более смелым и героическим пересечь Женеву. Они представляли для него, но без всякой цели, опасность, которой он подвергнет себя, потому что, если он всегда быстро провоцировал женеvцев, они так же быстро отвечали. Понверре ничего не хотел слушать. Был заключен договор, по которому савойские дворяне имели право свободного проезда по городу; и, вооруженный шпагой, он никого не боялся. Это было в декабре месяце, когда, появившись на рассвете у ворот Корратери, Понверре въехал внутрь; он спокойно проехал по городу, поглядывая направо и налево на магазины, которые были еще закрыты, и не встретил ни одного гугенота. Подъехав к швейцарским воротам, через которые он должен был покинуть город, он обнаружил, что они заперты. Он позвал привратника, который, как оказалось, еще не вставал. Лошадь била копытом землю, всадник кричал, а привратник медлил: наконец он выбежал и опустил цепь. Нетерпеливый Понверре отплатил ему пощечиной и сказал: "Негодяй, неужели ты таким образом заставляешь джентльменов ждать?" Затем он добавил с яростными ругательствами: "Ты больше никому не понадобишься. Пройдет совсем немного времени, и мы снесем ваши ворота и растопчем их ногами, как делали это раньше". Затем он пришпорил своего коня и ускакал галопом. Привратник, выведенный из себя полученным ударом, доложил о случившемся, и женеvцы, которые были раздражительным народом, очень рассердились из-за этого. "Недостаточно, - говорили они, - чтобы эти савояры причиняли нам всевозможные увечья за стенами, но они должны прийти и сразиться с нами внутри. Подождите немного! Мы заплатим им и накажем этого наглеца". Совет, стремясь сдержать народ, приказал расставить повсюду часовых. [792]

=КОНФЕРЕНЦИЯ В НЬОНЕ.=

Дворянство округа, принимавшее участие в собрании в Бурсинеле, немедленно начало опрашивать своих соседей, и множество людей, разгневанных на Женеву, взялись за Ложку, как во времена крестовых походов люди брались за Крест. Таким образом, вторая встреча обещала быть более многочисленной, чем первая. Со всех сторон, из Жекса, Во и Савойи, рыцари прибыли в Ньон, центральное место в этих округах, где они обычно проводили свои военные советы. Поднявшись на холм, они вошли в замок, из окон которого были видны озеро, его берега и заснеженные Альпы Савойи во всем их великолепии. Заняв свои места в большом зале, они приступили к совещанию. Эти неотесанные джентльмены, происходившие от средневековых шевалье, которые считали достаточным построить башню на скале и проводить свою жизнь, сокрушая слабых и грабя невинных, все еще сохраняли что-то от характера своих предков. Понверре, который был их президентом, без труда носил их с собой. Феодализм и даже католицизм оказали на него большое влияние и придали его словам энергию и глубокую убежденность, которым трудно было сопротивляться. Он указал этим лордам, что власти принца и папы римского, религиозному и монархическому порядку, трону и алтарю в равной степени угрожает наглая буржуазия. Он показал им, насколько чудовищно, что юристы, люди низкого

происхождения и без всяких заслуг, и что даже лавочники осмеливаются занимать место епископа и герцога. "Мы должны поторопиться, - сказал он, - рассеять и подавить семена восстания, иначе вы увидите, как они распространяются повсюду". Рыцари замка Нион были единомышленны. Право на сопротивление было характерной чертой феодальной системы; и никогда еще осуществление этого права не было столь необходимым. В средние века один сеньор осуществлял его против другого сеньора, своего соседа. Но что значили эти отдельные противники по сравнению с тем универсальным и невидимым врагом, который угрожал старому обществу во всех его частях и который, чтобы быть более уверенным в победе, положил начало новой религии? Женева, расположенная в долине реки Леман, была оплотом этого нового и ужасного противника. "Долой Женеву! Рим и Савойю навсегда!" - таков был крик, вырвавшийся из каждого сердца. Было решено, что все джентльмены и их сторонники должны встретиться в определенное время и в определенном месте, вооруженные мечами и копьями, чтобы захватить город и положить конец его свободам.

Понверре, обрадованный успехом своего обращения, сидел молча и, казалось, на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость. У него был тонкий ум, он не боялся прибегать к военной хитрости и надеялся, что в нападении не будет необходимости. С величайшей секретностью он приобрел друзей, которые занимали дом в Корратери, задняя дверь которого выходила за пределы города. По-видимому, этот дом принадлежал больнице Пон-дю-Рон, расположенной между этим мостом и Монетным двором и находящейся под покровительством каноников собора. [793] Совет встал. Понверре был особенно близок с сиром де Бофором, губернатором Шильона, одним из самых доблестных рыцарей ассамблеи. Отведя его в сторону и приказав соблюдать секретность, он сказал: "По нашему приказу в Женеве есть ворота. Никто об этом не знает, но не бойся. Я ручаюсь, что вы все войдете." — "Понверре действительно вошел, - сказал Бонивар некоторое время спустя, услышав это замечание. - он вошел, но не вышел". [794]

=ДЕРЗОСТЬ ПОНВЕРРЕ.=

Рыцари сели на коней, и каждый поехал в свой замок готовиться к великому предприятию. Понверре сделал то же самое; но, всегда смелый и получавший удовольствие от того, что бросал вызов жителям Женевы, он решил еще раз пройти через город. Его друзья напомнили ему, что горожане теперь настороже; что он оскорбил их несколько дней назад; что если он попытается совершить такой неосмотрительный поступок, то ему конец; и что его жизнь необходима для их предприятия. Все это было напрасно. "Настал его час, - говорит хронист Сен-Виктора, - и так было угодно Богу". — "Не бойтесь, - ответил отважный солдат своим братьям по оружию. - Я пройду ночью и закрою лицо своим плащом, чтобы никто не узнал меня. Кроме того, если они нападут на меня, у меня есть мой меч. "Один из его друзей, сир де Симон, решил сопровождать его, и несколько вооруженных слуг последовали за ними. Рыцари, оставшиеся позади, смотрели ему вслед, когда он галопом ускакал в сторону Женевы, и с тревогой гадали, что же будет дальше.

Понверре, следя за скоростью своего коня, размышлял о работе, за которую собирался взяться. Он считал ее достойной имени, которое носил, и памяти своих предков. Одолжив свой меч герцогу Савойскому и папе римскому, он восторжествовал бы в Женеве абсолютизм в Церкви и государстве; одним ударом он сокрушил бы в этом беспокойном городе и независимость, и Реформацию. Он добрался до Женевы между четырьмя и пятью часами пополудни в субботу, 2

января 1529 года, когда уже наступила ночь. Понверре спрятал лицо в плащ, представился со своим эскортом у ворот Паки и прошел через них. Он вышел на улицу. Командующий армией, намеревавшейся захватить и разрушить Женеву, пересекал, как обычный путешественник, город, который он собирался окружить своими войсками, взять в осаду и, возможно, сжечь.... Такой наглой уверенности, пожалуй, никогда не было в наше время. Едва он оказался в городе, как, не в силах больше сдерживаться (ибо гордость и гнев возобладали над благоразумием), он отбросил все предосторожности, сбросил плащ и, обнажив меч, "изрек угрозы и оскорбления из своего высокомерия и дерзости". [795] Он пошел еще дальше: улицы Женевы и присутствие ненавистных гугенотов, которых он видел передвигающимися, привели его в ярость; и, ударив одного из горожан шпагой по голове, он воскликнул с громким ругательством: "Мы должны убить этих предателей!" Подвергшийся нападению горожанин обернулся, и другие подбежали: это произошло на улице Кутанс, которая с тех пор была свидетелем многих других драк, даже в совсем недавние времена. [796] Гугеноты окружили всадника и, узнав его, закричали: "Это Понверре! это Понверре!" Толпа увеличилась и перегородила мост через Рону, который предстояло пересечь предводителю рыцарей Ложки.

=ДРАКА НА МОСТУ.=

Уже несколько дней граждане Женевы обсуждали конференцию в Ньоне; они говорили, что эти джентльмены из Ложки планируют какое-то новое нападение, что они снова собираются грабить и убивать и что на этот раз они, вероятно, попытаются пронести огонь и меч в саму Женеву. Раздражение среди людей было чрезмерным; некоторые горожане, собираясь в общественных местах или в своих собственных домах, говорили о джентльменах, собравшихся в Ньоне, и над ними отпускалось много шуток. "Эти джентльмены!" - воскликнул один гугенот. "Называйте их грабителями (*gens-pille-hommes*), - сказал второй, - или убийцами (*gens-tue-hommes*)", - добавил третий; и, несмотря на серьезное положение дел, все они начали смеяться. Внезапно здесь, перед ними, в самом их городе, появился лидер предприятия, человек, который никогда не переставал их преследовать: он выхватил свой меч и ударил одного из горожан. Последние, в свою очередь, приблизились, и как раз в тот момент, когда отважный кавалерист пересек предместье Сен-Жерве и приближался к мосту, они окружили его, и один из них ударил его по лицу. Представитель феодализма сражался почти в одиночку с представителями буржуазии. Старая власть и новая боролись на мосту через Рону. И пока голубые воды текли вниз, как они текли всегда; пока старые воды бежали дальше, чтобы раствориться в море, и прибывали новые, освобожденные от альпийских ледников солнечными лучами, — на мосту наверху другие древние предметы исчезали, а на их месте появлялись другие новые. Под сверкание мечей и бряцание оружия, под возмущенные крики горожан и клятвы рыцарей происходила великая трансформация; общество переходило к системе свободы и отказывалось от системы феодализма.

Сир де Понверре, видя, что число его врагов увеличивается, пришпорил коня, промчался сквозь толпу и достиг ворот Корратери, через которые он хотел покинуть город и которые вели к монастырю Черных монахов. Но женевцы добрались туда раньше него.... Ворота, увы! были закрыты. В этой крайней ситуации Понверре не дрогнул. Совсем рядом находился дом, пристроенный к больнице, задние ворота которого выходили за город и через который он намеревался ночью познакомить савояров. Благодаря своей лошади он немного опередил преследователей; не теряя ни минуты, он повернул назад и добрался до указанного дома. Чтобы добраться до двери, нужно было подняться на несколько ступенек. Женевцы теперь толпой

неслись за ним, крича: "Понверре! Понверре!"... Последний повернулся лицом к своим врагам и, не спешиваясь, направил своего коня вверх по ступеням, одновременно используя меч против преследователей. В этот момент прибыл синдик Ами Жирар; он нашел сира де Симона и других всадников, сопровождавших своего предводителя, окруженными со всех сторон. Синдик умолял, чтобы они не пострадали; и когда всадники сдали оружие, их разместили в безопасном месте. Поднявшись по ступенькам, Понверре спешил и, надеясь скрыться через дверь, о которой мы упоминали, бросился в дом. Его лицо было залито кровью, потому что, по словам очевидца, "у него был порез от меча на носу"; глаза его были дикими; он слышал топот ног гугенотов у себя за спиной. Он не успел добежать до двери или обнаружил, что она закрыта? Мы не можем сказать. Видя, что ему не удалось сбежать, он, похоже, потерял присутствие духа. Если бы он все еще был самим собой, он, без сомнения, встретился бы лицом к лицу со своими врагами и дорого продал бы свою жизнь, но впервые в жизни он испугался; он бросился в одну из квартир, бросился на пол и поспешно забрался под кровать: ребенок сделал бы то же самое. Какое укрытие для самого доблестного рыцаря, которого Альпы и Юра видели, возможно, на протяжении веков!

=БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ.=

В этот момент преследовавшие его женевцы ворвались в дом и начали его обыскивать; они вошли в комнату, где прятался человек, который угрожал проглотить Женеву, как ложку риса. Во главе их стоял Ами Бандьер, один из гугенотов, который был вынужден бежать в Берн одновременно с Хьюгом и лидерами партии — человек, следует помнить, чей отец и дети предстали перед советом в 1526 году, когда было необходимо защитить гугенотов, нашедших убежище в Швейцарии. Бандьер, честный, решительный и вспыльчивый человек, поборник свободы, заметил кровать; он подумал, что под ней, возможно, прячется гордый джентльмен. "Они просунули свои мечи под землю, - говорит Бонивар, - и несчастный, спрятавшийся там, получил удар ножом". [797] Это было уже слишком: сир де Понверре пришел в возбуждение; будучи человеком деятельным и сильным, он в ярости выскочил из своего укрытия и, вскочив на ноги, схватил Бандьера своими сильными руками, повалил на кровать и вонзил ему кинжал в бедро. Крики стали громче. Если бы он сдался, ему не причинили бы никакого вреда; но друзья Бандьера, возбужденные кровью своего брата, горели желанием отомстить за него. Они бросились на Понверре. Оставшись один посреди комнаты, этот атлетически сложенный мужчина смело встретил их: он размахивал мечом, нанося удары то острием, то острием; но какой-то горожанин, охваченный гневом, нанес ему сильный удар, и капитан-генерал рыцарей Ложки упал замертво. В этот момент вошла синдик Ами Жирар, воскликнув: "Остановитесь! остановитесь!" но было слишком поздно.

Так умер Франсуа де Тернье, сеньор Понверре, чьи предки всегда были врагами Женевы, "и который сам был худшим", - говорит один из его современников. Некоторые говорят, что он пал мучеником феодализма; другие говорят, что он стал жертвой собственной наглости. Его единственной мыслью было разрушить Женеву, разогнать ее жителей, разрушить ее стены; и теперь он лежал мертвый в нескольких ярдах от того места, где в 1519 году он присутствовал во главе своих солдат, чтобы принять участие в убийстве Бертелье, и в том самом месте, через которое он планировал войти в город и уничтожить его огнем и мечом. "Незабываемый пример божественного правосудия, - говорили некоторые горожане, - поразительное избавление для Женевы; ужасный урок для ее врагов!" Следует заметить, что существует большая разница между мучениками свободы и права и мучениками феодализма и папства. Деспотичная власть

вероломно захватила величайших граждан, Бертелье и Леврие, посреди безобидной жизни и предала их смерти подлой рукой простого палача после фиктивного судебного процесса, который был позорной насмешкой над правосудием; но только подстрекаемые поборниками феодализма и рискуя собственной жизнью, люди свободы нанесли удар своим противникам. Понверре погиб в поединке, в котором он первым обнажил меч.

=ПОЧЕСТИ ПОГИБШИМ.=

Поскольку женевцы хотели проявить всяческое уважение к своему мертвому врагу, совет постановил, что он должен быть похоронен по обычным обрядам францисканцев в часовне монастыря Рив, который был основан его семьей и где покоились некоторые из его предков. После того, как эта церемония состоялась в соответствии с римскими ритуалами, было проведено расследование причины этой трагической смерти, "чтобы, если потребуется, восстановить справедливость". Все хладнокровные люди Женевы были серьезно опечалены: "Увы! - говорили они, - как жаль, что он не мог жить в мире, потому что он был добродетельным кавалером, за исключением того, что он был таким драчливым! Было бы лучше взять его в плен; это было бы средством заключения бессрочного договора!" Судебные приставы обнаружили при нем письма, в которых упоминался заговор, вынашиваемый против Женевы, и в которых рыцарям Ложки приказывалось собраться "с мечами и копьями" против города. Стало очевидным, что он был главарем банд, которые безжалостно грабили и убивали граждан и жительниц страны, и что он был виноват, поскольку первым ранил Бандьера; поэтому магистраты пришли к выводу, что нет оснований для привлечения кого-либо к суду. Сир де Симон и другие спутники знаменитого капитана были доставлены невредимыми до границы Савойи. [798]

Можно было бы подумать, что, поскольку глава лиги против Женевы пал, сама лига была бы ослаблена; но, напротив, смерть Понверре подлила масла в огонь ярости братьев Ложки. Беспорядки и насилие усилились по всему городу, и уже на следующий день, в воскресенье, 3 января, шляхта, желая отомстить за своего вождя, повсюду удерживала поле боя. "Мы убьем всех женевцев, которых сможем найти", - сказали они. — "Они нападали на первого встречного, совершая насилие и убийства". Казалось, душа Понверре ожила и побуждала его бывших коллег приносить бесчисленные жертвы его тени. Ожидалось скорое нападение; тревога распространилась по Женеве, и совет собрался. "Смерть Франсуа де Тернье, - сказал один из членов совета, - подлила масла в огонь, вместо того чтобы погасить его. В одиночку мы не сможем противостоять нападению Савойи и рыцарей. Давайте поспешим сообщить об этом в Берн и Фрибург". — "Это невозможно, - сказал другой член совета. - Все дворяне Во вооружены; никто не может пересечь границу провинции. наших послов остановят в Версуа, Коппе, Нионе и Ролле; и тот, кто будет схвачен, будет предан смерти, чтобы отомстить за падение прославленного вождя.

Но свободный народ всегда находит граждан, готовых пожертвовать собой. Заступились двое мужчин: это были два самых храбрых гугенота, Жан Луллен и Роберт Вандель. "Мы пойдем", - сказали они. Они обняли своих родственников и сели в лодку, надеясь добраться до какого-нибудь места на озере, где они могли бы высадиться без опасности. Но едва они отчалили от

берега, как были опознаны и преследуемы несколькими вражескими лодками, хорошо укомплектованными и вооруженными. Как только двое женевцев заметили их, они поняли, в какой опасности находятся, и, схватив запасные весла, помогли лодочникам своими сильными руками и поплыли прочь так быстро, как только могли. Они продолжали догонять савойские суда; они беспрепятственно прошли в пределах видимости нескольких гаваней, занятых их врагами, и, наконец, достигли Оши, обливаясь потом. Жители Лозанны, которые были хорошо расположены к женевцам, помогали им. Они добрались до Фрибурга "хитрыми путями", вероятно, переодевшись, и рассказали своим старым друзьям о возрастающих опасностях, которым подвергался город, особенно после смерти Понверре. [799]

=СИР ДЕ ВИРИ.=

Место последнего теперь занял сир де Вири, чей замок, как и замок Понверре, располагался между Монс-Салевом и озером (между Шанси и Лелуизе), и чья семья всегда снабжала Савойю фанатичными приверженцами. Вири был в ярости из-за побега Луллина и Ванделя; и, соответственно, на следующий день слуги этих двух женевцев, которым было приказано отвести лошадей своих хозяев в Лозанну, проехав через Коппет, были по его приказу брошены в тюрьму. На этом он не остановился. "Джентльмены нападали на каждого встречного женевца с кинжалами и боевыми топорами, нанося удары по пояснице, плечам и другим частям тела, и многие от этого умирали". - "Вся территория монсеньора Савойского вооружена, — говорили люди в Женеве в начале марта 1529 года, - "и никто не может покинуть город, кроме как подвергаясь большому риску".

Герцогская партия, желая всячески противостоять женевцам, решила послать им не письменное, а живое послание, которое показало бы им, какая участь их ожидает. 14 марта люди, выходявшие из церкви Пресвятой Богородицы, увидели странную фигуру, идущую по мосту Арве. За спиной у него была деревянная планка, тянувшаяся от ног до головы, к которой он был привязан; в то время как его вытянутые руки были привязаны к поперечине, которая находилась на уровне его плеч. Джентльмены сочли милой шуткой распять женевца, не причинив ему большого вреда, и оставили его ноги свободными, чтобы он мог вернуться домой в таком необычном наряде. "Что это?" - спрашивали люди, останавливаясь у подножия моста. Им показалось, что они узнали жителя города. "Они изобразили его крестом спереди и сзади", - говорили зрители. Этот человек перешел мост, подошел к своим согражданам и рассказал им свою историю. "Я отправился по делам в деревню Тройнекс, когда враг поймал меня, связал таким образом и заставил вернуться в таком состоянии в Женеву". Люди не знали, смеяться им или сердиться; однако они развязали своего распятого согражданина, и все вместе вернулись в город.

Это была всего лишь маленькая шутка молодых рыцарей; у сира де Вири и его коллег были более серьезные мысли. Нападение на Женеву, намеченное в замке Нион, должно было быть приведено в исполнение. Лорды выступили со своими вооруженными слугами из всех замков великой долины, и 24 марта несколько крестьян с берегов Арве пришли и рассказали синдикам, что в Гайяре собралось большое скопление дворян и солдат; что эти вооруженные люди намеревались следующей ночью тайно взобраться на стены города и что на всех дорогах выставлена сильная стража, чтобы задерживать каждого, кто отважится покинуть Женеву. В то время весь гарнизон состоял всего из пятидесяти солдат, "несущих вахту по очереди", как

сообщает нам Бонивар. Как можно было сопротивляться с таким количеством людей? И все же две силы удерживали стены: энергия горожан и Божье провидение.

=ДЕНЬ ЛЕСТНИЦ.=

В полночь в Страстной четверг (25 марта) рыцари Ложки с примерно четырьмя тысячами савойских солдат и беглыми мамлюками как можно скрытнее двинулись вперед, чтобы захватить Женеву врасплох. Горожане, привыкшие к ложным тревогам, не обратили особого внимания на полученное предупреждение. Во главе отряда, который должен был возглавить штурм, шло некоторое количество людей с длинными лестницами, изготовленными в Шильоне. Следовавшие за ними латники были одеты поверх доспехов в белые рубашки, чтобы их можно было узнать в темноте; они даже послали своим друзьям в Женеву определенные знаки отличия, которые последние должны были прикрепить к концам своих копий, чтобы нападавшие могли узнать их в суматохе. Городские часы пробили два, когда несколько савояров прибыли к подножию стены: не было слышно ни звука, ночь была темной, и все сулило полный успех. Тем временем основные силы остановились в четверти лиги от города и не решались идти в атаку. Понверре больше не было среди них, и Вири не унаследовал его влияния. "В момент казни дух страха напал на савояров, — говорит хронист. - Бог отнял у них мужество, так что они не смогли приблизиться". - "Мы недостаточно сильны, чтобы осуществить наше предприятие", - сказал один из них. "Если мы потерпим неудачу, - сказал другой, - господа из Швейцарской лиги не подведут нас". Поэтому они отступили и, чтобы скрыть свой позор, сказали, что герцог или епископ запретили им наступать. Не мог ли герцог, находясь под влиянием кантонов, действительно отдать им приказ отступать в последний момент? Только это, по-видимому, объясняет это ретроградное движение. Однако женевцы приписали свое освобождение высшей причине; они внесли в списки совета следующие простые слова, которые мы копируем: "Джентльмены (*язычники*) предприняли нападение на город, *который Бог хранил до сих пор*." 25 марта было названо *днем лестниц*. [800]

[791] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 507. Готье СР.

[792] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 517.

[793] *Mém. d'Archéologie*, iii. p. 201.

[794] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 522.

[795] *Journal de Balard. Mém. d'Archéologie*, x. p. 189.

[796] Июль и декабрь 1862 года, между радикалами и либералами.

[797] 'A belles épées nues on fourgonna dessous, et le malheureux qui y était caché reçut un coup d'estoc.'

[798] *Registres du Conseil ad annum*. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 520-525. Спон, *История. de Genève*, i. стр. 425. Савьон ср. Balard, *Mém. d'Archéologie*, x. p. 189. *Le Levain du Calvinisme ou Commencement de l'Hérésie de Genève*, par Révérende Sœur Jeanne de Jussie, publié en 1853, par M. G. Revilliod, p. 11.

[799] *Registres du Conseil* des 2, 3 et 6 janvier 1529. *Journal de Balard*, стр. 189. Спон, *История. de Genève*, ii. pp. 422-426. Готье СР.

[800] Registres du Conseil du 25 mars 1529. *Journal de Balard*, стр. 216, 219, 221, 222. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 533. La Sœur de Jussie, p. 6.

ГЛАВА IX.

РЕФОРМАЦИЯ НАЧИНАЕТ БРОДИТЬ В ЖЕНЕВЕ, А ОППОЗИЦИЯ - ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ.

(Апрель 1529 - январь 1530 гг.)

=СУЕВЕРИЯ В ЖЕНЕВЕ.=

В то время как люди старых времен пугались и отступали, люди новых времен набирались смелости и наступали. Они сидели у очагов женевских горожан и, ведя религиозную беседу, постепенно сеяли новые идеи в городе и новое семя в сердцах людей. Из этих *лютеран*, как их называли, одни были женевцами, другие бернцами; и остроумный Бонивар иногда присоединялся к этой фамильярной беседе. Некоторые из них, по-настоящему благочестивые люди, говорили своим слушателям, что они должны искать спасения только на кресте, и что точно так же, как солнце преображает землю и заставляет ее приносить плоды, так и свет Евангелия преобразит их сердца и побудит их совершать новые дела. Другие, саркастичные и просто отрицательные люди, ограничились указанием на злоупотребления Рима и его духовенства. Они открыто сказали то, что до сих пор осмеливались произносить только втайне. Если они видели проходящего мимо кордельера с румяным лицом, длинной бородой, в коричневой одежде и отвратительным видом, они показывали на него пальцем и говорили: "Эти монахи проникают не только в сознание горожан, но и в их дома и оскверняют город своими скандалами и прелюбодеяниями. [801] Наши зарешеченные окна и запертые на засов двери едва ли могут уберечь от их необузданных пороков и защитить целомудрие наших жен и дочерей. [802] Бог предал их похотям их сердец".

Подобные разговоры постоянно происходили среди женевцев и бернцев в промежуток между реформациями Берна и Женевы. Когда женевец приглашал швейцарца к себе домой, первый после ужина вызывался показать своему гостю достопримечательности города. - Сначала мы пойдем и посмотрим на церковь Сен-Пьер, - сказал он. "Посмотрите, какой это прекрасный собор; полюбуйтесь этими колоннами, этими арками, этой сводчатой крышей; но есть и другие вещи помимо этого. Здесь находится усыпальница, содержащая бесценное сокровище — руку святого Антония.... По праздникам его выносят для поклонения народу, который целует реликвию со святым благоговением. Но, - добавил женевец шепотом своему спутнику, - некоторые люди утверждают, что эта рука - всего лишь один из членов оленя. Пойдемте со мной к главному алтарю; вы увидите шкатулку, в которой хранятся мозги святого Петра!... Сомневаться в этом - ужасная ересь, а не обожать их - отвратительное нечестие; но ... между нами... эти мозги апостола - всего лишь пемза". [803]

=МОНАШЕСКИЕ ПРОДЕЛКИ.=

Иногда швейцарцы и женевцы пересекали реку и поднимались по улице, ведущей к древней церкви Сен-Жерве. "Зачем эти старые женщины прикладывают уши к этой дыре?" - спросила

одна из них. Там собралось несколько священников и женщин. "Тела святого Жерве, Святого Назера, святого Цельса и святого Панталеона похоронены под этим алтарем", - сказали священники женщинам. "Эти святые тела желают покинуть свой склеп; подойдите и прислушайтесь к этому отверстию, и вы услышите их". Простые женщины приблизились и слышали шум, похожий на мужской разговор. "Мы слышим их", — сказали они. "Увы! - продолжали священники. - "Для того, чтобы поднять тело святого, нам нужны епископы, церемонии, серебряная утварь, а у нас ничего нет!" Поскольку они хотели освободить этих святых личностей, эти добрые женщины немедленно бросили свои подношения в церковный ящик... и священники собрали их. "Знаете ли вы, - сказал один гугенот, - недоверчивые люди утверждают, что шум, исходящий, как говорят священники, от разговора святого Пантелеимона и его друзей, вызывается некими хитро устроенными трубками, которые, как только открывается отверстие и внутрь поступает воздух, издают звуки, которые мы слышим?" [804]

"Вы когда-нибудь видели души, вышедшие из чистилища? В Женеве нет ничего проще", - сказал один гугенот после ужина. - Уже совсем темно; пойдете на кладбище, и я покажу вам их.... Вот мы и пришли.... Ты видишь эти маленькие огоньки, медленно ползущие тут и там среди разбросанных костей?... Это души (говорят нам священники), которые, покинув место своих страданий, ночью медленно ползут по кладбищу и умоляют своих родственников заплатить священникам за мессы и молитвы, чтобы освободить их от огней чистилища.... Подождите немного... один приближается к нам... Я доставлю его. Он наклонился и, подняв его, показал своим товарищам: "Ха! ха! честное слово, эти души сделаны необычно ... это крабы, и священники прикрепили к их спинам маленькие восковые свечи". [805]

"Это одна из уловок нашего духовенства", - сказал ученый гугенот. (Бонивар часто принимал участие в этих беседах.) "Они шуты на своих трапезах, дураки во всех сложных дискуссиях, улитки в работе, гарпии в требовании, леопарды в дружбе, быки в гордости, минотавры в пожирании и лисы в хитрости". [806]

Женевцы пошли еще дальше. Однажды — это был вторник, 4 января 1530 года, — когда несколько гугенотов встретились вместе и реликвии и наложения священников стали предметом разговора, некоторые из них, живущие в Сен-Жерве, возмущенные мошенничеством духовенства, которое превращало тела святых в золотые прииски, решили протестовать против этих злоупотреблений. Они всем скопом вышли из дома, прошлись взад и вперед по разным улицам и, останавливаясь в определенных местах, собрали людей обычным образом, когда, окруженные большой толпой, они провели (говорится в муниципальном реестре) "необычный аукцион в насмешку". Возможно, они предлагали тела тому, кто больше заплатит; но, в любом случае, их самих отправили в тюрьму.

Эта сцена очень позабавила жителей пригорода. В Женеве старые суеверия уступали место и рушились под аплодисменты народа. Гугеноты требовали права на свободное исследование и желали, чтобы человеческое понимание имело некоторый авторитет в мире. Эти эксперименты со свободой, которые встревожили Церковь, привели в восторг граждан. Жители Сен-Жерве, движимые великодушными чувствами, в большом количестве направлялись в отель-де-виль. "Мы желаем, чтобы заключенные были отпущены на свободу, - заявили они синдикам, - и предлагаем внести за них залог". Магистраты все еще цеплялись за старый порядок вещей.— Я должен сделать вам строгий выговор за ваши беспорядки, - сказал главный синдик. - У нас здесь не будет беспорядков или подстрекательства к мятежу. Пусть родственники заключенных

завтра предстанут перед советом, и мы их выслушаем". 9 января совет Двухсот постановил помиловать заключенных и сказать им, что это безумие, если они когда-либо совершат еще одно подобное, должно быть учтено против них вдвойне. [807]

=НЕГАТИВНАЯ РЕФОРМА.=

Начало Реформации в Женеве носило негативный характер. В шестнадцатом веке люди повсюду ощущали потребность думать и судить.... Женевцы больше, чем другие, желали исправить злоупотребления, которые последовательные узурпации привнесли в государство: как они могли не потребовать реформы злоупотреблений, привнесенных в Церковь? Реформа уничтожила бы не только отдельные жалобы и местные неприятности, но и само папство. Однако этот курс, каким бы естественным он ни казался, был не лучшим. Внешнее, то есть управление, обряды и церемонии, не являются существенными в христианстве; но внутреннее, а именно вера в учение Слова Божьего, изменение сердца и новая жизнь — они необходимы. Когда мы хотим исправить порочного человека, недостаточно снять с него грязную одежду и смыть грязь с лица: его воля должна быть преобразована. В Виттемберге Реформация началась в лице Лютера с внутреннего; в Женеве она началась у гугенотов с внешнего. Это было бы большим недостатком, если бы религия в Женеве не стала под влиянием Кальвина такой же внутренней, как в Германии. Женевская реформа погибла бы, если бы сохранила тот характер, который приняла вначале. Но тенденция, на которую мы указали, была полезной подготовкой к той перемене, которая воплощает в жизнь великое провозглашение Христа: *"Царствие Божие внутри вас есть"*.

Епископ, все еще находившийся в Бургундии, не желал ни внутренних, ни внешних реформ. Он был встревожен тем, что происходило в Женеве, и, обнаружив, что не в состоянии в одиночку остановить поток, грозивший смести и митру, и княжество, пожаловался герцогу, императору и даже синдикам. 8 августа посланец от прелата предстал перед советом и приказал им от его имени "прекратить то, что они начали, и отправить послов к Карлу V. Который все исправит". В октябре епископ, раздраженный тем, что они не обратили внимания на его жалобы, выдвинул новые требования в суровом и угрожающем тоне. Он дал им понять, что скорее разрушит Женеву, чем позволит исправить какие-либо злоупотребления. Его письма зачитывались в совете, и их содержание доводилось до сведения народа. Что бы они сделали, если бы им угрожал гнев герцога, папы и императора, и они были доведены до величайшей слабости? "Женева, - сказали они, - находится под угрозой разрушения.... Но Бог наблюдает за нами.... Лучше война и свобода, чем мир и рабство. Мы не полагаемся на князей, и только Богу да будет честь и слава". [808] С такой уверенностью народы никогда не погибнут.

=ЖЕНЕВЦЫ ВЕРЯТ В БОГА.=

Женева очень нуждалась в этом. Ее враги говорили, что жестокие революции были у самых ворот; что они начались в Саксонии, где, по крайней мере, они не затронули политическую власть; в то время как, напротив, в этом городе в Альпах гражданская революция продвигалась бок о бок с религиозной революцией. Швейцарцы начинали уставать от такого слабого и в то же время такого упрямого города, у которого не было сил защищаться и слишком много гордости, чтобы подчиниться. Воодушевленные герцогом Савойским и находящиеся под его влиянием, они решили предложить расторгнуть союз. Эта новость вызвала ужас в городе. "Увы! - говорили гугеноты, - если овцы откажутся от собак, волки скоро разогнали бы их". и, не дожидаясь уведомления об этом роковом решении, патриоты простерли руки к той Швейцарии, от которой

герцог хотел их отделить, и воскликнули: "Мы умрем раньше!"... Но в то же время те немногие мамелюки, которые все еще оставались в городе, думая, что конец близок, поспешили присоединиться к армии герцога.

Казалось, конец действительно приближается. 1 мая в Женеву прибыло внушительное посольство из пяти кантонов Цюрих, Базель, Солер, Берн и Фрибург, а вскоре за ним последовали делегаты из Савойи. Женевцы с удивлением наблюдали, как швейцарцы и савояры прогуливались вместе по улицам, осыпая друг друга знаками вежливости и надменно глядя на гугенотов. Что? потомки Вильгельма Телля пожимают руки своим угнетателям! Мысли граждан пришли в замешательство: они спрашивали друг друга, может ли быть какое-либо родство между свободой и деспотизмом.... Они были вынуждены осушить чашу до дна. 22 мая посольство предстало перед советом. Их представителем был Себастьян де Дисбах, надменный бернец, выдающийся магистрат, выдающийся дипломат и прославленный солдат. Он отказался называть женеvцев своими согражданами, прямо потребовал расторжения союза и предложил мир, который принес бы независимость граждан в жертву герцогу. В то же время он дал им понять, что швейцарцы не единственны в своем мнении и что великие державы Европы заключают общее соглашение. На самом деле Франциск I, изменив свою политику, поддержал требования своего дяди герцога и заявил, что в случае отказа он объединит армии Франции с армиями Савойи. Карл V был вполне готов отплатить себе за неспособность уничтожить протестантов Германии, предавшись удовольствию сокрушить этот надменный маленький город. Даже король Венгрии направил посла в Женеву в интересах Савойи. Осмелится ли этот маленький уголок мира остаться свободным, когда Европа была полна решимости раздавить его своей железной пятой? [809]

В то время как могущественные князья вокруг Женевы колебались между двумя мнениями — так что временами было трудно сказать, был ли Карл за папу или против него, и был ли Франциск за протестантов или против них, — у женеvцев, этих железных людей, была только одна идея - свобода ... свобода как в государстве, так и в Церкви. Гугеноты проявили решительность и держались смело в присутствии послов. "Берегитесь, господа, - сказали де Люсси, Де Мезер и другие. - Сначала мы осуществим строгое правосудие против города, а если этого будет недостаточно, то и жесткую войну; в то время как, если вы восстановите герцогу его старые привилегии, он все простит и гарантирует вам свободы". — "Да, - добавил швейцарец, - под страхом штрафа в десять тысяч крон, если он поступит наоборот". ... Но, "удивительное зрелище, - говорит современник, - чем больше послы угрожали и пугались, тем тверже и непоколебимее стояли женеvцы и восклицали: "Мы умрем раньше!"

=ШВЕЙЦАРЦЫ ПРЕДЛАГАЮТ РАЗОРВАТЬ АЛЪЯНС.=

23 мая в сир де Diesbach предложил отзыва альянса в Совет двухсот, а на следующий день совет-генерал был вызван, главным Синдики, не теряя времени на бесконечные объяснения, ясно ответили депутаты кантонов: 'самые почтенные лорды, как союз с Лигой был заключен не спешно (*по системе à la chaude*), мы надеемся на Бога и присягу вы сделали для нас, что он никогда не будет побит. Что касается нас, то мы полны решимости сохранить свое.' Затем судья повернулся к народу и сказал: "Я предлагаю, чтобы всякий, кто заговорит об аннулировании союза со швейцарцами, получил безжалостное отрубание головы, а тот, кто узнает о какой-либо интриге, идущей против союза, и не раскроет ее, должен получить страппадо трижды". Генеральный совет принял эту резолюцию единогласно.

Дизбах и его коллеги были сбиты с толку и с удивлением смотрели друг на друга. "Разве месье Савойский не уверял нас, - сказали они, — что, за исключением примерно двадцати пяти или тридцати горожан, все жители были благосклонны к нему?" - "И я тоже знаю, - сказал незнакомец, имя которого нам не сохранилось, - что, если бы союз был разорван, герцог вошел бы в Женеву и предал смерти тридцать два горожанина". [810] "Идите с нами", - сказали самые уважаемые люди Женевы; и, положив перед послами свои хартии, они доказали этими документами, что они вольны заключить союз с кантонами. Делегаты из Берна, Фрибурга, Цюриха, Базеля и Солера приказали приготовить своих лошадей. Несколько гугенотов собрались на улице и выкрикивали, как раз когда бернские лорды садились в седла: "Мы скорее разрушим город, скорее принесем в жертву наших жен, наших детей и самих себя, чем согласимся расторгнуть союз". Когда Дизбах делал отчет о своей миссии в Берне, он нашел способ немного приукрасить свое поражение: "На генеральном совете была тысяча человек, - сказал он с некоторым преувеличением, - *только один человек* [он имел в виду президента] протестовал против разрыва союза; после того, как он был арестован". к которому *присоединились все остальные!*"... Разве он не знал, что это вполне нормально, когда предложение делает *один человек* и его поддерживает вся нация? [811]

=ТВЕРДОСТЬ ЖЕНЕВЦЕВ.=

Новый дух, неизвестный их предкам, теперь начал одушевлять многих женеvцев. Миссия Аб Хофена не осталась безрезультатной. Помимо значительного числа людей, которых действительно называли "именем Лютера", но чья единственная идея реформы заключалась в том, чтобы не поститься в Великий пост и не креститься во время богослужения, были и другие, которые желали получить Слово Божье и следовать ему. Римское духовенство это хорошо понимало. "Если эти женеvцы так сильно цепляются за швейцарцев, - говорили священники на своих собраниях, - то это для того, чтобы они могли свободно исповедовать *ересь*. Если они добьются успеха, мы, возможно, увидим, как Савойя, Аоста и другие страны Италии также реформируются".

Герцог, преисполненный решимости погасить это угрожающее пламя, решил воспользоваться влиянием папы с его сокровищами и даже его солдатами, ибо *наместник* Того, кто запретил обнажать меч, обладает армией. Кроме того, Климент VII. был одним из умнейших политиков того времени, и его совет мог оказаться полезным. Поскольку Пьетро Гаццини, епископ Аосты, находился в то время в Риме, туринский двор поручил этому ревностному ультрамонтанину информировать папу о том, что происходит в Женеве. Гаццини попросил аудиенции у Климента и, будучи представлен церемониймейстером 11 июля 1529 года, подошел к папе, восседавшему на троне, и, преклонив колени, поцеловал его ноги. Поднявшись, он описал все деяния, совершенные лютеранами в Женеве и в *долинах Савойи*. "О святой отец, - сказал он, - опасности, грозящие Церкви, неизбежны, и мы полны самых живейших страхов. Именно из Верхней Бургундии и страны Нефшатель эта проклятая секта пришла в Женеву. И теперь, увы! какой вред она там натворила!... Епископ уже не смеет оставаться в своей епархии; уже отменен Великий пост, и еретики каждый день едят мясо; и, что еще хуже, они читают запрещенные книги (Новый Завет), а женеvцы так дорожат ими, что отказываются отдать их даже за деньги. Эти жалкие еретики творят чрезвычайные злодеяния, и не только в Женеве; Аоста и Савойя давно были бы извращены, если бы его высочество не обезглавил двенадцать джентльменов, распространявших эти опасные доктрины. Но этой благотворной строгости недостаточно, чтобы остановить зло. Хотя его высочество запретил под страхом смерти кому бы то ни было

говорить об этой секте и ее отвратительных догмах, нет недостатка в *злых болтунах*, которые распространяют эти проклятые доктрины по всей его территории. Они говорят, что его высочество не является их королем; и, ссылаясь на большие расходы, связанные с войной, они яростно призывают нас продать то небольшое церковное имущество, которым мы владеем.... Герцог, мой господин и повелитель, повсюду уничтожает эту секту. *Он - барьер, который закрывает Италию от этого*, и таким образом он оказывает вашему святейшеству самую важную услугу; но нам нужна ваша помощь ". Гаццини завершил свое обращение требованием субсидии.

=ЕПИСКОП АОСТЫ И ПАПА РИМСКИЙ.=

Климент слушал с большим вниманием; он понял коварство и опасность, на которые указал епископ Аосты, и окружающие его сановники и другие священники казались еще более взволнованными. Основательно разбираясь в философских и теологических вопросах, наделенный проницательностью, проникающей в самую суть самых сложных вопросов, папа понимал, насколько велика будет опасность, если *ересь* найдет на юге, в Женеве, центр, который может стать гораздо более *пагубным*, чем даже Виттемберг; он чувствовал также необходимость иметь князя, ревностного католика, для охраны французских и итальянских склонов Альп. Этот понтифик, возможно, самый невезучий из всех пап, видел, как Реформация на его глазах распространяется по Европе, не имея возможности остановить ее, и все, что он делал, чтобы противостоять ей, служило лишь для того, чтобы распространить ее еще шире. Теперь, однако, он встретил сочувствующее сердце. Он хотел предотвратить реформирование Женевы и спасти крепость от сдачи врагу; в то время как могущественный принц предложил принять необходимые меры. Поэтому Климент очень благосклонно воспринял предложения Гаццини, и все же ему было не по себе. В речи пьемонтского посла было слово, только одно слово, которое смутило его — субсидия: на самом деле он еще не оправился от разграбления Рима. Климент VII ответил: "Я считаю его высочество своим самым дорогим сыном и благодарю его за усердие; но что касается денег, то я не могу дать ему их, учитывая пустоту казны". Затем, апеллируя к нуждам Церкви и долгу князей, которые должны быть готовы пожертвовать ради нее своим богатством, своими подданными и своими жизнями, папа добавил: "*Я молю герцога обратить особое внимание на Женеву. Этот город становится слишком лютеранским, и с ним нужно бороться любым способом.*" [812] Гаццини, которого папские чиновники провожали до ворот дворца, сожалел о своей неудаче в вопросе субсидии. Его главная цель, однако, была достигнута: папство было предупреждено; оно будет наблюдать за Женевой, как генерал следит за врагом.

=ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРА.=

Когда папа был избран, возникла необходимость повлиять на императора. Это было более легкой задачей для герцога, поскольку Карл V. был его шурином, а императрица и герцогиня Савойские, которые были сестрами и были сильно привязаны к Риму, могли писать друг другу на эту тему. Протест, поднятый евангелическими князьями в Шпайерсе в апреле 1529 года, чрезвычайно разозлил этого монарха; и поэтому он приготовился, в соответствии с клятвой, данной им в Барселоне, применить "подходящее противоядие против пагубной болезни, от которой страдал христианский мир". Когда ему упомянули Женеву, его первой мыслью было, что до нее еще далеко; однако, поскольку это был имперский город, он решил включить его в план своей кампании и решил немедленно предпринять предварительные шаги по возвращению ее

папству. 16 июля 1529 года император продиктовал своему секретарю следующее письмо, адресованное женевским синдикам:

"Верные Друзья,

"Нам сообщили, что несколько проповедников проводят частные и публичные собрания в вашем городе и в приграничных странах, что они пропагандируют ошибки Лютера и что вы терпимо относитесь к этим действиям. Эта практика наносит Церкви самый серьезный ущерб, и ваше папское величество, а также императорское достоинство глубоко оскорблены вашим поведением. Посему мы приказываем вам арестовать упомянутых проповедников и наказать их в соответствии с самыми суровыми эдиктами. Таким образом, вы искорените нечестие в своей стране и совершите поступок, угодный Богу и соответствующий нашей явной воле.

"Карл, Имп." [813]

Это письмо, в котором так сильно ощущался вкус абсолютного монарха, вызвало большое удивление в Женеве. Горожане не отрицали, что император может претендовать на определенную власть над ними, поскольку это был имперский город. Они сопротивлялись князю-епископу, они сопротивлялись герцогу: будут ли они также сопротивляться этому могущественному монарху? Его требование было ясным, и некоторые из них говорили, что выступать против такого великого князя было бы верхом безумия в маленьком городе торговцев. Но женевцы не колебались и без всякой бравады ответили императору таким простым посланием: "Сир, мы намерены жить, как и в прошлые времена, по Богу и закону Иисуса Христа".

После этого Карл пообещал помочь герцогу вооруженными силами. Папа тоже изменил свое мнение, несмотря на свой отказ Гаццини, и обнаружил в пустой казне субсидию в размере четырех тысяч испанских ливров. Две самые могущественные личности христианского мира объединили против этого маленького городка свое влияние, свои отлучения от церкви, свою хитрость, свое богатство и своих солдат; и все было готово к продуманному нападению.

[801] 'Et in domos et toros grassabantur.'—*Geneva Restituta*, p. 21.

[802] 'Vix ac ne vix tot admissariorum prurentium ardores arceri poterant.'—*Ibid.*

[803] 'Pro cerebro Petri pumex repertus.'—*Ibid.* См. также "Изобретение реликвий" Кальвина.

[804] 'Reperti tubi, tanta arte inter se commissi, ut excitatum ab adstantibus sonum statim exciperent.'—*Geneva Restituta*, p. 26. Registres du Conseil du 8 décembre 1535. Froment, *Actes et Gestes merveilleux de la Cité de Genève nouvellement convertie à l'Évangile*, publiés par M. G. Revilliod, p. 49.

[805] 'Sed his spectris, propius vestigatis, animæ crustosæ et testaceæ deprehensæ ... ellychniis succensis dorsorum crustæ alligatis.'—*Geneva Restituta*, p. 27. Froment, *Actes et Gestes de Genève*, p. 150.

[806] 'In exactionibus harpias, ad superbiendum tauros, ad consumendum minotauros.'—*Geneva Restituta*, p. 28.

[807] 'Leur serait comptée pour deux.'—Registres du Conseil des 4 et 9 janvier 1530.

[808] 'Melius est bellum cum libertate quam pacifica servitus. Nolite confidere in principibus; soli Deo honor et gloria!'—*Journal de Balard*, pp. 226, 264, 267. Registres du Conseil des 17 avril, 8 août, 17 octobre, 14 novembre, &c.

[809] Registres du Conseil de Genève du 23 mai 1529. *Журнал де Бальяра*, стр. 229.

[810] Registres du Conseil des 23 et 24 mai 1529. *Journal de Balard*, стр. 331-336. Готье Ср.

[811] Registres du Conseil des 23 et 24 mai 1529. *Journal de Balard*, стр. 331-336. Готье ср. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 535. Galiffe fils, *Besançon Hugues*, p. 364.

[812] Archives de Turin, Correspondance romaine; Dépêches du 12 juillet 1529 et du 23 décembre 1530. Gaberel, *Pièces Justificatives*, p. 31.

[813] Archives de Turin, première catégorie, p. 11, n° 63. Габерель, i. стр. 101.

ГЛАВА X.

РАЗЛИЧНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЖЕНЕВЕ, И БОНИВАРА ПЕРЕВЕЗЛИ ПЛЕННИКОМ В ШИЛЬОН.

(март-май 1530 г.)

=ЖАЛОБЫ ФИСКАЛА.=

Мужество защитников католицизма в Женеве возродилось благодаря новостям, которые они получили извне; и когда император, папа и герцог заявили, что готовы выполнить свой долг, епископальные чиновники тоже приготовились выполнить свой. Но одно обстоятельство могло парализовать все их усилия: "Бог по своей благодати начал в это время, - говорится в рукописи, - внедрять знание истины, своего святого Евангелия и Реформации в сердца некоторых людей в Женеве через общение, которое они имели с жителями Берна". [814] Эти гугеноты смело исповедовали протестантские идеи, которые они впитали, и, хотя не обладали очень просвещенной верой, испытывали удовольствие, нападая с сарказмом и высмеивая священников и их последователей. Кюре и монахи каждый день приходили к епископальному викарию и горько жаловались на этих *лютеран*, как они их называли, которые в своих собственных домах или в общественных местах и даже в церквях, расхаживая взад и вперед по проходам, громко говорили о необходимости реформации. [815] 22 марта викарий, стремясь исполнить свой долг в отсутствие епископа, послал за прокурором-фискалом и посоветовался с ним о защите веры. Прокуратор предстал перед собором. "Ересь смело поднимает голову, - сказал он. - люди едят мясо в Великий пост, согласно обычаю лютеранской секты. Вместо того чтобы благочестиво слушать мессу, они прогуливаются (*passagiare*) по церкви во время богослужения.... Если мы не положим конец этому злу, город будет разрушен.... Я приказываю вам от имени моего господина епископа сурово наказать этих мятежников". Бернская рукопись добавляет: "Он подавал большие жалобы, сопровождавшиеся упреками и угрозами". Герцог Савойский поддержал его, посоветовав совету принять меры предосторожности против

лютеранских заблуждений, которые проникали в город. Магистраты были полностью склонны пресекать религиозные нововведения: "Мы должны заставить всех, - говорили они, - слушать мессу с уважением". Гугеноты указали на опасность в какой-либо степени прислушиваться к пожеланиям герцога, поскольку в этом случае он возомнил бы себя сувереном Женевы. Что же было делать? Не лишенный остроумия человек предложил необычное и доселе неслыханное наказание за подавление ереси, которое было принято и опубликовано, несмотря на противодействие самых решительных гугенотов: "Приказано, чтобы всякий, кто ест мясо в Великий пост или ходит по церквям, был приговорен построить *три этажа стены Сен-Жерве*". Город строил эту стену как средство защиты от герцога. [816]

=ПРИГОВОР ГУГЕНОТАМ.=

Этот указ вызвал бурю протестов против римского духовенства. Во все времена среди католических священников и даже христиан были достойные люди, которые с большим самопожертвованием посвящали себя облегчению человеческих страданий. Партийный дух, который представляет целый класс людей лицемерами, фанатиками и развратниками, противостоит справедливости так же, как и милосердию. Однако следует признать, что в то время в Женеве не было многих из тех благочестивых и ревностных священников, которые были найдены в Римско-католической церкви с тех пор, как она была пробуждена Реформацией. "Как! - воскликнули члены совета, склонявшиеся к протестантизму и видевшие, как осуждают их друзья. - Церковь запрещает нам есть пищу, созданную Богом для нашего употребления, и разрешает священникам предаваться ненасытному разврату, против которого Бог вынес суровое осуждение!... На! на! Господа священнослужители, вы хотите, чтобы мы ели только рыбу, а сами живете в постоянном общении с проститутками.... Лицемеры! раздавишь комара и проглотишь верблюда". В то же время эти граждане разоблачали беззакония священников и монахов, указывали на их места для разврата и описывали скандалы, вызванные их похотью. Это описание, которое, как все знали, было правдой, произвело глубокое впечатление. Добрые католики, присутствовавшие на соборе, видели вред, нанесенный религии безнравственностью духовенства; в то время как некоторые практические люди были склонны рассматривать великое движение, происходившее тогда в Церкви, по сути, как реформу морали. "Лютеранская секта разрастается и процветает, - сказал член католического совета, - из-за скандала со священниками, которые открыто живут с женщинами дурного образа жизни". [817]

=СВЯЩЕННИКИ ПРИГОВОРЕНЫ.=

Совет послал за главным викарием: "У нас есть серьезная жалоба", - сказали они ему. "Никакое средство правовой защиты не было применено к развращенности и скандальному поведению священнослужителей, которые являются причиной всевозможных нарушений. Проявляйте свою власть, не дожидаясь, пока светская власть будет вынуждена вмешаться". Похоже, что, поскольку викарий не возлагал больших надежд на исправление, совет придерживался мнения, что после осуждения мирян, которые разгуливали по церквям, они также должны осудить священников, которых поймали в домах беспорядков. Один член городского совета вообразил, что было бы справедливо запрячь, так сказать, этих двух разных преступников в одну машину. Поэтому совет принял вторую резолюцию, в которой, никогда не упуская из виду необходимость защиты города от Савойи, приказал, "чтобы священники немедленно отказались от своих дурных привычек под страхом строительства трех туазов стены Сен-Жерве вместе с другими".

[818] Таким образом, предшественникам протестантизма и распутным священникам было приказано вместе трудиться над одной и той же задачей во рву Сен-Жерве. Последние были возмущены тем, что их поставили в один ряд с первыми, и считали, что их достоинство ущемлено странным декретом, который вынудил их снабжать еретиков известковым раствором. Однако, по-видимому, эти два ордена соблюдались не очень строго, что нечестивые церковники продолжали удовлетворять свои аппетиты и что стена продвигалась вперед, но медленно. "Каноники, священники и монахи неисправимы, - говорили люди. - Они веселые ребята, любят выпить и открыто воспитывают своих незаконнорожденных детей. Как Церковь может быть возмущена таким образом жизни, когда даже папы подают пример?" [819]

Хотя это постановление совета продемонстрировало большую беспристрастность и определенную долю здравого смысла, мы не можем ставить в один ряд два класса, которых оно затронуло. Гугеноты, видя, что Священное Писание называет это *дьявольской доктриной*, которая повелевает людям *"воздерживаться от мяса, которое Бог создал для приема с благодарностью"*, [820] делали то, что предписывает Слово Божье, в то время как злые священники предавались самым возмутительным беспорядкам. Негативный протестантизм, однако, не является истинным благочестием; и поэтому евангельские христиане Цюриха и Берна, пользуясь частыми поездками женеццев в эти два города по государственным или частным делам, постоянно призывали их принять истинную суть Евангелия. Во время визитов друг к другу, во время дружеских прогулок по берегу Цюрихского озера или по холмам, возвышающимся над Ааром, эти благочестивые реформаторы Немецкой Швейцарии говорили гугенотам: *"Царство Божье - это не пища и питье, но праведность, мир и радость во Святом Духе."* [821] Иисус Христос, вечный Сын Божий, но рожденный человеком, стал нашим Искупителем своей смертью и своим воскресением. Он один полностью удовлетворяет религиозные потребности человечества. Соединитесь с Ним верой, и вы испытаете на себе, что чистая религия Евангелия не только первая среди всех религий, исповедуемых людьми, но и совершенна, как исходящая от Бога".

=ПЛАН ПРОПОВЕДИ В ЦЕРКВИ СВЯТОГО ВИКТОРА.=

Четверо Ванделей, не порывая полностью с Римом, более трех лет были одними из самых решительных представителей так называемой лютеранской партии. Хьюз Вандель был направлен в Швейцарию в качестве посла (именно так обычно именовали посланников в официальных документах того периода). В Цюрихе "цвинглианцы оказали ему сердечный прием"; друзья Галлера сделали то же самое в Берне, где он случайно оказался в июне 1530 года. Все евангелисты в этих двух городах были искренни в своем желании увидеть, как живое христианство вытеснит несколько негативных реформ в Женеве. "Большинство жителей Женевы хотели бы быть евангелистами, - ответил Вандель, - но они хотят, чтобы им указали путь, и никто не осмелится проповедовать Евангелие в церквях из-за страха перед Фрибургом". Что же делать? подумал он. День и ночь он пытался найти способы проповедовать Евангелие своим согражданам; наконец ему внезапно пришла в голову блестящая идея; он рассказал об этом цвинглианцам в Цюрихе и Бертольду Галлеру в Берне; он написал об этом Фарелю, Кристоферу Фабри, а также своему брату Роберту в Женеву. Его идея заключалась в следующем: следует помнить, что Сен-Виктор был маленьким независимым княжеством у ворот города. "Предположим, это было бы передано милордам Берна, - сказал Вандель. - Они хотели бы иметь там судебного пристава и проповедника, который был бы нашим большим утешением." Это правда, что церковь Святого Виктора была старой и, вероятно, вскоре "рухнет", но Берн смог бы

ее восстановить. Все евангелисты Женевы, оставив мессу в городских церквях и перейдя улицу Сент-Антуан, толпами шли слушать проповедь Христа в церкви Бонивар.... Таким образом, тот Ренессанс, представителем которого был приор, действительно стал бы для Женевы воротами Реформации. Только что произошедшее событие, возможно, натолкнуло Ванделя на эту идею. Это был план, предложенный папой римским и осуществленный герцогом. [822]

Бонивар, лишенный своего пособия в момент смерти Бертелье, вернул свой монастырь, но не доходы. Будучи наделен скорее решительностью и изобретательностью, чем настойчивостью, считая, что захват его имущества герцогом был несправедливым, желая, чтобы его вернули в полное владение его маленьким княжеством, и немало стыдясь того, что ему пришлось сказать своему слуге, что у него ничего нет в кошельке, когда тот пришел и попросил денег на покупку всего необходимого для жизни, — Бонивар опоясался шпагой, взял мушкетон, сел на коня и, снаряженный таким образом и сопровождаемый несколькими воинами, совершил несколько набегов на территорию герцога, чтобы взимать налоги. его арендная плата. Но ему приходилось иметь дело и с герцогом, и с папой римским. Он был заменен в своем приорате епископом и советом, но без согласия судов Рима и Турина, которые незаконно лишили его этого права. В результате появился папский проктор в сопровождении эскорта, чтобы помешать приору вернуть свое имущество. Бонивар, который был порывист от природы, посмотрел на этого человека как на разбойника, пришедшего ограбить его; поэтому он бросился вперед, схватил оружие и разрядил свой мушкетон в римского чиновника. Последний, перепуганный, ускакал так быстро, как только мог, потому что Бонивар своим огнестрельным оружием ранил лошадь. [823] И папа, и герцог громко выражали свои жалобы, а Климент даже выступил с заявлением против него. Вследствие этого Женевский собор запретил Бонивару заниматься этими военными причудами; и поскольку у него не было средств к существованию, магистраты выдавали ему четыре с половиной кроны в месяц на оплату его расходов и расходов его слуги, пока он не окажется в лучшем положении. - Увы! - воскликнул приор. - Четыре кроны в месяц! ... это так мало, что я с трудом могу содержать себя и своего пажа". Тем не менее, он оставался терпеливым, но его не оставили в покое.

Римский проктор, снова взявшись за это дело, предъявил права на приорат от имени Климента, от имени священника, который был наделен им после смерти предателя Монтерона. Бонивар, желая обезопасить свой бенефиций от новых нападений, присоединил его к Женевскому госпиталю, который должен был получать доходы от него как настоятеля. Но у герцога были другие взгляды. Более четырехсот человек с оружием в руках собрались ночью перед ратушей и потребовали правосудия над некоторыми монахами Сен-Виктора, которых обвиняли в заговоре с целью выдать монастырь савойским партизанам. Безансон Хьюз и Томас Вандель, фискальный прокурор, подали эту просьбу, и Бонивар приказал заключить монахов в тюрьму. Когда герцогу сообщили о присоединении монастыря к Женевскому госпиталю, его гнев возрос, поскольку у него было большое желание овладеть собором Святого Виктора, что дало бы ему опору недалеко от ворот города. Поэтому его агенты просили приора "Дейли" отменить этот акт и обещали ему "моря и горы", если он согласится; но Бонивар покачал головой, сказав: "Я ему не доверяю!" Теперь Карл решил избавиться от человека, который был препятствием на его пути во всех его предприятиях против Женевы. [824]

=СЫНОВНЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ БОНИВАРДА.=

Настоятель, обычно такой жизнерадостный, на некоторое время впал в уныние и задумчивость. Не только его монастырь, его бедность и его враги омрачали его лицо, прежде такое оживленное: его мать была серьезно больна. Для Бонивара сыновняя почтительность была самым естественным долгом, первой и сладчайшей формой благодарности. Он подумал: "Как верно пишет Платон, что нет Пенатов более священных, нет поклонения более приемлемого для богов, чем поклонение отцу или матери, сгибающимся под тяжестью лет". Его женевские друзья, которые ежедневно ходили в собор Святого Виктора, заметили его печаль и спросили о причине. "Увы! - сказал он. - Я хотел бы еще раз увидеть мою престарелую мать, прежде чем она умрет. Я не видел ее эти пять лет, и она на пороге могилы". Одному из них, спросившему, где она, он ответил: "В Сейсселе, в доме наших предков". Сейссель находился в штатах Савойя, и Карл не преминул бы арестовать приора, если бы тот осмелился там появиться.

Однако Бонивару казалось, что он видит способ удовлетворить свои самые заветные желания. Он решил воспользоваться просьбами, адресованными к нему Чарльзом, и попросить охранную грамоту. - Я поеду навестить свою мать и брата в Сейсселе, - сказал он, - и спрошу у них совета. Мы вместе проконсультируемся по этому поводу". Герцог отправил Бонивару требуемый паспорт, оговорив, однако, что он должен быть доступен только в апреле месяце. Шарль, обрадованный тем, что Бонивар покинул окрестности Женевы и отправился в глубь своих владений, решил, что если это путешествие не принесет ему приората, то, по крайней мере, даст ему приора.... Друзья Бонивара, на чьи суждения не влияла сыновняя привязанность, были справедливо встревожены, когда услышали о его приближающемся отъезде, и попытались задержать его; однако он не мог думать ни о чем, кроме как увидеть свою мать перед тем, как она умрет. Соответственно, он отправился в путь, миновал форт л'Экюз, Перте-дю-Рон, и добрался до маленького городка, где жила "древняя дама", как он ее называл. Мать, любившая имя, таланты, славу и саму личность своего сына, с нежностью заключила его в объятия; но ее радость вскоре сменилась страхом, потому что она знала о вероломстве Шарля и помнила историю Леврье ... и дрожала за своего ребенка. [825]

=ВИЗИТ БОНИВАРДА К СВОЕЙ МАТЕРИ.=

Тем временем враги Бонивара в Женеве не замедлили воспользоваться его отъездом. Некоторые из них были мамлюками. Поссорить его с гугенотами, казалось, было бы полезно для их дела; и поэтому в городе начали распространяться слухи, что он отправился сдавать собор Святого Виктора герцогу и что он предает народ и раскрывает их секреты. Близкие друзья приора с негодованием опровергли эту клевету; но его враги продолжали повторять ее, и, поскольку самые пылкие люди часто бывают самыми легковверными, несколько гугенотов поверили этим утверждениям. Бонивар написал в совет Женевы, жалуясь на нанесенный ему ущерб, и напомнил им, что в городе нет человека, более преданного своей независимости, чем он сам.

Что ему делать? Он был чрезвычайно смущен. Должен ли он вернуться в Женеву? Он боялся гнева тех гугенотов, в глазах которых поездка в Савойю считалась преступлением. Должен ли он остаться в Сейсселе? Как только закончится апрель, он будет схвачен герцогом. Его мать заклинала его убраться подальше от своих врагов, как герцога, так и женевцев....

'Et qui refuserait une mère qui prie?...

Он решил отправиться во Фрибург. Женевский совет действительно посоветовал ему не беспокоиться по поводу глупых историй его врагов и добавил: "Пусть он приезжает, если ему угодно, и с ним будут обращаться хорошо". [826] Это было не очень настойчивое приглашение, и Безансон Хьюз, самый влиятельный человек в городе, был против него. Хьюз, католик и приверженец епископальной церкви, вполне мог испытывать не очень-то симпатию к настоятелю монастыря, который полностью соглашался с новыми идеями. Однако, похоже, что эти католические предрассудки были смешаны с некоторыми человеческими слабостями. "Бонивар, - говорится в рукописи, - часто вступал в споры с безансонским Хьюгом, который надеялся добиться для своего сына посвящения в приорат Святого Виктора". [827] Приор не был в неведении относительно этого враждебного отношения. "Увы! - сказал он. - член совета, и он не из последних, возбуждает против меня совет и народ". С другой стороны, он не мог решиться окончательно перейти на сторону Реформации; он все еще оставался нейтральной территорией Эразма и позволял себе шутки в адрес гугенотов, что настроило их против него. Он не принадлежал ни к той, ни к другой партии и оскорблял обеих. Поэтому он не стремился сейчас возвращаться в Женеву, опасаясь, что его враги окажутся сильнее друзей. Апрель подходил к концу, и он умолял герцога продлить его подписку о невыезде до мая, и это было удовлетворено. Теперь Бонивар простился со своей престарелой матерью, которую он оставил в глубокой печали о судьбе ее сына. Больше она его никогда не видела.

Граф Шаланс, президент совета Савойи и друг епископа Аосты, был, хотя и мирянином, таким же фанатиком римско-католицизма, как и Гаццини, будучи священником. В то время он проводил *journée* или диету в Ромоне, между Лозанной и Фрибургом. Фрибургский бродяга, друг Бонивара, случайно оказался в Ромоне, и Бонивар отправился туда; и, поскольку он был в родстве с савойской знатью, он засвидетельствовал свое почтение графу, который принял его любезно. Бонивар умело объяснил де Шалану, чего ему следует опасаться; ведь однажды уже, и недалеко от этого места, его схватили и бросили в герцогскую тюрьму. Граф поклялся своей честью, как устно, так и письменно, что ему ничто не будет угрожать на территориях герцога в течение мая и, добавил он, даже в течение июня. Успокоенный таким образом, Бонивар начал размышлять о своем положении. Было странно для человека, столь просвещенного в вопросах злоупотреблений папства и монашества, быть во главе монашеского сообщества. Более того, помимо папы римского и герцога, у него появился новый противник. "С одной стороны, я боюсь герцога, - сказал он, - а с другой - безумия жителей Женевы, к которым я не осмеливаюсь вернуться без самых решительных обещаний".

=РЕШАЕТ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ МОНАСТЫРЯ.=

Бонивар, все взвесив, решился на великую жертву. Он отправился в Лозанну и предложил епископу Монфокона уступить ему приорат Святого Виктора при условии получения пенсии в четыреста крон. Епископ принял это предложение при условии, что Женева и Савойя согласятся. Бонивар подумал, что это несложное дело, и поскольку Рене де Шалан в то время проводил очередную поездку в Мудон, он решил отправиться туда, чтобы устроить грандиозное мероприятие. Он прибыл 25 мая. Граф принял его вежливо и, казалось, проникся его идеями; но в то же время этот сеньор и некоторые савойские офицеры провели несколько частных совещаний, результатом которых стало то, что они послали гонца в Лозанну. Бонивар был приглашен поужинать с президентом, который отвел ему почетное место. Было много гостей, трапеза прошла очень оживленно, и приор, чье веселье легко возобновлялось, позабавил всю компанию своим остроумием. Однако за столом его высочества был один офицер, который

сильно раздражал его: это был сир де Беллегард, убийца Левье. Этот негодяй, словно желая сгладить неприятное впечатление, был в высшей степени любезен и внимателен. Наконец они вышли из-за стола. В маленьком городке Мудон собралось так много джентльменов, что все спальни были заняты — так, по крайней мере, утверждалось. После этого Бельгард веселым тоном сказал Бонивару: "Что ж, тогда, мой друг, я разделю с тобой свою комнату". Бонивар принял предложение, но не без некоторой неловкости. На следующее утро он приготовился отправиться в Лозанну, чтобы уладить свои дела с епископом. "Я боюсь, что вы заблудитесь и с вами что-нибудь может случиться", - сказал Бельгард. - Я пришлю с вами слугу верхом. - Доверчивый Бонивар удалился вместе с сержантом-распорядителем его высочества.

Бельгард разнообразил свое вероломство. Он похитил Левье, когда тот выходил из собора, и лично доставил его в замок, где тот должен был встретить свою смерть. На этот раз он предпочел не попадаться на глаза, и по этой причине в Лозанну было отправлено сообщение. Присмотревшись ночью к Бонивару, чтобы он не сбежал, как Хьюз сбежал из Шатлена, Бельгард простился с ним, очень вежливо обняв и настоятельно порекомендовав его на попечение сержанта. Дорога из Мудона в Лозанну тянется примерно на пять лиг через холмы Жорат, которые в то время были дикими и безлюдными. Время от времени Бонивара тревожили мрачные мысли. Он вспомнил, как Леврье был схвачен Бельгардом у ворот Сен-Пьера.... Если бы его ждала подобная участь!... Вскоре к нему вернулась уверенность, и он пошел дальше.

=БОНИВАРД ВЕРОЛОМНО ПОХИЩЕН.=

В этот четверг, 26-го, был погожий майский день. Ранним утром мессир де Бофор, шильонский капитан, и сир дю Рози, байи из Тонона, получив инструкции от Мудона, покинули Лозанну, сопровождаемые двенадцатью-пятнадцатью хорошо вооруженными всадниками. Достигнув высот Джората, недалеко от монастыря Святой Екатерины, они спрятались в лесу черных сосен, который сохранился до сих пор; [828] и там оба вождя и солдаты молча ждали несчастного Бонивара. Действительно, у него была охранная грамота от герцога; но охранная грамота Яна Гуса была нарушена, и почему они должны соблюдать охранную грамоту приора Сен-Виктора? "Нельзя хранить веру с еретиками", - было сказано в Констанции, и теперь это повторили в Мудоне. Вскоре де Бофор и Дю Рози услышали топот двух лошадей; они подали сигнал своим спутникам быть наготове и выглянули из-за деревьев, где они прятались, чтобы посмотреть, действительно ли приближается их жертва. Наконец появился проводник верхом, затем приехал Бонивар на своем муле; слуга де Беллегарда привел его прямо в назначенное место. Как раз в тот момент, когда незадачливый приор, колеблясь между уверенностью и страхом, проходил мимо того места, где стояли Бофор, дю Рози и их пятнадцать товарищей, последние выбежали из леса и набросились на Бонивара. Он схватился за меч и пришпорил своего мула, чтобы убежать, крикнув своему проводнику: "Пришпоривай! шпоры!" - Но вместо того, чтобы поскакать вперед, сержант внезапно повернулся к человеку, которого он должен был защищать, схватил его и "ножом, который у него был наготове" перерезал перевязь Бонивара. Все это произошло в мгновение ока. "После чего эти честные люди напали на меня, - сказал приор, рассказывая эту историю спустя годы, - и взяли меня в плен именем монсеньора". Он оказал все возможное сопротивление; предъявил свои документы и показал, что все они в порядке; но его охранная грамота не помогла агентам Бельгарда и Де Шалана. Взяв какую-то веревку из сумки, которую они принесли с собой, они связали Бонивару руки и привязали его к его мулу, как когда-то связали Левье, и таким образом, пройдя через Лозанну, недалеко от которой было совершено злодеяние, повернули налево. Приор пересек Во, Веве, Кларенс и

Монтре; но эти районы, одни из самых красивых в Швейцарии, ни на минуту не могли вывести его из глубокого уныния. "Они отвезли меня, связанного, в Шильон, - рассказывает он в своих *Хрониках*, - и там я оставался шесть долгих лет.... Это была моя вторая страсть". [829]

=ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК.=

Девять лет назад, почти изо дня в день (май 1521 г.), Лютера также схватили в лесу с целью отвести в замок; но его утащили друзья, в то время как *шильонский узник* был вероломно схвачен врагами. Бонивар, реформатор негативного и скорее философского характера, был намного ниже Лютера, позитивного и евангелического реформатора; но тюремное заключение Бониварда намного превосходило по суровости заключение саксонского доктора. Действительно, сначала приора Сен-Виктора заперли в комнате и обращались с ним уважительно; но Карл Добрый, навестив его и поговорив с ним о чем-то, приказал, когда он покидал замок, обращаться с заключенным сурово. Его перевели в одно из тех сырых и мрачных подземелий, вырубленных в скале, которые лежат ниже уровня озера. Вероятно, герцог отдал этот жестокий приказ потому, что узник, верный свету и свободе, отказался склониться перед ним. Припадок Бонивара был тяжелым ударом для его матери, для его друзей и даже для магистратов Женевы, которые, услышав об этом, увидели все вероломство герцога и невиновность приора и восстановили к нему свою привязанность и уважение. Некоторое время было неясно, жив Бонивар или мертв; все, что люди знали, это то, что он был схвачен вопреки охранной грамоте на холмах над Лозанной. Однако Джон Луллин и другие посланники Женевы, присутствовавшие на *journée*, состоявшемся в Пайерне на Рождество 1530 года, будучи лучше информированными, сделали все, что в их силах, чтобы добиться освобождения человека, оказавшего такую хорошую услугу свободе; но агенты Савойи притворились, что не знают о месте его заключения.

Таким образом, блестящая жизнь была внезапно прервана. Какой юмор, какая оригинальность, какой поразительный язык, какая изобретательность, какие остроумные беседы были внезапно прерваны! Бонивар так и не оправился от этих шести лет строжайшего заточения. Когда он вышел из Шильона, он был совсем другим человеком, чем когда попал туда. Он был подобен птице, которая, испуская сладчайшую песню, подхвачена порывом ветра и сбита с ног; с тех пор она жалко машет крыльями и не издает ничего, кроме резких неприятных звуков. Святой Виктор хотел *одного необходимого*; он не был одним из тех, о ком говорят: *их юность обновляется, как у орла*. Яркость Реформации затмила его. Последняя часть его жизни была столь же печальной, сколь и блестящей в начале. Для его славы было бы лучше, если бы он был казнен во дворе Шильонского замка, как Левье был казнен во дворе Бон.

[814] Бернский ср. *История. Гельвет. v. стр. 12.*

[815] Мишель Розе, *Хроника. Г-жа Лив. ii. глава xiv.*

[816] *Registres du Conseil des 22 et 29 mars.* Бонивар, *Хроника. ii. стр. 551.* Бернская рукопись *История. Гельвет. v. стр. 12.*

[817] Бонивар, *Хроника. ii. стр. 551.*

[818] 'Quod presbyteri ab inde debeant relinquere eorum lupanaria, lubricitates et meretrices, sub simili poena (facere in muris Sancti Gervasii tres teysias muri.)'—*Registres du Conseil du 1er avril.*

[819] Galiffe, *Matériaux pour l'Histoire de Genève*, ii. p. vii. Записка содержит длинный список незаконнорожденных детей пап, архиепископов, инквизиторов и других церковников.

[820] 1-е Тимофею iv. 1-3.

[821] Римлянам xiv. 17.

[822] Lettre de Vandel du 23 juin 1530. Галиффе сын, *Безансон Хьюз*, примечание к странице 395.

[823]"Procuratorem prosequentem scopettis invasisse, et equum super quo fugiebat vulnerasse". — Доклад Климента VII., датированный 24 января 1528г.

[824] Bonivard, *Chroniq.* ii. pp. 485, 547, 572. *Mém. d'Archéologie*, tom. v. p. 162.

[825] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 572 573. *Mém. d'Archéologie*, iv. p. 171.

[826] 'Fuit lecta missiva Domini Sancti Victoris. Rescribatur ei ut veniat, si velit, et illum bene tractabimus.'—Council Register, May 2, 1530.

[827] Готье ср. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 573.

[828] Монастырь Святой Екатерины располагался на месте *Шале а Гобет*, гостиницы, расположенной по дороге из Лозанны в Берн.

[829] 'Ce fut ma seconde passion.'—Bonivard, *Chroniq.*

ГЛАВА XI.

АТАКА 1530 ГОДА.

(Август, сентябрь и октябрь.)

=АРЕСТ ФИНАНСОВОГО МАНДОЛЛЫ.=

Арест БОНИВАРА был не единичным актом, а первой перестрелкой в ходе общего сражения. Герцог и епископ примирились, и их единственной мыслью было, как они могли бы подчинить Женеву силой оружия. Необычное решение для пастора! К счастью для него, женевцы дали ему предлог, рассчитанный в какой-то мере оправдать его воинственное исцеление душ.

Беззаконное поведение герцога Савойского по отношению к Бонивару опровергло выдвинутые против него несправедливые обвинения, и женевцы сразу же выразили свое сочувствие несчастному шильонскому узнику. Они были возмущены нарушением герцогом охранной грамоты, которую он сам дал. "Вы видите его недобросовестность", - сказали они. Решив, что когда невиновных сажают в тюрьму, пришло время наказать виновных, они решили отомстить.

В Женеве жил человек по имени Мандолла, прокурор-фискал и ярый сторонник герцога и епископа. "Он был незаконнорожденным священником с дурным именем и славой, - говорится в "Хрониках таймс", - который позволял себе поборы, грабил и произвольно сажал в тюрьму тех, кто вызывал его недовольство". Главный викарий, мессир де Джинжин, аббат Бонмона,

честный и доброжелательный человек, часто упрекал его, но Мандолла отвечал ему дерзостью. И это было еще не все, ибо, имея под своей юрисдикцией светскую власть, он постоянно интриговал, чтобы передать Женеvu герцогу. Горожане, раздраженные этими посягательствами на их права, обратились к аббату Бонмона с несколькими решительными протестами против иностранного священника, который пытался лишить их независимости. Это было серьезное обвинение: совесть подсказывала Мандолле, что оно справедливо; он забил тревогу и, желая избежать правосудия, поспешно покинул Женеvu и укрылся в замке Пеней.

Женевцы теперь жаловались громче, чем когда-либо. "Уберите эту занозу из города", - сказали они главному викарию. Аббат признал справедливость их требования, и совет, блюстители прав города, пришли к нему на помощь; ибо они вспомнили, как на выборах синдиков в 1526 году этот человек интриговал, чтобы иметь при себе список, в котором содержалось имя печально известного Картельера. Несколько вооруженных людей были посланы в замок Пеней, где они схватили Мандоллу, привязали его к лошади, как были связаны Левье и Бонивар, и 24 июня он был доставлен обратно в Женеvu в окружении охранников, которые отвели его в тюрьму. С прокурором-фискалом обращались как с преступником! это было беспрецедентно. Люди останавливались на улицах, когда он проходил, и смотрели на него с удивлением. Разум несчастного Мандоллы был в состоянии сильного замешательства. Он задавался вопросом, отомстят ли они ему за смерть Леврье и Бертелье и за пленение Бонивара. Он чувствовал себя виноватым, но верил в своих могущественных защитников. Его друзья действительно не стали терять ни минуты и написали епископу, находившемуся в Арбуа.

=ЕПИСКОП СТРОИТ КОЗНИ ПРОТИВ ЖЕНЕВЫ.=

Мандолла не пробыл и трех дней в тюрьме, когда в Женеvu прибыло "суровое и угрожающее письмо" от епископа. Прелат был возмущен тем, что горожане осмелились поднять руку на клерка, который был одним из его чиновников, и особенно на того фискала, который, как говорит Бонивар, *льет воду на его мельницу*. "Не довольствуясь несвоевременными нововведениями, которые вы внесли в нашу юрисдикцию, - писал он синдикам 27 июня, - вы привели к аресту нашего прокурора при исполнении им своих функций.... И вам не нравится, когда вас называют предателями!... Мы осуждаем это безобразие так же, как если бы вы совершили его в отношении нашей собственной персоны. Освободите нашего фискала без какого-либо ущерба для его личности; возместите причиненный вами ущерб; в противном случае мы используем все средства, которые Бог дал в наши руки, чтобы отомстить". Совет был очень удивлен, прочитав это письмо: "Епископ забывает, - сказали они, - что это дело просто о грабежах и государственной измене. Как давно вошло в обычай угрожать мстью Бога и человека магистратам, которые преследуют вора?" — "Мой господин, - ответили магистраты, - Мандолла, как вам хорошо известно, предатель и грабитель". И, не обратив внимания на призыв епископа, они составили обвинительный акт против фискала. Когда Ла Бому рассказали об этом, он не смог сдержаться. Его двойной титул князя и епископа наполнял его гордостью, и он не мог смириться с мыслью, что эти граждане Женеvы пренебрегают его приказами.

Это дело только ускорило осуществление его планов. Его разум был полон горечи из-за ереси, которую он обнаружил в городе, и он думал только о наказании тех, кого считал предателями. Епископу не приходило в голову, что Женева, претерпев великие преобразования, в один прекрасный день станет самым активным центром Реформы. Но, не предвидя такого будущего, он думал, что, если Реформация утвердится там, как в Цюрихе и Берне, провинции Савойя и

другие, кроме того, вскоре станут жертвой этой заразы. Он решил всячески противодействовать этому, и следует признать, что у него было на это право; но две вещи вызывают сожаление: нечестивое смешение католического дела с делом предателя и вора и средства, которые использовал прелат.

=ЕПИСКОП ОБРАЩАЕТСЯ К РЫЦАРЯМ.=

Этих средств он искал в насилии. Чтобы наказать гугенотов, ему нужны были союзники. Где он мог их искать, кроме как среди рыцарей Ложки? Как принц и епископ Женевы, он придаст форму этому братству и организует его против своего собственного епископального города. Он немедленно вступил в сношения с ее главными лидерами: Джоном де Вири, сир Аламонь; Джоном Местралем, сир Аруффенс; Джоном де Бофортом, бароном Ролле; Франциском, сир Сен-Сафорин; сир Гентод, деревня, расположенная между Женевой и Версуа; и особенно Майклом, бароном Ла Сарраз, которого епископ называл "своим нежно любимым кузенком". Не дожидаясь, пока эти могущественные лорды нападут на город, он сам начал небольшую войну. Он посадил в тюрьму двух женевских торговцев скотом, случайно оказавшихся на территории Сен-Клода; приказал схватить женевских коз, которые паслись на холмах Жекса; и расставил вооруженных людей на всех дорогах, ведущих из Женевы в Лион, с приказом останавливать его *подданных* и их друзей и конфисковывать их товары. [830]

После этой маленькой войны епископ обратил свои мысли к великой. Сначала он хотел привести в движение своих собственных вассалов, друзей и союзников на западных склонах Юры. "Брат, - сказал он барону Сен-Сорлену, - позови наших бургундцев". Когда его переговоры с Ла Сарразом, Вири и другими увенчались успехом, он обратился с общим призывом к рыцарям Ложки. "Господа и соседи моего епископального города, - сказал он, - я был проинформирован о вашем дружеском расположении помочь мне в наказании моих мятежных подданных в Женеве. И теперь, зная, что свершение правосудия над такими злодеями будет достойным делом перед Богом и миром, я молюсь и требую, чтобы вы были рады помочь мне в этом вопросе". Многие из этих джентльменов пересекли Юру, чтобы договориться с ним, и наполнили Арбуа своим негодованием.

20 августа было важным днем в резиденции князя-епископа; он решил объявить войну своей пастве, и этот момент был выбран для объявления. Пьер де ла Бом был не так жесток, как его предшественник, бастард Савойский, но сейчас его раздражение достигло апогея. Если ему случалось встретить женевцев, которые обращались к нему с уважением, он милостиво улыбался им, но "это была всего лишь гримаса", - говорит псевдо-Бонивар. [831] Когда они оставили его, Ла Бом снова позволил себе разразиться гневными и угрожающими словами. Монастыри, командорство Мальты и коллегия каноников Арбуа были еще более яростны в своих жалобах. 20 августа в приорате состоялось собрание. Рыцари Ложки, которым арбуазское вино показалось превосходным, прибыли со своими мечами, кольчугами и плащами. Епископ, гордый тем, что у него есть такие защитники, пригласил их подойти к кафедре, на которой он сидел, и милостиво вручил им полномочия вести войну против его подданных. "Мы, Пьер де ла Бом, - гласили они, - епископ и князь Женевы, принимая во внимание дерзость, мятеж, измену и заговоры, которые некоторые из наших подданных в Женеве ежедневно совершают против нас и нашей власти ... заключаем в тюрьму наших подданных и наших офицеров без приказа, присваиваем себе права княжества и угрожаем сделать еще хуже; ... будучи полны решимости *сохранить нашу Церковь в ее власти и поддержать нашу святую веру*, поручили и

потребовали от наших друзей и родственников помочь нам в наказании мятежников и, если потребуется, действовать силой оружия ". (Здесь следуют имена этих друзей, барона де Ла Сарраз и других лордов, упомянутых выше.) Прелат завершил документ заявлением, что эти джентльмены "имеют от него все полномочия и что в подтверждение он написал эти письма собственной рукой в Арбуа 20 августа 1530 года". Он подписал бумаги: *епископ Женевы*. Джентльмены поблагодарили прелата, пообещали сделать все, что в их силах, и, покинув Франш-Конте, вернулись в свои замки, чтобы подготовиться к походу, по дороге повторяя друг другу, что очень важно поддерживать *авторитет Римской церкви* в Женеве и отстаивать *святую веру*, и, казалось, были очень горды тем, что такова цель крестового похода, который они собирались предпринять. [832]

=ЛЮТЕРАНЕ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ТЮРЬМУ.=

Тревога епископа была небезосновательной. Гугеноты, даже наиболее склонные к протестантизму, не обладали большим евангельским светом; они были скорее поражены суевериями Рима, чем своими собственными грехами и милостью Божьей. Тем не менее, в Женеве жили несколько женевцев и несколько иностранцев, которые проявляли большое рвение и отвечали на насилие епископа тем, что переходили с места на место в поисках просветления душ. Савойские джентльмены, только что заключившие союз с епископом, видели это собственными глазами. "Они проникают в коттеджи и даже в наши замки, - говорили рыцари, - повсюду проповедуя то, что они называют Словом Божьим". Крестьяне довольно благосклонно выслушивали речи этих евангелистов; но, как говорит Балард, "джентльменам ничто не могло помешать отомстить за подобные бесчинства". Когда кто-либо из этих отважных пионеров Реформации прибывал в замок или даже в деревню или городок, который зависел от него, лорд, разгневанный тем, что еретики осмеливаются приходить и проповедовать свои доктрины его слугам и вассалам, хватал их и убивал. бросил их в свои подземелья.

Некоторые посланцы из Фрибурга, направлявшиеся в Шамбери, остановившись по дороге в замке одного из своих друзей, услышали об этих событиях; случилось также, что некоторые из этих пленных гугенотов (возможно, они прибыли из Берна) были заключены в том месте, где они остановились. Поскольку фрибургцы, хотя и были добрыми католиками, не одобряли применение грубой силы в вопросах религии, они нашли способ тронуть сердца своих преследователей и добились освобождения этих ревностных евангелистов. Затем они продолжили свое путешествие в Шамбери. Но едва герцог дал им аудиенцию, как сказал им с горечью: "Я должен пожаловаться, господа, что вы рыщете в поисках заключенных в моей стране и что жители Женевы пытаются сделать мой народ таким же плохим, как и они сами.... Я не буду мириться с такими беспорядками.... Я не могу помешать моим дворянам отомстить". [833] Но женевцы в равной степени не желали мириться с жестоким обращением, которому подверглись некоторые из них, и, соответственно, Роберт Вендель и Джон Луллин были со всей поспешностью отправлены в Берн и Фрибург, чтобы ускорить прибытие этих благородных вспомогательных войск. Вполне вероятно, однако, что главной причиной их миссии были определенные серьезные слухи, которые начали циркулировать в Женеве. [834]

Была осень 1530 года, и когда вожди немецкого католицизма собрались в Аугсбурге, чтобы обсудить способы уничтожения протестантизма в империи, герцог и епископ, два заклятых врага Женевы, назначили встречу в Гексе, у подножия Юры, чтобы обсудить способы изгнания как свободы, так и Евангелия из города Леман. "Лютеранство делает значительный прогресс в

Женеве, - сказал епископ герцогу. - Атакуйте город; я, со своей стороны, использую для этого доходы моего престола и моих аббатств и даже все мое наследство". [835] У герцога могли быть причины откладывать войну. Его шурин император и другие католические князья, собравшиеся в Аугсбурге, считали, что они не смогут быть готовы раньше весны, и желали, чтобы тогда протестантизм подвергся нападению со всех сторон сразу. Но у Карла III страсть взяла верх. Стремясь к суверенитету Женевы, для него было важно сыграть главную роль в нападении на этот город; и когда Женева будет взята, он докажет всему миру, что в соответствии с системой кардиналов необходимо установить там какого-нибудь правителя, более могущественного, чем епископ, чтобы предотвратить будущие восстания. [836]

=ЛА САПРАЗ ВОЗГЛАВЛЯЕТ РЫЦАРЕЙ.=

Барон де Ла Сарраз уже приступил к работе; он был человеком, достойным стать преемником Понверре. Будучи, как и он, предубежден против Женевы, свободы и Реформации, он был менее благороден, менее добродетелен и менее упрям, чем этот несчастный джентльмен, но превосходил его гениальностью и способностями. Он поклялся, что либо он, либо Женева уступят и погибнут.... Клятва была исполнена, но не так, как он ожидал. Рыцари Ложки, вызванные епископом, воодушевленные Ла Сарразом, поддерживаемые беглыми мамелюками и одобренные герцогом, немедленно выступили в поход. Они перехватывали провизию, предназначенную для Женевы, и острые стычки происходили каждый день. Если какой-нибудь горожанин выходил за стены, чтобы присмотреть за своей фермой или заняться своими делами, рыцари нападали на него и избивали, запирали в одной из темниц своего замка, а иногда и убивали. Но все это было лишь прелюдией. Епископ пришел к взаимопониманию с бароном де Ла Сарраз через своего кузена, месье де Ранзоньера. Еще одна конференция состоялась в Арбуа ближе к середине сентября 1530 года. После долгого разговора о ереси и независимости Женевы, а также о странных переменах и исключительных опасностях, которым подвергались этот город и прилегающие провинции, они решили начать общее наступление. [837]

20 сентября воины рыцарей Ложки, бургундцы епископа и герцогские войска приняли меры, чтобы застать Женеву врасплох. 24 сентября пришли несколько доброжелательно настроенных людей и сообщили горожанам, что герцог Немурский находится в Монлюэле в Брессе, в трех лье от Лиона, с большой армией. Это был граф Женевуа, младший брат герцога Савойского, которого его сестра, мать Франциска I., в 1515 году произвела в герцоги Немурские. Он был, как мы уже отмечали, способным человеком и, даже ухаживая за женевцами, не желал ничего лучшего, как разрушить их город. Его сестра, Луиза Савойская, чье враждебное отношение к Евангелию мы видели, сочла весьма похвальным разрушить место, в котором протестанты, преследуемые ею во Франции, могли бы найти убежище. Шесть капитанов Женевы, услышав эти тревожные сведения, собрали свои войска и обратились к ним с трогательным заявлением. Это было в воскресенье, 25 сентября. "Нам сообщили, - сказали они, - что наши враги нападут на нас очень скоро. Поэтому мы молим вас простить друг друга и быть готовыми умереть, защищая свои права". Граждане единодушно ответили на эти благородные слова: "Мы готовы это сделать". [838]

=ВОЙСКА МАРШИРУЮТ НА ЖЕНЕВУ.=

На следующий день, в понедельник, 26 сентября, житель Грансона, приехавший из Бургундии, подтвердил известие об опасности, нависшей над городом. "На нашей стороне все в движении", - сказал он им. "Господин де Сен-Сорлен объявил, что *Бог и весь мир* взбешены

против Женевы (это было любимое выражение его семьи); отряды аркебузирова вот-вот перейдут Юру; джентльмены из Ложки приближаются с большим количеством вооруженных людей, и на следующий день после праздника Святого Михаила они силой войдут в Женеву, чтобы убить мужчин, женщин и детей и разграбить город". Человек из Грансона по просьбе синдиката поспешил сообщить новость в Берн и Фрибург. [839]

Это было необычное событие, эта экспедиция против Женевы во имя *святой веры*, ибо в городе не было ни одной церкви, где не служили бы мессу и не проповедовали Евангелие. Это все еще был католический город; но, мы должны признаться, в нем было мало действительно достойного этого названия, за исключением старых стен, старых церемоний и старых священников. Была отслужена месса, но гугеноты, вместо того чтобы слушать ее, ходили взад и по проходам. Реформация была повсюду в Женеве, и все же ее не было нигде. Епископ, герцог и даже император, которые не были очень проницательными судьями, смешивали свободу с Евангелием; и видя, что свобода была в Женеве, они не сомневались, что Евангелие было и там.

=ЖЕНЕВА В БЛОКАДЕ.=

В пятницу, 30 сентября, вражеская армия окружила Женеву со всех сторон. Шесть женевских военачальников и их шестьсот человек приготовили оружие. В этот момент прибыли посланцы из Фрибурга, желающие увидеть, услышать советы и дать им совет. Едва они вошли в город, как было замечено, что войска Савойи, Бургундии и Во готовятся взять его в блокаду. Фрибургский герольд немедленно выехал, чтобы сообщить новость своим лордам; но в Версуа солдаты герцога были настороже; гонца схватили и отвели к рыцарю Ложки, который командовал замком. Напрасно он называл себя фрибуржцем: "Ты не носишь ни герба, ни цветов Фрибурга", - был ответ. "Возвращайся в Женеву". И поскольку герольд настаивал на прохождении (у него были веские причины не надевать форму), рыцари жестоко обращались с ним и гнали его перед собой вплотную к подъемному мосту Женевы, время от времени оскорбляя его в очень оскорбительной манере. Приближалась ночь; в городе были слышны конский топот и крики всадников; считалось, что вот-вот начнется штурм, и некоторые горожане побежали звонить в набат. Тревога продолжалась всю ночь.

Неприятель разбил свой лагерь у Саконнекса, на правом берегу Роны и озера, примерно в половине лье от Женевы, в направлении Жекса и Юры. В субботу, 1 октября, они выступили ранним утром, разграбили дома вокруг города, подожгли несколько ферм и вернулись в свой лагерь: это была небольшая прелюдия к спланированному нападению. В этот момент был доставлен второй вестник, прибывший из Фрибурга. Его остановили в Версуа, поскольку никто не мог миновать этот пост ни в том, ни в другом направлении. Фрибургцы, обеспокоенные отсутствием вестей из Женевы, послали этого человека узнать, действительно ли их друзья в опасности или нет. "Какое у вас дело?" - спросили офицеры. Герольд, узнавший историю своего коллеги, прибегнул к военной хитрости, которую военные обычаи оправдывают, но христианская истина осуждает. "Мне приказано, - сказал он, - пойти и сказать нашим послам, что они должны немедленно вернуться; и что, если господину Савойскому понадобится помощь милордов Фрибургских, они помогут ему". Савоярды, обрадованные миссией фрибуржца, поспешили освободить его; он отправился в Женеву и рассказал обо всем послам своего кантона. Последний, чрезвычайно довольный его ловкостью, спросил его, сможет ли он еще раз пробиться через тройной барьер, который кавалеры воздвигли между Женевой и Фрибургом. Он должен был доложить, что положение дел настолько плохое, насколько это

вообще возможно, и что Женева, атакованная превосходящими силами, находится на грани падения. "У нас нет времени писать, - добавили они, так как боялись, что их письма будут перехвачены, - но мы дарим вам наши кольца в знак благодарности. Поезжайте скорее и скажите правителям двух городов (Берна и Фрибурга), что, если они хотят помочь Женеве, *они должны сделать это сейчас или никогда*". Только оперативная помощь швейцарцев могла сохранить свободы Женевы. Хитрый Фрибургец удался; но даже если бы ему удалось пробиться сквозь савойские войска, расположившиеся между Фрибургом и Женевой, чего только не могло случиться до того, как прибудет швейцарская армия? [840]

На следующий день, в воскресенье, 2 октября, епископальная армия была приведена в движение; она окружила город; часть савойских войск заняла предместье Сен-Леже и монастыри Святого Виктора и Богоматери Грейс; другая часть была выстроена напротив Корратери. Женевцы больше не могли сдерживаться: ворота Корратери были распахнуты, и несколько наиболее отважных совершили вылазку на савояров, которые встретили их выстрелами из аркебуз: один горожанин был застрелен, а остальные вернулись в город. Вскоре подобные стычки происходили со всех сторон, и женевские железнодорожные отряды, стреляя по врагу со стены, убили нескольких из них. Овладев пригородами, савойская армия дождалась ночи, чтобы начать штурм. "Смерть и грабеж" было ключевым словом, данным лидерами.

Положение Женевы с каждым часом становилось все более критическим. Вечером, как раз в тот момент, когда колокол звонил к вечерне, в грозном небе забрезжил свет. Из Берна прибыли послы; они прошли через вражеские позиции, несомненно, из-за своего дипломатического характера. Они немедленно посетили своих фрибургских коллег, которые поделились с ними всеми своими опасениями: "Еще несколько часов, - сказали они, - и римский деспотизм, возможно, восторжествует над женевскими свободами". Швейцарцы, не теряя ни минуты, поспешно отправили вестника с требованием немедленной поддержки. Часть защитников Женевы разошлась по домам, чтобы немного отдохнуть.

=НОЧНАЯ АТАКА.=

Наступила ночь, но яркая луна позволяла наблюдать за каждым движением, происходившим за пределами города. В полночь луна зашла: на стенах на некоторое время воцарились темнота и тишина. Это был назначенный час для штурма. Отряды савойи и Бургундии и рыцари Ложки бесшумно двинулись вперед и вскоре достигли рва, готовые атаковать город. Им было легко взломать ворота и взобраться на стены. Часовые на крепостных валах прислушивались и пытались разглядеть передвижения врага. Все женевцы были полны решимости пожертвовать своими жизнями, но их было слишком мало, чтобы защитить свои дома от такой армии. Им приходилось опасаться врагов еще более грозных. Утверждалось, что губернатор Нидерландов, папа римский, герцоги Лотарингский и Гелдресский, а также король Франции - все они выдвигали войска против города. Недавний поступок ландграфа Гессенского вызвал тревогу при дворах Европы. Он вел переговоры о заключении договора с кантонами Цюрих и Базель, по условиям которого каждая из договаривающихся сторон обязывалась поддерживать другую в случае насилия против дела Евангелия. "Не мог бы Филипп сделать то же самое с Берном и Женевой?" - говорили некоторые. "Не мог бы последний город стать убежищем Реформации на юге для населения, говорящего на латинском языке?"... Нельзя терять времени на его уничтожение". [841]

Люди говорили об этих вещах в Аугсбурге. Протестантские князья и врачи покинули этот город, где только что закончился знаменитый сейм: им был дан месяц на примирение с Римом. Но Чарльз V., который не посчитался много на этот *Антанта сердечное согласие* между папой и Лютером, объявил, что он прекращает разногласия с мечом, и был отдан приказ собрать мощную армию, чтобы сокрушить, как протестанты и протестантизм: что, однако, не должно было быть сделано до весны следующего года. Однажды, когда император беседовал о Женеве с герцогом Фридрихом и другими католическими князьями, [842] ему принесли депеши, извещавшие о походе различных вооруженных формирований на Женеву. Чарльз всегда проявлял благоразумие и сдержанность в своих планах, которые проистекали как от природы, так и по привычке. Поскольку его способности развивались медленно, он привык ко всему относиться с пристальным вниманием; в частности, он решил, что в Европе не должно быть сделано ни единого выстрела против протестантов до весны 1531 года, и проинструктировал на этот счет своего шурина из Савойи. Соответственно, когда в октябре он узнал, что готовится нападение на Женеву, он дал волю своему раздражению. "Ха! - воскликнул он. - Герцог Савойский начинает это дело слишком скоро!" [843] "Эти слова дают повод для размышлений", - сказали депутаты Нюрнберга, которые доложили о них своему сенату. Без сомнения, после Женевы настанет и их очередь.

=ТАИНСТВЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ САВОЯРОВ.=

Тем временем, около часа ночи, полной мрака, войска герцога, епископа и рыцарей Ложки подошли вплотную ко рву. Но, как ни странно, они оставались бездействующими. Они не сломали ворота и не взобрались на стены: напротив, "чем ближе они подходили, - говорит Балард, который был в городе, - тем больше у них замирали сердца." Помимо рыцарей Во и предводителей бургундских банд, в осаждающей армии было некоторое количество офицеров, получивших поручения непосредственно от его высочества герцога. Внезапно савойские военачальники отступили; они отошли, оставив остальных на краю рва. Это неожиданное бегство удивило всех: солдаты спросили, что это значит.... Войска пришли в беспорядок, вскоре по их рядам пробежала паника, и через мгновение началось всеобщее бегство, их единственным подвигом было разграбление пригородов.

Офицеры Савойи, уходя в отставку, говорили, что герцог "приказал им отступить под страхом смерти". Он действительно получил приказ императора не начинать войну до весны; но он не мог решиться привести свои планы в соответствие с планами своего прославленного союзника. Всегда стремившийся стать хозяином Женевы, он позволил событиям идти своим чередом. Прибыло более срочное послание от императора. Герцог, сильно раздосадованный, неосторожно сообщил об этом своим капитанам. Дошло ли это до них только в тот момент, когда они предприняли атаку? или они колебались в тот самый момент, когда, ослепленные ненавистью, собирались штурмовать стены вопреки приказам могущественного императора? Неужели мужество изменило им на последнем этапе? Это представляется наиболее вероятным выводом. Однако во всем случившемся есть определенная тайна, в которую трудно проникнуть. Женева, одинокая в присутствии доблестной и многочисленной армии, была защищена в ту памятную ночь неизвестной и невидимой силой. Женевцы верили, что это рука Всемогущего. Разве они не читали в Священном Писании, что город, населенный народом Божьим, был окружен конями, колесницами и великим воинством, а гора вокруг чудесным образом наполнилась конями и огненными колесницами в гораздо большем количестве? [844] Ничего из этого действительно не было видно в Альпах, но рука Господня обратила врага в бегство. "Кора

Божьих чудес" снова была спасена среди бурунов. Граждане повторили в своих домах, на улицах и в совете выражение своей благодарности. "Ах! - воскликнул синдик Балард. - малодушие, внезапное уныние тех, кто устроил заговор против города, были вызваны милостью и состраданием Божьим!" [845]

Горожане хотели открыть ворота и пуститься в погоню за врагом, но послы Берна и Фрибурга удержали их. Бегство было настолько экстраординарным, что эти воинственные дипломаты опасались, что это была военная хитрость. "Вы не знаете, - сказали они, - как велика хитрость врага. Подождите, пока не получите помощь от наших хозяев, которая, как мы надеемся, скоро придет".

=ПРИБЫВАЮТ ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ швейцарцев.=

На самом деле, пятнадцать тысяч солдат, наводивших ужас на Европу, вошли тогда в Пэй-де-Во с десятью пушками и развевающимися знаменами и двинулись маршем на Женеву. Некоторые горожане сожалели о прибытии этих войск, которые пришли (по их словам), когда в них не было нужды, и которые были бы расходом для города; но более дальновидные считали, что их присутствие все еще необходимо. Враги нового порядка вещей по-прежнему угрожали Женеве со всех сторон и были даже в Женеве, всегда готовые возобновить атаку. Необходимо было положить конец насилию этих феодалов и интригам монахов; необходимо было раз и навсегда освободить страну от разбойников, сеявших повсюду опустошение; и швейцарская армия считалась призванной выполнить эту работу. То же самое говорили бернцы и фрибургцы, которые не жалели сил, чтобы избавить жителей берегов Лемана от их постоянных тревог. Они не причинили никакого вреда крестьянам, за исключением того, что те "жили за счет хорошего человека"; [846] но они захватывали, грабили и сжигали замки рыцарей Ложки. Гарнизоны бежали при их приближении, увозя багаж, сокровища и артиллерию через озеро в Тонон: лодки постоянно переплывали с одного берега на другой. Священники и монахи были не смотрели с очень добрыми глазами по *лютеране*, и здесь и там у них были свои платья порванные; но никто из них не был ранен. Сто двадцать женевцев, ободренных этим известием, обратили в бегство при Мейрине восемьсот солдат из Савойи и Гекса.

В полдень понедельника, 10 октября, швейцарская армия во главе с авоие Д'Эрлахом вошла в Женеву. Но где они могли разместить пятнадцать тысяч солдат в этом маленьком городе? Горожан набралось очень много; часть была расквартирована в монастырях. "Ну же, отцы, освободите место", - сказали квартирмейстеры доминиканцам. Монахи покидали свои общежития очень неохотно, но это не имело значения: шесть рот, "все лютеране", были размещены в монастыре, и двести лошадей были отпущены на их кладбище пастись травой. Монастыри августинцев и францисканцев, а также дома каноников и других церковников также были заполнены войсками. Эти люди вели спор по-своему, то есть в военной, а не евангелической манере. Многим из них пришлось разбить лагерь под открытым небом. Бернские артиллеристы, расставленные вокруг Моельни, расположенной между городом и Плейнпале, ночью замерзли. Сначала они начали осматривать часовню, а затем вошли в нее и забрали алтарь и деревянные изображения, с помощью которых развели хороший костер. Однако они еще не успокоились: эти грубые гильветы, не имея ни малейшего желания лечь или стоять всю ночь, сломали большой крест и из обломков соорудили скамьи, на которых они уселись вокруг костра. Некоторые фрибургцы, наблюдая за тем, что они считали святотатством, подошли к бернцам и резко отчитали их, спросив, почему они не пойдут искать дрова где-

нибудь в другом месте. "Дерево из церквей обычно очень сухое", - хладнокровно ответили артиллеристы. Фрибургские католики, без сомнения, были суеверны; но, возможно, бернцы были не очень набожны, и большинство из них, разрушая *идолов* снаружи, оставили стоять те, что были внутри.

=МОНАХИНИ СВЯТОЙ. КЛЭР.=

Женевцы с тревогой оглядывались в поисках жилья для своих гостей, не желая оставлять этих сообщников без крова, которые бросили все ради них. Поскольку город был недостаточно велик, страна была заложена под контрибуцию. На оконечности прекрасного мыса, который вдается с южного берега в озеро, в Бель-Риве, примерно в лиге от города, стоял монастырь монахинь-цистерцианок, верных сторонниц герцога, которых подозревали в интригах в его пользу и в том, что они были очень рады, когда савойская армия незадолго до этого осадила город. "Идите с нами, - сказали несколько молодых гугенотов швейцарскому отряду, расположившемуся бивуаком под открытым небом. - Мы предоставим вам удобное жилье, расположенное в красивой местности". Они немедленно двинулись в путь. Монахини, чьи сердца трепетали от страха, были на страже и, выглянув из своих окон, увидели отряд солдат, продвигавшийся со стороны озера. Поспешно сбросив с себя монастырское платье, они переоделись и укрылись в соседних коттеджах. Наконец прибыл отряд. Были ли женевцы и бернцы раздражены этим бегством, или они намеревались следовать обычаю сжигать дома тех, кто замышлял заговор против государства? Мы не можем сказать наверняка, но, как бы то ни было, они подожгли монастырь, но не церковь, а сам дом пострадал незначительно, потому что монахини вскоре вернулись в него. Когда пламя увидели из Женевы, оно вызвало большое волнение, но ничто не могло сравниться с пламенем сестер Сент-Клер. [847] Бедные монахини, сбившиеся в кучу в своем саду, с ужасом смотрели на огонь и восклицали: "Для нас это меч скорби, подобный тому, что пронзил Пресвятую Деву". Они бегали взад и вперед, они вошли в церковь, они вернулись в сад и пали ниц у подножия алтаря, а затем, снова посмотрев на пламя, набожно перекрестились. "Мы должны уходить", - сказали они, и немедленно лучшие ученые среди них составили, насколько позволяли их эмоции, смиренную петицию, адресованную синдикам. "Отцы и дорогие защитники, - сказали они, - преклонив колени и воздев руки, мы, будучи сильно встревожены, умоляем вас честью нашего Искупителя, его девственной матери, месье Сен-Пьера и мадам Сен-Клер, а также всех святых рая, соблагovolить позволить нам покинуть ваш город в безопасности". Трое самых набожных членов совета отправились в монастырь, чтобы утешить их. "Ничего не бойтесь, - сказали они, - ибо город не имеет ни малейшего намерения становиться лютеранским". [848]

К сестрам проявили определенное уважение, потребовав, чтобы они нашли помещение только для двадцати пяти солдат, все фрибургцы, "добрые католички", - говорит одна из монахинь, - "и охотно слушали мессу". Но, увы! месса не сделала их более милосердными. "Они были такими же вороватыми, как и остальные", - говорит та же монахиня. Вскоре после своего прибытия они пригрозили выломать двери и стены, если монахини не предоставят им столько еды и питья, сколько они захотят. Это правда, что сестры посадили солдат на щадящий рацион, дав им всего несколько горошин. [849] Однако этот небольшой гарнизон был полезен церкви Святой Клары: это было единственное место в Женеве, где совершалось римское богослужение. Фрибургцы, по просьбе сестер, заняли пост у дверей и не позволили *еретикам* войти, но *по приказу* впускали всех священников и монахов Женевы, которые показывались. Последние пришли в одежде мирян, держа свои мантии подмышками; они вошли в ризницу, облачились в свои

священнические одежды, вошли в часовню, выстроились вокруг алтаря и пропели мессу *in pontificalibus*. Когда служба закончилась, монахини поздравили друг друга: "Какая слава у мадам Сен-Клер над мадам Магдалиной, месье Сен-Жерве и даже месье Сен-Пьером!" Для них это было большим утешением и неопишуемой честью.

Однако мессе не суждено было пройти в Женеве по-своему. Бернцы желали, чтобы Слово Божье проповедовалось; следовательно, во вторник, 11 октября, они отправились в собор со своим евангелическим благотворителем и приказали открыть двери. Некоторые из них вошли в башню и позвонили в епископские колокола, после чего раздающий милостыню взошел на кафедру, прочитал отрывок из Священного Писания и произнес проповедь. Огромное количество женеvцев пришли в церковь и наблюдали за этим новым богослужением издали. Они не до конца понимали это; но они видели, что чтение Слова Божьего, его объяснение и молитва были существенными частями, и это нравилось им больше, чем римская форма. С тех пор евангелическая служба повторялась ежедневно, и "ни один другой колокол, ни маленький, ни большой, не звонил в Женеве". Священники утешали себя мыслью, что "проклятый священник проповедовал по-немецки". Немец, однако, пошел дальше: он привез с собой несколько экземпляров Священного Писания на французском языке и французские переводы нескольких трудов Цвингле, Лютера и других реформаторов; и когда женеvцы, которые слушали его, но не понимали, пришли нанести ему визит, он подарил им эти книги, пожав им руки, и таким образом подготовил их умы к работе Реформации.

=ЗАМКИ ВЗЯТЫ И СОЖЖЕНЫ.=

Хотя эти книги могли принести какую-то внутреннюю пользу, женеvцы стремились к другой реформе. Они хотели очистить страну от бесчинств, грабежей и убийств, которые дворянство в окрестностях Женевы в еще большей степени, чем в Плати-де-Во, заставляло так долго терпеть мирных горожан. Это тоже была реформа, хотя и отличная от реформы Лютера и Фареля. "Идите за нами, - сказали они ужасным бандам Фрибурга и Берна, - и мы приведем вас к этим разбойничьим гнездам". Швейцарские войска, ведомые женеvцами, появились последовательно перед замками Гайар, Вилет, Конфиньон, Сакконекс и другими. Они захватили и подожгли многие из этих убежищ, где благородные разбойники так часто прятали свою добычу. Ужас сторонников старого порядка вещей теперь стал чрезвычайным. Сестры Сент-Клер думали, что вокруг Женевы все охвачено огнем. "Смотрите! - говорили они, стоя на самой высокой части своего сада. - Смотрите! хотя погода хорошая, небо потемнело от дыма. "Они думали, что это был последний день. "Несомненно, - добавили они, - стихии вот-вот растворятся". В стране царил еще большее запустение. Генерал-капитан издал приказ, запрещающий любое мародерство, но солдаты редко обращали на это внимание. Крестьяне разбегались, как овцы перед волком; джентльмены прятались в лесах или горах; а несколько благородных дам, укрывшихся в жалких хижинах, "были уложены там в постель в очень жалком виде". [850]

Хотя против них были выдвинуты определенные обвинения, монахини Сент-Клер были искренни в своей набожности и нравственны в своем поведении; и в то время как распутные монахи хранили молчание, эти суеверные, но добродетельные женщины, казалось, стояли в одиночестве рядом с папством в его агонии. Желая умиловить гнев небес, они ежедневно совершали шествия по своему саду, ступая босиком по белому инею, тихо распевая литании Богородице и святым "о помиловании". Они провели всю ночь в бдениях, "молясь Богу за его

святую веру и бедный мир". После заутрени они зажигали свечи и бичевали себя; затем, склонившись до земли, восклицали: *Ave, benigne Jesu!* "радуйся, кроткий Иисус!" Сестра Жанна утверждает, что с помощью этих средств они творили чудеса. Действительно, один из *магометан* (гугенотов), бросив освященную облатку на кладбище, не смог найти ее снова: "ангелы унесли ее и положили в каком-то неизвестном месте". [851] Не было ничего удивительного в том, что такой маленький предмет нельзя было найти в траве и между могилами на кладбище. Было совершено более реальное чудо.

Герцог Немурский, брат герцога Савойского, который, как мы видели, прибыл из Франции со своими латниками, чтобы напасть на Женеву, отбросил свое воинственное настроение, когда обнаружил швейцарцев в городе, и, желая умиротворить женевцев, повторял всем, кто подходил к нему, что он никогда не намеревался причинить им никакого вреда и сурово накажет всякого, кто виновен в насилии по отношению к ним. В Сен-Жюльене было заключено перемирие. Окончательный мирный договор был передан на рассмотрение швейцарского сейма, который должен был состояться в Пайерне. Епископ освободил захваченных им торговцев, коров и коз, и женевцы отпустили Мандоллу на свободу; "но, - добавляет Бонивар, - меня не вывезли из Шильона". [852]

[830] *Journal de Balard*, стр. 274-280. Registres du Conseil des 23 juin; 5, 8, 19 juillet; 9 août. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 576. Galiffe fils, *Besançon Hugues*, pp. 398, 399. Готье ср.

[831] СР. *Историю Женевы* в Бернской библиотеке, ошибочно приписываемую Бонивару.

[832] *Journal de Balard*, стр. 274-280. Registres du Conseil des 23 juin; 5, 8, 19 juillet; 9 août. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 576. Galiffe fils, *Besançon Hugues*, pp. 398, 399. Готье ср.

[833] *Журнал де Бальяра*, стр. 280.

[834] Розет СР. *Хроника*. лив. ii. гл. xlix. Registres du Conseil du 4 juillet et du 12 août.

[835] Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 577, 578. Besson, *Mémoires du Diocèse de Genève*, p. 62. Gautier MS.

[836] См. том i, стр. 69.

[837] Gautier MS. Besson, *Mémoires du Diocèse de Genève*. Galiffe fils, *Besançon Hugues*, p. 400. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 577, 578.

[838] *Журнал де Бальяра*, стр. 286.

[839] Там же. стр. 287.

[840] *Журнал де Бальяра*, стр. 289.

[841] Sleidan, *Hist. de la Réformation*, liv. vii. *Journal de Balard*, стр. 289.

[842] 'Als der Kayser mit Herzog Friedrichen und andern Fürsten des Krieges vor Genf zu reden worden.'—*Corp. Ref.* ii. p. 421.

[843] 'Hat der Kayser unter andern in Französisch geredet: Ey, der Herzog hat die Sache zu früh angefangen.'—*Corp. Ref.* ii. p. 421.

[844]2 Царств vi. 17.

[845] *Journal de Balard*, стр. 289, 290.

[846] 'Ils vivaient sur le bon homme.' *Bon homme* - термин, применявшийся дворянами к крестьянству. Отсюда и война *Жака Бон-хомма* во Франции.

[847] Их монастырь находился в верхней части города, там, где сейчас стоит дворец правосудия, в Бург-де-Фор.

[848] La Sœur J. de Jussie, pp. 11-14.

[849] La Sœur J. de Jussie, p. 18.

[850] La Sœur J. de Jussie, p. 21.

[851] La Sœur J. de Jussie, pp. 23-25.

[852] Там же. стр. 20-25. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 586. Готье ср.

ГЛАВА XII.

ЖЕНЕВА, ОТВОЕВАННАЯ ЕПИСКОПОМ И ПРОБУЖДЕННАЯ ЕВАНГЕЛИЕМ.

(Ноябрь 1530- октябрь 1531 гг.)

=ИМПЕРАТОРСКОЕ ПИСЬМО В ЖЕНЕВУ=

ТАКИМ образом, нападение князя-епископа на свой город провалилось; и следовало сильно опасаться, что такой акт, вместо того чтобы восстановить его власть, только ускорит его падение. Пьер де ла Бом понял это и решил прибегнуть к другим средствам, чтобы восстановить в Женеве утраченный авторитет.

Мысль о том, что гельветическая лига будет арбитром между Женевой и ее князем-епископом, угнетала его, как кошмарный сон: он не сомневался, что сейм вынесет решение против него. Ему пришла в голову умная мысль. "Если бы, - сказал он, - я мог бы назначить арбитром императора, а не швейцарцев.... Несомненно, монарх, который сохраняет папство в Германии, сохранит его и в Женеве". Карл V и католическая партия все еще находились в Аугсбурге; и епископ пожелал бы заменить сейм республиканцев съездом князей. "По правде говоря, - сказал император, когда это прошение было передано ему, - нам не хотелось бы, чтобы были ущемлены права преподобнейшего отца в Боге, епископа Женевского.... Они имеют имперское основание, и поэтому наш долг - поддерживать их. "Карл никогда еще не был так раздражен против протестантов, как сейчас. Была середина ноября: императорские *каникулы* только что были отклонены евангелистами, потому что император (по их словам) не имел полномочий командовать в вопросах веры. [853] Депутаты Саксонии и Гессена ушли, не дожидаясь закрытия сейма. Империалисты заверили друзей женевского епископа, что он не мог выбрать лучшего времени и что его дело выиграно. 19 ноября в Аугсбурге должно было быть провозглашено о восстановлении "единой веры во всей империи". Накануне вечером, пока это составлялось ,

император вызвал своего секретаря и продиктовал ему следующее письмо, адресованное жителям Женевы:

"Дорогие вассалы,

"Нам сообщили, что между вами и нашим кузеном, герцогом Савойским, возник спор по поводу прав нашего горячо любимого кузена и советника, епископа Женевского. Мы хотели написать вам об этом, настоятельно предписывая вам направить к нашим императорским властям лиц, хорошо информированных по всем спорным вопросам между епископом и вами. Мы потребуем того же от упомянутых лордов, герцога и епископа, наших кузенов, для урегулирования ваших разногласий, что послужит благополучию и спокойствию обеих сторон. Таким образом, вы узнаете о нашем желании, чтобы *наши подданные* жили в мире, дружбе и согласии.

"Дорогие подданные, да хранит вас Бог!

"В Аугсбурге, 18 ноября 1530 года.

"Чарльз".

=ОТВЕТ ЖЕНЕВЦА.=

Это письмо его императорского величества произвело большую сенсацию в Женеве. Было известно, что Карл V готовится низложить могущественных князей, и все понимали опасность, угрожавшую городу. "Что? - воскликнул народ. - Мы должны послать депутатов в Аугсбург и, возможно, в Австрию, где они встретятся с депутатами епископа и герцога ... и император будет нашим судьей!" Советы часто собирались, не приходя ни к какому решению относительно ответа, который должен быть возвращен. Сначала одному, а затем другому было поручено составить его. Советник Жену представил проект, подписанный "Вашими покорнейшими подданными". — "Мы не подданные", - воскликнули гугеноты. Наконец они решили написать следующее:—

"Самый безмятежный, самый непобедимый, очень высокий и могущественный принц Чарльз, всегда августейший. За это долгое время мы, защищая авторитет и привилегии нашего князя-епископа и города Женевы, претерпели множество неприятностей, больших расходов и опасностей, исходящих от самого прославленного герцога. Совсем недавно мы были окружены вооруженными людьми, его подданными, и подверглись возмутительному нападению. Тем не менее, по воле Божьей и доброй помощи великолепных лордов Берна и Фрибурга, мы были спасены от этого нападения, рассказывать о котором было бы утомительно для вашего величества. Совет добавил, что, поскольку урегулирование, которое император желал предпринять, должно было быть организовано в Пайерне перед швейцарским сеймом, они не могли воспользоваться его благими намерениями, и в заключение вверил ему город Женеву, "который из желания соблюдать свой строгий долг был бы почти разрушен, если бы не милость Божья". [854]

Так маленький город смело отклонил вмешательство великого императора. Герцог и епископ надеялись, что Карл V, который, по их мнению, был призван уничтожить Реформацию в Германии, начнет с того, что сокрушит ее в Женеве. Соответственно, когда известие об отказе женевцев достигло ушей герцога и епископа, их возмущению не было предела. "Поскольку эти

мятежники отвергают мирное посредничество императора, - сказали они, - мы должны покончить с этим делом мечом". Они еще раз решили предпринять необходимые шаги, но с максимальной секретностью, чтобы швейцарцы не были проинформированы о них. Герцог Немурский, который не использовал свою армию, приказал десяти тысячам ланскенцев, находившихся в Монбельяре, двигаться как можно тише за Юру, прибыть в Сен-Клод, спуститься до Жекса и за два дня до открытия Пайернского сейма, которого так боялся епископ, *внезапно взять штурмом Женеву, поджечь ее и, оставив после себя кучу пепла, быстро отступить в Бургундию, прежде чем швейцарцы успеют подойти.* В то же время во все замки Пэй-де-Во были разосланы гонцы, приглашавшие джентльменов держать себя в руках. Со своей стороны, герцог Савойский, находившийся тогда в Шамбери, провел "большую подготовку" вооруженных людей и авантюристов, как итальянских, так и французских. Все, сказал он, должно было быть завершено с величайшей секретностью.

=РЕШЕНИЕ СЕЙМА ПАЙЕРНА.=

Но Чарльз был менее сдержан, чем его брат; он не умел молчать, но хвастался хитроумным *государственным переворотом*, который готовил. С другой стороны, человек, приехавший из Монбельяра в Берн, сообщил, что видел смотр десяти тысяч солдат в этом городе. Получив это известие, энергичные лорды Берна пожелали, чтобы все кантоны были готовы прийти на помощь Женеве, и пригрозили дворянам Пэй-де-Во опустошить их страну огнем и мечом, если они двинутся с места. Тем временем совет созвал всех граждан. Таким образом, шахта была обнаружена, взрыв не удался, и герцог, еще раз разочаровавшись в своих ожиданиях, уехал из Шамбери в Турин. [855] Сейм, собравшийся в Пайерне, даже уступив герцогу видамю (которую он был не в состоянии вернуть), сохранил союз Женевы, Берна и Фрибурга и обязал Карла III выплатить этим трем городам 21 000 крон. Женева и Берн желали большего: они требовали, чтобы Бонивар был отпущен на свободу — "если, возможно, он еще жив", - добавили они. Граф Шаланский ответил, что господин Сен-Виктор был "законным заключенным". [856]

Поскольку ни война, ни дипломатия не смогли вернуть князю-епископу его престол, он прибегнул к менее светским средствам: он обратился к папе, который решил оказать городу удивительную милость, надеясь снова присоединить барк "Женева" к кораблю Святого Петра. Героизм, проявленный сестрами Святой Клары, когда швейцарцы пришли на помощь городу в октябре 1530 года, тронул понтифика: среди женевских монастырей единственными мужчинами были женщины. Поэтому папа даровал общее прощение всем, кто должен был совершать определенные богослужения в церкви этого монастыря. В День Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта) эта замечательная молитва была опубликована по всей стране.

=ПАЛОМНИЧЕСТВО В СЕНТ-КЛЕР. КЛЭР.=

В первый же день огромная толпа из всех савойских деревень стеклась в город "с великой набожностью". Шабле, Фосиньи, Женевуа и Жекс были полны приверженцев, решительно настроенных против Реформации; они были в восторге от возможности отдать дань уважения в самой Женеве принципам, ради которых они так часто брались за оружие. Увидев, как эти длинные очереди приближаются к их стенам, горожане почувствовали определенный страх. "Давайте будем настороже, - сказали они, - чтобы под одеждой паломников не скрывались рыцари и латники Ложки". Они внезапно закрыли городские ворота. Паломники, продолжавшие прибывать, вскоре образовали толпу и, утомленные своим долгим переходом, жалобным голосом восклицали: "Умоляю, откройте ворота, ибо мы пришли издалека". Но

женевцы были глухи. Затем появились паломники из Фосиньи, энергичные люди, которые рассердились и, не найдя нужных слов, взломали ворота и направились к церкви Святой Клары, где начали бесцеремонно произносить свои *Отцы* и *Aves*. Согласно булле Адриана VI, достаточно было повторить пять из них, чтобы получить прощение на семьдесят тысяч лет. [857] Краска прилила к щекам некоторых гугенотов, которые воспротивились бы незаконному вторжению; но фосиньерцы продолжали свои богослужения так спокойно, как если бы они находились в своих собственных деревнях. Затем синдики отправились в Сент-Клер (это был час вечерни) в сопровождении своих сержантов "с обнаженными мечами и крепкими посохами" и, как обычно, призвали этих незнакомцев покинуть город. После отказа савояров вмешалась общественная сила; фосиньерцы оказали сопротивление, последовал обмен ударами, и в конце концов эти необыкновенные паломники были вынуждены удалиться, так и не получив прощения. Эта сцена усилила неприязнь женеvцев к римским церемониям. Публикация индульгенций была любопытным средством укрепления католицизма в Женеве. Папа Климент VII забыл, что Лев X таким образом дал сигнал к Реформации. [858]

Когда эти сцены были описаны в Риме, они вызвали сильное раздражение. Священная коллегия решила попробовать еще раз и продемонстрировать в самой гуще этого еретического населения еще более поразительный акт римского благочестия. Климент VII вызвал своего секретаря и продиктовал ему, "по божественному вдохновению", новое помилование, к которому епископ Женевы приложил свою *табличку*, и которое предусматривало наказание в виде отлучения от церкви для любого, кто воспротивится ему. Эта булла была опубликована в Савойской области, прилегающей к Женеве. Едва приходские священники объявили о помиловании со своих кафедр, как деревни пришли в движение, и мужчины и женщины, старые и молодые, приготовились отправиться искать славной милости, предложенной им в городе гугенотов. Женевцы, сторонники религиозной свободы и законности, решили не чинить препятствий этим богослужениям. Но они приняли меры предосторожности, и капитан-генерал вызвал сильную охрану. Паломники приближались с посохами в руках, некоторые несли крест на плечах; и вскоре перед стенами появилась огромная толпа савояров. Здесь они были вынуждены остановиться. У каждых ворот стояли аркебузиры, в большинстве своем гугеноты, которые обыскивали паломников на предмет того, нет ли у них под одеждой мечей в дополнение к посохам. Осмотр был произведен не без особого недовольства, но никакого оружия обнаружено не было.

Затем преданная толпа хлынула в город и столпилась в церкви Святой Клары, как если бы это была церковь Богоматери Лореттской. Женевцы позволили паломникам беспрепятственно пройти все их обряды. Если савояры хотели совершить свои богослужения, они также рассчитывали, как это обычно бывает в делах подобного рода, на еду и питье, и притом в изобилии. Толпа на этой части паломничества была так велика, что хозяева таверны из-за нехватки места были вынуждены накрывать столы на открытом воздухе. Эта смесь молитвы и выпивки вызвала у зрителей улыбку, а некоторые из гугенотов дали волю своему саркастическому юмору: "В самом деле, - сказал один, - это помилование - настоящая церковная ярмарка" (*nundinæ ecclesiasticæ*)! "Ярмарка, - сказал другой, - полезнее, чем люди воображают. Этими паломничествами священники возрождают угасающее рвение своих паств. Это сети, в которые попадают простые птицы". "Я очень боюсь, - добавил третий, - что для того, чтобы продать свои индульгенции, Церковь дает много обещаний, которые Бог, конечно же, не выполнит.... Это благочестивый обман, как говорит Фома Аквинский". — "Оставьте их в покое, - говорили другие, - пусть приносят свои деньги... а потом, когда тарелка будет хорошо

наполнена, мы ее опустошим". Они не пошли на такие крайности: синдикат просто запретил тратить деньги за пределами города. [859]

=ГОРДОСТЬ МОНАХИНЬ СВ. КЛЭР.=

Сестры Святой Клары возрадовались. Папа оказал им честь на глазах всего христианского мира; их монастырь был на пути к тому, чтобы стать знаменитым местом. Они считали себя любимцами Бога и небесных разумных существ и воображали, что ангелы придут им на помощь. Когда в Женеве свирепствовала чума, они увидели — удивительное чудо! — воинство небесное, покидающее свои славные обители, чтобы сохранить монастырь: чума его не посетила. Все монахини были убеждены, что это произошло благодаря чудесному вмешательству. И когда сестры в церкви или в трапезной, на вечерне или заутрене беседовали об этой великой благодати, они шептали друг другу: "Три удивительно красивых и грозных рыцаря, у каждого из которых на лбу красивый сияющий крест, несут стражу перед воротами.... И когда появляется злая чума, она видит их прямо перед собой и убегает, испугавшись сияния их лиц". Сестра Жанна де Юсси сообщает нам об этом чудесном факте и завершает свое повествование таким благочестивым восклицанием: "Честь и хвала Господу!" Некоторые здравомыслящие люди впоследствии спрашивали, почему эти рыцари, "со сверкающим крестом на лбу", не встали у ворот Женевы, чтобы предотвратить проникновение другой чумы (как называл ее Рим), Реформации?

Средства, которые папа избрал для повторного присоединения Женевы к Риму, имели совершенно иной эффект: они привели к возрождению религии. Снисходительность римлян возбудила женеццев и заставила их искать настоящего прощения. Разве четырнадцатью годами ранее Лютер не провозгласил в Виттемберге, что *"каждый истинный христианин пользуется всеми благословениями Христа через Божий дар и без индульгенционного письма?"* — "Это учение, - говорили некоторые гугеноты, вернувшиеся из путешествия по кантонам, - принято в Швейцарии, и не только в Цюрихе и Берне. Есть много людей даже в Люцерне и Швице, которые предпочитают Божье прощение помилованию папы Римского".

Невидимая рука была в то время простерта над городом и хранила для него благословение. Фарель, живший на берегу озера Невшатель, был проинформирован о евангелическом движении, последовавшем за шумными богослужениями фаусиньеранцев, и немедленно написал об этом Цвингле, своему другу и советчику. Это было в октябре 1531 года: еще несколько дней, и цюрихский реформатор должен был встретить свою смерть на поле битвы при Каппеле. Это пробуждение Женевы было последней вестью, обрадовавшей его угнетенную душу. "Многие в этом городе, - писал Фарель, - чувствуют в своих сердцах святые устремления к истинному благочестию". [860] И, по словам этого энергичного реформатора, они чувствовали нечто большее, чем смутные движения души. "Несколько женеццев, - писал он на другой день Цвингле, - размышляют о деле Христа". [861]

='DE CHRISTO MEDITARI.'=

Таким образом, этот город Женева, который был так поглощен политической независимостью, начал размышлять об Иисусе Христе. Это была новая тема, которую Реформация повсюду выносила на рассмотрение серьезных людей. В Германии, Швейцарии, Франции и Англии серьезные умы еще чаще, чем в Женеве, начинали размышлять о Христе — *de Christo meditari*. Некоторые делали это поверхностно; другие посвящали себя этому в глубине своей души; и

святые мысли находили пристанище в домах горожан, в колледжах, в темных кельях и даже на троне. "Христос - Искупитель мира, - думали эти размышляющие умы, - восстановитель союза с Богом, разрушенного грехом.... Христос пришел, чтобы установить царство Божье на земле.... Но никто не может войти в это царство, пока Бог не простит его грехи.... Чтобы мы могли обрести покой, не только наши души должны быть освобождены от наказания, но и наша совесть должна быть освобождена от чувства греха, который отделяет ее от Бога.... Необходимо искупление.... Христос, как и те, кого он пришел спасти, такой же человек, как и они, обладает в то же время вечной и божественной природой, которая дала ему силу выкупить весь народ Божий и стать принципом новой жизни.... Он принял на себя ужасное наказание, которого мы заслуживали.... Вся его жизнь была одним непрерывным искупительным страданием.... Но венцом его горестей и тем, что придавало им поистине характер искупления, была его смерть.... Христос, соединившись с человечеством через любовь к нам, претерпел смерть в форме, которая самым поразительным образом носит характер наказания, то есть боли преступника, осужденного человеческим трибуналом.... Он, Святой, желая спасти свой народ, был предан греху на кресте.... С ним обращались как с представителем грешного человечества.... Он, возлюбленный Отца, претерпел за мятежных людей самые смертельные муки, полное оставление Богом.... С этого часа народ Божий наслаждается отпущением своих грехов, они примирены с Богом, у них есть свободный доступ к Отцу.... Эта жертва носит универсальный характер; никто не исключен из нее... и все же никто не получает от этого пользы, кроме как через личное присвоение, через соединение с Иисусом Христом, через участие верой в его святой и нетленной жизни".

Таковы были в шестнадцатом веке размышления избранных душ во многих тайных комнатах, и именно таким образом была завершена Реформация. Возможно, у одного или двух женевцев были схожие мысли; но, как правило, их знания были не очень развиты, и большинство гугенотов скорее желали избавиться от епископа и герцога, чем от греха и осуждения. Фарель не скрывал от Цвингле своего беспокойства по этому поводу и сказал в своем письме от Грансона: "Что касается степени рвения, с которым женевцы стремятся к благочестию, — это известно только Господу". [\[862\]](#)

=ФАРЕЛ ЧУВСТВУЕТ ПОТРЕБНОСТИ ЖЕНЕВЫ.=

Никто так не интересовался реформацией Женевы, как Фарель. В тот год он побывал в Авенше, Пайерне, Орбе, Грансоне и других местах; и везде он рисковал расстаться с жизнью. В одном месте ризничий угрожал ему пистолетом; в другом монах пытался убить его ножом, спрятанным у него под одеждой; но Фарел никогда не думал о себе. Обладая бесстрашным сердцем и неукротимой волей, всегда горя желанием способствовать торжеству Евангелия и готовый противостоять самой яростной оппозиции, он почувствовал сильное влечение к Женеве, как только услышал, что Реформации пришлось бороться там с могущественными противниками. Затем он устремил свой взор на этот город и за всю свою долгую карьеру ни разу не отвел его от него. В разгар его трудов в Грансоне, на берегу озера, недалеко от старого замка, на знаменитом поле битвы, Женева занимала его мысли. Он размышлял о том, что, хотя это уже имело репутацию ереси, на самом деле настоящей реформы не было. Что? неужели Реформация умрет там, не успев родиться? Он желал, чтобы Слово Божье проповедовалось там публично, соответствующим, животворящим, эффективным образом и, как сказал Кальвин,

"путем настойчивого давления на людей." Он желал, чтобы кафедра стала местом пребывания пророков и апостолов, престолом Христа в его Церкви. Нельзя терять времени. Реформация потерпела бы крах в Женеве, и новые времена погибли бы вместе с ней, если бы гугеноты, которые перестали слушать мессу, довольствовались в качестве своего единственного поклонения хождением взад и вперед по церкви под пение священников. Пылкие страсти и воинственный юмор женевцев встревожили его. "Увы! - сказал он, - в Женеве нет другого закона, кроме закона об оружии". [863] Он желал установить там закон Божий. Он хотел бы поехать туда сам, и, возможно, кого-то он увлек бы своим живым красноречием, а кого-то встревожил бы громом своего голоса; но в это время он был обязан тем местам, где проповедовал евангелие, рискуя своей жизнью. Если бы он оставил эту работу, Рим вернул бы себе утраченные позиции. Поэтому он искал вокруг себя человека, способного разбросать по городу семена Слова Божьего.

=ЗОВЕТ ТУССЕНА ПОЙТИ ТУДА.=

Пьер Туссен, молодой каноник из Меца, покинул Францию по приглашению Колумпадия после своего пребывания при дворе королевы Наварры и присоединился к Цвингле в Цюрихе. [864] Фарель пришел к решению отправить Туссена в Женеву: они время от времени вместе проповедовали Евангелие с 1525 года. "Поспешите отправить его в Господский виноградник, - писал он Цвингле, - ибо вы знаете, насколько хорошо он подходит для этой работы. Я умоляю вас протянуть руку помощи". [865] И, как будто предвидя важность женевской реформы, он добавил: "Это немаловажное дело: смотрите, не пренебрегайте им. [866] Убедите Туссена усердно трудиться, чтобы своим усердием возместить все потерянное время". [867] Цвингле выполнил поручение. Туссен, один из самых любезных среди второстепенных персонажей Реформы, внимательно выслушал великого врача и поначалу проявил склонность принять вызов. [868] Цвингле не пожалел усилий, чтобы привести его к решению: он изложил ему то, что Евангелие уже сделало в Женеве, и то, что еще предстояло сделать. "Войдите в этот дом Господень", - сказал он. "Разорвите капюшоны на куски и восторжествуйте над стружками.... У вас не будет особых хлопот, ибо Слово Божье уже обратило их в бегство". [869] Он не имел в виду, что Туссен должен буквально разорвать монахов на куски, поскольку это выражение фигуральное; но энергия Фареля и Цвингле и то, что он слышал о гонениях в Женеве, встревожили бедного молодого человека. Он покинул двор Франциска I. из-за светскости и трусости, с которыми столкнулся там; и теперь, увидев в Женеве монахов и священников, *епископов и простолюдинов*, гугенотов и мамелюков, он в ужасе отпрянул, словно от логова диких зверей. Он сказал "Нет" суду, он сказал "Нет" энергичному и порывистому городу. Женева хотела героев — таких людей, как Фарель и Кальвин. Проект провалился.

Фарел был раздосадован. Тот, кто никогда не уклонялся ни от каких призывов, не мог преуспеть в отправке евангелиста в этот город!... Он вспомнил, что всякая помощь исходит от милосердного Бога, и в своей тоске обратился к Господу: "О Христос, - сказал он, - составь свое войско по своему благоволению; изгони всякую апатию из сердец тех, кто должен воздать тебе славу, и мощно пробуди их ото сна". [870] Вскоре должен был наступить момент, когда он сам отправится в Женеву; но прежде, чем он появится там, его молитва будет услышана. Бог, к которому он взывал, должен был послать туда в течение нескольких месяцев сильного и скромного человека, который подготовил бы путь для Фарела, Кальвина и Реформации.

Тем временем несколько женевцев, которые не понимали, что необходимо обращение сердца, хотели провести по крайней мере негативную реформу, которая заключалась бы в уничтожении месс, изображений и священников. Более смелые спрашивали, почему Женева не должна поступать так, как Цюрих, Берн и Невшатель. "Да, - ответил более благоразумный, - если фрибургцы позволят". [871]

Эти стремления к реформам, какими бы слабыми они ни были, встревожили римскую партию. Монахи, священники и фанатики подняли волнение и, в большом количестве представ перед фискальным прокурором, умоляли его отбросить свою апатию, видя, что эта новая религия изменит все в Женеве и лишит епископа не только его духовной юрисдикции, но и его светской власти. Фискал, уполномоченный следить за правами принца, потребовал сурового расследования в отношении всех подозреваемых лиц. [872] При этих словах в собрании воцарилась тишина: некоторые члены совета переглянулись и почувствовали себя неловко, потому что они были в числе подозреваемых. Фискал высказался яснее и наполнил зал жалобами и шумом. "Давайте уничтожим ересь!" - повторил он. [873] Совет, озадаченный в высшей степени, уклонился от рассмотрения вопроса, ничего не сделав ни за, ни против него.

=БЕРН И ФРИБУРГ В ЖЕНЕВЕ.=

Затем ревностные католики направились в отель, где остановились фрибургские послы. "Если Женева будет реформирована, - сказал последний, - альянсу придет конец". Фрибургцы сделали больше: покинув свои квартиры, они обратились к более решительным либералам и твердым тоном повторили им: "Если Женева будет реформирована, альянсу придет конец!" Гугеноты поспешили к бернским послам; но битва при Каппеле была не за горами, и было сомнительно, удастся ли сохранить Реформацию даже в Берне и Цюрихе. Бернцы холодно приняли женевцев, и последние вернулись изумленные и разгневанные. "Увы! - сказал Фарель. - бернцы проявляют меньше рвения к славе Христа, чем фрибургцы к декретам папы". [874]

Возникла новая трудность. Гугеноты хотели бы выступить маршем за освобождение Цюриха и реформатов, в то время как католики хотели бы поддержать Люцерн и более мелкие кантоны. 11 октября — в тот самый день, когда произошла битва при Каппеле, но об этом еще не было известно, — Берн потребовал сотню женевских аркебузирова; а на следующий день Фрибург написал им письмо, в котором просил прислать всю возможную помощь против еретических кантонов. Чью сторону должна занять Женева? "Давайте откажемся от Фрибурга", - говорили одни. "Давайте откажемся от Берна", - говорили другие. Первые вспомнили о помощи, которую им прислала самая могущественная республика Швейцарии; вторые вспомнили, что Фрибург поддержал дело Женевы, когда Берн был против них. Совет, движимый противоположными направлениями, решил сохранить справедливое равновесие и выпутался из затруднительного положения, избрав самый странный промежуточный путь. Они решили, что сотня женевцев должна отправиться сражаться в пользу Реформации, и назначили Жан Филиппа, одного из самых ревностных гугенотов, командовать ими; после чего они также дали Фрибургу благоприятный ответ и избрали синдика Жирарде начальником вспомогательных войск, предназначенных для католиков. [875]

[853] *Ист. из ссылки Шестнадцатого века*, том iv. bk. xiv. ch. xii.

[854] Смотрите письмо императора от 18 ноября 1530 г. и ответ Совета, 10 декабря. Регистры, 9 декабря 1530 г. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 591-594.

[855] *Journal de Balard*, стр. 306-309.

[856] Там же. стр. 312, 313. Бонивар, *Хроника*. ii. стр. 595, 607. Galiffe fils, *Besançon Hugues*, p. 407. "Ручат", ii. с. 305.

[857] Chais, *Lettres sur les Jubilés*, ii. p. 583.

[858] La Sœur J. de Jussie, p. 25.

[859] La Sœur J. de Jussie, p. 28.

[860] "Sunt qui ad pietatem aspirant".—Фарел Цвингле, 1 октября 1531 г., *Epp.* ii. стр. 647. Это письмо, написанное Грансоном за одиннадцать дней до смерти Цвингле, было последним, которое цюрихский реформатор когда-либо получал. То, что следует после, датированное просто Орбе 1531 годом, очевидно, предшествует тому, что написано Грансоном.

[861] 'Apud Gebennenses non nihil audio de Christo meditari.'—Ibid.

[862] 'Sed quanto fervore novit Dominus.'—Zwingl. *Epp.* ii. стр. 647.

[863] "Just est in armis".—Цвингль. *Epp.* ii. стр. 647.

[864] 'Petrus Tossanus per Œcolampadium sæpe suis vocatus literis, quibus nostras frequentes addidimus. E Gallis pulsus ad te se contulit.'—Farel to Zwingl, Orbe, *Epp.* ii. p. 648.

[865] 'Quantum agnoscis idoneum, tantum adige in vineam Domini properare.'—Ibid.

[866] 'Res non parva est, neque contemnenda.'—Ibid.

[867] 'Strenue laborare, id studio et diligentia compenset, quod diu cessans omisit.'—Ibid.

[868] "Petrum sperabam in messem Domini venturum". —От Фареля до Цвингле, *Epp.* ii. стр. 648.

[869] 'Fractis cuculatis aliisque rasis, quos pridem Verbum fugasset.'—Ibid.

[870] 'Christus pro sua bona voluntate disponat omnia! Socordiam omnem et veternum excutias a pectoribus eorum, per quos Christi honor procurandus venit.'—Farel to Zwingl, Orbe, *Epp.* ii. p. 648.

[871] 'Et si per Friburgenses liceret, asserit excipiendum prompte Evangelium.'—Ibid.

[872] 'In hæreticæ pravitatis suspectos severa diligentia inquireretur.'—Spanheim, *Geneva Restituta*, p. 37.

[873] 'Clamosa quiritatione et crebro convitio.'—Spanheim, *Geneva Restituta*, p. 37.

[874] 'Bernenses non ea diligentia laborant pro Christi gloria, qua Friburgenses pro pontificiis placitis.'—Zwingl. *Epp.* ii. стр. 648.

[875] Registres du Conseil des 11, 13, 14 octobre 1531.

ГЛАВА XIII.

ОПАСНОСТЬ, КОТОРОЙ ПОДВЕРГАЕТСЯ ЖЕНЕВА В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОРАЖЕНИЯ КАППЕЛЯ.

(Октябрь 1531 - январь 1532 гг.)

=ЖЕНЕВА СНОВА В ОПАСНОСТИ.=

Когда известие о войне между католиками и реформатами достигло Турина, герцог счел это благоприятной возможностью для нападения на Женеву. Было сообщено, что пять тысяч ланскенцев приближаются со стороны Бургундии, десять тысяч итальянцев - со стороны Альп, и что все владения его высочества за горами пришли в движение, чтобы напасть на город. "В Женеве есть определенные головы, - сказал герцог, - которых я намерен отправить в полет". Женевцы не теряли ни минуты. "Пусть будет уничтожено все, что может помешать обороне города", - сказал совет. "Пусть сравняют с землей все пригороды — О-Вив на левом берегу озера; Сен-Виктор по другую сторону Сент-Антуана; Сен-Леже до Арва; и Корратери до самой Роны. Пусть каждый человек будет начеку; пусть никто не отлучается без разрешения; пусть те, кто в отъезде, возвращаются защищать город; и пусть в течение трех дней совершаются торжественные молитвы и процессии". [876]

Таким образом, в то время как Люцерн и более мелкие кантоны атаковали Цюрих, герцог Савойский и джентльмены из Лемана готовились атаковать Женеву. Эти два города были в шестнадцатом веке столицами протестантизма в Швейцарии. Женева, однако, все еще была полна священников и монахов, в то время как хоры всех церквей вторили заутрене и другим песнопениям римского ритуала,

De pieux fainéants y laissant en leur lieu,

A des chantres gagés, le soin de louer Dieu.

Как случилось, что Женева в это время была соединена с Цюрихом? Это потому, что этому городу, хотя он еще и не покорился Реформации, было предопределено стать таким: вероятно, единственный пример государства, подвергающегося большим опасностям, не столько из-за того, что оно есть, сколько из-за того, каким оно будет. Зачатки евангельской веры, которые можно было найти там, были настолько малы, что их было бы недостаточно, чтобы навлечь на нее анафемы епископа и армий герцога; но над этим витало избрание Божье; Бог подготовил это, испытал это и избавил это из-за великих дел, для которых он это предназначил. Противники Евангелия, по-видимому, тайно предчувствовали это; и поэтому они желали уничтожить одним и тем же ударом город Цвингле и то, что должно было стать городом Кальвина.

=ПОРАЖЕНИЕ ПРИ КАППЕЛЕ: ТРИУМФ РИМА.=

Все горожане были пешими. Некоторые, вооруженные аркебузами, стояли на страже; другие вышли со своими мотыгами, чтобы сравнять с землей пригороды. В этот момент из Швейцарии прибыл гонец с сообщением о поражении при Каппеле: Цюрих пал.... Сначала гугеноты не могли поверить этой скорбной вести; они заставили гонца повторить ее; но вскоре она получила подтверждение из разных источников, и друзья независимости и Реформации скорбно склонили головы. Рука, на которую они так надеялись, была грубо сломана. Протестантская партия по всей Швейцарии пришла в уныние, в то время как римская партия ликовала. В Женеве

сообщили, что месса была восстановлена в Бремгартене, Раппершвиле и Солере, а также во всех вольных округах и что монахи с триумфом возвращаются в свои опустевшие кельи. Возможно ли было, чтобы Реформация водрузила свои знамена на берегах озера Леман в тот самый момент, когда ее изгнали из тех мест, где она, казалось, так прочно обосновалась?

Женевские католики предвкушали свой триумф. Смерть швейцарского реформатора была (как они думали) концом Реформации; им оставалось только нанести последний удар. Их тайные встречи становились все более многочисленными; замышлялись отвратительные заговоры. Герои старой епископальной партии, вновь приняв свой высокомерный вид, смело разгуливали по улицам Женевы, одни бряцали мечами, другие подметали землю своими длинными одеяниями. Если им случалось встречать каких-либо *подозреваемых* лиц, они делали им презрительные жесты, затевали с ними ссоры, оскорбляли и даже били их, и эти безобразия оставались безнаказанными. [877] Фрибургцы, в частности, считали, что против евангелистов все законно, [878] и, желая подчинить Женеву, подражая вальдштеттам в Альби, они маршировали по улицам небольшими группами, и всякий раз, когда они обнаруживали какого-нибудь гугенота, они окружали его, уводили и бросали в тюрьму без суда. [879] Таким образом сторонники епископа рассчитывали восстановить его на епископском престоле. Пьер де ла Бом готовился снова взойти на нее.

Гугеноты, пораженные совершением таких безобразий в присутствии швейцарцев и даже самими швейцарцами, еще раз обратились к бернцам, но тщетно. Последние не желали мириться с борьбой в Женеве, которую они сдерживали в других кругах. "Пусть не будет ни раздражительности, ни насилия, - говорили они. - у нас есть приказ сената". Но так как женевцы не были расположены сохранять спокойствие, бернские посланцы приняли серьезный вид и, напустив на себя судейскую надменность, отпустили своих незваных гостей. Женевцы удалились, бормоча: "Какое возмутительное пренебрежение и трусость!" — говорили они; "Господа из Берна гораздо больше думают об этом мире, чем о мире грядущем". - "Сенат Берна, - повторил Фарель, - не потерпел бы ни малейшего оскорбления в адрес одного из своих послов, и все же они легкомысленно относятся к серьезным оскорблениям Евангелия Христа". [880]

=ПРИБЛИЖЕНИЕ ГЕРЦОГА И ЕГО АРМИИ.=

Поражение при Цюрихе удвоило энергию герцога Карла. Желая украсить свое чело лаврами, подобными лаврам победителей при Каппеле, он отдал приказ о всеобщей атаке. Войска Во и Савойи окружили Женеву и перекрыли снабжение; лодки на обоих берегах озера были захвачены, и герцог прибыл в Жекс, в трех лье от города, с сильным отрядом кавалерии, чтобы руководить штурмом. Под этими мрачными предложениями в Женеве начался 1532 год. Опасность казалась такой, что в семь часов вечера 2 января все главы семейств собрались и решили день и ночь держать оружие при себе, замуровать ворота и скорее умереть, чем отказаться от союза со Швейцарией и своих самых дорогих свобод. На них вот-вот должно было обрушиться еще большее несчастье. [881]

7 января, через пять дней после принятия этой смелой резолюции, три бернских депутата, Де Дисбах, Де Ватвиль и Нагуэли, предстали перед советом. На их лицах была написана печаль, и все говорило о том, что они принесли печальную весть. "Мы прибыли из Гекса, где покоится герцог", - сказали они. - Он согласен вести переговоры с вами, если вы сначала откажетесь от союза с кантонами. Помните, он могущественный принц и способен причинить вам много

вреда. Вы еще не заплатили за последнюю армию, которую мы послали вам; мы не можем отправить еще одну пешую. Мы заклинаем вас прийти к какому-нибудь соглашению с его высочеством.

Во время этой речи женевцы покраснели от гнева и возмущения. Они не могли понять, как гордый кантон Берн мог просить их отказаться от дела независимости и союза со Швейцарией. Когда депутат закончил свое выступление — для его заслушивания был созван генеральный совет народа, — премьер-синдик ответил: "Мы не будем слушать ни о каких договоренностях, кроме того, как сохранить альянс. Чем больше нам угрожают, тем тверже мы будем. Мы будем отстаивать свои права даже до самой смерти. Мы уповаем на Бога и на господ из двух городов. И если, чтобы выплатить вам то, что мы должны, нам придется заложить наше имущество, наших жен и наших детей, мы это сделаем. Что касается союза, мы полны решимости жить и умереть за него". Едва синдик закончил говорить, как все люди закричали: "Да будет так! Мы больше ничего не предпримем — мы умрем первыми!" Аркебузиры Жана Филиппа и Ришарде были того же мнения. Послам показалось странным, что они осмелились сопротивляться Берну. "Мы отнесем ваш ответ нашим лордам, - сказали они, - и они будут делать то, что им заблагорассудится". Затем они удалились. Люди подняли руки, и все поклялись быть верными альянсу.

Бернские послы уехали. Народ был в большом волнении. Дело свободы только что потерпело поражение при Каппеле; войска герцога окружили город, и швейцарцы хотели расторгнуть союз. Женева не была избавлена от тайных страхов: женщины проливали слезы, и даже мужчины чувствовали себя подавленными, как в кошмарном сне; но энтузиазм по поводу свободы преобладал над любым страхом. Лишенные помощи людей, женевцы поднимали глаза к небу. Многие из них испытали необычайные эмоции и стали жертвами странных призрачных галлюцинаций. Однажды ночью часовые, расставленные на стенах, увидели семерых всадников без голов, одетых в черное, несущих охрану вокруг города. Они были одеты в черное, потому что вся Женева была в трауре; они были без голов, потому что никто не мог рассчитывать на сохранение своих собственных; и потом, эти женевцы в своем энтузиазме воображали, что смогут защитить Женеву, даже если им отрубят головы. Герцог, узнав, что какие-то таинственные союзники пришли на помощь городу, покинул Жекс и поспешил в Шамбери. Вполне вероятно, однако, что его встреча с тремя лордами Берна оказала большее влияние на прекращение осуществления его замыслов, чем появление семи черных всадников. [882]

=БОГ ГОТОВИТ ЖЕНЕВУ ИСПЫТАНИЕМ.=

Испытания, ужасы, неоднократные нападения, которым Женева была вынуждена подвергаться от рук своих врагов, являются характерными чертами ее истории в эпоху Реформации. Ее граждане, разграбленные, преследуемые, взятые в плен, брошенные в темницы замков, всегда находящиеся между жизнью и смертью, постоянно жили в ожидании нападения, и почти каждый год их страхи превращались в ужасную реальность; мы видели несколько примеров этого и увидим еще. Вероятно, в шестнадцатом веке не было города, который пришел бы к обладанию истиной и свободой, пройдя через такие великие опасности. Когда у них кончались припасы, когда их сообщение со Швейцарией было прервано, когда никто не мог покинуть город, когда повсюду было видно оружие савояров, сверкающее в лучах солнца, горожане, без сомнения, проявляли героическое мужество; но все же женщины и старики, и даже мужчины в расцвете сил, испытывали смертельный страх и тоску. "Христиане - не деревянные бревна", -

говорили впоследствии в этом городе, и мы вполне можем применить эти слова к женецам той эпохи. "Они не настолько лишены человеческих чувств, чтобы их не трогала печаль, чтобы они не боялись опасностей, чтобы бедность не была для них бременем, а преследования - острыми и трудноотносимыми. Вот почему они печалются, когда их судят". [883] Давным-давно, на заре христианства, голод, землетрясения, эпидемии, преследования, а впоследствии, в период нашествия варваров, опустошения, сопровождавшие это бедствие, заставили серьезные души ощутить присутствие Бога и привели их ко кресту. Землетрясение, разрушившее часть города Филиппы, напугало тюремщика, до тех пор закоренелого в суевериях, смирило его и заставило прислушаться к учению учеников, которое он прежде презирал; [884] а еще позже подобное бедствие в Африке побудило множество язычников исповедать Евангелие и креститься.

Именно к таким испытаниям, подобным этим, была теперь подготовлена Женева. Бог вспахивал поле, которое он хотел засеять. Постоянно повторяющиеся бедствия и избавления открывали вдумчивым людям силу Божью: об этом свидетельствуют даже Списки Совета. Вела ли эта суровая школа какие-либо души дальше? Были ли там кто-нибудь, кто искал за пределами мира нетленную жизнь?... Внутренние страдания человеческих умов обычно скрываются, и хронисты не дают нам никакой информации по этому поводу (это не по их части); но мы не можем сомневаться в том, что цель, ради которой Бог послал это испытание, была достигнута. Возможно, в то время были души, которые посреди зла, которое они видели вокруг себя, были приведены к открытию в себе высшего зла — греха; возможно, в какой-то частной комнате тогда возносились к небесам смиренные голоса; возможно, суды Божьи, которые были нависли над их головами и головами их жен и детей, побудили некоторых страшиться страшного суда; и, возможно, было много тех, кто принял вечную любовь, этот неиссякаемый источник спасения, кто уверовал в Евангелие Сына Божьего и нашел в нем покой. Мы не знаем, что происходило в тайных глубинах человеческих сердец; но, несомненно, времена, которые мы описываем, были временами испытаний, которые способствовали превращению Женева в то, чем она впоследствии стала: это была "раскаленная печь, из которой выходила прекрасная медь". [885] Если Женева блистала в шестнадцатом и семнадцатом веках, то отчасти потому, что в эпоху Реформации она подверглась суровым испытаниям и, если можно так выразиться, "ярко отшлифовалась". — "Мы как бы отжигаем в печи Бога, - можно сказать об этом городе, - и таким образом очищена от скверны нашей веры". [886]

=ШВЕЙЦАРСКИЕ ПАТРИЦИИ РАСТОРГАЮТ СОЮЗ.=

7 февраля 1532 года пять послов — двое из Берна и трое из Фрибурга - во главе с Себастьяном де Дисбахом предстали в Женеве перед Советом двухсот; они были представителями швейцарской аристократии, тех гордых военачальников, которые участвовали в битвах и появлялись при королевских дворах. Они выполнили свою миссию так же без церемоний, как и при взятии городов, и потребовали, чтобы Женева отказалась от союза со швейцарцами и вернула герцогу Савойскому его верховенство.... Что будут делать женецы? Даже Фрибург, который поначалу казался им благоприятным, теперь подвел их.... Двести голосов воскликнули: "Мы умрем раньше!" На следующий день, когда был собран генеральный совет, среди них царил величайшее возбуждение; казалось, всем не терпелось заговорить одновременно; со всех сторон раздавались громкие крики: "Весь народ начал кричать", - говорится в протоколе этого собрания. Язык Дисбаха был настойчивым, повелительным и угрожающим.... Над Женовой бушевал ураган; дерево должно было согнуться или сломаться. Но оно не согнулось и не сломалось. Послы, пораженные и возмущенные, вернулись в свою страну. [887]

Женевцы, оставшись одни, спросили, что же делать.... Чаша была переполнена. Внезапно некоторым патриотам пришла в голову счастливая идея. Хотя патриции и пенсионеры выступают против прав Женевы, разве народ и большой совет, который их представляет, не будут за свободу? Когда в 1528 году в Берне установилась Реформация, были приняты самые благородные решения. Неимущие были облачены в церковные украшения, отменены пенсии князей и отменены военные капитуляции, которые обязывали швейцарцев служить иностранным державам. Затем энтузиазм остыл; пенсионеры сожалели о прежних временах; они вмешивались в дела наиболее влиятельных людей города и раздражали их против союза с Женевой, который не нравился их старому хозяину герцогу. "Давайте сделаем попытку, - воскликнули некоторые из женевцев, - возродить в Берне благородные стремления к реформам и свободе". Роберт Вендель и два других депутата отбыли на берега Ара.

Вандель хорошо подходил для этой миссии. С того самого дня, когда он увидел, как епископ незаконно схватил его престарелого отца и бросил в тюрьму, он отдал свое сердце независимости, как впоследствии отдал его Евангелию. Он знал, что народ сохранил свои симпатии к Женеве и что если патриции преобладали в малом совете, то граждане преобладали в большом совете; поэтому он предстал перед этим органом. Он объяснил им опасности, подстерегающие женевцев, их любовь к независимости и их решимость рискнуть всем, лишь бы не отделяться от швейцарцев. Его слова тронули сердца бернцев, и правое дело восторжествовало. "Мы сохраним союз, - заявили они, - и, если необходимо, мы пойдем маршем в защиту ваших прав". Фрибург принял резолюции Берна. [888] Таким образом, после суда пришло избавление; Женева вздохнула свободно. Ее ожидало еще одно горе.

=ОТСТАВКА И СМЕРТЬ ХЬЮЗА.=

20 февраля Безансон Хьюз предстал перед советом и сложил с себя все полномочия. "Я старею", - сказал он (ему было всего сорок пять).; - У меня много детей, и я хочу посвятить себя своим собственным делам. Нет никаких сомнений в том, что мотивы, указанные Хьюзом, сыграли какую-то роль в его решении; мы можем, однако, спросить, были ли они единственными. Он внимательно наблюдал за движением умов людей в Женеве и, будучи преданным римско-католицизму и епископу, не мог не видеть, что противоположная партия с каждым днем набирает все больше последователей. Он не пожалел ни времени, ни сил, ни состояния, ни здоровья, чтобы заключить союз со швейцарцами. Видя, что она существует уже не только в архивах, но и в сердцах людей, он подумал, что выполнил свою задачу и что для новой работы Женеве нужны новые лидеры. Если Хьюз и не был стар, то он был болен; он уже чувствовал приближение той болезни, которая унесла его несколько месяцев спустя. Он быстро приходил в упадок и испустил дух ближе к концу года.

Смерть Безансона Хьюза произошла не от обычной болезни: он умер от разрыва сердца. Хотя он все еще был католиком, в тот момент, когда Реформа вот-вот должна была прийти в его страну, на его могилу следовало возложить корону. Постоянное беспокойство, которое вызывали у него опасности Женевы; более сорока официальных миссий; его непрестанные труды на благо Женевы; постоянно возлагаемые на него новые тяготы; неудачи, разрывающие его сердце; его опрометчивое бегство, опасности на дорогах и в городах, холод, слежка и заботы семьи ("Я вверяю вам мою бедную семью", — писал он иногда в своих письмах совету); его разочарования; упреки, которые ему приходилось терпеть с обеих сторон; его борьба с пенсионерами, агентами Савойи. рыцари Ложки и некоторые из его сограждан - все эти

неприятности способствовали его болезни и смерти. Голова безансонского Хьюга не пала от меча палача, как у Бертелье и Левье; но герой-миротворец пал под тяжестью усталости и горя. Невидимый меч поразил его; и можно сказать, что смерть трех великих людей женевского движения за освобождение была смертью мучеников.

[876] Registres du Conseil du 11 octobre 1531.

[877] 'Alii impune injuria afficiuntur.'—Zwingl. *Epp.* ii. стр. 648.

[878] 'Nihil pene non licet Friburgensibus in pios.'—Ibid.

[879] 'Indicta causa, rapiuntur in carceres.'—Zwingl. *Epp.* ii. стр. 648.

[880] 'Non putarim senatum Bernensem olim ita laturum levem injuriam in nuntium sicut gravem in Evangelium perfert.'—Ibid.

[881] Registres du Conseil du 2 janvier 1532.

[882] Registres du Conseil des 7, 8, 9 janvier 1532. Савьон, *Летописи*.

[883] Кальвин о 1 послании Петра i. 7.

[884] Деяния xvi. 23, 24.

[885] Откровение i. 15.

[886] Кельвин.

[887] Registres du Conseil des 4, 7, 8 février 1532.

[888] *История реформации Шестнадцатого века*, bk. xv. глава iii. Ручат, ii. стр. 83. Галиффе Филс, Б. Хьюз, стр. 442.

ГЛАВА XIV.

ИМПЕРАТОР И ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. (Весна 1532 г.)

=НОВЫЙ ПЛАН ИМПЕРАТОРА.=

КАК только благородный гражданин, с такой преданностью защищавший независимость своей страны, сошел с мировой сцены, против Женевы были составлены новые заговоры; но и ей на помощь пришли новые силы. Император восстал против города, и школьный учитель нес ему вечное Слово.

Императорский двор находился тогда в Ратисбоне, где должен был собраться германский сейм. Герцог и герцогиня Савойские, которые не могли решиться покинуть Женеву, приказали своему послу, аккредитованному при Карле V. заручиться влиянием этого принца, чтобы побудить епископа, его сторонника, уступить свое светское княжество второму сыну герцога. Герцогиня, которая, по-видимому, стремилась добиться этой уступки, приложила все возможные усилия для достижения своей цели. Император, который очень любил Беатриче, ответил: "Я желаю

этого соглашения из-за особой любви, благоволения и привязанности, которые я испытываю к моей горячо любимой кузине и невестке". Более того, он добавил, что желает этого также "в интересах святой веры и сохранения матери-Церкви". Он взялся убедить Пьера де ла Бома передать свои временные полномочия молодому принцу; и, чтобы привести переговоры к благоприятному исходу, он обратился к графу Монтревельскому, главе семьи епископа. 14 апреля 1532 года он продиктовал и переслал этому дворянину следующее письмо: "Император, король, герцог и граф Бургундии своему очень дорогому вассалу: Мы требуем и приказываем вам со всей определенностью, чтобы как можно скорее, при первой возможности и удобстве вы отправились к епископу Женевскому и изложили ему, как вы сочтете наиболее подходящим, наше желание, чтобы он *угодил нашим упомянутым кузенам*, герцогу и герцогине; используя с ним мягкие слова убеждения, в соответствии с вашим обычным благоразумием. Ему может быть тем легче уступить нашей молитве, потому что, как назначенный преемник архиепископа Безансонского, он обязательно должен покинуть Женеву, чтобы поселиться в этом городе.' Более того, император использовал свое влияние на маршала Бургундии, барона Сен-Сорлена, брата Пьера де ла Бома. На прелата должны были напасть со всех сторон. Рекомендации Карла едва ли могли быть более настоятельными, если бы на карту была поставлена безопасность Германской империи. [889]

Герцог, пришедший в восторг от этих писем императора, начал принимать такие меры, которые позволили бы ему извлечь из них выгоду. Поскольку могущественный Карл V отдает Женеву своему сыну, он отправится на поиски новых владений молодого принца. В следующем месяце (май 1532 г.) все предвещало, что на Женеву готовится какое-то новое нападение. В замках царило великое смятение; звучали трубы, развевались знамена, священники громко кричали. Можно было бы вообразить, что они готовились к крестовому походу, подобному тем, что предпринимались в былые времена против альбигойцев или сарацин. Женевцы, не имевшие ни минуты покоя, скорбно рассказывали друг другу эту новость. "В Савойских штатах ходят громкие слухи о войне, - говорили они. - дворяне взбешены против евангелистов, которых они называют *лютеранами*; и некоторые из дворян уже собрались и ходят взад и вперед с оружием в руках". Горожане не впали в уныние; напротив, знание об этих интригах и приготовлениях заставило их еще больше стремиться к освобождению Женевы. Они сказали, что с того дня, как папа лишил граждан права выбора их правителя и назначил епископами Женевы представителей савойского дома, в городе не было ничего, кроме беспорядков, насилия, вымогательства, тюремного заключения, конфискаций, пыток и жестоких наказаний. Они спросили, не пришло ли время вернуться к примитивной форме христианства, к народной организации Церкви; они повторили, что Женева никогда не сможет обеспечить свою независимость и свою свободу, если не доверится великим принципам Реформации. "Цюрих, - говорили они, - восстановил права, отнятые Римом: Женеве пора последовать его примеру". [890]

=НЕГАТИВНЫЙ ПРОТЕСТАНТИЗМ НЕДОСТАТОЧЕН.=

Реформация не была ни движением за свободу, ни философским развитием, но христианским, небесным обновлением. Оно искало Бога и, найдя его, вернуло его человеку: такова была его работа. Но в то же время, где бы она ни была установлена, по крайней мере, в кальвинистской форме, за ней следовала гражданская свобода. Однако мы должны признать, что реформаторы, за исключением Цвингле, не слишком беспокоились по этому поводу. Именно благодать наполняла их энтузиазмом. Именно великая идея добровольного помилования, а не артиллерия, пошатнула власть папы. Затем каждый человек был приглашен к подножию креста,

чтобы немедленно получить от Христа, без участия священнослужителей, бесценный дар. Но христианство, которое духовенство монополизировало, извратило и которым оно торговало в средние века, стало общим достоянием в шестнадцатом веке. От пышности алтаря она перешла к людям со смиренным и кающимся сердцем, от мрачных и уединенных монастырей - к домашнему очагу, от изолированного Рима - ко всемирному обществу. Вновь запущенный в среду народов, он повсюду возвращал человеку веру, надежду и нравственность, свет, свободу и жизнь.

=ОЛИВЕТАН ПРИБИВАЕТ В ЖЕНЕВУ.=

В то самое время, когда прекрасная принцесса вожделем Женеву, амбициозный герцог интриговал, а придворные волновались, и когда могущественный монарх даровал свои императорские милости, в город прибыл скромный школьный учитель. И хотя вся эта помпезность и церемонии были одними из тех вещей, которые устарели и уходят в прошлое, этот учитель принес с собой принципы новой жизни. Фарель, как мы видели, горячо желал, чтобы Слово Божье распространялось и даже публично проповедовалось в Женеве. Он думал, что только тогда Реформация будет по-настоящему утверждена и независимость обеспечена. Вероятно, что человек, прибывший в этот город и которого он давно знал, был послан им; но у нас нет доказательств, что это было так. Однако этот человек, собственно говоря, не был проповедником; он был всего лишь школьным учителем, и все же ему предстояло выполнить работу более великую, чем работа императора. В то время Женева считалась протестантской, но ее протестантизм ограничивался отказом от деспотизма и суеверий. Но недостаточно отвергнуть то, что является ложью; необходимо верить истине, проповедуемой Христом и апостолами. *Вера* - это принцип Реформации. В Женеве в какой-то степени существовал тот негативный протестантизм, который отвергает не только злоупотребления папства, но и саму евангельскую истину; который ничего не может создать и который есть не что иное, как форма — и, безусловно, одна из наименее интересных форм — философии. Если Женева хотела быть реформированной, стать центром света и морали и сохранить свою политическую независимость, у нее должно было быть позитивное и живое христианство; и именно это Оливетан, Фарель и Кальвин собирались принести ей.

=ХАРАКТЕР CHAUTE MPS.=

На улице Круа д'Ор, недалеко от площади Молар, жил просвещенный, богатый и влиятельный гражданин Жан Шот, член городского совета. Он был тихим и добросовестным человеком, без колебаний придерживавшимся своих убеждений. Шот-Ампс высоко ценил ученость и, имея сыновей, хотел видеть их хорошо образованными. Люди рассказывали ему об одном французе, родившемся в Нуайоне, в Пикардии, который после длительного проживания в Париже был вынужден покинуть Францию в результате одного из нападений, столь часто совершавшихся на *лютеран* в то время. "Кроме того, - добавил его информатор, - он очень образованный человек". Действительно, не будучи ни рейхлином на иврите, ни меланхтоном на греческом, он хорошо владел обоими языками; в его привычку входило читать Священное Писание в оригинале, и он любил вставлять в свои труды отрывки из Ветхого Завета, где они все еще написаны красивыми еврейскими буквами, посреди своего устаревшего французского. Его звали Питер Роберт Оливетан — тот самый, который во время своего пребывания в Париже имел счастье приобщить к познанию евангельской истины одного из своих двоюродных братьев и земляков, Джона Кальвина. Шот, считая удачей иметь такого учителя для своих детей, принял его в свой дом.

Двоюродный брат Кэлвина смело взялся за работу. Он обучал детей своего патрона и, как оказалось, некоторых других, которых поместили вместе с ними. Он преподавал с любовью и ясностью, в соответствии с "правильной методикой" Матюрена Кордье, которого он знал по Парижу. Он верил, как говорит Кальвин, что "грубость и раболепный аскетизм побуждают детей к бунту и гасят в них святые чувства любви и благоговения", и он стремился "умеренным и добрым обращением развить в них волю и готовность повиноваться". [891]

Школьный учитель, как он назван в Реестрах Женевского совета, не ограничивался преподаванием латыни и греческого. Он был прост и скромен и называет себя в предисловии к книге, которая обессмертила его (перевод Библии), "*скромным и непритязательным переводчиком*". Но Бог зажег божественный огонь в его сердце. Он верил, что христианин должен нести в руке зажженный светильник, чтобы показывать другим путь жизни, и он никогда не упускал возможности сделать это. Иногда он сопровождал Шотемпса в церкви, и было замечено, что он был глубоко тронут услышанными там ошибками; он в волнении покидал храм, возвращался домой и, сидя со своим покровителем, опровергал Священным Писанием мнения священников и добросовестно объяснял истинное христианское учение. Член совета, который рано встал на сторону тех, кто склонялся к Реформации, был поражен этими разговорами и, далекий от того, чтобы сопротивляться открывшейся перед ним истине, с радостью подчинился ей. Вскоре он проявил, по свидетельству Фромана, "если не совершенные знания, то, по крайней мере, большое желание учиться, с большой любовью и рвением демонстрируя себя другом Реформации". [892] С того часа благочестивый советник всегда выступал вперед, когда вставал вопрос о поддержке евангелического дела в Женеве. Когда прибыл этот великий миссионер Фарел, Шот был одним из первых, кто приветствовал его. Когда произошел спор с викарием церкви Святой Магдалины, он был одним из тех, кто защищал учение Священного Писания. [893] И впоследствии он смело заявил на полном совете, что желает жить в соответствии с Евангелием и Словом Божьим. [894]

Рвение Оливетана не ограничивалось домом, в котором он жил; он трудился над тем, чтобы донести Евангелие до друзей советника и даже до всех, кого он находил доступным Божественному Слову. Он прилагал все усилия и преодолевал препятствия; с помощью Священных Писаний он старался "с кротостью указывать священникам на ошибки, которым они учили, и не позволял никакому страху препятствовать себе. Такое рвение было небезопасно, поскольку священники все еще обладали большой властью в Женеве. Шот и его друзья соответственно посоветовали Оливетану быть благоразумным, чтобы ему не причинили вреда; но школьный учитель сказал, как и его двоюродный брат: "Божья воля в том, чтобы его истина была провозглашена, что бы ни случилось; она должна быть опубликована, даже если глубины ада изольют на нее свой гнев. [895] Однажды Оливетан с такой смелостью упрекнул священника, что тот настроил против него все духовенство, и ему было приказано (без привлечения к суду) покинуть город; но это относится к более позднему времени.

Разговоров было недостаточно, и если кто-нибудь проявлял желание изучить новое учение, Оливетан объяснял его им. Он не выступал перед большой аудиторией; обычно это делалось на небольших вечеринках. Однако в документе говорится о собраниях, проводимых не только в частных домах, но и в общественных местах, на открытых площадках и перед церквями. [896] Поэтому Оливетан, подобно своему знаменитому родственнику, напомнил, что в начале христианства учение о Господе не оставалось "как бы скрытым в укромных уголках, и что никогда не раздавался гром столь громкий и пронзительный, как звуки проповеди Евангелия,

отдающиеся эхом от одного конца света до другого". [897] Иногда он покидал скромное собрание и проповедовал Слово истины под небесным сводом. Встревоженный великими беспорядками, которым предавались эти люди, которым однажды предстояло носить имя "распутников", он со святой отвагой атаковал совесть.

=OLIVÉTAN'S MISSION.=

Однажды состоялось одно из тех "частных собраний", на которые император пожаловался синдикам. Мы можем предположить, что это было в доме Шот-Мана или какого-нибудь другого гугенота (публичные собрания были, я думаю, редкими исключениями) на улице Круа д'Ор или *Аллеманов*, названной так потому, что на ней жили некоторые немецкие швейцарцы, друзья Реформации. Несколько мужчин и женщин, большинство из которых были знакомы хозяину дома, подошли и заняли свои места на скамейках перед евангелистом. Оливетан, видевший перед собой души, дремлющие в ложной безопасности и не обращающие внимания на Верховного Судью, "великолепно выполнил порученное ему посольство" (по выражению Кальвина). "Однажды, - сказал он, - когда ты услышишь, как Господь призывает тебя к суду, найдется ли в тебе что-нибудь, кроме страха и трепета, бегства и сокрытия? Смотри! Доступ к Господу отрезан из-за греха. У кого ты примешь прибежище? В каком месте ты найдешь облегчение? Бог, мститель за грех, от которого ничто не может быть скрыто, присутствует повсюду ... и повсюду наводит ужас на нечистую совесть".

Затем, вообразив, что он видит некоторых из тех женеццев, чья мораль, столь же развращенная, как у монахов, отчуждала их от Евангелия, он воскликнул: "Плоть исключает Дух и заграждает путь, так что вход в сердце не открыт для него. Плоть желает сиюминутных удовольствий, она следует тщеславию, она тщательно ищет наслаждений тела, употребляя пищу и питье, праздность, распущенные занятия и другие подобные вещи, которыми она полностью поглощена. Разум, озаренный Духом, стремится к добру и борется с плотью; но чувственный человек - не что иное, как животное, и он всецело отдается тому, что принадлежит животным".

Среди тех, кто сидел на скромных скамьях и слушал проповедника, были также некоторые из тех многочисленных в Женеве интеллектуалов, которые хотели бы прийти к вере, но которых учение Христа удивило и даже встревожило. "Вы верите, - сказал евангелист, - и все же вы не верите. Вы охотно слушаете слова спасения, и все же вы приходите от них в ужас. Нет ничего, что мы слышали бы из уст Спасителя, что без посредника не приводило бы нас в ужас, и плоть весьма встревожена тем, что необходимо обладать такой верой".

Затем школьный учитель поднес к губам евангельскую трубу и провозгласил великую тайну Искупления, не скрывая того, что греки называли бы ее *глупостью*. "Давайте обратимся тогда, - воскликнул он, - к Посреднику, который заключил союз и очистил нас своей собственной кровью, которой окроплена и орошена наша совесть. Ветхий Завет всегда зависел от крови животных; Новый Завет зависит от новой крови. Вечное Искупление было совершено вечной жертвой. Союз неразрывен, вечен и совершенен благодаря вечной крови, которая была от Бога.... Царству Мессии нет конца; следовательно, его царь должен быть бессмертен; и новые люди, также бессмертные, являются гражданами вечного царства".

Гугеноты любили поспорить, даже не по сезону. Некоторые из сидевших перед Оливетаном были поражены, услышав изложение этого учения о жертве Христа, и утверждали, что, если

судить по фактам, оно мало что делает для освобождения человека от греха. "Без сомнения, - сказал Оливетан, - если Святой Дух не учит нас. Мы не сможем достичь истинной святости, если Святой Дух, который является преобразователем сердец, отсутствует. Духом Иисуса Христа остатки греха в нас мало-помалу уменьшаются. Дух Христа мягко сжигает и очищает пятна сердца.... Какая глубокая тайна! Тот, кто был повешен на кресте, кто даже вознесся на небеса, чтобы завершить все, приходит и обитает в нас, и там совершает совершенную работу вечного Искупления". [898]

Так говорил наставник детей советника Шот-Темпа.

Оливетан был загадочной личностью, исключительным реформатором. В Париже он призвал Кальвина к Евангелию и представил его христианству как апостола нового времени. В Женеве он был предшественником своего прославленного родственника; подобно первопроходцу в лесу, он срубил вековые деревья и подготовил почву, в которую его благочестивый и могущественный преемник так обильно разбросал семена. Позже, как мы увидим, он подарил реформированной французской церкви ее первую Библию - перевод, который, переработанный Кальвином, так сильно продвинул вперед царство Божье. Возможно, Оливетан, находясь в Женеве, думал, что его двоюродный брат отныне займет этот пост. Он фигурирует в истории только как предшественник реформатора, и едва нога Кальвина ступила в этот город, как Оливетан пересек Альпы, отправился в Италию, даже в город понтификов, как будто теперь он желал совершить новую работу, сблизиться с папством и подготовить Рим к Реформации, как он подготовил Женеву. Но там он внезапно исчез - отравленный, как говорят некоторые. Над его смертью, как и над его жизнью, висит завеса. О нем больше не говорят, и, похоже, вряд ли кто-нибудь знает ни его работу, ни его имя. Но мы не должны предвкушать: мы скоро встретимся с ним снова.

Оливетан, безусловно, сыграл важную роль в великих переменах, обновивших современное общество, и его имя заслуживает того, чтобы быть занесенным в список тех, что высечены на камнях фундамента огромного храма Реформации.

[889] Письмо императора графу Монтревельскому. *Galiffe fils, B. Hugues, Pièces Justificatives*, p. 494.

[890] Цвинглий *Opp.* iii. стр. 439. *Archives de Genève*. James Fazy, *Précis de l'Histoire de la République de Genève*, pp. 183-191.

[891] *Calvini Opera*.

[892] *Froment, Actes et Gestes de Genève*, p. 4.

[893] *Registres du Conseil* du 31 décembre 1532.

[894] Там же. du 8 janvier 1534.

[895] *Calvin, Comm. sur les Actes*.

[896] *Archives de Genève, Pièces Historiques*, n° 7069, 8 juillet 1532.

[897] Кальвин, к Евангелию от Матфея x, 36.

[898] *Olivétan*. Введение к его французскому переводу Библии. След. Невшатель, 1535 год.

ГЛАВА XV.

ПРОЩЕНИЕ РИМА И ПРОЩЕНИЕ НЕБЕС.

(Июнь и июль 1532 г.)

Учение ОЛИВЕТАНА не было бесплодным. Вскоре в Женеве состоялась евангелическая манифестация, которая стала важным шагом и первым публичным актом реформы. Кузен Кальвина, возможно, был орудием, хотя Климент VII. непосредственной причиной был.

=ЮБИЛЕЙ.=

В то время папа готовился опубликовать не местное помилование, как у святой Клары, а всеобщий юбилей. Это было общей темой для разговоров во многих местах, и некоторые рассказывали, как это возникло. "Накануне нового 1300 года, - с насмешкой сказал один ученый, - по Риму внезапно распространился слух (никто не знал, откуда он взялся), что всем, кто на следующее утро отправится в собор Святого Петра, будет предоставлена полная индульгенция. Туда спешила огромная толпа римлян и чужеземцев, и посреди толпы был пожилой человек, который, сутулясь и опираясь на свой посох, тоже хотел принять участие в празднестве. Люди говорили, что ему было сто семь лет. Его провели к папе римскому, гордому и отважному Бонифацию VIII. Старик рассказал ему, как столетие назад в связи с юбилеем была предоставлена столетняя индульгенция; по его словам, он хорошо это помнит. Бонифаций, воспользовавшись заявлением этого человека, чей разум был ослаблен возрастом, постановил, что каждые сто лет должна проводиться полная индульгенция". [899] Большие выгоды, которые были достигнуты благодаря этому, привели к тому, что юбилей был назначен проводиться последовательно каждые пятьдесят, тридцать три и двадцать пять лет. Но юбилей двадцать пятого года не всегда мешал юбилею тридцать третьего. [900]

В Женеве люди уже начали много говорить о приближающемся юбилее. Оливетан и его друзья были шокированы этим. Сердце этого справедливого человека было огорчено, когда он увидел, что Божье прощение отменяется в пользу праздника человеческого изобретения, на котором, чтобы получить отпущение грехов, необходимо было посещать церкви в течение определенного количества дней и выполнять определенные работы, и самым верным результатом которого было значительное увеличение доходов папы. Школьный учитель утверждал, что если кто-либо попытается обрести покой совести в таких выдумках, он напрасно потратит свое время; его сердце будет убаюкано забвением Бога или будет полно страха и трепета до тех пор, пока оно не найдет покой в Иисусе Христе. "Только Христос - наш мир, - сказал он, - и только он дает нашей совести уверенность в том, что Бог умиротворен и примирился с ней".

Вскоре в умах людей в Женеве началось сильное брожение. Люди встречались и говорили об этом на улицах, и повсюду начался ропот. "Папский тариф хорош!" сказали более решительные из гугенотов. "Вы хотите индульгенцию за ложную клятву? Заплатите 29 ливров 5 солей. Вы хотите индульгенцию за убийство? Человеческая жизнь дешевле; убийство обойдется вам всего в 15 ливров, 2 сола, 6 денье". Они добавили, "что мнимая сокровищница индульгенций, из которой папа брал товары, которые продавал каждому встречному, была изобретением дьявола".

=ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ДУХОВЕНСТВА.=

Таким образом, христиане, которых предыдущие века подавляли, начали вновь появляться в Церкви. Мирской дух проявился в Женеве. Бодишон де ла Мезон-Нев, один из самых решительных гугенотов, часто беседовал с другими добрыми *лютеранами*, все из которых жаловались на деспотичный дух духовенства, монополизировавшего все. Однако подобные жалобы были повсеместны во всем христианском мире. В древнейшие времена, говорили люди, *священники* начали с того, что отняли права у мирян; и вскоре у этих пастухов в руках не было ничего, кроме глупых *овец*.... Но пока священники были поглощены этой работой, за их спинами происходило другое, чего они не замечали. *Епископы* поступили со священниками так же, как священники поступали с мирянами; и когда низшим служителям Церкви удалось поймать паству в свою ловушку, они, в свою очередь, обнаружили, что сами попали в ловушку епископов. На Кельнском соборе (346 г. н.э.) было десять священников, пресвитеров или старейшин в дополнение к четырнадцати епископам; но это был последний раз. На соборах в Пуатье, Везоне, Париже и Валансе (все они проводились во второй половине IV века) не присутствовал никто, кроме епископов. Впоследствии, действительно, в *трех соборах был найден* делегированный священник; но в конце концов этот единственный священник был вежливо уволен. Пока епископы были заняты этим завоеванием, происходило другое; и не успели они конфисковать права священников (как священники конфисковали права мирян), как обнаружили, что их собственные были конфискованы *папой*. Всем правам пришел конец. Паства, священники, епископы — все потеряли свою свободу. Папа был Церковью. Одно чудовище проглотило другое, чтобы быть проглоченным в свою очередь. Нет ничего более печального, ничего более катастрофического, чем эта трагическая история. *Quod des devorat.* [901] Римская иерархия пожирает все, что ей дается. Реформация должна была восстановить то христианское общество, которое клерикальное общество выбросило из поля зрения.

=БОЖЬЕ ПОМИЛОВАНИЕ.=

Так это и произошло в Женеве. Эти женевцы, которые были так увлечены своими правами как граждан, одними из первых заявили о своих правах как христиан. "Если папа *продает* индульгенции, - говорили они, - то Евангелие *дает* бесплатное прощение. Поскольку Рим объявляет о своем прощении, давайте объявим о прощении Господа". Эти реформаторы, которые, вероятно, были в числе слушателей Оливетана, совместно составили "небесное воззвание" в простых евангельских выражениях: возможно, автором был сам Оливетан. Бодишон де ла Мезон-Нев взял черновик, поспешил с ним к принтеру и приказал ему напечатать его жирным шрифтом. После этого некоторые гугеноты, самыми ревностными из которых были Мезон-Нев и Гулаз, составили свой план; и ранним утром 9 июня они вывесили на стенах в разных частях города *великое всеобщее прощение of Jesus Christ*, [902], на такой высоте, чтобы каждый мог его прочесть. В то время перед собором Святого Пьера стояла колонна, на которой были вывешены церковные объявления; Гулаз подошел к ней и поверх одного из объявлений о римском юбилее прикрепил провозглашение евангельского прощения.

Солнце поднялось над Альпами; было уже совсем светло; город пробудился ото сна; окна и двери открылись, и люди начали проходить по улицам. Они уставились на эти воззвания и замерли в удивлении.... Мужчины и женщины, священники и монахи, столпились перед плакатами и с изумлением прочитали следующие слова, которые показались им странными:

БОГ, НАШ НЕБЕСНЫЙ ОТЕЦ,
ОБЕЩАЕТ
ВСЕОБЩЕЕ ПРОЩЕНИЕ ВСЕХ ЕГО ГРЕХОВ
КАЖДОМУ, КТО ИСПЫТЫВАЕТ ИСКРЕННЕЕ РАСКАЯНИЕ,
И ОБЛАДАЕТ
ЖИВОЙ ВЕРОЙ В СМЕРТЬ И ОБЕТОВАНИЯ
О
ИИСУСА ХРИСТА. В

"Это, конечно, не может быть папской индульгенцией, - говорили некоторые гугеноты, - потому что в ней не упоминаются деньги. Спасение, даруемое безвозмездно, несомненно, должно прийти с небес". Но священники думали иначе; они рассматривали плакат как вызов папскому помилованию, и их гнев стал еще яростнее, чем когда-либо. Они оскорбляли тех, кого считали авторами прокламации, осыпали их оскорблениями и нападали на них не только с кулаками, но и с оружием, которое они предоставили. [903] "Духовенство подняло большой шум, - говорит псевдо-Бонивар; - и когда священники попытались сорвать упомянутые плакаты, верующие, которых они называли *лютеранами*, показали и помешали им, что вызвало большое волнение в народе". [904] Вскоре были организованы вечеринки: бюргеры собирались группами. С одной стороны были горожане, защищавшие плакаты; с другой - священники и их последователи, которые хотели сорвать их.

Каноник по имени Вернли, уроженец Фрибурга, остался в Женеве; это был крепкий, деятельный человек вспыльчивого нрава, фанатичный папист, который умел обращаться с мечом так же искусно, как с кадиллом, и наносить удары с такой же готовностью, с какой наливал святую воду. Услышав шум, он выбежал из своего дома, направился к собору и, уже собираясь войти, увидел плакат, который Гуляз прикрепил к колонне. Он пришел в ярость, бросился к газете и разорвал ее с грубым ругательством. Гуляз, один из тех отважных духов, которые бросают вызов тем, кого они презирают, стоял рядом, наблюдая за всем происходящим. Увидев, что сделал каноник, он подошел к колонне и спокойно положил другую бумагу на место той, которую сорвал Вернли. Фрибургер тут же потерял всякий самоконтроль: объектом его ярости был еретик, а не бумага. Он бросился на Гуляза, нанес ему сильный удар, а затем, не удовлетворившись этим наказанием, выхватил свой меч (ибо каноники в то время носили мечи) и хотел ударить его. Гуляз отнюдь не был человеком терпеливого нрава и, увидев шпагу каноника, немедленно выхватил свою, перешел к обороне и в борьбе ранил Вернли в руку. Немедленно поднялся большой шум; сторонники священников напали на дерзкого человека, осмелившегося защищаться от этого святого персонажа; гугеноты, со своей стороны, сплотились вокруг Гуляза и защищали его.

=БОРЬБА МЕЖДУ ДВУМЯ ДЕРЖАВАМИ.=

Затем в Женеве произошла битва между священником и мирянином, борьба между клерикальным и светским обществом. Священники постановили, что плакаты должны быть сорваны повсюду; и, соответственно, раздался громкий шум раздора и битвы не только перед папертью собора Святого Пьера, но и по большей части города. "Ничего не было видно, - говорит писатель, - кроме раздоров, конфликтов и обнаженных мечей". [905] Двое мужчин из отряда священников были ранены в Бург-де-Фор. Судьи, узнав о происходящем, поспешили на место и разняли дерущихся.

Гуляз, конечно, не представлял Реформу; он был просто женевским патриотом и несколько поспешным; но Римская церковь не могла отречься от канона; он действительно был ее представителем, и люди спрашивали, намерена ли Церковь бороться с Евангелием мечом и кулаком. Во время этой острой стычки между ультрамонтанами и гугенотами одна сторона держалась в стороне и втайне радовалась: это были савойские партизаны. Они воображали, что, поскольку две великие женевские партии враждуют, вскоре их обнаружат уставшими от гражданских раздоров, преклоняющими колени перед абсолютным правлением его светлейшего высочества. Разделение было бы их сильной стороной. [906]

Весть об этой битве вскоре достигла Фрибурга. Люди там уже начали поговаривать о некоем школьном учителе, который проповедовал Евангелие в Женеве, и плакат, поднявший переполох по всему городу, был (как они думали) результатом его проповедей. Фрибург был взволнован, ибо в этом деле было нечто гораздо более тревожное, чем удар, нанесенный фрибургу, — это был удар, направленный против папства.

=ЗАПРЕТ СОВЕТА.=

24 июня советник Лоран Брандебург прибыл в Женеву и, будучи представлен совету, от имени католического кантона пожаловался на то, что произошло, и особенно на книги и плакаты, которые привели людей к "новому закону" и бросили тень на авторитет епископа и папы римского. "Все уверяют нас, - сказал он, - что вы принадлежите к лютеранской партии. Если это так, джентльмены, мы разорвем акт о союзе и бросим обломки к вашим ногам". Эти слова, сопровождаемые соответствующим жестом, встревожили совет. "Фрибургский союз никогда не был так необходим, как сейчас", - шептали они друг другу. Среди женевцев все еще было много ревностных римско-католиков; евангелисты были редкими исключениями; многие, как мы уже говорили, придерживались определенного негативного срединного пути. Угрозы Фрибурга встревожили магистратов. "Мы не лютеране", - ответил главный синдик. - Что ж, тогда, - продолжил католик Брандебург, - вызовите Гуляза в церковный суд. Совет ответил, что *всеобщее помилование* было объявлено без их ведома, что они не одобряют подобные эксцессы, что Гуляз ударил каноника только в целях самообороны, после того как получил удар и увидел, как тот обнажает меч, и что, тем не менее, он был оштрафован. Совет добавил, что они пойдут дальше, чтобы удовлетворить Фрибурга. Немедленно они под звуки трубы запретили вывешивать какие-либо газеты без их разрешения; а затем, поскольку священники громче кричали против Оливетана, чем против Гуляза, синдики приказали, чтобы "на данный момент *школьный учитель* должен прекратить проповедь Евангелия". [907] Они воображали, что таким образом полностью искоренили зло. Ультрамонтанская партия, восхищенная этим триумфом, решила, что настал момент для проведения тщательной реакции. Священники начали искать Священное Писание, посещая каждую семью и требуя отречения от своего Нового Завета.

Народ начал роптать. "Священники хотят отнять у нас Евангелие Иисуса Христа, - говорили гугеноты, - а вместо него они дадут нам... что?... Римские басни.... Мы должны снова начать читать истории из "Золотой легенды". На самом деле вполне достаточно послушать их в церкви". Бодишон де ла Мезон-Нев и его друзья призвали совет показать себя христианами. Они утверждали, что постыдно видеть, как священники и монахи так мало заботятся о Евангелиях и посланиях и забивают уши своих прихожан человеческими выдумками. Оливетан часто говорил им, что у них нет намерения вводить новую религию, но восстановить старую - религию апостолов. Эту идею, такую простую и верную, было легко понять. Триумф, о котором

мечтали священники, превратился в триумф Евангелия. "Партия *лютеран*, - говорится в древнем манускрипте, - или, как они себя называли, *евангелистов*, с каждым днем становилась все многочисленнее и сильнее среди должностных лиц и народа". [908] Друзья Реформации, присутствовавшие на совете, начали смело заявлять о правах Слова Божьего. Другие, кто не был лютеранином, как правило, были честными людьми, и они считали, что проповедовать Евангелие, а не просто басни, очень по-христиански и даже вполне по-католически. Они не желали, чтобы о Церкви, к которой они принадлежали, говорили, что она поддерживалась видениями и мнимыми чудесами. Поэтому совет приказал (как представляется, единогласно) великому викарию Де Джинджину из Бонмона "принять меры к тому, чтобы в каждом приходе и монастыре Евангелие проповедовалось *согласно истине, без какой-либо смеси басен или других человеческих выдумок*". [909] Евангелисты, в свою очередь, были в восторге от этого приказа. Они знали, что магистраты не намеревались отменять римское богослужение; тем не менее, это был первый официальный акт в Женеве, направленный в пользу Реформации. Соответственно, они проявили большое уважение к синдикатам, при которых был принят этот указ: это были Гийом Хьюз, брат Безансона; Клод Савуа, человек огромной энергии; Клод дю Молар и Ами Порраль, умный, интеллигентный человек, уже принявший Евангелие.

=НУНЦИЙ И АРХИЕПИСКОП В ШАМБЕРИ.=

Без города мнения мужчин были совсем другими. Проповеди "в домах Женевы, *отвратительной лютеранской ереси*, которой учили даже в школах", [910] вызвали оживление в католических провинциях, прилегающих к городу, которое усилилось после *всеобщего помилования Иисуса Христа*. В Шамбери умы людей были сильно взбудоражены. Некоторые, потеряв всякое самообладание, хотели бы увидеть, как небесные молнии обрушатся на Женеву; другие, более милосердные и, возможно, более благоразумные, умоляли бы женевцев, даже со слезами, оставаться верными папству. Случилось так, что в это время во дворце епископа Шамбери собралась большая толпа священников; папский нунций проезжал через этот город, и архиепископ, нунций и его сопровождающие вели какой-то разговор о Женеве, громко сожалея о ее отступничестве. Нунций, ярый романист, немедленно довел бы факты до сведения папы, чтобы римский суд предпринял разбирательство в соответствии со строгостью церковных законов. Архиепископ остановил его; он предпочел обратиться с предварительным заявлением в совет. Соответственно, он написал письмо синдикам, в котором, упомянув различные обвинения против женевцев, добавил: "Может ли быть правдой, что подобные вещи происходят в городе, так долго славившемся своей верой?... Это было бы настолько серьезным делом, что мы были бы вынуждены немедленно сообщить об этом в Рим.... Предоставьте нам возможность сказать святому отцу, что вы будете сохранять постоянное доверие к святому апостольскому престолу". [911]

Синдики, у которых не было желания выступать ни в пользу Рима, ни в пользу Виттемберга, были сильно смущены. Один из них, однако, нашел способ выйти из затруднения. "Давайте не будем отвечать", - сказал он. Когда посланец архиепископа прибыл за ответом, синдики вызвали его к себе и передали следующее устное послание: "Скажите монсеньору, что мы желаем жить по-христиански и в соответствии с законом Христа". Архиепископ, нунций и папа могли понимать это так, как им заблагорассудится. Вскоре стало ясно, что Рим и Савойя не намерены позволять Женеве жить по *закону Христа*, на который ссылался город.

Но если папство испытывало беспокойство, евангельские христиане радовались. Они верили, что Реформация заняла важное положение, и, полагая, что женевцы более продвинуты в вере, чем они были на самом деле, радовались в предвкушении побед, которые эти новые члены евангелического сообщества одержат под своим общим знаменем. "Женевцы, — сказал один из них, - настоящие *христианские рыцари*, которые, не испытывая никакого уважения к людям, которые скоро уйдут из жизни, не боятся оскорбить своих начальников, врагов истины". - "Женевцы, - сказал другой, - энергичные люди: если они примут Евангелие, они будут знать, как распространять его в других местах". [912]

Старые евангелисты пошли дальше этого: они были полны любви к новым братьям. Они желали радушно принять их, протянуть им руку братства, принять их с милосердием Христа в ту маленькую и смиренную Церковь, которая должна была увеличиваться из года в год и из века в век. Однако они были не слишком оптимистичны: они знали моральное состояние женевцев; они знали, что маленькое стадо все еще слабо и только начинает произносить имя Христа и идти Его путем. Поэтому эти старые христиане хотели подойти к нему, как отец подходит к своему ребенку, взять его за руку, указать на опасности, которыми он был окружен, и заклинали его оставаться твердым и возрастать в той вере, которую он начинал смело исповедовать.

=ПИСЬМО ОТ БРАТЬЕВ ИЗ ПАЙЕРНА.=

Между Альпами и Юрой, на дороге, ведущей из Лозанны в Берн, расположен небольшой городок, много веков назад окруживший аббатство, которое знаменитая королева Берта объявила неподвластным никакому сюзеренитету, даже папскому, и которое в 1208 году оказало сопротивление императору Родольфу Габсбургскому. В июне 1532 года в одном из домов этого города Пайерна собрались несколько благочестивых христиан под руководством своего пастора Энтони Сонье из Муарана в Дофини, друга Фареля. Они беседовали о *разрушении папистского государства* и новостях, которые они получили из Женевы, и были полны надежды, что этот город вскоре внесет свой вклад в столь желанное разрушение. Один из них предложил отправить письмо женевцам. Они немедленно начали писать его, и вот слова, с которыми эти простодушные христиане обратились к епископальному городу: -

"Мы слышали, что слава Божья посетила вас, его благодать, как его избранных детей, и что сейчас он призывает вас своим вечно спасающим голосом. Возлюбленные в Иисусе Христе, примите слово Великого Пастыря, который однажды отдал себя и был принесен в жертву живому воинству для спасения всех верующих. Бог являет вам великое богатство Своей славы; он приглашает нас оставить учение людей и следовать учению нашего единственного Спасителя Иисуса Христа, которое делает нас новыми созданиями и наследниками царства Божьего. Верьте в это учение всем своим сердцем, не испытывая стыда или страха перед людьми; имея уверенность, что оно доброе, святое и единственное, способное спасти, и что все остальные, противостоящие ему, порочны и достойны осуждения. Не бойтесь большого числа и силы ваших врагов; но, ради любви Иисуса Христа, который совершил ваше искупление и который даровал нам отпущение всех наших грехов, будьте готовы не только отказаться от вашей чести, вашего имущества и ваших семей, но даже отречься от самих себя, заявляя вместе со Святым Павлом, что ни слава, ни скорбь, ни смерть, ни жизнь не разлучат вас с Евангелием спасения....

"Теперь мы, ваши братья во втором и духовном рождении, молим Отца светов завершить то, что он начал в вас, и осветить очи вашего сердца истинным евангельским светом, чтобы вы могли познать великие и невыразимые богатства, уготованные тем, кто освящен кровью Христа. Поэтому отрекитесь от царя этого мира и всех его последователей, под знаменем которых вы и мы когда-то ходили, и признайте нашего Господа своим единственным учителем, своим единственным Богом и Спасителем, который дает нам царство небесное без денег и бесценок. Следуйте не тому, что кажется вам хорошим и приятными, но заповеди Бога, нашего Отца, ничего не добавляя и ничего не отнимая. Пусть Его благодать будет написана в ваших сердцах, и пусть вы передадите ее тем, кто все еще невежествен и слаб, посредством кроткого и нежного учения, чтобы стадо Иисуса Христа могло увеличиваться вами ежедневно. Наш Господь Бог за вас, и весь мир не может одолеть его. Будьте знаменосцами на земле цветов нашего Спасителя, чтобы с вашей помощью Святое Евангелие могло быть распространено во многих странах".

Совет поместил письмо в городской архив, где его можно увидеть до сих пор. [913]

=СТАНДАРТ, УСТАНОВЛЕННЫЙ В ЖЕНЕВЕ.=

Женева была все еще далека от чистого и живого христианства, которым дышит это письмо. Драка между Гулязом и Вернли, суматоха, вызванная в городе плакатами Бодишона де ла Мезон-Нев и его друзей, имели мало общего (беспристрастность вынуждает нас признать) с той картиной, столь полной кротости, которую нарисовал для нас сам Иисус Христос, описывая слугу Божьего: *"Он не будет ни бороться, ни кричать, и никто не услышит его голоса на улицах."* [914] Но лишь постепенно старый человек исчезает, и на смену ему приходит новый. его место. Возможно, было бы чересчур ожидать, что эти энергичные гугеноты, защищавшие свою свободу с мужеством львов, вдруг станут кроткими, как ягнята. Но в этом городе уже можно было найти души, которые превыше всего ценили *великое прощение Иисуса Христа*. Провозглашение спасения по благодати, которое мы описали, знаменует собой важную эпоху в истории Женевской реформации. Все человеческие религии представляют спасение как обретаемое делами и обрядами человека; единственная божественная религия, Евангелие, провозглашает, что Бог дает его, что он дает его через Иисуса Христа, и что всякий, кто принимает эту уверенность в свое сердце, становится новым творением. Таков был стандарт, установленный в Женеве в 1532 году. Слуги Божьи, будь то уроженцы этого города или беженцы, должны были быть, согласно прекрасному языку письма из Пайерна, "знаменосцами на земле"; и, крепко держа знамя Евангелия, они были призваны, возможно, больше других, в шестнадцатом веке "нести его во многие страны".

Все указывало на то, что реконструкция Женевы продвигается вперед; но ей еще предстояло преодолеть множество препятствий и проделать большую работу. Вот-вот должны были появиться мощные инструменты для их достижения.

До сих пор дыхание Реформации доносилось до Женевы с равнин Франции и гор Швейцарии. Мужья Божьи, которым предстояло больше всего потрудиться над преобразованием этого города, особенно Фарел, воздействовали на него только извне. Но еще два месяца, и этот великодушный евангелист войдет в город гугенотов; другие последуют за ним; они будут изгнаны из него друзьями Рима; но они вернутся с новой решимостью и будут трудиться с неутомимым рвением, пока после долгой тьмы мы, наконец, не увидим, как в нем воссияет свет Иисуса Христа.

=ЖЕНЕВА АТАКОВАНА ДВУМЯ СТОРОНАМИ.=

В то время древнему городу не приходилось бороться с какой-либо одной партией: на него напали сразу две враждующие группировки: епископ, с одной стороны, и реформаторы, с другой. Какая из этих двух армий завоюет его?—Женева, как ни странно, отвергает обе. Неужели этому городу суждено не принадлежать ни Евангелию, ни Риму? Этого не могло быть, и в это время появились различные симптомы, указывающие на приближающееся решение.

Фанатизм женевского духовенства, уважение, испытываемое магистратами к существующим институтам, энергия, с которой часть народа отвергала Реформацию, казалось, показывали, что движение, которым тогда была охвачена Женева, закончится просто упразднением светской власти епископа.

Но появились и другие признаки, указывающие на другой вывод. По мере того, как любовь к Слову Божьему возрастала в сердцах людей, уважение к римской религии уменьшалось. Евангельские христиане говорили, что спасение - это дело вечности, в то время как правительство, даже если оно церковное, является всего лишь преходящим; что права на истину имеют приоритет над всеми претензиями клерикалов и что авторитет Священного Писания выше авторитета понтифика.

Более того, появился новый элемент. Церковное общество погрузилось в сон и смерть; в шестнадцатом веке Реформация пробудила его и вернула к активности и жизни. Фарел - один из самых замечательных представителей этого христианского одушевления; его безграничный пыл, его неутомимый труд с Божьей помощью обеспечили победу.

Это правда, что эта новая сила вскоре выступила против Реформы. Римская церковь также проснулась и пришла в движение, особенно после основания ордена иезуитов; но ее деятельность сильно отличалась от деятельности реформаторов. Последнее спустилось сверху; римское духовенство пришло снизу. Во всяком случае, папство вскоре стало таким же энергичным, как протестантизм. В этом была опасность, но, вероятно, была и польза. Если бы ее противники продолжали дремать, Реформация могла бы закончиться таким же сном. Активность намного лучше бездеятельности без надежды. Тогда давайте не будем бояться. Борьбой Церковь очищается, христианин становится сильнее, и дело истины и человечности торжествует.

=БОРЬБА В ЖЕНЕВЕ.=

Женева собиралась приобрести большой опыт проведения подобных соревнований, и агитация в ее стенах должна была становиться ожесточеннее день ото дня. Бои снаружи и бои внутри. На заре Реформации и древней (но все же новой) свободы против них выступят епископ, герцог, император, дворянство и их вассалы, а также савойские войска, помимо опытных итальянских отрядов, которыми командуют одни из самых способных военачальников эпохи.... В то же время внутри будет яростно бушевать битва. Папство, встревоженное тем, что одна из его старейших крепостей находится под угрозой, издаст крик ярости; все друзья римского духовенства вострепнутся, будут агитировать и сражаться; яростная оппозиция поднимет свою гневную голову. Будут не только тайные советы, предательские заговоры, фанатичные проповеди и ожесточенные дискуссии; но и беспорядки на улицах, вооруженные люди, пытающиеся остановить проповедь Слова, пушки, установленные на общественных площадях, нападения с применением меча, аркебузы и кинжала, тюремное заключение, изгнание и отравление.... При

виде этих жестоких сражений и повторяющихся бедствий мысли историка становятся беспокойными и запутанными. Ему кажется, что силы тьмы собирают свои силы в древнем городе. Ему кажется, что он может видеть то таинственное существо, которое великий поэт описывает в своих бессмертных стихах как замышляющее гибель мира, в тот самый момент, когда, невинно и славно улыбаясь, мир покинул руки Создателя — он может видеть сатану, спускающегося, как он когда-то вошел в Эдем, и отбрасывающего огромную тень своих "широких фургонов" на гигантские Альпы, на их белые вершины, на их спокойные чистые озера и улыбающиеся холмы, и пикирующего на башни старого собора, чтобы сразиться с советами Царя Небесного, и, рассеивая свои коварства и ярость, спускающегося в Эдем. все вокруг выступают против нового сотворения нового мира. [915]

Но всем этим усилиям сил тьмы люди Евангелия противопоставят блистательную армию света. Они будут провозглашать любовь Божью, они будут возвещать о работе Христа, они будут провозглашать благодать. Они будут повторять вместе с Иисусом Христом, что *плоть ни в чем не приносит пользы*; то есть, что величие гордой иерархии Рима, могущество ее брэнного царства, множество ее слуг во многих странах и в таких разнообразных одеяниях, пышность, с помощью которой ее богослужение стремится пленить чувства, оракулы ее традиций, иногда приукрашенные соблазнами человеческой философии, — все это бесполезно; но эта сила принадлежит Богу, что спасение в безумии креста, и что именно *Дух оживляет людей*. И, благодаря духовному оружию, которое они используют, два или три скромных орудия Слова Божьего рассеют советы их ужасного противника, разрушат его крепости и обратят в прах барьеры, которые он воздвиг против познания Бога. Грубый Фарел, нежный Вирет, слабый Фромент победят римскую власть в Женеве еще до того, как появится Кальвин, великий военачальник. Бог избирает слабости мира, чтобы посрамить то, что является могущественным, и то, чего нет, чтобы свести на нет то, что есть. [916]

[899] См. Буллу *Antiquorum habet* в "Экстравагантном". *Коммун. lib. v. tit. ix. cap. 1.*

[900] В наше время Лев XII. отпраздновал юбилей в 1825 году, а Григорий XVI - в 1833 году.

[901] Plautus.

[902] Розет положительно утверждает (liv. ii. глава, lxvi.), что эти плакаты были напечатаны. См. также Бернскую РУКОПИСЬ., *История. Гельвет. v. стр. 12.*

[903] 'Exarsit hic statim furor, nec verbis tantum erupit, sed et armis.—*Geneva Restituta*, p. 37.

[904] История под именем Бонивар, Бернская рукопись. *История. Гельвет. v. стр. 12.*

[905] 'Hinc rixæ, conflictus, et enses utrinque expediti.'—*Geneva Restituta*, p. 37.

[906] 'Dissidiis civilibus fessa imperium acciperet.'—*Geneva Restituta*, p. 38.

[907] 'De prædicante Evangelii.'—*Registres du Conseil des 24, 27, 30 juin, et du 25 juillet. Спон, Хист. de Genève, ii. p. 463.*

[908] Бернская РУКОПИСЬ. *История. Гельвет. v. стр. 12.*

[909] *Registres du Conseil des 30 juin, 12 juillet, 20 août. Спон, Хист. de Genève, ii. pp. 464-466.*

[910] *Archives de Genève, No. 1069.*

[911] Archives de Genève, No. 1069. Спон, *Хист. de Genève*, i. p. 466. Габерель, i. стр. 110.

[912] Ручат, iii. с. 136-140. 'Epître des amateurs de la sainte Evangile de Payerne à ceux de Genève.' Archives de Genève, No. 1070. *Протестантская Франция*, арт. Сонье.

[913] Архив, № 1070. 'Epître des amateurs de la sainte Evangile de Payerne.'

[914] Матфея xii. 19.

[915]

- Он прокладывает себе путь

Прямо к новосозданному миру,

И человек, помещенный туда с целью анализа

Если его применить силой, он может уничтожить или, что еще хуже,

Каким-то лживым коварным извращенцем.

Потерянный рай, bk. iii.

[916] 1-е Коринфянам, i. 27, 28.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА.

ЛОНДОН

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ"

НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР